

ПРОГРАММА
ОБНОВЛЕНИЕ
ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИИ

ЭТНОЛОГИЯ

ПРОГРАММА
ОБНОВЛЕНИЕ
ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИИ

ЭТНОЛОГИЯ

УЧЕБНИК
Для высших учебных заведений

Под редакцией
Г.Е. МАРКОВА и В.В. ПИМЕНОВА

МОСКВА "НАУКА"
1994

Данное издание представляет собой авторскую работу, вошедшую в число победителей в открытом конкурсе "Гуманитарное образование в высшей школе", который проводится Государственным комитетом РФ по высшему образованию и Международным фондом "Культурная инициатива".

Конкурс является составной частью программы "Обновление гуманитарного образования в России".

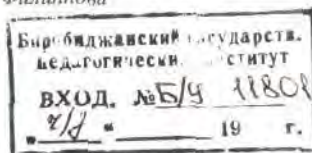
*Спонсором программы
является известный американский предприниматель
и общественный деятель Джордж Сорос*

*Стратегический комитет программы:
Владимир Кинелёв, Владимир Шадриков, Валерий Месъков,
Теодор Шанин, Дэн Дэвидсон, Виктор Галичин*

*Авторский коллектив:
Э.Г. Александренков, Л.Б. Заседателева, Ю.И. Зверева, К.П. Калиновская,
В.В. Карлов, В.И. Козлов, К.И. Козлова, М.В. Крюков, Л.П. Лапук, Э.С. Львова,
Г.Е. Марков, В.В. Пименов, С.П. Поляков, П.И. Пучков*

*Рецензенты:
доктора исторических наук
Л.М. Дробижева, М.С. Кашуба*

*Редакторы издательства:
Р.С. Голованова, Т.Е. Филиппова*

Э 91 **Этнология. Учебник. Для высших учебных заведений / Э.Г. Александренков, Л.Б. Заседателева, Ю.И. Зверева и др. – М.: Наука, 1994. 383 с.**
ISBN 5-02-010843-X

Основное содержание учебника составляет развернутая этническая картина мира. Этнологический (этнографический) материал распределяется по крупным историко-этнографическим регионам и странам, а внутри них по народам. Особое внимание уделено теоретическим проблемам: классификации народов мира, их языков и антропологического состава, хозяйственно-культурных типов; теории антропогенеза, теории этноса, типологии хозяйства, материальной и духовной культур. В учебнике рассматриваются источники и методы исследования этнологической науки. Формулируются определение этнологии как науки, ее предмета и задач, рассматривается история этнологической науки.

Для студентов исторических и других факультетов российских университетов, русскоязычных студентов из университетов ближнего зарубежья, а также для аспирантов, преподавателей вузов, для широкой читательской аудитории, проявляющей интерес к этнологии (этнографии) народов мира.

Э 0603050000-202
042(02)-94 Без объявления

ББК 63.5

ISBN 5-02-010843-X

© Э.Г. Александренков, Л.Б. Заседателева,
Ю.И. Зверева и др., 1994
© В.В. Медведев, худож. оформление, 1994

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этнология (этнография, наука о народах) – научная дисциплина, которая вот уже около полутора столетий представляет собой один из учебных предметов, преподаваемых в университетах Европы и Америки, а позднее – и других стран. В России этнология преподается в Московском университете с начала 1880-х годов, а в Петербургском – с 1890-х годов. Этнологию изучают студенты исторических, географических, социологических и других факультетов.

Настоящий учебник подготовлен сотрудниками кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук. Подобного рода попытки предпринимались еще в начале века Н.Н. Харузиным и В.Н. Харузиной, читавшими курс лекций по этнографии в Московском университете, на Высших женских курсах и в Московском археологическом институте¹. Последующие учебные издания по этнографии (этнологии) вышли много позднее: в 1929 г. – труд П.Ф. Преображенского "Курс этнологии", в 1968 г. – учебное пособие "Основы этнографии" под редакцией проф. С.А. Токарева, а в 1982 г. – учебник "Этнография" под редакцией акад. Ю.В. Бромлея и проф. Г.Е. Маркова.

За прошедшее с тех пор время на политической и этнической картах мира и в развитии этнокультурных процессов произошли существенные изменения. Опубликованы новые этнологические труды, значительно расширяющие наши представления о народах мира, возникли новые теоретические направления в этнологии, что обусловило необходимость издания нового учебника.

Это издание учебника по этнологии народов мира рассчитано, как и предыдущие, главным образом, на студентов младших курсов исторических факультетов. Его следует рассматривать не как полное изложение науки этнологии, ее принципов, изучаемых ею фактических данных и закономерностей, а лишь в качестве элементарного введения в науку, первого путеводителя по ее не вполне еще разведанным областям. Более глубокие и подробные знания по этнологии можно получить, избрав специализацию по соответствующей кафедре.

Как в отечественной, так и в мировой практике для обозначения этнологии пользовались и пользуются разными терминами. В прошлом в России чаще употреблялся термин "этнография"; в настоящее время специалисты в большей степени склонны к устранению различий с терминологией, принятой в мировой науке, и предпочитают термин "этнология".

В новом учебнике присутствуют теоретические разделы, содержащие изложение ряда вопросов этнологической теории. Однако основное его содержание посвящено описанию народов мира, их географическому размещению, антропологической, языковой и хозяйственно-культурной группировкам, отчасти проблемам этногенеза (происхождения и формирования) и этнической истории, характеристике традиционной и современной культуры. Должное внимание уделяется и современным этнокультурным, этнорелигиозным и другим процессам. Такого рода сведения позволяют существенно пополнить общеисторическую подготовку студентов-историков, не специализирующихся в области этнологии (этнографии), а также послужить своеобразным введением для тех, кто предполагает посвятить себя изучению этой науки.

¹ Харузин Н.Н. Этнография. СПб., 1903. Вып. I–IV; Харузина В.И. Этнография. М., 1914. Вып. I–III.

Разумеется, рассказать обо всех теориях и гипотезах в одной книге нет ни возможности, ни необходимости, и квалифицированный специалист-этнолог не найдет в учебнике детальных сведений о народах мира и оттенках теоретической мысли по этнологии. То же самое касается эмпирического материала. На Земле обитает множество народов, племен и этнографических групп, подробное описание которых содержится в специальных трудах. Поэтому авторы учебника ограничились лишь примерами, дающими, впрочем, достаточно полное представление о прошлом и настоящем народов мира, об их этнокультурном и этническом развитии. Главная задача настоящего пособия – показать научную этнокультурную картину современного мира.

Авторы стремились расположить главы учебника, руководствуясь по преимуществу регионально-географическим принципом. Однако в ряде случаев пришлось от него отступить, принимая во внимание также особенности расселения и этнолингвистической классификации этносов и их языков. Так как настоящее издание учебника "Этнология" выходит без иллюстраций и карт, авторы рекомендуют студентам и всем изучающим эту дисциплину пользоваться наглядным материалом из следующих изданий: Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988; Атлас народов мира. М., 1964; Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1958, а также прежними изданиями учебников "Основы этнографии" и "Этнография".

В написании учебника принимали участие: Э.Г. Александренков, Л.Б. Заседателева, К.П. Калиновская, В.В. Карлов, К.И. Козлова, В.И. Козлов, М.В. Крюков, Л.П. Лашук, Э.С. Львова, Г.Е. Марков, В.В. Пименов, С.П. Поляков, П.И. Пучков.

Библиография составлена Ю.И. Зверевой. Организационная работа проведена Т.Г. Мунчаевой и Е.И. Тагиевой.

Глава первая

ЭТНОЛОГИЯ: ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ, ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ

ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ ЭТНОЛОГИИ

Около 4 млн лет тому назад в биосфере планеты Земля начался процесс, получивший по мере своего усиления и развития чрезвычайно большое и важное значение: речь идет о процессе антропогенеза. В ходе сложной и противоречивой истории происходило не только физическое и социальное совершенствование человечества как вида, но также формирование измененной, очеловеченной, среды его обитания – населенной земли или ойкумены. Мало-помалу, с нарастанием исторической скорости совершающихся экономико-социальных и культурных изменений человечество заселило Старый Свет, а в позднем палеолите – около 40 тыс. лет тому назад – начало постепенное освоение и Западного полушария. Человеческая деятельность, труд и разум людей создавали каждый раз, на каждом последующем историческом этапе, новые условия социальной жизни на планете. Совершенствование техники и энергетики труда (от простого использования огня до производства электроэнергии на АЭС), создание планетарных систем коммуникаций (от проселочных дорог, волокуш и лодок-долбленок до железнодорожного, водного и трубопроводного транспорта), формирование глобального информационного поля (от устной передачи фольклора до разнообразной прессы, кино, ТВ и других форм и типов создания, записи, хранения и передачи информации), складывание системы объективных знаний (от самых ранних отражений природы и социальной жизни в сознании первобытных охотников и собирателей до сложнейших современных научных теорий и концепций) – все эти и другие факторы способствовали приобретению ойкумены свойств и характера нового планетарного качества – ноосферы (Э. Ле-Руа, П. Тейяр де Шарден, В.И. Вернадский), т.е. сферы человеческого разума, уже существенно выходящей за пределы биосферы, но обладающей таким воздействием на мировые процессы, которое сопоставимо с влиянием геологических процессов.

С точки зрения социальной науки и в аспекте своего коренного содержания ноосферные процессы законно рассматривать как социосферные, потому что смысл происходящего в ойкумене в целом и в каждом ее регионе раскрывается как социальное развитие. Вместе с тем это развитие, будучи единым и планетарным в качестве всеобщего процесса, имеет неравномерный и пульсирующий характер как региональные и социально-групповые проявления. Из этого следует, что социосфера не представляет собою чего-то вроде равномерного слоя, покрывающего заселенную землю, а существует и функционирует в виде региональных и конкретно-индивидуальных способов самореализации социальной жизни. В современной науке их называют этносами.

Этносы возникали вместе с развитием людей и их социальных групп, будучи одной из форм человеческой групповой интеграции. Некоторые ученые предполагают, что уже в раннем палеолите существовали групповые формы бытия формирующихся людей (питекантропов, синантропов, гейдельбергцев, неандертальцев), которые гипотетически допустимо считать предэтносами. Что же касается позднего палеолита, т.е. времени появления человека современного вида (*Homo sapiens erectus*), то применительно к этому времени и позднейшим периодам можно уверенно говорить об этносах эпохи первобытно-общинного строя – племенах и их группах, которые называют также соплеменностями.

В каждую последующую крупную эпоху исторической жизни общества формировались соответствующие этим эпохам виды, типы и разновидности этносов – народности древневосточного и античного типа, средневековые народности эпохи феодализма, нации капиталистической эпохи; есть исторические основания полагать, что этносы посткапиталистической эпохи могут иметь существенные отличительные характеристики. Нет сомнения и в том, что в различных исторических и региональных условиях формирование и функционирование этносов имели свои, нередко существенные, черты своеобразия. Легко также понять, что такая эпохально изменяющаяся регионально-индивидуальная дифференциация социосферы создает все необходимое и достаточное для ее понимания и истолкования в качестве планетарной этносферы.

Объектами изучения этнологии являются, таким образом, этносы или этнические общности. Следует также принять во внимание, что в отечественной и мировой науке не сложилось общепризнанного понимания природы, характера и строения этноса. В обществе издавна возникали и имели устойчивое бытование религиозно-идеалистические способы объяснения многообразия этнического состава населения Земли. Один из них – библейский рассказ о попытке возведения Вавилонской башни, завершение которого бог Яхве предотвратил, разделив строителей по языковому (и, соответственно, этническому) принципу: в результате этого разделения будто бы и возникли различные языки и народы. Подстать древней легенде также некоторые философско-рационалистические построения. В их числе концепция "народного духа" (*Volkgeist* – нем.), будто бы являющегося руководящим элементом в системе нации (этноса). Эта концепция, имевшая широкое хождение в социальной науке XIX в., восходит к философской системе Г.В.Ф. Гегеля, в которой "абсолютная идея" или "абсолютный дух" имеют свое "инобытие" в развитии так называемых "исторических народов".

В XX в. стали широко бытовать различные представления о нациях (народностях, национальностях, т.е. этносах) как о таких общностях, в основе которых лежит "этническое самосознание", а происхождение последнего оставалось невыясненным. Такая недосказанность создает возможности для трактовки этноса в чисто психологическом или даже субъективно-идеалистическом духе, что едва ли способствует его разностороннему комплексному изучению.

Наконец, в 1980-х и 1990-х годах сделаны также попытки трактовать этносы полностью в субъективном духе: с одной стороны, этнос представляют себе как лишь мыслительный конструкт, о котором не известно, имеет ли он что-либо общее с реальностью, а с другой стороны, сама этническая реальность (в условиях интенсивного развития средств массовой информации и прочих средств социального управления и манипулирования общественным сознанием) мыслится столь податливой и эластичной, что будто бы допускает, по сути дела, любые или почти любые способы и формы конструирования этнических общностей по произволу управляющего субъекта (государства, общества и т.п.). Эта концепция едва ли будет признана научным сообществом, так как ее теоретический смысл состоит в отрицании и ликвидации науки, а практическое применение оправдало бы любую волюнтаристскую акцию.

Хотя проблемы изучения этнических общностей подвергались и подвергаются изучению всей мировой этнологией, все же теория этноса в относительно большей мере привлекала к себе внимание российских ученых. Свой вклад в ее разработку внесли многие отечественные исследователи. В российской науке всегда преобладали теоретические взгляды на этнические общности как на реально существующие объекты, которые закономерно возникают, функционируют, эволюционируют и взаимодействуют. Это обстоятельство и теперь остается сильной стороной отечественной этнологии.

Вместе с тем в современной отечественной этнологии соревнуются ради-

кально различающиеся теории (концепции) этноса. Одна из них – биологизирующая сам феномен этноса и восходящая отчасти к традициям социал-дарвинизма, а отчасти к идеям ряда русских этнологов первой четверти XX в. (С.М. Широкогорова и др.) – в течении ряда лет выдвигалась и поддерживалась Л.Н. Гумилевым. Смысл ее в том, что этнос в ней трактуется в качестве природного (биологического) явления и изучается в рамках географии (этнография или этнология считается географической дисциплиной). Тем не менее культура, создаваемая этносами, странным образом рассматривается в качестве социального явления. История человечества выглядит как цепь многочисленных этногенезов (формирований все новых этносов из обломков тех, что пришли к своему упадку и концу).

Причиной формирования и развития этноса является будто бы так называемый пассионарный толчок, истоки которого автор ищет за пределами этноса и даже за пределами Земли, а реальными организаторами этноса и этнического процесса считает особо энергичных и деятельных людей, спаянных общей целью и общими интересами – пассионариев. В своем бытии, которое в каждом отдельном случае имеет будто бы одинаковую длительность – около 1500 лет, этнос проходит ряд обязательных фаз от скрытого или инкубационного этапа через акматическую стадию подъема к фазам, знаменующим его упадок и затухание. В процессе своего роста и усиления этнос может объединить в политикокультурное образование несколько или даже много этносов, которые в таком случае образуют суперэтнос (арабы эпохи Халифата, Византия периода расцвета, Россия XIX в. и т.п.). Чрезмерное упрощение природы этноса, по сути дела, сведение закономерностей этнической жизни к закономерностям природных объектов (редукционизм), отрицание возможности социального воздействия (влияния) на этнические процессы, логическая несогласованность ряда основополагающих идей теории – таков далеко не полный перечень слабостей и погрешностей этой концепции.

Наибольшим распространением среди российских этнологов пользуются дуалистические представления об этносе. Их сущность полнее всего изложена в трудах Ю.В. Бромлея. Исходный пункт этой теории состоит в том, что в этносе будто бы по-разному сочетаются, с одной стороны, так называемые собственно этнические свойства и характеристики (этнический язык, народно-бытовая культура, обрядовая жизнь, этническое самосознание, закрепленное в этнониме – самоназвании этноса), а с другой стороны, такие, которые рассматриваются преимущественно в качестве условий формирования и бытия собственно этнических элементов (природно-географо-территориальные, экономико-социальные, государственно-правовые и т.п.). В соответствии с этим делением этнос получает якобы двойственную (дуалистическую) природу и как бы два смысла – узкий и широкий. Этнос в узком смысле получил наименование "этникос" (греческое прилагательное от "этнос") и включил в себя перечисленные "собственно этнические" характеристики, а этнос в широком смысле был назван этносоциальным организмом (сокращенно ЭСО) и, таким образом, выглядел как сочетание собственно этнических элементов и, кроме того, условий его складывания и функционирования. Наиболее часто приводимый случай приложения к реальности узкого и широкого смысла понятия "этнос" – пример украинцев: все украинцы, живущие в мире, в том числе и в Канаде – это этникос, а украинцы, обитающие в пределах Республики Украины – этносоциальный организм.

Заслугами дуалистической концепции можно, пожалуй, считать, во-первых, широкое распространение представления об этносе как главнейшем объекте изучения этнологической науки, а во-вторых, одну из серьезных попыток теоретического решения вопроса о воспроизводстве этноса. Воспроизводство этноса тоже мыслится как двоякий процесс. С одной стороны, это усвоение каждым последующим поколением социальных и культурных традиций, привычек, обычаев и т.п. через посредство социализации, а в этническом аспекте – этнизации личностей и

групп. С другой стороны, воспроизводство этноса обеспечивается механизмом этнической эндогамии, т.е. преобладанием заключения моноэтнических браков и образования этнически гомогенных (однородных) семей; в случае преобладания этнически гетерогенных (смешанных) браков возможны прорыв этнической эндогамии и постепенная ассимиляция этноса.

Исследователи, впрочем, обращали внимание также на слабости и промахи дуалистической концепции этноса. Чаще всего указывают на необоснованность чрезмерного противопоставления "собственно этнических" и "внеэтнических" сторон и элементов в строении этнических общностей, принимая во внимание тот факт, что этнические процессы могут совершаться динамично, нередко образуя обширные этнические диаспоры, которые в свою очередь концентрируются на новых местах расселения, образуя новые этносы (франко-канадцы, кубинцы, англо-австралийцы и мн.др.). Таким образом, этникос есть не особое качество этноса ("узкий смысл", "собственно этнос"), а лишь одно из многих состояний в этнической динамике. Наряду с этим этносоциальный организм (ЭСО) также отражает не "широкий смысл" самопроявления этноса, а лишь не слишком многочисленные частные случаи сочетания разных сторон этноса с фактами относительной экономико-политической и государственной обособленности.

К числу интересных концепций этноса следует также отнести оригинальное научное построение, выдвинутое некоторыми исследователями, в частности Н.Н. Чебоксаровым, которое удобно назвать информационной концепцией этноса. Оно базируется на представлении о том, что во всяком социальном образовании, как и в обществе в целом, устойчиво циркулируют потоки сообщений (информации), имеющие свои генераторы (источники) и реципиентов (тех, кто их воспринимает). Отсюда делается предположение, что в границах устойчивых социальных общностей, каковы, например, этносы, информационные потоки должны быть интенсивнее и насыщеннее, чем за их пределами. Дальнейшее развитие концепции связано с мыслью о том, что в разных исторических типах этносов — от племени до современной развитой нации — плотность информационных потоков различна и по мере исторического развития она возрастает. Все классические проблемы этноса предполагается рассматривать с изложенной точки зрения.

Теоретическая ясность и стройность информационного подхода к этносу несомненны. Однако трудности с его научным использованием все же значительны. Одна из них состоит в том, что в рамках этноса циркулирует не только та информация, которая имеет свое бытие в направленных сообщениях (устной и письменной речи, газетах, книгах, передачах радио, ТВ и пр.); своей информационной стороной обладает вся, так сказать, ткань этноса — от особенностей его расселения до психологических характеристик входящих в него людей. Теория в ее современном виде не дает ответа на вопросы, представляет ли эта последняя информация интерес при исследовании этноса и каким образом она может быть изучена. Другая трудность сопряжена с тем, что информационная концепция этноса не приведена ее авторами к инструментальному виду — не сопряжена с методами и техникой исследовательской работы.

Не исключена, впрочем, возможность того, что информационная концепция этноса может найти дополнение и подкрепление со стороны системно-статистической или компонентной теории. В этом случае этнос рассматривается как исторически возникшая и эволюционирующая сложная самовоспроизводящаяся и саморегулирующаяся социальная система, обладающая многоставной композицией (структурой). Структурными образованиями высшего порядка являются компоненты, которые сами имеют сложное строение. Эти компоненты следующие: расселение этноса (*T*-компонента), его воспроизводство как части населения и свойственная ему демографическая структура (*D*), производственно-экономическая деятельность и ее характер (*E*), система социальных отношений и институтов (*S*),

язык и разнообразные формы речевой деятельности (*L*), создание, использование и сохранение культуры (*K*), быт или устойчивые стереотипные способы ритмичного поведения, которые реализуются в обычаях, социальных привычках, обрядах и т.п. (*C*), существенные стороны психологического восприятия своего этноса и общей этнической картины мира (*P*) и, наконец, система личностного контактирования и взаимодействия (*R*). Число компонент может изменяться в зависимости от детальности анализа. Все компоненты тесно связаны друг с другом и взаимозависимы. Каждая компонента этноса может быть теоретически и инструментально разложена на приемлемое количество признаков-индикаторов, с помощью которых описываются реальные стороны реальных этносов.

Компонентное описание и дальнейшее изучение каждого конкретного этноса удобны в том отношении, что они, не порывая с традициями классической этнологии (этнографии), открывают возможность применения методов системного подхода и вариационной статистики. Создание инструментария (стандартных вопросников и проч.), использование выборочного метода, машинная переработка собранных данных и их анализ на основе математической теории информации – все это открывает путь для моделирования структуры этноса. Исследователи ставят также вопрос о поисках приемов моделирования того, как функционирует этнос, о машинной имитации этнического процесса.

По поводу компонентной теории этноса высказывались опасения, что она представляет собой слишком "жесткую" и отвлеченную научную конструкцию, не оставляющую будто бы места для отдельной человеческой личности – носителя этнических свойств (этнофора). Однако такого рода упреки едва ли справедливы. Определения, постулаты и модели этой теории не более отвлеченны, чем любые другие научные построения, так как никакая наука не может обойтись без абстракций. Вместе с тем концепция предусматривает, что собирание информации, главным образом, осуществляется как раз путем опроса *этнофоров*, т.е. именно личностей – носителей этнических свойств и характеристик.

Следует, впрочем, отметить, что в составе как описанных выше, так и других, здесь не упомянутых, этнологических теорий и концепций имеется немало идей, соображений, гипотез и догадок, критическое освоение которых, несомненно, пойдет на пользу науке. Из сказанного также вытекает, что содержание этнологии (этнографии, народоведения) совсем не совпадает с теми обыденными представлениями, которые совершенно неосновательно приписывают этой науке интерес лишь к экзотическим странам и народам, к архаическим проявлениям быта и социальной реальности, а также к малосущественным и далеким от запросов жизни элементам народной культуры. В действительности этнология изучает:

- а) возникновение этносов (этногенез),
- б) историческую эволюцию этносов (этническую историю),
- в) современную жизнь этносов (их актуальное функционирование) и, наконец,
- г) возможные пути развития этносов в обозримом будущем (проблемы этнического прогнозирования).

Если обратиться к конкретному (исследовательскому) опыту современной этнологии, то выясняется следующий, конечно, не претендующий на полноту перечень тем, проблем и научных направлений, которые чаще других изучают специалисты:

расселение народов, их этнонимия (самоназвания – эндоэтнонимы; названия, данные другими народами – экзоэтнонимы) и другие аспекты динамики размещения этносов, связанные с изучением этнических территорий и этнических границ;

социальные группы (слоя, классы, сословия и т.п., в том числе современные и исторические) в составе этносов, а также этнические группы в составе классов, социальных слоев, институтов и проч., что составляет предмет занятий специальной этнологической дисциплины – этнической социологии;

демографические процессы, происходящие в этносах, или динамика численности народов;

субэтнические группы и образования (например, йомуды и текинцы в составе туркмен, северные и южные великорусы и др.), среди которых выделяют собственно *этнические* группы, т.е. такие, которые обладают групповым самосознанием, и *этнографические* группы, т.е. те, что по каким-либо признакам выделяются учеными (исследователями) и особого самосознания не имеют;

различные аспекты традиционно-исторической и современной народной и профессиональной культуры народов — их поселения, жилища, орудия и утварь, системы питания, одежда и украшения, художественная культура;

хозяйственные занятия, экономическая деятельность и их воздействия на этносы;

обряды, обычаи, нравы и верования народов;

языковое поведение и его влияние на этносы;

проблемы этнического сознания и самосознания;

политологические вопросы, связанные с этническими интересами, межэтническими (в том числе конфликтными) отношениями и т.п.

• Говоря обобщенно, этнология как наука изучает этнические процессы, т.е. разнообразные аспекты жизнедеятельности этносов, включая изменение людьми своего этнического самосознания и своей этнической принадлежности.

В разное время этнологию (этнографию, народоведение) рассматривали то как географическую, то как культуроведческую, то как социологическую, то как историческую дисциплину. Все эти подходы основывались на некоторых реальных обстоятельствах. В самом деле, этносы обладают пространственной выраженностью, социальной структурой, культурной компонентой и историческим бытием. Отечественные этнологи считают этот последний факт решающим для причисления этнологии к комплексу исторических наук. Это разумно и служит серьезным обоснованием для такого классификационного решения. Вместе с тем этнология не только не отгораживается от исторических наук (сотрудничая, например, с археологией), но имеет связи со многими разнообразными науками и дисциплинами: физической антропологией, лингвистикой, фольклористикой, литературоведением, искусствоведением и другими. За последние десятилетия возникли научные связи этнологии с математическими дисциплинами — кибернетикой, вариационной статистикой, теорией систем.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ЭТНОЛОГИИ

Этнология, подобно любой другой науке, существует и функционирует не только в виде теорий, концепций, идей, методов, фактических данных и т.п., но и в виде сообществ и организаций ученых, проводящих научные исследования и теми или иными способами распространяющих полученные результаты. Иначе говоря, этнологическая наука реализуется в специальных социальных институтах и, таким образом, тесно связана с тем обществом, в рамках которого сложились эти институты. Для осуществления какого бы то ни было этнологического исследования необходимы не только интеллектуальный потенциал и специальные знания, но также и материальное обеспечение научной работы (финансирование, различное оборудование, средства для публикации результатов исследований и т.п.). Понятно поэтому, что этнологические исследования находятся в зависимости от тех общественных слоев, классов и групп, которые обеспечивают самую возможность этнологической работы и в существенной мере влияют на ее характер и результаты. Именно в таких условиях сложившиеся сообщества ученых-этнологов осуществляют социальные функции этой науки.

В разных странах мира, где этнология (социальная или культурная антропология) получила развитие, научные сообщества этнологов и соответствующие социальные институты складывались по-разному. В нашей стране, где издавна были сильны традиции академической науки, главные научные силы сосредоточены в системе Академии наук России. В ее составе имеется Институт этнологии и антропологии в Москве, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (являющийся также научно-исследовательским институтом РАН) в С.-Петербурге; кроме того, в составе Академии наук, в ее региональных отделениях и филиалах созданы местные этнологические исследовательские центры.

Еще с середины XIX в. в исследовательскую этнологическую работу включилось Русское Географическое общество; и в наше время этнологические отделения этого общества работают в ряде городов России.

В университетах страны на исторических, географических и других факультетах студентов знакомят с началами этнологических знаний путем чтения курса "Основы этнологии (этнографии)". В ряде университетов России имеются кафедры этнологии (МГУ), этнографии и физической антропологии (С.-Петербург), археологии и этнографии (Казань) или же этнографии в сочетании с другими историческими дисциплинами (Омск). На этих кафедрах осуществляется специализация подготовки студентов по этнологической проблематике.

Наконец, существенная часть работы по собиранию, хранению, изучению и пропаганде этнологических (этнографических) материалов проводится этнографическими музеями, а также другими музеями, имеющими в своем составе этнографические отделы, коллекции и экспозиции. В качестве примеров специальных этнографических музеев, помимо уже упоминавшегося Музея антропологии и этнографии, можно назвать Российский государственный музей этнографии (С.-Петербург), Музей археологии и этнографии в г. Уфе (Башкирия), музеи крестьянской архитектуры и быта на открытом воздухе в разных городах России.

Авторитетными периодическими этнологическими изданиями в СНГ являются "Этнографическое обозрение" (до 1992 г. "Советская этнография", издается в Москве) и "Народное творчество и этнография" (издается в Киеве на украинском языке), а также ежегодник "Расы и народы" (издается в Москве). Кроме того, этнологи постоянно выступают на страницах других научных журналов и в научно-популярных органах печати.

В странах Восточной Европы в течение последних десятилетий сложилась система научных сообществ этнологов и соответствующих социальных институтов, в целом напоминающая российскую; впрочем, в этих странах несколько большую роль играют кафедры этнологии (этнографии) в университетах и научные этнографические общества, а также музеи (например, музеи этнографии в Болгарии и Польше). Почти во всех восточноевропейских странах издаются специальные этнологические (этнографические) журналы.

В государствах Западной Европы, в США и Канаде, Японии и Индии, в Австралии и других странах этнологическая наука развивалась по преимуществу в университетах и музеях. Во многих университетах имеются этнографические колледжи и департаменты. Нередко этнологические исследования субсидируются различного рода фондами, а кроме того, правительственными органами. В числе наиболее влиятельных и популярных этнографических журналов следует упомянуть журнал "American anthropologist" ("Американский антрополог"), издаваемый Ассоциацией американских антропологов в Вашингтоне, журнал "L'Homme" ("Человек"), выпускаемый Высшей практической школой (Сорбонна) в Париже. Во многих других странах также издаются специализированные этнологические (этнографические) журналы.

Научные сообщества этнологов и отдельные специалисты выступают в специальной и популярной прессе, участвуют в телевизионных передачах, снимают

и демонстрируют этнографические кино- и видеофильмы, читают лекции школьникам и студентам и выступают перед широкой аудиторией. Все это оказывается возможным потому, что этнологические сведения и идеи отвечают определенным потребностям и интересам разных социальных слоев, классов и групп. Они могут иметь в своей основе обычную и естественную научную любознательность, интерес к культуре своего народа или других народов мира, практические интересы, связанные с развитием международной торговли, культурного обмена, туризма, а кроме того, просто служить средством проведения досуга и развлечением. Вместе с тем этнологические данные могут быть использованы в целях пропаганды национализма, шовинизма и других реакционных идей. Поэтому, говоря о социальных функциях этнологии, следует учитывать социальную направленность и идеологические цели, которые свойственны научным сообществам и отдельным ученым.

Современная мировая прогрессивная этнология выполняет следующие главные функции.

Первая (и главная из них, представляющая собой основу для выполнения всех других функций) – научно-познавательная. Этнологическая наука в лице составляющих ее научных сообществ и социальных институтов осуществляет познание этнографических реальностей, формирует конкретное знание этнической картины мира в различные исторические эпохи и в наше время, исследует характер и особенности этнических процессов во всех регионах нашей планеты. Этнологи стремятся выяснить закономерности происхождения, развития, строения и функционирования этносов, а также определить тенденции их развития в будущем. На основе этих знаний этнология совершенствует свои теоретические представления и использует их для объяснения природы и характера этнических процессов, происходивших в истории и совершающихся теперь. Без знания этнологических данных едва ли, например, удалось бы удовлетворительно объяснить процессы формирования иммигрантских наций в Новом Свете или же понять природу трудностей становления государственности в целом ряде стран, недавно освободившихся от колониальной зависимости. Наконец, опираясь на свою научно-познавательную функцию, наша наука стремится преодолеть этнологические предрассудки, нередко свойственные обыденному сознанию людей, и тем самым способствовать взаимопониманию между народами.

Другая важная функция этнологии отвечает потребности самопознания каждого отдельного народа-этноса. Научные знания о происхождении, этнической истории, современном функционировании и перспективных тенденциях развития каждого народа нередко противостоят обыденным представлениям и этническим предрассудкам.

Функция подлинного, научного самопознания выполняется этнологами путем собирания, накопления и анализа исторического опыта жизни народов. Этот опыт имеет значение как обобщение и сохранение демократических традиций материальной и духовной культуры, но нередко бывает полезен при складывании современных форм культуры, а также при решении экономических и технических задач. Так, при конструировании одежды, пригодной для работы в полярных условиях, оказалась наилучшей та, в которой были использованы материалы и покрой одежды северных приполярных народов (саамов, ненцев, эскимосов). Культурные традиции народного домостроительства, питания, земледелия (например, горного террасного и ирригационного) могут быть с пользой утилизированы и в наше время.

Самосознание этноса составляет важный аспект в историческом и актуальном (современном) сознании народов. Особенно большой интерес к этим темам проявляет обычно национальная гуманитарная интеллигенция. Народы и их представители в лице этой группы интеллигенции хотят яснее себе представить не только историю своего происхождения, но также характер и меру самобытности своих культур, соотношение в них традиционных и новых компонентов. Этнология стре-

мится ответить на эти вопросы и вместе с тем подчеркивает тот факт, что на нашей планете нет "чистых" народов, что все народы формировались путем этнического смешения; этнолог также констатирует отсутствие "чистых" культур, так как все культуры народов представляют собой результат разнообразных культурных взаимодействий.

Современные этносы – это живая социальная реальность, это особого рода самовоспроизводящиеся и саморегулирующиеся социальные системы. В числе механизмов их самовоспроизводства существенное значение имеет сознание членами этноса своего единства, опирающегося на историческую традицию. В этой связи этнология обеспечивает научную разработку этнического аспекта социальной памяти, исторической связи поколений, передачи культурного наследства. Функция социальной памяти этносов реализуется этнологами в научных исследованиях по этнической истории, в создании этнографических музеев, путем анализа исторических корней и традиций в материальной и духовной культуре. Члены современных этносов – это личности, включенные в ткань как современной, так и прошлой истории народов. И этнолог своими средствами и методами помогает научно объяснить эту историческую связь.

Всякая наука, даже самая абстрактная, имеет разнообразные отношения с реальной жизнью, с практикой. Этнология в этом тоже не составляет исключения. Практические возможности этнологии для использования их с целью управления социальными процессами впервые были научно осознаны на рубеже XIX и XX веков русским организатором этнологической науки В.Н. Тенишевым и несколько позже – в 1920-х годах – английскими антропологами-функционалистами – Б.-К. Малиновским и А.Р. Рэдклифф-Брауном. Идеи функционализма в той или иной степени были использованы в интересах управления народами колоний, в интересах господствующих слоев метрополий.

Вместе с тем этот факт вовсе не означает, будто данные этнологии не могут быть поставлены на службу прогрессу человечества и быть использованы в интересах социального прогресса, освобождения и дружественного сближения народов. Опыт, накопленный мировой прогрессивной этнологией, определенно говорит о том, что это не только желательно, но и возможно.

Понятие и термины этнологии

Обсуждая предметную область и социальные функции этнологической науки, уже понадобилось воспользоваться большим набором специальных слов – понятий, терминов, составляющих язык науки, ее понятийный аппарат, с помощью которого наука описывает, анализирует и объясняет изучаемую ею сторону социальной реальности. В последующих главах также встретится немалое число понятий и терминов, в которых нуждается наука для того, чтобы с необходимой мерой ясности и точности излагать материал, формулировать выводы и закономерности, намечать возможные в будущем изменения. Заранее назвать, объяснить и истолковать все понятия и термины, которые встретятся на страницах этого учебника, не представляется возможным: краткий перечень или словарь не заменили бы собой существующих специальных справочников и словарей (см. первый раздел библиографии в конце книги). Однако обратить внимание на проблему понятийного (терминологического) аппарата и на отдельные наиболее важные понятия (помимо уже названных и объясненных выше) – не только полезно, но и необходимо.

Об этнологии (этнографии) можно услышать мнение, будто это чисто дескриптивная, эмпирическая дисциплина, которой чужды обобщения и теории и которая, следовательно, нуждается якобы только в бытовой лексике для фиксации и первичного описания собранных сведений. Это, разумеется, либо заблуждение, либо

недобросовестное преувеличение лишь одной из сторон этнологической работы. В действительности в каждом этнологическом исследовании в отдельности и в этнологической науке в целом непременно выражены обе стороны — эмпирическая и теоретико-методологическая, а за время своего развития наука отчасти создала, отчасти заимствовала богатый понятийно-терминологический арсенал.

Этнос — чрезвычайно сложная социальная система. Поэтому и ее понятийно-терминологический аппарат отличается теми же чертами: сложностью, системностью, соподчиненностью. Пространственно-расселенческую сторону этноса, в частности, характеризуют энтическая теория и этнические границы, компактность или дисперсность (рассеянность) расселения, культурная адаптация к местным экологическим условиям и пр. Некоторые хозяйственно-экономические стороны жизни этноса отражает *этническая композиция (состав) экономически активного населения*, трудовых ресурсов, потенциальных покупателей, работников различных отраслей народного хозяйства и мн. др. Социальные аспекты описываются как социальные страты (слои), сословия, классы, касты и институты в этносах и этнические группы в этих социальных образованиях. Для отображения языковых явлений также служат соответствующие понятия — диалект, жаргон, литературный язык, билингвизм и полилингвизм (двуязычие и многоязычие) и др. Расчленение культуры этноса на материальную и духовную, народно-фольклорную и профессиональную служит терминологическим оформлением всякого целостного анализа изучаемого этнологами объекта. Понимание быта того или иного народа как повторяющегося, устойчивого, ритмичного поведения побуждает говорить о его наиболее стереотипизированных формах, таких как обычаи, обряд, ритуал и т.п. Отражение сознания своей принадлежности к этносу складывается в коллективное и индивидуальное этническое самосознание, формируя в нем этнические: картины мира. Сравнение, сопоставление этносов и их характеристик между собой позволяет выяснять этническую специфику. Взаимодействия этносов могут принимать сильно различающиеся формы — от неглубоких межэтнических контактов до *аккультурации (частичного усвоения одним этносом культуры другого) и ассимиляции (растворения одного этноса в другом)*. Этнические и межэтнические процессы проявляются как объединительные (этноинтегративные) и разделительные (этническая дифференциация и парциация). При этом возможны межэтнические напряженности (в том числе латентные, т.е. скрытые) и конфликты.

Овладение началами этнологической науки предполагает достаточное внимание к ее понятийно-терминологическому оснащению.

Глава вторая

КЛАССИФИКАЦИЯ НАРОДОВ МИРА

Этнологическое изучение народов мира требует их научной классификации. Ее приемы разнообразны и разработаны на основе этнологических методов и смежных наук. Различные виды классификаций позволяют систематизировать народы и их группы по широкому кругу признаков: географическому, антропологическому, лингвистическому, хозяйственно-культурному, социально-экономическому, характеру материальной и духовной культуры, религиозной принадлежности и другим.

Ни один отдельно взятый прием классификации не дает исчерпывающей этнологической характеристики народа. Одни виды классификаций основаны в первую очередь на исследовании этнической принадлежности народов, их происхождения и путей формирования, для чего первостепенное значение имеют данные сравнительно-исторического языкознания, антропологии, систематизированные сведения о материальной и духовной культуре. Другие исходят из анализа явлений, свойственных разным народам и их группам, независимо от этнической принадлежности, наличия или отсутствия культурных контактов. Это прежде всего признаки хозяйственной деятельности, зависевшие в прошлом в большой мере от природно-географических условий, экологии и в значительно меньшей степени — от этнических и культурных традиций. Это касается группировки народов по уровню развития социальных отношений, а также религиозной принадлежности.

При использовании различных видов классификации нужно иметь в виду, что не все они разработаны в окончательном виде, некоторые из них гипотетичны и спорны и не дают окончательного решения вопросов. Это относится к географической, хозяйственно-культурной и некоторым другим видам классификаций.

Итак, рассмотрим основные виды классификаций, используемых в этнологии и их основные показатели.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

Этот вид классификации имеет для этнологии вспомогательное значение. Тем не менее он необходим для упорядочения описываемых народов при этнографическом страноведении. Посредством географической классификации выделяются условные географические регионы, в которых расселены народы мира. Географическая классификация не отвечает на вопросы о происхождении народов, процессах их формирования, хозяйственном и культурном облике, об уровне социально-экономического развития, но позволяет пространственно упорядочить и распределить этносы по регионам. Она используется, главным образом, при внешнем описании, а не при детальном исследовании народов. Хотя в отдельных случаях географическое соседство народов имеет связь с их этническим и культурным родством либо привело в ходе истории к сложению определенной общности в хозяйственных и культурных традициях, выяснить это можно только с помощью других, не географических, данных. Впрочем, в отдельных случаях фактор пространственно-географического расселения народов может иметь существенное значение при решении собственно этнологических проблем.

Единой, принятой во всех странах и всеми учеными, географической классификации не существует. Например, нет единообразия в географической классифи-

кации Африки и Азии. В литературе, отечественной и зарубежной, по-разному выделяют регионы и относят к ним те или иные государства и народы в Северной, Восточной, Южной и Западной Африке. В русской дореволюционной и советской науке было принято выделять в качестве отдельных географических регионов Среднюю Азию и Казахстан; в зарубежной литературе они включаются обычно в состав Центральной Азии. В отечественной этнографии выделялись как самостоятельные регионы зарубежная Азия и зарубежная Европа. В настоящее время такое деление потеряло смысл. Многие еще неясно в географической принадлежности ряда регионов бывшего Советского Союза (страны Балтии, Молдавия и др.). Таких случаев неясности и несогласованности в географических группировках народов немало.

В связи с этим ниже приведена относительно простая географическая классификация, в соответствии с которой строятся в основном страноведческие разделы настоящего учебника.

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

Общая численность населения около 24 млн человек. В области выделяются подобласти: Австралия и Тасмания, Новая Зеландия, Полинезия, Меланезия, Микронезия. К первой подобласти (около 2 млн человек) относятся Австралия, Тасмания, Новая Зеландия, Кокосовые острова (Килинг), Норфолк и остров Рождества.

Полинезию (более 500 тыс. человек) составляют государство Восточное Самоа (острова Кука, Мидуэй, Ниуэ, Питкэрн, Токелау, Уоллис, Футуна); государство Французская Полинезия.

В Меланезию (более 4,8 млн человек) входят: политико-административное образование Папуа — Новая Гвинея, острова Вануату, Новая Каледония, Соломоновы, Фиджи.

В культурную область Микронезия входят Марианские, Каролинские и Маршалловы острова, острова Кирибати и Науру.

НАРОДЫ АЗИИ

Общая численность населения более 3 млрд человек. Зарубежная Азия включает следующие подобласти:

Западная Азия (более 190 млн человек). В нее входят государства Афганистан, Бахрейн, Израиль, Иордания, Йемен, Ирак, Иран, Катар, Кувейт, Ливан, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Саудовская Аравия, Сирия, Турция;

Южная Азия (около 1 млн человек). К ней относятся государства: Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивская республика, Непал, Пакистан, Шри-Ланка;

Юго-Восточная Азия (более 400 млн человек). Государства: Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма (Бирма), Сингапур, Таиланд, Филиппины, остров Тимор;

Восточная Азия (около 1300 млн человек). Государства: Китай, Корейская Народно-Демократическая Республика, Республика Корея, Япония, территории Аомынь (Макао) и Сянган (Гонконг);

Центральная Азия (более 2 млн человек). В нее входит Монгольская Народная Республика. Часто в литературе к Центральной Азии относят также входящий в состав Китая Тибет.

Возможно, что с точки зрения географической классификации к Центральной Азии могут быть отнесены Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан и Казахстан (в этом случае численность населения существенно возрастет).

К Азии относятся Западная, Южная и Восточная Сибирь, а также Российский Дальний Восток. Однако они являются частью России, в составе которой они рассматриваются.

К странам Азии относят обычно также государства Закавказья: Азербайджан, Армению и Грузию.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Северная Америка (около 300 млн человек). К ней относятся Канада, США, Гренландия, Бермудские острова, Сен-Пьер и Микелон.

Центральная и Южная Америка (более 400 млн человек). В нее входят:

Центральная материковая зона. Государства: Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Мексика, Никарагуа, Панама, Сальвадор;

Карибская зона – Аруба, Багамские острова, Барбадос, Виргинские острова, Гаити, Гваделупа, Гренада, Доминиканская республика, Куба, Мартиника, Пуэрто-Рико, Тринидад и Тобаго, Ямайка;

Тропическая Южная зона. Государства: Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гайана, Колумбия, Парагвай, Перу, Суринам, Эквадор;

Умеренная Южная зона – Аргентина, Уругвай, Чили, Фолклендские (Мальвинские) острова.

НАРОДЫ АФРИКИ

Численность народов Африки составляет около 600 млн человек.

Северная Африка. Государства: Алжир, Египет, Ливия, Марокко, Судан, Тунис;

Восточная Африка. Государства: Бурунди, Джибути, Замбия, Зимбабве, Кения, Мадагаскар, Сейшельские острова, Сомали, Танзания, Уганда, Эфиопия и др.;

Южная Африка. Государства: Ботсвана, Лесото, Намибия, Свазиленд, Южно-Африканская Республика;

Центральная Африка. Государства: Ангола, Габон, Заир, Камерун, Конго, Центрально-Африканская Республика, Чад и др.;

Западная Тропическая Африка. Государства: Бенин, Буркина-Фасо, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Кот-д'Ивуар, Либерия, Мавритания, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того и др.

ЕВРОПА

Восточная Европа. Европейская часть России, Беларусь, Венгрия, Латвия, Литва, Молдова, Польша, Румыния, Словакия, Украина, Чехия, Эстония.

Южная Европа. Государства: Албания, Андорра, Болгария, Ватикан, Греция, Испания, Италия, Мальта, Португалия, Сан-Марино, Югославия, а также территория Гибралтар.

Западная и Центральная Европа. Государства: Австрия, Бельгия, Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Нидерланды, Федеративная Республика Германия, Франция, Швейцария.

Северная Европа. Государства: Великобритания, Дания, Ирландия, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция.

Как самостоятельный политико-географический регион выделяется Россия, включающая европейскую часть, Северный Кавказ, Сибирь и Дальний Восток.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

Антропология изучает происхождение человека (антропогенез), его эволюцию, образование человеческих рас, морфологические и физиологические особенности человека. Для этнографии наиболее существенным является раздел этнической антропологии.

Расами называются биологические подразделения человечества современного вида (*Homo sapiens* – неантропа), различающиеся общими наследственными физическими особенностями, связанными с общим происхождением и определенной областью обитания.

Одним из первых создателей расовой классификации был французский ученый Франсуа Бернье, опубликовавший в 1684 г. работу, в которой употребил термин "раса".

Антропологи выделяют несколько крупных (больших) рас "первого порядка" и промежуточных, численно небольших, но также самостоятельных. Кроме того, в каждой расе первого порядка выделяются основные подразделения – "малые расы", или расы "второго порядка", обладающие с некоторыми вариациями основными признаками своей большой расы.

Время образования основных расовых типов относят обычно к эпохе возникновения человека современного вида, неантропа, в ходе которой в основном завершился биологический этап антропогенеза, что выразилось в прекращении в основных чертах действия естественного отбора, и началось социальное развитие человеческих обществ.

Формирование основных рас происходило, как считают ученые, за 40–16 тыс. лет до нашего времени. Однако процессы расогенеза продолжались и позднее, но не столько под воздействием естественного отбора, сколько под влиянием иных факторов.

В ходе истории происходило постоянное смешение рас, вследствие чего практически "чистые" расы не существуют, а все они обнаруживают те или иные признаки смешанности. Кроме того, складывалось много промежуточных антропологических типов, сочетающих разные расовые признаки. По всем основным морфологическим, физиологическим, психическим и умственным свойствам расы не имеют каких-либо принципиальных, качественных различий и составляют единый биологический вид *Homo sapiens*.

Говоря о значении расовых признаков при этнографических исследованиях, следует учесть, что их роль ограничена, так как расовые признаки не связаны с историческими судьбами, уровнем развития и характером культуры народов. Однако при изучении этногенеза и истории формирования народов и их отдельных групп расовые признаки могут играть в некоторых случаях существенную роль. Но при этом неодинаковое значение имеют различные таксономические уровни расовой классификации. Основные ее элементы, так называемые большие расы или расы первого порядка, дифференцировались в столь отдаленные времена, что данные о них могут иметь значение только при обсуждении самых общих гипотетических проблем древнейшего расселения человечества. Выделяемые внутри больших рас расы второго, третьего и т.д. порядка складывались уже в значительно более позднее время, вплоть до эпохи появления письменности и даже еще позднее, и могут служить важными данными при решении ряда этногенетических вопросов.

Многие проблемы антропологии издавна составляли предмет острой идеологической борьбы, в которой прогрессивная этнология выступала против всех видов биологического и психологического расизма.

Признаки, на основе которых выделяются расы разных порядков, многообразны. Наряду с внешними, описательными признаками разрабатываются и используются все более тонкие методы расовой диагностики. Наиболее наглядными

расовыми признаками являются степень развития третичного волосяного покрова — усы, борода (первичный волосяной покров существует уже на теле зародыша в утробном состоянии, вторичный — волосы на голове, брови — имеется у новорожденного; третичный связан с половым созреванием), форма волос на голове, профилировка лицевого скелета, форма глаз. Известную роль при расовой диагностике играет пигментация, т.е. окраска кожи и волос, а также рост. Однако по степени пигментации в каждой расе существуют значительные различия. Например, имеются довольно светлопигментированные группы негроидного африканского населения и очень темные европеоиды, обитатели юга Европы. Поэтому принятое в старой литературе подразделение человечества на "белых", "желтых" и "черных" не соответствует фактическим данным. Особенность роста — малорослость — характерна только для немногочисленных "пигмейских" народов Азии и Африки. Из числа более специальных признаков, используемых при расовой диагностике, могут быть названы данные о группе крови, некоторые генетические признаки, папиллярные узоры на пальцах, форма зубов и др.

В отечественной и зарубежной научной литературе отсутствует единообразие в классификации рас разного порядка. Ниже перечисляются большие расы, их наиболее крупные подразделения, и промежуточные расы по последним отечественным публикациям¹.

Негроидные (африканские) расы: негры, негрилли, бушмены и готтентоты.

Смешанные и переходные формы между негроидной и европеоидной большими расами: эфиопская раса, переходные группы Западного Судана, мулаты, "цветные" африканские группы.

Европеоидные (евразийские) расы: северные, переходные формы, южные.

Смешанные формы между европеоидной большой расой и американской ветвью монголоидной большой расы: американские метисы.

Смешанные формы между европеоидной большой расой и азиатской ветвью монголоидной большой расы: среднеазиатские группы, южносибирская раса, лапоноиды и субуральский тип, смешанные группы Сибири.

Монголоидные (азиатско-американские) расы: американские расы, азиатская ветвь монголоидных рас, континентальные монголоиды, арктическая раса (эскимосы и палеоазиаты), тихоокеанские (восточноазиатские) расы.

Переходные группы между азиатской ветвью монголоидной большой расы и австралоидной большой расой: южноазиатская раса (южные монголоиды), японцы, восточноиндонезийская группа.

Австралоидные (океанийские) расы: веддоиды, австралийцы, айны, папуасы и меланезийцы, негритосы.

Другие расовые типы (смешанные): малагасийцы, полинезийцы, микронезийцы, гавайцы.

Наиболее наглядными признаками большой негроидной расы можно назвать преобладание темной пигментации кожи, за исключением готтентотов и некоторых других народов, наличие жестких курчавых волос, слабое развитие третичного волосяного покрова, обычен альвеолярный прогнатизм (сильное выступание вперед лицевого отдела черепа).

Для монголоидов характерны в целом темные прямые тугие волосы, слабое развитие третичного волосяного покрова, уплощенный лицевой скелет с выступающей скуловой частью, альвеолярный прогнатизм, своеобразное строение глаза, в котором слезный бугорок прикрыт складкой среднего века (эпикантусом), и другие признаки, в частности так называемые лопатообразные резцы.

Главные признаки большой европеоидной расы состоят в наличии мягких вол-

¹ См.: Брук С.И. Численность отдельных расовых групп и их распределение по крупным регионам // Народы мира. М., 1988. С. 573, 574.

нистых волос на голове (обычай завивать волосы связан, возможно, с интуитивным стремлением подчеркнуть в значительной мере исчезающий расовый признак), среднее и сильное развитие третичного волосяного покрова, значительная профилировка (выступление) лицевого скелета, сильно выступающий нос. Для северных европеоидов характерна светлая пигментация волос (блондины) и кожи, встречаются альбиносы, почти лишенные пигментации. Преобладают голубые глаза. Южные европеоиды сильно пигментированы, брюнеты. Некоторые группы южных европеоидов обладают особенно резкой профилировкой лица и сильным развитием волосяного покрова (ассироиды). Цвет глаз, обычно, темный. Большие группы европеоидов имеют промежуточную пигментацию (шатены, темно-русые).

В антропологическом типе австралоидов и веддоидов сочетаются некоторые европеоидные (длинные волнистые волосы) и негроидные черты.

Предполагают, что австралоиды, веддоиды и представители ряда других "промежуточных" рас являются либо реликтом древних, еще расово не дифференцированных, групп населения, либо результатом смешения различных рас (европеоидов и негроидов, европеоидов и монголоидов и др.).

Негроиды обитают на большей части Африканского континента и в Новом Свете, куда они были вывезены в качестве рабов.

Основные области расселения монголоидов — Сибирь, Юго-Восточная, Восточная и Центральная Азия, частично Средняя Азия, Полинезия и Америка.

Большие или меньшие группы европеоидов обитают практически во всех частях света. Но они расселены, главным образом, в Европе, Северной, Центральной и Южной Америке, значительной части Передней и Средней Азии, в северных областях Южной Азии. Мигранты из Старого и Нового Света составляют большую часть европеоидного населения Австралии и Новой Зеландии.

Представители большой австралоидной (океанийской) расы разбросаны — по большей части относительно небольшими группами — на огромной территории от Южной Азии до Юго-Восточной и Восточной Азии, Австралии и Океании.

ЯЗЫКОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

Исторически языковая и этническая принадлежность часто совпадают, что делает языковую классификацию важной основой при выделении и определении этносов и этнических общностей, при изучении происхождения народов (их этногенеза). Языки народов мира классифицируются по языковым семьям и их ветвям на основе методов сравнительно-исторического языкознания и установления генетического родства между языками. При этом родство языков может означать и родство по происхождению, однако некоторые лингвисты полагают, что за время своего существования народ мог неоднократно менять язык, что ограничивает возможности использования лингвистических данных при решении этногенетических задач.

Сравнительное языкознание, основываясь на анализе фонетики, грамматики и словарного состава (лексики), устанавливает наличие или отсутствие родства между языками. Это позволяет объединять в языковые семьи, являющиеся основными единицами лингвистической классификации, родственные по происхождению языки. Такого рода языковые семьи развивались в ходе истории из "языка-основы". Но язык — это исторически развивающееся и изменяющееся во времени явление, поэтому родственные по происхождению языки в наше время не только могут сильно отличаться один от другого, но также не иметь многих признаков, характеризующих их языковую семью в целом. Поэтому языки классифицируются не по их современному состоянию, а по принципу исторического генетического родства. Например, родственные по происхождению русский, английский, персидский и

другие языки относятся к одной индоевропейской языковой семье, так как восходят к общему языку-основе. Но их историческое развитие шло совершенно по-разному, и сегодня взаимопонимание между носителями этих языков невозможно. Со временем внутри языка развиваются диалекты, которые могут стать самостоятельными языками. В отличие от языка, служащего средством общения для целой этнической общности, диалект (говор, наречие) — это региональный вариант внутри языка, употребляемый ограниченной группой людей, связанных территориальной, а иногда и социальной или иной общностью.

Язык — общественное явление и может существовать только в обществе. Возникновение общества и языка как средства передачи социальной информации было неразрывно связано с развитием трудового процесса. Языки подвержены самым различным изменениям: спонтанным, а также заимствованиям из чужих языков, вследствие чего наличие общих слов не обязательно является свидетельством родства языков. Таким образом, языки проходят столь же сложные пути исторического развития, как и этнические общности. И так как этносы и языки часто совпадают, языковая классификация составляет одну из основ выделения этнических общностей и установления их происхождения.

Ученые пытаются обнаружить связи между целыми языковыми семьями, восходящие к еще более древним временам и языкам-основам, однако эта проблема еще гипотетична. Так, в частности выдвинуто предположение, что в глубокой древности ряд известных сегодня языковых семей объединялись в единую семью "ностратических" языков. Эта гипотетическая макросемья включала языки Евразии и Африки: индоевропейские, картвельские, семито-хамитские, уральские, тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский, дравидские языки и многие другие.

Число языковых семей, а тем более их групп (языковых ветвей), языков и говорящих на них народов, очень велико, в связи с чем здесь приходится ограничиться перечислением лишь основных семей и групп, а также языковых семей и языков хотя и небольших народов, но имеющих по тем или иным причинам особое значение для этнологии и истории первобытного общества.

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ

В наше время она широко представлена на всех континентах, а также известна по ряду мертвых, древнеписьменных языков. Время сложения индоевропейской семьи языков ученые относят к периоду не позднее эпохи бронзы, а возможно, и к более раннему времени. В дальнейшем шло выделение языковых ветвей (групп), а еще позднее — существующих сегодня языков. Области, где происходило первоначальное формирование народов, говоривших на индоевропейских языках, точно не установлено, и по этому поводу существует значительное число гипотез.

В индоевропейскую семью входят языковые ветви или группы, отдельные языки, на которых говорят следующие народы.

Славянская группа:

- а) восточнославянская подгруппа. Народы: русские, украинцы, белорусы;
- б) западнославянская подгруппа. Народы: поляки, лужичане, чехи, словаки;
- в) южнославянская подгруппа. Народы: словенцы, хорваты, славяне-мусульмане (боснийцы), сербы, черногорцы, македонцы, болгары.

Балтийская группа. Народы: литовцы, латыши.

Германская группа. Народы: немцы, австрийцы, германошвейцарцы, лихтенштейнцы, эльзасцы, люксембуржцы, фламандцы, голландцы, фризы, африканеры, евреи Европы и Америки, англичане, шотландцы, шотландоирландцы, англоафриканцы, англоавстралийцы, англоновозеландцы, англоканадцы, американцы США, багамцы, сенткитены, ямайцы, сентлюсийцы, сентвинсенцы, гренадцы, барбадосцы,

тринидадцы, белизцы, гайанцы-креолы, суринамцы-креолы, шведы, норвежцы, исландцы, фарерцы, датчане.

Кельтская группа. Народы: ирландцы, гэлы, уэльсцы, бретонцы.

Романская группа. Народы: итальянцы, сардинцы, санмаринцы, италошвейцарцы, корсиканцы, ретороманцы, французы, монегаски (монакцы), нормандцы, франкошвейцарцы, валлоны, франкоканадцы, гваделупцы, мартиникцы, гвианцы, гаитийцы, реюньонцы-креолы, маврикийцы-креолы, сейшельцы, испанцы, гибралтарцы, кубинцы, доминиканцы, пуэрториканцы, мексиканцы, гватемальцы, гондурасцы, сальвадорцы, никарагуанцы, костариканцы, панамцы, венесуэльцы, колумбийцы, эквадорцы, перуанцы, боливийцы, чилийцы, аргентинцы, парагвайцы, уругвайцы, каталонцы, андоррцы, португальцы, галисийцы, бразильцы, антильцы, румыны, молдаване, аромуны, истрорумыны.

Албанская группа. Албанцы.

Греческая группа. Народы: греки, греки-киприоты, каракачаны.

Армянская группа. Армяне.

Иранская группа. Народы: тальиши, гиланцы, мазендаранцы, курды, белуджи, луры, бахтиары, персы, таты, хазарейцы, чараймаки, таджики, памирские народы, пуштуны (афганцы), осетины.

Нуристанская группа. Нуристанцы.

Индоарийская группа. Народы: бенгальцы, ассамцы, ория, бихарцы, тхару, хиндустанцы, раджастанцы, гуджератцы, парсы, бхилы, маратхи, конкани, панджабцы, догра, синдхи, пахари западные, кумаони, гаркхвали, гуджар, непальцы, кашмирцы, шина, хохистанцы, кхо, пашаи, тирахи, индомаврикийцы, суринамцы-индопакистанцы, тринидадцы-индопакистанцы, фиджииндийцы, цыгане, сингалы, ведды, мальдивцы.

КАРТВЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ

Грузины.

ДРАВИДСКАЯ СЕМЬЯ

Южная группа. Народы: тамилы, ирула, малаяли, ерава, ерукала, кайкади, каннара, бадага, курумба, тода, кодагу, тулу, телугу.

Центральная группа. Народы: колами, парджды, гадаба, гонды, кхонд (куи, куви), конда.

Северо-восточная группа. Народы: ораон (курух), малто.

Северо-западная группа. Брагун.

УРАЛЬСКО-ЮКАГИРСКАЯ СЕМЬЯ

Финно-угорская группа. Народы: финны, карелы, вепсы, ижорцы, эстонцы, ливы, саами, марийцы, мордва, удмурты, коми, коми-пермяки, венгры, ханты, манси.

Самодийская группа. Народы: ненцы, энцы, нганасаны, селькупы.

Юкагирская группа. Юкагры.

АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ

Тюркская группа. Народы: турки, турки-киприоты, гагаузы, азербайджанцы, карадагцы, шахсевены, карапанахи, афшары, каджары, кашкайцы, хорасанские тюрки, халаджи, туркмены, салары, татары, крымские татары, караимы, башкиры, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы, казахи, каракалпаки, киргизы, узбеки, уйгуры, алтайцы, шорцы, хакасы, тувинцы, тофалары, урянхайцы, юйгу, якуты, долганы.

Монгольская группа. Народы: халха-монголы, монголы КНР, ойраты, дархаты, калмыки, буряты, дауры, ту (монгоры), дунсян, баоань, моголы.

Тунгусо-маньчжурская группа. Народы: эвенки, негидальцы, эвены, орочи, удэгейцы, нанайцы, ульчи, ороки.

КОРЕЙСКАЯ СЕМЬЯ. Корейцы.

ЯПОНСКАЯ СЕМЬЯ. Японцы.

ЭСКИМОССКО-АЛЕУТСКАЯ СЕМЬЯ

Народы: эскимосы (включая гринландцев), алеуты.

АФРАЗИЙСКАЯ (СЕМИТО-ХАМИТСКАЯ) СЕМЬЯ

Семитская группа. Народы: арабы Юго-Западной Азии и Северной Африки, мальтийцы, евреи Израиля, ассирийцы, амхара, аргобба, харари, гураге, тиграи, тигре.

Берберская группа. Народы: кабилы, шауйя, рифы, тамазигхт, шильх (шлех), туареги.

Чадская группа. Народы: хауса, ангас, сура, анкве, баде, болева, бура, мандара (вандала), котоко, маса, муби и др.

Кушитская группа. Народы: беджа, агау, афар (данакиль), сахо, оромо (галла), сомали, консо, сидамо, омето, каффа, гимира, маджи, ираку и др.

НИГЕР-КОРДОФАНСКАЯ (КОНГО-КАРДАФАНСКАЯ) СЕМЬЯ

Группа манде. Народы: малинке, бамбара, дьюла, сонинке, сусу, менде, клелле, дан и др.

Группа нигер-конго:

а) западноатлантическая подгруппа. Народы: фульбе, тукулер, волоф, серер, диола, боланте, темне, кисси, лимба и др.;

б) подгруппа центральных нигер-конго. Народы гур: моси, гурма, сомба, бобо, гуси, тем, кабре, лоби, бариба, куланго, сенуфо, догон и др. Народы кру: кру, гере, гребо, бахве, бете и др. Западные народы: акан, аньи, бауле, гуанг, га, адангме, эве, фон и др. Восточные народы: йоруба, тегала, нупе, гвари, игбира, идамо, бини, игбо, джукун, ибибио, камбари, катаб, тив, экои, бамилеке, тикар, дуала, фанг, макаа, теке, бобанги, нгомбе, буа, монго, тетела, конзо, руанда (ньяруанада), рунди, ха, ньоро, ньянколе, кига, ганда, сога, хайя, зиба, лухья, гишу, гусии, кикуйю, меру, камба, чага, миджикенда, фиша, ньямвези, гого, шамбала, зарамо, суахили, коморцы, хехе, бена, кинга, конго, амбунду, чокве, лвена, луба, лунда, конде, тонга, матенго, бемба, малави, яо, маконде, макуа, ломве, овимбунду, овамбо, шона, венда, тсвана, педи, суто, лози, коса, зулу, свази, ндебеле, матебеле, нгони, тсонга (шангаан), сантомийцы, пигмеи и др. Адамуа – убангийские народы: чамба, мумуйе, мбум, гбайя, нгбанди, мунду, сере, банда, занде (азанде), мба, пигмеи бинга и др.

Группа кордофанская. Народы: эбанг, тегали, талоди, катла, кадугли.

НИЛО-САХАРСКАЯ СЕМЬЯ

Восточносуданская группа. Народы: нубийцы, горные нубийцы, мурле, тама, даджу, динка, кумам, нуэр, шиллук, ачоли, ланго, алур, луо (джолуо), календжин, бари, лотуко, масаи, тесо, туркана, карамоджонг.

Центральносуданская группа. Народы: креш, бонго, сара, багирми, мору, мангбету, пигмеи эфе и асуа.

Группа берта. Народ берта.
Группа кунама. Народ кунама.
Сахарская группа. Народы: канури, тубу, загава.
Группа сонгаи. Народы: сонгаи, дьерма, денди.
Группа фур. Народ фур.
Группа комуз. Народы: кома, бега.

КОЙСАНСКАЯ СЕМЬЯ

Южноафриканская койсанская группа. Народы: готтентоты, горные дамара, бушмены кунг, бушмены кхам и др.
Группа сандаве. Народ сандаве.
Группа хадза. Народ хадза.

СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ СЕМЬЯ

Абхазо-адыгская группа. Народы: абхазы, абазины, адыгейцы, кабардинцы, черкесы.

Нахско-дагестанская группа. Народы: аварцы (включая андо-цезов), лакцы, даргинцы, лезгины, удины, агулы, рутульцы, цахуры, табасаранцы, чеченцы, ингуши.

СИНО-ТИБЕТСКАЯ СЕМЬЯ

Китайская группа. Народы: китайцы, хуэй (дунгане), бай.

Тибето-бирманская группа. Народы: тибетцы, бхотиа, шерпа, бутанцы, ладакхи, балти, магар, цян, мьянма (бирманцы), ицзу, тудзя, наси, хани, лису, лаху, чин, куки, мизо (лушей), манипур (мейтхей), нага, микир, карены, кая.

Качинская группа. Народы: качин (цзинпо), сак и др.

Группа бодо-гаро. Народы: гаро, бодо, трипура и др.

Группа миджу. Народ миджу.

Группа дигаро. Народы: дигаро, миду.

Группа мири. Народы: ади (абор), мири и др.

Группа дхимал. Народ дхимал.

Группа лекча. Народ лекча.

Восточногоималайская группа. Народы: рай (кирати), лимбу и др.

Группа невари. Народ невари.

Группа гурунг. Народы: гурунг, таманг (муруми), лимбу и др.

Западногоималайская группа. Народы: канаури, лахули и др.

АВСТРОАЗИАТСКАЯ СЕМЬЯ

Мон-кхмерская группа. Народы: вьеты (кинх), мыонг, тхо, кхмеры, суи, сэданг, куй, хре (тямре), бахнар, мнонг, стиенг, кохо (сре), мон, ва, палаунг (бэнлун), путенг, булан, ламет, кхму.

Аслийская группа. Народы: сенои, семанги.

Никобарская группа. Народ никобарцы.

Группа кхаси. Народы кхаси.

Группа мунда. Народы: санталы, мунда, хо, бхумидж, курку, кхария.

СЕМЬЯ МЯО-ЯО

Народы: мяо, шэ, яо.

СЕМЬЯ КАДАИ

Тайская группа. Народы: сиамцы (кхонтаи), фуан, ли (лю), шан, дану, кхун, дай, лао (лаосцы), тхай, пхутай, тай, нунг, сантай, чжуан.

Кам-суйская группа. Народы: дун (кам), шуй (суй).

Группа онг-бе. Народ онг-бе.

Группа ли. Народ ли.

Группа лаккья. Народ лаккья.

Группа гэлао. Народы: гелао (гэло), мулао (мулем), маонань.

АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ

Западноавстронезийская группа. Народы: чам (тям), раглай, эде (раде), зярай, малайцы Индонезии, малайцы Малайзии, малайцы, минангкабау, керинчи, реджанг, среднесуматринские малайцы (пасемах, серавей), лембак, банджары, ибан, кедаян, кубу, ачех, мадурцы, гайо, батаки, алас, сималурцы, ниасцы, абунг (лампунгцы), сунды, яванцы, тенггер, балийцы, сасак, сумбавцы, барито-даяки (мааньян и др.), нгаджу, отданум, даяки суши (клемантан), мурут, кадазан (дусун), келабит, меланау, каян, пунан, кеньях, баджао (оранглаут), бугисы (буги), макасар, мандар, бутунгцы, тораджа, томини, мори, лалаки, бунглу, лоинанг, бангтайцы, горонтало, болаанг-монгондоу, минахаса, сангирцы, малагасийцы, талаудцы, тагалы, капампаган, самбал, пангасинан, илоки, ибананг, бикол, бисайя (висайя), таусоуг, маранао, магинданао, якан, самаль, инибалон, канканай, бонток, ифугао, итнег, калинга, итави, палавеньо, дававеньо, тагакаулу, субанон, букиднон, манобо, тирурай, тболи, блаан, богобо, аэта, чаморро, белау, яп и др.

Центральноавстронезийская группа. Народы: бима, сумбанцы, манггараи, энде, лио, хаву, сикка, ламахолот, ротийцы, эма (кемак), атони, тетум, мамбаи, кейцы и др.

Восточноавстронезийская группа.

Меланезийские народы: южнохальмахерцы, биакнумфорцы, такна, адзера, моту, синагоро, кеапара, киливила и другие меланезийцы Папуа – Новой Гвинеи, ареаре и другие меланезийцы Соломоновых островов, эраты и другие меланезийцы Вануату, канаки (меланезийцы Новой Каледонии), фиджийцы, ротума.

Микронезийские народы: трук, похипеи, косраз, кирибати, науру и др.

Полинезийские народы: тонга, ниуэ, тувалу, футуна, увеа, самоа, токелау, пукапука, раротонга, таитяне, тубуаи, паумоту (туамоту), маркизцы, мангарева, маори, гавайцы, рапануи и др.

АНДАМАНСКАЯ СЕМЬЯ

Народы: онге и др.

ТРАНСНОВОГВИНЕЙСКАЯ СЕМЬЯ

Народы: энга, хули, ангал, кева, хаген, вахги, чимбу, камано, дани, экачи, нгалик, асма, капау, бунак и др.

СЕМЬЯ СЕПИК-РАМУ

Народы: абелам, боикен и др.

СЕМЬЯ ТОРРИЧЕЛЛИ

Народы: оло, арапеш и др.

ЗАПАДНОПАПУАССКАЯ СЕМЬЯ

Народы: тернатцы, тидорцы, галела, тобело и др.

ВОСТОЧНОПАПУАССКАЯ СЕМЬЯ

Народы: насион, буин и др.

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКАЯ СЕМЬЯ

Группа континентальных на-дене. Народы: атабаски, апачи, навахи и др.

Группа хайда. Народ хайда.

Группа алмосан-кересиу. Народы: алгонкины (включая кри, монтанье, наסקапи, оджибве и др.), вакаш, сэлиш, керес, дакота (сиу), кэддо, ирокезы, чироки и др.

Группа пенути. Народы: цимшиан, сахаптин, калифорнийские пенути, мускоги, тотонаки, михе, уастек, чоль, чокто, цоциль, канхобаль, мам, майя, киче, какчикель и др.

Группа хока. Народы: текистлатек, тлапанек и др.

ЦЕНТРАЛЬНОАМЕРИКАНСКАЯ СЕМЬЯ

Юто-ацтекская группа. Народы: шошоне, папаго-пима, тепеуан, яки, майо, тараумара, науатль (ацтеки), пипиль и др.

Группа пано. Народы: тева, кайова, и др.

Группа ото-манге. Народы: отоми, масауа, масатек, миштек, сапотек и др.

АНДСКАЯ СЕМЬЯ

Группа кечуа. Народ кечуа.

Группа аймара. Народ аймара.

Южная группа. Народы: мапуче (арауканы), пуэльче, теуэльче, селькнам (она), каваскар (алакалуф), ямана.

ЭКВАТОРИАЛЬНО-ТУКАНОАНСКАЯ СЕМЬЯ

Группа макро-тукано. Народы: тукано, маку, катукина, намбиквара и др.

Экваториальная группа. Народы: араваки, гуайво, хиваро, тупи (включая гуарани), самуко и др.

СЕМЬЯ ЧИБЧА-ПАЭС

Группа чибча. Народы: тараска, ленка, мискито, гуайми, куна, яномам и др.

Группа паэс. Народы: эмбера, варао и др.

ЖЕ-ПАНО-КАРИБСКАЯ СЕМЬЯ

Карибская группа. Народы: карибы, уитото и др.

Группа же-пано. Народы: пано, матако, тоба, же, каинганг, ботокудо, бороро и др.

АВСТРАЛИЙСКАЯ СЕМЬЯ

Народы: мабунаг, дхувал, джангу, гугу-йимидхирр, аранда, алья варра, варл-пири, пинтупи, питжантжатар, нганьятжара, валмаджари, ньянгумарда, ймнджи-барнди, мурринх-патха, тиви, гуньвиньгу, эиндхильягва и др.

Народы: чукчи, коряки, ительмены.

Помимо перечисленных языков народов мира, входящих в те или иные языковые семьи и группы, имеется ряд языков, не причисляемых ни к каким семьям. К их числу относятся баскский, буришский, кетский, нивхский, айнский и некоторые другие языки.

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

Основы хозяйственной и культурной классификации народов мира начали разрабатываться задолго до того, как этнология выделилась в качестве самостоятельной науки. Осмысление путей прогресса культуры и его этапов началось еще в эпоху античности, когда были предприняты попытки связать этапы развития общества с определенными ступенями хозяйственного и культурного процесса и были выделены три его стадии: собирательство и охота, пастушество, земледелие, что соответствовало переходу от дикости к варварству и от него к цивилизации. Эта схема, основанная на эмпирических наблюдениях и логических умозаключениях, длительное время в той или иной мере оказывала воздействие на позднейшие взгляды. Но разные ученые по-разному определяли последовательность этих этапов. К XVIII в. получила распространение идея о прохождении всеми народами пути от простейших видов хозяйственной деятельности к более сложным и совершенным.

В середине XIX в. немецкий экономист Ф. Лист выделил пять ступеней хозяйственного и культурного развития: дикость; пастушество; земледелие; земледелие в сочетании с ремеслом; земледелие, ремесло и торговля. Идеи прохождения культурным прогрессом определенных этапов содержались в трудах многих эволюционистов – А. Бастиана, И. Бахофена, Дж. Мак-Леннана, Эд. Тейлора и др. Попытка периодизации культурного развития человечества на основе материальных факторов производства и культуры была предпринята Л.Г. Морганом. Однако при этом им не были соблюдены обязательные для любой классификации условия фундаментальности и сопоставимости признаков, заложенных как критерии выделяемых этапов, а также не учтено различие хозяйства и культуры в различных природно-географических зонах земли, что вызвало серьезную критику его концепции со стороны противников прямолинейных эволюционистских построений.

Значительный вклад в разработку проблемы хозяйственной и культурной систематики внес этнолог и географ Фридрих Ратцель, предложивший классифицировать культурные явления в связи с картографированием их географического многообразия.

Большое внимание рассматриваемым проблемам уделяли исследователи, разрабатывавшие концепцию "культурных кругов" (Л. Фробениус, Ф. Гребнер), а также основатель "культурно-исторической школы" В. Шмидт и многие его сторонники.

Проблемы классификации хозяйственных и культурных явлений нашли отражение в трудах основателя американского "исторического метода" Ф. Боаса. Его ученики – О. Мэсон, К. Уисслер, В.Х. Холме, Э. Сэпир разработали систему "культурных ареалов" Северной Америки кануна европейской колонизации.

Значительный шаг вперед в разработке проблемы классификации и периодизации этапов развития хозяйства и культуры сделал русский этнограф В.Г. Богораз-Тан. Его концепция была еще не свободна от механицистских установок сторонников теории "культурных кругов", но уже в значительной мере строилась на принципах историзма.

Отечественные ученые, основываясь на положениях о единстве исторического процесса и закономерностях развития человечества по ступеням развития культуры и смены способов производства, стали разрабатывать концепцию о культурных общностях в виде хозяйственно-культурных типов (ХКТ). Одновременно велась работа по выделению "историко-культурных", или "историко-этнографических", областей. Одними из первых высказали идеи о хозяйственно-культурных типах С.П. Толстов и М.Г. Левин. Несколько позднее проблемы ХКТ и историко-этнографических областей были поставлены в широком плане М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым. Дальнейшая разработка идеи хозяйственно-культурной дифференциации человечества продолжается и в наше время в работах Б.В. Андрианова и других исследователей.

Хозяйственно-культурная классификация основывается на этнографических (этнологических) методах исследования хозяйства и культуры и используется при изучении этногенеза народов и их этнической истории, истории хозяйства, материальной и духовной культуры, проблем, связанных с этническими процессами, культурных и исторических отношений между народами. Хозяйственно-культурные исследования свидетельствуют, с одной стороны, об индивидуальных особенностях каждой культуры, а с другой — о глобальной непрерывности и связи между человеческими культурами, что позволяет обнаруживать закономерности их развития.

В современном понимании хозяйственно-культурные типы — это комплексы хозяйства и культуры, исторически сложившиеся у разных народов, близких по социально-экономическому развитию и обитающих в сходных условиях среды. Преобладает точка зрения, что начало формирования хозяйственно-культурных типов восходит к эпохе палеолита, времени сложения человека современного вида. ХКТ возникали, формировались, развивались, частично исчезали на протяжении всей истории в ходе адаптации людей к окружающей среде, политическим и социально-экономическим условиям, хозяйственного использования природных ресурсов в системе жизнеобеспечения. При этом одни ХКТ сложились еще в глубокой древности, в эпоху присваивающего хозяйства, другие возникли на разных континентах позднее, в процессе распространения навыков земледелия, скотоводства, металлургии, ремесла. Существующая в настоящее время хозяйственно-культурная типология охватывает общества от времени появления первобытно-общинного строя в позднем палеолите и до начала индустриальной эпохи и внедрения механизации в сельское хозяйство.

Основные, определяющие признаки хозяйственно-культурного типа — характер, облик и уровень развития хозяйства и хозяйственной деятельности людей. Облик и характер культуры имеют при этом важное, но не решающее значение, так как культуры народов мира разнообразны. В отличие от бесчисленных разновидностей явлений культуры, хозяйственно-культурные типы, даже с учетом промежуточных хозяйственных подтипов, достаточно ограничены и, что особенно существенно, могут тесно увязываться с этапами социально-экономического развития, способами производства, так как они включены в экономику самим процессом хозяйственной деятельности и относятся к экономическому фундаменту общества. Хозяйственно-культурный тип — органическая составная часть любого способа производства, практически конкретное материальное его воплощение, его основание. Категория "хозяйственно-культурный тип" выступает связующим звеном между производительными силами и производственными отношениями. Включение в систему способов производства (помимо понятий "производительные силы" и "производственные отношения") категория ХКТ наполняет эту систему живым содержанием, показывает локальные варианты, органически соединяя совокупность хозяйственно-производственных навыков и экономику в общественном производстве с многообразием природной среды. Таким образом, ХКТ, с одной стороны, характеризует хозяйственно-производственную, технологическую сторону способа

производства, а с другой – его конкретное этнокультурное выражение, этнологический облик общественной системы в целом и социально-экономических укладов, в частности. Хозяйственно-культурный тип – историческая категория, и именно смена ХКТ, а не только развитие отдельных элементов культуры (орудий труда и технологии), ведет к изменению способа производства. Одновременно со сменой хозяйственно-культурного типа происходили и изменения в производственных отношениях. Такой подход позволяет тесно увязать хозяйственно-культурную типологию с наиболее крупными эпохами в социальном развитии человечества – первичной, догосударственной (эпоха до возникновения цивилизации), и вторичной, начавшейся со сложения цивилизации и первых государств. Соответственно, ХКТ четко коррелируют и со способами производства.

Предложено несколько видов хозяйственно-культурной классификации – от относительно простых, включающих основные, наиболее характерные типы, до очень сложных, в которых наряду с основными типами перечисляется множество подтипов, переходных форм и т.п., имеющих не универсальное, а лишь локальное распространение. Расширительное толкование хозяйственно-культурных типов ведет к субъективному подходу в классификации, неопределенности не только переходных форм, но и типов, что делает систематику недостаточно последовательной и аргументированной. Вследствие этого наиболее целесообразно включать в хозяйственно-культурную классификацию только основные, наиболее характерные для разных регионов земли и бесспорные типы, тесно увязывая их с социально-экономической периодизацией, что позволяет четко разграничить ХКТ на разных этапах развития общества.

Первичная, первобытно-общинная эпоха включает два этапа: присваивающего и примитивно-производящего хозяйства. К ним относятся следующие хозяйственно-культурные типы.

Присваивающий. Общества, относящиеся к наиболее архаической группе ХКТ, обычно не знакомы с выплавкой и горячей обработкой металлов. Орудия изготавливаются из традиционных материалов: кости, рога, дерева, камня, раковин, а также из полученных от более развитых соседей заготовок металла, который обрабатывается холодным "неолитическим" способом. Хронологически ХКТ этой группы относятся к эпохам камня и палеометалла, но на периферии развитых обществ и государств существуют вплоть до новейшего времени, переходя постепенно к более производительным видам хозяйственной деятельности.

Наиболее примитивным хозяйственно-культурным типом рассматриваемой группы является ХКТ "бродячих охотников и собирателей", некогда широко распространенный в тропической экваториальной зоне и сохраняющийся в наши дни только в немногих, географически изолированных и неблагоприятных для жизнедеятельности областях тропических лесов Юго-Восточной Азии, Южной Америки и Австралии.

При крайне ограниченных пищевых ресурсах и слабой вооруженности бродячие охотники и собиратели почти ежедневно, с короткими дневками и ночлегами, находятся в движении, собирая по пути все съестное. Их хозяйственные навыки, материальная и духовная культура находятся на самом низком из известных науке уровней развития.

Примерно таков же уровень социального, материального, культурного развития народов, занимавшихся на побережьях озер, рек, морей, главным образом, собирательством даров моря и растительных продуктов, прибрежным рыболовством.

Значительно более развиты народы, чей ХКТ связан со специализированной охотой и собирательством, требующими более высокого уровня развития производительных сил.

К их числу относятся хозяйственно-культурные типы:
специализированная охота и собирательство тропиков;
охота, рыболовство, собирательство умеренного пояса;
пешая таежная охота;
арктическая охота на морского зверя;
олениная охота;
охота, рыболовство, собирательство с зачатками земледелия и животноводства.

Все перечисленные выше хозяйственно-культурные типы образуют первобытно-присваивающий способ производства.

Производящий этап (ранний). Примерно 10 тыс. лет тому назад, а может быть, и несколько раньше, в так называемых "первичных" (по Н.И. Вавилову) центрах, в предгорьях сухих и влажных субтропиков Восточного Средиземноморья, юго-запада Средней Азии, позднее в Северной Африке, Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, а также в Новом Свете стало складываться комплексное присваивающе-производящее хозяйство, в котором земледелие и животноводство стали постепенно занимать ведущее место. На естественно или искусственно орошенных, обработанных ручным способом палками или мотыгами землях выращивались первоначально преимущественно зерновые, а затем и прочие культуры. Наряду с уже одомашненной собакой были domestичированы сначала мелкий, а затем крупный рогатый скот, свиньи, транспортные животные, птица. В результате сложились следующие ХКТ:

комплексного хозяйства ранних земледельцев субтропиков;
земледелия и животноводства умеренного пояса в древности;
ручного земледелия тропиков.

Все эти хозяйственно-культурные типы стали основой первобытно-производящего способа производства.

Производящий этап (развитый). По мере развития производительных сил и роста численности населения началось освоение "вторичных центров" и возникновение производящего хозяйства, главным образом, в аллювиальных долинах рек, где сложился ХКТ плужных и ручных земледельцев древних цивилизаций тропиков и субтропиков Северной Африки, Западной, Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, Центральной и Южной Америки. Возникают на рубеже IV и III тысячелетий до н.э. древнейшие государства Западной Азии и Северной Африки, расцветает цивилизация. Соответствующий этому ХКТ способ производства может быть назван "азиатским", или общинно-государственным деспотическим. Происходит становление вторичной эпохи.

Под мощным влиянием древних цивилизаций начинается процесс распространения производящего хозяйства в тропиках, где возникает ХКТ традиционного земледелия и животноводства предгосударственных и раннегосударственных образований Тропической Африки, ставший основой африканского способа производства.

В V-IV тысячелетиях до н.э. под влиянием "первичных" и "вторичных" центров производящее хозяйство сначала в виде ручного, а позднее плужного земледелия получает распространение в полосе умеренного климата, и складывается ХКТ земледельцев и животноводов лесной и лесостепной зоны Европы (варварский — дофеодальный, по А.Н. Неусыхину, способ производства). Общества, находившиеся на этой стадии развития, не достигли уровня цивилизации.

К этой же эпохе относятся и два следующих хозяйственно-культурных типа.

Это ХКТ пастушеского скотоводства, возникшего примерно одновременно с возникновением хозяйственно-культурного типа древнего ирригационного земледелия в предгорных местностях, бывших некогда "первичными" центрами становления производящего хозяйства, и распространившегося позднее в степных и пустынных зонах (патриархально-пастушеский способ производства).

Хозяйственно-культурные типы и способы производства

Общественно-экономическая эпоха	Этапы развития хозяйства	Хозяйственно-культурный тип	Способ производства
Первичная	Присваивающий	1. Бродячая охота и собирательство тропиков	Архаический, первобытно-присваивающий
		2. Специализированная охота и собирательство тропиков	
		3. Охота, рыболовство, собирательство тропиков	
		4. Пешая таежная охота	
		5. Арктическая охота на морского зверя	
		6. Прибрежное рыболовство и собирательство	
		7. Оленная охота	
		8. Охота, рыболовство, собирательство с зачатками земледелия и животноводства	
	Производящий (ранний)	1. Комплексное хозяйство ранних земледельцев субтропиков	Первобытно-производящий
		2. Земледелие и животноводство умеренного пояса	
		3. Оленеводство тайги и тундры	
		4. Ручное земледелие тропиков	
	Производящий развитый (экстенсивный)	Пастушеское скотоводство и земледелие	Патриархально-пастушеский
		Кочевое и полукочевое скотоводство	Номадный
		Традиционное земледелие и животноводство предгосударственных обществ Африки	Африканский
		Земледелие и животноводство лесной и лесостепной зоны Европы	Варварский
Вторичная	Производящий (интенсивный)	Плужное и ручное земледелие древних цивилизаций субтропиков и тропиков Северной Африки, Западной, Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, Центральной и Южной Америки	"Азиатский", или общинно-государственный деспотический
		Плужное и ручное земледелие Древней Греции и Древнего Рима	Рабовладельческий
		1. Плужное земледелие средней полосы	Феодальный
		2. Средневековое ручное и плужное земледелие в государствах Азии и Африки	
		3. Средневековый ремесленно-торговый городской	

По мере распространения пастушества на степные и пустынные просторы и вследствие изменений климата, повлекших сдвиги в природной среде, а также определенных социально-экономических и политических факторов, пастушество становилось со временем все более подвижным, и в начале I тысячелетия до н.э. складывается ХКТ кочевых и полукочевых скотоводов (номадный способ производства). Наибольшее развитие кочевничество получило в Средней, Западной и

Центральной Азии, а в средние века и в Северной и Восточной Африке. На протяжении всей истории кочевников отдельные их группы переходили к оседлости вследствие разложения экстенсивного пастбищного скотоводства и формирования предклассового патриархально-племенного строя. У оседавших групп, переходивших к интенсивным формам хозяйственной деятельности (земледелие и др.), возникали классовые отношения. В наше время кочевничество сохраняется только в отдельных пустынных и горных местностях зарубежной Азии, Северной и Восточной Африки.

В античное время в Южной Европе складывается ХКТ плужного земледелия Древней Греции и Древнего Рима (рабовладельческий способ производства).

К средним векам относится возникновение ХКТ плужного земледелия средней полосы, средневекового ручного и плужного земледелия в государствах Азии и Африки, средневекового ремесленно-торгового городского (на основе этих ХКТ складывается феодальный способ производства).

На последующий индустриальный период хозяйственно-культурная классификация не распространяется.

КЛАССИФИКАЦИЯ НАРОДОВ МИРА ПО ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ (ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫМ) ОБЛАСТЯМ

Отечественные исследователи понимают под историко-этнографическими областями регионы, в которых вследствие длительного обитания разных народов на одной территории, в результате взаимных влияний, общности исторических судеб возникла определенная культурная общность. Такого рода общность – понятие историческое, складывающееся во времени и пространстве. Ни характерные особенности, ни границы этих областей не остаются неизменными, но в каждый исторический период они составляют определенную этнографическую реальность. Признаки, позволяющие выделить историко-этнографические области, разнообразны и зависят от конкретных местных условий. Это, главным образом, некоторые общие хозяйственные и культурно-бытовые черты, которые не образуют, однако, общий хозяйственно-культурный тип или этническое единство, а являются следствием длительных и тесных исторических связей между народами одной историко-этнографической области. Примерами историко-этнографических областей могут служить государства Прибалтики, где у этнически разнородного населения имеются сходные культурно-бытовые черты; север Азии, где было распространено упряжное оленеводство особого типа с пастушеской собакой, конструктивно схожее жилище – чум, имелось сходство в покрое и орнаментации одежды и много общего в духовной культуре. В качестве историко-этнографической области можно рассматривать Среднюю Азию с ее древним комплексом ирригационного земледелия и кочевого скотоводства, наличием многих общих черт в материальной и духовной культуре.

Внутри крупных историко-этнографических областей могут быть выделены более мелкие регионы, отличающиеся более тесной культурной общностью.

Однако не во всех случаях существует возможность достаточно определенно выделить ту или иную историко-культурную общность и очертить ее границы. Не исключено, что по одним культурно-бытовым признакам народ может быть отнесен к одной области, а по другим – к иной. Отсутствие четких критериев при выделении историко-культурных областей ограничивает возможности использования этого вида классификации народов, и для всех областей мира ее еще не удалось создать.

Можно назвать и ряд других классификационных приемов, используемых в этнографии – по видам оружия и орудий труда, жилищ и поселений, костюма, формам семьи и т.п., но все они имеют второстепенное значение. Следует еще

упомянуть классификацию народов по религиозному признаку, как в стадиальном смысле (первобытные религии, религии классовых обществ и т.п.), так и их философскому и догматическому содержанию (христианство, ислам, буддизм и пр.). Обострение в наши дни в ряде регионов Земли религиозных проблем и противоречий делает сегодня актуальными для этнографии проблемы изучения и классификации религий.

ОЧЕРК ИСТОРИИ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Интерес к соседним народам, вызываемый политическими и хозяйственными побуждениями, а также просто любознательностью, столь же древен, как само человечество. При этом накопление знаний об окружающем мире очень рано стало сопровождаться попытками интерпретации фактов, поисками закономерностей в развитии общества и культуры, что нашло отражение в древнейших памятниках письменности и сочинениях античных авторов. Возникают концепции, которые сегодня могут быть названы этнографическими гипотезами, причем некоторые из них прочно вошли в традицию и просуществовали до наших дней. Это деление древними греками и римлянами народов по уровню их культурного и общественного развития на состояния дикости, варварства и цивилизации, попытки создания периодизации истории развития хозяйства по трехчленной системе: собирательство – охота – земледелие и животноводство, отдельные элементы которой находят отражение и в современных концепциях, и многое другое. При описании народов нередко отмечались и их этнические признаки.

Непосредственная предыстория этнологии как науки о народах может быть отнесена к XVIII в. В развернувшихся тогда ожесточенных дискуссиях между представителями церкви, отстаивавшими схоластическое теологическое учение, и энциклопедистами и просветителями, выступавшими за исторический подход к прошлому человечества и его культуре, последние широко использовали этнографические материалы, на основе которых делались обобщающие выводы и теоретические построения. Таковы, например, мысли философа и просветителя Жан-Жака Руссо, выделявшего в истории человечества период "золотого века", в котором жил "добрый дикарь", и этап упадка нравов, сменивший под воздействием цивилизации "золотой век".

В конце XVIII в. возникли термины "этнология" и "этнография". Однако в самостоятельную дисциплину наука о народах в то время еще не выделилась.

Особенно большое значение для возникновения этнологии как науки имели взгляды ряда историков и философов конца XVIII – начала XIX вв. об универсальных закономерностях всемирно-исторического процесса и этапах в развитии культуры от дикости и варварства к цивилизации, распространение метода исторического анализа.

Наука о народах сложилась в самостоятельную отрасль знаний в ряде стран Европы и в Северной Америке к середине XIX в. При этом в ее национальных ветвях возникли различия как в наименовании науки, так и в понимании основных объектов и целей исследования.

Французская этнология, английская социальная антропология, а позднее американская культурная антропология изучали в сравнительном плане (во всяком случае, в течении второй половины XIX в.), главным образом, первобытные внеевропейские народы и индейцев Америки, и только в XX в. в сферу научных исследований были вовлечены развитые народы.

В странах немецкого языка – Германии, Австрии, немецкоязычной части Швейцарии – сложилась прочная традиция, сохраняющаяся до наших дней, согласно которой наука о народах подразделялась на два независимые и почти между собой ни по объектам исследования, ни по теоретическим основам не связанные направления. Этнология (*Völkerkunde*) ставила своей задачей исследование внеевропейских отсталых народов, а народоведение (*Volkskunde*) – изучение развитых народов Европы, в основном говорящих на немецком языке.

В России, вследствие особенностей состава населения, глубоких различий в его социально-экономическом и культурном развитии, сложилась традиция использовать для обозначения науки о народах термин "этнография". Эта традиция была воспринята и после Октября. Однако в настоящее время от этого термина начинают постепенно отказываться. Дело в том, что в большинстве европейских стран и в Америке под этнографией подразумевается раздел науки о народах, в задачи которого входит только собирание и описание эмпирических данных о материальной и духовной культуре народов. Теоретическая же интерпретация этнографического материала относится к ведению этнологии. В связи с этим возникают недоразумения, связанные с пониманием за рубежом того, чем занимаются отечественные этнографы — одной лишь эмпирической или также научной теоретической деятельностью. Чтобы избежать такого рода недоразумений, и принимается интернационально принятое обозначение науки о народах как этнологии.

Решающее значение для возникновения науки о первобытных и полупервобытных внеевропейских народах (этнологии, культурной и социальной антропологии) имело эволюционное учение, сложившееся в результате бурного развития естественных наук в конце XVIII — первой половине XIX вв. Великие естествоиспытатели Ж. Кювье, Ж.Б. Ламарк, Ч. Дарвин, Т.Г. Гексли, Э. Геккель и многие другие создали эволюционную теорию исторического развития природных явлений, отрицавшую метафизическую схоластику церкви. Труды Дарвина, Геккеля, Гексли заложили основы антропологии и учения о первобытном обществе.

Идеи эволюционизма были положены в основу сравнительного изучения внеевропейского населения, стоявшего на первобытнообщинном уровне развития, что создало теоретическую базу этнографии и позволило декларировать ее в качестве самостоятельной науки. Расцвет этнологии в середине XIX в. и быстрый рост ее популярности были в немалой степени связаны с политической ситуацией того времени и колониальным освоением многих заморских стран, требовавшим знаний о населявших их народах.

Классики эволюционистской этнологии и социальной антропологии А. Бастиан, И. Бахофен, Эд. Тейлор, Л.Г. Морган, Дж. Леббок, Дж. Фрезер, Дж. Мак—Леннан, Н.Н. Харузин и другие создали учение об эволюции культуры, ее развитии от низших ступеней к высшим. Получил распространение сравнительно-этнологический метод исследования. Были поставлены и решались проблемы истории семьи, религиозных верований и других социальных явлений, выдвигались концепции о закономерностях их развития.

Большой отклик в научном мире имела разработанная Бастианом концепция об "элементарных" и "народных" идеях, воспринятая многими позднейшими исследователями, в том числе и враждебными эволюционизму. Бастиан был первым, предложившим разрабатывать такие новые направления в науке, как "теория развития", проблемы "географических провинций" — прообразы современных хозяйственно-культурных типов. Он первым в науке поставил вопрос о роли этнических факторов, значений связи этнологии с историей, сказал о необходимости изучения истории этнологической науки.

Бахофен создал получивший очень широкую известность капитальный труд, посвященный материнскому праву. Впоследствии эту работу пытались использовать для "доказательства" якобы существовавшего в истории мифического этапа "матриархата", в конструировании которого сам Бахофен был совершенно неповинен.

Огромную популярность и в наши дни имеют труды Тейлора и Фрезера по истории религии, первобытной культуры; Мак—Леннана и ряда других авторов — по истории социальных институтов первобытного общества, семейно-брачных отношений.

Истории первобытной культуры посвятили свои работы Г. Шурц, Ю. Липперт, Г. Кунов.

Среди эволюционистов XIX в. заметное место принадлежит американскому ученому Л.Г. Моргану. Он открыл значение рода в общественной организации первобытного общества, дал периодизацию его развития, в которой предложенные еще древними греками периоды дикости, варварства и цивилизации рассматривал через призму производства и культуры. И хотя эта периодизация сегодня, в свете новых данных этнологии в значительной мере устарела, тем не менее положенный в ее основу принцип сохраняет определенное значение. Широко известны труды Морган по этнографии североамериканских индейцев, по истории семьи и брака.

Эволюционисты рассматривали развитие культуры и институтов человеческого общества как прямолинейный процесс перехода от простого ко все более сложному, как непрерывный прогресс и стремились выявить универсальные закономерности этого развития. При этом большую роль они отводили психологическому фактору, что было унаследовано от них позднейшими, в том числе и враждебными им, учениями в этнологии. В отдельных случаях имела место и биологизация общественных процессов. Исследования эволюционистов разветвлялись в нескольких направлениях. Создавались обобщающие труды, посвященные всеобщей истории культуры, разрабатывались и отдельные проблемы, причем наибольшее внимание привлекали вопросы семьи и брака, религиозных верований, публиковались систематические сводки этнографического материала. Важным принципом эволюционизма было признание равенства всех народов и рас в физическом, психическом и умственном отношениях, последовательная антирасистская гуманистическая направленность взглядов ученых. Одним из фундаментальных положений эволюционизма было утверждение о прогрессе культуры и общества на основе единых для всего человечества универсальных исторических законов.

Развитие эволюционизма в этнологии и эволюционная теория в целом несомненно оказали прогрессивное воздействие на науку своего времени и объективно способствовали становлению науки о народах.

Развитие эволюционистской этнологии в 40–50-х годах прошлого века сопровождалось возникновением во Франции, США, Германии, Англии, несколько позднее в России, научных обществ по этнологии, истории первобытного общества, антропологии, изданием этнологических журналов, часть которых существует и в наши дни. В крупнейших университетах начали читаться сначала отдельные курсы по этнологии, а в третьей четверти XIX в. учреждаются первые учебные центры по подготовке этнологов в виде семинаров, кафедр, институтов, которые становятся центрами научно-исследовательской работы. Организуются этнологические музеи, собиравшие в ходе этнографических экспедиций обширный вещественный и иной материал. Появляются первые исследования и теоретические работы.

Высоко оценивая роль эволюционизма и ученых-эволюционистов в создании этнологии как науки, разработке важнейших проблем этнологии и истории первобытного общества, нельзя не отметить, что по ряду методологических и теоретических проблем они стояли на ошибочных позициях. Их следование идее непрерывного прямолинейного развития путем чисто количественных изменений, без учета диалектики исторического процесса, привело к ряду неверных выводов по общим и частным вопросам. Неправомерно биологизировались общественные процессы, излишнее значение в изменении и развитии культуры придавалось психологическому фактору. Неверными оказались и некоторые методические установки эволюционистов, например попытки реконструкции древних общественных институтов по их "пережиткам" в современных обществах, которые в действительности не представляли из себя реликтов прошлого, а были современными, живыми явлениями. Часто к ошибочным выводам приводил широко используемый прием проведения аналогий между народами, стоявшими на разных уровнях социально-экономического и культурного развития, обитавшими в разных природных усло-

виях, историко-этнографических областях и принадлежавшими к разным хозяйственно-культурным типам.

По мере дальнейшего развития науки, накопления новых фактических данных к концу XIX в. все в большей степени стали проявляться слабые стороны эволюционистской теории, вступавшей зачастую в противоречие с фактами действительной жизни. Новый обширный этнографический материал во многих случаях плохо согласовывался или совсем не согласовывался с эволюционистскими схемами. Все это стало вызывать обострявшееся со временем критическое отношение к эволюционизму. При этом одни ученые отмечали действительные недостатки эволюционизма, не отрицая его положительных сторон и некоторых теоретических положений. Другие не просто указывали на отдельные пороки эволюционизма, а выступали против его методологических основ, против принципа историзма при подходе к этнографическим явлениям, отрицали наличие всемирно-исторических закономерностей в развитии общества и культуры.

Начались поиски новых путей в исследовании культуры, ее изменения и распространения, попытки установления этапов ее развития. Стали возникать новые направления и школы, имевшие, как правило, антиэволюционную направленность, отрицавшие исторический путь развития общественных явлений. Выступая против эволюционизма, его противники немало заимствовали от него, в том числе и худшие стороны эволюционистских концепций, например преувеличение роли психологического фактора в сложении и изменении культур, их биологизацию. Отрицая все положительное, что дал этнологии эволюционизм, создатели новых течений не внесли существенного вклада в методологию и теорию науки, хотя в практической деятельности по сбору материала и совершенствованию методики исследования были достигнуты немалые положительные результаты. Так, был разработан метод картографирования этнографических явлений.

При общей антиисторической направленности новых этнологических учений конца XIX – начала XX вв. одни из них основывались на стремлении преодолеть ошибки эволюционизма и найти материальное объяснение культурным процессам, другие имели иную направленность и ставили перед собой цель «обосновать» отдельные положения Библии.

Часть этнологов, разочаровавшихся в эволюционизме, вообще отказалась от попыток теоретических обобщений и обратилась к эмпирическим исследованиям. Такой подход к этнологии сохраняется у некоторых зарубежных этнологов, главным образом музейных работников, и до нашего времени.

В конце XIX – начале XX вв. все большее распространение стали получать взгляды, основывавшиеся на концепции культурной диффузии как основы изменения культуры, на мысли о том, что главные факторы развития культуры связаны с заимствованиями, переносом, смешением ее элементов. В самой констатации фактора культурной диффузии не было ничего принципиально нового или неверного. Ее отмечали еще античные авторы, признавали эволюционисты; идея культурной диффузии отнюдь не чужда и современной этнологической теории. Однако существо нового, по взглядам его сторонников, разнородного направления, получившего в науке обобщающее название диффузионизма, состояло не просто в учете этого вполне объективного явления, а в стремлении заменить основанное на принципах историзма понимание развития культуры иными, механистическими принципами изменения культуры посредством перемещения, передвижения ее элементов. И хотя некоторые школы диффузионизма или, точнее, механицизма обозначали миграцию вещей и идей как основу "исторического" развития, никакого действительного историзма, учета развития социально-экономических явлений при этом не было. Отрицалось наличие всемирно-исторических законов, взамен которых предлагалась идея единичности, неповторимости явлений. Сторонники этих направлений рассматривали культуру в отрыве от живых ее носителей – людей, от этноса.

Предтечей диффузионизма был немецкий ученый, географ и антрополог Фридрих Ратцель (1844–1904). Им разработаны теоретические и методические положения диффузионистского учения и создана так называемая антропо-географическая школа. Научная деятельность Ратцеля включала изучение путей распространения культуры и ее изменения, взаимоотношений природы и человека, путей распространения культуры. Одним из первых Ратцель поставил проблему этногенеза, происхождения народов и культур. Им были заложены основы этнографической картографии. При том, что в целом концепция Ратцеля была во многом механистична, ряд явлений он рассматривал с позиций их исторического развития. Его труды полны разнообразных идей, многие из которых оказались плодотворными и стимулировали дальнейшие исследования.

Одной из ярких фигур в этнографии рассматриваемого времени был Лео Фробениус (1873–1938), которого также причисляют к сторонникам диффузионизма, что, впрочем, верно лишь до известной степени и не составляет всей полноты его взглядов. Фробениус был археологом, этнографом, фольклористом, создателем культурно-морфологического учения и Института культурной морфологии во Франкфурте-на-Майне (после окончания второй мировой войны – Институт имени Лео Фробениуса). При том, что его теоретические взгляды отличались крайним идеализмом и мистицизмом, особенно учение о "душе культуры", а также биологизацией исторических и культурных явлений, которые он рассматривал как живые организмы, труды Фробениуса оставили значительный след в этнологии. Он разработал основы учения о "культурных кругах", получившего дальнейшее развитие в трудах многих ученых и этнографических школ. Особенно существен вклад Фробениуса в изучение африканских культур, не потерявший значения до настоящего времени, и в составлении этнографических карт Африки.

На позициях диффузионизма стоял и другой крупный немецкий ученый – Фритц Гребнер (1877–1934), предпринявший попытку противопоставить теории исторического развития культуры механистическую концепцию ее происхождения и изменения, распространения во времени и пространстве вследствие взаимодействия "культурных кругов".

Элементы культуры, на основании которых строились "культурные круги", брались исследователем, как правило, совершенно произвольно, что вело к субъективным, оторванным от реальной истории и жизни, построениям.

Особую популярность получила в начале нашего века так называемая культурно-историческая венская католическая школа, основанная миссионером патером Вильгельмом Шмидтом (1868–1954). Шмидт и его многочисленные ученики, главным образом, католические миссионеры Вильгельм Конперс, Мартин Гузинде, Пауль Шебеста, Роберт Хайне-Гельдерн и другие, пользуясь материальной поддержкой Ватикана, развернули экспедиционную деятельность во многих регионах мира и опубликовали множество теоретических и описательных работ. В теоретических построениях Шмидт опирался на учение о "культурных кругах" Гребнера, которое он пытался без особого успеха усовершенствовать. Но главная его цель, как Шмидт прямо указывал, состояла в использовании данных этнологии для обоснования ряда библейских положений: о первобытном прамоотеизме (единобожии), об извечности моногамной семьи, частной собственности и др. Выводы представителей этой школы в значительной мере основывались на субъективных взглядах, а собираемый этнографический материал не всегда отличался достоверностью. Называя свою школу "исторической", Шмидт и его последователи в действительности всегда выступали против историзма. Вместе с тем Шмидт был крупным лингвистом и много сделал для изучения малоизвестных языков племен Южной Азии и других регионов мира. Формально культурно-историческая школа существует и в наше время, продолжает издаваться основанный Шмидтом между-

народный журнал "Антропос", однако "культурно-историческое" учение практически не имеет последователей.

Диффузионизм, правда в несколько более сдержанном виде, получил распространение и в английской этнологии. Наиболее видным представителем этого течения был Уильям Риверс (1864–1922).

Диффузионистское направление стало терять популярность к концу первой мировой войны, однако некоторые его положения не потеряли значение и до наших дней. Падение интереса к учениям диффузионистского толка было связано с тем, что их последователи так и не сумели убедительно обосновать свои выводы о ходе культурных процессов, и стало очевидным несоответствие искусственно сконструированных "культурных кругов" и "культурно-исторических" построений фактическим данным. Начались поиски новых путей, которые ознаменовались появлением в зарубежной этнологии, особенно англоязычной, "функционального" направления. Значительное воздействие на формирование функционализма оказали идеи идеалистической философии о непознаваемости исторического процесса.

Теоретические основы функционализма были почти одновременно сформулированы применительно к народам колониальных стран в Германии Рихардом Турнвальдом (1869–1954) и в Англии Брониславом Малиновским (1884–1942). Однако в Германии функционалистское учение не стало господствующим, тогда как в Англии оно сложилось в крупное направление, оказавшее значительное воздействие на развитие социальной и культурной антропологии. Глава британского функционализма Малиновский исходил в своих теоретических положениях из того, что задачи этнологии состоят в изучении функций культурных явлений, их взаимосвязей и взаимообусловленности. Положительным в учении Малиновского и других видных представителей функционализма – А.Р. Рэдклифф-Брауна, Э. Эванс-Притчарда и др. – был призыв изучать культуру каждого общества как единое явление, в котором все элементы связаны между собой выполнением определенных функций. Функционалистами был собран большой и достоверный этнографический материал.

В Соединенных Штатах Америки в конце XIX – начале XX вв. возникло новое этнологическое учение, восходившее к некоторым идеям немецкой этнологии и британской социальной антропологии и диффузионизму, – американская школа исторической этнологии. Ее основоположником был выходец из Германии Франц Боас (1858–1942). Боас и его последователи относились отрицательно к широким теоретическим обобщениям и возможности выведения общеисторических закономерностей, к идее общности человеческой культуры. Боас считал, что культурные ценности разных народов несопоставимы. Позднее эта же идея легла в основу другого направления в американской этнологии – так называемого культурного релятивизма. Главной задачей этнологии Боас считал изучение всей совокупности явлений социальной жизни. Отрицательно относясь к упрощенному эволюционизму и поверхностному диффузионизму, он выступал за исторический метод исследования. Школой Боаса разработано учение о "культурных ареалах", на основе которого созданы крупные обобщающие труды, главным образом, по этнологии североамериканских индейцев. Особенно известны работы Кларка Уисслера, Альфреда Л. Кребера, Роберта Лоуи и многих других. Положительной стороной учения американской школы исторической этнологии была последовательная борьба с расизмом и колониализмом.

В конце XIX в. во Франции сложилась "социологическая школа" Эмиля Дюркгейма (1858–1917). Философской основой этого направления были идеи позитивизма. Дюркгейм и его последователи считали, что главным объектом исследования должны быть общество, существующая в нем система нравственных связей, проблемы этнопсихологии. Однако каждое общество рассматривалось при этом изолированно, и отрицались исторические законы развития.

Сходные тенденции наблюдались в 20–30-х годах XX в. в Германии и в США. В Германии проблемами этнопсихологии занимался Рихард Турнвальд (1869–1954). Им было создано новое направление, названное Турнвальдом этносоциологией. Он был также одним из основателей учения об "аккультурации" – восприятии одним народом культуры другого народа. В этом учении многое было заимствовано у диффузионизма. В ряде обобщающих работ Турнвальд пытался сочетать метод комплексно-социологического изучения всех сторон жизни народа во взаимосвязи с исследованием исторической последовательности социальных форм. Интересные труды опубликованы Турнвальдом по первобытной религии и социальной психологии. Одним из наиболее известных последователей Турнвальда в Германии стал Вильгельм Мюльман.

Значительное воздействие на многие современные этнологические учения оказали труды известного врача-психиатра, создателя теории психоанализа Зигмунда Фрейда (1856–1939). В своих работах при обосновании некоторых гипотез Фрейд опирался на этнографический материал. Его интересовали и собственно этнологические проблемы, такие, как происхождение тотемизма и табуации. Фрейд считал, что поведение индивида и жизнь целых обществ зависят в значительной мере от вытесненных в подсознание представлений и чувств, особенно связанных с сексуальной сферой. Многие явления культуры, в том числе у первобытных народов, Фрейд пытался объяснить неврозами. По мнению Фрейда и его многочисленных последователей, обществом управляют не социально-экономические, а психологические, биологические законы.

Этнопсихологическое направление получило большое распространение в США. Наиболее видные его представители Рут Бенедикт, Маргарет Мид, А. Кардинер и другие считали, что каждое общество обладает своей "моделью культуры", причем одни "модели" качественно выше, а другие – ниже. Высшей психологической моделью объявлялась англосаксонская.

Среди других школ и направлений, получивших в свое время значительное распространение, следует назвать "культурный релятивизм" (Мелвил Херсковиц и др.) и структурализм (Э. Эванс-Причард, Клод Леви-Стросс и др.). Каждое из этих течений очень неоднородно по теоретическим взглядам их представителей, обобщающимися нередко историческими, а на деле отрицавшими закономерности исторического развития. Так, "культурный релятивизм" сводится, в конечном счете, к идее абсолютизации каждой культуры и отрицанию единства человечества. Структурализм считает вечной и неизменной структуру общества, что является якобы отражением извечных свойств человеческого сознания.

После окончания второй мировой войны в Англии и США предпринимаются попытки возродить эволюционизм (Лесли Уайт) или модернизировать его в виде неозволюционизма (Дж. Стюарт, Дж. Мердок). В американской этнологии существуют некоторые тенденции возврата к Моргану, но при этом его нередко противопоставляют Ф. Энгельсу, а последнего – К. Марксу. Однако все эти попытки, имеющие целью преодолеть прежние ошибки и заблуждения старых этнологических учений, не дают радикальных положительных результатов. Большинство современных концепций в зарубежной этнологии, как правило, недолговечны, получают временное распространение, но затем исчезают, не оставляя заметного следа в науке. Таковой была, к примеру, "теория конвергенции", популярная в 50–60-х годах в ряде стран Западной Европы и Америки.

Во многих зарубежных странах, особенно в ФРГ, получила распространение тенденция отрицания необходимости теоретических разработок и сведения этнологии к эмпирическому этнографическим исследованиям.

Кратко остановимся еще на одной ветви науки о народах – народоведении, возникшей и получившей в свое время распространение, главным образом, в странах немецкого языка: Германии, Австрии и немецкоязычной Швейцарии, а

также в странах зарубежной Восточной, Северной и Южной Европы. Истоки немецкого народоведения коренятся в романтической германистике, в придании особого значения всему "истинно немецкому" как носителю самых совершенных духовных, умственных, моральных и физических качеств. Народоведение как наука было прокламировано в середине XIX в. в трудах швейцарского ученого Вильгельма Фридриха фон Рила и вскоре приобрело множество сторонников в Германии, Австрии и Швейцарии. Во второй половине XIX в. широкое распространение получило выработанное в народоведении учение о "национальной народной идеологии", приобретшее в годы сложения Германской империи и в последующие десятилетия откровенную националистическую и шовинистическую направленность. Идеи народоведения стали одной из составных частей идеологии наиболее реакционно настроенных слоев общества в Германии и Австрии, что особенно сказалось в годы перед первой мировой войной и в мрачную эпоху господства нацизма. "Теоретические" изыскания главарей нацизма и практическая деятельность гитлеризма строились в немалой степени на положениях немецкого народоведения. Связь народоведения с нацизмом ярко иллюстрируется возникновением в 30-х годах ряда обществ и кружков народоведения, во главе которых стояли крупнейшие деятели нацистской партии и СС. И хотя видные представители немецкого народоведения занимали нейтральные позиции, все же в их трудах нашли отражение идеи расизма, культа вождей и т.п. Тем не менее народоведением была проведена огромная работа по изучению этнографии немецкоязычного населения и опубликован обширный фактический и картографический материал. После окончания второй мировой войны встал вопрос о ликвидации народоведения как науки, тесно связанной с нацизмом, однако в политической обстановке Западной Германии послевоенного времени оно было быстро реабилитировано. С приходом молодых сил в науку в ФРГ, Австрии и Швейцарии возобновились исследования по народоведению.

В ГДР народоведение и этнология объединялись в одну науку — этнографию, хотя в периодических изданиях и музеях сохранялось традиционное деление на этнологию и народоведение.

Довольно широкий размах приобрели исследования в ряде стран по европейскому народоведению — изучению собственных и соседних народов.

Этнография (этнология) в России сложилась в виде научного направления в то же время, что и на Западе, в середине XIX в. Дореволюционные ученые-этнографы проводили исследования как русского населения, так и народов, живших в царской России, Центральной и Восточной Азии, в Океании. При этом большое внимание уделялось изучению общественной жизни, общины, семьи, материальной и духовной культуры, устного народного творчества (фольклора). Крупнейшие ученые — Д.Н. Анучин, В.Г. Богораз, В.И. Иохельсон, Л.Я. Штернберг и др. — создавали труды, в которых исследовались и отдельные народы и разрабатывались теоретические проблемы этнологии. Широким признанием в наше время пользуется концепция Д.Н. Анучина о комплексном методе исследования при решении сложных историко-культурных проблем с использованием данных этнографии, антропологии и археологии. Выдающиеся успехи были достигнуты при изучении зарубежных народов (Н.Н. Миклухо-Маклай, Н.М. Пржевальский, Г.Н. Потанин и др.).

На развитие русской дореволюционной этнологии немалое влияние оказал эволюционизм. Наиболее известными представителями этого направления были М.М. Ковалевский, Ю.Э. Петри, Л.Я. Штернберг, Н. и В. Харузины и др. Но в начале XX в. появляются работы, в которых эволюционизм подвергался серьезной критике (А.Н. Максимов). В то же время получает распространение марксизм, оказавший некоторое воздействие на развитие русской этнологической мысли. Особое значение в популяризации марксизма применительно к этнографии имели труды Н.И. Зибера, посвященные исследованию производственных отношений в

доклассовом обществе. На идеях марксизма основывались взгляды Ф. Кона, в известной степени М.М. Ковалевского.

Характерной особенностью этнологии в России был ее последовательный гуманизм, глубоко враждебный любым проявлениям расизма.

Новыми, трудными путями пошла этнологическая наука в нашей стране после 1917 г.; 1917–1941 гг. были временем становления этнологии советского периода. В 20-х — начале 30-х годов этнологи приняли участие в проведении в жизнь национальной политики Советского государства, осуществлении преобразований культуры и быта. Возникли новые этнографические учреждения, кафедры при университетах, готовились кадры профессиональных этнографов в центре и национальных республиках и областях.

Интенсивно развернулась практическая и теоретическая работа в этнографии (этнологии) после окончания Великой Отечественной войны. Академия наук СССР и ее филиалы, а позднее Академии наук союзных республик, университеты стали проводить многообразные полевые этнографические исследования. Активизировалась теоретическая работа. Становление отечественной этнологии связано, в первую очередь, с именами В.Г. Богораза, П.Ф. Преображенского, С.П. Толстова, Б.А. Куфтина, С.И. Руденко, Н.Н. Чебоксарова, С.А. Токарева. С конца 40-х годов большое значение стало придаваться исследованиям этногенеза народов мира, истории их формирования, изучению особенностей культуры и быта. Изучались история первобытного общества, хозяйство, семейно-брачные отношения, религия и ряд других проблем. Начались исследования культуры и быта сельского и городского населения. Развиваются комплексные направления, привлекающие этнографические, археологические, антропологические и письменные источники. С.П. Толстовым, Н.Н. Чебоксаровым, М.Г. Левиным разрабатывалась теория хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей. Осуществлены разносторонние исследования по региональной этнографии: народов Азии (Н.Н. Чебоксаров и др.), Африки (Д.А. Ольдерогге и др.), Америки (Ю.П. Аверкиева и др.), народов СССР (С.П. Толстов, Б.А. Куфтин, Б.О. Долгих, В.Н. Чернецов, С.А. Токарев и др.). Издаются фундаментальные труды "Этнография народов мира", "Очерки общей этнографии", позднее — "Страны и народы", "Народы мира". С 60-х годов идет интенсивная работа в области истории, этнологии, главным образом, по изучению англо-американской социальной и культурной антропологии, а также истории этнологии в Германии и других странах мира (С.А. Токарев, Ю.П. Аверкиева и др.). Начиная с 70-х годов, все большее распространение получило направление, изучающее проблемы этноса, этнические и национальные процессы. До недавнего времени оно оставалось одним из главных в отечественной этнологии. Выпущен в свет ряд капитальных изданий по истории первобытного общества. Значительные исследования проведены по истории хозяйства и социальных отношений у оседлых и кочевых народов. Ведется работа по уточнению этнологических понятий и терминов. Совместно с учеными Берлина и Лейпцига начато издание "Свода этнографических понятий и терминов".

В последние десятилетия в советской, теперь российской этнологии особенно большое распространение получило социологическое направление в виде этносоциологии, этнопсихологии, этнодемографии, изучения разных аспектов национальных процессов. Поставлен вопрос о прикладных задачах этнологии и возможностях ее использования при решении экономических и социальных проблем. Продолжается разработка теории хозяйственно-культурных типов. При решении многих этнологических проблем успешно привлекаются антропологические данные.

На страницах журнала "Советская этнография" — ныне "Этнографическое обозрение" — ведутся дискуссии по наиболее актуальным и спорным вопросам этнологии. Обсуждаются предмет науки, ее соотношение с историей, проблемы истории первобытного общества, религии, комадизма, этнологическая термино-

логия, проблемы национальных отношений и конфликтов, проблемы совершенствования преподавания этнологии в высших учебных заведениях и многое другое.

В настоящее время основные исследования в области этнологии народов мира и, особенно, России, национальных процессов и межнациональных конфликтов ведется в Институтах этнологии и антропологии Российской Академии наук в Москве и С.-Петербурге, на кафедрах этнологии Московского и этнологии и антропологии С.-Петербургского университетов. Проблемы региональной этнографии разрабатываются преимущественно учеными нашего ближнего зарубежья.

В России подготовка этнологов осуществляется на кафедрах Московского, С.-Петербургского, Казанского, Омского, Томского, Новосибирского и других университетов; в странах ближнего зарубежья – в Ашхабадском, Белорусском, Киевском, Кишиневском, Латвийском, Литовском, Тартусском и Ташкентском университетах.

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ (ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ) ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ (ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ) ИСТОЧНИКИ

Для осуществления этнологического исследования нужно, прежде всего, располагать некоторыми сведениями о том объекте, который предстоит изучить. Такого рода необходимые сведения (материалы, данные, информация) содержатся в разнообразных источниках, откуда их нужно всякий раз извлекать для анализа и дальнейшего научного использования. Источники этих сведений очень разнообразны, они могут иметь различное происхождение, форму и, разумеется, неодинаковую научную ценность.

В самом общем смысле этнологическим (этнографическим) источником называют всякое явление, которое может быть использовано для извлечения сведений об этнических объектах (этнусах или этнических общностях, субэтнусах и этнических группах, об их сторонах, свойствах или особенностях). Вместе с тем это определение, которое более или менее достаточно для понимания того, о чем идет речь, едва ли годится для реальной практической исследовательской работы в области этнологии (этнографии). Для того, чтобы начать и осуществить исследовательскую деятельность, требуются гораздо более конкретные, определенные и детальные знания об этнологических источниках.

Изучающим этнологию полезно знать, что этнологические источники могут представлять собою материальные (вещественные) предметы культуры изучаемого народа — артефакты; в этом случае артефакты описываются и исследуются в качестве характеристик, произведений или свойств изучаемого народа. Если речь идет об изучении этнокультурной истории, то такие источники удобно трактовать как остатки прошлой этноисторической реальности. Следовательно, сам источник выступает как остаток, фрагмент изучаемого факта или объекта. К числу таких остатков-артефактов относятся, например, коллекции этнографических музеев, сохраняемые обществом памятники истории культуры, а также функционирующие в реальном бытовании традиционные предметы материально-вещной среды (традиционная народная одежда, характерные национальные кушанья, предметы обихода и т.п.).

Наряду с артефактами следует различать такие источники, которые содержат в себе отражения тех или иных сторон этнического объекта, интересующего исследователя. Их иногда называют преданиями или меморатами (от лат. *memoria* — память). К этой обширной категории этнологических источников относят многие виды письменных свидетельств, разнообразные записи и иные фиксации данных (звукозапись, кино- и видеосъемки), рисунки, устные рассказы и прочие документальные и псевдодокументальные материалы. Сказания полинезийцев об их расселении по островам Тихого океана, "История" Геродота, содержащая обильные историко-этнологические материалы о многих европейских, азиатских и африканских народах, сведения из комплекта газеты о межэтнических взаимоотношениях, — вот типичные примеры этого класса источников.

Разделение источников на артефакты-остатки и мемораты-предания является вместе с тем и относительным (релятивным), и далеко не единственно возможным. Анализируя источник, полезно, кроме того, установить характер его отношения к

описываемой им этнической реальности: представляет ли он собою прямое свидетельство об изучаемом явлении, (например, результат специального прямого наблюдения) или же в источнике лишь попутно отразились сведения об исследуемом объекте, которые имеют к объекту более или менее косвенное отношение. Так, описание папуасских обрядов, которые наблюдал Н.Н. Миклухо-Маклай на Новой Гвинее, прямо характеризует быт местных племен, в то время как упоминания русских, французов и немцев в эпопее Л.Н. Толстого "Война и мир" содержат лишь косвенные их характеристики, которые приходится специально извлекать из этого произведения, подвергая тщательной источниковедческой обработке (критике).

Собственно говоря, работа с этнологическим (этнографическим) источником начинается с его критического рассмотрения. Научность всякого исследования в первую очередь определяется строгостью и тщательностью источниковедческого анализа. Главная задача критики источника состоит в том, чтобы установить, содержит ли он этнологическую информацию, и если да, то в какой мере ее можно использовать в научном исследовании. Необходимо выяснить происхождение источника, его автора (если он есть), каким образом источник возник или был создан, в какой степени он заслуживает доверия. Легко, например, убедиться в том, что материалы о поселениях, жилых постройках, хозяйстве, верованиях и фольклоре лопарей (саами) Кольского полуострова, содержащиеся в книге известного русского этнолога Н.Н. Харузина "Русские лопари"¹ представляют собой источник, вызывающий к себе полное доверие исследователей. В противоположность этому многие дилетантские сочинения путешественников, купцов и других наблюдателей быта и нравов народов (хотя там подчас и содержатся ценные факты) требуют к себе настороженно-критического отношения, безусловного отделения достоверных сведений от выдумок и иллюзий.

Понятно, что привлечение тех или иных источников в решающей мере диктуется целью, темой и задачей исследования. Изучение этногенеза (происхождения) татар и чувашей требует, в частности, обращения к источникам, содержащим сведения о древних тюрках, о выделении из их среды булгарских племен, о переселении в последней четверти I тысячелетия н.э. булгар на Среднюю Волгу, подчинении ими местных финских этносов, о воздействии на них кипчакских (куманских, половецких) племен в XII–XIV вв. А вот исследовательская задача, связанная с изучением современных карнавальных празднеств у народов Центральной и Южной Америки, поставит вопрос о привлечении существенно иных источников информации. При этом следует принять во внимание, что сведения, содержащиеся в источнике, могут так или иначе, тем или иным способом соответствовать действительности даже в тех случаях, когда они относятся к воображаемым объектам. Так, Ксенофан Колофонский, древнегреческий поэт и мыслитель начала V в. до н.э., отмечал: "Эфиопы говорят, что [их] боги курносы и черны, фракияне же [представляют себе] своих богов голубоглазыми и рыжеватыми".

Исследование историко-этнологических проблем побуждает ученых обращаться к классическим письменным нарративным (повествовательным) источникам. Примеры в этом случае многочисленны и разнообразны. Сколько-нибудь полное их перечисление невозможно. Ниже названы лишь немногие, которые при желании могут быть заменены другими, нисколько не уступающими приводимым ни с точки зрения их научной ценности, ни в смысле яркости и занимательности.

Писатель и историк последней четверти I и начала II вв. н.э. Корнелий Тацит известен как автор серьезных капитальных трудов ("Анналы", "История"), так и создатель менее крупных, но тем не менее содержательных произведений ("Жизнеописание Юлия Агриколы", "О происхождении германцев и местоположении Германии"). Во всех сочинениях Тацита имеются ценные сведения палеоэтно-

¹Харузин Н.Н. Русские лопари. М., 1890.

графического характера. Насколько его труды насыщены этнической информацией, можно судить по тому факту, что в них упомянуты более 150 этнических наименований (этнонимов) народов, расселившихся в большей части ойкумены, известной в ту пору. Наиболее "этнологичным" считают трактат Тацита "Германия". Сам автор в Германии не был и быт германцев лично не наблюдал, но он создал в целом правдивый (хотя и не во всем безошибочный) этнический "портрет" населения Центральной и отчасти Южной и Восточной Европы конца I в. н.э. Автор описывает расселение германских и других племен, их хозяйственные занятия, так сказать, военный потенциал, а также нравственный облик. "Браки у них (германцев) соблюдаются строго, — пишет Тацит, — и ни одна сторона их нравов не заслуживает такой похвалы, как эта. Ведь они почти единственные из варваров довольствуются, за очень немногими исключениями, одною женой...". Тацит также повествует об обычаях гостеприимства у германцев: "Не существует другого народа, который... был бы столь же гостеприимен. Отказывать кому-нибудь в крове, на их взгляд, — нечестие, и каждый старается попотчевать гостя в меру своего достатка".

Эпоха феодализма породила немало разнообразных источников, содержащих информацию о различных сторонах жизни тогдашних этносов, — хроники (летописи), произведения художественной литературы, правовые документы и другие памятники. В числе средневековых источников, полезных для изучения исторической этнографии, следует указать на сочинения, возникшие в результате далеких и трудных путешествий, многолетних наблюдений разных стран и народов. Среди них "Книга" Марко Поло (XIII в.) о путешествии в Китай, "История Монгалов" Плано Карпини и "Путешествие в восточные страны" Гильома Рубрука (XIII в.) об их миссиях в Монголию, "Хождение за три моря" тверского купца Афанасия Никитина (XV в.) о пребывании его в Персии и Индии. Сходная традиция сложилась и в арабско-мусульманском средневековом мире, где также появились выдающиеся путешественники, создавшие крупные труды. Заслуживает, например, упоминания "Книга" Ахмада Ибн-Фадлана о его наблюдениях в ходе поездки в составе посольства из Багдада через Среднюю Азию на Волгу в Булгар Великий (X в.). Все же наибольший интерес привлекает к себе "Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах путешествий" — труд, созданный шейхом Абу Абдаллахом ибн Баттутой (XIV в.). Автор проехал по суше и морю около 120 тыс. км, побывал в Южной и Восточной Европе, Северной, Западной и Восточной Африке, в Южной и Восточной Азии. Правда, в сочинении ибн Баттуты преобладают прагматические сведения, как теперь говорят, экономико-политического характера, но нередко сообщаются известия о народах и их языках, о городах, их названиях и населении. Так, рассказывая о г. Басре, Ибн Баттута отмечает факт межэтнического общения здесь арабов, армян, персов, выходцев из Индии и других. Он описывает орошаемое земледелие в Китае, использование на островах Индонезии раковин-каури в качестве денег, упоминает о храмовой проституции в Индии, рисует серию портретов женщин разных национальностей, повествует о ловле жемчуга в южной Аравии и многом другом.

Интересные и во многом достоверные сведения об индейском населении Центральной и Южной Америки содержатся в сочинениях Христофора Колумба, Бартоломе де Лас-Каса, Диего де Ланды (XVI в.).

Любопытно обратить внимание еще на одну разновидность позднесредневековых источников, а именно на так называемые "домовники" или "домострой" — религиозно-бытовые инструкции-наставления касательно всего порядка и стиля семейной жизни в соответствии с христианско-патриархальным идеалом. Среди этого рода произведений выделяется русский "Домострой", отредактированный протоиереем Сильвестром — известным советником Ивана Грозного (XVI в.). "Домострой" представляет собою педантичное наизидание почти на все случаи домашней жизни в боярской, дворянской или купеческой семье. Можно думать, что

его требования оказали некоторое влияние также на характер семейно-бытового поведения и других сословий и классов русского феодального общества допетровского времени, а отчасти сохраняли это влияние и позднее в купеческой и мещанской среде московского Замоскворечья, в приволжских и южнорусских городах. В качестве этнологического источника "Домострой" интересен не только описанием нормативно-бытовых правил и требований (в том числе, например, "свадебного чина"), но и упоминанием большого числа терминов и понятий, относящихся к материальной и духовной бытовой культуре русских XVI в.

В последующие периоды нового и новейшего времени (XVIII и XIX вв.) появились содержательные источники, связанные с интенсивными географо-экономическими обследованиями нашей планеты. Исследования Дж. Кука, Ж. Лаперуза и Л. Бугенвиля, Академические экспедиции по России (XVIII в.), научные путешествия А. Гумбольдта, кругосветные плавания российских моряков в первой половине XIX в. и многие другие, — все это были не только шаги в географическом постижении Земли, но также важные штрихи и элементы познания этнической композиции ее населения. В этой связи нельзя не вспомнить также о произведениях Н.Я. Бичурина (в монашестве Иакинфы). В 1808–1821 гг. Н.Я. Бичурин возглавлял русскую православную миссию в Пекине, где посвятил почти все свое время изучению языка, истории, этнографии как, собственно, китайцев, так и монгольских и тюркских народов по китайским источникам. В частности, его "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена" содержит чрезвычайно богатые фактические данные по палеоэтнографии названного региона.

Однако изучение письменных нарративных источников — не единственный способ добывания этнологических (этнографических) данных. Среди источников, очень часто используемых в этнологических исследованиях, особо важную роль играют материалы и сведения, собираемые в этнологических (этнографических) экспедициях путем как прямого, так и инструментального наблюдения избранного для изучения фрагмента действительности. Сведения, собранные в экспедициях, обычно называют полевым материалом. Присутствие в том или ином научном труде полевого материала (в особенности, собранного лично его автором) повышает, согласно существующим канонам, ценность такого труда.

Об этнологических экспедициях обычно говорят как о чем-то таком, что связано с романтическими переживаниями далеких поездок, неожиданных встреч с людьми, принадлежащими к иным культурам, и другими привлекательными сторонами пребывания в путешествии. Кое-что в этом вполне справедливо, но все же следует иметь в виду, что этнологическая экспедиция — это прежде всего сложный и часто утомительный труд по собиранию разнообразных сведений, материалов и данных (т.е. информации) о населении того региона, где проходит экспедиция. Работа в экспедиции включает в себя беседы с информаторами (респондентами), фиксацию данных о предметах материальной культуры (поселений, жилищ и других построек, одежды и украшений, утвари и пищи и пр.), *описания поведенческих элементов жизни местных жителей (обычаев, обрядов, ритуалов и т.п.)*, семьи и семейной жизни, записи (текстовые, звуковые и прочие) фольклора, выявление и регистрацию данных о языках, психологических свойствах населения и многое другое, что необходимо тем или иным способом закрепить, превращая увиденное и услышанное (т.е. наблюденное) в собственно полевой источник этнологических сведений.

Отсюда следует, что источники, полученные путем экспедиционного наблюдения, имеют важное и специфическое свойство: они создаются исследователями (и их помощниками) в ходе экспедиционной работы. И чем тщательнее этнологи трудятся, чем внимательнее наблюдают и чем точнее фиксируют наблюдаемые в экспедиции объекты, тем более содержательные и ценные источники они создают. Конечно, все этнологические (этнографические) источники так или иначе созданы

или собраны людьми – письменные документы, археологические и этнографические коллекции в музеях, фольклорные произведения или листы для записи данных при проведении переписи населения. Современный исследователь уже не имеет возможности изменить эти созданные в прошлом источники – расширить их содержание, повысить достоверность их сообщений, добавить или сократить их информационную наполненность. Другое дело – тот экспедиционный (полевой) источник, который создает (формирует, организует, собирает и закрепляет с помощью тех или иных способов запоминания) ученый, сам подготавливающий и проводящий экспедицию. В этом последнем случае исследователь (конечно, в пределах реальных условий) имеет возможность так повлиять на процесс создания полевого источника, чтобы он в наибольшей мере соответствовал научной цели, отвечал на те вопросы, которые исследователь намерен выяснить. Понятно поэтому, сколь велика ответственность за высокое качество источника, лежащая на организаторе и руководителе экспедиции.

В этнологических исследованиях, как показывает опыт, находят себе применение разнообразные группы источников: а) вещественные памятники и предметы, б) письменные тексты и в) данные устной традиции (которые, понятно, приходится также превращать в тем или иным способом фиксированные тексты). Важно также принять во внимание, что разнообразие источников обуславливается еще и множественностью технических способов отображения этнической действительности. Всякого рода рисунки (от реальных изобразительных элементов на произведениях иконописи до современных рисунков характерных национальных типов, среди которых известны, например, акварели Б.М. Кустодиева ("Русские типы"), фотографии, кинорепортажи, звукозаписи, наконец, съемка видеофильмов и т.п., – все эти материалы нередко используются в качестве этнологических источников, а в обозримой перспективе их значение, несомненно, возрастет.

Историко-этнологические источники можно рассматривать также с точки зрения некоторых особенностей их хранения и поиска содержащихся в них сведений. Так, отчетливо выделяются опубликованные (тиражированные) источники, которые легко отличить от тех, что еще пребывают в разного рода хранилищах (архивах, музейных фондах, рукописных отделах библиотек, частных собраниях или коллекциях и т.п.). Принято считать, что использование в исследовании неопубликованных источников повышает оригинальность и ценность научного труда.

Следует вместе с тем принять во внимание, что этнологическое исследование редко основывается на одном каком-нибудь источнике или даже группе источников одного и того же класса. Обычно этнологи, исследуя некоторую проблему, в ходе работы объединяют (комплексировуют) разные источники, с помощью чего оказывается достижимой разносторонняя характеристика изучаемого объекта. По этой причине этнологи часто привлекают к анализу материалы и выводы многих наук и дисциплин – физической антропологии (расоведения), географии (всех ее разделов), археологии, истории, лингвистики (исторической и социальной, топонимики и вообще ономастики), а также фольклористики. Материалы этих и других отраслей знания часто служат ценными источниками данных при осуществлении этнологических исследований.

Отдельного упоминания заслуживает еще один класс источников: это памятники и результаты деятельности по "производству" профессиональной духовной культуры, созданием которой занят особый слой общества – национальная художественная (творческая) интеллигенция. Этническая информация обильно представлена в художественной литературе (вспомним для примера испанские и другие повести и очерки Проспера Мериме), в журналах и газетах, кино- и видеофильмах, передачах радио и телевидения, произведениях живописи и скульптуры. Все они могут быть изучены с этнологической точки зрения и в современной науке нередко служат источниками интересных и важных сведений.

Еще один способ непрямого (инструментального) наблюдения – массовое этнологическое обследование, с помощью которого создается массовый, статистический значимый источник. Строго говоря, этнолог (этнограф), как правило, имеет дело именно с массовыми, а не с единичными источниками и фактами: единичное описание народного жилища или костюма не имеет убедительной и доказательной силы: нужны более или менее значительные серии сведений (описаний) для того, чтобы получить основание сказать, что в рассматриваемом данном случае наблюдается не частное и случайное явление, а некоторый тип или некоторая устойчивая тенденция. Этнологи, в сущности, всегда интуитивно исходили из допущения, что наблюденное множество фактов выражает закономерную эмпирическую тенденцию. Именно поэтому в этнологии и этносоциологии успешно используются идеи и методы математической и социальной статистики при сборе и анализе массовой этнологической (этнографической) информации. При этом источниками становятся такие исследовательские инструменты, как анкеты, опросные листы, вопросники, заполняемые в ходе проведения массовых обследований. Работа по изучению и созданию этих источников – конструирование стандартных вопросников, организация их заполнения в экспедиции (или иным способом), анализ с помощью статистической переработки на ЭВМ – составляют предмет специальных научных и учебных этнологических дисциплин ("Статистика для этнологов", "Массовые этнологические обследования: методы и техника").

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

Разные источники, самые яркие факты, интересные данные и материалы полевых наблюдений еще не составляют собственно этнологической науки. Наука начинается там и тогда, где и когда имеются ясно сформулированные и ответственно применяемые методы изучения источников и на их основе делаются теоретические заключения, служащие для объяснения исторической и современной жизни этносов.

Методы, применяемые в этнологии (как и в других науках) многочисленны и разнообразны. Они, в частности, различаются по уровню и характеру постановки вопросов о получении нового знания. В ряде случаев эти вопросы целесообразно поставить в обобщенно-философской форме. Объективные и субъективные стороны этноса; внутренние и внешние источники движения и изменения в этносах; форма и содержание в этносах; качественные характеристики и количественные параметры в этносах и их компонентах, – рассмотрение этих и подобных вопросов общего (философского) уровня делает изучение этносов более глубоким, более содержательным, ведущим к познанию их не только как явлений действительности, но и сущностных отношений внутри них и между ними.

Методы этнологии менее высокого ранга относятся к категории общенаучных. Особенно широкое распространение в этой науке получили исторический и структурно-функциональные методы. Требование исторического метода состоит в том, чтобы рассматривать изучаемые объекты в процессе их зарождения, становления, развития и перспективы будущего изменения или исчезновения. Следует, правда, принять во внимание, что в XIX и XX вв. исторический подход в этнологии во многих случаях принимал вид плоского эволюционизма с его рассмотрением развития как преимущественно количественного роста, стремлением расположить элементы культуры в виде упрощенных эволюционных рядов (например, жилище – от пещеры и ветрового заслона до современного крестьянского дома европейских народов); с его пониманием цели всякого этнологического исследования, состоящей будто бы лишь в выяснении происхождения (генезиса) чего бы то ни было – этноса, элемента культуры или социального института.

Современная научная практика исторического подхода к этносам и их отдельным сторонам, признавая полезность изучения генезиса этнографических явлений, трактует историзм значительно шире и многостороннее. Использование исторического метода предполагает внимание ко всем формам развития всех компонент этноса и всех этносов на любом этапе их развития, установление исторических типов этносов (от племен до современных развитых этнонаций), наконец, историко-сравнительный анализ этносов и этнических явлений как в синхронном (одновременном), так и в диахронном (историко-эпохальном) планах.

В этнологических исследованиях XX в. приобрел влияние положение функциональный или структурно-функциональный метод. Его сущность состоит в требовании выявить значение (роль, влияние, иначе говоря – функцию) того или иного культурного элемента или социального института в жизни народа (племени или другой общности). Структурный подход добавил к этому необходимость выявления строения (композиции) изучаемого объекта, а позднее – системы (сети) социальных отношений и связей в нем и с ним. Сторонники структурно-функционального метода поначалу отрицали исторический аспект изучения объектов, сосредоточивая внимание на вопросах современности и выдвигая на первый план также прикладные, практические темы и исследовательские результаты. Однако позднее исторические штудии стали включаться в структурно-функциональный анализ на правах органического составного элемента.

К числу общенаучных относят также системный метод (иногда предпочитают говорить о системном подходе или системном анализе). Наука, в том числе и этнологическая, долгими и трудными путями вырабатывала идеи и принципы системного метода, оперируя, в частности, понятиями комплексности, сложности внутреннего строения явлений, системы, структуры и ряда других. Современный системный анализ требует мысленного расчленения объекта (этноса, региона с его населением и культурой и т.п.) на компоненты, составляющие и элементы, поиска гипотетических и действительных связей между ними, их исторического и функционального исследования, построения моделей структурных связей, поисков детерминант, определяющих движение объекта, и т.п. Системный метод органично аккумулирует в себе многие методологические и теоретические принципы и идеи философского и общенаучного уровня.

Применение общенаучных методов в этнологии обнаруживает ряд трудностей общего характера, на которые стремятся обратить внимание исследователей те ученые, которые в своей познавательной деятельности руководствуются принципом релятивизма (относительности). Они указывают на трудности взаимопонимания между представителями разных культур, проистекающие как из этноцентристских установок познающих субъектов, так и, согласно мнению тех, кто занимает крайние позиции, из принципиальной несравнимости культур. Кроме того, иные теоретики этнологии полагают, что для более или менее адекватного постижения других культур пригодны не рациональные методы их изучения, а скорее интуитивное понимание, вживание, вращение в другую культуру, но даже и в этом случае обычно будто бы не удается достаточно точно описать постигаемую культуру на языке постигающего субъекта. Помимо этого, в процессе познания (например, экспедиционного) исследователь не прямо изучает избранный для обследования этнос, а образует с ним систему, состоящую из трех элементов: а) изучаемого объекта, б) исследователя-наблюдателя и в) средств (инструментов) наблюдения – программы исследования, инструментария и избранной методики, а также технических устройств, включенных в осуществление познавательных актов. Таким образом, познание другой культуры (другого этноса) из одностороннего и однонаправленного действия субъекта превращается в сложный диалог культур, а объектом познания становится, стало быть, не изучаемый этнос (культура и т.п.), а отношение между ними и познающим субъектом.

Всеми этими трудностями, разумеется, не следует пренебрегать. Серьезные исследователи, конечно, признают значение не только интуиции (которая действует тем эффективнее, чем больше труда вложено в познавательную деятельность), но и вживания в другую культуру, не только трудностей постижения сильно отличающихся культур, но и диалогового характера познавательного процесса. Тем не менее практика исследовательской работы показывает, что все эти факторы не воздействуют катастрофически на ход познания, что их помехообразующее влияние может быть учтено в ходе исследовательской работы и в решающей мере нейтрализовано.

К третьему — нижнему уровню используемых в этнологии методов относятся приемы, способы, исследовательские средства, которые обеспечивают собственно этнологическую эмпирическую работу, познавательное функционирование именно этой науки. Методы данного уровня многообразны; с известной долей условности они могут быть сгруппированы в три класса в зависимости от того, к какому этапу исследовательской работы они относятся.

Стоит отметить, кстати, что эффективному осуществлению научной работы (особенно в том случае, если она выполняется коллективом сотрудников) способствует предварительное составление программы исследования, в которой желательно предусмотреть не только определение темы, объекта и задач исследования, но и порядок (последовательность) исполнения работы по этапам и частям. Таким образом, во-первых, речь должна идти о методах *поиска* и *сбора* информации. О поисках и использовании письменных, музейных, археологических, языковедческих и иных сведений отчасти сказано выше. Значение этих и многих других материалов неоспоримо, и способ их поиска в разнообразных хранилищах общеизвестен. Вместе с тем метод экспедиционного поиска и сбора новых сведений в этом отношении наиболее надежен и эффективен, особенно при изучении современных явлений и процессов.

Экспедиции бывают двух видов — маршрутные и стационарные. Каждый из этих видов имеет свои преимущества и недостатки: экспедиционный способ дает возможность охватить обследованием более широкие регионы, зато стационарный метод дает выигрыш в глубине и длительности изучения относительно небольшого объекта. Беседы с информаторами обычно протоколируют в рабочих тетрадях или записывают на магнитную пленку. Кроме того, опытные экспедиционные работники ведут еще и дневники наблюдений. Именно в ходе экспедиционных обследований чаще всего осуществляется сбор этнографических коллекций вещевых памятников, предметов быта и культуры.

Конечно, сбор новой информации можно проводить не только путем организации экспедиции. В ряде случаев приемлемым методом может быть рассылка стандартных анкет по разным вопросам, интересующим исследователей. Так, Эстонский национальный этнографический музей (г. Тарту) собрал с помощью анкет, заполненных корреспондентами музея, обширный и разнообразный материал, хранящийся теперь в музейном архиве. В том случае, когда требуется собрать оперативную информацию по двум-трем вопросам у городского населения, можно воспользоваться также опросом информаторов по телефону.

Во-вторых, следует выделить тот этап исследовательской работы, который связан с *обработкой* собранных фактических данных (некоторые ученые предпочитают называть этот процесс *переработкой* информации). Ее смысл состоит в получении нового упорядоченного, в той или иной мере обобщенного знания. Переработка в своих первичных формах сопутствует собиранию информации, так как оба эти этапа состоят в достаточно тесной взаимозависимости. Действительно, уже при сборе информации (сведений, данных) исследователю рекомендуется тщательно обдумывать те способы, которые он намерен применить на этапе переработки. В противном случае может оказаться, что собранная информация не

пригодна для переработки теми методами, которые в данном случае хотелось бы применить.

В полевых условиях (точно то же может быть отнесено также к работе в любых хранилищах или с разнообразными источниками) начинается первичная обработка собранных сведений. Она может состоять в перенесении данных, записанных в полевых тетрадах и дневниках, на тематические классификационные карточки, в составлении тематических досье и т.п.

Один из важнейших приемов переработки сведений — их группировка (классификация) по тем или иным признакам (желательно, чтобы эти признаки были существенными). Так, среди сельских поселений в изученном ареале могут быть выделены точечные (или однодворные), малодворные деревни (с числом заселенных дворов не более 20), поселения средней величины (до 200 дворов), крупные поселения (до 500 дворов) и крупнейшие (более 500 дворов). Основанием группировки могут, конечно, быть не только число домов, но и другие признаки, например, форма планировки. В этом случае возможно, что будут выделены группы поселений с беспорядочной застройкой, с линейным рядовым планом, с звездообразной, круговой или квартально-уличной планировкой. Признаком (основанием), по которому осуществляется группировка, могут служить временные интервалы (месяцы года, годы, пятилетия и т.п.).

Дальнейшим этапом переработки информации, следующим за группировкой, считают выделение типов или комплексов явлений культуры, быта, социального поведения и т.п. (например, региональные типы народного жилища, этнорегиональные комплексы женской традиционной одежды и пр.). Этот прием — типологизация — применяется при исследованиях историко-этнологического характера, при описаниях современных процессов и прогнозировании будущих тенденций. Существенный и эффективный прием — составление типологических таблиц, а также нанесения выявленных типов на карту с помощью условных знаков.

В-третьих, в качестве отдельного заключительного этапа исследовательской работы выделяют этап интерпретации полученных результатов. Этапу интерпретации отчасти предшествует, а отчасти соответствует использование приемов генерализации (обобщения) тех итогов, которые получены в результате переработки эмпирических данных. Обобщенные данные сопоставляются с предшествующими данными и выводами науки (как по критерию соответствия их друг другу, так и по критерию различия). В задачу интерпретации входит также оценка полученных выводов с точки зрения точности и строгости методов и техники исследования. Новые данные интерпретируются (истолковываются) в плане выявления исторических, функциональных и, главным образом, причинных связей и отношений, а также уже известных закономерностей. В случае невозможности (полной или чаще частичной) это сделать ставится вопрос либо о дополнительной проверке полученных новых выводов, либо о корректировке прежде установленных закономерностей или теорий.

Наука, в том числе и этнология, постоянно претерпевает изменения, обновляет набор своих исследовательских средств. По этой причине методы науки обогащаются, расширяются, становятся более тонкими, рассчитанными на применение в данных типичных условиях. Постепенно в науке складывается ситуация, когда на методы (или способы их применения), использовавшиеся на более ранних ступенях развития науки, исследователи начинают смотреть как на традиционные (иногда их даже трактуют как архаические, устаревшие), а на методы, пришедшие в науку позднее (в том числе из других наук), — как на новые, современные и во всяком случае нетрадиционные. Иногда эти группы методов называют классическими и неклассическими. Легко понять, что соотношение между классическими и неклассическими методами изменчиво: новые методы мало-помалу становятся традиционными. Вследствие этого чрезмерное противопоставление друг другу традиционных

(классических) методов новым (неклассическим) едва ли оправданно. Все дело в том, что классические и неклассические методы имеют неодинаковые познавательные возможности и их рациональное использование сопряжено с корректной постановкой исследовательских задач.

Классические методы исследовательской работы отличаются относительно большой свободой выбора аспектов изучения, средств исследовательской работы, меньшей программированностью и кажущимся отсутствием формализации данных: формализация имеет здесь (например, при картографировании явлений этнической культуры) не слишком жесткий характер. К числу традиционных приемов сбора информации относятся различные формы прямого наблюдения, интервью (беседы) с информаторами, соби́рание музейных коллекций и их описание, извлечение данных из материалов прессы, других нарративных источников и т.п. Среди классических методов переработки информации — составление картотек и досье, типологизация, картографирование и другие.

Современные (неклассические) методы характеризуются относительно большей строгостью, формализованностью, что вызвано широким использованием средств и исследовательских приемов статистики, привлечением электронно-вычислительной техники (ПЭВМ) для переработки и анализа данных. Среди неклассических методов в первую очередь следует назвать массовые этнологические обследования, основанные на проектировке и расчете представительности (репрезентативности) выборки из той или иной генеральной совокупности изучаемых объектов. Введение в этнологию Числа (в виде статистических таблиц и т.п.) позволило также применить в ней метод структурного моделирования этносов. В состав неклассических методов включают также метод статистического анализа прессы (так называемый контент-анализ), метод экспертных оценок и многие другие.

Следует, впрочем, подчеркнуть, что наибольший научный эффект даст комплексное использование широких наборов методов, корректирующих исследовательские результаты и выводы.

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

Австралия и Океания — самая малая часть света, площадь ее составляет (включая Ириан-Джая и Гавайи, входящие, соответственно, в Индонезию и США) только 9 млн кв. км. Большая часть этой территории (7,7 млн кв. км) приходится на Австралийский материк, острова же Океании, хотя и разбросаны по огромному водному пространству, имеют в своей совокупности сравнительно небольшую площадь. Невелико и население этой части света (30 млн человек, из них 18 млн живут в Австралии и Тасмании).

Однако несмотря на свои скромные размеры, Австралия с Океанией давно являются объектом пристального внимания этнологов. Такой интерес в первую очередь связан с тем, что здесь вплоть до недавнего времени сохранялись (а отчасти сохраняются и в наши дни) архаичные формы хозяйства, общественного быта и культуры, давно исчезнувшие в большинстве других районов мира. В частности, коренное население Австралии и, особенно, Тасмании к моменту контактов с европейцами стояло на самом низком уровне социально-экономического и культурного развития, какой только был знаком писаной истории. Сильно отставали по своему общественному развитию от большей части народов земного шара и некоторые этносы Океании.

Отсталость коренных народов Австралии и Океании может быть объяснена географическим положением этой части света в отрыве от остального мира и, в частности, от важнейших центров мировой цивилизации, территориальной раздробленностью региона, не вполне благоприятными (в ряде мест) природными условиями, ограниченностью природных ресурсов. Трудность освоения Австралийского материка и Тасмании усугублялась тем, что пришедшие туда десятки тысяч лет назад группы переселенцев находились еще на низком уровне социально-экономического развития. На большинство же островов Океании (кроме Новой Гвинеи) люди попали значительно позже; они стояли уже на гораздо более высокой ступени развития, и это позволило им легче справиться с трудностями освоения новой территории.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

Австралию и Океанию традиционно делят на четыре историко-этнографические области: Австралия, Меланезия, Микронезия и Полинезия. К Австралии обычно присоединяют расположенный на юго-востоке от нее остров Тасмания. В состав Меланезии включают Новую Гвинею, архипелаг Бисмарка (Новая Британия, Новая Ирландия и острова Адмиралтейства), острова Д'Антркасто, Тробриан, архипелаг Луизиада, Соломоновы острова, острова Санта-Крус, Новые Гебриды, Новую Каледонию, острова Луайоте, Фиджи и остров Ротуму. Под названием Микронезия объединяют Марианские, Каролинские и Маршалловы острова, острова Гилберта, а также изолированные острова Ошен и Науру. Наконец, Полинезия состоит из групп островов Тонга, Самоа, Уоллис, Хорн, Тувалу (прежнее название — Эллис), Токелау, Кука, Тубуаи, Общества, Туамоту, Маркизских, Гамбье, Гавайских, а также Новой Зеландии и изолированных островов Ниуэ, Пасхи и некоторых других. Такая группировка довольно прочно вошла в этно-

графическую и географическую литературу, однако проведенные в последние годы исследования по океанистике, равно как и более тщательный анализ старого материала, показали существенные недостатки прежнего деления, в основу которого была положена в первую очередь расовая принадлежность населения. Из трех традиционных историко-этнографических областей Океании только Полинезия (и та лишь в доколониционный период) обнаруживала достаточно определенное историко-культурное единство. Меланезия же не представляет в культурном отношении чего-либо однородного. Разные ее части существенно различаются между собой по уровню социально-экономического развития, наличию или отсутствию гончарства, типам жилища, характеру фольклора, традиционным религиозным верованиям и т.п. Фактически единственное, что четко объединяет Меланезию (помимо близости расового типа), — это принадлежность большей части населения к одному хозяйственно-культурному типу ручных земледельцев тропического пояса. На территории Меланезии (в традиционные ее понимания) достаточно определенно выделяются следующие районы: Папуасия (Новая Гвинея), собственно Меланезия (архипелаг Бисмарка, острова Д'Антркасто, Тробриан, архипелаг Луизиада, Соломоновы острова, острова Санта-Крус, Новые Гебриды, возможно, также Новая Каледония, острова Луайоте) и Мелано-Полинезия (Фиджи, Ротума). Сильно отличаются друг от друга также Западная и Восточная Микронезия. Эти отличия наблюдаются в соотношении земледелия и рыболовства в хозяйстве, наборе сельскохозяйственных культур, наличии или отсутствии поливного земледелия и т.п.

Однако как традиционное районирование Австралии и Океании, так и отмеченные выше его уточнения отражают культурно-бытовую специфику разных регионов этой части света лишь к началу контактов с европейцами. После этих контактов в Австралии и Тасмании, а также на ряде островов Океании (Новой Зеландии, Гавайских островах, Фиджи, Новой Каледонии) произошли коренные изменения в структуре населения и его культурном облике.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА НАРОДОВ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЭТОГО РЕГИОНА

Вопрос происхождения народов Австралии и Океании давно волнует умы многих ученых. Однако на подлинно научный фундамент эта проблема была поставлена лишь в последние десятилетия, чему способствовали проведенные в Австралии и на ряде островов Океании археологические раскопки, а также глубокий лексико-статистический анализ многих океанийских языков.

Согласно вытекающим из этих исследований научным выводам, раньше всего были освоены в австралийско-океанийском регионе Австралия и Новая Гвинея. В Австралию первые люди проникли из Юго-Восточной Азии около 50 тыс. лет назад. Древнейшие из обнаруженных каменных орудий раскопаны возле города Пенрит, расположенного к западу от Сиднея в Новом Южном Уэльсе, и имеют возраст 47–44 тыс. лет. У озера Мунго в западной части Нового Южного Уэльса найдены остатки человека 26-тысячелетней древности. Интересно отметить, что тип человека, жившего поблизости от озера Мунго, был очень близок к типу современного коренного жителя Австралии. Судя по всему, миграция в Австралию не была единичной: за первыми мигрантами последовали новые группы. Пройдя Австралию, какая-то группа переселенцев довольно рано попала и в Тасманию; во всяком случае, возраст древнейшей археологической находки на этом острове достигает 31 тыс. лет.

Основными занятиями ранних переселенцев в Австралии и Тасмании были охота и собирательство. Каменные орудия пришельцев имели верхнепалеолитический облик. Если тасманийцы так и остались к моменту прихода европейцев на

палеолитической ступени развития, то австралийцы усовершенствовали свою каменную индустрию.

На Новую Гвинею мигранты попали (также из Юго-Восточной Азии) не менее 30 тыс. лет назад (а по мнению некоторых ученых, гораздо раньше). Они, как и австралийцы, принадлежали к австралоидной расе. Характерными орудиями этих ранних мигрантов были топоры или тесла, сделанные из каменных отщепов и имеющие двустороннее сужение. Предполагается, что одним из основных занятий переселенцев был сбор дикорастущего пандануса (древовидное растение, плоды которого идут в пищу, а волокнистые листья используются для плетения различных изделий).

Позже Новую Гвинею достигло еще несколько волн мигрантов. Одна из самых крупных примерно 10 тыс. лет назад привела на остров поселенцев, пользовавшихся своеобразными, частично полированными топорами или теслами с линзовидным поперечным сечением.

Потомков всех вышеперечисленных мигрантов на Новую Гвинею называют папуасами. Они говорят на языках нескольких генетически между собой не связанных групп (эти языки условно именуют папуасскими). Предки папуасов расселились не только на Новой Гвинее, но и на архипелаге Бисмарка и некоторых других, более южных островах, возможно вплоть до Новой Каледонии.

Еще одна миграционная волна в Океанию, достигшая ее архипелагов 5 тыс. лет назад или несколько ранее, связана с переселенцами, принадлежавшими в языковом отношении к австронезийской семье. По своему антропологическому типу они, вероятно, являлись южными монголоидами. Мигранты осели где-то на северо-восточном побережье Новой Гвинеи или на одном из островов архипелага Бисмарка, и какое-то время вся переселенческая группа существовала как единое целое. Предполагаемый язык этой группы лингвисты называют протоокеанийским в связи с тем, что он послужил основой для большинства австронезийских языков Океании. Наиболее характерным орудием группы австронезийских мигрантов был четырехгранный топор. Мигрантам было известно гончарство, они занимались подсечно-огневым земледелием, разводили свиней.

Вскоре протоокеанийская общность распалась, и различные ее "осколки" расселились в ряде районов Новой Гвинеи, по архипелагу Бисмарка, северо-западным Соломоновым островам, Новым Гебридам, Новой Каледонии, островам Луайоте. Большинство из мигрантов смешалось затем с ранее жившими здесь папуасскими народами.

Один из этих "осколков" протоокеанийской общности, попавший на центральные Новые Гебриды, избежал при переселениях значительного смешения с окружающим папуасским населением. Из него сформировалась так называемая восточноокеанийская этническая и языковая общность, приобретшая определенную культурную специфику. В частности, для нее стала характерна особая керамика типа Лапита (керамика эта либо совершенно лишена орнамента, либо имеет орнамент в виде разных фигур и линий, нанесенных зубчатым штампом).

Примерно 4 тыс. лет назад эта общность распалась, и "восточные океанийцы" расселились по северным островам из архипелага Новых Гебрид, юго-восточным Соломоновым островам, архипелагу Фиджи и некоторым другим островам. "Восточные океанийцы" при своих дальнейших переселениях в большинстве своем растворились среди преобладавшего местного чернокожего населения, однако в ряде случаев передали автохтонам свой язык.

В результате таких сложных миграционных и этноязыковых процессов, расового смешения население Меланезии представляет собой пеструю мозаику в языковом, этническом, культурном и антропологическом отношениях.

С Фиджи группа слабо смешавшихся "восточных океанийцев" попала примерно в 1300–1200 годах до н.э. на Тонга, а с последнего архипелага за 1000 лет до

н.э. были заселены острова Самоа. Вследствие тысячелетней изоляции здесь сформировалась особая полинезийская этническая общность и сложилась специфическая, во многих своих чертах неповторимая полинезийская культура.

Начиная с рубежа нашей эры полинезийцы начали свое великое расселение по многочисленным архипелагам Океании. На рубеже нашей эры с Самоа произошла миграция на Маркизские острова, а оттуда были заселены другие острова Восточной Полинезии и Новая Зеландия. С островов Самоа происходило постепенное заселение остальных архипелагов Западной Полинезии и некоторых мелких островов Меланезии и Микронезии. Между различными островами Полинезии на протяжении столетий поддерживались контакты, что способствовало сохранению значительной культурной близости между разными полинезийскими этносами.

Таковы основные моменты ранней этнической истории полинезийцев в свете современных научных данных. Эти данные заставили пересмотреть представления о происхождении полинезийцев. Еще недавно в океанистике была наиболее принята гипотеза, выводившая полинезийцев непосредственно из Юго-Восточной Азии. Ее сторонники (В. Гумбольдт, Р. Хайне-Гельдерн, П. Бак и др.) в доказательство своей точки зрения указывали на родство между полинезийскими языками и языками Индонезии, а также на тот факт, что почти все культурные растения и все домашние животные, известные полинезийцам, происходят из Юго-Восточной Азии. Известный норвежский исследователь Т. Хейердал справедливо подчеркивал то, что ряд элементов материальной и духовной культуры полинезийцев (культивирование батата, сооружение огромных каменных статуй и т.д.) мог появиться лишь из Америки, и доказал наличие в отдаленном прошлом определенных связей между этой частью света и Океанией. И все же азиатские элементы в полинезийской культуре явно превосходят элементы американского происхождения. Вместе с тем отмеченные выше факты говорят о том, что выводить полинезийцев прямо из Азии было бы также неверно. В определенном смысле можно сказать, что полинезийцы стали полинезийцами в самой Полинезии.

"Восточные океанийцы" проникли и на север Океании, в Восточную Микронезию (с Новых Гебрид). Раньше всего ими была достигнута восточная часть Каролинских островов, позже – западная часть этого архипелага, острова Маршалловы и Гилберта. Что же касается Западной Микронезии (Марианских островов и островов Палау), то она была заселена из Индонезии или с Филиппин. Произошло это событие по крайней мере в начале II тысячелетия до н.э.

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В АВСТРАЛИЮ И ОКЕАНИЮ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Европейцы впервые увидели Океанию в 1511 г. или 1512 г. Это были португальцы А.д'Абреу и Ф. Серран, проплывшие мимо Новой Гвинеи, но не ступившие на ее землю. Через десятилетие, в 1521 г., знаменитый мореплаватель Магеллан, совершивший кругосветное плавание, проплыл мимо островов Туамоту, а затем достиг Марианских островов, где высадился на Гуаме. В 1565 г. Марианы были формально объявлены колонией Испании, в 1668 г. произошла их фактическая аннексия, и с этого времени начинается эра колониальной экспансии европейских государств в Океании.

Австралия была открыта европейцами (голландским мореплавателем Виллемом Янсоном) несколько позже Океании – в 1606 г.

В XVI в. наибольшую активность в бассейне Тихого океана проявляли испанцы, в XVII в. их заменяют в этой роли голландцы, со второй половины XVIII в. резко усиливается проникновение в Океанию Великобритании и Франции, а в конце XIX в. к ним присоединяются Германия и США.

К началу XX в. Австралия и все архипелаги Океании оказались в руках европейских держав и США. После первой мировой войны Германия была вытеснена из Океании, и часть ее владений (большая часть Микронезии) попала в руки Японии. Поражение Японии во второй мировой войне позволило США установить контроль над этими архипелагами.

Колониальное господство осуществлялось в различных странах Тихого океана в разных формах. Там, где природные (и особенно климатические) условия были достаточно благоприятными, европейцы создали переселенческие колонии. В Австралии и Новой Зеландии европейское население уже в XIX в. стало резко преобладать над коренным (обе эти страны были сперва колониями Великобритании, а в начале XX в. получили статус доминиона). Значительное европейское (либо американское) население появилось также на Новой Каледонии, Таити и особенно на Гавайских островах. На Гавайские острова, Фиджи, Таити, Новую Каледонию и некоторые другие острова, где европейцами и американцами были созданы плантации или начали разрабатываться минеральные богатства, стали ввозиться законтрактованные рабочие из азиатских стран (Японии, Китая, Индии и др.), многие из которых по истечении срока контракта остались в Океании.

На острова с тяжелым, жарким тропическим климатом (прежде всего на Новую Гвинею, архипелаг Бисмарка, Соломоновы острова, Новые Гебриды) или на архипелаги, бедные природными ресурсами (большинство островов Микронезии и Полинезии), миграция из других частей света была незначительной.

Последствия европейской колонизации были в ряде районов тяжелыми. Аборигенная культура многих океанийских народов либо была полностью разрушена, либо пришла в упадок. Некоторые этнические группы (например, тасманийцы) вымерли, другие (аборигенное население Австралии, жители многих островов Океании) сильно сократились в численности. Депопуляция была вызвана многими причинами: усилением междоусобиц в результате продажи европейскими и американскими торговцами огнестрельного оружия местным вождям, распространением новых болезней, против которых у аборигенов еще не выработался иммунитет, и т.д.

Народы Австралии и Океании в ряде случаев оказывали упорное сопротивление иноземным пришельцам, не раз на различных архипелагах вспыхивали вооруженные восстания. Однако экономическая и социальная отсталость коренных жителей Австралии и Океании предопределила исход этой борьбы. Военный потенциал аборигенов находился на низком уровне, островитяне были разобщены, нередко враждовали между собой.

После второй мировой войны освободительная борьба океанийцев уже начинает приносить первые плоды. В 1962 г. получило независимость Западное Самоа, в 1968 г. — Науру, в 1970 г. — Тонга и Фиджи, в 1975 г. — Папуа — Новая Гвинея, в 1978 г. — Соломоновы Острова и Тувалу, в 1979 г. — Кирибати (острова Гилберта и некоторые другие архипелаги), в 1980 г. — Вануату (Новые Гебриды), в 1987 г. — Федеративные Штаты Микронезии (центральная и восточная часть Каролинских островов) и Маршалловы Острова. Борются за независимость коренные жители Новой Каледонии, Палау и некоторых других островов Океании.

Современная культура народов Австралии и Океании в разной мере сохранила свой самобытный характер. В тех случаях, когда контакты аборигенов с европейцами долгое время носили ограниченный характер (например, во внутренних областях Австралии и Новой Гвинеи), культура коренных жителей осталась почти что в первозданном виде, и влияние европейской цивилизации чувствуется довольно слабо. На другом полюсе находятся океанийские народы, давно вступившие в тесные связи с европейцами и американцами (например, местное население Га-

вайских островов, Новой Зеландии, Таити и т.д.): у них мы видим лишь остатки традиционной культуры, весь их культурный облик претерпел коренные изменения. Однако имеются также этносы, у которых и традиция и инновация играют значительную, иногда примерно равную роль (например, фиджийцы, аборигены островов Кука и т.д.).

Следует отметить, что при этнографической характеристике народов Австралии и Океании основное внимание обычно уделяется рассмотрению традиционной культуры в том ее виде, в каком она находилась к началу европейской колонизации. Такой крен в сторону архаических черт культуры в какой-то мере оправдан — уже отмечалось, что Австралия и Океания представляют огромный интерес для этнологов прежде всего именно из-за сохранявшихся еще недавно элементов первобытности. Однако не меньшее познавательное значение имеет и изучение современного культурного состояния австралийских и океанийских народов, позволяющее проследить сложное соотношение традиции и инновации (этот вопрос также относится к числу важнейших проблем этнологии).

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ

18-миллионное население Австралии (вместе с Тасманией) в настоящее время на 97% состоит из потомков переселенцев, а также иммигрантов, приехавших из различных европейских стран. Аборигенное население Австралии насчитывает вместе с метисами и жителями островов Торрессова пролива немногим более 0,3 млн человек (2% населения). Если подавляющее большинство жителей островов Торрессова пролива (народ мабуиаг) по языку и культуре близки коренным жителям Австралийского континента, то жители восточных островов (мираам) родственны папуасам Новой Гвинеи.

Хотя потомки выходцев из Европы и образуют подавляющее большинство населения Австралии, мы начнем этнографическую характеристику с австралийских аборигенов ввиду исключительного интереса, который представляет эта группа населения для этнологической науки.

Коренное население Австралии, прежде расселенное в пределах всего материка (кроме некоторых, наиболее неблагоприятных по природным условиям областей), в настоящее время компактно проживает в его северных, западных и центральных районах.

Антропологически австралийские аборигены специфичны и образуют особый тип австралоидной расы. Тип этот характеризуется темно-коричневой кожей, черными волнистыми волосами, обильной растительностью на лице, сильно выступающим надбровьем, широким носом, сравнительно толстыми губами. Рост у австралийских аборигенов средний или выше среднего, голова длинная, лицо prognathное (т.е. с несколько выступающими вперед челюстями).

Аборигены Австралии говорят более чем на 200 языках, относящихся к особой австралийской филлии, или надсемье (т.е. языковой группировке, родство внутри которой более отдаленное, чем внутри семьи). Филлия подразделяется на 26 групп, крупнейшей из которых является пама-нюнга. Группа эта объединяет почти три четверти всех говорящих на австралийских языках. Лишь языки некоторых племен, живущих в северной части континента (на полуострове Арнемленд, в горах Кимберли и т.д.), относятся к другим группам (гунвиньгу, тиви, джерага, ворора и пр.). В отличие от языков группы пама-нюнга, для которых характерен суффиксальный строй, большинство языков малых групп имеет префиксальный строй. Тасманийские языки (всего их было, по-видимому, два) очень слабо изучены, но, судя по всему, не родственны австралийским языкам. Языки коренных жителей Австралии и Тасмании относительно бедны отвлеченными

понятиями, зато могут очень точно передавать все детали конкретных предметов и все оттенки действий. Небогаты австралийские языки и понятиями, обозначающими количества.

Основным занятием австралийцев и тасманийцев были охота и собирательство, причем охотились преимущественно мужчины. Женщины же и дети оказывали посильную помощь мужчинам во время охоты, а также собирали различные съедобные дикорастущие растения и ловили мелких животных.

Главными объектами охоты были кенгуру и другие сумчатые животные, птицы. Охотились австралийцы с помощью копий (иногда составленных из нескольких частей), а также различных метательных палиц, в частности бумеранга. Для увеличения дальности полета копья применялась особая дощечка с упором на конце — копьёметалка. Тасманийцы бумерангов и копьёметалок не знали. Лук и стрелы встречались в Австралии только на полуострове Йорк, где они были заимствованы у папуасов Новой Гвинеи.

Из способов охоты более характерными были активные: преследования животного, облавы и т.д. Вместе с тем австралийцы применяли при охоте также сети, силки, разные ловушки и т.п. Выкапывали съедобные растения с помощью длинной заостренной палки. Ею же разрывали норы мелких животных.

Рыболовство было менее распространено, чем охота и собирательство, что в значительной мере объясняется бедностью гидрографической сети на большей части австралийской территории. Рыбу ловили с помощью крючковой снасти, сетями, корзинами, а то и просто руками, лучили копьем, били острой и гарпуном. Иногда реки перегораживались заколами, практиковалось и отравление водоемов растительными ядами. Тасманийцы рыболовства не знали.

Из домашних животных австралийцам была известна полудикая собака динго, мало помогавшая им на охоте.

Орудия производства, охотничье и боевое оружие, а также домашняя утварь изготовлялись из камня, кости, раковин, дерева, растительных волокон и т.п.

Наиболее совершенным по обработке орудием следует считать каменные топоры, частично или целиком шлифованные. Кроме них применялись тесла, ножи, скребки, зернотерки и некоторые другие орудия. Техника обработки камня носила у австралийцев мезолитический и раннеолитический характер. Уровень каменной индустрии тасманийцев был существенно ниже австралийского. Они не знали техники шлифовки камня, не имели и зернотерок.

Как австралийцы, так и тасманийцы вели бродячую жизнь и (если не считать нескольких групп австралийцев) не создавали постоянных поселений, а жили стойбищами. Жилищем служили шалаши, примитивные хижины из ветвей, кусков коры и глины, иногда ветровые заслоны, позади которых в земле вырывались углубления, где люди спали. Тасманийцы жили также в дуплах больших деревьев.

Тасманийцы, да и многие австралийские племена не знали никакой одежды и ходили обнаженными. В некоторых районах Австралии были известны набедренные повязки, пояса с передниками или без них, а кое-где и плащи из шкур опоссума.

Пища австралийцев и тасманийцев состояла из различных продуктов охоты и собирательства. Отдельные австралийские племена употребляли в пищу и рыбу. Мясо и рыба жарились на огне, раскаленных углях или камнях, иногда пеклись в горячей золе или песке. Австралийцам была знакома земляная печь, представляющая собой яму, в которой разводился костер и нагревались камни. Тасманийцы земляной печи не знали.

Растительные продукты порой ели сырыми. Однако в большинстве случаев продукция собирательства перед употреблением в пищу проходила различную обработку (размалывание, растирание, вымачивание, печенье и т.д.).

Способы добывания огня были разнообразными (пиление, сверление, высекание).

Невысокому уровню развития материальной культуры австралийцев соответствовали архаические формы их социальной жизни. Наиболее крупным объединением в большинстве случаев было племя, их насчитывалось примерно 600. Однако племя являлось, скорее, этнической общностью, чем общностью социально-потестарной. Оно не имело какой-либо постоянной организации, не возглавлялось вождem. Средняя численность племени составляла 450–500 человек. Несколько близкородственных племен иногда образовывали племенную группу, представители которой осознавали общность происхождения.

Большая часть племен подразделялась на локальные группы или общины, насчитывавшие в среднем 50 человек, владевшие определенными участками земли и бывшие основными производственными ячейками.

Многие из австралийских племен делились также на две экзогамные половины – фратрии. Фратрии, в свою очередь, подразделялись на роды (случалось, что на роды делились непосредственно племена). Принадлежность к фратрии и роду передавалась большей частью по отцовской линии.

Помимо деления на роды каждая фратрия распадалась еще на две или четыре брачные секции (класса). Брачные секции как бы вели счет поколениям внутри фратрий и регулировали брачные связи между представителями этих поколений. Австралийская семья обычно состояла из живших в одной хижине мужа, его жены (иногда двух–трех жен) и детей.

Несколько семей составляли общину, подразделение племени. Общины, как и племена в целом, не знали социальной дифференциации. Существовали лишь половозрастные группы: группа взрослых мужчин–охотников и группа женщин и подростков, занимавшихся в основном собирательством. По достижении определенного возраста мальчики, пройдя обряды инициации (приучавшие обычно к перенесению физической боли и других невзгод и целью которых были подготовка к будущей трудовой жизни и воспитание выносливости), переходили в группу взрослых мужчин.

Для общественных отношений австралийцев очень характерно влиятельное положение пожилых мужчин. Наиболее авторитетный из них избирался главой общины.

Отношения между различными общинами и племенами носили обычно мирный характер, в частности они вели натуральный обмен. Конечно, иногда по разным причинам случались вооруженные столкновения, но они не приводили к большому кровопролитию и быстро улаживались.

Общественный строй тасманийцев плохо известен. Они делились на два десятка племен, внутри которых имелись более дробные подразделения, каждое из которых не превышало полсотни человек. Организация власти и семейно-брачные отношения у тасманийцев напоминали австралийские.

Очень мало известно и о верованиях тасманийцев. Однако с уверенностью можно сказать, что высказывавшиеся порой предположения о безрелигиозности тасманийцев беспочвенны. У них существовали какие-то примитивные формы верований, в которых переплетались элементы тотемизма, магии, анимизма, веры в загробную жизнь и т.д.

Религия австралийских аборигенов изучена довольно хорошо. Преобладающей формой верований австралийцев был тотемизм, т.е. вера в сверхъестественное родство между какой-то группой людей, с одной стороны, и определенным видом животных или растений, либо каким-то минералом, явлением природы – с другой.

Характерны для австралийцев и магические верования, т.е. представления о возможности человека сверхъестественным путем влиять на других людей и

природу. Менее выражены в австралийской религии анимистические представления, хотя вера в злых духов и душу вообще существовала. Аборигены Австралии не имели храмов и жрецов, хотя "специалисты" культа — колдуны и знахари — у них уже выделились.

Народное творчество австралийцев весьма оригинально. Фольклор их был тесно связан с религиозными верованиями (тотемические мифы и т.д.), но имелось и немало произведений без религиозных сюжетов (например, сказки).

Очень характерны для австралийцев пляски, называемые корробори, имевшие обычно изобразительный характер и выполнявшие культовые и развлекательные функции. Пляски сопровождала музыка, преимущественно вокальная, однако известные и некоторые примитивные музыкальные инструменты (бумеранги, палочки и т.д.).

Изобразительное искусство аборигенов Австралии (для которого характерен условно-схематический стиль), так же как и фольклор, часто было тесно связано с религией. Широко практиковались резьба, выжигание, раскраска, орнаментация птичьим пухом и т.д.

Таковы были основные черты жизни аборигенов Австралии и Тасмании к моменту начала контактов с европейцами.

Европейская культура в разной мере затронула различные племена коренных жителей Австралии, и в этом отношении они могут быть разделены на несколько групп.

Более всего сохранили прежний быт австралийские аборигены, живущие в северных и центральных районах страны на специально отведенных для них участках — резервациях. Здесь по-прежнему некоторые племена занимаются охотой и собирательством, используют орудия из камня, кости и дерева, придерживаются старых обычаев, сохраняют традиционную культуру.

В созданных в некоторых резервациях "правительственных станциях" и поселках, организованных миссиями, европейское влияние чувствуется сильнее.

Еще дальше отошли от своего старого племенного быта аборигены, живущие на животноводческих фермах и в небольших поселках, расположенных в черте некоторых крупных австралийских городов (в городах сосредоточено свыше 2/5 всех аборигенов). Однако уровень жизни в этих поселках очень низок.

На рубеже 1960-х и 1970-х годов в жизни австралийских аборигенов стало наблюдаться интересное явление. Оно заключается в том, что многие коренные австралийцы, живущие в созданных европейцами населенных пунктах, а также в специальных поселках, организованных различными христианскими миссиями, и на "правительственных станциях", покидают свое прежнее местожительство и создают на ранее обитаемых ими землях так называемые внешние поселения, или децентрализованные общины. Стремясь восстановить в этих поселениях позиции уже в значительной мере утраченных родных языков, а также воссоздать в какой-то мере свою прежнюю духовную культуру и традиционные общественные и семейно-брачные отношения, аборигены в то же время совсем не склонны отказываться от использования достижений европейской культуры (они носят европейскую одежду, слушают радио, смотрят телевизионные передачи, стараются дать своим детям хорошее образование, обеспечить себя современным медицинским обслуживанием и т.д.). Наряду с охотой (она ведется нередко на автомобилях и с применением огнестрельного оружия) и собирательством, многие жители "внешних поселений" занимаются земледелием и животноводством.

Стремление сочетать в своей жизни традиционные и заимствованные элементы характерно не только для обитателей "внешних поселений", но и для аборигенов в целом. Причем элементы инновации особенно заметны в материальной культуре, духовная же и соционормативная культура в гораздо большей степени сохраняют свой традиционный облик.

В последнее время под напором усилившейся борьбы аборигенов за свои права были предприняты некоторые меры, направленные на повышение их уровня жизни. Некоторое число коренных австралийцев принято в высшие учебные заведения страны, улучшено преподавание в школах для аборигенов. Известные усилия предпринимаются и для улучшения жилищных условий аборигенов, принимаются меры по охране их здоровья.

Этническое развитие разных групп австралийских аборигенов идет неодинаковым путем. Часть их стойко сохраняют племенное самосознание. Это прежде всего группы, живущие в резервациях. Наиболее значительными из современных племенных групп являются (не считая островитян Торрессова пролива) варлпири (3 тыс. человек), живущие в западно-центральной части Северной Территории и прилегающей полосе Западной Австралии, аранда (2 тыс.), занимающие обширные районы в центре, на востоке и юге Северной Территории, а также примыкающий район Южной Австралии, валмадяри (1,3 тыс.), населяющие северо-восточные районы Западной Австралии, и тиви (1,4 тыс. человек) на островах Мелвилл и Батерст в Северной Территории. Первые три этноса принадлежат в языковом отношении к группе пама-ньюнга, тиви образуют отдельную группу.

Особое место среди коренного населения Австралии занимают так называемые островитяне Торрессова пролива, представляющие собой в действительности два самостоятельных этноса, один из которых — мабуиаг (около 30 тыс. человек) — является самым крупным аборигенным народом Австралии.

Что касается австралийских аборигенов, живущих в городах, на "правительственных станциях" и в миссионерских поселках, то очень многие из них утратили свой язык и культуру. По данным переписи 1986 г., только около одной шестой части коренных жителей Австралии знали свои родные языки. Среди полностью перешедших на английский язык — австралийско-европейские и тасманийско-европейские метисы (последних — около 3 тыс. человек), подавляющее большинство "чистых" аборигенов, обосновавшихся в городах, очень многие коренные австралийцы на миссионерских станциях.

Однако далеко не все из утративших родные языки аборигенов в полной мере детрибализированы. Значительная часть их (и прежде всего "чистые" аборигены) продолжает сохранять племенное самосознание. Некоторые исследователи предполагают, что в довольно отдаленной перспективе все коренные австралийцы могут сложиться в единый аборигенный этнос.

* * *

Англоавстралийская нация сформировалась в начале XX в., после объединения австралийских колоний Великобритании и получения новой страной статуса доминиона. Возникновению Австралии как единого государства и рождению англоавстралийской нации благоприятствовали тесные экономические и культурные связи, установившиеся между разными районами Австралии еще в колониальный период.

В формировании англоавстралийцев основную роль сыграли потомки выходцев из Англии, Шотландии и Ирландии, начавших селиться здесь с конца XVIII в. сперва в качестве ссыльных, а позже (особенно с 30–50-х годов XIX в., когда на континенте стали быстро развиваться овцеводство и золотопромышленность) и в качестве свободных поселенцев. Белое население Австралии росло стремительными темпами. Если в 1828 г. оно составляло лишь около 40 тыс. человек., то к настоящему времени его численность достигла 17 млн человек (из них 13 млн — англоавстралийцы).

Хотя все компоненты, из которых сложилась англоавстралийская нация, в значительной мере перемешались, большинство белых австралийцев хорошо пом-

няют страну исхода своих предков, и между потомками выходцев из Англии, Шотландии и Ирландии до сих пор сохраняются некоторые культурные отличия, чему способствовали, в частности, различия в религиозной принадлежности. Потомки выходцев из Англии в большинстве своем англикане, население шотландского происхождения принадлежит преимущественно к Объединяющейся церкви в Австралии (в которую вошли пресвитериане), ирландского — придерживается католицизма. Ряд особенностей сохраняет и население различных австралийских штатов (бывших английских колоний): Нового Южного Уэльса, Виктории, Квинсленда, Южной Австралии, Западной Австралии, Тасмании.

Англоавстралийцы по своему культурному облику во многом схожи с населением Британских островов, хотя есть у них и свои специфические черты. Появление этой культурной специфики связано в первую очередь со значительным периодом самостоятельного исторического развития, а также со своеобразием природной среды, в условиях которой формировалась англоавстралийская нация.

Большинство англоавстралийцев живет в индивидуальных одно- и двухэтажных домах. Особенностью этих жилищ по сравнению с жилыми домами в Великобритании является наличие в них веранд. Около большинства таких домов сооружается цементная цистерна для сбора дождевой воды. Сравнительно недавно австралийские жилища в крупных городах строили в основном из кирпича и крыли черепицей; в небольших городах, пригородах и сельских поселениях дом сооружался чаще всего из дерева, а в качестве кровли использовалось гофрированное железо. В последнее время в строительстве все более применяются такие современные материалы, как железобетонные конструкции, панели.

В сельских поселениях и небольших городах перед жилым домом обычно разбивается сад. В засушливых районах страны для сельского жилого комплекса характерно наличие поблизости от дома резервуара для сбора дождевой воды.

Конечно, социальное положение и достаток хозяина сильно влияют на размеры жилища и убранство его интерьера. Коттеджи зажиточных людей нередко состоят из 10 и более комнат, внутреннее убранство отличается богатством. На заднем дворе таких коттеджей можно увидеть плавательный бассейн с проточной водой. Австралийцы же со скромным достатком живут в домах с небольшим числом комнат, обстановка которых недорога.

Свыше 4/5 англоавстралийцев живут в городах, причем основная масса горожан — это жители столиц шести австралийских штатов, расположенных на побережье или вблизи от него. Города Австралии сравнительно молоды: самый "старый" из них — Сидней — существует лишь немногим более 200 лет. Разные города довольно сильно отличаются друг от друга по характеру застройки, степени озелененности. Так, в Сиднее и Брисбене преобладают узкие улочки, улицы же Мельбурна и Перта выделяются широтой и прямолинейностью. Сидней сравнительно беден своим зеленым нарядом. Аделаида и особенно столица страны — Канберра, наоборот, очень богаты цветниками, парками и скверами.

Последние годы ознаменовались ростом вывысь крупных австралийских городов, появлением в них большого числа деловых и административных зданий из стекла и стали.

По каждодневной одежде англоавстралийцев почти не отличишь от жителей Европы, и особенно Великобритании. Но если у европейских народов имеются свои национальные костюмы (которые, впрочем, надеваются сейчас очень редко: во время различных фестивалей, иногда на праздниках и т.д.), то англоавстралийцы, как молодой этнос, своего национального костюма не имеют.

Мало выделяются англоавстралийцы от населения Британских островов и по своей пище, и по застольным обычаям. Они обычно едят, как и англичане, четыре раза в день, в строго установленные традицией часы. Среди наиболее популярных в

Австралии блюд нужно отметить порридж, пудинг, бекон, ростбиф, бифштекс, т.е. типично английские кушанья.

Сходен с британским и общественный быт англоавстралийцев. Свой досуг они проводят примерно так же, как и население Великобритании. Вместе с тем следует отметить, что население Австралии несколько менее привержено традициям, чем англичане.

Основную массу экономически активных англоавстралийцев (около 9/10) составляют лица, работающие по найму (рабочие и служащие). Подавляющая часть их занята либо в промышленности, либо в торговле, финансовых учреждениях и сфере обслуживания. Доля населения, занятого сейчас в сельском хозяйстве, невелика (в три раза меньше доли лиц, занятых в промышленности).

Хотя у такой молодой нации, как англоавстралийцы, пока не сложилось достаточно развитое народное творчество, тем не менее еще в XIX в. у англоязычного населения Австралии появились свои баллады. Песенный фольклор англоавстралийцев обычно заимствует английские, шотландские и ирландские мелодии.

Англоавстралийская культура молода. Однако литература, изобразительное и музыкальное искусство Австралии уже дали миру ряд выдающихся мастеров. Широкую известность, например, получило литературное творчество В. Палмера, всемирно признан талант австралийской певицы Н. Мелба.

НАРОДЫ ПАПУАСИИ (НОВОЙ ГВИНЕИ)

Новая Гвинея – второй по величине остров мира – в настоящее время подразделяется в политическом отношении на две части. Восточная ее часть образует основной массив государства Папуа – Новая Гвинея (которое включает, кроме того, архипелаг Бисмарка, Бугенвиль и некоторые другие острова), западная (Ириан-Джая) – входит в состав Индонезии.

Подавляющее большинство населения острова (около 85%) составляют папуасские народы (так обычно называют большую часть коренного новогвинейского населения, которая говорит на различных языках, не входящих в австронезийскую семью). Общее число папуасов на Новой Гвинее составляет 4,3 млн человек. В этническом отношении папуасское население острова делится более чем на 600 отдельных этносов. Языки, на которых говорят эти народы, не образуют единой генетической группы, а распределяются между несколькими не родственными между собой филиями, или надсемьями, (как уже отмечалось выше, родство внутри филлий более отдаленное, чем внутри семей). Самой крупной из них является трансногвинейская надсемья, на языках которой говорит 85% всех папуасов Новой Гвинее и которая распространена в пределах большей части острова, кроме нескольких его периферийных районов. Языки следующей по величине надсемьи сепик-раму (северо-западная часть Папуа – Новой Гвинее) являются родными для 8,5% всех папуасов Новой Гвинее. Остальные 6,5% папуасского населения говорят на языках надсемей западнопапуасской, восточночन्द्रавасихской, залива Чендравасих, ско, квомтари, амто-мусиан, арай, торичелли, а также на нескольких изолированных языках (варенбори, борумесо, массен, пауви, юри, нагатман, буса, пороме). В Папуа – Новой Гвинее значительная часть населения знает сейчас местный пиджин-инглиш (ток-писин).

Большая часть папуасских народов невелика и насчитывает от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. Самые крупные из папуасских этносов: энга (около 0,3 млн человек), чимбу (около 0,3 млн), медлла (около 0,2 млн), камано (около 0,2 млн), хули (свыше 0,1 млн), ангал (свыше 0,1 млн), дани (более 0,2 млн человек). Все эти народы относятся к трансногвинейской надсемье и живут на Центральном нагорье (шесть первых – в Папуа – Новой Гвинее, последний – в Ириан-Джая).

Кроме папуасов, на Новой Гвинее обитают также народы, говорящие на австронезийских языках. Их обычно называют меланезийцами. Они расселены в нескольких прибрежных районах острова, самым крупным из которых является область бассейна реки Маркхэм. По своей численности (свыше 0,3 млн человек) меланезийцы сильно уступают папуасам. В последние годы в Ириан-Джая обосновалась большая группа переселенцев с Явы, Сулавеси и других островов Индонезии (приблизительно 0,4 млн человек).

В антропологическом отношении среди коренного австралоидного населения Новой Гвинее различают два основных типа, идентичных по названию с этноязыковыми группами острова: папуасский и меланезийский. Для обоих типов, которые довольно близки, характерны темная кожа, курчавые волосы, толстые губы, широкий нос, однако представители папуасского типа выделяются более узким лицом и особенно своеобразной формой носа, имеющего крючковидный изгиб в хрящевой части (так называемый ложносемитический нос). Хотя говорящие на папуасских языках группы обычно принадлежат к папуасскому типу, а на австронезийских — к меланезийскому, полного соответствия здесь не наблюдается.

По своим занятиям подавляющее большинство папуасов — мотыжные земледельцы, причем хозяйство их носит натуральный характер. Важнейшие возделываемые культуры — таро, ямс, батат, бананы, сахарный тростник, кокосовая и саговая пальма, хлебное дерево. Сейчас у папуасов можно встретить и заимствованные от европейцев культуры (бобы, картофель, выращиваемые как товарные культуры кофейное дерево, какао-бобы и т.д.). Традиционные орудия — каменный топор или тесло, сажальный кол и узкая лопата. Реже встречаются мотыги. Каменный топор и тесло в значительной мере вытеснены железными топорами и ножами, деревянные лопаты и мотыги — железными.

Известный русский этнограф Н.Н. Миклухо-Маклай, проводивший более двух лет среди папуасов, так описывает их подсечно-огневой способ обработки земли. Папуасы, "выбрав участок земли для плантации, срубаят сначала подлесок, а затем и более крупные сучья больших деревьев. Этим достигается больший доступ солнца, отчего все срубленное быстро увядает и засыхает. Тогда разводят огонь и сжигают срубленный кустарник и засохшие сучья. Остаются только большие деревья, их постепенно поджигают у корня несколько дней подряд, а иногда и срубаят большими каменными топорами". На расчищенном участке мужчины вскапывают землю, глубоко втыкая в нее сажальные колы. Женщины и дети размельчают и растирают вскопанную землю. Потом следуют посадка, уход за участком и сбор урожая, причем все эти работы выполняют женщины. Подобным же образом ведутся сельскохозяйственные работы и в настоящее время.

Из домашних животных папуасы разводят свиней, кур и собак. В отдельных селениях появились крупный рогатый скот.

Земледелие обычно совмещается с охотой. Охотятся с помощью копья, лука и стрел. Объектами охоты служат дикие свиньи, казуары, мелкие птицы, опоссумы, ящерицы, змеи. Рыболовство, если не считать нескольких прибрежных поселений, развито слабо.

Ремесло пока не отделилось от земледелия. Еще недавно все орудия, с помощью которых трудился папуас, изготовлялись из дерева, камня, кости, раковин. Из этого же материала делалось и оружие, как охотничье, так и боевое. В настоящее время все шире распространяются более совершенные, покупные орудия. Вместе с тем, несмотря на все увеличивающуюся долю покупных изделий, многое папуасы по-прежнему делают сами: лодки, часть орудий труда, одежду, утварь и т.д. Значительную роль в хозяйственной жизни папуасов в последние годы стали играть кооперативы (бытовые, потребительские, производственные).

Для большинства папуасов характерен хозяйственно-культурный тип ручных земледельцев, однако к этому типу принадлежит не все папуасское население. В

ряде болотистых районов Новой Гвинеи¹ (например, по реке Баму) сохранился и другой, более примитивный хозяйственно-культурный тип, где основным занятием населения является сбор плодов дикорастущей саговой пальмы.

Папуасы селятся обычно небольшими деревнями. В большинстве папуасских деревень число жителей не превышает 100–150 человек. Сельские поселения, в которых проживает свыше 1 тыс. человек, встречаются редко (главным образом, в районе Сепик). В последние годы на острове довольно быстро растут города.

Как и в некоторых других районах Океании, в деревнях Новой Гвинеи взрослые мужчины живут отдельно от остальных жителей, в особом мужском доме.

Хижины — свайного типа или наземные. Пол в свайных постройках — из бамбуковых стволов, в наземных — земляной. Стены сооружаются из бамбука и древесной коры, иногда — из грубо обработанных досок. Хижины кроются пальмовыми листьями. Традиционное жилище сохраняется довольно стойко. Домов современного типа в деревнях немного. Кое-где в качестве элемента интерьера появились кровати.

Одежда мужчин-папуасов состоит из пояса, изготовленного из тапы (вымоченной и отбитой древесной коры). Он несколько раз обертывается вокруг бедер и пропускается между ног. Женская одежда представляет собой юбочку из растительных волокон или травы.

Украшения носят преимущественно мужчины. Это браслеты, ожерелья, своеобразные серьги, носовые вставки и т.д. Целям украшения служат также татуировка и окраска тела. Женщины украшают себя значительно реже.

Европейская одежда проникла на Новую Гвинею еще слабо, главным образом в городские поселения. Однако некоторые элементы традиционной одежды, например юбки, стали часто делать из современного покупного материала.

Пища в основном растительного происхождения. Мясо (свиней, кур, собак, а сейчас иногда и кошек) употребляют редко. Приготавливают пищу в земляной печи, в золе или на открытом огне. Огонь прежде добывали трением, однако в настоящее время для этой цели применяются купленные или выменянные спички. Покупают теперь и соль (раньше добывали из золы), сахар и некоторые другие продукты. Немало инноваций и в утвари. Наряду с традиционными глиняными горшками, бамбуковыми сосудами для воды, деревянными блюдами и ножами и костяными ложками теперь можно иногда увидеть в папуасской хижине эмалированные кастрюли, кружки, бутылки, металлические ножи, вилки, ложки и т.д.

Общественный строй папуасов сложен, некоторые элементы их социальной организации кажутся, на первый взгляд, запутанными, что в значительной мере связано с недостаточной еще изученностью общественных отношений у папуасских народов.

Папуасы делятся на племена, но они, как у австралийцев, представляют собой скорее не социально-потестарные, а этнические общности. Это довольно аморфные объединения, связанные единством языка и культуры, но не имеющие какой-либо племенной организации, племенных вождей и т.п.

Род у папуасов отцовский, точнее, ранняя его форма (материнский род встречается на Новой Гвинее только у меланезийцев). Несколько родов обычно объединены в союзы, но это будут не племена, а либо группа родов, связанная общностью происхождения (т.е. фактически фратрия), либо группа соседних родов, находящихся в постоянном контакте. Союз родов — самая крупная социальная организация, какая имела у папуасов к моменту контактов с европейцами.

Основные хозяйственные ячейки на Новой Гвинее — общины разных типов. Наиболее распространена родовая община. Для нее характерна общинная собственность на результаты совместной трудовой деятельности ее членов. Вместе с тем в рамках общинной собственности имеются также владения частей общины и личные. В родовой общине отсутствуют наследственные вожди, а авторитета и

руководящего положения ее члены добиваются в силу своих личных качеств. Важным признаком родовой общины является то, что большая ее часть (мужчины, их сестры и дочери) принадлежит к одному роду. Вне этого рода только те женщины, которые попадают в общину в результате брака с кем-нибудь из общинников.

У папуасов встречаются как малые семьи, состоящие из мужа, жены и их детей, так и большие семьи, объединяющие несколько родственных малых семей.

Весьма оригинальна и духовная культура папуасов. Традиционные верования разных папуасских народов заметно различаются между собой. У некоторых групп (например, маринд-аним) важную роль играла такая примитивная форма религии, как тотемизм. Широкое распространение получила также вера в магию. Для многих групп папуасов было характерно почитание предков (в примитивной форме культа черепов).

Деятельность миссионеров на Новой Гвинее, особенно активизировавшаяся за последние десятилетия, привела к тому, что сейчас большая часть населения острова формально исповедует христианство в форме протестантизма (лютеранство, реформатство и т.д.) и католицизма. Однако часто христианизация папуасов носит поверхностный характер. Кроме того, в последнее время здесь наблюдается тенденция к созданию отдельных христианских церквей, более или менее независимых от миссионерских организаций.

С традиционными верованиями тесно связан папуасский фольклор. Так, у маринд-аним широко бытуют мифы о деяниях тотемических предков полуживотной-получеловеческой природы (так называемых демонов). Распространены у папуасских племен и различные сказки о духах, носящие не столько магический, сколько нравоучительный характер.

Большое развитие получило у папуасов прикладное искусство, в частности художественная резьба по дереву.

Вековая отсталость папуасских народов начинает постепенно преодолеваться. Проводятся различные мероприятия с целью подъема экономического и культурного уровня населения, однако на пути развития молодого государства пока еще стоит немало препятствий.

НАРОДЫ МЕЛАНЕЗИИ

Меланезия (здесь этот регион рассматривается в узком его понимании, т.е. без Папуасии и Фиджи) имеет сложный этнический состав населения, хотя все же уступает в этом отношении Папуасии. В Меланезии проживает более 300 этносов. Так же как в Папуасии, они подразделяются по языку на две основные группы: народы, говорящие на австронезийских языках, и народы, говорящие на папуасских языках. Однако соотношение этих групп в Меланезии иное, чем на Новой Гвинее: здесь резко преобладают австронезийскоязычные группы (свыше 0,7 млн человек, не считая Новой Каледонии), папуасов же сравнительно немного (несколько более 0,1 млн человек).

Все распространенные в Меланезии австронезийские языки относятся к восточноавстронезийской, или океанийской, ветви. Океанийская ветвь распадается на ряд групп, крупнейшей из которых является восточноокеанийская. Народы, говорящие на языках восточноокеанийской группы, живут на северных и центральных островах архипелага Новых Гебрид, островах Банкс и юго-восточных островах из группы Соломоновых. К восточноокеанийской группе относятся по языку и так называемые "внешние полинезийцы" — население небольших полинезийских колоний на некоторых периферийных островах Меланезии (Тикопиа, Реннелл и т.д.). Народы, относящиеся по языку к другим группам океанийской ветви,

расселены на архипелаге Бисмарка, островах Д'Антркасто и Тробриан, архипелаге Луизиада, в северо-западной части Соломоновых островов, в южной, а отчасти и в северной части архипелага Новых Гебрид.

Этносы, говорящие на папуасских языках (в Меланезии представлена восточнопапуасская надсемья), обитают на архипелаге Бисмарка (главным образом, на северо-востоке Новой Британии), некоторых из Соломоновых островов (Бугенвиль, Велля-Лавелля и др.).

Народы Меланезии численно невелики. Самый крупный из них — толаи на Новой Британии — насчитывает несколько более 0,1 млн человек, численность же большинства других этносов составляет лишь несколько сотен или несколько тысяч человек.

Среди коренного населения Меланезии преобладает меланезийский антропологический тип, для которого характерны темная кожа, толстые губы, широкий нос, умеренно курчавые волосы, среднеширокое лицо.

Большую часть коренного населения Меланезии (кроме папуасов и полинезийцев) принято называть меланезийцами, хотя, как мы уже знаем, эта группа не имеет генетического характера.

Основное занятие меланезийцев — ручное земледелие. Важнейшие из возделываемых культур — ямс, таро, батат, кокосовая пальма, хлебное дерево, бананы, пизанг, саговая пальма. Кокосовая пальма является сейчас главной товарной культурой. В последние десятилетия добавился и ряд новых культур: какао-бобы, соевые бобы, рис, маниок, ананасы, арбузы, масличная пальма, имбирь и т.д.

В Меланезии распространена подсеčno-огневая система земледелия. Подготовка нового участка к посеву напоминает аналогичную процедуру в Папуасии.

Вторая по значению отрасль экономики — рыболовство (почти исключительно морское), причем на небольших островах эта отрасль иногда служит единственным средством существования. Рыболовные снасти разнообразны: различные сети, верши, корзины, заклы, крючки. Рыбу бьют также острогой, стреляют в нее из лука, травят ядом. Рыболовство в Меланезии считается исключительно мужским занятием. Оно имеет в основном потребительский характер, однако в последнее время появились рыбопромысловые предприятия (в Вануату они находятся, главным образом, в руках японцев).

Охота в связи с бедностью животного мира никогда не имела существенного значения.

В Меланезии до контактов с европейцами были известны три вида домашних животных: свинья, собака и курица. Сейчас на острова завезены также крупный рогатый скот (особенно много его в Вануату), овцы, козы. На некоторых островах животноводство стало приобретать товарный характер.

Из отраслей ремесла, которое к моменту европейской колонизации лишь начинало обособляться в самостоятельное занятие, развито плетение из текстильных волокон (циновок, корзин, сумок и т.п.). Ткачество подавляющему большинству меланезийцев (кроме жителей архипелага Санта-Крус и некоторых других мелких островов) было неизвестно, и вместо тканей часть меланезийцев изготовляла из отбитой колотушками древесной коры особую материю — тапу. Мало развито и гончарство (на многих островах оно совсем отсутствует). Значительное развитие получили резьба по дереву и строительство лодок.

В предколониальный период меланезийцы, так же, как и другие народы Океании, не знали металла. Орудия и оружие изготовлялись ими из камня, раковин, черепаховых панцирей, костей, зубов животных и, конечно, из дерева и бамбука. Главным каменным орудием был искусно отполированный и вправленный в деревянную рукоять топор. Из боевого оружия самым распространенным была палица. В настоящее время традиционные орудия довольно быстро уступают место покупным изделиям, изготовленным из железа и других современных материалов.

Меланезийцы до сих пор остаются в основном сельскими жителями. Они живут либо в многодворных деревнях, либо в поселках-однодворках.

В большинстве случаев меланезийские традиционные дома прямоугольные в плане. Как правило, крыша у них массивна и нависает над стенами. По форме она двускатная, слегка выпуклая. В качестве кровельного материала используются листья пальмы, банана или пандануса. Стены делаются из плетня, циновок, травы, досок, бамбука, тростника. Иногда стен нет совсем, и жилище состоит из крыши на столбах. Встречаются дома на каменном фундаменте. Иногда в задней части дома устраивается свинарник.

Гораздо реже, чем прямоугольные, строят овальные и круглые в плане хижины (Новая Британия, Новая Ирландия).

Кроме жилищ для отдельных семей, в Меланезии прежде были широко распространены вместительные мужские дома.

Сейчас наряду с традиционными жилищами, которые пока преобладают, в меланезийских деревнях и особенно в городах можно встретить также дома, построенные по европейскому плану или с применением современных строительных материалов. В них живут иностранцы и обеспеченные аборигены.

Из средств передвижения важнейшее значение по-прежнему сохраняют лодки. В Вануату до сих пор используются однодеревки, выдолбленные из ствола хлебного дерева. Имеются также крупные, сшитые из досок лодки. Характерен для Меланезии балансир — прикрепленное поперечными жердями бревно, придающее судну устойчивость. Лодки снабжены веслами, однако иногда имеется и парус.

Одежда меланезийцев в доколониационные времена была минимальной. Кое-где наблюдалась полная нагота. В большинстве же случаев одеждой служили набедренные повязки, передники, юбочки, пояса с пучком травы спереди. Одежда изготовлялась из тапы, травы, листьев, циновок и другого материала.

В одежде элементы нового потеснили традицию существеннее, чем в жилище. В меланезийских поселениях можно встретить немало людей, одетых в современный европейский костюм. Вместе с тем в деревнях, особенно во внутренних районах островов, по-прежнему бытует традиционная одежда. Сохраняются кое-где в Меланезии и традиционные украшения (гребни, серьги, ожерелья, браслеты и т.д.), причем их носят преимущественно мужчины.

Пищу меланезийцу приносит прежде всего его огород. Свиное мясо, как, впрочем, и мясные продукты других видов, употребляются редко. Зато довольно часто аборигены едят рыбу. Мясо и рыба приготавливаются обычно в земляной печи. Огонь прежде добывался почти повсюду "выпахиванием" (трением острым концом палочки вдоль дощечки). Сейчас используют покупные спички. Что же касается состава пищи и способов ее приготовления, то здесь традиция держится прочно.

По уровню общественного развития меланезийцы превосходили папуасов, но заметно уступали своим восточным соседям — полинезийцам.

Большие споры вызывал среди ученых вопрос о наличии в Меланезии племен. Если не считать Новой Каледонии и Фиджи, то племенная организация существовала только на южных островах архипелага Новых Гебрид, выделявшихся вообще более высоким уровнем социального развития. В других местах племена существуют лишь в качестве этнических общностей; известны и острова (главным образом, небольшие), где племен совсем нет, а бытуют рано сложившиеся этно-территориальные общности.

Наиболее характерной общественной организацией является сельская община. Внутри общины выделяется несколько больших семей, которые могут принадлежать к разным родам. Собственность на все земельные угодья обычно общедеревенская, однако каждая семья или отдельное лицо, обработавшее конкретный участок, сохраняет право на эту землю на течение всего времени, пока ее возделывает.

Род на большинстве островов Меланезии (кроме ее южной части) — материнский. Повсюду строго соблюдается обычай экзогамии. Жена обычно поселяется в общине мужа.

В Меланезии наблюдается заметное имущественное и социальное неравенство. Выделились богатые "большие люди" (часто вожди), скопившие немалые материальные ценности. Накоплению богатств способствовал широко развитый обмен (в этом отношении Меланезия превосходила все другие районы Океании). В последние десятилетия в регионе резко повысилась роль товарно-денежных отношений.

Для Меланезии характерны "мужские союзы" — своеобразные внеродовые объединения мужчин, встречающиеся и в ряде других регионов земного шара (например, в Африке).

В настоящее время подавляющее большинство населения Меланезии христианизировано. В Вануату христиане (пресвитериане и др.), по данным последней переписи, составляли 84% населения, а на Соломоновых Островах (англикане и др.) — даже 95%. Однако христианизация в ряде случаев имеет здесь, как и на Новой Гвинее, поверхностный, формальный характер.

Наиболее типичным традиционным верованием Меланезии является вера в некую безличную силу "мана". Мана, по представлениям меланезийцев, присуща разным предметам и явлениям природы, отдельным могущественным людям и их душам (после смерти), а также всевозможным духам. Распространение получили также анимистические верования, культ предков, разные формы магии.

В отличие от фольклора папуасов меланезийский фольклор не столь тесно связан с религиозными верованиями. Он представлен мифологическим эпосом, где повествуется о культурных героях (часто в этой роли выступают братья — "умный" и "глупый"), рассказами типа быличек о встречах людей с духами, сказками, анекдотами, историческими преданиями.

Традиционное изобразительное искусство Меланезии хорошо сохранилось вплоть до настоящего времени. Искусство это имеет в значительной мере прикладной характер. Так, тщательно орнаментируются разные предметы утвари, лодки, оружие. Орнамент сильно стилизован, он может наноситься красками или резьбой. Из дерева вырезаются статуи, головы, а также маски и наголовники.

Самобытно и меланезийское музыкальное искусство. Мелодический строй обычно основан на пятиступенной гамме. Из музыкальных инструментов представлены ударные — барабаны или чаще гонги и духовые — рог из раковины, разного рода флейты. Музыка всегда сопровождает пляски, в которых обычно присутствует изобразительный элемент (имитируются трудовые операции, военные действия и т.д.).

В последние годы в странах Меланезии достигнуты заметные успехи в деле повышения культурного уровня населения. Дети в основном охвачены школьным образованием (правда, преобладают школы первой ступени). Растут ряды местной интеллигенции. Постепенно нивелируются рубежи между племенными и локальными группами, все интенсивнее развиваются процессы этнического объединения в пределах каждой страны региона.

Расположенные на южной периферии Меланезии Новая Каледония и соседние с ней острова Луайоте (численность населения 0,2 млн человек) по своей культуре еще в предколониальный период существенно отличались от остальных меланезийских островов. После же установления колониального режима эти отличия стали гораздо более существенными.

Объявив в 1853 г. об аннексии Новой Каледонии, Франция превратила ее в место каторги, и до 1894 г., когда ссылка на остров была прекращена, сюда было отправлено несколько десятков тысяч каторжан.

Многие из каторжников после отбытия срока наказания остались на острове.

От этих бывших ссыльных и небольшой группы вольных поселенцев ведет свое происхождение большинство современных франкоязычных жителей Новой Каледонии (франконовокаледонцы, или каледош), которые составляют сейчас несколько более трети всего населения владения (вместе с островами Луайоте) и которые уже несколько обособились в этнокультурном отношении от французов метрополии.

Для работы на плантациях и рудниках (на Новой Каледонии были обнаружены богатейшие месторождения руд никеля и других металлов) с 90-х годов прошлого века начали ввозить рабочих из разных азиатских стран, и яванцы вместе с вьетнамцами в настоящее время образуют заметную группу в населении острова.

Несмотря на приток европейских и азиатских переселенцев, коренные жители Новой Каледонии и островов Луайоте (канаки) до сих пор составляют более 2/5 населения. Они говорят на трех десятках языков океанийской ветви австронезийской семьи и принадлежат в расовом отношении к особому новокаледонскому типу австралоидной расы. Для этого типа характерны узковолнистые волосы, значительное развитие третичного волосяного покрова, сравнительно высокий рост.

Новокаледонская традиционная культура имела существенные отличия от культуры других островов Меланезии. Так, в земледелии Новой Каледонии широко применялось искусственное орошение. Если в остальной части Меланезии преобладают дома прямоугольного плана, то для Новой Каледонии характерны круглые жилища. На Новой Каледонии в противоположность большинству островов Меланезии был распространен не материнский, а отцовский род, существовала племенная организация и даже довольно крупные племенные объединения.

Сейчас от традиционной культуры Новой Каледонии мало что осталось. Даже местные деревушки сильно европеизированы. Старый тип жилища можно встретить лишь в самых удаленных от Нумеа, административного центра владения, уголках страны. Почти ничего не сохранилось у коренных жителей и от их традиционного быта, общественного уклада. Практически все канаки двуязычны, хорошо владеют и французским языком. Тем не менее они достаточно стойки к ассимиляции и продолжают сохранять четкое этническое самосознание. В настоящее время наблюдается процесс постепенного слияния коренного населения острова в единый этнос, чему в немалой степени способствует борьба канаков за свою независимость.

НАРОДЫ ФИДЖИ

Существенно изменился за последние 100 лет и этнокультурный облик архипелага Фиджи (численность населения свыше 0,7 млн человек), лежащего на стыке между Меланезией и Полинезией.

Как в антропологическом, так и в культурном отношении коренное население островов Фиджи занимает промежуточное положение между меланезийцами и полинезийцами. По языку фиджийцы относятся к восточноокеанийской группе океанийской ветви австронезийской семьи.

Фиджийцы (особенно прибрежные) стояли по сравнению с жителями Меланезии на значительно более высоком уровне общественного и культурного развития и не уступали в этом отношении жителям многих полинезийских архипелагов. Высоко было развито ремесло, особенно строительство лодок. В фиджийском обществе имело место имущественное и социальное неравенство, большую власть приобрели вожди. Существовало рабство. Появились довольно крупные территориальные объединения.

Контакты с европейцами на первых порах форсировали дальнейшее общественное развитие Фиджи и привели к созданию на архипелаге государства. Однако в 1874 г. фиджийская независимость была ликвидирована: архипелаг стал колонией Великобритании.

Европейцы начали создавать на Фиджи плантации, специализированные в первую очередь на производстве сахарного тростника. Так как фиджийцы не желали работать на этих плантациях, то с 1879 г. был организован ввоз в страну законтрактованных рабочих из Индии, бывшей тогда британской колонией. И хотя в 1916 г. система контрактов была отменена, индийское население продолжало быстро расти благодаря высокому естественному приросту.

В настоящее время индийцы (говорящие преимущественно на хиндустани, а также на некоторых других индоарийских и на дравидийских языках) составляют около половины населения страны, несколько превосходя по численности аборигенов—фиджийцев. Большинство индийцев занимается выращиванием сахарного тростника на арендуемых земельных участках.

В хозяйствах фиджийцев главной культурой является кокосовая пальма. Их деревни продолжают во многом сохранять свой прежний облик. Живут фиджийцы частично в традиционных, круглых в плане хижинах, сооруженных из листьев пандануса и другого местного материала, частично в домах современного типа. Многие фиджийские мужчины продолжают носить свою традиционную поясную одежду в виде своеобразной юбки, женщины же предпочитают сейчас одеваться по-европейски. Сохранились на Фиджи и многочисленные элементы прежнего общественного устройства, в частности влиятельны здесь традиционные вожди.

Достижение Фиджи независимости в 1970 г. открыло перед страной перспективу более быстрого прогресса в различных областях жизни, однако темпы экономического развития страны пока невелики.

НАРОДЫ ПОЛИНЕЗИИ

Несмотря на большую территориальную распыленность по многочисленным, нередко далеко отстоящим друг от друга архипелагам, все полинезийские народы близки между собой по своему антропологическому типу, языкам и традиционной культуре.

Расовый тип полинезийцев специфичен. Для него характерны темно-смуглая кожа, высокий рост, широковолнистые волосы, средняя степень развития третичного волосяного покрова, слегка прогнатное лицо и средневыступающий, довольно широкий нос. По мнению ряда исследователей, полинезийцы в антропологическом отношении представляют собой контактный тип между монголоидной и австралоидной расами, некоторые же ученые допускают и примесь европеоидного элемента.

Полинезийские языки, как уже отмечалось, относятся к восточноокеанийской группе океанийской ветви австронезийской семьи. Всего насчитывается три десятка отдельных полинезийских языков.

Число полинезийских народов несколько больше — свыше 40, так как в Полинезии разные этносы, живущие на далеко отстоящих друг от друга островах, иногда говорят на различных диалектах одного и того же языка; 14 из полинезийских народов живут не в самой Полинезии, а в Меланезии и Микронезии (так называемые внешние полинезийцы, о которых уже говорилось). Среди полинезийских этносов имеется пять сравнительно крупных и хорошо консолидированных народов: новозеландские маори (свыше 0,4 млн человек), самоа (около 0,3 млн), гавайцы (0,15 млн), таитяне (более 0,1 млн), тонга (свыше 0,1 млн человек). Многие из перечисленных этносов сейчас частично метисированы (имеют в своем составе группы полинезийско-европейского происхождения), причем среди гавайцев и таитян неметисов осталось мало. Все остальные полинезийские народы значительно меньше по своей численности.

К моменту европейской колониальной экспансии в Полинезии был распро-

странен особый хозяйственно-культурный подтип или даже тип, который называют островным, или океанийским.

Основными занятиями полинезийцев являлись, да и сейчас являются ручное земледелие и рыболовство. Главные возделываемые культуры – кокосовая пальма, хлебное дерево, панданус, бананы, сахарный тростник, таро, ямс, батат, тыква, кабачки. В настоящее время выращиваются также маниок, кукуруза, рис, кофейное дерево, какао-бобы, ваниль, цитрусовые; ананасы и др. Наиболее распространенным традиционным сельскохозяйственным орудием был деревянный кол, который сейчас вытеснен покупной железной лопатой. В отличие от Меланезии в Полинезии земледелием занимаются оба пола, а на Тонга – только мужчины.

Из домашних животных прежде были известны нелающая собака местной породы, которую разводили только для мяса, свиньи и куры (на некоторых островах, например Гуамоту, собак на мясо разводят до сих пор). Сейчас появились и другие домашние животные (например, на острове Пасхи важнейшей отраслью хозяйства стало овцеводство, разводятся также крупный рогатый скот, козы, лошади).

Рыболовство повсюду в Полинезии играет важную роль, однако носит в основном потребительский характер. Орудиями лова служат крючки, сети, устраивают полинезийцы и запруды, бьют рыбу копьем, стреляют в нее из лука и т.д. Охота же имеет в этом регионе еще меньшее значение, чем в Меланезии.

Полинезийцы – искусные ремесленники. Они изготавливают разнообразные изделия из дерева, плетут циновки, сумки и т.п. Прежде было широко распространено производство тапы (сейчас ее изготавливают в основном для туристов), ткачество же совершенно отсутствовало. Не получило развития и гончарство. На отдельных архипелагах оно прежде было известно, но затем забыто.

Не знали полинезийцы и металла. Орудия, оружие, утварь изготавливались из камня, кости, зубов животных, раковин и дерева. В настоящее время широкое распространение получили железные орудия.

Полинезийцы известны как прекрасные мореплаватели. Они пересекали водные пространства, ориентируясь по солнцу и звездам, морским течениям и постоянным ветрам, на обладавших великолепными мореходными качествами лодках разных типов (одиночных, двойных, с одним или двумя балансирами).

Очевидно, предки полинезийцев, переселившиеся во второй половине II тысячелетия до н.э. с Фиджи на Тонга, уже обладали определенными навыками мореходства. Многовековая жизнь на архипелаге Тонга, состоявшем из разрозненных небольших островов, необходимость пополнять свой рацион продуктами морского рыболовства способствовали еще большему развитию мореходного искусства полинезийцев, что позволило им переселиться на дальние архипелаги.

Население Полинезии до сих пор живет преимущественно в деревнях. Раньше преобладали мелкие поселения, но затем под влиянием миссионеров, стремившихся с целью усиления контроля над своей паствой собрать ее в одном месте, стала наблюдаться тенденция к укрупнению поселений.

Традиционное полинезийское жилище имеет столбовую конструкцию, в плане прямоугольно или овально. Стены дома обычно плетут из листьев, травы и т.п., иногда же они отсутствуют, и тогда жилище состоит в первую очередь из массивной, низко свешивающейся крыши из пальмовых листьев или соломы. В настоящее время многие полинезийцы (особенно гавайцы, маори, таитяне) живут в домах европейского типа, построенных из современных материалов.

Полинезийская одежда состояла из набедренной повязки или передника у мужчин и юбочки либо передника у женщин. Материалом для изготовления одежды служили тапа, трава, циновки, растительные волокна, иногда птичьи шкурки, перья. Теперь такую одежду можно увидеть только во время празднеств, в обиход же прочно вошла дешевая покупная одежда европейского типа. Очень распро-

странены в Полинезии различные украшения, причем их носят и мужчины, и женщины. Одно из самых излюбленных украшений – цветы.

Социальное расслоение зашло в Полинезии так далеко, как нигде в других регионах Океании. Почти на всех архипелагах выделились наследственные вожди и связанная с ними элита (арики, арии, алии и т.д.).

Следующим социальным слоем были свободные общинники, а за ними шла группа несвободного населения, включавшая и рабов.

Основной общественной ячейкой была большая патриархальная семья, считавшаяся обычно собственником земли. Между разными большими семьями не было равенства. Несколько живших в одной деревне больших семей объединялись в территориальную общину. Последняя управлялась советом, в котором решающую роль играли главы патриархальных семей.

Формы собственности в Полинезии были разнообразны. Кроме общинной собственности на землю, существовала также частная собственность на движимое имущество. Для полинезийских архипелагов было характерно сравнительно слабое развитие обмена (в этом отношении Полинезия существенно уступала отстававшей от нее по общему уровню социально-экономического развития Меланезии).

Интересной особенностью Полинезии является отсутствие у большинства населяющих ее народов родовой организации. Несмотря на то, что отцовский род в этом регионе не сложился, возникшие вместо него большие семьи носили, безусловно, патриархальный характер.

В конце XVIII – начале XIX вв. у ряда полинезийских народов (гавайцев, таитян, тонга) стали складываться государственные образования.

Традиционный общественный строй в разной степени сохранился у разных групп полинезийцев. Он совершенно разрушился у гавайцев, мало что осталось от него у маори и таитян. На Тонга, Самоа и других архипелагах Полинезии прежние социальные порядки в значительной мере сохранились, подвергшись, конечно, существенным изменениям.

В противоположность этому традиционная религия полинезийцев практически везде отошла в прошлое, лишь кое-где можно увидеть измененные ее остатки, пережитки. Сейчас практически все население Полинезии христианизировано, причем новая религия проникла здесь в жизнь гораздо глубже, чем в Меланезии и Папуасии. Из направлений христианства наибольшее распространение получил протестантизм, представленный разными течениями: конгрегационализмом, методизмом (в основном на Тонга), реформатством (во Французской Полинезии) и др. Католиков в Полинезии сравнительно мало.

Что касается прежней полинезийской религии, то она достигла довольно развитых форм. У полинезийцев существовала иерархия в пантеоне, где выделялись четыре верховных бога природы: Тангароа (Тангалоа, Тагалоа, Каналоа и т.д.), Тане (Кане), Ронго (Лоно, Ро'о) и Ту (Ку). Души умерших вождей причислялись к пантеону. Значительное развитие получили космологические представления. В Полинезии в своеобразной форме существовала известная нам по Меланезии вера в безличную силу мана, причем наибольшая мана приписывалась вождям. Культ отпирания жрецы, пользовавшиеся большим влиянием.

Спектр положительных знаний полинезийцев был широк. Они различали звезды и планеты, имели верные представления об окружающих их водных пространствах и соседних архипелагах, составляли примитивные карты из палочек. Все это позволяло полинезийцам совершать отдаленные путешествия.

Глубиной отличались и представления полинезийцев о своем прошлом (исторические предания, генеалогии вождей и родов).

В Полинезии существовали своеобразные школы с 4-5-летним обучением, носившим сословный характер. Жители острова Пасхи создали свою идеографическую письменность.

Народное творчество у полинезийцев было более развитым, чем у их западных соседей. Изобразительное искусство представлено резьбой по камню (в Восточной Полинезии), дереву и кости. Жители острова Пасхи прежде вытесывали из мягкого камня огромные статуи.

Широкое развитие получило и музыкальное искусство. Музыкальные инструменты, главным образом, ударные (гонг и барабан, погремушки, трещотки) и духовые (различные трубы, флейты), но есть среди них и струнные ("музыкальный лук"). Полинезийцы очень любят песни, особенно хоровые, и танцы. Последние весьма своеобразны, их исполняют, не сходя с места. Широкую известность обрели гавайские танцы хула.

Перечисленные формы народного творчества довольно хорошо сохранились поныне в большей части современной Полинезии. Что же касается полинезийского фольклора, то он, к сожалению, в значительной мере позабыт. Наряду с космогоническими мифами полинезийцам были известны исторические предания, сказания о неoboжествленном культурном герое Мауи и богатырях Тафаки и Рата, сказки о животных, пословицы, поговорки и т.д.

В целом можно констатировать, что большинству полинезийских этносов удалось в значительной мере сохранить свою культуру. Больше других утратили свои этнокультурные особенности гавайцы и маори, о которых следует сказать отдельно.

Гавайские острова были открыты в 1778 г. Джеймсом Куком. Их население было близко по своему культурному и социальному облику к жителям других островов Полинезии. В конце XVIII в. один из гавайских вождей Камеамеа I объединил под своей властью весь архипелаг, создав государство. Однако на протяжении XIX в. на острова все более усиливалось проникновение европейцев и американцев, которыми были созданы крупные плантации сахарного тростника и ананасов. С усилением на островах американского влияния независимость гавайцев делалась все более призрачной. Для обеспечения плантаций рабочей силой начался ввоз законтрактованных рабочих из стран Азии (сначала из Китая, а затем также из Японии, Кореи и с Филиппин) и с принадлежащих Португалии островов Азорских и Мадейра. Доля в населении Гавайских островов полинезийцев стала быстро сокращаться, старая культура подверглась разрушению. В 1898 г. уже фактически зависимые от США Гавайи были официально аннексированы, а в 1959 г. превращены в штат США.

В настоящее время этнический состав населения Гавайских островов (общая численность — 1,2 млн человек) коренным образом отличается от прежнего. В стране сложилось многорасовое и многонациональное общество, причем ни одна этническая группа не составляет сейчас большинства. Американцы вместе с другими лицами европейского происхождения (среди европейцев немало португальцев) образуют свыше четверти населения, японцы — четверть. Немало также филиппинцев (главным образом, илоков), китайцев, корейцев и представителей ряда других народов. Гавайцы же составляют сейчас около одной восьмой населения штата, причем подавляющее большинство их — метисы, говорящие на английском языке (по разным оценкам, свободно говорят по-гавайски лишь от 1 тыс. до 5 тыс. человек) и сохраняющие лишь отдельные элементы традиционной культуры.

Лучше сохранили свою культуру японцы, филиппинцы, китайцы, корейцы и некоторые другие живущие на Гавайях группы. И хотя архипелаг представляет собой своего рода котел, где сплавляются в единое целое различные этнокультурные элементы, до полного культурного однообразия здесь еще далеко.

НАРОДЫ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

Новая Зеландия, представляющая собой двойной остров, до начала европейской колонизации была заселена полинезийцами — маори. Хотя основные черты маорийской культуры носили общеполинезийский характер, своеобразие природной среды и отдаленность Новой Зеландии от остальных островов Полинезии придали ее культурному облику специфику. Так, ввиду сравнительно прохладного климата типичные для остальной Полинезии кокосовая пальма, хлебное дерево и банан произрастать на новозеландской земле не могут, и главной земледельческой культурой маори служит батат. Беднее была Новая Зеландия и домашними животными: ее население разводило только собак. Отличался от общеполинезийского образца и маорийский дом: он строился из дерева. Вместо тапы, которую на Новой Зеландии не производили, для изготовления одежды маори использовали материю, сплетенную из так называемого новозеландского льна.

Хотя Новая Зеландия была открыта А. Тасманом еще в 1642 г., она более ста лет не посещалась европейцами. Лишь с конца XVIII в. здесь начинают обосновываться первые европейские поселенцы (беглые каторжники из Австралии и дезертировавшие матросы с английских кораблей). В связи с быстрым развитием текстильной промышленности в Англии британские власти организовали колонизацию Новой Зеландии с целью превращения этой страны в крупного производителя овечьей шерсти. Вторжение европейцев вызвало упорное сопротивление коренных жителей, однако их вооруженная борьба окончилась поражением. Приток британских переселенцев все более усиливался, и уже в 1858 г. европейцы несколько превышали по численности маори.

К настоящему времени основная часть европейского населения, представляющая собой потомков переселенцев из Англии, Шотландии и Ирландии и сложившаяся в англоновозеландскую нацию, насчитывает свыше 2,5 млн человек. К англоновозеландцам примыкают в культурном отношении переселенцы из Великобритании и других англоязычных стран. Коренные же жители страны — маори составляют сейчас лишь десятую часть населения.

Хозяйство и культура современных маори заметно отличаются от предколониального состояния. Наряду с бататом они сейчас выращивают картофель, пшеницу, кукурузу, появились в их хозяйствах свиньи, крупный рогатый скот и овцы. Однако маори, занимающихся сельским хозяйством на своих участках, сейчас меньшинство. Большинство коренных жителей — рабочие либо на скотоводческих и иных фермах, принадлежащих англоновозеландцам, либо на промышленных предприятиях и в строительных организациях.

Одеваются коренные новозеландцы в настоящее время по большей части в одежду европейского типа, существенные инновации заметны также в их жилище и пище, хотя здесь традиция все же сохранилась лучше.

Значительно изменилась и духовная культура маори. Сейчас подавляющее большинство их — христиане (главным образом, протестанты), остальные — приверженцы синкретических христианско-океанийских сект. Забывается местный фольклор. Вместе с тем до сих пор стойко держатся маорийские народные песни и танцы.

Что касается преобладающего ныне этноса Новой Зеландии — англоновозеландцев, то их культура близка к англо-шотландской, отличаясь все же рядом мелких особенностей. Так, новозеландские дома, хотя и похожи на английские, выделяются своими большими навесами и широкими спальными балконами. Кроме того, для поселений Новой Зеландии (в том числе и городских) характерна высокая доля домов, построенных из дерева либо из кирпича и дерева.

Англоновозеландцы живут в основном в городах, хотя в Новой Зеландии нет таких крупных городских центров, как в Австралии. Наиболее значительная группа

городских жителей — это рабочие различных промышленных предприятий. Число новозеландцев, занятых в сельском хозяйстве, сейчас в два раза уступает численности занятых в промышленности. Сельское англоновозеландское население состоит из фермеров и сельскохозяйственных рабочих.

НАРОДЫ МИКРОНЕЗИИ

Микронезия по этническому составу своего населения намного проще не только Папуасия и Меланезии, но и Полинезии: здесь живет лишь полтора десятка народов. Все народы Микронезии говорят на языках австронезийской семьи, причем на западе распространены языки западноавстронезийской ветви этой семьи, на востоке — восточноавстронезийской (океанийской). На западноавстронезийских языках говорят два народа Микронезии — чаморро (включая гуамцев — около 100 тыс. человек) и белау, или палау (около 20 тыс.). Среди остальных народов, относимых по языку к океанийской ветви, наиболее многочисленны кирибати, или гилбертцы (75 тыс.), чуук, или трук (около 40 тыс.), маршаллы (50 тыс.), похнпей, или понане (более 20 тыс. человек).

Жители Западной и Восточной Микронезии существенно отличаются друг от друга не только в языковом, но и в культурном отношении. Различаются они и по своему расовому облику. Если на архипелагах Восточной Микронезии можно наблюдать в разных сочетаниях смешение полинезийского и меланезийского расовых типов, то в Западной Микронезии явственно прослеживается южноазиатский расовый элемент (в южной части Западной Микронезии, на островах Палау, чувствуется примесь меланезийского типа). Впрочем, исконный антропологический тип западномикронезийских народов установить трудно, так как они сейчас в сильной степени метисированы. Современные чаморро представляют собой потомков от смешанных браков между женщинами древних чаморро и испанскими солдатами, в числе которых было немало филиппинцев и уроженцев Новой Испании (современной Мексики).

Ко времени первых контактов с европейцами население Микронезии занималось земледелием и рыболовством. Земледелие получило наибольшее развитие в Западной Микронезии. Чаморро — единственный народ Океании, возделывавший зерновую культуру — рис; белау же было известно искусственное орошение. В Западной Микронезии выращивались также ямс, таро, бананы, кокосовая пальма, хлебное дерево, сахарный тростник. Земля обрабатывалась палкой с заостренным концом или каменной мотыгой.

В Восточной Микронезии земледелие явно уступало рыболовству. Из сельскохозяйственных культур особенно широкое распространение получили плодовые деревья (кокосовая пальма, хлебное дерево, панданус, бананы), меньшее значение имело возделывание клубнеплодов (таро, ямса, батата). Рыболовство достигло высокой степени совершенства. Сети достигали 30–40 м в длину и снабжались поплавками из колен бамбука.

Охота в Микронезии не получила значительного развития. Ее объектами были птицы, летучие мыши, черепахи.

Из домашних животных были известны лишь куры и собаки.

Западная и Восточная Микронезия существенно различались по характеру ремесленного производства. На Западе было известно гончарство, отсутствовавшее на Востоке. Зато в Восточной Микронезии (на Каролинских островах) знали горизонтальный ткацкий станок.

Дома на Марианских островах, островах Палау и Яп возводились на каменных столбах и сваях. Крыши и стены делались из пальмовых листьев. Жилище на Каролинских, Маршалловых и Гилберта островах представляло собой четырехугольное строение с двускатной крышей и без стен. Иногда дома знати сооружались на каменном фундаменте.

В качестве средства передвижения использовались лодки (обычно двойные или с балансиrom), на которых ставился парус.

Одежда повсюду была минимальной. Мужчины носили набедренные повязки, женщины — юбочки из травы или разрезанных листьев. На некоторых островах замужние женщины обертывали бедра кусками лыка. Кое-где одежда полностью отсутствовала.

В пищу шли рыба, плоды выращиваемых растений, реже — куры и собаки, а также добытые на охоте летучие мыши, птицы.

Для общественного строя Микронезии была характерна значительная социальная стратификация. Население делилось на сословия, между которыми стояли непреодолимые социальные барьеры.

На некоторых островных группах неравны были по своему социальному положению также различные деревни и округа. Население же ряда атоллов, расположенных к востоку от островов Яп, находилось от последних в даннической зависимости (такое положение, кстати, сохраняется в пережиточной форме до сих пор).

На большей части архипелагов был распространен материнский род. На островах Палау и Яп существовали мужские и женские союзы. Брачные узы были непрочными, женщина занимала в семье и в обществе в большинстве случаев высокое положение.

Основной хозяйственной ячейкой была семья, а самой крупной социальной единицей — род. Лишь на островах Яп и Маршалловых возникли более крупные объединения.

Между отдельными островами наблюдался оживленный обмен, что привело к появлению своеобразных денег: раковин, бус и т.п. Особенно широкую известность получили огромные каменные диски с просверленными отверстиями, считавшиеся на островах Яп всеобщим эквивалентом при обмене.

Традиционная религия населения Микронезии плохо изучена. Здесь были отмечены культ предков и культ мертвых, вера в душу и духов, некоторые элементы шаманизма.

Микронезийский фольклор по уровню своего развития занимал промежуточное положение между полинезийским и меланезийским. Широкое распространение получили сказания о мифических героях, сказки о злых духах и глупых великанах-людоедах, анекдоты о "глупых" родах и т.п.

Население островов Палау создало своеобразную пиктографическую письменность.

В настоящее время от прежней культуры в Западной Микронезии, и особенно на Марианских островах, почти ничего не осталось. На Марианах сейчас господствует так называемая испанская колониальная культура, распространенная также в большинстве стран Латинской Америки. На нее оказала некоторое влияние культура более поздних хозяев этого архипелага (Германии, Японии, США).

Земледелие до сих пор носит подсечно-огневой характер, однако поля обрабатываются с помощью старинного плуга, в который впрягаются некогда интродуцированные волы или буйволы ("карабао"). Современные чаморро выращивают на своих полях в качестве основной культуры кукурузу. Появились и другие новые культуры: маниок, бобовые, различные овощи и т.д. Земля находится в частной собственности отдельных семей.

Из домашних животных разводят крупный рогатый скот (в том числе буйволов), свиней, кур (помесь местной породы с европейскими породами).

Одежда современных чаморро — европейского типа, мало сохранились традиционные элементы и в пище, утвари, жилище. Дома стали сооружаться из оцинкованного железа, хотя, как и прежде, ставятся на столбах высотой 0,5–1 м. Каждый дом имеет небольшую веранду. В доме — мебель европейского образца.

Ушли в прошлое старинные обычаи и традиции. По религии подавляющее большинство чаморро в настоящее время – католики. Самыми знаменательными событиями в жизни коренных жителей Марианских островов стали фиесты – праздники в честь святых покровителей деревень, а также свадебные торжества, представляющие очень пышные, порой разорительные для семьи пиршества.

В то же время язык древних чаморро, обогащенный заимствованиями из испанского, продолжает господствовать в быту островитян.

Особенно большой культурной трансформации подвергся самый крупный из Марианских островов – Гуам, ставший в конце XIX в. владением США, а позже превращенный в американскую военно-морскую базу. Земледелие на этом острове приходит в упадок, так как все большее число местных жителей трудоспособного возраста привлекаются к строительству военных объектов и другим не связанным с сельскохозяйственным производством занятиям. Очень широкое распространение на Гуаме получил английский язык, который сейчас знает большинство местного населения острова. Сильно изменился и этнический состав населения Гуама. Наряду с чаморро здесь в настоящее время проживает около 20 тыс. американцев, а также около 30 тыс. филиппинцев.

Сильно изменился и культурный облик островов Палау. Тем не менее традиционные элементы на этом архипелаге все же выражены значительно сильнее, чем на Марианах. Главной земледельческой культурой на Палау продолжает оставаться таро. На землю все еще сохраняется родовая собственность, однако она постепенно вытесняется собственностью частной. Многие дома островитян сооружены из оцинкованного железа. Одежда и утварь – европейского типа.

Традиционный общественный строй на Палау в отличие от Марианских островов хорошо сохранился. В частности, осталась в силе власть вождей. По-прежнему центром жизни деревни служит мужской дом. Несмотря на то что население островов Палау было обращено в христианство (католицизм и лютеранство), старая вера в духов сосуществует здесь с новой религией.

В противоположность Западной Микронезии культура Восточной Микронезии осталась в своей основе традиционной. Это касается и материальной культуры (особенно таких ее элементов, как жилище и пища), и общественного быта, и духовной культуры (фольклора, песен, танцев, в меньшей степени – религии).

Совершенно особое положение занимают в настоящее время в Микронезии остров Науру и острова Яп. На Науру, где основой хозяйства стала организованная на базе современной технологии добыча фосфоритов, от местной культуры почти ничего не осталось, и быт аборигенов полностью европеизирован.

На островах Яп, наоборот, традиция держится чрезвычайно стойко. Земледелие и рыболовство сохраняют свой прежний характер. Правда, появились новые культуры (маниок, какао-бобы и др.), и при обработке земли наряду с сажальным колом сейчас используются также железные орудия. Большинство домов здесь, как и раньше, сооружается на каменном фундаменте, а стены и крыша делаются обычно из пальмовых листьев. Дома нового типа встречаются редко. Мужчины, как и в старину, носят набедренные повязки, женщины – юбочки из травы и разрезанных листьев. В качестве украшения продолжает применяться татуировка.

Сохранился и старый общественный строй. Население по-прежнему делится на различные сословия. Вожди, как и раньше, пользуются очень большой властью. На островах в ходу старинные деньги, о которых говорилось выше.

На островах Яп прочно держатся местные верования, хотя большая часть населения сейчас формально обращена в христианство (католицизм).

Наиболее образованные, передовые микронезийцы, бережно относясь к культурному наследию своих предков, в то же время прекрасно понимают необходимость и полезность определенных социальных и экономических перемен.

НАРОДЫ ЗАПАДНОЙ АЗИИ

Западная, или Передняя, Азия занимает часть Евразийского континента и включает Аравийский полуостров, Малую Азию, Армянское и Иранское нагорье, Месопотамию, Палестину и ряд районов Восточного Средиземноморья. Ее площадь около 7,5 млн кв. км, численность населения – около 170 млн человек.

Значительная часть Западной Азии засушлива, преобладают горные, пустынные, полупустынные и степные ландшафты. Только в некоторых горных долинах, на побережье Средиземного, Черного и Каспийского морей климат влажный, субтропический. Оазисы в сухих субтропиках протянулись вдоль рек, протекающих по аллювиальным долинам и у подножия гор. Реки Западной Азии в основном невелики, летом они частично пересыхают, многоводны только Тигр и Евфрат в Месопотамии. Большинство областей Передней Азии в наши дни лишено лесов, которые сохраняются только в горных районах, хотя в древности густыми лесами были покрыты и равнины, где водились тигры, львы, носороги, слоны и множество других животных. Но начиная с неолитической эпохи, леса стали исчезать вследствие деятельности человека, что привело к сокращению водных источников, флоры и фауны. Ландшафтные особенности облегчили расселение людей с глубокой древности и до наших дней. Малочисленно население в пустынных и горных местностях, зато густо населены оазисы.

Численность населения в государствах Западной Азии составляет на 1987 г.: в Турции – более 51 млн человек, Иране – около 50 млн, Афганистане – более 19 млн, Ираке – более 16 млн, Саудовской Аравии – более 13,5 млн, Сирии – около 11 млн, Йеменской Арабской Республике – около 10 млн, Израиле – более 4 млн, Иордании – около 4 млн, Кувейте – около 2 млн, Ливане – около 3 млн, Объединенных Арабских Эмиратах – около 1,5 млн, Омане – более 1 млн, Кипре – более 0,6 млн, Бахрейне – около 0,5 млн, Катаре – более 0,3 млн человек¹.

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Западная Азия относится к областям мира, где обнаружены свидетельства ранних этапов антропогенеза, начиная, по крайней мере, с эпохи палеоантропов. В Восточном Средиземноморье обнаружены стоянки неандертальского человека в гротах Схул, Барадост, Табун. По мнению отечественных и некоторых зарубежных ученых, в Западной Азии в конце раннего палеолита происходили процессы, которые привели к формированию человека современного вида. Однако эта проблема остается дискуссионной.

Ряд памятников Передней Азии относится к эпохе позднего палеолита, но особого расцвета культура достигает в мезолите, когда в Восточном Средиземноморье возникает натуфийская культура, в Северном Ираке – зарзийская, типологически и хронологически сходная с культурой Дам-Дам чешме 2 из Западного Туркменистана. Стоянки мезолитических культур встречаются также в Южном Прикаспии, в гротах Гари Камарбанд и Хоту и в других местностях.

Огромная роль народов Западной Азии в развитии мировой культуры начинается особенно ярко проявляться на исходе мезолитической эпохи, когда на основе

¹Население мира. Демографический справочник. М., 1989.

усложненного собирательства съедобных растений и приручения животных начались первые опыты по их культивации и одомашниванию. Уже в X–IX тысячелетиях до н.э. началась культивация зерновых растений и одомашнивание первых животных – собаки, козы, овцы. Зарождение производящего хозяйства происходило в центрах, названных великим русским ученым Н.И. Вавиловым "первичными", и располагавшихся в предгорных областях, богатых водными источниками, флорой и фауной. Однако ни в мезолите, ни в раннем неолите производящее хозяйство еще не вытеснило полностью традиционные присваивающие отрасли и было комплексным. И только в более позднюю эпоху, в ходе так называемой неолитической революции, начались миграции людей из предгорий в аллювиальные долины, где на основе ирригационного земледелия и животноводства стали складываться раннеземледельческие поселения, ставшие сначала в Месопотамии, а потом и в соседних областях первыми очагами возникновения цивилизации и государства, многократно увеличившие производительные силы человечества. И в дальнейшем Западная Азия была ареной, на которой разворачивались огромные по политическим и культурным последствиям события, складывались великие империи, откуда шли культурные влияния, направлялись завоевательные походы, во многом изменившие культурный облик и этнический состав ближних и дальних стран.

Древнейший этнический состав Западной Азии во многом еще неясен, впрочем, как и всех остальных областей Земли. Достаточно точно установлено, что по антропологическому признаку население Западной Азии, начиная с эпохи каменного века, было европеоидным.

Только письменность, возникшая на рубеже IV и III тысячелетий до н.э. в Шумере, а несколько позднее и в других древнеазиатских государствах, представила первые данные об этническом составе некоторых областей Передней Азии. Древнейшие клинописные памятники письменности свидетельствуют о распространении в Южной Месопотамии народа, говорившего на шумерском языке. Точная его лингвистическая принадлежность не установлена, и вместе с рядом других мертвых языков он условно включается иногда в "каспийскую" группу. По многочисленным скульптурным изображениям известен и внешний облик шумеров. Археологические памятники говорят об их высокой культуре. Но шумеры обитали лишь в небольшой области Южной Месопотамии, огромные же просторы Передней Азии были заселены довольно многочисленными, пестрыми по этническому составу народами. Применительно к III тысячелетию до н.э. письменные и археологические памятники свидетельствуют о широком расселении в западных регионах Передней Азии семитоязычных народов, ставших преемниками шумерской цивилизации и создавших мощные государственные образования. Один из них, аккады, вместе с другими этническими группами стал основоположником Вавилонского царства в Двуречье. Во II–I тысячелетиях до н.э. в Восточном Средиземноморье также возник ряд основанных семитоязычными народами государств. Создатели многих из них были творцами величайших культурных ценностей, ставших общечеловеческим достоянием. Так, насколько известно, финикийцы первыми использовали алфавитное письмо, положенное в основу большинства древних и современных алфавитов (греческого, латинского, арабского, арамейского, древнемонгольского, русского и др.). На языке древних евреев была создана Библия. Огромное культурное значение в конце I тысячелетия до н.э. получил арамейский язык, вытеснивший из разговорной речи большинство других восточноевропейских языков, в том числе древнееврейский, и получивший наименование "восточной латыни".

Во II тысячелетии до н.э. происходило расселение семитоязычных народов. Хананеи и арамеи заселили области к юго-западу от Месопотамии. Шло заселение Аравийского полуострова, где обитали сабеи и манеи, арабами. Благодаря памятникам клинописной и иероглифической письменности, обнаруженным в Малой Азии, было установлено, что к середине II тысячелетия до н.э. среди многих

обитавших там народов появились говорившие на индоевропейских языках неситы, ликийцы и др.

В IX в. до н.э. на севере Передней Азии и в Южном Закавказье, в области Армянского нагорья возникло сильное государство Урарту. В середине I тысячелетия до н.э. началось формирование армянского народа, создавшего свою государственность, которая просуществовала почти тысячу лет.

В I тысячелетии до н.э. в Западной Азии развернулись крупные политические и этнические процессы, связанные с индоевропейскими народами. Сложились мощные деспотические государства Персия, Мидия, Парфия, Бактрия. В этих процессах приняли участие и скифоязычные народы, проникавшие с севера на территорию Ирана и Афганистана. Шли сложные этнические процессы, вследствие которых складывались различные этносоциальные общности, ставшие в средние века основой для формирования современных народов. На значительных просторах от Иракского и Турецкого Курдистана и до Афганистана формировался ряд этносов, говоривших на западноиранских языках: персы, таджики, курды, пуштуны, белуджи и многие другие.

Огромное воздействие на культурные традиции этих народов оказало арабское завоевание VII–VIII вв. Арабами были покорены обширные пространства большей части Западной Азии, при этом происходило интенсивное смешение арабов с покоренными народами Месопотамии, Леванта и других областей Восточного Средиземноморья, что привело к сложению современных арабских народов. В восточных регионах Западной Азии антропологическое влияние арабских завоевателей было совершенно незначительным, зато огромным было культурное воздействие. Исламизация населения привела к вытеснению многих прежних культурных традиций. Шел оживленный культурный и экономический обмен между странами халифата. Арабский язык стал универсальным языком науки, литературы. На арабском языке писали крупнейшие ученые Передней и Средней Азии – арабы и представители других народов: Ибн Фадлан, Масуди, Ал-Макдиси, Ал-Истахри, Абу Муслим ибн Сина (Авиценна) и многие другие, создатели хроник и капитальных трудов по географии, истории, математике, медицине.

Существенные изменения в этническую картину северо-западных областей Передней Азии внесли волны завоевателей – тюрков, переселявшихся туда из Средней и Центральной Азии начиная с X в. и в последующие столетия. В XI в. тюрки-сельджуки покорили Малую Азию и часть Закавказья, что положило начало формированию турок и азербайджанцев и некоторых других более мелких народностей (юрюки, кашкайцы). Эти процессы завершились в годы монгольского нашествия. Сами монголы не оказали существенного влияния на антропологический состав и культуру завоеванного населения. Однако в составе их войск находились представители различных тюркоязычных народов, смешивавшихся с местными тюрками, что и привело в конечном результате к сложению ряда новых этнических общностей.

Бурные этнические процессы продолжались и в послемонгольское время. В XVII в. в Иран были насильственно переселены некоторые группы грузин и армян. В течение XVII–XIX вв. иранские и турецкие власти неоднократно переселяли по политическим и военным соображениям группы курдов на юг Турции, в Центральную Анатолию, Хорасан. Начиная примерно с XVII–XVIII вв., происходило движение пуштунских племен с юга Афганистана на север, на плодородные равнины, где номады переходили к оседлости, вытесняя с занятых земель местное население. Ассимиляторскую политику проводило турецкое прагматство по отношению к национальным меньшинствам. В 1915 г. им был осуществлен геноцид по отношению к армянам, грекам и ассирийцам. Вследствие резни сотни тысяч армян были убиты; 1,5 млн были вынуждены бежать из Турции и искать новую родину.

Значительные этнополитические процессы развернулись после окончания второй мировой войны в Восточном Средиземноморье. После возникновения государства Израиль туда переселилось значительное число евреев из Северной Африки и ряда регионов Азии, а также из Европы и Америки. Одновременно происходило вытеснение арабов с их исконных земель, где основывались поселения израильтян, что особенно тяжело отразилось на изгоняемом палестинском арабском населении.

Если попытаться вкратце мысленно охватить многотысячелетнюю историю народов Западной Азии, то мы увидим эпохи огромных культурных достижений, заложивших основы мировой цивилизации, сменявшихся временем упадка и разрушения производительных сил многочисленными завоевателями, после чего сами завоеватели оказывались в языковом, антропологическом и культурном отношении ассимилированными местными народами. Восточное Средиземноморье подарило человечеству алфавитное письмо, во многих областях высочайшего расцвета достигали в разные эпохи науки и искусство, из Западной Азии началось распространение двух мировых религий — христианства и ислама. Однако вследствие различных социально-экономических, политических и экологических причин Западная Азия стала к концу средневековья быстро отставать в развитии от европейских стран и Северной Америки. Наступил экономический и культурный застой. Кроме того, к началу XX в. большинство областей Передней Азии оказалось в сфере влияния ряда европейских держав. Хотя непосредственно в колониальной зависимости находились только некоторые области Восточного Средиземноморья, но и прочие государства Западной Азии попали в состояние полукolonий. Это неблагоприятно отразилось на их дальнейшем развитии и способствовало сохранению многих традиционных форм феодальных и патриархальных социально-экономических отношений, не преодоленных полностью и в наши дни.

С начала XX в. в ряде регионов широко развернулась национально-освободительная борьба народов Западной Азии за полную политическую и экономическую независимость, что особенно ярко проявилось в Турции в ходе кемалистской революции. Но и в современных условиях многие народы Западной Азии отстают в социально-экономической и культурной сферах.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ

В антропологическом отношении подавляющее число населения Западной Азии относится к различным расовым типам большой европеоидной расы (средиземноморскому, памиро-ферганскому и др.). Монголоидны хазарейцы Афганистана, небольшие группы казахов и узбеков. На юге Аравийского полуострова у некоторых групп арабов заметна довольно значительная примесь негроидности. Кроме того, там живет некоторое число негроидов, выходцев из Африки.

Основные языки народов Западной Азии принадлежат к индоевропейской, семитской и тюркской языковым семьям и их группам.

Индоевропейская семья представлена, главным образом, языками западно-иранской ветви иранской группы: фарси (персидский), пушту, таджикским, курдским, белуджским, лурским, бахтиарским, хазарейским, джемшидским, фирюзкухским, тальшским и др. Немногочисленные представители восточной ветви иранских языков, так называемые горные таджики, говорят на многих диалектах — ягнобском, рушанском, язгулемском и др., — и живут в северо-восточных горных районах Афганистана. На индоевропейских языках говорят греки, армяне, а также выходцы из других стран (русские в Турции, французы, англичане и др.).

Семитская языковая семья представлена литературным арабским языком и

многими областными диалектами арабского языка, языками иврит (Израиль), ассирийским и некоторыми семитическими диалектами Ливана, Сирии и других стран.

На языках тюркской группы алтайской языковой семьи говорят турки, азербайджанцы, юрюки, узбеки, туркмены, афшары, шахсевены, кашкайцы и др.

В Передней Азии живет также немало выходцев из Южной Азии.

В Западной Азии большая часть населения принадлежит к сформировавшимся или формирующимся нациям и народностям. Имеются также этнографические группы — это кизилбашы в Турции или карагезлы в Иране. Кочевые и полукочевые племена кочевников сохраняют племенную организацию.

Наиболее сложившимися нациями в Передней Азии могут считаться турки, персы, иранские азербайджанцы, арабы Сирии и Ирака, евреи Израиля. Такие народы, как курды, белуджи и ряд других, еще только находятся на стадии национальной консолидации по мере разложения племенной структуры.

По характеру национального состава страны Западной Азии могут быть подразделены на относительно однородные и многонациональные. Наиболее однородны по национальному составу арабские страны, отчасти Турция и Израиль, где одна нация составляет подавляющую часть населения, а национальные меньшинства сравнительно немногочисленны. Зато многонациональны Иран и Афганистан, где обитают десятки народов, причем господствующие нации — персы и пуштуны — не составляют большинства населения.

Что касается арабских стран, то в большей их части (в Ираке, Сирии, Ливане, Иордании, Саудовской Аравии, Республике Йемен, Объединенных Арабских Эмиратах, Бахрейне) арабы составляют 85–90% всего населения этих государств, и только в Ираке за счет курдов число арабов составляет лишь несколько более 77%. Курдов в Ираке 3 млн человек; 1,8 млн человек насчитывают арабские беженцы из Палестины после оккупации ее Израилем. Большое их число находится в настоящее время в Иордании, Сирии, Ливане и других арабских странах. В Сирии обитает более 600 тыс. курдов. Армянские общины имеются в Турции, Иране, Сирии и Ливане.

Арабы расселены во многих станах, между отдельными их группами существуют различия в социально-экономических отношениях, уровне культуры, образе жизни и диалектах, тем не менее можно говорить о наличии арабской этнолингвистической общности. Подавляющее большинство арабов исповедует суннитский толк ислама и сохраняют многие старые традиции, восходящие своими корнями к эпохе арабских халифатов. Национальная консолидация арабов в рамках отдельных государств протекает пока еще довольно медленно, за исключением Сирии, Йемена, Саудовской Аравии. В ряде арабских стран она затрудняется религиозными противоречиями между разными группами населения, а также сложностью интеграции кочевого и оседло-земледельческого населения. Относительно межарабской интеграции существует мнение, что она имеет не этнический, а культурно-политический характер. Однако едва ли можно полностью исключить и этнические интеграционные процессы.

Уже несколько десятилетий развертываются крупные этнокультурные процессы и в Иране, в ходе которых происходит дальнейшее оформление в виде наций гиланцев и мазендаранцев, консолидация мелких оседлых и кочевых групп в более крупные. Еще сложнее этнокультурные процессы в Афганистане, где при некотором этническом преобладании пуштунов значительную роль в развитии культурных процессов играет таджикоязычное население. Этнический состав Афганистана разнороден и включает, помимо пуштунов и таджиков, также горных таджиков, хазарейцев, нуристанцев, туркмен, узбеков, белуджей и др.

В арабских странах официальный язык арабский, письменность на основе арабского алфавита. В Израиле официальный язык иврит, письменность на основе

древнего квадратического письма. В Турции официальный язык турецкий, письменность на основе латинского алфавита с некоторыми дополнительными знаками. В Иране официальный язык фарси, письменность на основе арабского алфавита. В Афганистане официальные языки пушту и дари, письменность также на основе арабского алфавита.

ХОЗЯЙСТВО

Население Западной Азии принадлежит к небольшому числу хозяйственно-культурных типов, многие народы составляют промышленно-аграрные нации. В последние десятилетия во многих странах наблюдается быстрый рост промышленного производства, в частности, горнодобывающей промышленности (нефть и другие полезные ископаемые), производства вооружения.

Большинство населения Западной Азии занято в сельском хозяйстве, однако по мере роста промышленности и городов увеличивается доля рабочего класса, а также интеллигенции.

Наиболее распространенными хозяйственно-культурными типами Западной Азии являются плужное земледелие и кочевничество. Оба типа включают ряд промежуточных подтипов.

При известном сходстве в природно-климатических условиях стран Передней Азии, там распространены довольно близкие подтипы земледельческого хозяйства. В условиях жаркого аридного климата оно возможно, как правило, только при искусственном орошении, которое практикуется в разных формах. В аллювиальных долинах многоводных и средних рек существует сложная разветвленная сеть ирригационных сооружений в виде плотин, дамб, оросительных каналов. Последние образуют сложную систему: от магистральных каналов берут начало каналы второго порядка, от них третьего и т.д., пока вода не попадает непосредственно на поля крестьянина. На малых речках и ручьях эта ирригационная система значительно проще и чаще всего ограничивается ответвлениями, которые ведут от водного источника непосредственно на поля. В тех случаях, когда уровень воды ниже возделываемых площадей, применяется принудительное орошение в виде водоподъемных колес, которые в древности, а во многих местах и в наше время приводятся в движение силой животных. В крупных помещичьих и зажиточных хозяйствах для подъема воды используются насосы, приводимые в действие моторами. Принудительное орошение требует значительных дополнительных затрат труда и средств, что сильно удорожает производство. Сложен и трудоемок уход за ирригационными системами. Поддержание их в рабочем состоянии требует постоянной чистки от минеральных и растительных осадков, причем по большей части их удаляется ручным способом. Донные осадки служат хорошими удобрениями.

Сложность ирригационных работ, недостатки в их четкой организации, нехватка рабочих рук зачастую приводят к засорению оросительных систем, к затруднению самотечного орошения и необходимости устройства принудительного полива полей. Распределение воды по полям — дело сложное и ответственное. Обычно для более рационального использования воды водопользователи объединяются в группы, каждая из которых получает по очереди всю воду из канала. Ее распределением ведают специальные люди, пользующиеся в общинах значительным авторитетом. Каждое поле обносится невысоким земляным валом, с тем чтобы вода могла задержаться и хорошо пропитать землю. В районах рисосеяния устраивают заливные поля. Ирригационное земледелие в Передней Азии связано со значительными трудностями из-за нерегулярности водного режима рек. Даже наиболее крупные из них полноводны не во все сезоны и не каждый год. Что же

касается малых рек и ручьев, то осенью и в засушливые годы они несут очень мало воды, отчего особенно страдают селения, расположенные по берегам хвостовых частей каналов, куда вода вообще может не доходить, и тогда крестьянским хозяйствам грозят разорение и голод. Описываемые системы ирригационного хозяйства распространены на аллювиальных равнинах Месопотамии, Турции, Ирана, Афганистана.

В большинстве предгорных местностей этих стран водные источники ограничены редкими ручьями, недостаточными для орошения сколько-нибудь значительных земельных площадей. В связи с этим еще в глубокой древности началось сооружение подземных водосборных галерей (кяризов), сеть которых, особенно в Иране и Афганистане, значительна и в наше время. При сооружении кяриза делают цепь колодцев, удаленных один от другого на несколько десятков метров, а затем соединяют их подземными водосборными галереями. Первый колодец на высоком склоне горы — самый глубокий. Каждый последующий несколько мельче предыдущего, и так, пока вода, наконец, не выходит в виде ручья на поверхность. Длина кяризов различна — от нескольких километров до десятка и более километров. Такие условия требуют значительного числа колодцев, сооружаемых в исключительно тяжелой предгорной каменистой пролювиальной почве. Сооружение кяризов может быть делом общин и может происходить на средства отдельных богатых хозяев. Дело это сложное и опасное. Нужны опытные мастера, которые, основываясь только на опыте и интуиции, находят подземные токи воды и без каких бы то ни было особых инструментов с большой точностью пробивают туннель от одного колодца к другому. Истари существуют специальные мастера, которые занимаются этой ответственной работой, недоступной обычным крестьянам, что делает ее ценной. Кяризы требуют так же, как и оросительные каналы, систематического ухода, очистки, ремонта, на что затрачиваются немалые средства. Зато многие кяризы функционируют долгое время, в течение нескольких столетий, и при тщательном уходе орошают обширные безводные, но плодородные местности предгорных равнин.

В пустынях и степях, где отсутствуют возможности устройства ирригационных систем, небольшое по объему вспомогательное земледелие ведется с использованием колодезной воды или небольших искусственных водоемов, наполняемых дождевой или снеговой водой. Естественно, что это позволяет оросить лишь небольшие поля. Особенно сложно их орошение из колодцев, достигающих зачастую глубины в несколько десятков и до сотни метров. Из таких колодцев воду можно достать только с помощью верблюдов или лошадей, а в наше время — автомобилей или тракторов, которые вытягивают с большой глубины огромные ведра объемом во много десятков литров. Воду сливают в лотки, оттуда она идет самотеком по небольшой канаве на поле.

Значительно меньшее распространение, в отдельных горных местностях, имеет так называемое богарное земледелие, рассчитанное на естественное орошение дождем. Богарное земледелие неустойчиво, так как хорошие дожди идут далеко не каждый год и несколько лет подряд может быть засуха и как следствие — гибель семян и неурожай. Зато раз в несколько лет при хороших дождях потери могут быть не только возмещены, но и значительно перекрыты большим урожаем.

Земледельческие культуры в Западной Азии разнообразны и включают зерновые, технические, огородно-бахчевые, а также различные фрукты. Из зерновых наиболее распространены пшеница, ячмень, некоторые сорта сорго, рис. Из технических культур повсеместно разводятся масличные: кунжут и др., а в Восточном Средиземноморье — оливки, табак, сорта которого особенно высококачественны в Турции, опийный мак и др. Широко распространено хлопководство. В Йемене и других арабских странах культивируют кофе. Повсеместно разводится виноград. Во всем мире славятся цитрусовые, яблоки, другие фрукты из Ливана,

Израиля и других средиземноморских стран. На Аравийском полуострове во многих местностях основная сельскохозяйственная культура — финиковая пальма.

До настоящего времени некоторая часть населения Передней Азии использует самые примитивные сельскохозяйственные орудия, многие из которых были известны еще на заре цивилизации. И только помещики и самые богатые крестьяне имеют возможность применять при обработке земли современные технические средства. Из традиционных сельскохозяйственных орудий можно назвать известный с глубокой древности деревянный плуг с железным сошником, примитивную борону из досок, утыканных острыми отщелами камня или связанных пучков колючих ветвей, прижимаемых к земле грузом. В отдаленных местностях встречаются сохи из кривой ветви с суком, на который надет сошник. Небольшие участки земли, предназначенные под огороды или сады, вскапывают лопатами и мотыгами. Тягловой силой служат волы, реже верблюды, лошади, ослы. Урожай убирается обычно вручную с помощью серпов или ножей. Молотят либо ударяя по снопам досками, усеянными острыми железными или каменными зубьями, либо прогоняя по снопам животных. Зерно размалывают на водяных мельницах, но еще широко в сельской местности бытует размол на ручных мельницах — зернотерках. Важным вспомогательным видом сельскохозяйственного хозяйства является животноводство, размеры которого зависят от наличия пастбищ. Разводят различных тягловых животных, однако лошадей обычно держат только зажиточные хозяйства, бедняки же ограничиваются волами, а иногда одними осликами. В последние десятилетия, особенно в Турции, но также и в других странах, все большее распространение получают механические средства: трактора, автомобили, но тем не менее часть населения продолжает пользоваться тягловыми животными.

В качестве молочных и мясных животных держат крупный и мелкий рогатый скот. Используют их шкуры, шерсть, рога. Высоко ценятся разводимые в Турции ангорские козы. В Иране и Афганистане разводят каракулевых овец. Верблюдоводство в больших размерах у земледельцев существует только на Аравийском полуострове. В других странах Западной Азии верблюдов держат только отдельные группы оседлого населения. Способы содержания скота земледельцами Передней Азии довольно разнообразны. Это прежде всего отгонное горное и равнинное скотоводство, относящееся к полuosедлому хозяйственно-культурному типу. Практикуется и более оседлое, а также стойловое придомное животноводство.

До настоящего времени в пустынных, степных и горных областях Западной Азии довольно широкое распространение имеет кочевое скотоводство. Оно характеризуется тем, что основные средства существования добываются посредством экстенсивного пастбищного скотоводства, которое ведется в виде кочевого или полукочевого хозяйства. Принципиальных различий между ними нет, так как все кочевья имеют общий способ добычания жизненных благ, они составляют самостоятельный, независимый от земледельческого населения социальный организм, им свойственна племенная форма организации и кочевническая патриархальная система общественных отношений. При кочевничестве скотоводство не является единственным видом занятий населения. За исключением отдельных групп кочевников, в частности, бедуинов Центральной Аравии, все они занимаются вспомогательным земледелием, а в прошлом большое значение имели в экономике транспортировка грузов и сопровождение караванов, в какой-то степени военные набеги и грабежи земледельческого населения и других кочевых групп.

В соответствии с условиями среды кочевание ведется по-разному: в меридиональном направлении — зимой на юг, летом на север; по вертикали: на лето стада отгоняются на альпийские луга в горы, на зиму их спускают в горные долины, защищенные от ветра; в отдельных местностях практикуется "стационарное" кочевание, при котором стада пасутся весь год на ограниченных участках

пастбищ. Наиболее продолжительно по времени меридиональное кочевание на огромные расстояния в сотни и даже тысячи километров. Особенно оно характерно для бедуинов Аравии ("большие номады"), которые проходят в год со своими стадами до 2–2,5 тыс. км, кочуя летом в северных областях около колодцев или на границах оазисов и уходя на зиму в глубь страны. Различаются четыре перекочевки: весенняя, летняя, осенняя и зимняя. Главные животные бедуинов – верблюды, доставляющие почти все средства существования, и верховые лошади. Другие виды скота не могут существовать в экстремальных условиях Аравийских пустынь. Верблюды используются под седло и под выюк. Важную часть пищевого рациона кочевников составляет кислое верблюжье молоко. Ценный продукт – верблюжья шерсть. Верблюды одногорбые – дромадеры. Некогда процветавшее кочевое скотоводство бедуинов стало с 20-х годов приходить в упадок вследствие конкуренции караванной торговли с автомобильным, авиационным и железнодорожным транспортом, насильственного перевода многих групп бедуинов на оседлость и других социально-экономических и политических причин.

Меридиональное кочевание распространено также у полукочевников Аравийского полуострова – овцеводов, амплитуда его достигает нескольких сотен километров. Этот вид кочевания существует у некоторых групп курдов Турции, Ирака и Ирана, туркмен этих стран, луров, бахтиаров и других кочевых племен Ирана, белуджей, пуштунов, хазарейцев Афганистана. Они разводят рогатый скот, верблюдов, лошадей.

В горных областях Ирака, Ирана, Турции и Афганистана ведется кочевое и полукочевое вертикальное скотоводство (часть курдов, юрюки Турции, племена в горных областях Ирана и Афганистана).

Стационарное кочевание не имеет большого распространения и встречается, главным образом, у туркмен в Хорасане (Иран) и некоторых других народов. При том, что амплитуда "стационарного" кочевания невелика, не более десятков километров, образ жизни, при котором основные средства существования доставляет экстенсивное пастбищное скотоводство, позволяет отнести эту форму хозяйства к номадизму. Виды скота при стационарном кочевании те же, что и при полукочевом-меридиональном, с той только разницей, что верблюдов держат сравнительно мало, так как потребности в транспортных средствах ограничены.

При всех разновидностях номадизма дальность перекочевок связана, помимо природных условий, и с социальными факторами. Чем хозяйство богаче, тем у него больше транспортных средств, и тем дальше оно может кочевать в поисках лучших пастбищ. На довольно большие расстояния кочуют и средние по зажиточности скотоводы. Бедняки должны либо на определенных условиях кочевать вместе с богачами, либо вести полuosедлое хозяйство, при котором возрастает роль земледелия.

В схожих формах ведется кочевание полuosедлым населением. Однако оно не составляет отдельных от земледельцев социальных организмов и является частью комплексного земледельчески-животноводческого хозяйства. Разведение свиней в Передней Азии практически отсутствует из-за религиозных запретов у мусульман и евреев.

И у оседлого, и у кочевого населения существуют древние традиции ремесел и домашних производств. Передняя Азия относится к числу самых древних в мире центров металлургического производства, зародившегося там еще в неолите. Широкою известностью имеет знаменитая оружейная дамасская сталь, выделявшаяся средневековыми мастерами. Большим мастерством и высокими художественными достоинствами отличаются изделия ювелиров из драгоценных металлов и камней. Особенно излюбленны серебряные украшения с бирюзой и красными камнями (сердоликами, гранатами, рубинами), имеющими, по поверьям, магическое воздействие на людей. Распространена резьба по дереву, кости, камню. Во всем мире

славятся древние и современные ковры и ковровые изделия турецких, иранских, туркменских, белуджских мастеров. Ковры ткются из шерсти, реже из шелка или хлопка. Самые дорогие экземпляры изготавливаются из шерсти, шелка и хлопка, что придает изделиям особую красоту. Тысячелетние традиции имеет гончарство, один из древнейших центров возникновения которого находился в Передней Азии. В прошлом повсеместное распространение имело ткачество. Но уже в начале XX в. ремесленные и домашние производства стали приходить в упадок, вытесняемые фабричными изделиями. Снизилось качество ковров, которые стали к тому же выделяться с учетом вкусов европейских и американских покупателей. Неблагоприятным оказался отказ от дорогих натуральных красителей и использование синтетических, особенно непрочных анилиновых красок. У скотоводов сохраняется наряду с ковром ткачеством выделка овчин и кож, войлока. В последние десятилетия ремесленное производство вновь стало оживать вследствие туристического спроса, однако качество изделий далеко уступает старинным вещам.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Несмотря на быстрый в последние десятилетия рост городов и городского населения, основная часть обитателей Передней Азии продолжает жить в сельских местностях. Старинные города имеют по планировке и общему облику много общего. Их центр составляет площадь, где располагаются культовые и общественные сооружения, сосредоточены торговые помещения и склады, там шумят яркие восточные базары. В прилегающих кварталах находятся дома зажиточных горожан, знати, чиновников. Чем дальше от центра, тем улочки становятся все более извилистыми и узкими, особенно в кварталах ремесленников и бедноты, расположенных на окраинах. Некогда города окружались мощными оборонительными сооружениями, их развалины привлекают в наши дни многочисленных туристов. Но в последние десятилетия в облике городов произошли существенные изменения. Появились широкие прямые улицы, рассчитанные на автомобильное движение, по сторонам которых тянутся современные роскошные жилые многоэтажные дома, банки, магазины, конторы, к примеру, в столице Объединенных Арабских Эмиратов Абу-Даби, а также во многих других. Но окраины и этих современных городов сохраняют традиционный восточный облик.

Сельские поселения значительно различаются в зависимости от местных традиций и географических условий. На Аравийском полуострове они располагаются на равнинах и в горах, в Иране, главным образом, на плоскогорьях, в предгорьях, в долинах рек, в Турции тяготеют к морскому побережью и тянутся по долинам, в Афганистане сосредоточиваются в котловинах и горных долинах. Равнинные поселения обычно крупные, в плане кучевые, с беспорядочной застройкой кварталов. Более правильную планировку имеют вновь возникающие поселения или основанные переселенцами. Горные поселения меньше по размерам. Жилища располагаются террасами, образуемыми узкими кривыми улицами. Структура равнинных и горных поселений сравнительно однообразна. В их центре, на базарной площади, обычно располагаются мечеть или церковь, чайная, кофейня, общественные и административные постройки. От площади тянутся узкие улочки, образованные глухими глинобитными или сложенными из камня стенами усадеб, без окон, с воротами и небольшими калитками. Улицы настолько узки, что не на всякой могут разъехаться две небольшие повозки. Водопровод, канализация, электрическое освещение, если и имеются, то только в центральных богатых частях больших городов и самых крупных сельских поселений. Большинство же населения живет в условиях, мало чем отличающихся от средневековья. Горные и равнинные поселения, граничившие с воинственными племенами, имели оборонительные сте-

ны, боевые башни. В наши дни они по большей части утратили практическое значение, однако в некоторых горных местностях, где сохраняются вооруженные межэтнические конфликты, например, на востоке Турции и в горных местностях Ирана, оборонительные сооружения продолжают поддерживать и даже сооружать заново.

У номадов, за исключением тех, которые начинают переходить к оседлости, отсутствуют долговременные поселения, хотя, особенно летом, скотоводы обычно концентрируются около групп колодцев. Так, летние кочевья бедуинов Центральной Аравии насчитывают обычно многие сотни и даже тысячи кочевых жилищ, группирующихся по кварталам в соответствии с принадлежностью к подразделениям племени. Внутри кварталов по соседству ставят жилища родственники. У въезда в кочевье располагается обычно палатка его главы, шейха, с тем, чтобы приезжие прежде всего попадали к нему. Полукочевники Аравии и кочевники и полукочевники других областей Передней Азии создают летом значительно меньшие по размеру кочевья. Зимой, ранней весной и поздней осенью кочевые поселения рассредоточиваются, и скотоводы кочуют либо небольшими группами семей, либо отдельными семьями.

Типы жилищ у земледельческого и скотоводческого населения разнообразны в зависимости от этнических традиций и местных условий.

Традиционные, и в наше время еще широко распространенные, жилища земледельцев равнин и предгорий представляют собой обычно прямоугольные, реже квадратные в плане постройки, сооружаемые из камней, из сырцового кирпича. В горах, иногда и в предгорьях встречаются дома в виде укрепленных башен. Планировка жилищ варьируется в зависимости от местных традиций и имущественного положения. У мусульманского населения каждый дом разделяется на две части: переднюю, мужскую, предназначенную также для приема гостей, и заднюю, женскую, куда доступ посторонним мужчинам воспрещен. Число комнат зависит от богатства хозяина, поэтому беднейшая часть населения довольствуется жилищем из одной комнаты, или, как это нередко встречается в Иране, особенно на окраинах больших городов, хижиной-будкой, сооруженной из подручных материалов. В сельских местностях усадьба, окруженная высокой оградой — дувалом, включает также хозяйственные постройки, цветник, виноградник, огород. К дому пристраивается по большей части просторная открытая веранда, навес которой спасает от палящих лучей солнца. При наличии достаточного количества воды поселения и усадьбы обычно утопают в зелени, доставляющей вместе с арыками, протекающими по улицам и дворам, прохладу. Интерьер жилищ прост. В Турции принято обставлять комнаты, особенно гостевые, невысокой мебелью. В сельских поселениях других стран из мебели используются только деревянные кровати или топчаны и сундуки для хранения имущества. Полы устилаются войлоком, и в зависимости от состоятельности, коврами, ими же украшают стены.

Кочевые жилища представлены среднеазиатским и переднеазиатским типами. К числу первых относится кибитка — разборное жилище туркмен, состоящая из легкого деревянного решетчатого каркаса, покрытого войлоками. Переднеазиатский тип представлен различными по размеру, форме и материалу палатками, традиционно изготавливаемыми из шерсти, а сегодня зачастую из брезента, натянутого на шесты. Размеры и формы кочевых жилищ зависят не только от этнических традиций, но в значительной мере от зажиточности их хозяев. То же самое касается и внутреннего убранства. Иногда, особенно при наличии в жилище молодоженов, кибитка или палатка разгораживается занавеской.

Традиционная утварь сельских жителей — земледельцев и скотоводов почти не различается, так как кочевники покупают ее по большей части на базарах у сельских ремесленников. Это чугунные котлы для приготовления пищи, глиняные и медные сосуды, нередко сосуды из высушенной тыквы, а у кочевников — бурдюки

из кожи. Для всех народов специфичны высокие кувшины с вытянутыми носиками для хранения воды и умывания. В зависимости от зажиточности и традиций пользуются глиняной или фарфоровой посудой – чайниками, пиалами без ручек или небольшими чашечками для кофе, кофейниками. В последние десятилетия традиционную утварь все более вытесняют фабричные изделия. Так, только в редких домах сейчас можно найти старинные деревянные миски для супа и плова, которые вытеснили эмалированные миски и металлические тазы.

При всем разнообразии традиционной одежды народов Передней Азии в ней много общего по составу и покрою. Наибольшие различия наблюдаются в головных уборах, которые часто связаны с племенной принадлежностью, особенно в их цвете и составе тканей. Традиционный мужской костюм состоит из широкой, до пояса или колен белой рубахи, штанов с широким шагом, узких у туркмен или в виде широчайших шароваров у белуджей, и наплечной одежды – халата или плаща. В качестве примера можно привести бедуинов, туркмен, пуштунов. У первых традиционная одежда, сохраняющаяся в наше время и в больших городах, и которую нередко носят за рубежом даже дипломатические представители этих народов, состоит из широкой рубашки и штанов, плащей с рукавами или прорезями, специфического головного убора из платка и шерстяных шнуров. Примерно такова же основа костюма у туркмен, который дополняет либо стеганный халат из бумажной или шелковой материи, либо у зажиточных людей халат из верблюжьей шерсти исключительной прочности и практически водонепроницаемый. Головным убором служит шапка из овчины или каракуля. У пуштунов были распространены плащи с прорезями для рук и с прикрывающими их ромбовидными кусками ткани. Турки – крестьяне и сегодня зачастую надевают поверх рубахи жилетку и суконную куртку. До кемалистской революции 1918—1923 г. обязательной принадлежностью турецкого мужского костюма была красная феска, которую после ее запрещения заменила кепка.

Однако в последние десятилетия традиционный костюм все больше вытесняется покупной одеждой, часто полувоенного покроя, особенно у воинственных племен. Мужчины-кочевники редко расстаются с оружием, причем традиционные сабли и кинжалы заменил теперь целый арсенал легкого и тяжелого стрелкового оружия. В наиболее жарких областях Передней Азии, на юге Ирана, Аравийского полуострова рабочей одеждой земледельца служат набедренная повязка и безрукавка, головной платок. В Иране и Афганистане распространено ношение шапок из каракуля. Мусульмане, совершившие паломничество в Мекку, и священнослужители носят чалму. Обувью земледельцам служат туфли и сандалии, кочевникам – сапоги.

Традиционная женская одежда, которая повсеместно сохраняется в большей степени, чем мужская, состоит обычно у всех народов Западной Азии из длинной, почти до пят, рубахи—платья и узких длинных до щиколоток штанов. Платья дополняются в разные сезоны и в зависимости от зажиточности безрукавками, кафтанами, плащами, халатами. Этнические и областные различия проявляются по большей части в цвете ткани, деталях костюма и головном уборе. Однако имеются и некоторые исключения. Так, у турчанок Анатолии и у белуджек костюм состоит из кофты и юбки, причем у белуджек число юбок в костюме достигает иногда десятка. При всем разнообразии женских головных уборов, их основу составляет платок или несколько платков, иногда на жестком каркасе, украшенных ювелирными изделиями. У ряда земледельческих народов в прошлом, а в Иране, в купеческой и мелкобуржуазной среде арабских стран, и в наше время, существует обычай закрывать лицо женщине волосистой сеткой и особым образом накрываемым на голову халатом с ложными рукавами. У кочевников женщины обычно лицо целиком не закрывали, хотя у некоторых кочевых народов бытует обычай при посторонних или старших по возрасту прикрывать рот краем платка. Костюм

женщин из состоятельных семей принято украшать многочисленными ювелирными изделиями: гривнами, кольцами, браслетами, ювелирными обкладками головных уборов из серебра с камнями, а иногда и из золота. У некоторых народов женщины красят хной волосы и ногти. Несмотря на довольно прочное сохранение традиций в женском костюме, постепенно, особенно в больших городах, он начинает испытывать европейское влияние, что особенно характерно для образованных слоев Турции.

Традиционные средства передвижения в Западной Азии включали верховой, вьючный, колесный и водный транспорт. В качестве верховых животных используют лошадей и верблюдов, ослов. Повозки — тяжелые, четырехколесные, запряженные волами телеги, более легкие двухколесные с огромными колесами — для переезда через оросительные каналы, запрягаемые лошадьми, верблюдами, ослами. Распространен морской рыболовецкий и каботажный транспорт в виде небольших и средних судов. По Тигру и Ефрату наряду с современными судами и катерами до сих пор плавают круглые плетенные из прутьев и обмазанные асфальтом лодки, известные в Месопотамии с эпохи возникновения цивилизации. Еще довольно много парусных судов, однако они вытесняются моторными.

Традиционная пища различна у земледельцев и кочевников, этнических и областных групп. Основу пищи составляют по-разному приготовленные пресные лепешки, блюда из растительной и животной пищи. Масло используется как животное, так и растительное, хотя и у кочевников по традиции в большей степени употребляется масло животного происхождения. Мясо в качестве повседневной пищи доступно лишь зажиточному городскому и сельскому населению, для остальных же, в том числе и для кочевников — скотоводов, это преимущественно праздничная еда. Распространены блюда из риса, эммера, овощей. Большое значение в пищевом рационе в условиях жаркого климата имеют разнообразные напитки: кофе, зеленый и черный чай, чай с мятой. Номады употребляют в пищу большое количество разнообразных кисломолочных продуктов из верблюжьего, а в новейшее время и коровьего молока.

СЕМЬЯ

Семья и семейные отношения у большинства народов Передней Азии и сегодня основываются, главным образом, на нормах религии и обычного права, и единственным исключением является часть городского населения Турции, которое уже не придерживается традиционных религиозных правил. У мусульманских народов брачные отношения определяются религиозным правом — шариатом, допускающим полигамию и ставящим женщину в полную зависимость от мужчины. На практике нормы шариата соблюдаются в разных странах неодинаково. Например, в Турции в образованных слоях общества женщина примерно равна по правам с мужчиной, тогда как в Иране, ряде арабских стран, положение женщины остается зачастую приниженым, хотя все больше появляется образованных женщин и работающих по найму.

Что касается разрешенного шариатом многоженства (полигамии), то оно имеет относительно ограниченное в жизни распространение и только среди определенных слоев общества: духовенства, купечества, мейна, ростовщиков, зажиточных ремесленников. Для большинства населения многоженство невозможно по экономическим причинам. Кроме того, постепенно складывается отрицательное отношение к многоженству, формируясь в общественное мнение. До сих пор и у земледельческого, и у скотоводческого населения, а также во многих случаях в городах господствует брак — покупка жены посредством выплаты выкупа — калыма, размер которого сильно варьирует у разных народов. Приобретенная посредством

калыма женщина считается собственностью мужа и его семьи, что зачастую лишает ее самых элементарных человеческих прав. Среди приверженцев ислама распространены рекомендуемые религиозным и обычным правом браки между двоюродными братьями и сестрами по мужской линии (ортокузенный брак), что ведет к появлению наследственных генетических болезней. У кочевников, как правило, бытует запрет вступления в брак за пределами своего племени или этноса (эндогамия), а также правило, по которому на вдове старшего брата должен жениться его младший брат (левират). Значительное влияние имеет религия на брачные порядки в Израиле, где, в частности, также имеет место левират. У христиан брачные отношения определяются религиозными нормами, причем определенный отпечаток на семейные отношения накладывает влияние соседнего мусульманского населения.

В городах и у земледельческого населения преобладают малые семьи, хотя у части наиболее зажиточных сельских жителей встречаются и большие неразделенные семьи. У кочевников многие десятилетия идет процесс разложения больших семей и складывание малых, которые становятся преобладающими.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В Передней Азии сложились, как в Египте, древнейшие в мире классовые отношения, возникли государства, цивилизация. Древнейшие классовые отношения сменились в земледельческой полосе своеобразным "феодализмом", оказавшимся по ряду политических и экономических причин устойчивым и сохранившимся во многих государствах и тогда, когда в Европе и Северной Америке давно победили капиталистические отношения. В немалой степени этому способствовала колониальная и полуколониальная зависимость, ставшая тормозом на пути социально-экономического развития. И в наши дни общественные отношения в Западной Азии характеризуются значительной пестротой и традиционностью. В Израиле и Турции сложились развитые капиталистические отношения. Однако в отдельных странах Аравийского полуострова, в Иране наряду с капиталистическими еще сильны и феодальные отношения, архаическая общинная система землепользования. Консервации докапиталистических пережитков во многом способствует исламское духовенство.

Наиболее традиционные общественные отношения сохраняются у кочевников, определяемые частной собственностью на скот, общественным владением и использованием пастбищ, отсутствием монопольной собственности на средства производства у какого-либо класса или социального сословия. При этом у кочевников в ходе сложения кочевнического хозяйственно-культурного типа возникли значительная имущественная и социальная дифференциация, отношения экономической зависимости и эксплуатации. Но в условиях экстенсивного экономического базиса классовые отношения не могли сложиться в среде кочевого общества, так как это немедленно вело к разложению кочевничества, разрушению социальных организмов, что постоянно и происходило на протяжении веков, и особенно интенсивно в нашем столетии. Общество кочевников всегда было многоукладно, и при господстве патриархально-номадного способа производства в качестве второстепенных укладов выступали иные формы социальных отношений. Это было прежде всего связано с воздействием соседних земледельческих государств, с которыми кочевники находились в сложных многосторонних отношениях: экономических и культурных, подчиняли себе земледельческие народы, сами оказывались от них в политической зависимости. У кочевников бытуют многие архаические патриархальные традиции: соседская взаимопомощь, общинно-племенная демократия (например, джирга у кочевников Афганистана), кровная месть и т.п.

Для всех кочевых народов характерна единообразная общинно-племенная организация, основанная на патриархально-генеалогических связях, предполагающая общее происхождение от одного, как правило, легендарного предка. Племенная структура образует сложную разветвленную систему из крупных и мелких племенных подразделений разного уровня, которые, в свою очередь, включают родственные общины и семьи. Нередко легендарные племенные генеалогии ведут происхождение членов племени от пророка Мухаммеда или даже от Ноя. В арабских странах племенная организация существует у верблюдоводов-бедуинов и овцеводов-шавия, у юрюков Турции, курдов Ирака, Турции и Ирана, туркмен Ирана, Афганистана и других стран, племен Ирана и Афганистана: луров, бахтиаров, белуджей, пуштунов, хезарейцев и др. С переходом кочевников на оседлость постепенно исчезают и традиции племенной организации, хотя в некоторых случаях в сфере семейно-брачных и социальных отношений они продолжают бытовать.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Народы Передней Азии создали за тысячелетия цивилизации огромные духовные ценности, нашедшие отражение в памятниках письменности и устном народном творчестве, изобразительном искусстве, музыке, пении, танцах. Духовная культура народов рассматриваемого региона настолько сложна и многообразна, что ей можно дать лишь самую общую характеристику.

Богато народное творчество в арабских странах, включающее многообразные жанры фольклора: эпические произведения, сказки, легенды, сказания о происхождении племен, их истории, исторические предания. Существует богатейшая средневековая и современная светская и духовная литература, важный исторический памятник мусульман — священная книга Коран. У кочевников, в прошлом почти поголовно неграмотных, впрочем как и у большинства в прошлом сельского населения Западной Азии, особенно развито устное народное творчество. У всех народов существует высокая народная музыкальная культура, бытуют различные музыкальные инструменты: духовые, ударные, щипковые. На многочисленных календарных и религиозных празднествах исполняются музыкальные произведения, проводятся разного рода состязания музыкантов и певцов, устраиваются пляски, часто имитирующие различные бытовые сценки, трудовые или военные действия. При том, что ислам возник в арабском мире, религиозные представления кочевников далеки от ортодоксального мусульманства, и значительное место, как и у других кочевников, занимают магические и анимистические представления, культы деревьев и предметов, элементы шаманизма. Народная медицина арабов основывается на многовековом опыте врачевания и соединяет использование природных средств с магически-религиозными действиями. В средние века многие городские центры арабского мира были средоточием культуры, науки, образованности, искусства, обогатившим мировую культуру. Однако в позднем средневековье наметился упадок культурной жизни, который был вызван установлением полуколониальной зависимости от западных стран. В наше время в ряде стран Западной Азии образование находится на невысоком уровне, много неграмотных, хотя после второй мировой войны наметился бурный рост образования.

Знаменита арабская архитектура, сложившаяся в средние века, и оказавшая большое влияние на другие страны мусульманского мира. Из-за религиозных запретов лишь небольшое распространение получило театральное и изобразительное искусство. Первое ограничивалось ярмарочными представлениями, причем преследуемыми духовенством и светскими властями, а второе отмечено поразительно высоким развитием каллиграфии, книжной миниатюры, многокрасочной орнаментальной отделкой глазурованной плиткой внешних стен и интерьера религиозных и общественных зданий, дворцов, усыпальниц.

Разнообразно турецкое народное искусство. Существуют самые различные фольклорные жанры: исторические предания, сказки, легенды. Мировую известность имеет цикл рассказов о народном мудреце и защитнике бедняков — Ходже Насреддине. Ни один общественный или большой семейный праздник не обходится без певцов—сказителей. В городах и селах популярен уличный народный театр марионеток и теней, скоморохов. Сложились, особенно после революции 1925 г., большая турецкая литература, профессиональное искусство, воспринявшее значительные народные традиции. Но и сегодня на окраинах городов, в сельских местностях множество неграмотных, а высшее образование доступно обычно только юношам и девушкам из обеспеченных слоев населения. Что касается церкви, то она по закону отделена от государства, но тем не менее роль духовенства еще велика.

В Иране до недавнего времени почти поголовно в сельских местностях и в среде городской бедноты господствовала неграмотность, вследствие чего особенное значение имело устное народное творчество. Оно включает исторические предания, знаменитые древние и средневековые эпические произведения, фольклорные циклы. Под музыкальное сопровождение исполняются песни, любовные романсы. По городам и селам странствуют бродячие актеры, кукольные театры. Популярны спортивные состязания, во время которых устраиваются конкурсы народных поэтов и музыкантов. После окончания второй мировой войны в Иране были предприняты крупные мероприятия по ликвидации неграмотности, давшие положительные результаты, получило несколько большее распространение светское искусство, хотя, так же, как и в ряде арабских стран, Турции, главным образом, под влиянием американской массовой культуры, что нанесло ощутимые потери национальным традициям. В целом же в последние десятилетия наблюдается значительное усиление мусульманского фундаментализма.

В Афганистане народное искусство включает устное народное творчество, музыкальные произведения, народный театр, песни, сказки. Популярен эпический цикл сказаний об Адан-Хане и Дур-Хане. Бытуют различные щипковые инструменты, барабаны, пастушеские свирели. Славятся пуштунские боевые пляски. На праздниках обязательно устраиваются военно-спортивные состязания: скачки, борьба, стрельба в цель, а также состязания певцов. За последние десятилетия в Афганистане была проведена немалая работа по ликвидации неграмотности, подготовке специалистов народного хозяйства, ученых, учителей, врачей. Однако влияние религии и духовенства до настоящего времени еще очень сильно, что оказывает определенное воздействие на развитие профессиональных форм культуры.

Разнообразна и красочна духовная культура других народов Передней Азии — азербайджанцев, курдов, белуджей и др. Так, славятся курдские массовые и одиночные пляски, которые исполняют мужчины, женщины и дети, белуджские песни и пляски, туркменские певцы—сказители, исполняющие героические предания, любовную лирику, генеалогические сказания.

Во всех странах Передней Азии широко бытует, как и у арабов, народная медицина, сочетающая полезные способы врачевания с магическими и религиозными шарлатанскими приемами, приносящими больным немалый вред. Существует множество знахарей и колдунов, занимающихся "лечением" и пользующихся довольно широкой популярностью среди малообразованных, невежественных слоев населения. Профессиональная медицина еще далека от того, чтобы охватить поголовно все население, хотя в этом отношении предпринимаются существенные шаги.

В религиозном отношении подавляющая часть обитателей Западной Азии исповедует ислам разных толков. Священная книга мусульман — Коран. Ислам сложился в Аравии в средние века на базе различных древних верований и многое

заимствовал у христианства и иудаизма. В основе ислама лежит принцип единобожия и веры в пророков и загробную жизнь, согласно которой правоверные мусульмане, исполняющие все заветы Мухаммеда, получают доступ в рай, а грешники отправятся в ад. Правоверный мусульманин ограничен в жизни множеством правил и запретов: исполнением ежедневных молитв, постов, отказом от употребления в пищу ряда продуктов и напитков, обязанностью уплаты религиозного налога "закят", совершением паломничества в Мекку и многими другими. Большинство мусульман относится к религиозным течениям суннизма и шиизма. Сунниты почитают наряду с Кораном и устное предание — сунну, отрицающее у человека наличие свободной воли. Шииты особо почитают пророка Али и не признает суннитских халифов. Суннитский толк, наиболее распространенный, исповедует большинство арабов, пуштунов, туркмен, курды, белуджи и многие другие. Приверженцы шиизма — персы, азербайджанцы, часть курдов, белуджей, часть арабов Ирака, Сирии, Саудовской Аравии, Бахрейна.

В Саудовской Аравии и некоторых других странах распространена секта ваххабитов, сложившаяся в XVIII в. в эпоху борьбы арабов против турок. Ваххабиты — сторонники строгого соблюдения заветов ислама. В Сирии и некоторых других арабских странах имеются приверженцы шиитской секты исмаилитов. Наиболее фанатичны в массе приверженцы шиизма, и в первую очередь последователи мистического учения суфизма — монахи—суфии. Существуют и другие секты и течения ислама.

Христианство сложилось в Восточном Средиземноморье в первых веках нашей эры и до эпохи арабского завоевания имело широкое распространение во многих областях Передней Азии. Однако в наши дни число христиан сравнительно невелико. Это ливанские марониты, армяне-монофизиты и представители других христианских толков. Имеются православные: греки, ассирийцы и некоторые другие группы населения.

У отдельных малых народов бытуют синкретические религии, возникшие на основе древних языческих верований, христианства и ислама. У некоторых групп курдов существует синкретическая религия йезидов. В Северо-Западной Сирии живут алавиты (нусайриты), исповедующие синкретическую религию, в которую вошли христианство и ислам шиитского толка. Окончательно не выяснено происхождение религии друзов Ливана, в которой прослеживаются христианские, мусульманские и какие-то древние элементы. Имеется небольшая группа гебров, поклоняющихся огню — почитатели древней маздеистской религии. В Израиле государственная религия — иудаизм.

Позиции религии в Передней Азии еще сильны, и она оказывает заметное влияние на развитие культуры, образования, семейные отношения, а в последние десятилетия играет существенную политическую роль.

Глава седьмая

НАРОДЫ ЮЖНОЙ АЗИИ

Южная Азия включает полуостров Индостан, остров Шри-Ланка, Андаманские и Никобарские, Лаккадивские и Аминдивские острова. Ее общая площадь 4,5 млн кв. км.

Природно-географический облик Южной Азии разнообразен. Ее большую часть составляют горы, плоскогорья и низменности. Огромные площади заняты плодородной Индо-Гангской равниной, Деканским плоскогорьем, Западными и Восточными Гатами. С севера субконтинент обрамлен высочайшими в мире горными вершинами Гималаев и Каракорума, на северо-западе расположены Белуджистанское нагорье и Гиндукуш, на северо-востоке находятся Ассамские горы, на юге горы Анималаи, Нильгирийские и Кардамоновы горы. На острове Южной Азии низменности чередуются с возвышенностями.

Индостанский субконтинент и острова омываются водами Индийского океана, Аравийского и Андаманского морей, Бенгальского залива.

По аллювиальным долинам Южной Азии протекают великие реки: Инд, Ганг, Джамна, Брахмапутра и др. Но многие области пустынные и лишены сколько-нибудь значительных водных источников.

Большая часть равнин Индостана расположена в тропиках, и только на севере и в предгорьях климат субтропический. В условиях тропического климата выпадает множество дождей, которые приносят муссоны, но при этом в одни сезоны дожди затопляют целые области, принося страшные бедствия, а в другие — царит засуха. Пустынные, аридные области расположены на северо-западе Индостана в Синде, Раджастане, Белуджистане, на границах с Афганистаном.

Исключительно богатый растительный и животный мир Южной Азии значительно обеднел вследствие нерасчетливой хозяйственной деятельности. Некогда ее равнины и предгорья были покрыты сплошными джунглями. В наши дни тропические леса встречаются лишь в виде отдельных островков среди бескрайних возделанных полей. Однако в географически наиболее изолированных областях еще растут ценные породы деревьев: тик, сал, красное и черное дерево, сандал. В вечнозеленых "дождевых" лесах растут фикусы, пальмы, древовидные папоротники; в прибрежной полосе континента и островов, на соленых болотах — мангровые леса. Оскудел и животный мир, но и сейчас еще в Южной Азии водится множество обезьян, птиц, пресмыкающихся и насекомых, встречаются тигры, леопарды, дикие слоны и другие крупные животные. В последние десятилетия правительства стран Южной Азии проводят большую работу по сохранению флоры и фауны, основываются заповедники, ограничиваются охота и вырубка ценных пород деревьев.

Общее число населения Южной Азии — примерно 1 млрд человек¹. На ее территории расположен ряд государств: Республика Индия (примерно 800 млн человек), Исламская Республика Пакистан (около 100 млн), Народная Республика Бангладеш (более 100 млн), Королевство Непал (около 17 млн), Республика Шри-Ланка (более 16 млн человек), Королевство Бутан (около 1,5 млн), Мальдивская Республика (около 0,2 млн человек).

¹ Численность дается по состоянию на 1987 г. См.: Население мира. Демографический справочник. М., 1989.

Южная Азия относится учеными к одной из гипотетических прародин человека. Десятки миллионов лет тому назад там обитали дриопитековые обезьяны, а 8–12 млн лет от наших дней – рамапитеки, возможные предки людей. Однако останки древнейших людей (археантропы, палеоантропы) в Южной Азии пока не обнаружены, хотя орудия труда той эпохи, как предполагается, найдены. Что касается вопроса, входила ли Южная Азия в ареал становления человека современного вида, то на него пока нет определенного ответа.

В позднем палеолите и мезолите во многих областях Индостана существовали развитые культуры каменного века, однако население, по-видимому, было немногочисленным. Судя по антропологическим находкам, в неолитическое время континентальная часть Южной Азии и Шри-Ланка были населены людьми веддоидного антропологического типа, наложившего значительный отпечаток на позднейшее население, но в наше время сохранившегося лишь у отдельных малочисленных групп.

Данные о древнейших языках Южной Азии отсутствуют, и лишь высказываются предположения, что они могли быть родственными языкам азиатско-океанийской зоны. Как считается, в III тысячелетии до н.э. протодравиды и протомунда расселялись по большей части на территории Южной Азии, где они смешивались с древним, веддоидным по антропологическому типу, населением. Распространена точка зрения, что дравидоязычное население было создателем древнейшей цивилизации в Южной Азии, известной по культуре Хараппа и Мохенджо-Даро в долине Инда. Во II тысячелетии до н.э. начались миграции на север полуострова ариев, двигавшихся из западных областей. Арии были южные европеоиды и говорили на индоевропейском языке, известном по памятникам письменности: санскрите и ведическом. По мере продвижения на юг они смешивались с местным дравидским населением, что отразилось на современном антропологическом составе народов Южной Азии. Более широкое, чем в наше время, расселение дравидского населения на Индостанском полуострове подтверждается сохранением на северо-западе Индии, в гуще индоевропейских народов, дравидоязычных буришков. Арии основали несколько ранних государств. Их древнейшая история известна по священным книгам: Ведам (древнейшая ее часть Ригведа – Веда гимнов), описаниям ритуалов, жертвенных и магических заклинаний, обширному собранию комментариев к Ведам, составившим ведическую литературу. Древнейший общественный строй ариев был сословно-классовым, все члены общества подразделялись в соответствии со своим социальным и профессиональным положением на "варны", определявшие положение человека в обществе. На основе этой системы впоследствии развился кастовый строй.

Позднее, в скифскую эпоху, на север и северо-запад субконтинента стали проникать волны ираноязычного населения, сохранившегося там до нашего времени в виде пуштунов, белуджей и других групп населения. Они были по большей части скотоводами, значительные их группы и в наше время остаются номадами.

Еще в древности на крайнем северо-востоке Индостана стали формироваться монголоидные по антропологическому облику и тибето-бирманские по языку группы населения.

К середине I тысячелетия до н.э. на остров Шри-Ланка, где до этого обитали, главным образом, малочисленные племена веддов, стали переселяться предки сингалов, говоривших на индоевропейском языке, и дравидоязычных тамиллов. Постепенно большая часть веддов была ассимилирована пришельцами, и только отдельные их группы сохранились в труднодоступных горных местностях.

В течение I тысячелетия до н.э. на север Индостана неоднократно обрушивались полчища северных варваров-завоевателей. Туда дошли и победы-

носные войска Александра Македонского. Все это накладывало определенный отпечаток на этнический состав местного населения. Немалое воздействие на этническую и культурную историю Северной Индии оказало завоевание значительной ее части монголами. К XVI–XVII вв. относится первое проникновение в Южную Азию европейцев: сначала португальцев, а вслед за ними голландцев, французов, англичан. Начинается колонизация Индии, вследствие которой вся Южная Азия оказалась британским владением. Беспощадная эксплуатация неоднократно вызывала взрывы народного гнева, выливавшиеся в открытые восстания. И, наконец, после длительной национально-освободительной борьбы, в 1947 г. Индия и Пакистан, а в 1948 г. – Цейлон (с 1972 г. Республика Шри-Ланка), завоевали государственную независимость. При этом между Индией и Пакистаном английские власти провели границы без учета исторических, экономических и культурных традиций, что привело к продолжающимся до нашего времени межгосударственным трениям. Неоправданным оказалось и создание Пакистана из двух частей: Западного и Восточного, разделенного тысячами километров индийской территории. В результате длительной борьбы Восточной Пакистан стал независимым государством Бангладеш.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ

В Южной Азии обитает множество народов (по некоторым подсчетам до 800), при этом на 23 языках из 187 существующих говорит 97% всего населения, прочие же народы небольшие или совсем немногочисленные. Многие малые народы относятся к так называемому племенному населению и сохраняют в разной степени пережитки первобытно-общинных отношений.

По антропологическому признаку большая часть народов Северной Индии, Пакистана, Бангладеш, части Непала принадлежит к южным европеоидам, однако с известной примесью местного древнего населения. На юге Индостана и частично на Шри-Ланке обитают представители дравидской расы. На крайнем северо-востоке, на границах с Бирмой, в Непале имеются довольно значительные группы монголоидного населения. На Андаманских островах обитали пигмеи-негритосы, ныне уже почти вымершие, а на Шри-Ланке представители веддоидной расы – ведды. Веддодные черты прослеживаются и у многих крупных, особенно дравидских, народов.

Языковой состав народов Южной Азии сложен и относится к нескольким языковым семьям: индоевропейской и индоарийской, иранской и нуристанской группам; дравидийской; австроазиатской; сино-тибетской. Более двух третей всего населения составляют народы, говорящие на индоевропейских языках. Наиболее крупные из них хинди (один из официальных языков Индии, другой – английский), урду (один из официальных языков Пакистана, другой – английский), бенгали (официальный язык Бангладеш), непали (официальный язык Непала), сингальский (официальный язык Шри-Ланки), панджаби, раджастанхрани, гуджерати, лахнда, бихари, ория, ассамский, кашмири, а также пуштунский, белуджский (балочи) и др.

Многочисленными крупными и малыми языками представлена дравидийская языковая семья. Из них самые крупные – телугу, тамильский, каннада, малаялам. К числу мелких "племенных" дравидийских языков относятся кота, тода, ченчу и многие другие.

На северо-востоке Индии обитают представители австроазиатской языковой семьи: санталы, мунда, корку и др., относящиеся к группе мунда, а также кхаси, никобарцы.

Ряд мелких народов, расселенных на севере и востоке Индии, говорит на языках сино-тибетской семьи: тибето-бирманской группы – нага, манишури, шерпа и

др., группы бодо-гаро – гаро, бодо, трипура и др., качинской – западногималайской группы – канаури, лахули и др.

На языках, образующих особую языковую семью, говорят андаманцы, жители Андаманских островов.

В Южной Азии происходят интенсивные языковые процессы, в ходе которых ряд малых "племенных" народов (адиваси) сливаются с более крупными и заимствуют их языки.

Для этнической ситуации в Южной Азии характерно наличие крупных народов, консолидированных в нации, народности, а также большого числа мелких групп так называемого "племенного" населения, стоящего на тех или иных ступенях разложения первобытно-общинных отношений.

К числу наиболее консолидированных наций в Республике Индии относятся бенгальцы, гуджератцы, маратхи, панджабцы, ория, кашмирцы, телугу (андхра), тамилы, каннара, малайяли. Каждая из этих наций обитает в штатах, выделенных по лингвистическому признаку. Нациями с отчетливым самосознанием в Пакистане являются западные панджабцы и синдхи. Их окончательной национальной консолидации несколько препятствует то, что официальный язык Пакистана – урду. Однако с 1972 г. язык синдхи был объявлен официальным языком одноименной провинции.

Значительной степени национальной консолидации достигли мальдивцы, обитатели Мальдивских островов, сложившиеся из разноэтнического населения: дравидов, сингалов, арабов.

Исключительно сложна этническая структура штатов Северной Индии, где распространен язык хинди. Однако среди мусульманского населения бытует язык урду, относящийся к четырнадцати основным языкам, признанным конституцией Индии. В литературе встречается термин "хиндустанцы", под которым поднимаются народы, говорящие на хинди и урду. Однако ни лингвистически, ни этнически они не представляют какого-либо целого.

Для стран Южной Азии характерно постепенное осознание общегосударственной общности в виде суперэтнической (этнополитической) интеграции (индийцы, пакистанцы и др.), однако эти процессы протекают еще довольно медленно вследствие многочисленных сепаратистских движений, наличия мелких и мельчайших народностей и племенных групп, не достигших еще современного уровня социально-экономического и культурного развития.

ХОЗЯЙСТВО

С глубокой древности для Южной Азии характерна значительная пестрота в хозяйственном и социально-экономическом развитии отдельных областей и в хозяйственно-культурных типах. По современным археологическим, палеоботаническим и палеозоологическим данным Южная Азия не относилась к числу "первичных" центров наиболее раннего одомашнивания растений и животных, и производящее хозяйство сложилось там несколько позднее, чем в Западной Азии. Однако эти процессы развернулись все же достаточно рано, что и привело к возникновению ряда земледельческих центров, а на их основе — цивилизации. С глубокой древности и до наших дней для Южной Азии характерна значительная неравномерность в направлениях и уровнях хозяйственного развития.

Примерно с IV тысячелетия до н.э. в отдельных областях северо-западной части Южной Азии стало складываться производящее земледельческо-скотоводческое хозяйство, в долинах рек возникали поселения древнейших земледельцев и животноводов. Распространение производящего хозяйства происходило первоначально по Индо-Гангскому междуречью, а затем стало проникать и в

восточные области, на юг, в Шри-Ланку. К середине III тысячелетия до н.э. по Инду, в областях Мохенджо-Даро — Хараппа, сложилась древнейшая в Южной Азии высокоразвитая цивилизация.

На открытых пространствах, в аллювиальных долинах совершалась так называемая неолитическая революция. В ее ходе господствующим видом занятий становилось производящее земледельческо-скотоводческое хозяйство. В самостоятельную отрасль выделялось ремесло. Складывались городские центры. Но на значительной части субконтинента и на островах, в бесконечных тропических джунглях, в горах, население длительное время сохраняло традиционные присваивающие способы добывания жизненных благ и первобытно-общинные отношения. И только в XX в. все более интенсивно развертываются процессы, в ходе которых часть "племенного" населения выходит из лесов, селится на равнинах и переходит к земледелию, которое получает распространение и у народов, остающихся на их старых местах расселения.

Значительные сдвиги в развитии современных форм хозяйства были следствием завоевания народами Южной Азии национальной независимости, когда правительства стали прилагать определенные усилия для помощи малым народам. Но ограниченные экономические возможности развивающихся стран Южной Азии, сложность политических условий ставят на этом пути существенные препятствия.

Разнообразие природно-географических условий, социальных и культурных традиций обусловило наличие в Южной Азии большого числа хозяйственно-культурных типов и подтипов не только в прошлом, но и в наше время.

Подавляющее число населения Южной Азии относится к хозяйственно-культурному типу плужных земледельцев, хотя в последние десятилетия быстро растет число индустриальных рабочих, служащих и интеллигенции. Это связано с ростом промышленности и городов, особенно таких мегаполисов, как Калькутта, Бомбей, Дели. Быстро растет численность населения в средних и малых городах. Городское население пополняется не только за счет сельского земледельческого, но и за счет выходящих с гор и из лесов племенных групп "адиваси", устраивающих на окраинах целые поселения традиционного облика, и пытающихся найти в городе пропитание, доставляемое отчасти путем организации государственных работ.

В сочетании с ремеслом и домашними промыслами ХКТ плужного земледелия начал складываться в конце IV—III тысячелетиях до н.э. В позднеантичное и средневековое время плужное земледелие распространяясь все шире по Южной Азии, утвердилось в Южной Индии, на ее востоке, на Шри-Ланке. Традиции древнего и средневекового земледелия оказались устойчивыми, и в некоторых местах, особенно в географически отдаленных областях, отчетливо прослеживаются и в наше время. При огромном разнообразии природных условий Индийского субконтинента и Шри-Ланки хозяйственно-культурный тип плужного земледелия в прошлом и в настоящее время состоит из многих разновидностей и подтипов. Разнообразны возделываемые культуры, способы обработки земли и прочие сельскохозяйственные работы, уровень развития плужного земледелия. Особенно резко эти различия прослеживались в недавнем прошлом, когда в обширных, редко заселенных тропических лесах и горных местностях сохранялись чрезвычайно отсталые формы земледельческого хозяйства. Картина стала существенно меняться после завоевания народами Южной Азии национальной независимости, когда быстрыми темпами во многих областях население стало втягиваться в современные процессы развития. На этом пути достигнуты значительные успехи, однако последствия колониальной эпохи продолжают сказываться и сегодня вследствие ограниченности материальных ресурсов и экономических возможностей. Поэтому и в наши дни наряду с вполне современным хозяйством, основанным на плужном механизированном земледелии, миллионы крестьян ведут отсталое, полусредневековое хозяйство. Различия между подтипами

хозяйственно-культурного типа плужных земледельцев состоят также в соотношении отдельных видов занятий, дополнительных к земледелию: животноводства, ремесла, отходничества и т.п.

Земледельческие области располагаются, главным образом, вдоль плодородных долин крупных, средних и небольших рек Индии, Пакистана, Бангладеш, Шри-Ланки, по предгорьям и долинам Непала, Бутана, на Мальдивских островах.

Основной продовольственной культурой Пакистана и Северо-Западной Индии является пшеница, во всех прочих областях Южной Азии — рис. Но наряду с ним разводятся и другие, самые разнообразные культуры: просяные, бобовые, фрукты и овощи. Значительные земельные площади заняты под технические культуры: плантации кокосовых пальм, хлопок, масличные, каучуконосы. Выращиваются кофе, габак, в штате Ассам разводится знаменитый индийский чай, а на Шри-Ланке столь же известный цейлонский. На севере Индостана, в предгорьях Гималаев, в Непале, Бутане преобладает горное земледелие, причем в зависимости от высоты над уровнем моря разводятся субтропические культуры или культуры полосы умеренного климата. Равнинное земледелие имеет в целом тропический характер.

Значительная часть земледельческих культур выращивается в Южной Азии на экспорт и служит основным источником поступления валюты.

Важную отрасль сельского хозяйства составляет животноводство. Земледельцы Южной Азии располагают самым большим в мире поголовьем крупного рогатого скота, хотя и малопродуктивного. Согласно религиозной традиции крупный рогатый скот считается священным, и употребление его мяса в пищу запрещено индуистам, сикхам и представителям некоторых других религиозных течений. В областях со смешанным в религиозном отношении населением — а они составляют большинство местностей — мясо крупного рогатого скота не едят вообще или едят в ограниченном количестве мусульмане. Повсеместно в пищу используется молоко крупного рогатого скота, главным образом, в виде кисломолочных продуктов, скот служит тягловой силой при обработке почвы и в качестве упряжных животных. Огромное малопродуктивное стадо крупного рогатого скота создает для сельского хозяйства и экономики Южной Азии значительные трудности: страдают пастбища и леса, скот мешает движению транспорта на автодорогах и в городах (прогнать животное с дороги расценивается как оскорбление религиозных чувств), однако традиция пока еще твердо держится в этом отношении, несмотря на общий прогресс. Главным образом, в предгорьях Гималаев и других горных местностей, где имеются необходимые пастбища, разводят овец и коз, мясо которых высоко ценится. Индуисты довольствуются преимущественно вегетарианской пищей, а для праздничного стола приготавливаются блюда с мясом птицы. Во многих областях, особенно на северо-западе Индостана, незаменимым транспортным животным служит осел. В засушливых местностях разводят верблюдов, однако земледельцы держат их в ограниченных количествах из-за трудностей выпаса. В тропиках широко распространено содержание прирученных слонов, используемых под седло, в том числе и на охоте на крупных опасных животных, для транспортировки тяжелых грузов. Используют слонов разного рода промышленные и торговые кампании, государственные службы. Крестьянские хозяйства не держат слонов из-за их дороговизны, сложности прокорма и невозможности использовать эффективно их рабочую силу. Лошадей содержали в средние века феодальные владельцы — раджи — для верховой езды. В наше время у земледельцев лошадей мало.

В целом двумя крупнейшими подтипами хозяйственно-культурного типа плужного земледелия является подтип хозяйства Пакистана, северных областей Индии, Непала, Бутана и подтип тропического хозяйства Южной Индии, Бангладеш, Шри-Ланки, Мальдивов. В рамках каждого из этих подтипов выделяется значительное число разновидностей, отличающихся способом орошения, обработкой

земли, набором сельскохозяйственных культур и формами животноводства, а также развитием ремесел и отхожих промыслов.

Повсеместно, где практикуется плужное земледелие, имеется развитая оросительная система, состоящая из сложной сети каналов, выводимых из основной водной артерии. Ирригационное хозяйство Южной Азии испытало немалый урон в эпоху колониальной зависимости. Из-за пренебрежения колониальных властей к нуждам местного населения оросительные каналы пришли на огромных земельных площадях в катастрофическое состояние, что повлекло за собой в одни сезоны года опустошительные засухи, а в другие — разрушительные наводнения, уносящие тысячи человеческих жизней, разрушающие остатки оросительных систем, смыывающие с полей плодородный слой. Значительное внимание к ирригации было обращено правительствами государств Южной Азии после получения национальной независимости, в ирригационные работы стали вкладываться большие средства. Однако и до наших дней сельское хозяйство Индостана и Шри-Ланки страдает от засух и наводнений, так как полная реорганизация оросительных систем требует таких затрат, которые развивающиеся страны еще не могут себе позволить.

В ирригации в большинстве местностей преобладает самотечное орошение, однако нередко сохранившиеся со времени средневековья водоподъемные колеса, приводящиеся в действие силой животных или вручную. В отдельных районах в предгорьях воду на поля доставляют посредством подземных водосборных галерей.

В последние десятилетия, хотя и постепенно, в крестьянских хозяйствах появляются современные фабричные земледельческие орудия. Однако и сегодня самое широкое распространение имеют традиционные орудия труда, формы которых восходят к средним векам или даже к более раннему времени.

Традиционные земледельческие орудия разнообразны у народов Южной Азии. С древних времен бытует деревянный плуг с железным сошником. В местностях с каменистой почвой он массивный и тяжелый, на рыхлых землях применяется легкий деревянный плуг. В качестве тягловой силы используются буйволы или горбатые быки породы зебу. После вспашки землю обрабатывают своеобразной бороной с упором. Пшеницу, ячмень, просо сеют вручную, разравнивая почву после посева бревном-волокушей, которое тянут животные или люди. Рис сажают на заливных полях рассадой. Жнут серпами, в некоторых местностях срывают колосья руками. Молотят либо цепями, либо прогоняют по снопам животных, после чего провеивают зерно. Зерно размалывают на ручных мельницах или толкут в каменных ступах, муку используют для приготовления лепешек, похлебки или других блюд.

В последние десятилетия во всех странах Южной Азии проводится большая работа по совершенствованию сельского хозяйства, на нее отпускаются значительные государственные средства. Принимаются меры для механизации производства, организуются опытно-показательные станции, где крестьяне имеют возможность ознакомиться с новейшими достижениями агротехники, получить высококачественные сортовые семена. Организуются кооперативные машинно-тракторные станции. Крестьян снабжают минеральными удобрениями. Однако современные технические нововведения доступны только наиболее зажиточной части крестьянства, подавляющая же его масса ведет традиционное земледельческое хозяйство.

Важной составной частью хозяйственно-культурного комплекса плужного земледелия являются домашние производства и ремесла, возникшие еще в глубокой древности. Они разнообразны, многие специфичны для определенных местностей. Ряд ремесел имеет характер кустарных промыслов.

Древнейшей традицией имеет производство шерстяных, шелковых и хлопчатобумажных тканей. Ручные, а также фабричные ткани составляют немалую часть экспорта из стран Южной Азии. Знамениты традиционные шелковые и

хлопчатобумажные ткани для национальной женской одежды "сари", в особенно дорогие сорта которых вплетаются нити из драгоценных металлов. Широко известны кашмирские шерстяные шали, самые дорогие их экземпляры настолько тонки, что шаль можно протянуть через обручальное кольцо. Ручные ткани из Индии, Пакистана, Бангладеш и Шри-Ланки в большом количестве скупаются туристами и идут также на рынки Западной Европы и Америки.

Древние традиции имеют и металлургия, обработка железа, литье и чеканка меди и бронзы, изготовление изображений божеств и мифологических героев. Знаменито ювелирное дело: выделка самых разнообразных украшений, главным образом, из серебра, в меньшей степени из золота, огранка поделочных и драгоценных камней и изготовление из них бус и других украшений. При этом неопытным покупателям зачастую предлагаются под видом изделий из драгоценных камней и металлов подделки в виде так называемого "белого золота", "восточных изумрудов" (особым образом обработанный кварц) и т.п. Традиционны разного рода металлические сосуды с чеканкой, большой спрос имеют крупные медные сосуды, в которых, водружая один на другой, женщины носят на голове воду, порой за несколько километров.

К числу важных экспортных отраслей относится ковроткачество. Вырабатываются особенно высокохудожественные ковры для внешнего рынка и для своих богатых людей и более простые и дешевые — для широких слоев населения. Невозможно перечислить и описать все многообразие домашних производств и ремесленных промыслов, нужно лишь отметить старейшую традицию обработки дерева, в том числе изготовление инкрустированных перламутром, кожей акулы предметов мебели, коробок, четок и пр.

На северо-западе субконтинента, в Пакистане и Индии, а также в меньших размерах в Непале и Бутане, распространен кочевнический хозяйственно-культурный тип, включающий кочевое и полукочевое скотоводство, разные способы выпаса и содержания скота. Время сложения кочевничества в Южной Азии точно не установлено, но надо полагать, что выделение кочевников из среды прочих варваров произошло одновременно с возникновением кочевничества в Западной и Средней Азии в I тысячелетии до н.э. Переселявшиеся во II тысячелетии до н.э. на север Южной Азии арии имели развитое пастушеское скотоводческое хозяйство, сложившееся у них, скорее всего, за века миграций. Однако они не были кочевниками и по большей части перешли на новой родине к оседлому земледелию. И в последующие тысячелетия Северную Индию неоднократно затопляли полчища скотоводов завоевателей. Кочевничество сложилось в Южной Азии в аридных пустынных областях, не пригодных для ведения интенсивного земледельческого хозяйства, как единственно возможный способ приспособления и выживания в экстремальных природных условиях.

В течение средних веков на северо-западных окраинах Индостана сосредотачивалось скотоводческое население, состоявшее из тех же этнических групп, что и в Афганистане и Юго-Восточном Иране. И в наши дни кочевничеством в Пакистане занимаются пуштуны, отчасти белуджи и некоторые другие группы населения. Номады Южной Азии ничем в принципе не отличаются от кочевников и полукочевников Западной Азии. Они разводят мелкий рогатый скот, верблюдов, в небольшом количестве лошадей. За исключением горных областей, все они ведут меридиональное кочевание. Социально-экономические отношения кочевников основываются на экстенсивном пастбищном скотоводстве и общих для всех кочевых народов патриархально-кочевых отношениях, родственно-генеалогических связях и племенной общинно-генетической общественной организации. Проникновение в среду кочевников интенсивных товарно-денежных капиталистических отношений ведет к разорению и оседанию части кочевников, однако эти процессы разворачиваются довольно медленно. Так же устойчиво горное полукочевое

скотоводство в Непале и Бутане, основанное на разведении мелкого рогатого скота, яков, верблюдов. Зимой скот содержится в горных долинах, где стада укрыты от ветра, на лето животных отгоняют на высокогорные альпийские пастбища, что создает вертикальный цикл кочевания.

Следующий хозяйственно-культурный тип, включающий значительное число подтипов, основан на ручном земледелии, мало развитом животноводстве и домашнем производстве. Он был еще в конце прошлого столетия представлен значительным числом населения из так называемых зарегистрированных племен и некоторых народов, обитавших в относительно географически изолированных лесных и горных местностях. Различия между отдельными подтипами этого ХКТ в направлении и облике хозяйственной деятельности, уровне развития социально-экономических отношений очень велики. Так, одни народы уже в XX в. находились на стадии далеко зашедшего разложения первобытных и сложения классовых отношений, тогда как некоторые племена и в наши дни еще только начинают выходить из первобытно-общинного состояния. К хозяйственно-культурному типу ручного земледелия относится большое количество племен и народов, однако численность их в сравнении с прочим населением Южной Азии невелика, и в наши дни быстро сокращается. В начале XX в. ручное земледелие лежало в основе хозяйственной деятельности ряда племен народов мунда (в частности, санталов), небольших дравидских племен и народностей Южной Индии, нага северо-восточных горных областей Ассама. Нага, в настоящее время ставшие на путь классового развития, занимаются, главным образом, рисосеянием, орошая поля посредством ирригационных систем из бамбуковых труб, расположенных по склонам гор. С давних пор они разводили также кукурузу, просо, бобовые и огородные культуры, содержали крупный рогатый скот и птицу. Поля обрабатывались мотыгами, причем плодородную почву на террасные поля по склонам холмов зачастую приходилось приносить в заспанных корзинах с берегов протекавших по горным долинам речушек. В настоящее время все в большей мере получает распространение плужная обработка почвы. Земледелием на террасных полях занимаются также бхотии Непала, часть кхаси Ассама.

Ручное земледелие с применением искусственного орошения составляет один из хозяйственно-культурных подтипов ручного земледелия.

Другой подтип основан на подсеčno-огневой системе земледелия и значительно примитивнее, чем предыдущий, вследствие чего на его основе не сложились классовые отношения. Этот подтип имел большое распространение до середины XIX в. в областях Центрально-Индийского нагорья, в Восточных и Западных Гатах, в предгорьях Гималаев. Но затем он был запрещен колониальными властями, так как вел к истреблению лесов с ценными породами деревьев. Этот запрет действует и теперь. И хотя далеко не все небольшие народы и племена следовали запрету в горных, малодоступных местностях, сегодня этот подтип практически почти исчез, сохраняясь лишь у части лесных и горных мунда, палайянов и уладанов Южной Индии, некоторых групп нага и кхаси в высокогорных областях Ассама.

Традиционное подсеčno-огневое земледелие велось в джунглях, участки для полей расчищались путем выжигания деревьев. Деревья и кустарники вырубали в начале сухого сезона, с тем чтобы они успели высохнуть и их можно было сжечь до начала сезона дождей. При выжигании леса не только освобождался участок, но и возникал слой золы, служивший удобрением почвы. Но еще существеннее было то, что лесной пожар уничтожал чрезвычайно живучие сорняки. Однако пользоваться выжженными участками леса для земледелия можно было только ограниченное время, так как вскоре они зарастали еще сильнее кустарниками и сорняками и приходилось выжигать новые участки джунглей. Следствием такого способа ведения хозяйства было уничтожение лесов на огромных площадях, взамен

вырубленных ценных пород деревьев обычно вырастали мусорные кусты и малопригодный для промышленных целей лес.

Запрещение подсечно-огневой системы земледелия было вызвано экономическими и экологическими причинами, однако оно принесло тяжелые бедствия значительному числу жителей гор и лесов, лишившихся, таким образом, привычных средств существования и вынужденных или изыскивать новые, что было затруднительно, либо переселяться на открытую равнину, где не оставалось свободных для обработки земель. К тому же лесные племена не обладали необходимыми навыками для ведения орошаемого плужного земледелия. На новых местах их ожидали различные трудности экономического и социального характера. Переселение лесных племен на равнину, главным образом на окраины городов, где они рассчитывают найти средства существования, продолжается и в наши дни и сопровождается в условиях массовой безработицы и трудностей адаптации полупервобытного населения к современным условиям значительными для него бедствиями.

При подсечно-огневом традиционном земледелии сеяли в основном рис, кукурузу, масличные, иногда клубневые растения (таро и ямс). Животноводство имело небольшое распространение и ограничивалось в основном содержанием собак и птицы. Однако традиционное подсечно-огневое земледелие обычно не давало достаточных средств существования, и они восполнялись посредством различных видов присваивающей деятельности: охоты, рыболовства, собирательства. Так, у нага, кхаси и у многих других лесных племен до недавнего времени в качестве охотничьего оружия использовались лук и стрелы, копьа, применялись разного рода ловушки. И в наши дни это традиционное вооружение можно найти у некоторых лесных народов, обитающих в значительном отдалении от цивилизованного мира. Старинное собирательство, имевшее в прошлом цель сбора дикорастущих съедобных растений, дополнилось в колониальное и в наше время специализированным собирательством с целью продажи или обмена даров леса на продовольствие, ткани, металл и другие нужные предметы. Специальные скупщики направляются в леса, где обитают эти народы, и покупают у них камфару, каучук, разного рода смолы, ценные породы дерева. После запрета подсечно-огневого земледелия племена стали специализироваться на такого рода собирательстве, сочетая его с ограниченной охотой и небольшим, более интенсивным земледелием.

В прошлом существовал еще один, ныне практически уже исчезнувший подтип, при котором главным способом добыwania средств существования были присваивающие отрасли занятий, а земледелие было лишь вспомогательным, так как из-за своей примитивности давало небольшие результаты.

Промежуточный хозяйственно-культурный тип связан с прибрежным рыболовством. Однако, как правило, этот вид занятий связан с другими способами добыwania жизненных благ, а в наши дни превратился в промысловое рыболовство.

Совершенно уникален и нигде больше в мире не повторяется традиционный хозяйственно-культурный тип у тогда Нильгирийских гор в Южной Индии, основанный на коллективном общинном скотоводстве. В отличие от всех прочих скотоводов, скот у тогда не является индивидуальной или частной собственностью семьи, а принадлежит всей общине. Они разводят крупный рогатый скот и ведут молочное хозяйство. Скот выпасают и обслуживают общинные пастухи на отгонных пастбищах, куда женщинам доступ категорически запрещен, и вообще все, что связано со скотом и молочным хозяйством, относится исключительно к сфере мужских дел. Женский труд связан только с домашним хозяйством. Растительную пищу и другие товары тогда выменивали у соседей в обмен на продукты скотоводства. В настоящее время общинное скотоводческое хозяйство находится в стадии разложения, и получают распространение другие виды занятий.

В Южной Азии еще в прошлом столетии в лесных и горных, наиболее изолированных областях Центральной и Южной Индии, Шри-Ланки, на Андаманских островах сохранялись отдельные племенные группы из числа народов мунда, дравидов, а также ведды Шри-Ланки и андаманцы, принадлежавшие к наиболее примитивному из известных хозяйственно-культурных типов бродячих охотников и собирателей. В наше время большая их часть перешла к более интенсивным видам занятий, переселилась на открытые равнины, однако отдельные небольшие группы и сегодня продолжают бродить в глухих лесах и остаются на уровне развития людей каменного века. Хозяйственно-культурный тип бродячих охотников и собирателей, изученных в прошлом и начале XX в. на примере андаманцев, "горных" веддов, ченчу и других мелких групп мунда и дравидоязычных групп, разбивался на ряд подтипов в зависимости от уровня хозяйственной деятельности и социального развития. Однако общим для этих народов было то, что средства существования они добывали путем постоянных передвижений по определенной территории с перерывами на короткие дневки и ночевки.

По пути добывалось все съедобное: растительная пища, мелкая и средняя живность. Более крупных зверей бродячие охотники и собиратели обычно не могли добыть вследствие чрезвычайно слабой вооруженности. Из-за крайней ограниченности пищевых ресурсов в еду шло почти все: насекомые, личинки, змеи, грызуны, даже падаль, против отравления которой существовал приобретенный с ранних лет иммунитет. Редким лакомством были фрукты, иногда встречающиеся в тропических лесах: молодые побеги бамбука и, главное, мед диких пчел, добыча которого была сопряжена не только со значительными трудностями, но даже с опасностью для жизни, так как пчелы яростно защищают свое достояние. Добывание средств существования было для этих народов нелегким делом, и периодически они страдали от хронического голода.

Хотя металл в виде заготовок или готовых изделий проникал к бродячим охотникам и собирателям издавна, выплавлять его и обрабатывать горячим способом они не умели и могли лишь, как, например, ведды, обрабатывать металл холодным, практически неолитическим способом, каменными молотами. Традиционными материалами для изготовления орудий и оружия служили дерево, кость, рог, растительные волокна, камень. Для целей охоты и, там, где оно было возможно, рыболовства изготовлялись копья, палицы, разного рода ловушки, сети. Основным оружием веддов и андаманцев были лук и стрелы, причем у андаманцев существовал совершенно уникальный S-образный лук, дававший большой эффект при стрельбе, разнообразный набор стрел для стрельбы по разным видам наземных животных и по рыбам и, что особенно любопытно, гарпун для сухопутной охоты, широко в древности распространенный в Евразии, но затем полностью исчезнувший в конце позднего палеолита у всех, за исключением арктических охотников, у которых он использовался как орудие для охоты на морского зверя. Несмотря на ограниченный ассортимент орудий и оружия, бродячие охотники и собиратели были достаточно хорошо приспособлены к окружающей среде.

Существовал обмен с соседними земледельческими народами, причем часто, как у веддов, с соседями-земледельцами в виде "немного обмена". Он осуществлялся в постоянном традиционном месте без непосредственного контакта между обменивающимися сторонами. Ведды получали металлические изделия, ткани, бусы и т.п. вещи, взамен чего поставляли партнерам "дары леса". Андаманцы использовали металл, который они находили на остатках кораблей, потерпевших около островов крушение в бурном Андаманском море. Запасы продовольствия бродячими охотниками и собирателями, как правило, не делались, все добытое поедалось на месте, хотя в принципе им был известен метод консервации мяса в меде. Однако мясо было настолько редким лакомством, что до его сохранения на длительное время дело обычно не доходило.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Большая часть населения Южной Азии живет в сельских местностях. Типы и формы их поселений и жилищ разнообразны и связаны с хозяйственно-культурным типом, этническими традициями и местными природно-климатическими условиями.

У земледельцев Индо-Гангской равнины преобладают поселения уличного плана из нескольких десятков или даже сотни домов. В последние десятилетия многие из них, особенно расположенные вдоль магистральных дорог, имеют тенденцию превращаться в городки, которые, например, в области Агры (где расположен всемирно известный памятник Тадж-Махал) тянутся почти непрерывной цепочкой вдоль шоссе. Традиционные дома чаще всего глинобитные, с плоской крышей, однако все большее распространение получают постройки из современных материалов. На севере Южной Азии встречаются небольшие кирпичные дома из одной-двух комнат с верандой. Своеобразны постройки в пригималайских областях, где обычен прием сооружения домов на столбах или высоких фундаментах. В Непале и Бутане поселения по большей части кучевые, жилища сооружаются из камня, а в лесных местностях – из дерева. В долине Ганга имеются также кучевые поселения, встречаются каркасные дома. По традиции члены разных каст селятся в различных кварталах поселения, причем самые бедные и неблагоустроенные принадлежат низшим кастам и "неприкасаемым", которые иногда устраивают свои кварталы из жалких хижин за пределами основного поселения, где живет "кастовое" население. Так, в частности, поступают обычно общины из числа "зарегистрированных племен" при переселении из лесов.

В Пакистане у синдхов распространены крупные поселения, состоящие из немногих больших усадеб. Дома делаются либо глинобитными, либо каркасными из плетня, обмазанного глиной. Крыши плоские. Усадьбу обносят высокой глинобитной стеной или плетеной изгородью. У зажиточной части населения дома сложены из сырцового или обожженного кирпича.

В Бенгалии и Бихаре встречаются крупные поселения, в которых живут по несколько тысяч человек. В Бенгалии часты и хуторские поселения, в которых усадьбы разбросаны на значительном расстоянии друг от друга. Постройки каркасные и глинобитные. Чаще всего дома одно- и двухкомнатные. Только зажиточные слои населения имеют дома из нескольких комнат.

Существенно отличаются от севера поселения и жилища в Южной Индии и Шри-Ланке, что объясняется прежде всего условиями тропического климата и характером подручных строительных материалов. Но существуют и определенные этнические традиции. Так, у андра встречаются обычно небольшие поселения, у тамилов – более крупные. Различны по облику поселения на побережье океана, в лесах и вдоль дорог. Последние тянутся порой на несколько километров по одну или по обе стороны шоссе. В лесах преобладают сравнительно небольшие кучевые поселения, причем дома строят на некотором расстоянии друг от друга под деревьями, вследствие чего сразу можно увидеть только несколько домов, остальные же теряются в чаще леса.

По берегам Индийского океана облик деревень особенно колоритен. Они обычно кучевые и кольцевые в плане, расположены на открытой местности и по периметру и между домами густо засажены пальмами, так что путешественник видит издали не столько строения, сколько плотный круг пальм. Дома сооружаются каркасные, плетеные из бамбуковой решетки, кроются по традиции пальмовыми листьями. Представители низших каст, представляющие беднейшие слои населения, довольствуются хижинами из ветвей, крытых пальмовыми листьями. На Шри-Ланке имеются как крупные деревни, так и поселения из отдельных усадеб, расположенных на некотором расстоянии одна от другой. Дома строятся чаще всего на платформе и состоят из плетеного каркаса, обмазанного

глиной. К одной из сторон дома пристраивается веранда. Имущественное неравенство проявляется в размере домов, в материале, хозяйственных постройках, внутреннем убранстве.

Интерьер и внутреннее убранство крестьянских домов не отличается сложностью. В комнатах стоят низкие топчаны, покрытые циновками, на которых сидят и спят, низкая резная мебель: табуретки, столики. Украшением служат металлические и глиняные сосуды, и только у самых зажиточных – ковры. В нишах стоят изображения божеств.

Большие города, особенно их центральные части, застроены современными многоэтажными домами, в которых располагаются банки, отели, дорогие рестораны, там же находятся дворцы богачей и бывшей традиционной знати – *раджей*. Чем дальше от центра, тем улицы уже, дома меньше и беднее, хотя вследствие дороговизны земли под застройку и в бедных кварталах преобладают дома в два-три этажа и более. Интерьер городского зажиточного населения сочетает обычно национальные и европейские традиции. В жилых комнатах обычно делают из-за жары каменные полы. Определенное переднеазиатское влияние наблюдается во внутреннем убранстве жилищ мусульманского населения Пакистана.

Характерная особенность Южной Азии, особенно в ее северных областях, это наличие огромного числа бездомных в городах. "Аристократия" из их числа в лучшем случае владеет кроватью, которая стоит на тротуаре и которой пользуется сам хозяин, сдающий напрокат ее в то время, когда она свободна, желающим за плату. Прочие довольствуются местом на тротуаре, подстилая под себя во время сна газеты или тряпки. Самые же несчастные, не имеющие даже собственного места на тротуаре, просто укладываются отдыхать на проезжей части улицы, рискуя попасть под колеса автомобилей.

Кочевое и полукочевое население северо-западных областей Южной Азии, хотя оно постепенно и переходит к относительной или постоянной оседлости, все же еще довольно многочисленно, определяется в несколько миллионов человек и сохраняет в значительной мере традиции в материальной культуре, в том числе в поселениях, в устройстве жилищ. Номады живут в сезонных кочевьях, размеры которых различны в разные времена года: летом они значительны, зимой распадаются на отдельные семьи или небольшие группы родственных семей. В жаркое время года кочевья располагаются около источников водоснабжения, в сезоны дождей скотоводы отгоняют стада вглубь пустыни, где находятся хорошие пастбища с сочной травой и нередко ямы и озера, наполненные дождевой водой. В предгорьях Гималаев, в кочевых областях Непала и Бутана, принцип организации сезонных поселений несколько иной. Зимой скотоводы сосредотачиваются в горных долинах, а на лето стада общин расходятся по обширным альпийским пастбищам. При этом, в зависимости от степени подвижности, семьи пастухов либо остаются на лето в поселениях в долинах, либо откочевывают с ними на горные пастбища.

Скотоводы Южной Азии обычно пользуются кочевыми жилищами в виде палаток из полотнищ шерстяной ткани или брезента, которые натягивают на шесты. Таковы жилища у пуштунов, белуджей, некоторых пригималайских скотоводов. В высокогорных областях с суровым климатом летним жилищем также обычно служит палатка или навес из ветвей, зимние же жилища сооружаются более капитально из дерева и камня, а в отдельных местностях глинобитные или из сырцового кирпича.

Внутреннее убранство кочевых палаток-шатров во многом напоминает или даже полностью сходно с интерьером жилищ номадов Передней Азии. В середине шатра располагается очаг, над которым висит котел для приготовления пищи, в огонь костра ставится чайник. Вокруг костра пол застилается, в зависимости от состоятельности кочевника, войлоком, коврами. На шестах, поддерживающих

палатку, развешиваются переметные сумки, предметы конской сбруи, оружие. Имуущество хранят в деревянных сундуках. В последние десятилетия получила распространение низкая деревянная мебель — столики и скамейки, — заимствованная у городского населения.

Поселения и жилища мотыжных земледельцев тропических лесов и горных областей разнообразны. Так, санталы и некоторые другие народности и племена мунда живут в поселениях, которые состоят обычно из одной улицы, вдоль которой располагаются хижины из бамбука или тростника, обмазанные глиной. Палайяны, уладаны и ряд других малых дравидских народов Южной Индии обитают в небольших поселениях и своеобразных "ульевидных" домах из ветвей и пальмовых листьев, с навесом, без окон, с узким и низким дверным проемом. Такие же жилища у животноводов toda.

Колоритны поселения и жилища нага Ассама. Их большие деревни располагаются на склонах холмов, на террасах, часто таким образом, что крыша одного дома служит двором для обитателей расположенного выше дома. Деревни разделены на кварталы. Крепкой оградой из толстых стволов деревьев огораживается не только все поселение, но и каждый квартал, так как в глубине гор нага, где происходят постоянные междоусобные столкновения, враждуют подчас не только деревни, но и жители кварталов. Дома у нага, как и у их соседей кхаси, значительны по размерам и капитальны, сооружаются на платформах из толстых стволов деревьев и выглядят как укрепления. В предгорьях, где условия жизни более мирные, деревни открытые, кучевые, состоят из небольших наземных каркасных жилищ.

Также своеобразны традиционные поселения и жилища никобарцев. Они располагаются обычно в нескольких десятках метров от морского берега, за полосой прилива. Дома ставятся на высоких сваях и имеют вид половины яйца, не снабжены окнами, а только небольшим дверным проемом в виде лаза. На платформу поднимаются по лестнице, которая на ночь втягивается наверх.

Для большей части традиционных охотников и собирателей характерны небольшие деревни из плетеных хижин. В прошлом бродячие охотники и собиратели устраивали временные ветровые заслоны и платформы на деревьях. Особенно интересна в научном отношении история поселений и жилищ у жителей Андаманских островов, дающая возможность проследить переход от общинно-родового поселения к индивидуальному, семейному, что в других областях мира удается установить только на археологических данных. В старину у них бытовали поселения из больших общинных домов, располагавшихся в глубине островов. Зачастую все поселение состояло из одного большого дома-общины, в котором обитали от десятков до сотен человек, образовавших родовую или локальную группу.

Овальный в плане дом состоял из двух рядов опорных столбов, на которых покоилась массивная крыша из пальмовых листьев, спускавшаяся до земли и образующая стены постройки. Изнутри, по периметру, устраивалось возвышение, на котором располагались спальные места парных семей. В середине дома размещался общинный очаг, ближе к выходу — танцевальная площадка с музыкальной доской (выдолбленным стволом дерева с отверстиями, который при ударе по нему палкой издавал очень громкий стонущий звук), против каждого спального места на полу находился семейный очаг для приготовления повседневной пищи.

В более позднее время, по мере разложения у андаманцев под влиянием переселенцев с континента первобытных отношений, их поселения и жилища претерпели существенные изменения. В плане поселения остались овальными, но они представляли уже не одну общинную постройку, а поставленные по овалу ветровые заслоны, в каждом из которых обитала парная семья. При этом не только

форма планировки поселения, но и расположение очагов, танцевальной площадки повторяло устройство старого традиционного жилища. Все это свидетельствовало об обособлении парных семей и разложении первобытной общины.

Многие группы веддов еще в прошлом веке обитали в пещерах, из которых они совершали охотничьи экспедиции, сооружая на ночевках ветровые заслоны.

Исключительно красочен и своеобразен костюм населения Южной Азии. Но, несмотря на его разнообразие, он может быть сведен к нескольким типам. Распространена шитая и нешитая одежда. В земледельческих областях костюм состоит у мужчин из дхоти — длинной или короткой набедренной повязки, штанов, рубахи, куртки. На голове мужчины-индуисты носят шапочки; бенгальцы, часть панджабцев, сикхи — тюрбаны. Ритуал запрещает носить индуистам кожаную обувь, и сейчас еще большая часть сельского населения ходит босиком, а в городах — в текстильной обуви на веревочной подошве. Современная обувь — из синтетических материалов.

Женская нешитая одежда — сари — состоит из длинного полотнища ткани, которое обертывается вокруг туловища. Иногда концом сари прикрывают голову. В городах теперь обычно под сари надевают кофточку. Во многих областях распространено ношение шалей. Существуют и шивные виды одежды. У некоторых народов женский костюм включает платья, широкие юбки, шаровары. Таков, в частности, костюм у кочевых скотоводческих народов. Обычно по цвету сари и другим элементам костюма, способу их ношения можно определить, из какой области или народа происходит женщина. В зависимости от состоятельности, женщины носят много украшений из драгоценных металлов и меди, многие из них со вставками из драгоценных и полудрагоценных камней. В их число входят браслеты для рук и ног, серьги в ушах, носу, кольца на пальцах рук и ног, гривны и ожерелья. Кроме того, применяется разнообразная косметика, на лбу ставится кастовый знак.

Традиционная одежда земледельческого населения широко бытует и в наши дни в Южной Азии. Она распространена в городах, ею пользуются в основном женщины, нередко и за рубежом. Но в городах, преимущественно у мужчин, широко распространено сочетание традиционной национальной и европейской одежды: например, дхоти и пиджак. Официальным предметом одежды стал френч из шелковой или шерстяной материи со стоячим воротничком. Нередко в крупнейших городах, особенно в Дели и Бомбее, Калькутте, можно встретить людей, одетых в европейскую одежду: пиджаки, брюки, плащи, шляпы и кожаную обувь. Представители высшей касты брахманов, осуществляющие функции священнослужителей, и в наши дни, особенно в сельских местностях, ходят в соответствии с религиозными предписаниями — с обнаженным торсом и босиком, на лбу наносится краской священный знак.

У кочевых скотоводов в значительной мере сохраняется традиционная одежда, такая же, как и у их соплеменников в Афганистане и Иране. Однако в последние десятилетия у мужчин все большее распространение получает одежда полуголового или военного образца.

Почти не претерпел изменения традиционный костюм мотыжных земледельцев и лесных охотников и собирателей, хотя к ним уже давно проникают элементы городской одежды. Одежда их по большей части легкая. У наиболее развитых племен, как, например, у санталов и некоторых других, она сходна с общеиндийской. Мужчины гонда носят небольшие дхоти и тюрбан. Женщины ходят в сари. Мужчины горных племен нага довольствовались в недавнем прошлом нешитой набедренной повязкой или дхоти и передником. Женщины обертывают тело куском ткани. На плечи набрасывают накидки или шарфы. Очень пышны праздничные наряды мужчин нага, дополняемые сложным головным убором и традиционным и современным оружием. Своеобразна традиционная одежда тода,

состоящая у мужчин и женщин из плаща или тоги, один конец которой перебрасывается через плечо, очень схожая с одеянием библейских патриархов. Ведды носили некогда передники из коры, которые сменили теперь хлопчатобумажные повязки. Женщины обертывают куском ткани бедра до колен, оставляя открытой верхнюю часть тела. Андаманцы ходили до недавнего времени в набедренных повязках, юбочках из травы или обнаженными.

Утварь у сельского населения состоит из металлической, глиняной и деревянной посуды. Нередки сосуды из высушенной тыквы, бамбука. В качестве посуды часто используются "тарелки" из листьев, с которых едят руками. У кочевников бытуют также разнообразные сосуды из кожи.

Пища у большей части населения Южной Азии преимущественно растительная и молочная. Едят много овощей, фруктов, а на побережьях морей и рек — рыбу. Мясо крупного рогатого скота в пищу не употребляют индуисты, а мясо свиней — мусульмане. Из напитков распространены кислое молоко, чай, в отдельных местностях кофе; алкогольных напитков в принципе употребляют мало, хотя в лесных областях Южной Индии для праздников приготавливают значительное количество пива и пальмового вина, причем попытки правительства бороться с этим обычаем путем строгих наказаний, вплоть до заключения в тюрьму, не только не имели успеха, но и привели к обратным результатам. Несмотря на официальный запрет кастовых ограничений, за отдельными исключениями совместный прием пищи членами разных каст затруднен.

Традиционные транспортные средства составляют тяжелые повозки с упряжкой из волов или зебу, выюк, лодки и небольшие суда. У кочевников выюк и верховая езда на верблюдах и лошадях. В настоящее время все более широкое распространение получают современные виды транспорта, существует густая сеть хороших автомобильных и железных дорог, авиационных линий.

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Семья и семейные отношения у народов Южной Азии строятся в соответствии с уровнем социально-экономического развития, религиозными и культурными традициями и во многом сохраняют традиционные формы, хотя, особенно в городах, и подвергаются значительному современному влиянию. У индуистов и мусульман, представителей ряда других религий семьи в прошлом были, главным образом, большими, патриархальными, а у кочевников — неразделенными. В настоящее время преобладают малые семьи. При этом у мусульман они строятся на основе норм духовного права — шариата, который допускает полигамию. Но многоженство характерно только для отдельных слоев населения: торговцев, ростовщиков, мелких предпринимателей, вождей племен, духовенства.

У индуистов о заключении браков по традиции часто договариваются родители, причем браки между высшими и низшими кастами считаются позорными. Правительство принимает решительные меры против кастовых предрассудков, однако они еще сильны, особенно в сельских местностях. В прошлом во многих областях Южной Азии практиковались очень ранние браки: обручались дети в возрасте 2—4 лет, бракосочетание происходило, когда они достигали возраста 6—8 лет. Сейчас такие браки законодательно запрещены, однако полностью это явление еще не изжито. У многих народов, в частности на севере Индии, вдове запрещается по традиции вторично выходить замуж, даже если муж умер в самом раннем возрасте. Семейно-брачные отношения некоторых народов, например наиров, сохраняют пережитки матрилокальных и матрилинейных отношений, при которых женщины имеют равные с мужчинами права, по материнской линии идет наследование имущества и дается имя ребенку.

Сохраняются давние традиции в семейно-брачных церемониях. Они разнообразны у различных народов и включают множество обрядов. По большей части они завершаются тем, что жених вешает на шею невесте "тали" — особый медальон.

В последние десятилетия в семейно-брачных отношениях народов Южной Азии, особенно в городах и промышленных центрах, происходят существенные изменения. Исчезают ранние браки, рушатся кастовые перегородки, молодежь борется за право вступать в брак по любви. Но традиции упорно держатся и в целом еще сильны, в том числе уплата брачного выкупа у мусульман.

У народов из числа "зарегистрированных племен" до начала нашего века господствовала парная семья, которая в последующие годы постепенно приобретала черты моногамной. Однако до конца этот процесс завершился далеко не повсеместно. И сегодня можно встретить парные семьи у части горных нага, курумба, ченчу и других малых народов. В отдельных случаях прослеживаются традиции матриликальности и матрилинейности: у кхаси, например, дети наследуют имя матери, а молодой муж поселяется в доме родителей жены. Своеобразная форма полиандрии (многомужества) существовала в относительно недавнем прошлом у тода Нилгирийских гор. Семья состояла у них из одной жены и нескольких мужей: либо братьев, либо лиц, не родственных между собой. Эта форма семьи сложилась так же, как в прошлом у некоторых групп тибетского населения, на основе специфических условий жизни и разделения труда в животноводческом хозяйстве.

У наиболее отсталых народов Южной Азии: ведда, андаманцев и ряда других и сегодня сохраняется неустойчивая парная семья, не являющаяся экономической ячейкой общества. Существует возрастная система, при которой юноши и девушки проходят возрастные инициации: первых посвящают в обычаи и тайны племени, проводят через испытания мужества и обучают военным и охотничьим навыкам, а вторые должны овладеть и показать умение вести хозяйство и выполнять прочие женские обязанности. Вступление в брак означает для юношей и молодых женщин *переход на новую социально-возрастную ступень: мужчины-охотника, воина, полноправного члена общины, а для женщины — самостоятельной хозяйки.*

СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Несмотря на огромные прогрессивные изменения, происшедшие в сфере общественных отношений народов Южной Азии, их развитие идет неравномерно, и наряду с высокоразвитыми культурными промышленными народами сохраняются группы населения, чей социальный строй еще не достиг уровня классовых отношений. Сохраняются некоторые пережитки феодальных и патриархальные отношения. У всех крупных народов региона классовые отношения сложились тысячелетия и столетия тому назад. Значительно медленнее происходило развитие малых и, особенно, лесных народов. Но и у большинства этнических общностей в целом при современном развитии сохраняются многие старые традиции, причем наиболее устойчив общинный уклад, полностью господствовавший у сельскохозяйственных народов практически до начала нашего века. В последние десятилетия они интенсивно разрушаются капиталистическими отношениями, тем не менее многие пережитки живы и сегодня. Традиционная индийская община имела несколько разновидностей. Она была замкнутым коллективом с общинным самоуправлением, круговой порукой, особенностями в духовной жизни. Во главе общины стояли выборные старейшины из числа наиболее авторитетных, обычно самых зажиточных членов общины, жрецы-брахманы, а в колониальное время — представители местной администрации.

В XVI в. в ряде областей Южной Азии сложилось крупное помещичье землевладение, укрепившееся в колониальную эпоху. На помещичьих землях бытовала община "земиндари", а на государственных "райотвари".

В настоящее время в странах Южной Азии проведена или проводится земельная реформа, подрывающая основы помещичье-феодалового строя. Однако в некоторых странах, например в Пакистане, Бангладеш, пережитки феодализма еще сильны и положение крестьян трудное.

Тяжелейшим наследием прошлого является кастовая система, господствовавшая в прошлом у большинства народов Южной Азии, и влияние которой сказывалось даже на мусульманах, у которых формально кастового строя не существовало. Кастовая система зародилась тысячелетия назад, и во всех деталях ее происхождение наукой еще не установлено. Известно, что в глубокой древности у ариев все население подразделялось на четыре "варны" (цвет, качество), восходившие к древнему разделению труда в обществе. Высшей варной были священнослужители, брахманы-жрецы; общественное управление и охрана народа и жрецов были обязанностью кшатриев; категория вайшии включала земледельцев и ремесленников; наконец, все три предыдущие категории должны были обслуживаться шудрами, по поводу которых существует предположение, что это была варна, включавшая покоренное ариями население. Общее понятие варны исчезло, но брахманы, кшатрии, вайшии, а на юге Индии и шудра составляют и поныне высшие касты. Кастовая система развивалась длительное время, появилось множество профессиональных, этнических и других каст. Кастовая система освящена религией и в течение тысячелетий составляла одну из основ общественного строя.

В наше время существует много тысяч каст (джати), составляющих сложную иерархическую лестницу, каждая ступень которой определяет социальную значимость относящегося к ней населения. Важнейший принцип кастовой системы составляет эндогамия, существует множество межкастовых запретов. Ряд каст считаются "нечистыми" (мусорщики, кожевники и др.). Но наиболее трагично положение так называемых "неприкасаемых" каст и "внекастового" (зарегистрированные племена, лесные и горные племена) населения. Эти категории находятся не просто на низшей ступени социальной лестницы, а как бы вне ее, им предназначено выполнять самую грязную и самую низкооплачиваемую работу. Согласно традиции "неприкасаемые" не могут селиться рядом с кастовым населением, брать воду из общественных колодцев.

С тем, чтобы хоть как-то избавиться от кастового гнета, многие люди и целые крупные группы населения переходят в мусульманство. Но и у мусульманского населения Южной Азии существуют, хотя и ослабленные, но все же известные кастовые перегородки. В конституции Индии и некоторых других странах кастовая система запрещена, с ней ведется систематическая и в целом эффективная борьба. Однако традиции еще сильны и пока нельзя утверждать, что с кастовыми предрассудками покончено.

Большинство крупных народов Южной Азии живет в наши дни в условиях капиталистических общественных отношений.

У части мотыжных земледельцев — нага, кхакси и других — долгое время сохранялись пережитки первобытно-общинных отношений. В наше время первобытные отношения у них практически уже разложились, уступив место полуфеодаловым или капиталистическим, хотя в обрядовой сфере старые традиции живы.

У немногочисленных групп населения, еще принадлежащих к хозяйственно-культурному типу охотников и собирателей, рыболовов (андаманцы, горные ведда и ряд других), первобытно-общинные отношения еще живы и разлагаются только по мере перехода их к оседлому земледелию. Для большинства охотников и соби-

рателей Южной Азии не характерны родовой строй и родовая общественная организация. У охотников-собирателей она представляла собой племенную структуру, аморфную и слабоконсолидированную, состоящую из отдельных, неустойчивых по составу локальных групп.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Исключительное богатство и разнообразие духовной культуры народов Южной Азии позволяют дать ей лишь общую характеристику. Высокого развития достигла духовная культура у народов, создавших тысячелетия назад цивилизацию Мохенджо-Даро – Хараппа. Они имели письменность, развитую систему религиозных представлений, богатое изобразительное искусство. Высоким уровнем развития духовной культуры отличались и арии, создатели ведической религии и великолепного эпоса. До наших дней широкое распространение имеют в народе эпосы «Махабхарата», «Рамаяна» и др. Ведическая религия в сочетании с верованиями народов юга Индии легла в основу индуизма. Высокое развитие знаменовало духовную жизнь земледельческих народов Южной Азии и в средние века, однако колониальное порабощение нанесло сильный удар по культуре. И только после того, как народы Южной Азии завоевали национальную независимость, культурное развитие, духовная жизнь вновь получили благоприятные возможности для своего развития.

Традиции народной духовной культуры очень сильны в Южной Азии. Доныне в народе широко распространены древние эпические произведения, их читают, декламируют, поют под аккомпанемент народных инструментов. Всемирно известна форма театрального представления катакхкали. Бытует кукольный театр. *Повсеместно можно встретить факиров, фокусников, заклинателей змей.*

Тысячелетние традиции имеет музыкальная культура. Используются различные музыкальные инструменты, из которых наиболее популярны щипковые (например, вина), смычковые, барабаны.

Высочайшего развития достигли в Южной Азии архитектура, изобразительное искусство. Неповторим архитектурный комплекс Агры, включающий бессмертное творение средневековых зодчих – Тадж-Махал, форт Агра и множество других. Поражают красотой храмы Бенареса и Южной Индии, Шри-Ланки. Древние традиции изобразительного искусства известны по настенным росписям пещерных храмов Аджанты, великолепны храмовые скульптуры из камня. Разнообразна резьба по дереву и камню и другие виды народных художественных промыслов.

Славится южноазиатская народная медицина, перекликающаяся с тибетскими традициями врачевания и основанная на природных лекарственных средствах и воздействии на психику человека. Широко известно учение йоги.

И в настоящее время значение традиционной народной духовной культуры в Южной Азии еще очень сильно. На ее основе развиваются современные формы искусства, литературы. Однако все более интенсивно проникает во все сферы духовной жизни американизированная массовая культура. Кино, образ жизни многих слоев населения все больше попадают под ее влияние.

При том, что многие малые народы Южной Азии и подавляющее большинство "племенного" населения неграмотно, они обладают исключительно яркими традициями духовной культуры: музыка, пение, танцы, изобразительное искусство и многое другое в их духовной жизни красочно и многообразно. Однако прогрессирующее обнищание, наблюдающаяся тенденция превращения их в территориально-кастовые субэтноты и ассимиляция с крупными народами ведут к исчезновению самобытных традиций духовной культуры этих народов.

Исключительно разнообразна картина религиозной жизни народов Южной

Азии, сохраняющих прочные религиозные традиции. Наиболее распространены индуизм, ислам и буддизм. Значительный этнический массив сикхов исповедует сикхскую религию, имеются последователи джайнизма, христианства, небольшая группа населения (парсы) является последователями древней религии маздеизма (огнепоклонники). Индуизм, восходящий к древней ведической религии, представляет собой политеистическую религию и имеет разные толки. Из божеств в наше время в северных областях Южной Азии более всего почитается Вишна, а на юге — Шива. Существует множество более второстепенных божеств, кроме того, в каждой общине почитаются божества местного пантеона. Известное значение имеет культ предков.

Буддизм возник в Северной Индии еще до начала нашей эры как реакция на индуизм с его кастовой системой. По воззрениям буддистов, все люди равны по происхождению. При этом буддизм проповедует фатализм, пассивное отношение к жизни. К числу его последователей в наши дни относятся, главным образом, обитатели Непала, Бутана и частично Шри-Ланки. Несколько миллионов буддистов имеется в Индии.

Джайнизм возник несколько позднее буддизма. Как и последний, он не признает кастовую систему и призывает к непротивлению злу и самосовершенствованию.

Религия сикхов сложилась в XVI–XVII столетиях, впитав в себя различные элементы индуизма, ислама и других религий. Сикхи поклоняются единому богу, не признают каст, монашества, изображений божеств. Одновременно у сикхов существует культ разнообразных духов.

Из христианских религий прежде всего, еще в раннем средневековье, в Восточных областях Индии распространилось монофизитское учение, принесенное переселенцами-армянами. Армяне создали в Калькутте крупный культурный центр, существующий и в наши дни, где еще в средние века были напечатаны одни из первых армянских книг.

Первобытные религии сохраняются до нашего времени целиком или в виде отдельных традиций среди большей части племенного населения. При этом многотысячелетние культурные контакты привели к тому, что племенные верования разных народов впитали в себя многие элементы индуизма. Преобладают анимистические верования: поклонения стихийным силам природы, добрым и злым духам. Повсеместно распространены культ предков, обычаи колдовства, магия. Нередки пережитки тотемизма.

По мере переселения охотников и собирателей на равнину, их ассимиляции в среде крупных земледельческих народов исчезают племенные религии, вытесняемые, главным образом, индуизмом, исламом, христианством.

НАРОДЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Юго-Восточная Азия — условное географическое понятие, включающее полуостров Индокитай с Малаккой и Сингапуром, Индонезийский, или Малайский, архипелаг, состоящий более чем из 3 тыс. островов (крупнейшие из которых Ява, Суматра, Калимантан, Сулавеси), западная часть Новой Гвинеи (Ириан-Джайя), Филиппинский архипелаг, насчитывающий более 7 тыс. островов, наиболее значительные из которых по площади Лусон, Минданао, Самар, Негрос, Палаван, Панай, Миндоро, Лейте. Общая площадь Юго-Восточной Азии составляет примерно 4 млн кв. км и подразделяется на континентальную и островную части. Там обитают более 400 млн человек, относящихся ко многим антропологическим расам, языковым семьям и группам, хозяйственно-культурным типам, что делает изучение народов Юго-Восточной Азии с точки зрения этнологии особенно интересным, так как наряду с промышленно развитыми народами там в отдаленных, географически изолированных, местностях обитают группы населения, находящиеся на разных уровнях разложения первобытнообщинных отношений и сохраняющие примитивные виды хозяйственной деятельности.

Рельеф континентальной и островной частей Юго-Восточной Азии сильно пересечен, при том, что большая ее часть лежит в областях влажного тропического климата. В горных областях он умеренный, а в отдельных местах засушливый. Крупных рек сравнительно немного. За исключением Меконга, Менама, Иравади, Салуина, Барито, все остальные относительно маловодны. Многие местности, особенно на Малакке, Суматре, Калимантане и Ириан-Джайя, сильно заболочены и труднопроходимы. Некогда почти вся Юго-Восточная Азия, за исключением прибрежной полосы, где растут мангровые деревья, была покрыта густыми тропическими лесами (утан, римбу). Однако к нашему времени из-за их массового истребления в сельскохозяйственных целях и для добычи ценной древесины они сильно поредели, хотя и в наши дни занимают еще значительные площади. Сокращение лесов, деятельность человека приводят к уменьшению некогда богатого животного мира. В Юго-Восточной Азии имеются многие полезные ископаемые: значительные залежи олова, драгоценных и других металлов, урана и пр.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Юго-Восточная Азия относится к числу областей мира, где проходили ранние этапы антропогенеза. На Яве обнаружены останки древнейшего "обезьяночеловека-прямоходящего" — питекантропа. На континенте и островах исследованы многочисленные стоянки каменного века, свидетельствующие о давнем развитии здесь человеческой культуры, а также сделаны археологические находки палеометаллических эпох. Считается доказанным, что в глубокой древности Юго-Восточная Азия служила мостом, соединявшим Азию с Австралией, по которому в позднем палеолите последняя была заселена человеком. Полагают, что из Юго-Восточной Азии происходило заселение Океании.

В древнейшей этнической истории Юго-Восточной Азии остается еще множество белых пятен, однако можно считать установленным, что тысячелетия тому назад этнический состав был иным, чем в наши дни, и его формирование сопровождалось множеством сложных миграционных и других процессов. По имеющимся данным, примерно до конца III тысячелетия до н.э. население

Малайского архипелага, Малакки, Филиппин, в значительной мере и полуострова Индокитай относилось по антропологическим признакам к разным типам австралоидной (или веддо-австралоидной) расы, малорослым пигмейским группам негритосов, меланезийским и папуасским типам. Реликтовые черты, смешанные с более поздними антропологическими типами, сохраняются у кубу, лубу, акит, сакаев Суматры, пунанов и букитов Калимантана, сеноев и семаңгов Малакки, ифугао Филиппин, ряда народов Индокитайского полуострова.

Сложные этнические процессы происходили в течение многих тысячелетий в странах Индокитайского полуострова. Древнейшее население Мьянмы (Бирмы) было по антропологическому типу веддо-австралоидным. Примерно за 3 тыс. лет до н.э. в Мьянму начали переселяться монголоиды, причем эти миграции были длительными и включали несколько волн. В конце I тысячелетия до н.э. с севера на юг, в долину реки Иравади, продвигались предки современных бирманцев — мьянма. На рубеже II и I тысячелетий до н.э. на территории Мьянмы появились предки тайских народов. В первых веках нашей эры в южных районах Бирмы среди собственно бирманского населения разворачиваются процессы классообразования и возникает первое государство. В позднем средневековье, в XIII в. в Мьянме начинают расселяться качины, которые, как и некоторые другие этнические группы, основывают государства.

В середине XIX в. Англия начала расширять свои колониальные владения из Индии на восток и захватила Мьянму. И только после ожесточенной и длительной национально-освободительной борьбы народы Мьянмы завоевали национальную независимость; в 1948 г. была создана Республика Бирманский Союз.

В науке существует точка зрения, что древнейшим населением Таиланда было население, говорившее на кхмерских языках. В последние века до нашей эры на территорию современного Таиланда начались миграции монголоидного населения, говорившего на языках тайской (таи, лао) и других групп, постепенно ассимилировавшего древних местных жителей.

Таиланд, оказавшийся в сфере колониальных интересов Англии и Франции, которые не сумели его поделить, благодаря этому сохранил политическую независимость, хотя в экономическом отношении оказался под сильным влиянием западных стран.

Этническая история Лаоса исследована мало, достоверно известно лишь то, что предки современных лао и горных тайских народов стали продвигаться на его территорию во второй половине I тысячелетия до н.э. Миграции растянулись на длительное время. В XII в. в Лаосе сложилось первое государство. Самая крупная этническая группа страны — лао — консолидировалась к XIV в. и в борьбе с другими этническими группами создала централизованное феодальное государство. К XIX в. относится переселение на территорию Лаоса некоторых групп мяо-яо и населения, говорившего на тибето-бирманских языках. В конце XIX в., после длительной и кровопролитной борьбы, народы Лаоса оказались в колониальной зависимости от Франции, что крайне неблагоприятно сказалось на культурном и социально-экономическом развитии страны. В 1945 г. в результате ожесточенной национально-освободительной борьбы Лаос добился освобождения от колониальной зависимости.

Еще в XIX в. стали происходить процессы этнического сближения между отдельными народностями и этническими группами страны, чему способствовала общая борьба против колонизаторов.

Значительные проблемы остаются невыясненными в связи с древнейшими этапами этнической истории Вьетнама. Судя по антропологическим данным, в позднем палеолите на его севере обитало население южномонголоидного типа. Однако эта концепция еще нуждается в дальнейшем подтверждении. Большая же

часть Вьетнама, как и соседних областей, была в глубокой древности заселена веддо-австралоидами, которые постепенно вытеснялись и ассимилировались монголоидами, шедшими с севера. Существует гипотеза, согласно которой в зоне контакта монголоидов и австралоидов происходило формирование австроазиатских языков. Предки вьетов, современных вьетнамцев, пришли на места современного расселения в I тысячелетии до н.э. Между ними и китайцами часто происходили столкновения, но шел и культурный обмен. Существует предположение, что из Вьетнама пришли в Китай культуры апельсинов, мандаринов. Высказывалась даже гипотеза, что культура риса проникла в Китай из Вьетнама. В свою очередь, Китай оказал на Вьетнам немалое культурное влияние в области образования. Происходил взаимный обмен навыками ремесла, искусства и т.п.

В X в. у вьетов сложилось централизованное феодальное государство. Во второй половине XIX в., несмотря на упорное сопротивление, Вьетнам, как и другие страны восточной части Индокитайского полуострова, попал в колониальную зависимость от Франции. Но борьба народов против колонизаторов не только не прекратилась, а все время нарастала и завершилась в ходе августовской революции 1945 г. провозглашением Демократической Республики Вьетнам на севере полуострова. Позднее Южный и Северный Вьетнам объединились в одну республику.

В первой половине III тысячелетия до н.э. началось переселение южных монголоидов с континента на острова Индонезии и Филиппин. По языку они принадлежали к австронезийской (или малайско-полинезийской) семье. Эти миграции продолжались длительное время и завершились лишь к рубежу нашей эры. В их результате сложились разнообразные этнические группы и распространились малайские языки. Первые монголоиды-переселенцы интенсивно смешивались с местным населением. Потомками этой "протоиндонезийской" волны переселенцев стали батаки, жители Ниаса и Ментавая, некоторые группы даяков и др. При преобладании у них монголоидного типа заметна примесь субстратного населения. Следующие, более поздние волны переселенцев-монголоидов сложились в этнические группы, в антропологическом типе которых или вовсе не заметно влияние древнего населения, либо оно довольно слабо. В их числе можно назвать яванцев, минангкабау Суматры, жителей прибрежных областей Малайского архипелага и Малайзии — малайцев. Неоднородная по этническому составу общность, получившая наименование малайцев, сложилась около середины I тысячелетия н.э. и широко расселилась на континенте и островах. Отдельные их группы говорят на близких языках и имеют многие общие этнографические черты.

В первых веках нашей эры на Яву и в западную часть Суматры совершилась миграция из Южной Азии, имевшая не столько антропологические, сколько культурные последствия. Воздействие мигрантов было очень существенным для развития ряда областей Индонезии. Они принесли с собой многие культурные навыки, индийскую образованность, распространение брахманизма, индуизма, буддизма. Все это значительно ускорило развитие классового общества и государства, только еще складывавшихся к началу южноиндийских миграций. Важным событием стало проникновение в XI–XII вв. в Индонезию ислама, получавшего по мере развития процессов феодализации все большее распространение и вытеснившего к XV в. почти повсеместно, кроме острова Бали, все прежние религии. Первобытные верования сохранились у обитателей внутренних областей островов.

Древнейшее население Филиппин было, как предполагается, преимущественно веддо-австралоидным по антропологическому типу. Примерно в то же время, что и в Индонезию, во II–I тысячелетиях до н.э. на острова Филиппин начались крупные миграции монголоидов, выходцев с Азиатского континента, австронезийцев по языку. Частично они смешались с аборигенным населением,

ассимилировав его, частично вытеснили во внутренние области островов, где оно сохраняется до нашего времени.

Вследствие длительных и сложных этнических процессов из переселенцев-монголоидов и частично древнего местного населения сложились три группы: наиболее развитые в культурном и социально-экономическом отношении равнинные жители, по религиозной принадлежности по большей части христиане; обитатели южных островов, до недавнего времени сохранявшие отсталое феодальное устройство, по религии мусульмане; горные племена, стоящие на разных уровнях разложения первобытнообщинных отношений, исповедующие разные племенные религии. Постепенно население, относящееся к этой группе, покидает горы, переселяется на равнину, где переходит к земледелию и более высоким формам социального устройства.

Во второй половине XVI в. Филиппины были захвачены и подчинены Испанией. В 1896–1898 гг. была провозглашена независимая Филиппинская республика, но в 1899–1901 гг. она была захвачена США. В 1946 г. была признана независимость Филиппинской республики.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ¹

В Республике Мьянма (около 40 млн человек) обитает несколько десятков народов, число которых, по разным источникам, колеблется от 25 до 50. На языках тибето-бирманской группы сино-тибетской семьи говорят мьянма (бирманцы), составляющие 3/4 населения государства, карены, кая, нага, на языке особой группы той же семьи – качины. На языке тайской группы семьи кадаи говорят шан. К народам мон-кхмерской группы австроазиатской семьи относятся моны, паланг, ва и др.

Королевство Таиланд (более 53,5 млн человек) населяют сиамцы (кхонтаи), лао, лы, фуан и другие народы, говорящие на языках тайской группы семьи кадаи; австроазиатская семья представлена мон-кхмерской группой (мон, кхмеры, горные кхмеры, кхму и др.); к сино-тибетской языковой семье относятся китайцы, а также карены, лису и другие (тибето-бирманская группа). Кроме того, в Таиланде обитают народы языковой группы мяо-яо. Есть в стране и выходцы из Южной Азии, Европы, Америки.

В Лаосской Народно-Демократической Республике (около 4 млн человек) преобладают представители тайской группы семьи кадаи: лао, горные тай (тхай, лы и др.); мон-кхмерской группы австроазиатской семьи: кхму, цутенг, горные кхмеры (суи, ктанг и др.) и т.д.; сино-тибетской семьи: китайцы и др.; семьи мяо-яо.

Сложен этнический состав Социалистической Республики Вьетнам (около 63 млн человек). Ее населяют народы мон-кхмерской группы, к которой относятся вьеты, или кинь, составляющие 87% населения страны. Они расселены, главным образом, на равнинах и морском побережье и образуют подавляющую часть населения всех крупных городов. К той же языковой группе относятся близкие к вьетнамцам сравнительно немногочисленные мяонг и тхо, обитающие на севере Вьетнама, а также кхмеры, горные кхмеры (бахнар, сэданг, кохо, хре и т.д.) и др. Несколько народов Вьетнама, обитающих в обширных предгорных областях Северного Вьетнама, говорят на языках тайской группы семьи кадаи. Это тай, нунг, тай и др. Проживают во Вьетнаме также представители китайской языковой группы сино-тибетской семьи – китайцы (хоа), а также народы тибето-бирманской группы той же семьи – народы шанзиу, хани и др.; западноавстронезийской группы австронезийской семьи – народы чам (тям), зярай, эде и др.; семьи мяо-яо: мео (мяо) и зао (яо).

¹ Численность приводится по состоянию на середину 1980 г. См.: Население мира. Демографический справочник. М., 1987.

Однороднее этнический состав Камбоджи (около 8 млн человек). Свыше 86% ее населения составляют представители мон-кхмерской группы австроазиатской семьи — кхмеры. К этой же группе относятся горные кхмеры (куй, мыонг и др.). В стране обитают также вьеты, китайцы; народы, говорящие на языках западноавстронезийской группы австронезийской семьи (чам или тям, малайцы и др.); тайской группы семьи кадаи (лао, сиамцы).

Конституционная монархия Федерации Малайзия (более 6,5 млн человек) многонациональна по этническому составу. Большая часть населения говорит на языках западноавстронезийской группы австронезийской семьи. В Западной Малайзии (Малаккский полуостров) это малайцы, а также яванцы, банджары, джакун и др. Кроме того, там обитают представители аслийской группы австроазиатской семьи: сенои и семанги. Довольно велико число китайцев и индийцев.

В губернаторствах Калимантана — Сараваке и Сабахе, относящихся к Малайзии, обитают даяки (ибан, клемантан, дусун и др.), а также малайцы, китайцы и др.

В Султанате Бруней на Калимантане (около 300 тыс. человек) живут малайцы, разные группы даяков и довольно большое число китайцев.

В Республике Сингапур (около 3 млн человек) свыше трех четвертей населения — китайцы. Кроме того, там обитают малайцы, индийцы (главным образом, тамилы) и др.

На тысячах островов Республики Индонезии (около 180 млн человек), раскинувшейся от Суматры до Ириан-Джайя, проживает множество крупных и малых народов, большая часть которых говорит на австронезийских языках. Однако они не образуют единого этнического целого и распадаются на многие народы и племена, говорящие на близких языках. Государственным языком республики является бахаса индонесиа, образованный из ряда малайских диалектов, однако им владеет далеко не все население государства.

Наиболее многочисленны и развиты в социально-экономическом и культурном отношении яванцы. Близки к ним сунды Западной Явы и мадурцы, обитатели острова Мадуро и Восточной Явы. На Яве обитают также отсталые горные племена: тенггер и бадун.

Этнический состав Суматры разнообразен. Наряду с многочисленными высокоразвитыми народами: минангкабау, батаками, абунгами (лампунгцами), ачех, там проживают небольшие племена кубу, акит, сакаи и др. На соседних с Суматрой островах обитают ниясцы, ментавайцы и др.

Побережья Калимантана заселены малайцами и выходцами с других островов Индонезии, банджарами, китайцами. Во внутренних областях живут десятки племен, называемых собирательным именем даяков (мааньян, нгаджу, клемантан, мурут, каян, кеньях и др.), а также пунах.

Не менее сложна картина этнического состава Сулавеси. На побережьях живут буги, макасары, минахаса и другие народы, во внутренних районах — группа народов, известных под именем тораджа.

На островах Нуса Тенггара (Малые Зондские острова), расположенных к юго-востоку от Явы, живут балийцы, сасак, сумбавцы (все перечисленные выше народы Индонезии относятся к западноавстронезийской группе), а также бима, сумбанцы, энде, атони и другие народы, принадлежащие к центральноавстронезийской группе.

Значительная часть коренного населения Молуккских островов была истреблена или вывезена в качестве рабов в колониальную эпоху. Многие из современных обитателей Восточной Индонезии — потомки выходцев из ее западных областей. Из коренных жителей самым крупным народом являются принадлежащие к центральноавстронезийской группе амбонцы. На севере острова Хальмахера

сохранились группы населения, говорящие на папуасских языках (западно-папуасская семья).

В Ириан-Джайя (Западный Ириан) население во всех внутренних областях острова и частично на побережьях составляют племена папуасов, говорящие на многочисленных папуасских языках и диалектах (трансновогвинейская семья, западнопапуасская семья и др.). В прибрежных областях Ириан-Джайя в последние столетия поселилось много выходцев из Западной и Восточной Индонезии, число которых по мере быстрого промышленного развития острова все время возрастает. Кроме того, там же живут немногочисленные племена, говорящие на языках восточноавстронезийской группы австронезийской семьи.

На многих островах Индонезии, особенно в городах, проживает значительное число китайцев – мелких предпринимателей, ростовщиков, торговых посредников.

На языках центральноавстронезийской группы австронезийской семьи говорит основная часть населения Восточного Тимора (тетум, токоде, мамбаи и др.). Помимо этого часть населения восточной половины острова говорит на папуасских языках трансновогвинейской семьи (бунак и др.).

Население Филиппин разнообразно по этническому и конфессиональному составу. Самый многочисленный народ государства – бисайя (или висайя), составляющий 42% всего населения, обитает на островах Минданао, Самар, Лейте, Лусон, Себу, Негрос, Панаи и ряде более мелких островов. Около 24% населения составляют тагалы, обитающие в центральных областях Лусона, на островах Мариндук и Полильо. Им значительно уступают по численности илоки, бикол, капампанган, пангасинан, ибанаг, самбал. Все перечисленные так называемые христианские народы относятся по языковому признаку к западноавстронезийской группе.

К той же группе относится ряд небольших по численности народов, исповедующих ислам и именуемых «моро». Это маранао, таусог, самаль, якан и др. К той же языковой семье относятся многие народы группы "горных народов" (канканан, субаноны, манобо и несколько десятков других). Отдельную группу составляют негритосы азта, к числу которых относится ряд племен: ата, батак, думат и др. Кроме того, на Филиппинах довольно много китайцев, некоторое число американцев США и испанцев.

Население Филиппин подразделяется вследствие особенностей исторического развития на четыре группы, каждая из которых характеризуется особым этническим составом, антропологическим типом, хозяйственно-культурными и бытовыми особенностями. Наиболее многочисленную группу составляют христиане, экономически и культурно наиболее развитые, населяющие большие северные и центральные острова архипелага. Вторую группу образуют мусульмане, называемые "моро". Третью группу образуют отсталые племена горных районов. И наконец, в состав четвертой группы входят наиболее отсталые племена группы азта.

Государственные языки Филиппин – тагалог (пилипино) и английский.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

В Юго-Восточной Азии многие народы достигли высокой степени национальной консолидации. При этом протекающие там национальные процессы существенно отличаются от условий формирования наций в развитых странах Европы и Северной Америки. Существенное значение в этом имеет социальная структура тех или иных государств.

Во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже прослеживаются две тенденции в развитии этнических, экономических и культурных процессов. С одной стороны, идет национальная консолидация отдельных народностей, а с другой – значительное

взаимовлияние между сложившейся вьетской нацией и малыми народностями, между лао и племенными группами, кхмерами и горными кхмерами.

По двум направлениям развиваются этнические процессы в Мьянме. Происходит консолидация отдельных племен и этнографических групп мьянма (бирманцев), что сопровождается ассимиляцией остатков монов, некоторых горных народов, например чин, и одновременно консолидируются крупные этнические общности, такие, как шан, карены. Нацией являются собственно бирманцы. Вместе с тем отдельные небольшие племена нага, чин, качин – еще раздроблены и мало втянуты в консолидационные процессы.

В Таиланде в ходе дальнейшей консолидации сиамской (кхонтаи) нации в ее орбиту втягиваются многие таиязычные группы, а также лао. Племенная раздробленность сохраняется на севере страны у тайских племен, а также в некоторых южных районах. Национальную обособленность сохраняют малайцы.

Наиболее интенсивные этнические процессы в Малайзии связаны с процессами консолидации малайцев. Хотя и медленно, идет ассимиляция мелких племенных групп, таких, как сеңои, семанги и др. Однако те из них, которые продолжают обитать в глубине тропических лесов, пока еще мало втянуты в ассимиляционные и консолидационные процессы. Сохраняют обособленность пришлые группы населения – китайцы и индийцы, хотя и наблюдается распространение национально смешанных браков.

Особенно сложные этнические процессы разворачиваются в Индонезии и на Филиппинах, что объясняется, в частности, большими различиями в социально-экономическом и культурном развитии отдельных народов и племен. В Индонезии *высокой степени национальной консолидации достигли яванцы, минангкабау, сунды, абунг*. Интенсивно происходит консолидация батаков, бугисов, макасар, минахаса и многих других. Вместе с тем ряд народов, например обитатели островов Восточной Индонезии, еще только стоят на пути к национальной консолидации. Также обстоит дело и с обитателями внутренних областей Калимантана – даяками, процессы консолидации которых еще не достигли ощутимых результатов.

На Филиппинах в качестве более или менее сложившейся нации можно рассматривать висайя, тагалов, прочие же крупные этносы – илоки, бикол и др. – представляют собой народности. Довольно активно протекают процессы ассимиляции крупными народами малых этнических групп, однако эти процессы далеки от завершения. На племенной стадии развития находятся еще многие народы группы моро, и особенно горные народы и аэта. Самостоятельную этническую группу составляют на Филиппинах китайцы.

Существенной особенностью условий, в которых протекают в Юго-Восточной Азии этнические процессы, является социально-классовый состав населения ее стран. В нем преобладают слои мелких производителей: крестьяне, ремесленники, поденщики. Численность рабочего класса и его организованность во многих государствах невелики.

ХОЗЯЙСТВО

В Юго-Восточной Азии существует наибольшее в мире разнообразие хозяйственно-культурных типов: от современных аграрно-промышленных до наиболее примитивных, основанных на присваивающих отраслях хозяйственной деятельности. И хотя развитые народы все более интенсивно захватывают в сферу своего экономического и культурного влияния малые этносы и племена, многие из них целиком или частично сохраняют свои традиционные виды занятий.

В болотистых местностях и в горах труднодоступных областей еще в конце прошлого века обитали многие, по численности небольшие, племенные группы.

добывавшие средства существования чрезвычайно примитивными способами: бродячей охотой, рыболовством, собирательством. Хотя они постепенно переходят к земледелию, ассимилируются более крупными народами, но и в наше время еще имеется некоторое число представителей этого ХКТ.

Широко в прошлом был распространен ХКТ ручных земледельцев, обрабатывающих поля на выжженных участках леса (подсечно-огневой тип земледелия), без применения искусственного орошения, сочетавших обработку земли с охотой, рыболовством, собирательством. В наше время значительное их число перешло к более прогрессивным видам хозяйства: орошаемому и даже плужному земледелию, иногда в сочетании со специализированным собирательством ценных «даров леса». Однако и в наши дни ХКТ примитивного ручного земледелия имеет еще достаточно большое распространение на севере и северо-западе Индокитайского полуострова, на островах Индонезии и Филиппин.

На острове Мадуро бытует ХКТ отгонного скотоводства в сочетании с подсобным земледелием.

Подавляющее число населения Юго-Восточной Азии относится к ХКТ плужного и мотыжного ирригационного земледелия. С каждым десятилетием все большее число населения оказывается втянутым в современные процессы промышленного развития, трудится на заводах, фабриках, на транспорте и т.п.

Названные ХКТ характеризуют только основные направления хозяйственной деятельности. Они не исчерпывают всего ее многообразия, и существует множество промежуточных и переходных видов занятий, сочетающих плужное и мотыжное земледелие, земледелие, охоту и собирательство, рыболовство и другие занятия. Рыболовство составляет у многих прибрежных жителей основное занятие и выступает в таком случае как самостоятельный ХКТ.

Рассмотрим основные хозяйственно-культурные типы в Юго-Восточной Азии, начиная с самых древних и примитивных.

Этнология не знает более первобытного ХКТ, чем бродячая охота и собирательство. Представители этого типа хозяйства заселяют наиболее географически изолированные гористые и болотистые области островов и Индокитая, где они мало или совсем еще не подвергались влиянию более развитых соседей. Существует точка зрения, согласно которой считается, что малые народы и племена являются реликтом древнего местного населения и были вытеснены с побережий волнами переселенцев. Для всех мест обитания бродячих охотников и собирателей характерны общие условия жизни в тропических лесах Юго-Восточной Азии, довольно бедных съедобными растениями и небогатых доступной охотникам при их слабой вооруженности фауной. Поэтому для изыскания пропитания небольшие группы вынуждены почти ежедневно, с небольшими ночевками и дневками передвигаться по своей территории, собирая попутно все, что может быть съедено — насекомых, змей, червей, корешки и молодые побеги растений, плоды, и охотясь на средних и мелких животных. Для них обычно длительное голодание, особенно в сухие сезоны года.

Бродячими охотниками и собирателями были еще в конце прошлого века обитатели лесов Малакки — сенои и семанги. Позднее первые перешли к земледелию, так же как и часть семангов, однако некоторые их группы и в наши дни добывают средства существования бродячей охотой и собирательством. Типичные представители ХКТ бродячих охотников и собирателей — кубу, аkit, часть сакая Суматры; на Яве — тенггеры; на Калимантане — пунаны и букиты, часть которых занимается также примитивным подсобным земледелием; на Сулавеси — тоала, обитавшие в прошлом в пещерах, откуда они совершали походы в поисках пищи, ныне в значительной мере ассимилированные соседями; на Филиппинах — азта и ряд других мелких племен, также переходящие к земледелию.

Крайняя экстенсивность присваивающего хозяйства требовала для охоты и

собиранья обширных пространств, которые по договоренности распределялись между отдельными локальными группами племени. В случае неурожая, разного рода стихийных бедствий локальные группы искали себе новые места, могли пользоваться и участками другой группы. В нормальных условиях каждая локальная группа двигалась по "своему" участку леса концентрическими кругами, возвращаясь на пройденное место только через несколько месяцев, когда там возобновлялись естественные ресурсы.

Помимо охоты и собиранья, при возможности ловили рыбу, а также занимались некоторыми домашними производствами: изготавливали орудия труда и оружие, материал для одежды из коры (луба), плели циновки, корзины, делали украшения, нехитрую утварь из дерева и листьев. Основными материалами для поделок служили камень, кость, раковины, рог, разные растения, особенно бамбук и побеги гибкой выющейся пальмы (ротанга). Хотя металлургическое производство им не было известно, они использовали металл, который получали у соседей в обмен на некоторые лесные продукты. Каменными отбойниками они изготавливали холодным способом наконечники копий, украшения. Керамика бродячим охотникам и собираньям, как правило, неизвестна. Вследствие изолированности малых народов обмен имел ограниченное распространение и практиковался часто в так называемой "немой" форме. При этом обменивающиеся стороны не вступали в непосредственный контакт, а оставляли в обусловленном по традиции месте предметы, предназначенные для обмена. Эквивалентность обмена также определялась традицией.

В наше время те группы бродячих охотников и собиранья, которые еще не ассимилированы более развитыми оседлыми соседями, начинают под их влиянием все чаще заниматься простейшим ручным земледелием, обрабатывая время от времени небольшие участки земли, которые засевают, главным образом, съедобными клубневыми растениями.

Государственные власти оказывают в меру возможности помощь малочисленным народам в переходе к более интенсивным способам хозяйственной деятельности, в повышении их культуры, получении медицинской помощи. Однако по многим причинам, прежде всего вследствие географической изоляции, многие племена бродячих охотников и собиранья сохраняют свой традиционный ХКТ.

Достаточно широко представлен в Юго-Восточной Азии и в наше время ХКТ ручного, неорошаемого земледелия. Оно ведется в подсечно-огневой форме, примерно так же, как в Южной Азии. Довольно быстрое сокращение площадей, занятых под подсечно-огневое земледелие, вызвано запретом в ряде областей выжигания леса для сохранения его ценных пород, общим сокращением лесных массивов, переходом все большего числа ручных земледельцев к орошаемому, а затем плужному хозяйству.

Земледелие в подсечно-огневой форме предусматривает строгое разделение труда между полями. Мужчины рубят в сухой сезон деревья и кусты и, когда они высыхают, сжигают их. При этом племена, обладающие более совершенными орудиями и навыками, срубают лес под корень или даже корчуют его. Но наиболее отсталые группы, располагающие самыми примитивными орудиями, не могут рубить толстые стволы деревьев. Поэтому они либо пережигают стволы, либо рубят их на значительном расстоянии от земли, где они тоньше. Выжиг леса освобождает поля, зола дает удобрение, и, что особенно важно, на два-три года уничтожается страшный бич тропического земледелия — сорняки, особенно не истребимый другими способами алан-аланг. На подготовленном поле палками-копалками или мотыгами выкапываются ямки, в которые сажают клубни ямс, маниоки, семена риса, кукурузы. Эта работа так же, как и уборка урожая, относится к числу женских обязанностей. Уход за посевами самый примитивный. Так, у некоторых групп даяков Калимантана ямки с семенами засыпаются землей и затем производится

несколько рыхлений и прополок. Другие же оставляют ямки открытыми, и посев становится легкой добычей птиц и грызунов. Естественно, что на полях, где лес выжжен не полностью и отсутствует уход за посевом, урожай очень низкий.

К тому же, как у даяков и многих других лесных народов, значительная часть риса "переводится" на пиво, вследствие чего продуктов земледелия не хватает для удовлетворения потребностей. Это заставляет изыскивать дополнительные способы добывания жизненных благ посредством охоты, рыбной ловли, добычи жемчуга, собирательства смол, дикорастущего каучуконоса, ротанга, которые продают скупщикам; в последние десятилетия занимаются также отходничеством на строительство дорог и другими работами. В ряде мест, особенно на Калимантане, распространена ловля змей, кожу которых продают скупщикам. Охота на змей дает большой доход, однако уничтожение большого их количества ведет к бурному размножению грызунов – вредителей полей, что влечет резкое снижение урожаев и голод.

Выжженные участки леса быстро зарастают сорняками, теряют плодородие, и через несколько лет расположенные на них поля приходится забрасывать и расчищать новые участки, которые постепенно оказываются на все большем удалении от поселений. В конечном счете деревни приходится оставлять и основывать на новом месте. Характерными представителями такого типа "передвижного" земледелия являются многие племена даяков, обитающие по берегам рек. Достаточно широко распространено в наше время подсечно-огневое земледелие у народностей и племен на севере Бирмы, Таиланда, Лаоса, в лесных областях Малакки и на Филиппинах.

К более высокому ХКТ (или его подтипу) относится также еще довольно во многих странах Юго-Восточной Азии распространенное мотыжное земледелие с искусственным орошением. В качестве примера можно назвать племена нага, обитающие на границах Бирмы и Индии. Они возделывают террасные поля на склонах гор и холмов. Любопытна их оросительная система из бамбуковых труб, тянущаяся порой на многие километры. Основная культура у мотыжных земледельцев – рис.

Ручным орошаемым земледелием занимаются также часть даяков, горных кхмеров, горных тай, горных батаков Суматры, тораджей Сулавеси, ифугао и другие народы на Филиппинах, некоторые группы папуасов Западного Ириана.

У ручных земледельцев самое широкое распространение имеют различные домашние производства. Их художественный уровень часто высок, и изделия представляют настоящие произведения искусства. Изяществом форм, богатой орнаментацией отличаются не только предметы украшений, но и изделия, предназначенные для повседневного обихода: оружие, орудия труда, керамика, плетение. Постепенно домашние производства превращаются в ремесла, которые пока еще не отделились от сельского хозяйства. Особенно стимулирует домашние производства и ремесла возможность широкого сбыта (через скупщиков) разных сувениров и предметов туристам, музеям, собирателям коллекций. Однако массовое производство неизбежно приводит к снижению художественной ценности продукции народных промыслов.

Ручные земледельцы широко практикуют обмен между собой и с более развитыми соседями. Через скупщиков их изделия попадают в города. Взамен они получают предметы современного быта: оружие, ткани, продовольствие и пр.

Однако, по крайней мере со времени раннего средневековья, основное занятие подавляющего числа обитателей Юго-Восточной Азии составляло плужное земледелие, истоки которого восходят к началу нашей эры. Ему способствуют благоприятный климат, плодородная почва, достаточное, правда, иногда даже излишнее количество осадков, широкая сеть рек, речушек и ручьев, вода которых используется для орошения.

В различных регионах Юго-Восточной Азии существуют значительные различия в структуре сельского хозяйства, но основное внимание уделяется продовольственным и техническим культурам. Благоприятные природные условия при использовании искусственного орошения позволяют получать с одного поля по два и три урожая в год. Почти повсеместно главная продовольственная культура – орошаемый рис, и только в отдельных засушливых горных местностях его место занимает кукуруза или суходольный (неорошаемый) рис. Особое значение имеют бобовые, масличные, клубневые, садово-огородные культуры. Разводятся многие плантационные продовольственные культуры: бананы, ананасы, кофейное дерево, мандарины, манго и др. Но многие привычные нам субтропические культуры и плодовые деревья средней полосы не растут в тропическом климате, поэтому, например, яблоки привозятся издалека и стоят здесь дорого.

Большие площади заняты под техническими культурами. В колониальное время многие области Юго-Восточной Азии были превращены предпринимателями в местности возделывания монокультур. После получения народами этого региона независимости ведется работа по расширению ассортимента сельскохозяйственных культур, однако большое экономическое значение продолжают иметь многие плантационные технические культуры. В зависимости от конъюнктуры на мировом рынке то расширяются, то сокращаются посевы каучуконосов. Значительны плантации кокосовых пальм, посевы масличных.

Плужное земледелие ведется, как правило, в орошаемой форме – поливной или заливной. Поля располагаются в долинах или на террасах по склонам холмов, куда проводятся из источников оросительные системы. Сооружаются регулярные оросительные каналы, отводится излишняя дождевая вода. В отдельных горных местностях плужное земледелие ведется в неорошаемой форме "под дождь". Там сеют суходольный рис и кукурузу.

Земледельцы разводят, как правило, тягловый рабочий и молочный скот, на Индокитайском полуострове и на Филиппинах – также свиней. Мусульманское население свиней не держит. Из всех стран Юго-Восточной Азии специализированное скотоводство имеется только в Индонезии на Мадуре.

В Мьянме наиболее развито плужное земледелие в южных областях по реке Иравади, где выращиваются продовольственные и технические культуры. В летние жаркие дождливые месяцы выращивается рис, а зимой, в сухое время года, – кукуруза, бобовые. В некоторых местностях Мьянмы культивируются чайный куст, кофейное дерево, сахарный тростник, кокосовые пальмы, бананы. Товарное рисосеяние развито в южной части страны.

Самые плодородные земли в Таиланде располагаются в долине реки Менам, где ведется товарное рисовое хозяйство. На юге много земель занято под плантации каучуконосов, довольно значительны посевы опийного мака, наркотические продукты которого потребляются на месте и в значительной массе вывозятся в соседние страны, Европу и Америку.

Основа земледелия в Лаосе – выращивание белого риса на экспорт и розового клейкого – для собственного потребления. Разводятся клубневые, масличные и технические культуры.

Развито животноводство – главным образом, содержится крупный рогатый скот. Часть населения занята рыболовством.

Во Вьетнаме, как по всей Юго-Восточной Азии, наиболее важными продовольственными культурами являются рис и кукуруза. Много возделывается клубневых растений, а также плантационные культуры: каучуконосы, чай, хлопок. Выращиваются различные масличные культуры.

В Камбодже с давних пор основная земледельческая культура – рис. Разводят также каучуконосы, масличные, имеются плантации кокосовых пальм. Важную

отрасль хозяйства составляют рыбная ловля и заготовка на экспорт и для местной промышленности ценных пород деревьев.

Сельское хозяйство плужных земледельцев Индонезии, Малайзии, Филиппин во всех основных чертах сходно с распространенным на полуострове Индокитай. И здесь важнейшими продовольственными культурами являются рис, клубневые растения, кукуруза, бобовые, овощи, масличные, фрукты. В Индонезии культивируются одни из лучших в мире сортов кофе.

На Филиппинах широко распространена культура сахарного тростника, волокнистых растений. Главная продовольственная культура также рис.

Немаловажной отраслью хозяйства плужных земледельцев является ремесло, имеющее чрезвычайно древние традиции. Ремесленники изготавливают орудия труда, предметы быта, керамику. Во всем мире знамениты батиковые ткани, изготавливаемые яванцами, малайцами и некоторыми другими народами на основе сложной технологии вошения (или промасливания) и прокраски ткани, позволяющей получать исключительно сочную гамму тонов. Также всемирно известны художественные ремесла, например художественная балийская скульптура из дерева, резьба по дереву, кости – у других народов. Большое распространение имеет ювелирное дело с использованием бирманских рубинов, тайландских сапфиров, жемчуга, драгоценных металлов.

Во многих государствах Юго-Восточной Азии происходит интенсивное развитие промышленности, горнодобывающего дела, инфраструктуры. Значительных успехов в индустриализации достиг Вьетнам. Высокое промышленное развитие наблюдается в Таиланде, Малайзии, Сингапуре. И в других странах, где в колониальную эпоху существовала только мелкая и средняя пищевая и перерабатывающая промышленность, развиваются индустрия, транспорт, многие современные отрасли народного хозяйства.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Орудия труда различны у народов, стоящих на разных уровнях социально-экономического развития и относящихся к разным хозяйственно-культурным типам. Развитее плужные земледельцы используют теперь по большей части орудия труда современного вида и, за исключением простейшего крестьянского инвентаря, фабричного производства. Традиционные сельскохозяйственные орудия имеют у разных народов известные черты сходства. Это повсеместно распространенный плуг без отвала или плуг с отвалом, "вертикальная" борона с косо поставленными длинными зубьями и упором в виде рамы. В качестве тягловой силы используются, главным образом, буйволы. Убирают урожай ножами и серпами. Различны способы обмолота урожая: укладывают снопы на циновки и обивают их палками; прогоняют по снопам животных; существует и давний метод обмолота колосьев в ступе.

У ручных земледельцев орудия в значительной мере собственного производства, хотя некоторые предметы покупные, заводского изготовления. Нередко орудия труда покупаются у местных ремесленников. В целом преобладают орудия труда традиционного вида. Широко еще используются простейшие палки (палки-копалки, сажальный кол), изготавливаемые из твердых пород дерева с заостренным и обожженным концом, которыми при посеве делаются в почве ямки. Однако все более обычными становятся разного рода мотыги, как самодельные, с лезвием из камня или рога, так и металлические, иногда покупные. Чаще всего лезвия железных мотыг выковывают деревенские кузнецы или даже сами хозяева. Просты и другие виды земледельческих орудий, изготавливаемые из дерева, кости, раковин, металла.

Еще в колониальное время среди земледельческого населения получило распространение огнестрельное оружие. Как праздничные, ритуальные в некоторых местах еще встречаются старинные предметы вооружения: луки и стрелы, зачастую с отравленными наконечниками, духовые трубки, мечи, ножи, копья. Традиционное вооружение составляет согласно обычаю обязательную принадлежность мужского костюма. У многих народов, как у даяков, мечи считаются священными предметами, передаваемыми по наследству от отца к сыну.

У многих групп ручных земледельцев и у малых народов, обитающих на периферии классовых обществ, еще прочно бытуют традиционные орудия и предметы вооружения. Они разнообразны у охотников и собирателей и часто представляют собой настоящие произведения искусства. Таковы у даяков – охотников и ручных земледельцев мечи парау и мандау, различные щиты, украшенные инкрустацией и перьями копия, ножи в художественно выполненных ножнах. В горных областях полуострова Индокитай у ряда племен и сегодня обычны лук и отравленные стрелы – оружие, порой более эффективное в густом тропическом лесу, чем ружья и винтовки; копья, топоры, ножи. Сенои, а в новейшее время и семанги, охотятся с помощью духового ружья (сумпитан), широко применяющегося и более культурно развитыми народами, особенно при охоте на мелких и средних зверей и на птиц. Охотник, пользуясь небольшими стрелами, изготовленными из сердцевины пальмового листа и отравленными сильнейшим ядом, успешно поражает добычу на расстоянии нескольких десятков метров. Оружие действует совершенно бесшумно и не распугивает дичь.

До недавнего прошлого, а у некоторых групп бродячих охотников и собирателей (кубу, лубу, тоала и др.) и в наше время, металлические орудия и оружие встречались редко, а изготовлялись из дерева, камня, кости. Например, все вооружение кубу и тоала состояло, главным образом, из палицы или копия, а ножи делались из расщепленного бамбука. Но в настоящее время, вследствие усиления культурных контактов с цивилизованными народами, роста обмена, и у малых народов все в больших масштабах появляются изделия ремесленников из земледельческих поселений и предметы фабричного производства.

Поселения и жилища в Юго-Восточной Азии разнообразны, тем не менее среди этого многообразия можно выделить определенные типы.

Земледельческое население устраивает поселения чаще всего по берегам рек и озер, на морском побережье, где располагается и большая часть городов. У земледельцев прибрежных областей встречаются поселения рядового плана из одной или нескольких улиц. В глубине Индокитая и островов преобладают поселения кучевого плана, что в известной мере связано с тем, что еще в начале века вследствие постоянных военных столкновений они представляли укрепления, огороженные прочным колючим забором. Однако у некоторых групп батаков Суматры в прошлом поселения хотя и были сильно укреплены, но имели тем не менее уличный план. Постоянные обитатели побережий рек и озер, заливов нередко проводят всю жизнь на воде, где они устраивают плавучие поселки на плотках и лодках. Такие поселения широко распространены, в частности, в Таиланде, где из-за высокой стоимости земли бедняки не имеют возможности покупать участки для строительства дома. Горные племена, как правило, живут в небольших поселениях, кучевых в плане и сильно укрепленных. Бродячие охотники и собиратели не имеют постоянных поселений и сооружают на ночевках небольшие лагерь.

Жилища преобладают двух типов: свайные и наземные. Традиция свайных построек сложилась в прибрежной морской зоне, где во время ураганов вода заливала поселение, и в лесах, где постройка на сваях давала защиту от хищных зверей. В древности свайные постройки были обычным явлением, но со временем у ряда народов, например у яванцев, были вытеснены наземными сооружениями.

Свайные постройки сооружают по-разному: либо специально вбивают сваи, либо, как нередко в лесных местностях, на обрубленных на высоте двух и более метров стволах деревьев. На сваи укладывается платформа из расщепленных стволов деревьев, на которых и возводится жилище. У одних народов, например у нага, батаков, даяков, ифугао, оно сооружается из толстых стволов, у других – сунда, лампонгцев – из более легких материалов, часто в дело идет бамбук. Крыша обычно двускатная. В Малайзии и на островах Юго-Восточной Азии распространена так называемая седловидная крыша. В отдельных местностях сооружаются конические крыши. В качестве традиционного материала для кровли используются пальмовые листья. Постепенно все большее признание, особенно у зажиточного населения, получают современные дома-коттеджи из покупных материалов.

Для Вьетнама типичны наземные каркасные жилища с кирпично-глинобитными или земляным заполнением стен. Они разгораживаются легкими перегородками, образуя два-три помещения. Хозяйственные постройки возводят во дворе. Усадьба огораживается колючей живой изгородью. В деревенских поселениях Мьянмы, Таиланда, Лаоса, Западной Малайзии традиционное жилище сооружается на сваях из дерева, бамбука, пальмовых листьев. Яванцы и сунда строят легкие дома из двух-трех помещений на небольшом фундаменте без свай. Чрезвычайно своеобразны традиционные "длинные" дома даяков Калимантана, располагающиеся по берегам рек. Один или несколько домов на сваях, платформы которых соединены переходными мостиками, составляют поселение сельской общины. Селения сильно укреплены стенами из бамбука, стволов деревьев, колючих растений. Вдоль каждого дома устраивается крытая галерея, куда выходят двери семейных комнат, хранится утварь и разное домашнее имущество. Часть галереи отводится под помещения для неженатых мужчин, иногда в селении имеется "мужской дом". Но в наши дни постройки такого типа, как укрепленные поселения, постепенно исчезают, и молодежь предпочитает жить в отдельных небольших свайных постройках, вмещающих одну малую семью.

Не менее оригинальны старинные дома минангкабау, соорудившиеся на сваях, с седловидной крышей, с украшенными резьбой деревянными стенами. В каждом доме обитала целая материнско-родовая группа. Когда очередная девушка вступала в брак, для новой семьи к торцовой стороне дома пристраивалось новое помещение. Каждую пристройку венчала седловидная крыша. Таким образом, дом все время рос в длину и достигал за десятки или даже сотни лет значительных размеров. В настоящее время такие дома уже не строят, а живут в домах, рассчитанных на одну семью, но в каждом селении тщательно сохраняют хотя бы один старинный длинный дом, в котором устраивается местный этнографический музей.

Большие дома, квадратные или прямоугольные в плане, из мощных стволов деревьев, с седловидной крышей, рассчитанные на целую семейную общину, сооружали в прошлом батаки Суматры. Дом окружался верандой, многие его детали покрывались тщательной художественной резьбой, изображавшей, главным образом, магические мотивы. С распадом больших семей дома становятся значительно меньшими по размерам и вместо резьбы обычно ярко раскрашиваются. Старинные дома каждое селение поддерживает, используя их для различных общественных целей или в качестве музеев местного быта. У батаков так же, как и у минангкабау, во дворе сооружается хранилище для риса, которое в миниатюре точно повторяет традиционную конструкцию дома. Еще в середине прошлого века тоала Сулавеси обитали обычно в пещерах. В их глубине сооружали на невысоких сваях возвышение, служившее для сна. Для защиты от зверей перед пещерой сооружались валы из камней. Первыми стали покидать пещеры молодые пары, строившие неподалеку от них небольшие свайные избушки из бамбука и пальмовых

листьев. К началу нашего века последние обитатели покинули пещеры. Бродячие охотники и собиратели либо сооружали наземные "ветровые заслоны" из палок и листьев, либо при опасности нападения диких животных устраивали в развилках ветвей больших деревьев платформы, на которые ставили ветровые заслоны.

В целом сходны с малайскими постройки на Филиппинах. В старину многие народы сооружали в центре поселений общинные дома, сейчас их уже почти не строят, а сохранившиеся используют в качестве гостиниц или музеев старого быта.

Внутреннее убранство сельских домов в странах Юго-Восточной Азии обычно очень просто и похоже у разных народов. На полах стелют циновки, на которых сидят, едят, спят. Украшением жилых помещений служат развешанные по стенам оружие, художественно выполненные предметы быта, утварь. В городах, особенно в кварталах, где живет зажиточное население, интерьер напоминает европейский с некоторыми национальными дополнениями в виде вышивок, ковриков, оружия, развешиваемого по стенам.

Одежда народов Юго-Восточной Азии чрезвычайно разнообразна, и этнические традиции особенно сильно проявляются в ее отделке, однако в своей основе по покрою имеет много общего. Старинная традиционная одежда была обычно несшивной. В новейшее время она все более вытесняется сшивной, часто покупной одеждой.

Традиционная мужская вьетнамская одежда состояла из набедренной повязки, широких штанов и короткой куртки или халата. Головным убором служила плетеная конусовидная шляпа. Традиционный женский костюм включал нательную распашную кофту, длинные, до щиколотки штаны, в холодное время костюм дополнялся стеганой курткой или халатом. На голове носили плетеные широкополые шляпы. Мужской и женской обувью служили сандалии. В костюме присутствовала традиционная цветовая гамма с преобладанием белого и черного цветов. В настоящее время традиционная одежда, если встречается, то только у пожилых женщин. У мужчин она полностью вышла из употребления и вытеснилась современной одеждой.

Лао мужчины ходят в широких коротких штанах, куртке, сандалиях. У женщин обычна несшивная одежда, состоящая из куска ткани, обернутого вокруг тела от подмышек до колен, опоясанная шарфом. Сверху надевается кофта. Головным убором мужчин и женщин служит плетеная из бамбука шляпа или головной платок.

Основу традиционного тайландского костюма у мужчин, еще достаточно распространенного в сельских местностях, составляет широкое полотнище ткани, которое обертывается вокруг бедер, а концы которого пропускаются между ногами. Получается род штанов. Наплечной одеждой служит куртка или рубашка. Многочисленные буддийские монахи ходят в обернутых вокруг тела ярко-оранжевых полотнищах ткани. Старинный женский костюм состоит из куска ткани, которым обертывают бедра наподобие юбки, на плечи набрасывается накидка или надевается жакет. Ходят босиком или в кожаных сандалиях. И мужчины, и женщины в прошлом коротко стриглись, в наше время такую прическу носит только часть мужчин. В городах, среди зажиточных слоев населения, на улице и на работе утвердился европейский костюм.

Традиции ношения национальной одежды сохраняются у народов Мьянмы. Мужской костюм состоит из широкого прямоугольного куска ткани, который обертывают вокруг бедер и носят как юбку, а также рубашки или куртки. Его дополняют шляпа и сандалии. Женский костюм такой же, как у мужчин, но его покрой шире.

Старинный мужской костюм кхмеров состоял из куска ткани, обернутого вокруг бедер и пропущенного между ногами, образуя род штанов, и тесно прилегающей куртки. Женщины вместо куртки носили кофту. И те, и другие

стриглись очень коротко "под щетку". Традиционный костюм уже почти нигде не сохранился, за исключением дальних горных областей, и его вытеснила полувоенная одежда или саронг, заимствованный у малайских народов.

У малайцев и индонезийцев традиционная одежда – саронг, которая состоит из длинного куска ткани, обертываемого вокруг туловища. Он может быть коротким – до колен или длинным – до щиколоток. В городах традиционная одежда уступила на улице и в официальной обстановке европейскому костюму, особенно у яванцев и у других крупных народов. Однако дома, как правило, носят саронг. Современный головной убор – батиковый платок или черная шапочка. Традиционная женская одежда состоит из полотнища, которым обертывается тело от груди до плеч, кофты или жилета. Обязательная принадлежность женского костюма – шарф.

У отсталых ручных земледельцев и, особенно, у охотников и собирателей еще сохраняется традиционная одежда. У мужчин это набедренная повязка. В таких набедренных повязках трудится на полях и земледельческое население. У женщин – юбочки. Набедренные повязки делались в прошлом из луба – особым образом выделанной коры дерева. В настоящее время получили распространение покупные ткани, и костюм дополняется иногда европейского покроя рубашками, кофтами, шортами. При ограниченности деталей костюма, а некоторые группы кубу и других лесных народов еще сравнительно недавно ходили вообще обнаженными, мужчины и женщины носят разнообразные самодельные и покупные украшения: ожерелья, браслеты, кольца. Многие народы покрывают тело татуировкой, что связано обычно с инициациями и прохождением ступеней возрастной организации. Татуировка играет роль социально-возрастной символики.

У некоторых народов, как, например, у даяков, был обычай подпиливания и чернения зубов, их инкрустация вставками из металла.

Основа рациона пищи народов Юго-Восточной Азии – рис, овощи, фрукты, рыба. Только по большим праздникам едят мясо птицы, реже говядину. Свинину употребляют в пищу только христиане и группы населения, сохраняющие первобытные племенные религии.

СЕМЬЯ

В соответствии с большим разнообразием общественных отношений в Юго-Восточной Азии до нашего времени, при господстве семьи классового общества еще есть народы, у которых можно встретить наиболее примитивные виды парной семьи.

На семейно-брачные отношения сильнейшее влияние оказывают религиозные обычаи: в Индокитае – буддийские, в Малайзии и Индонезии – мусульманские, на Филиппинах – христианские. У мусульман религиозное право шариат допускает многоженство, имеющее, однако, ограниченное распространение как вследствие экономических причин – только куццы, ростовщики, зажиточные ремесленники в состоянии содержать нескольких жен, так и по этическим соображениям – интеллигенция, передовые рабочие считают многоженство аморальным. У христиан Филиппин и большинства буддийского населения господствует моногамная семья. У представителей ХКТ ручного земледелия и бродячих охотников и собирателей семья еще сохраняет архаический облик и представлена различными видами парной семьи. Эта семья еще не является экономической ячейкой общества, в принципе неустойчива, хотя из-за трудности у многих малых народов и племен найти брачного партнера она практически даже прочнее, чем моногамная семья у многих цивилизованных народов. У бродячих охотников и собирателей семьи обычно состоят только из родительской пары и детей. У многих же земледельческих народов, не достигших уровня классового развития, еще до недавнего времени, а у части населения и в наше время, сохраняются большие семьи, состоящие из нескольких парных.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Подавляющее число населения Юго-Восточной Азии живет в условиях развитого классового общества, имеющего тысячелетние традиции. Однако у некоторой части населения, сохраняющего экстенсивные формы хозяйственной деятельности в виде ручного земледелия, охоты, рыболовства и собирательства, классовые отношения либо еще вообще не сложились, либо находятся на уровне разложения первобытных или полуфеодальных. Для ручных земледельцев еще в недавнее время было характерно сохранение племенной организации и соседской, а в отдельных случаях родовой, общины. Однако последняя не имела особого распространения и практически в матриликальной и матрилинейной форме существовала только у минангкабау. Уже в начале нашего века родовая община у них разложилась, уступив место территориальной организации в условиях сначала феодального, а затем капиталистического общества, и матриликальные традиции сохраняются лишь в обрядово-ритуальной сфере. Но племенная форма общественной организации и соседская община сегодня еще господствуют у многих относительно отсталых народов, занимающихся ручным земледелием. Однако под влиянием соседних развитых народов происходит быстрое разложение остатков первобытнообщинных отношений.

Традиционные первобытнообщинные отношения и общинно-племенная организация, правда, по большей части тоже на разных стадиях разложения, характерны в наши дни только для последних, еще сохраняющихся в отдаленных горных областях и заболоченных глухих лесах, небольших групп бродячего населения, добывающего средства существования посредством присваивающей деятельности. Эти малые этнические группы обычно условно называют племенами, хотя на деле никакой четкой племенной организации у них не существует, и лишь сознание некоей общности происхождения, языка, внешнего облика, традиционной культуры объединяет небольшие, разбросанные по значительной территории, локальные группы. Эти группы состоят из парных семей и неустойчивы по составу.

Они могут распадаться, вновь возникать, включать большее или меньшее число парных семей, что зависит от условий данного времени и места. Когда добычи и съестного в лесу относительно много, численность локальной группы возрастает, что дает лучшие возможности для совместной организации труда, для возникновения новых семейных пар. В голодное время численность локальных групп падает до минимума, необходимого для совместной защиты от крупных хищников.

После переселения лесных охотников-собирателей на открытые пространства и перехода к ручному или даже плужному земледелию первобытные отношения у них быстро разлагаются, однако сложение современных классовых отношений происходит очень медленно из-за отсутствия возможности для интенсивного экономического и культурного развития. В наши дни при интенсивной экономической и культурной помощи государства эти народы быстро приобщаются к современным отношениям и прогрессивным формам хозяйственной деятельности.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Духовная культура и творчество народов Юго-Восточной Азии исключительно богаты и разнообразны, имеют чрезвычайно давние и прочные традиции. При этом между духовной культурой разных народов существуют глубокие связи, что является следствием столетних и тысячелетних взаимовлияний.

Еще с раннего средневековья во многих государствах Юго-Восточной Азии возникли и формировались культурные и научные центры, профессиональное и народное искусство, создавалась обширная духовная и светская литература. При

этом для духовной культуры большинства крупных народов полуострова Индокитай большое значение имели связи с соседними народами Восточной и Южной Азии; для Явы, Западной Суматры, части островов Нуса Танггара — древнее воздействие южноиндийской, а в средние века западноазиатской культуры, пришедшей вместе с исламом.

Неблагоприятные последствия для духовной культуры всех народов Юго-Восточной Азии имела колониальная эпоха. Угнетение, эксплуатация, подавление культурной самостоятельности приводили к разрушению традиционных ценностей, понижению культурного уровня многих слоев общества, оказывали отрицательное воздействие на его образование. Поэтому возрождение национальной культуры было одним из лозунгов длительной национально-освободительной борьбы, и после достижения национальной независимости стали предприниматься энергичные меры по культурному возрождению.

По мере возможности создавались благоприятные условия для развития профессионального и народного искусства. Однако в ряде случаев этому препятствовало тяжелое наследие колониального времени. Исключительно большие усилия приходилось прилагать для ликвидации почти сплошной неграмотности трудящихся слоев населения.

В наше время повсеместно высокого уровня развития достигло национальное профессиональное искусство, прилагаются значительные усилия для возрождения многих видов народной культуры, народных промыслов, часть которых почти исчезла в колониальную эпоху. Развитию народных промыслов способствует возросший во всем мире спрос на сувениры, изготавливаемые народными мастерами, что влечет за собой, к сожалению, зачастую падение художественной ценности изделий, появление массовой рыночной продукции невысокого качества.

Тысячелетние традиции имеет народное творчество во Вьетнаме. В народе широко распространены различные жанры эпических произведений, музыкально-драматическое искусство. Разнообразна народная музыка, танцы, песни. Богато представлен фольклор в Таиланде. Популярностью в народе пользуются разные виды театральных представлений: театр жестов, кукол, маскированных актеров. Во всем мире знамениты бирманский и кхмерский балет, возникший и получивший профессиональное завершение на основе народных традиций. Широко популярен у народов этих стран театр, в котором исполняются песни по мотивам местных и индийских мифологических и фольклорных произведений.

В Индонезии, как и в большинстве других стран Юго-Восточной Азии, народ, в прошлом почти поголовно неграмотный, не имел возможности пользоваться благами профессиональной культуры, вследствие чего исключительно большое распространение имели народные формы культуры. Издавна в Индонезии огромной любовью у народа пользовались представления театра теней *вайянг-пуэрво*, в котором исполняются пьесы героического содержания на основе местного и индийского фольклора и мифологии. Такие представления в сельских местностях в праздничные дни иногда продолжались по нескольку дней с перерывами на сон и еду. Столь же популярен театр марионеток и костюмированных актеров, сыгравший немалую роль в национально-освободительной борьбе в годы колониального порабощения, так как в них разыгрывались сцены, разоблачавшие действия властей, плантаторов, звучали призывы к борьбе за свободу. Актеры этих театров жестоко преследовались колониальными властями. Большую известность имеют яванские национальные оркестры *"гамелан"*, состоящие из десятков и сотен ударных инструментов. Исключительно мелодична и красива филиппинская народная музыка, в частности тагалов, популярная в Европе и Америке. Оригинально народное творчество лесных народов: воинские и бытовые, охотничьи песни, танцы, представления во время проведения инициации молодежи. Частые их праздники обязательно сопровождаются музыкой и танцами.

Большинство земледельческого населения полуострова Индокитай (за исключением Малакки) — мьянма, сямцы, лао, вьеты, кхмеры и другие — исповедуют разные толки буддийской религии, сочетающиеся с традиционными народными верованиями, аграрными культами, культами предков, тигра, магическими и анимистическими представлениями. Большая часть обитателей Западной Малайзии и Индонезии — мусульмане суннитского толка. Своеобразна древняя религия жителей острова Бали, сохранивших некогда принесенные мигрантами из Южной Азии буддийские и индуистские верования, слившиеся в одну синкретическую религию. В нее вошли и многие древние верования. Многочисленные религиозные и бытовые праздники сопровождаются грандиозными представлениями, плясками на раскаленных углях и другими церемониями.

Племена охотников и собирателей, многие группы ручных земледельцев сохраняют и до настоящего времени древние первобытные религиозные верования: анимистические, тотемистические, магические представления, веру в духов, в переселение душ, культ предков. С магическими представлениями и обрядом инициации связан обычай охоты за головами, некогда довольно широко бытовавший у лесных народов: нага, даяков и др. В наше время усилиями государственных властей этот жестокий обычай практически изжит.

На Филиппинах у развитых народов господствуют различные толки христианской религии, у моро — ислам, а у лесных народов сохраняются племенные верования.

НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Обширный регион Восточной и Центральной Азии охватывает Китайскую Народную Республику (1 млрд 59 млн человек), Японию (120,7 млн), Корейскую Народно-Демократическую Республику (свыше 20 млн), Корейскую Республику (более 41 млн) и Монгольскую Республику (более 1,8 млн).

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Изучение лингвистических и собственно этнографических данных позволяет в общих чертах проследить историю сложения современных народов Восточной Азии, а также уяснить закономерности их взаимодействия и развития.

В конце V — начале IV тысячелетия до н.э. на территории Восточной Азии существовало несколько центров формирования неолитических культур. Один из них был расположен в восточном приморском районе современного Китая (провинции Цзянсу и Чжэцзян), где возникла культура Цинляньган. Ее создатели возделывали рис, жили в свайных домах. Судя по костным останкам, цинляньганцы практиковали обряд инициации, сопровождавшийся выламыванием передних резцов у достигших совершеннолетия юношей (обычай, существовавший в более позднее время у многих народов Океании и зафиксированный также в древнейших археологических памятниках Японии). Вероятно, именно на основе населения культуры Цинляньган сложилась группа этносов, австронезийская по языку, которая позднее получила наименование “восточные и”.

Одновременно с культурой Цинляньган на западе, в долине главного притока Хуанхэ — реки Вэйхэ возникла в конце V — начале IV тысячелетия до н.э. другая развитая неолитическая культура — Яншао. Хозяйство яншаосцев основывалось на возделывании чумизы (разновидности проса). Жили они в непосредственной близости от речных пойм в полужемлянках каркасно-столбовой конструкции. Одной из ведущих отраслей ремесла у яншаосцев было производство керамических сосудов, украшенных ярким полихромным орнаментом. Говорили яншаосцы, вероятнее всего, на протосино-тибетском языке. Примерно в середине IV тысячелетия до н.э. общность яншаоских племен разделилась на две ветви: одна из них переместилась в западном направлении, в верховья реки Хуанхэ, другая — на восток, в среднее течение Хуанхэ. Относительная территориальная изоляция привела к появлению локальных различий в культуре и языке. Западная ветвь яншаосцев стала впоследствии основой формирования предков тибето-бирманских народов, восточная же вошла в состав древнекитайского этноса.

В III тысячелетии до н.э. восточные яншаосцы столкнулись на Средне-Китайской равнине с племенами более южного происхождения. На основе взаимодействия этих двух этнических групп возник протокитайский язык, с одной стороны, обнаруживающий в области лексики явное родство с тибето-бирманскими, с другой — резко отличающийся от них по особенностям своего грамматического строя. Протокитайские племена ся и шан (инь) создали во II тысячелетии до н.э. крупные союзы племен, в недрах которых интенсивно происходили процессы классобразования и сложения форм ранней государственности.

Погребения военнопленных, которых иньцы захватывали в бою и приносили затем в жертву своим предкам в Великом Городе Шан (современный город Аньян в

провинции Хэнань), позволяют судить о том, что протокитайские племена контактировали с многочисленными этническими группами, принадлежащими к разным расовым типам. Среди них были "классические" континентальные монголоиды с широким, но низким черепом, широким и в то же время высоким сильно уплощенным лицом; южноазиатские монголоиды с узким черепом, высокой мозговой коробкой и широким носом; наконец, восточно-азиатские монголоиды, близкие как к самим иньцам, так и к современному северокитайскому типу. Эти данные дают основание считать, что тибетоязычные цянны, расселившиеся к западу от иньцев, по своему антропологическому типу лишь незначительно отличались от протокитайских племен. На основе древней цянской общности сформировались впоследствии все народы, говорящие ныне на языках тибето-бирманской группы сино-тибетской семьи.

В это время Северо-Восточный Китай и часть Корейского полуострова были населены народами, отличавшимися от протокитайцев как по своему физическому типу, так и по языку. Это были предки современных тунгусо-маньчжурских народов. Трудно определить время проникновения на Японские острова их первоначальников – протоайнов, сформировавшихся, вероятнее всего, в южной части Юго-Восточной Азии. Несомненно, тем не менее, что неолитические культуры, получившие название "дзёмон", возникли в Японии в результате взаимодействия протоанского и австронезийского этнических компонентов. Племена южного происхождения участвовали и в происхождении древних корейцев.

В начале I тысячелетия до н.э. на Среднекитайской равнине завершается длительный процесс сложения древнекитайского этноса, самоназванием которого стало "хуася". Консолидация этнической общности древних китайцев явилась одной из предпосылок объединения древнекитайских царств, существовавших в ту эпоху в бассейнах Хуанхэ и Янцзы, и создания в III в. до н.э. централизованных империй Цинь и Хань.

Примерно в тот же период в степях Монголии складывается этническая общность алтаеязычных кочевников-сюнну. В результате длительных войн с Ханьской империей сюнну оказались в первые века нашей эры разделенными на две части: одна из них, жившая в северных границах Древнекитайского государства, признала власть Хань и через несколько столетий была почти полностью ассимилирована; другая – переместилась на северо-запад и позднее, впитав в себя инородные этнические компоненты, стала известна под именем гуннов.

На смену сюнну в лесостепной зоне Монголии в первые века нашей эры пришли монголоязычные сяньбийцы. Примерно в это же время на территории северной части Кореи, где несколько столетий до этого существовало государство Чосон, возникла держава Когуре, а в более южных частях полуострова – Силла и Пэкче. На Японских островах в этот период складываются древнейшие государственные образования, среди которых выделялось Ямато. В культуре народов, населяющих все эти территории в первые века н.э., обнаруживаются общие черты, обусловленные прямым или косвенным влиянием кочевников.

III–VI вв. нередко называют эпохой "восточноазиатского переселения народов". Под влиянием разнообразных исторических причин огромные массы населения Восточной Азии пришли в движение, создавая почву для интенсивных этнических контактов, в значительной мере изменивших лицо взаимодействовавших народов. По своим социально-политическим последствиям эти события сопоставимы с теми, что происходили в это время в Европе: результатом их было создание на севере Китая многочисленных "варварских" государств. В эту эпоху начинает отчетливо прослеживаться противопоставление северных и южных китайцев (первые заимствовали многие элементы культуры и языка у своих соседей-кочевников, вторые – трансформировались под влиянием коренного населения юга). Здесь к этому времени консолидировалось несколько этнических

групп, среди которых наибольшее значение имели “наньмань” (предки современных народов мяо-яо) и “лао” (этот этноним до сих пор сохраняется в самоназваниях тайских народов).

К VII–XII вв. на территории Восточной Азии сложились все основные народы, которые могут рассматриваться в качестве предков современного населения Восточной Азии. Этот период отмечен процессом консолидации японского и корейского этносов, формированием предков современных маньчжуров, сложением тюрской этнолингвистической общности, обособлением отдельных народов тайской группы, созданием государственности у предков современных тибетцев завершением процесса этногенеза монголов и сложением этнической общности современных китайцев.

К началу XX в. из всех крупнейших этносов Восточной Азии наиболее консолидированными были японцы и китайцы. После победы народной революции в Китае, Северной Корее и Монголии сложились условия для дальнейшего развития в этих странах этнической консолидации. Преобразования в Монголии явились основой для преодоления былой разобщенности между отдельными группами монголов. А в наши дни монголы, составляющие основное ядро населения страны, складываются в единую этническую общность. Особую проблему составляет ситуация, исторически сложившаяся в среде китайских эмигрантов, в течение длительного времени проживающих в ряде стран Юго-Восточной Азии, Америки и Океании. В некоторых странах “хуацяо”, изолированные от своего основного этнического массива, приобретают черты культуры и быта, которые отличают их от китайцев КНР. Так, китайцы Сингапура обнаруживают тенденцию формирования самостоятельной этнической группы, называя себя сингапурцами и не отождествляя себя полностью с китайцами.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Этнические судьбы народов Восточной и Центральной Азии складывались в XX в. во многом по-разному. Причиной тому были такие факторы, как численность того или иного народа (китайцы – самая многочисленная на земном шаре этническая общность, насчитывающая более 1 млрд человек, а проживающих в Тибете лоба – не многим более 2 тыс.), уровень социально-экономического развития, общая политическая ситуация и т.д. После второй мировой войны было нарушено государственное единство Кореи, от Китайской Народной Республики отделился Тайвань. Значительные по своей численности китайские иммигрантские общины существуют в настоящее время во многих странах Юго-Восточной Азии, США, Канаде. Эти обстоятельства объективно способствуют зарождению этноразделительных процессов внутри крупных общностей, достигших к началу XX в. высокого уровня консолидации.

В таких странах, как Китайская Народная Республика и Монголия, за последние десятилетия отчетливо прослеживаются процессы сближения различных этнических общностей, существующих в рамках единых государств. Этому способствует распространение культуры и языка численно преобладающего этноса, объединяющего вокруг себя другие народы страны.

В современную эпоху одной из закономерностей этнических процессов является преобладание в ряде регионов этнообъединительных процессов над этноразделительными. Это характерно и для тех народов Восточной Азии, которые еще сравнительно недавно включали сильно различавшиеся этнографические группы, – тибето-бирманские по языку ицзу и таяязычные чжуан в Южном Китае и др. Процесс внутренней консолидации этих этнических общностей проявляется в культурном и языковом сближении ранее обособленных субэтнических подразде-

лений, в постепенном формировании у них общего этнического самосознания. Именно появление единого самосознания и, как следствие этого, общего этнического самоназвания может рассматриваться как свидетельство завершения процесса консолидации народа. В то же время, по-видимому, еще рано говорить об окончательном сложении таких народов Южного Китая, как мяо и яо: отдельные группы внутри этих общностей имеют собственные самоназвания, а этнонимы, под которыми они фигурируют в официальных перечнях народов, представляют не самоназвания, а экзоэтнонимы, т.е. названия, данные со стороны. К этому следует добавить, что, например, яо говорят на сильно различающихся между собой языках, исключающих взаимопонимание.

Вместе с тем в современную эпоху происходит своеобразный процесс возрождения тех небольших по численности этносов, которые еще сравнительно недавно казались уже полностью ассимилированными своими соседями. В Китае это характерно, в частности, для маньчжуров, почти полностью утративших свой язык и традиционную специфику материальной культуры. То же явление наблюдается сейчас в Японии, где потомки древнейшего населения архипелага айны, в культурном отношении фактически растворившиеся в среде японцев, выступают за изучение молодежью айнского языка, восстановление народного ремесла и т.д. Рост этнического самосознания – важная тенденция развития современных народов Восточной и Центральной Азии, прослеживающаяся также и в большинстве других регионов Земли.

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

Народы Восточной Азии говорят на языках, степень генетической близости которых является основой для их этнолингвистической классификации. В Восточной Азии представлены пять крупных языковых семей – алтайская, сино-тибетская, австронезийская, кадаи и австроазиатская. Исключение в этом смысле составляют айны, занимающие в этой классификации изолированное положение.

Алтайская семья языков делится на три основные группы. К первой из них – тюркской – принадлежат в Центральной Азии уйгуры, салары, казахи и киргизы (ареал расселения основной массы тюркских народов находится в Синьцзяне – в Западном Китае). В монгольскую группу входят монголы МНР и Внутренней Монголии на территории КНР, а также проживающие в КНР дунсян, ту (монголы) и др. Тунгусо-маньчжурская группа представлена главным образом на северо-востоке КНР – это прежде всего маньчжуры, а также сунгарийские народы (хэчжэ), эвенки и орочены. В настоящее время к алтайской семье часто относят также корейский и японский языки (что еще требует доказательств).

Сино-тибетская семья представлена в Китае двумя группами языков – китайской и тибето-бирманской. К первой из них относится китайский язык с его многочисленными диалектами, степень расхождения между которыми сопоставима с различиями между отдельными тюркскими, славянскими или романскими языками. В последнее время к китайской группе стали относить и язык бай. В тибето-бирманскую группу входят языки тибетцев, а также ицзу, туцзя, хани, лису, наси (все эти народы населяют юго-западную часть КНР).

Австроазиатские языки распространены в наше время, главным образом, за пределами рассматриваемого региона – в Юго-Восточной Азии. На территории Китая они представлены группой мон-кхмер (кава, бэнлун, булан). С австроазиатскими языками нередко сближают и языки семьи мяо-яо (мяо, яо, шэ).

В большинстве прежних этнолингвистических классификаций языки кадаи рассматривались как имеющие близкое генетическое родство с сино-тибетскими и объединялись с ними в пределах одной семьи. Новейшие исследования показали

несостоятельность такой точки зрения, почему языки кадаи и выделяются теперь в самостоятельную семью. Они объединяются в четыре группы – тайскую (чжуан, буи, дай, населяющие Южный и Юго-Западный Китай), ли, онг-бе (по имени двух этносов на острове Зайнань) и кам-суйскую (или дун-шуй, по названию двух небольших народов Южного Китая). К языкам кадаи сейчас иногда относят и языки гэлао (по другой классификации они причисляются к семье мяо-яо).

Наконец, австронезийская семья, на языках которой говорят преимущественно за пределами Восточной Азии – в Юго-Восточной Азии и Океании, представлена лишь языками коренного населения острова Тайвань (они известны в китайской этнографической литературе под собирательным названием “гаошань”).

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ

Подавляющее большинство коренного населения Восточной Азии принадлежит к монголоидной большой расе, первоначальное формирование которой происходило именно в этом регионе. В расовом отношении народы Восточной Азии обнаруживают, таким образом, гораздо большее единство, чем в языковом. Монголоидная большая раса может быть подразделена на две малые расы, обычно именуемые в отечественной антропологической литературе тихоокеанскими и континентальными монголоидами.

Дифференциация тихоокеанских и континентальных монголоидов прослеживается уже в палеоантропологических находках эпохи верхнего палеолита. Древние черепа из Шаньдиндуна и Люцзяна (Китай), обладающие признаками принадлежности к людям современного вида – неантропам, обнаруживают некоторые черты тихоокеанских монголоидов – значительную высоту черепной коробки, альвеолярный прогнатизм, известную тенденцию к широконосости. Позднее среди тихоокеанских монголоидов выделились две группы антропологических типов – восточноазиатская и южноазиатская.

Среди современного населения Восточной Азии, относящегося к восточноазиатской группе тихоокеанских монголоидов, представлены следующие расовые типы: североитайский, распространенный у китайцев провинций Шаньдун, Хэбэй, Шаньси, Шэньси и Ганьсу, корейско-маньчжурских народов КНР и корейцев; амурский (сложившийся, вероятно, в результате контактов с континентальными монголоидами) – у нанайцев (хэцзе); восточнотибетский, характеризующийся “американоидными” чертами – у тибетоязычных народов Кама и Сычуани.

Южноазиатская группа тихоокеанских монголоидов представлена многочисленными народами, обитающими на юге КНР. Она включает следующие антропологические типы: тай-малайский, к которому принадлежат тайские народы; восточногималайский – ицзу, некоторые группы мяо и др. В южной части Китая выделяются также типы, представляющие собой результат смешения восточноазиатских и южноазиатских монголоидов; они распространены главным образом у южных китайцев.

Сложен вопрос о месте, занимаемом в антропологической классификации народов Восточной Азии современными японцами. Морфологически они занимают промежуточное положение между восточноазиатскими и южноазиатскими монголоидами, причем в их антропологическом типе прослеживаются черты, заметные также и в облике мон-кхмерских народов Южного Китая (кава, бэнлун, булан).

Своеобразен антропологический тип айнов, отличающийся относительной светлоскожестью и сильным развитием третичного волосяного покрова. Распространенная прежде гипотеза о “европеоидности” айнов в настоящее время окончательно отброшена. Айны являются единственным народом на территории Восточной Азии, в физическом типе которых преобладают австралоидные (хотя и значительно трансформированные) черты.

Что касается континентальных, или "классических", монголоидов, то к ним принадлежат прежде всего монгольские народы, составляющие большинство населения МНР и Внутренней Монголии (КНР), а также некоторые тюркские народы. Континентальные монголоиды представлены двумя группами типов – центрально-азиатской и южносибирской. На западе периферии ареала континентальных монголоидов распространены типы, сложившиеся в процессе метисации с европеоидами (уйгуры, отчасти – казахи).

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ

Многообразие хозяйственной деятельности и связанных с нею особенностей культуры населения Восточной Азии может быть сведено к нескольким хозяйственно-культурным типам, имеющим как пространственные, так и хронологические рамки.

В Восточной Азии отчетливо прослеживается непосредственная связь хозяйственно-культурных типов с географической средой, прежде всего с природно-климатической зональностью, характером ландшафта. С этой точки зрения в данном регионе представлены различные хозяйственно-культурные типы двух географических поясов – теплого (субтропического и отчасти тропического) и умеренного. Существенное влияние на формирование хозяйственно-культурных типов оказывает степень увлажненности: в аридной зоне умеренного пояса исторически сложились совершенно иные типы хозяйственной деятельности, нежели в других зонах того же пояса. Большое значение имеет в этом отношении и вертикальная зональность (в высокогорных районах складываются специфические хозяйственно-культурные типы).

Мы можем проследить, как на протяжении истории народов Восточной Азии в одном и том же районе по мере развития производительных сил общества происходит смена одного хозяйственно-культурного типа другим, основным на более продуктивных формах хозяйствования. При этом, однако, многие черты прежнего хозяйственно-культурного типа зачастую продолжают сохраняться в трансформированном виде, определяя специфику культуры и быта населения данного района.

В целом большинство хозяйственно-культурных типов, распространенных в прошлом у народов Восточной Азии, претерпели в наше время значительные изменения, а часть из них сохранилась лишь в виде пережитков. Они могут быть объединены в четыре группы.

Хозяйственно-культурные типы охотников, рыболовов и собирателей – исторически самые древние на территории Восточной Азии. Они возникли здесь еще в эпоху мезолита и в чистом виде не сохранились ни у одного народа этого региона. Тем не менее отдельные черты хозяйственно-культурных типов лесных собирателей и охотников теплого пояса можно и в наши дни обнаружить, например, у мон-кхмерских народов КНР (кава, бэнлун, булан). В северо-восточной части региона вплоть до сравнительно недавнего времени существовал хозяйственно-культурный тип собирателей и рыболовов умеренного пояса (у айнов, отчасти – у японцев; в специфическом варианте – у хэчжэ). В качестве пережитка у некоторых тунгусо-маньчжурских народов КНР прослеживаются отдельные черты хозяйственно-культурного типа таежных охотников.

С этой эпохой связано формирование второй группы хозяйственно-культурных типов, связанных с ручным (или "мотыжным", как принято его называть в этнографической литературе, хотя это не вполне точно) земледелием. Хозяйственно-культурный тип ручных земледельцев умеренного пояса сложился на Средне-Китайской равнине еще в конце V тысячелетия до н.э. Выращивание в поймах рек

таких относительно засухоустойчивых культур, как чумиза и просо, осуществлялось с помощью копательных орудий типа лэй (двузубая деревянная палка с упором для ноги). Для сбора урожая использовались каменные или керамические жатвенные ножи. С земледелием было связано разведение свиней и собак (мясо тех и других шло в пищу).

Если на севере Китая ручное земледелие просуществовало до середины I тысячелетия до н.э., когда оно сменилось пашенным, то в южных районах Восточной Азии не менее древний хозяйственно-культурный тип ручных земледельцев теплого пояса вплоть до наших дней представлен некоторыми хозяйственными и культурными особенностями у таких народов, как тайваньские гаошань, а также хайнаньского ли, отчасти — мяо и яо. Для этого хозяйственно-культурного типа характерно возделывание различных корнеплодов и клубнеплодов (главным образом, таро и ямса, позднее — сладкого картофеля). Наряду с этим с глубокой древности здесь было распространено рисосеяние. Основными орудиями служили палка-копалка и мотыга, кроме того, у некоторых народов землю перед посевом рыхлили, прогоняя по полю буйволов. У ицзу и отчасти у тибетцев сформировался специфический хозяйственно-культурный тип ручных земледельцев высокогорий, основанный на возделывании холодоустойчивых культур — овса, ячменя, гречихи.

Третья группа хозяйственно-культурных типов связана с распространением пашенного земледелия. Применение железных орудий труда создавало условия для появления в середине I тысячелетия до н.э. на севере Китая хозяйственно-культурного типа пашенных земледельцев умеренного пояса, ставшего впоследствии господствующим у китайцев, корейцев, маньчжуров и т.д. Основой его является применение пахотных орудий типа рала (позже — плуга) с железными наконечниками. В качестве тяглового животного чаще всего используются быки. Урожай зерновых убирают железными серпами характерной формы (лезвие закрепляется перпендикулярно рукоятке). Помимо зерновых культур (пшеницы, проса, чумизы, в меньшей мере — риса) для этого хозяйственно-культурного типа характерно выращивание бобовых, в особенности соевых бобов, из которых готовят соевый соус и соевый творог. Среди технических культур наибольшее значение имеют хлопчатник, рами, тутовое дерево. Значительную долю в пищевом рационе составляет батат.

У многих народов юга Восточной Азии, а также Японии и на юге Кореи распространен хозяйственно-культурный тип пашенных земледельцев теплого климата. Для выращивания заливного риса — главной сельскохозяйственной культуры — применяется бесполозный плуг, приводимый в движение буйволами. Значительна роль овощеводства и садоводства (цитрусовые, личжи). Среди технических культур преобладают хлопчатник, масличные и чай.

У народов, населяющих горные районы юга Восточной Азии (тибетцев, ну, дулун, ицзу), сложился хозяйственно-культурный тип пашенных земледельцев высокогорий. Он основан на возделывании гречихи, овса, ячменя с применением в качестве основного пахотного орудия тяжелого плуга с полозом и широким лемехом.

Четвертая группа хозяйственно-культурных типов, экономической базой которых является скотоводство, сформировалась преимущественно у монгольских, тюркских и отчасти у тунгусо-маньчжурских народов. На территории современной Монголии уже в I тысячелетии до н.э. начал складываться хозяйственно-культурный тип кочевников-скотоводов аридной зоны умеренного пояса. Исторически с ним так или иначе связаны все народы, населявшие степи и полупустыни Монголии — сюнну, сяньби, древние тюрки, кидане, монголы. Разведение овец и лошадей (в меньшей мере — крупного рогатого скота и верблюдов) основано на сезонных перекочевках. Гораздо позднее на Тибетском плато сформировался хозяйственно-культурный тип кочевников-скотоводов

высокогорий, специфика которого состоит в преимущественном разведении яков (а также гибридов коровы с яком), хорошо приспособленных к суровым условиям местного климата. Наконец, на северо-востоке КНР у отдельных групп ороченов и эвенков может быть выделен особый хозяйственно-культурный тип таежных оленеводов, возникший под влиянием восточноазиатского очага кочевого животноводства. Однако оленеводство возможно лишь в местах произрастания ягеля, что привело к локализации данного ХКТ в районе Большого Хингана.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Разнообразие типов жилища у народов Восточной Азии определяется прежде всего особенностями хозяйственно-культурных типов. Образ жизни оседлых земледельцев обусловил распространение у них постоянных, долговременных жилищ, тогда как у кочевников-скотоводов преобладают различного рода разборные и переносные жилища. Специфика хозяйственного уклада и естественно-природной среды сказывается также в конструкции дома и традиционном наборе строительных материалов.

У земледельческих народов Восточной Азии жилище может быть дифференцировано в зависимости от уровня пола относительно поверхности земли. У ручных земледельцев умеренного пояса в IV–III тысячелетиях до н.э. были распространены полуземлянки; позднее на смену им пришли наземные жилища. В то же время у земледельцев теплого пояса преобладали свайные жилища с полом, приподнятым над землей, что было рационально в условиях влажного климата и обилия ядовитых пресмыкающихся.

Другой отличительной особенностью жилища у большинства народов Восточной Азии является так называемая каркасно-столбовая конструкция (основная тяжесть кровли ложится на каркас из столбов и балочных перекрытий, а стены как таковые не несут сколько-нибудь значительной нагрузки и даже вообще могут отсутствовать). Каркасно-столбовая конструкция характерна для заглубленных в землю, наземных и для свайных жилищ древних и современных народов Восточной Азии – китайцев, корейцев, японцев, тайских и мон-кхмерских народов. В противоположность этому, у уйгуров Синьцзяна, а также у тибетцев и ицзу имеют распространение дома с несущими стенами, возводимыми из сырцового кирпича или тесаного камня.

Определенное значение для классификации постоянных типов восточно-азиатского жилища имеет наличие и расположение очага. В свайных домах, типичных для теплого пояса, очаг служит лишь для приготовления пищи (огонь чаще всего разводится в плоском ящике, наполненном землей). В наземных домах южных китайцев и японцев постоянный очаг отсутствует, и в холодное время года здесь обогреваются переносными жаровнями. У северных китайцев и корейцев получили распространение специальные отапливаемые лежанки (“кан” – кит.).

Переносные жилища кочевников-скотоводов не оставались неизменными по своей конструкции на протяжении истории этих народов. Сюнну, насколько можно судить по сообщениям китайязычных источников, жили в шалашах, остов которых сооружался из ветвей ивы и покрывался сверху войлоком. В середине I тысячелетия н.э. у кочевников Восточной Азии появилась юрта с разборным деревянным каркасом, сохранившаяся в быту современных монгольских и тюркских народов. Основным типом жилища кочевников-скотоводов высокогорий является шатер из кошмы или грубой шерстяной ткани (чаще всего – черного цвета), натягиваемый на каркас из жердей.

На протяжении длительных этнических контактов между народами Восточной Азии происходил процесс заимствования отдельных элементов жилища, приво-

дивший к трансформации его первоначальных типов. Под влиянием китайцев многие тайские народы перешли от свайных к наземным жилищам, а китайцы, живущие на юге страны, стали широко использовать такой нетипичный для севера строительный материал, как расщепленный бамбук. В процессе перехода некоторых групп кочевников к оседлому образу жизни у них стали распространяться постоянные наземные жилища, которые нередко еще сохраняли некоторые черты традиционного разборного дома типа юрты (например, круглую в плане форму). Кан, столь характерный для современного северокитайского жилища, был заимствован китайцами у тунгусо-маньчжурских народов в X–XII вв.

Черты одежды кочевников-скотоводов издревле отражали специфику их хозяйственно-культурного уклада. В частности, “изобретением” кочевников были штаны, совершенно необходимые при верховой езде и лишь сравнительно поздно заимствованные земледельческими народами. Помимо штанов основным компонентом костюма кочевников Восточной Азии была наплечная распахнутая одежда типа халата, причем вплоть до позднего средневековья у них преобладала манера запахивать халат на левую сторону (правая пола наверху). Наконец, неотъемлемой частью костюма скотовода-кочевника были высокие кожаные или войлочные сапоги.

В отличие от них у земледельцев умеренного пояса наплечная одежда запахивалась направо, причем, с точки зрения древних китайцев, эта черта была главным признаком их отличия от “северных варваров” (правый запах сохранился у китайцев вплоть до настоящего времени). Существенные изменения в костюме древних китайцев произошли в IV–III вв. до н.э., когда они заимствовали такой элемент “варварской одежды”, как штаны, ранее им совершенно неизвестные. На первых порах их стали носить только воины, но затем они превратились в постоянный компонент как мужского, так и женского повседневного костюма (для состава древней и средневековой китайской одежды вообще было характерно отсутствие различий по признаку пола).

У народов юга Восточной Азии, принадлежавших к ХКТ ручных земледельцев теплого пояса, первоначально были распространены набедренные повязки (у мужчин) и несшитые юбки типа саронга (у женщин), а наплечная одежда и обувь зачастую отсутствовали вовсе. Однако на протяжении веков одежда этих народов значительно изменилась (главным образом, под влиянием китайцев, чему способствовали эпохальные изменения климата – перемещение на юг северной границы субтропиков). В настоящее время у большинства народов КНР распространена правозастежная наплечная одежда, сохраняющая значительные локальные различия в покрое и орнаментации. Своеобразна традиционная одежда корейцев, в особенности женская, состоящая из короткой кофты, широких шаровар и юбки, повязываемой выше талии длинным кушаком.

На фоне прогрессирующей нивелировки особенностей материальной культуры народов Восточной Азии обращает на себя внимание прочное сохранение этнических традиций одежды в такой индустриально развитой стране, как Япония.

В пище народов Восточной Азии противопоставлены друг другу два различных комплекса. Первый из них характерен для скотоводов-кочевников, второй – для земледельцев. Основу рациона кочевых народов Восточной Азии составляют мясные и молочные продукты. Согласно представлениям монголов, лошади и бараны относятся к животным с “горячим дыханием”, поэтому конина и баранина считаются наиболее полезными сортами мяса и им отдается предпочтение перед говядиной. Молоко, которое, кстати, никогда не употребляется ими в сыром виде, используют для приготовления большого числа продуктов – простокваши, кумыса, масла, сыров. Мучные блюда (“борцог” – кусочки теста, сваренные в бараньем жире; “хальмаг” – поджаренное тесто, замешанное на пенках и т.д. – монг.) хотя и популярны, но их доля в общем рационе незначительна.

Напротив, практически у всех земледельческих народов Восточной Азии в той или иной степени существует противопоставление “основной еды”, приготовленной из крупы или муки (“чжуши” — кит.; “сюсеку” — япон.), и “второстепенной еды”, представляющей собой овощное, мясное или рыбное блюдо (“фуши” — кит.; “фукусеку” — япон.). Среди различных видов “основной еды” абсолютно преобладает рис, сваренный на пару; у северных китайцев вместо риса часто употребляют вареные на пару несоленые хлебцы из пшеничной или кукурузной муки (“маньтоу” и “вовотоу”), а также разнообразные лепешки. “Второстепенная еда” готовится из мелко порезанных продуктов, приготавливаемых чаще всего путем жарения в глубокой полусферической сковороде. Особенностью японской кухни является употребление в пищу сырой рыбы, сдобренной различными приправами (“сасими”). Вареный рис подается на стол обязательно в горячем виде и раскладывается по пиалам, а “дополнительное” блюдо (их по возможности стараются готовить несколько) ставится в одной большой общей чашке, откуда участвующие в трапезе достают его с помощью деревянных палочек. Молоко и в особенности кисломолочные продукты большинство восточноазиатских земледельческих народов в пищу не употребляют.

Многие народы юга Восточной Азии (в частности, таи) предпочитают обычному рису клейкие сорта, которые на севере используются только в праздничной пище. Кроме того, в рационе народов Восточной Азии большую роль играет рыба. Из нее приготавливают и специальный соус или пасту, широко используемые для заправки блюд. Несколько особняком стоит пища тибетцев, в которой элементы скотоводческого компонента сочетаются с регулярным использованием мучных продуктов. Наиболее популярное блюдо тибетцев — “цзамба” (поджаренная ячменная мука), которую едят, смешивая с чаем или молоком. Из ячменя тибетцы готовят и “чан” (подобие пива); у других восточноазиатских народов в настоящее время популярностью пользуются различные сорта рисовой водки.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

У многих народов Восточной Азии вплоть до недавнего времени сохранялись пережиточные формы клановой (патронимической) организации, накладывавшей отпечаток на многие стороны общественного сознания и семейного быта. У китайцев патрилинейная группа родственных семей, поддерживающих определенное общественное, идеологическое и отчасти также и хозяйственное единство, в конце XIX — начале XX в. была одной из ячеек социальной структуры деревни. Наличие такой патронимии (“цзунцзу”) в значительной мере определяло характер земельной собственности (помимо владения участками, находившимися во владении всего клана, его члены были связаны отношениями, в известной мере ограничивавшими право частной собственности отдельных семей). Этим объясняется длительное сохранение в Китае права предпочтительной покупки земли членами клана; перед совершением акта продажи владелец участка обязан был получить согласие на это со стороны сначала близких, а затем и дальних родственников. Единство цзунцзу поддерживалось общим культом предков. Браки внутри такой группы семей были запрещены. Во многих цзунцзу регулярно велись специальные родословные книги. В условиях сохранения патриархальных и феодальных пережитков в деревне предписываемая традицией взаимопомощь членов клана маскировала отношения имущественного неравенства и эксплуатации. Традиционная клановая организация послужила основой объединения китайцев-эмигрантов (хуацяо) в условиях чуждой для них среды обитания. Во всех странах, где сейчас есть более или менее значительные общины хуацяо, повсеместно существуют

корпоративные объединения однофамильцев, своей структурой и функциями имитирующие цзунцзу. Социальные ячейки, типологически сходные с китайскими цзунцзу, существуют у многих народов Южного Китая, а также у корейцев и в виде отдельных пережитков у японцев.

Особенности социальной организации в известной мере находят свое отражение и в специфике систем личных имен.

Внешним признаком принадлежности к определенной группе родственных семей (клану) у народов Восточной Азии чаще всего является общее клановое имя. Исторически оно восходит к имени или прозвищу первопредка, иногда к названию места первоначального поселения клана. Из клановых имен возникли современные фамилии, на позднем этапе существования клановой организации выполняющие функцию общего наследственного имени членов клана. Фамилии у некоторых народов Восточной Азии возникли очень рано (у древних китайцев, например, еще в последних веках до н.э.). У китайцев, корейцев, японцев фамилия является первым компонентом наименования лица. У некоторых народов Восточной Азии фамилий не возникло, и принадлежность человека к тому или иному клану обозначается посредством цепочки имен предков — отца, деда, прадеда и т.д. (такая система существует у современных ицзу).

Личное (индивидуальное) имя, являющееся у китайцев, корейцев, японцев вторым компонентом наименования, нередко не только отличает данное лицо от других, но и указывает на его место в рамках родственной группы. У китайцев родственники одного поколения часто имеют в составе индивидуального имени какой-то общий элемент (аналогичное явление характерно и для монголов). У многих народов Восточной Азии существует табу на употребление личных имен старших родственников или других уважаемых лиц (поэтому к старшему обращаются, употребляя термин родства).

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Многие черты культуры народов Восточной Азии сформировались под воздействием тех или иных религиозных представлений. Хотя ни одна из мировых религий не возникла на территории данного региона, большинство из них в той или иной мере получило распространение у восточноазиатских народов. В меньшей мере это касается христианства; оно было занесено в Китай в VII–VIII вв. в виде несторианства, но не пустило там глубоких корней. Позднее, начиная с XV–XVII вв., в некоторые страны Восточной Азии проникли европейские миссионеры, деятельность которых в целом не привела к значительным результатам.

Гораздо большую роль играло в истории народов Восточной Азии мусульманство, распространившееся среди некоторых народов Китая. Принятие мусульманства способствовало формированию особой этнографической группы китайцев — хуэй (та ее часть, которая в конце XIX в. переселилась в Среднюю Азию, где получила название “дунгане”).

Наибольшее воздействие на культуру народов Восточной Азии оказал буддизм. Он проник в Китай, а оттуда в Корею и Японию в первых веках нашей эры. Гибко приспосабливаясь к новым условиям, буддизм значительно трансформировался, что нашло свое выражение, в частности, в появлении многочисленных сект. Наибольшее историческое значение имела среди них школа “чань” (“цзен” — япон.). У монголов и тибетцев господствующей религией стал буддизм-ламаизм.

Особенностью религиозных систем, сложившихся у большинства народов Восточной Азии, был их глубокий синкретизм. Пришлые религии впитали в себя различные традиционные местные верования, зачастую причудливо переплетаясь с развитыми местными религиями. В народных верованиях китайцев, например,

сочетаются, с одной стороны, черты буддийских представлений, с другой – элементы морально-этического учения конфуцианства и исконной китайской религии – даосизма, который характеризуется чрезвычайно обширным пантеоном, культом отшельничества и ярко выраженным мистицизмом. В Японии происходил процесс постепенного слияния буддизма и синтоизма – религии, возникшей на японской почве.

Лишь у некоторых народов Восточной Азии религиозные представления не подвергались заметному воздействию буддизма. У маньчжуров, например, вплоть до XX в. был распространен шаманизм (маньчжуры – единственный народ, создавший и сохранивший религиозные сочинения, связанные с практикой шаманизма). Анимистические и шаманистические представления сохранялись до недавнего времени у мяо.

Богатая мифология народов Восточной Азии типологически может быть разделена на несколько отдельных циклов, причем выявление совпадающих или сходных вариантов мифа, существующих у разных народов, нередко может явиться указанием на древние генетические или ареальные связи.

Одним из важнейших является цикл космогонических мифов, повествующих о трансформации первоначального хаоса и появлении из него земли, неба и человеческих существ, созданных богиней Нюйва (китайцы), Аматерасу (японцы) и т.д.

Самостоятельный цикл составляют этногонические мифы, в которых отражаются древние тотемистические представления: древние тюрки вели свое происхождение от волка, народы группы мяо-яо – от пятицветной собаки Паньху; многие мифы этого цикла отражают идею "непорочного зачатия" предка (в одних случаях прародительница проглотила яйцо Пурпурной птицы; в других – первопредок появился на свет после того, как его мать наступила на след великана, и т.д.). Возможно, что эта группа мифов представляет собой трансформированное отражение древнейшей социальной реальности, связанной с матрилинейной филиацией.

Мифы о культурных героях рассказывают о персонафицированных "творцах" важнейших культурных достижений того или иного народа. Этот цикл особенно полно представлен в мифологическом творчестве китайцев, почитавших Суйжэня как первого человека, добывшего огонь трением; Фуси, сделавшего первый лук и стрелы; Шэньнуну, научившего людей изготавливать земледельческие орудия; Хуанди, открывшего способ варить зерно на пару, и т.д. При этом многие из этих героев представлялись китайцам в виде полулюдей-полуживотных – Фуси с телом змеи, Шэньнун с головой быка и пр.

В устном народном творчестве многих народов Восточной Азии значительное место занимает эпос. Немало сходных сюжетных линий можно обнаружить в героическом эпосе монгольских и тюркских народов – в улигерах о Гэсэр-хане у монголов, в сказании "Манас" у киргизов. При этом некоторые образы героического эпоса обнаруживают параллели с произведениями древнего изобразительного искусства. Так, мотив борющихся богатырей, позади которых стоят их боевые кони, встречается как на декоративных украшениях "звериного стиля" I тысячелетия до н.э., так и в сказании о единоборстве бесстрашного Хан-Хулюга и его соперника Алдай-Мергена; "Заступится за меня лишь мой конь Хан-Шилги!" – восклицает один из богатырей, другой вторит ему: "И за меня никто не заступится, кроме Ак-Сарыг-коня", и т.д. Эпос занимает важное место в фольклоре китайцев (цикл "Троецарствие"), ицзу ("Ашма") и других народов Восточной Азии. Особенностью китайского героического эпоса является своеобразное переплетение устных и книжных версий, легших в основу средневековых народных романов. Высоким уровнем художественных достоинств отличается народная поэзия, наиболее древние образцы которой представлены в антологиях "Шицзин" и "Юэфу" (Китай), "Кокинсю" и др. (Япония). У многих восточноазиатских народов поэтическое творчество по-прежнему неотделимо от музыки; это органическое единство до сих

пор характерно для фольклорных произведений мяо (обрядовая и любовная песня), наси (любовная лирика) и т.д.

Одной из важных особенностей духовной культуры народов Восточной и Центральной Азии является существование у них длительной письменной традиции. Древней системой письма в этом регионе была древнекитайская иероглифика, возникшая в начале II тысячелетия до н.э. и непрерывно развивающаяся вплоть до настоящего времени. Знаки китайской письменности фиксируют значимые единицы языка прежде всего в плане их смысла, а не звучания. Эта особенность иероглифики облегчила ее заимствование соседними народами. В средние века китайская иероглифика играла в Восточной Азии примерно такую же роль, как латинская письменность в Европе. Вьетнамцы и корейцы, пользовавшиеся иероглифами, перешли затем на собственные системы письма; японцы в настоящее время используют иероглифы наряду со слоговыми знаками (катакана и хирагана). В VI–IX вв. древние тюрки пользовались руническим письмом, а позднее у многих кочевых народов Центральной Азии распространился уйгурский алфавит, на основе которого затем сформировался монгольский. С 40-х годов нашего века монголы приняли алфавит, большинство букв которого восходит к кириллице.

НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА

Африка — своеобразный регион Земли. В комплекс его особенностей входит географическое положение, разнообразие природной среды, расовая, этническая и языковая принадлежность населения, история и культура народов, населяющих континент. Все эти жизненные элементы, их многообразное сочетание и проявление с одной стороны, отражают уникальность многих явлений, присущих только Африке, а с другой — подтверждают то историческое общее, что присуще всем народам Земли.

Африка — это одна пятая часть суши нашей планеты. Площадь материка с относящимися к нему островами — 30,3 млн кв. км. По величине Африка уступает только Евразии. Экватор делит континент почти пополам. Он окружен водами Средиземного моря на севере, Атлантического океана на юге и Индийского океана на востоке. До сооружения в 1869 г. Суэцкого канала Африка была соединена с Азией перешейком. От Европы Африку отделяет Гибралтарский пролив шириной 14 км.

Африканский материк отличают чрезвычайно малая расчлененность, слабо развитые береговые очертания, отсутствие больших полуостровов (исключая Сомалийский) и глубоко вдающихся в сушу заливов и морей.

Рельеф материка в целом однообразен. Это обширное плоскогорье с приподнятыми краями, понижающееся с востока на запад и с юга на север. Средняя высота Африки над уровнем моря — 750 м, в то время как Европы — 300 м. В Африке нет ни обширных низменностей, ни крупных горных цепей. Самая высокая ее часть — восточная (до 2 тыс. м над уровнем моря), где расположено Абиссинское плоскогорье, изрезанное горами и ущельями. Эту область называют "крышей" континента. Величайшие вершины Африки: гора Килиманджаро (6010 м), Кения (5195 м), Рувензори (5125 м), Меру (4558 м). Невысокие цепи Драконовых и Капских гор тянутся вдоль юго-восточного побережья, а на западе Африки — Атласские горы, высший пик — Камерунский (4000 м).

Крупнейшие реки — Нил, Конго, Нигер, Замбези. Реки Африки порожисты, малосудоходны, большинство рек в летнее время пересыхает или теряется в песках.

Континент беден озерами. Только в Восточной Африке тянется цепь великих глубоких озер — результат тектонического разлома и сброса (Виктория, Танганьика, Ньяса, Рудольф, Натрон, Найваша, Мобуту Сесе Секо, Эдуарда, Маньяра и др.). Из мелководного озера Тана в Эфиопии берет начало Голубой Нил. В Сахаре расположено значительное по площади, но мелкое и усыхающее озеро Чад. На севере пустыни Калахари — также высыхающее большое озеро Нгами.

Африка — самый жаркий континент. По обе стороны от экватора расположена полоса тропиков, занимающая три четверти всей площади материка. За полосами тропиков к северу и к югу следуют зоны саванн — африканских степей (сахель). За поясами саванн симметрично расположены пустыни: величайшая в мире — Сахара (среднегодовая температура +35°C) и на юге — Калахари и Намиб. Узкие прибрежные полосы на севере и юге континента — зоны субтропиков.

Атмосферные осадки неравномерны, больше всего их в тропиках — свыше 2000 мм в год. В пустынях осадков выпадает менее 250 мм в год. В большей части Африки год делится на два четко выраженных сезона: сухой — лето и дождливый (влажный, сырой) — зима. Чем дальше от экватора, тем короче период дождей, тем меньше уровень осадков. В зонах саванн обычны засухи.

Почвы Африки разнообразны, преобладают малоплодородные, неглубокие латеритные и красноземы, местами — песчаные, каменистые почвы, местами — глинистые, бурые почвы, рыхлые почвы из речных наносов и вулканических распыленных туфов.

Растительный мир континента богат и разнообразен. Полоса тропического леса, мангровые заросли перевитые лианами, вечнозеленые деревья сменяются зоной сахеля с колючим травостоем и кустарниками, зонтичной акацией, баобабами и мимозами. Склоны гор покрыты вечнозелеными лесами (абиссинское дерево, хвойные, можжевельники, древовидные папоротники, молочай, бамбук, лианы, мхи, лишайники, верески и цветы). Влажные берега озер и рек покрыты "светлыми" лесами из листопадных и вечнозеленых деревьев (каменный и пробковый дуб, кедры и др.) с густым травостоем и кустарником, тростниками и папоротниками. В пустынях редкая растительность, исключая оазисы. В полосах субтропиков средиземноморская растительность — пальмы, оливковые деревья, мирты, вечнозеленые кустарники и пр. Африка богата полезными растениями — разные виды пальм, кофейное дерево, банан, каучуконосы и др.

Не менее богат животный мир. Для степей характерна разнообразная копытная фауна: антилопы, зебры, жирафы, носороги. Многочисленны слоны, носороги, бегемоты, кабаны, крокодилы, обезьяны. Множество хищников: львов, гепардов, леопардов, пантер, гиен, а также птиц, пресмыкающихся и насекомых (саранча, фаланги, скорпионы, термиты и пр.). Многие территории заражены мухой цеце, переносчиком "наганы", вызывающей тяжелую сонную болезнь у людей и крупного рогатого скота и лошадей, что затрудняет в этих местах занятие скотоводством и земледелием. В Восточной Африке произрастает значительное количество видов растений (например, черное дерево, эбеновое дерево, дерево кола, кофейное дерево, черный ячмень). Некоторые млекопитающие Африки эндемичны и нигде более в мире не встречаются. На острове Мадагаскар немало животных и растений, известных только здесь (веерная пальма, дерево путешественников "равенала", лемуры, полуобезьяны и др.).

Весь комплекс флоры и фауны распределен по областям Африки неравномерно и в различных сочетаниях. Щедрость этой природы не должна обманывать, она сурова к человеку, чья полезная деятельность сопряжена с тяжелым трудом. *Палящее солнце, резкое колебание дневных и ночных температур, недостаток или чрезмерное обилие воды, суховеи, тучи саранчи и другие природные невзгоды* вынуждают людей вести постоянную борьбу за участок обработанной земли, за спасение урожая, за сохранение стада домашних животных.

За последние десятилетия произошли серьезные изменения в наших представлениях об окружающей человека природе в разных регионах Земли, в частности в Африке. То, что казалось вечным, прочным, на глазах одного-двух поколений стало рушиться, исчезать, видоизменяться. Природа Африки предстала хрупкой, легко-ранимой и плохо восстанавливаемой. Сейчас природа Африки — это огромная сфера острого экологического кризиса. Он вызван и объективным действием самих сил природы и активной деятельностью людей.

Геологическая особенность африканского материка состоит в том, что он представляет собой гигантскую базальтовую плиту, в целом наклоненную с востока на запад и юго-запад. Слой почв на ней тонкий. Его удерживают главным образом травы, их корневая система. Вот почему наиболее рациональной технологией обработки африканских почв и по сей день является мотыжная, в отличие от плуга и машин. Мотыга не разрушает глубокую корневую систему трав. Тем не менее процесс эрозии почв, вызывающий исчезновение плодородного слоя, идет издавна и интенсивно. Причина этого процесса — палящее солнце, раскаляющее почву, отчего она растрескивается, сильнее суховеи, *выдувающие часть почвенного слоя*. Эрозированная почва, в свою очередь, не может задерживать дождевую воду, и

она вместе с частицами почвы скатывается с возвышенностей Восточной Африки на запад и юго-запад и сносится в океан. Высушенная и распыленная в жаркое время года часть почвы ураганными ветрами уносится в виде пыли в том же направлении, завершая этим процесс эрозии.

В общем кризисе природной среды Африки существенное значение имеет антропогенная деятельность. Прежде всего это сказалось в том, что применение в течение тысяч лет традиционной земледельческой технологии подсечно-огневой обработки земли наносило и наносит постоянный ущерб вечнозеленым тропическим лесам. В результате этой деятельности их площади сокращаются, а на их месте возникают малоценные породы деревьев и кустарников, быстро перегнивающих и способствующих заболачиванию местностей. Этому процессу способствовало и варварское истребление ценных эндемичных древесных пород в течение полутора веков колониального периода, когда из Африки экстенсивно, без восстановления, вывозилось все полезное, что приносило огромные прибыли экономике стран-метрополий. Кроме того, идущее на протяжении всей истории хозяйственной деятельности населения континента истребление на топливо леса и кустарника вело к поступательному наступлению на зону тропиков саванн и пустынь. Процесс аридизации усилился в последние века, а исчезновение тропических лесов угрожает завершиться к рубежу нашего и следующего тысячелетия.

Немалый ущерб травяному покрову и почвам наносят многотысячные стада домашних и диких животных. Даже древние способы восстановления пастбищ не останавливают общий процесс их необратимого сокращения.

В распространении общего экологического кризиса в Африке определенную роль играет наличие мухи цеце, усложняющее жизнь населения. Зоны ее распространения – сырые заболоченные кустарниковые территории, особенно обширные в Западной Африке, несколько менее – в Восточной, значительно увеличились за последнее столетие. Связано это прежде всего с тем, что массовая вырубка благородных лесов на вывоз обезлесила огромные площади, в результате чего почвы на них заболотились, разрослись кустарники, а в этой благоприятной среде массами размножилось это вредное насекомое, борьба с которым, несмотря на предпринимаемые государственные мероприятия, малоуспешна.

Наконец, на общий кризис экологии огромное воздействие оказывает такой мощный природный фактор, как засуха. Это периодическое и почти повсеместное явление, которому трудно противостоять традиционными методами ведения хозяйственной деятельности. Засухи всегда уносили тысячи человеческих жизней, вызывая гибель урожая и массовый падеж скота. В результате этого бедствия исчезали целые племена и народы. В наше время, начиная с 1973 г., засуха в зонах сахеля южнее Сахары практически перешла в Восточной Африке почти в постоянный процесс, перемещаясь от страны к стране. Масштаб этого стихийного бедствия выражается прежде всего в том, что эти области Африки не в состоянии себя прокормить и существуют только благодаря постоянной международной помощи.

Геология африканского материка еще далеко не исследована. Однако известно, что его недра содержат немало различных полезных ископаемых. Среди них богатые запасы нефти на севере и Гвинейском побережье; крупные запасы золота на юге и на Африканском Роге; залежи урана в Центральной Африке; огромные запасы меди в районах Заира и Замбии; алмазы найдены по всей Южной и Западной экваториальных областях; большие залежи бокситов в Западной Африке; немало редких металлов, железной руды и каменного угля и других ископаемых.

Общая численность населения Африки к 1987 г. составила 592 млн 93 тыс. человек¹. Сейчас в Африке наблюдается наиболее высокий в мире темп роста насе-

¹ Все данные о численности населения Африки приводятся в этой главе по состоянию на 1987 г. по изданию: Население мира. Демографический справочник. М., 1989.

ния — около 3,0% в год. Это регион самой высокой в мире рождаемости и смертности. Вместе с тем плотность населения в Африке более чем в 2 раза ниже остальной части мира. Этот показатель колеблется здесь от 2 человек на 1 кв. км в Сахаре до тысячи с лишним человек на 1 кв. км в долине Нила, в ряде районов Гвинейского побережья, Южной Африки, Магриба. Около 70% всего населения приходится на сельскую местность. Однако в связи с ухудшающимися условиями жизни миграция в города все усиливается. Наиболее урбанизированы Джибути, Алжир, Ливия, Тунис, Марокко, Египет, Западный Судан, Экваториальная Гвинея, Кот д'Ивуар, Замбия, Намибия, ЦАР, ЮАР. Этот процесс создает тяжелые проблемы перенаселенных городов.

С древнейших времен в Африке сформировались хозяйственно-культурные типы присваивающей экономики — собирательство, охота, рыболовство. Позднее возникла присваивающе-производящая экономика — древнее пастушество в сочетании с собирательством и начальными формами возделывания участков земли. И, наконец, сложились ХКТ производящей экономики — мотыжное и плужное земледелие, подвижные формы пастбищного и отгонного скотоводства. Многие из этих ХКТ в той или иной степени и форме сохраняются и до наших дней. В целом эти виды традиционной хозяйственной деятельности населения континента отражают его культурную и экономическую отсталость, сказывающуюся в преобладании натурального потребительского (мелкотоварного) сельскохозяйственного производства, основанного на крайне низкой производительности труда и сохраняющего черты древних хозяйственных укладов. Эти формы земледельческой и скотоводческой деятельности носят экстенсивный характер использования природных ресурсов. В современных политических и экономических условиях традиционный образ жизни многих групп подвижного населения способствует сохранению архаических форм социальной организации этих обществ. Особенно это относится к кочевым скотоводческим народам.

В настоящее время наряду с традиционными ХКТ присваивающей (собирательство, охота, рыболовство) и производящей (плужное зерновое, преобладающее тропическое мотыжное, террасовое поливное земледелие; скотоводство кочевое, отгонное, стационарное) экономики со времен колониальной эпохи широко распространено товарное сельское хозяйство плантационного и фермерского типов. К нему относится производство субтропических культур (цитрусы, оливки, инжир, виноград), многолетних тропических культур (хлопчатник, пшеница, бобы какао, арахис, сизаль, рис, кофе, масличная и финиковая пальмы, табак). Эти и другие формы характерны для сельского хозяйства экономически и культурно развитых и развивающихся стран Африки. Тем не менее хозяйство Африки не в состоянии обеспечить пищевые потребности населения.

Еще со времен географических открытий в Европе складывалось представление, что тропическая Африка населена отсталыми в расовом отношении народами, не имеющими вообще никакой истории. Однако научные исследования, открытия древних письменных памятников доказывают обратное.

Эти источники освещают историю народов Северной, Северо-Восточной и Западной Африки. Среди них известны сочинения арабских авторов, лоции арабских мореходов, античные письменные памятники, памятники Древнего Египта, более поздние и немногочисленные письменные памятники Восточной Африки (Древний Аксум, Эфиопия), суахилийские хроники, хроники народов Западного Судана. Сведения о внутренних районах тропической Африки значительно скуднее, в основном это сообщения европейских путешественников, начиная с португальских мореплавателей.

Кроме письменных источников, для изучения истории Африки привлекаются данные палеоантропологии, археологии, этнографии и лингвистики. Все эти материалы позволяют утверждать, что народы Африки прошли долгий

исторический путь, создали своеобразную культуру и внесли свой вклад в культуру Земли.

Многие исследователи считают, что Африка была "колыбелью человечества", и там начался длительный процесс антропогенеза. Это мнение основывается на находках в Восточной Африке – в Эфиопии, на берегах озера Виктория, в Уганде остатков нескольких видов ископаемых австралопитеков, и в том числе так называемого "человека умелого" и его "олдовайской каменной индустрии", созданной более 2 млн лет назад. Однако окончательно проблема африканской прародины человечества еще не решена.

Судя по археологическим данным, Африка была с древнейших времен населена человеком современного вида, начиная с эпохи раннего палеолита. При этом палеоантропологический материал свидетельствует о местном, автохтонном происхождении всех африканских антропологических типов.

На протяжении тысячелетий неоднократно менялись климат и рельеф континента. Так, Сахара была когда-то цветущим краем, по которому протекали многоводные реки. Изменение экологических условий оказывало сильнейшее воздействие на расселение и миграции человеческих групп, на сложение различных хозяйственно-культурных типов и культур.

Северная Африка относится к областям мира, где рано возникли очаги производящего хозяйства, о чем свидетельствуют находки Тасийской и Бадарийской культур в области Среднего Нила, датируемой VI–V тысячелетиями до н.э. Впрочем, существует мнение, что многие культурные растения и domesticiрованные животные попали в Африку из Западной Азии, где процессы возникновения производящего хозяйства развернулись на тысячелетия раньше.

Вследствие больших различий в природной среде, интенсивности и характера сношений с соседями и других причин культурное развитие народов Африканского континента протекало на протяжении тысячелетий неравномерно.

Более передовыми в этом отношении оказались прибрежные регионы, особенно на севере, где в долине Нила на рубежах IV и III тысячелетий до н.э. зародилась одна из древнейших на Земле цивилизаций и сложилось государство. Со временем Египет стал одним из мощнейших государств Древнего Востока, оказавшим огромное культурное влияние на многие области Африканского континента, Азии и Южной Европы.

В середине I тысячелетия до н.э. сложились города-государства Мероэ и Напата по Верхнему Нилу в Судане. До наших дней сохранилось немало памятников древнего государства Аксум на территории современной Эфиопии, расцвет которого пришелся на середину IV в. н.э. Высокого развития достигло государство Бенин (X–XVI вв.). Высочайшего технического и художественного уровня достигало в нем бронзовое литье великолепных скульптур и рельефов. Культура Бенина была связана с очагами древней цивилизации Йоруба, Нупе и Нок по нижнему течению Нигера (XIII в.), чьи каменные и терракотовые скульптуры и сегодня поражают своим мастерством.

Когда португальцы познакомились с Западной Африкой, по всему побережью давно были известны плавка железа и обработка бронзы. Древние свидетельства местной африканской металлургии найдены в Южном Конго, в Родезии, во многих местностях бассейна реки Замбези. В тропической части континента обнаружены памятники интереснейшей древней культуры Зимбабве.

В то время как в приморских регионах севера, востока и запада Африки происходили процессы развития государственности и цивилизации, шел интенсивный культурный обмен с внешним миром, центральная "черная Африка" долгое время оставалась в условиях относительной экономической и культурной изоляции и сохранялись первобытно-общинные отношения.

Исключительно большое воздействие сначала на народы Северной Африки, а затем и на многие другие ее регионы оказали арабские завоевания VII–VIII вв.

Начался долгий период проникновения исламской культуры в местные культуры африканцев. В результате синтеза арабской и африканской культур по всем областям, где прошли арабы, были восприняты ислам, арабский язык и письменность, но с сохранением элементов местных культур. Несмотря на арабское влияние, не затронувшее глубинных местных структур африканских обществ, на западном побережье продолжали жить и развиваться древние местные социально-политические образования Гана, затем Мали (XIII–XV вв.), Сонгай (XVI в.), Канем, Борну (XVI в.). Это были своеобразные доклассовые политические образования, имевшие развитую экономику, города, армии.

В центральных областях Африки к XV–XVI вв. сложились политические образования Конго, Анголы, Мономотапы с своеобразной культурой бантуязычных народов.

Еще с первых веков нашей эры восточное побережье Африки стало "заповедным полем охоты на чернокожих", которых продавали на азиатских базарах. Первоначально они ценились как предмет роскоши для восточных дворцов и гаремов. Работоторговля значительно расширилась в средние века, примерно с XV в., когда развитие плантационного хозяйства и добычи золота и алмазов в европейских колониях Америки и на островах Тихого океана потребовало огромного количества рабочей силы. Ее источником и стала Африка. Эпоху массовой работоторговли начала Португалия в 1441 г., и Лиссабон стал первым крупнейшим центром продажи черных рабов. Затем в этот процесс включились Англия, потом Голландия, Франция и другие страны Европы. Лишь в XIX в. была прекращена работоторговля. За этот трагический в истории Африки период она потеряла 150 млн человек, что явилось тяжелейшим ударом по развитию производительных сил континента.

Одним из первых европейцев, совершивших плавание к неизведанным берегам Африки, был Генрих Мореплаватель (XV в.), наиболее широкое знакомство европейцев с Африкой началось только с конца XVIII в. В 1795 г. шотландец Мунго Парк предпринял свое первое путешествие вглубь Западной Африки. В 1814 г. француз Рене Кайе совершил путешествие по Сенегалу. В середине XIX в. немцы Крапф, Ребман и Деккен начали исследование Восточной Африки. Д. Ливингстон, Юнкер – исследовали северо-восточные области, Родс, Стенли – центральные области Конго. Интерес развитых европейских держав к Африке неуклонно возрастал и к концу XIX в. начался ее прямой колониальный захват. Начался долгий и нелегкий полутораветковой колониальный период в истории народов континента, связанный с этапом борьбы ведущих государств Европы за территориальный раздел мира. В течение нескольких десятилетий африканские народы, вооруженные в основном луками и копьями, героически сопротивлялись агрессии. В неравной борьбе сопротивление было сломлено, Африка была разделена, ее карта была пересечена колониальными границами. Политические границы пересекали этнические и расчленили африканские народы. Колониальное порабощение Африки сопровождалось процессом ее включения в экономику стран-метрополий в качестве хозяйственного придатка, поставлявшего сельскохозяйственное сырье, полезные ископаемые и являвшегося рынком дешевой рабочей силы, а также выгодным рынком для массового сбыта товаров европейского производства.

Работоторговля, колониальный раздел Африки нашли "основание" в ряде "научных" теорий, опиравшихся на давнее представление европейцев о якобы расовой неполноценности и исторической культурной отсталости африканского населения. Колониальным властям эти аргументы служили для оправдания их политики принудительного труда в отношении африканцев. Ярким примером подобного оценочного подхода к истории народов Африки является так называемая хамитская тео-

рия. Суть ее заключается в обосновании тезиса, что наибольшую часть культурных ценностей аборигенному африканскому населению в силу его расовой и культурной отсталости и неспособности к самостоятельному прогрессу принесли пришельцы европеоидного типа – светлокожие хамиты из Аравии, начавшие появляться в Африке еще в эпоху верхнего палеолита.

Известный отечественный ученый Д.А. Ольдерогге на обширном африканском материале доказал, что никогда в истории не существовало этнического понятия "хамиты" и что "хамитская теория" – одна из форм проявления идеологии расизма, разделяющей народы на "полноценные" и "неполноценные", из которых первым приписывается выполнение цивилизаторской миссии. То, что прежде в науке определялось как "отсталость" в развитии народов Африки, должно рассматриваться как процесс неравномерности и историко-культурного своеобразия развития народов. Разные народы несли различные потери в производительных силах. Иногда целые племена и народы исчезали, их поглощали другие, иные разрастались. Мощные исторические катаклизмы, природные изменения, арабское завоевание, работорговля, колониализм обрушивали удары на африканские народы, усиливая неравномерность их развития.

Сегодня мы наблюдаем бурную жизнь таких высокоразвитых политически, экономически и культурно государств, как Южная Африка, Египет, и одновременно жизнь таких народов, как афар – кочевников в пустыне Данакиль или бушменов в Калахари, социальные формы и культурный облик которых мало чем изменились на протяжении столетий.

Последний этап колониального периода в истории Африки начался после окончания второй мировой войны. К этому времени сложились условия, которые сделали ненужным и невозможным сохранение колониальной системы. С одной стороны, действовало длительное и все нараставшее антиколониальное движение африканских народов за свою независимость. С другой стороны, экономически и политически изживала себя колониальная система, перестававшая приносить прибыли. Этап выкачивания дешевых производительных сил из Африки закончился, их запасы иссякли или их добыча стала слишком дорога и невыгодна. Колонии превращались в ненужный для метрополий балласт – их стало дорого и обременительно содержать. Местное мелкотоварное хозяйство уже давно не могло прокормить нищавшее население, борьба с местным освободительным движением требовала много средств, содержание колоний стало нерентабельным. Для стран-метрополий не оставалось выбора, и колонии стали получать политическую независимость. Процесс политического освобождения стран Африки пошел в быстром темпе. Однако вместе с политической независимостью бывшие колонии получили в наследство не только хорошую инфраструктуру, добывающие производства и многое другое, но и отсутствие местных квалифицированных кадров для ведения современной политики, экономики и культуры, отсталость натурального хозяйства, разрушенную и трансформированную социальную и культурную традицию. Историческая победа Африки – обретение ее народами свободы – принесла бывшим колониям не только самостоятельное право выбора дальнейшего пути развития, но и множество тяжелейших проблем, трудности в достижении экономической независимости. Помимо прочего произошел взрыв трибализма, принявшего во многих странах форму острой политической борьбы между разными этническими группами, в наследие от колониализма достался острый экологический кризис. Уровень развития производительных сил в Африке, хотя и неодинаков в разных странах, в целом не настолько высок, чтобы дать возможность преодолеть эти трудности Африке самостоятельно.

Долгий исторический путь, который прошла Африка до наших дней, был процессом, в котором развивалось, формировалось ее население. Оно представляет сложный конгломерат разного масштаба этносов и этнических групп (народов).

образовавшийся в результате постоянных, разных по интенсивности и направлениям многочисленных миграций коренного населения, контактов между отдельными его группами.

Особенно широки были миграции в прошлом, когда значительное распространение имело пастушество. Миграции вызывались также и природными факторами: засухами, эпидемиями, нашествиями саранчи, мухи цеце и пр., что вынуждало подвижное и оседлое население перемещаться в более благоприятные для жизни места. К миграциям приводили также частые межплеменные войны. В процессе миграций происходили объединения племен и этносов, поглощение одних другими, разного уровня интеграция и адаптация. Миграционные движения составляют то историческое русло, в котором протекали этнические процессы, формировавшие этносы с древних и до наших дней. Эти процессы продолжаются и в наше время.

Из древнеегипетских и античных памятников известно, что население Северной Африки отличалось от темнокожего населения к югу своей светлой кожей. В наше время почти треть всего африканского населения составляют известные с древности народы банту. Они передвигались по огромной территории от границ Судана на юг. Вероятно, их прародина — северная часть бассейна Конго, на границах тропической зоны и саванны. Банту вытеснили к югу племена пигмеев, бушменов и готтентотов. Последние в процессе насильственной миграции рассредоточились по землям Капской области, Драконовых гор и Юго-Западной Африки. Уже к VIII–IX вв. н.э. арабские путешественники обнаружили банту по всему побережью Восточной Африки от Сомалийского полуострова до Софалы. Племенные группы банту шли по окраинам тропического леса. Часть их смешалась с аборигенами местностей, по которым они двигались с востока Африки в направлении Конго. Близость языков народов Центрального Конго с языками Восточной Африки подтверждает это предположение. Племена готтентотов, обитавшие на юге Центральной Африки, были поглощены народами банту.

В обширной зоне Восточной Африки издавна шли активные миграционные процессы. Из провинции Бахр-эль-Газаль мигрировали на юг многие народы (турканы, маасаи, нанди, сук и др.), объединяемые общим названием "нилотов". Их отличали от соседей языковая и антропологическая принадлежность. О том, что они некогда жили гораздо севернее, нежели теперь, свидетельствуют древнеегипетские и античные письменные памятники. Нилоты потеснили в южном направлении банту и расселились в области Межозерья, где смешались с местным населением негроидного типа, сохранив при этом ряд антропологических черт своих предков — высокий рост, длинные конечности, длинноголовость. Язык же свой они утратили, усвоив языки поглощенных ими народов банту.

Значительная часть населения Северо-Восточной Африки принадлежит к семитской группе, своеобразной в языковом и антропологическом отношении (арабы Египта, амхара, тыграи, тигре Эфиопии). Их происхождение связано, возможно, с миграцией групп южноарабских племен на Сомалийское побережье. Их потомки смешались с местным негроидным населением, но при этом сохранили основные черты строя своего языка. Значительным фактором формирования населения в этой области были народы галла (оромо) и сомали. Не выяснена пока прародина этих групп населения, отправные точки их миграций, которые неоднократно меняли направление и на протяжении долгого периода (XII–XVII вв. н.э.) сопровождались маятниковыми миграциями.

Этнический состав населения Западной Африки пестр и имеет сложную историю формирования. Более или менее ясно, что в этом процессе приняли участие переселившиеся сюда народы банту, а также пастушеские племена предков фульбе, пришедшие из Западной Сахары или Северной Африки и принадлежавшие к средиземноморской расе. В процессе миграции они смешались с местным населением, приобрели негроидные черты и утратили свой язык. Исследования языков

народов хауса и других народов центральной Нигерии и низовьев рек Шари и Логоне отражает их связь с берберами Северной Африки. Очевидно, предки этих народов Западной Африки некогда пришли из Сахары, переходя со стадами домашних животных по мере ее усыхания к югу так же, как предки берберов и египтян переселялись на плодородные земли на севере и в долине Нила. Только этими путями миграций и контактами можно объяснить языковую близость трех групп населения (банту, хауса, берберов), теперь разделенных огромными пространствами пустыни Сахары и полосой тропиков.

Население острова Мадагаскар относится к южноазиатской ветви монголоидной расы. Однако в западной части острова у населения присутствуют определенные черты негроидного типа, что свидетельствует о древних контактах с Африкой и Южной Азией.

Этнические процессы на миграционной основе продолжались, хотя в меньших масштабах в колониальное время. Происходят они и теперь. В наши дни население континента отличается крайней этнической пестротой и состоит из множества племен и народов, уровень развития которых сильно различен. Известный американский этнолог Дж. Мердок считал, что в Африке имеется около 7 тыс. племен. Однако едва ли это соответствует действительности. В настоящее время принято выделять на этнической карте Африки не более 500 народов, представляющих собою более или менее крупные этносы, нередко включающие родственные племена и этнические группы.

Сложна и еще далека от решения географическая и этническая классификация Африки. Последнее время наметилась устойчивая тенденция деления частей Африки на географическо-этнографические области. Такой подход к районированию включает характеристику географического положения региона, типов хозяйственной деятельности, культурно-исторической общности проживающих в данном регионе народов. Как и всякая научная систематика, такая типология Африки носит относительно корректный характер. Как необходимое условие для изучения, распределения и изложения по широко распространенной отечественной и зарубежной литературе географическо-этнографическая типологическая схема подразделяет Африку на пять областей: Северную, Восточную, Центральную, Западную и Южную².

Известные науке особенности исторического пути развития Африки позволяют, хотя в известной мере условно, выделить как самостоятельные части также Северную, Северо-Восточную и огромные пространства "Черной Африки" южнее Сахары. В отличие от Северной и Восточной Африки, в культурах населения которых сочетаются традиции древней Северной Африки и Египта с христианской и исламской культурами, народы, населяющие области Африки южнее Сахары, никогда не знали колеса, гончарного круга, не строили мостов, не использовали плуга. Эта часть Африки не имеет древних письменных памятников на местных африканских языках. Наиболее характерным и распространенным предметом материальной культуры народов, населяющих Черную Африку, является барабан. Этот предмет не просто музыкально-развлекательный, но и ритуальный и боевой инструмент, спутник жизни всех народов от подвижных скотоводов степей и саванн до жителей тропического леса. Кроме того, барабан издревле служил здесь людям важнейшим средством передачи информации на любые расстояния, от одного пункта передачи к другому по цепочке. Вот почему барабан по праву является материальным символом Черной Африки.

² Границы регионов определены в соответствии с изданием Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988.

НАРОДЫ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

В регион Северной Африки входит население Алжира (более 23 млн человек), Египта (более 50 млн), Западной Сахары (164 тыс.), Ливии (4 млн), Мавритании (около 2 млн), Марокко (более 23 млн), Судана (более 23 млн), Туниса (более 7 млн человек). В историческом и этнокультурном плане выделяется западная часть региона. Это Магриб (запад – ар.), он включает Алжир, Тунис, Марокко, Ливию, Мавританию, Западную Сахару.

Большинство населения Магриба принадлежит к средиземноморской ветви европеоидной расы. На самом юге региона и в оазисах Сахары живут негроидные народы и харатины – потомки негров-рабов.

Народы Магриба говорят на языках афроазиатской семьи. На языках берберской группы говорят кабилы, шильх, туареги (язык тамашек), шауя и другие народы, главным образом в горах Атласа и юге региона. Большинство населения этих стран говорят на арабском языке. Эти области с VII–VIII вв. входили в состав Арабского халифата и с этого времени вошли в арабо-исламскую цивилизацию. Однако по своему происхождению лишь незначительная часть населения – потомки арабских племен из Аравии и Сирии. Основные жители Магриба – воспринявшие арабский язык потомки древних народов Северной Африки – ливийцев, гетулов, маврусинов. Незначительная часть жителей (в городах и промышленных поселках) – евреи, французы, итальянцы и др. – говорят на индоевропейских языках.

У туарегов еще сохраняется древнее письмо тифинаг, хранители его – женщины. Все остальные пользуются арабским алфавитом. Литературный язык – арабский, в последние годы развивается литература на кабилском языке.

Как и во всей Африке, государственные границы, как и границы регионов, не совпадают с этническими. Например, туареги живут не только в Алжире и Мавритании, но и в Мали и Нигере.

В Магрибе выделяются несколько географических зон – прибрежные области с мягким субтропическим климатом (на севере и западе); горные районы и долины; полупустыни и пустыни на юге. Население региона занимается производящими видами хозяйства.

На севере и западе прибрежные жители занимаются рыбной ловлей. Их легкие весельные лодки (аргерабе) из туи или арганского дерева длиной 7,5 м отличаются прочностью и легкостью управления. Земледельцы здесь сеют зерновые (ячмень, твердые пшеницы, кукурузу); возделывают виноград, ранние овощи, фрукты; выращивают табак и цитрусовые. Разводят и крупный рогатый скот, скрещенный с зебу.

Жители гор – оседлые земледельцы или отгонно-пастбищные скотоводы. Небольшие искусственно орошаемые поля располагаются на террасах, расположенных ярусами на склонах гор. Выращивают зерновые: зимой – овес, летом – кукурузу, овощи и фрукты. Животноводство, в частности овцеводство, – отгонное, связанное с вертикальной зональностью. Пастбищные земли – общее владение.

В предгорьях и на равнинах ("дирах") население занимается орошаемым земледелием. На реке строится водоотводная ("уггут") или водосливная плотина ("тафраут"), от которой отходят ирригационные каналы ("сеги"). Близ выхода горных потоков из ущелий "фумов" или вокруг источников расположены оливковые рощи и плодовые сады. Земледелие – пашенное. Основные орудия – соха, серп, деревянные вилы. Почвенный слой здесь неглубок, земли каменистые, и необходимо оставлять земли под паром на следующий после посева год с выпасом на незасеянных полях овец, коз и крупного рогатого скота.

Дальше к югу, в полупустынях, земледельческое население сосредоточено лишь в оазисах, вдоль вади или вокруг колодезей. Жители их занимаются выращиванием поливных культур. Главная из них – финиковая пальма, древесина и листья

которой используются для построек, а плоды служат основой питания жителей пустынь. Выращиваются также фрукты (инжир, гранаты, персики, виноград), зерновые (ячмень, кукуруза, твердая пшеница), овощи.

Большинство населения в этих краях – кочевники. Это мавры, туареги, берберские и арабские племена. Они занимаются верблюдоводством, разведением овец и коз. Племя регейбат в Мавритании славится разведением верблюдов на продажу, особенно белых гоночных "мехари" – самых красивых и выносливых в Сахаре. Стада верблюдов – основное богатство и содержание всей хозяйственной деятельности: верблюд дает шерсть, молоко, мясо; везет всю семью и скарб кочевника, а во время нападений, как говорят наблюдатели, "служил также щитом, за которым кочевник укрывал свои богатства и свою семью". Весной и осенью население кочует; в начале зимы собираются близ пальмовых рощ, где запасаются финиками и возделывают небольшие пашни. Там же переживают в середине лета самую большую жару.

Южные туареги-юлеммиден сеют просо и пшеницу, бобы, помидоры, лук, морковь, арбузы, дыни. Туареги кель-аххагар, кель-аджер и др. владеют землями в оазисах, но сами земледелием не занимались, а сажали на землю негров-рабов. Потомки последних – харатины и сейчас живут в оазисах Мавритании и Алжира.

Чтобы выжить, на небольшую семью нужно иметь 7–8 верблюдов. Именно эти кочевые и полукочевые народы более всего пострадали от страшной засухи, обрушившейся в 70–80-х годах на южные районы Северной и Западной Африки. В некоторых местах пало более половины, а то и до трех четвертей стад.

Значительную роль в жизни кочевников играла караванная торговля. Из оазисов пустыни они возили на север финики, а оттуда – сахар, чай, промышленные товары. По транссахарской дороге из Марокко в Сенегал и Нигер вывозили финики, шерсть и оружие, а взамен привозили сахар, соль, золото, черных рабов. Охрана торговых караванов, а то и грабеж, давали дополнительные доходы. С упадком караванной торговли туареги их потеряли. Ныне многие молодые люди работают на нефтяных промыслах южного Алжира.

Сельские ремесленники занимаются ткачеством, гончарством, обработкой кожи и металла. Ткачи изготавливают шерстяные ткани, занимаются ковроделием, выделывая переметные сумы, покрытия для шатров, ковры. Гончары знают и гончарный круг, и технику налепом. Далеко известны ножи и мечи туарегов, удивительной красоты деревянные седла для верблюдов: с высокой лукой, украшенные яркой росписью и инкрустацией серебряной и медной проволокой. В городах и поселках развито столярное мастерство (в том числе изготовление сундуков и шкапуток с резьбой и инкрустацией); чеканка, гравировка по меди, ювелирное мастерство. Гончары делают также изразцы; кожевники изготавливают тонкий цветной сафьян. Гончары, кроме обычных сосудов для хранения зерна или вина, изготавливают и небольшие чашечки, лампы, подсвечники, двойные или тройные сообщающиеся сосуды. Их расписывают красной и желтой краской с черным геометрическим узором, покрывают поливой.

Пища африканских народов имеет некоторые общие особенности. Ее важная часть – каши и лепешки (просяные, пшеничные, кукурузные); растительный белок дают бобы, горох, арахис; животный белок – рыба (особенно вяленая), мясо (птица, козлятина, баранина, дичь, значительно реже – говядина или верблюжатина). В качестве жиров используются растительные масла – пальмовое, арахисовое, оливковое; у скотоводов-кочевников – бараний жир. Широко употребляются овощи и фрукты, особое место занимают финики. Ферментации подвергают только молоко, приготавливают творог и разные виды кислого молока. Самое распространенное блюдо – "кускус" – шарики из рисовой или пшеничной каши, которые едят с острыми соусами и приправами. Из некрутого теста варят клецки "мьотта"; делают жидкую кашу-размазню ("хассид"), которую заливают отваром из сухих измельченных

трав. Такова повседневная пища крестьянина. Мясо едят нечасто. Основной напиток — вода, алкогольные — просяное или ячменное пиво и пальмовое вино. Лишь на самом севере занимаются виноградарством и виноделием. По всей Африке традиционно двухразовое питание — утром и после захода солнца.

Жилища народов Северной Африки разнообразны. Города, как правило, сохраняют деление на две части: арабскую (медина) и европейскую. В сельской местности различаются жилища горцев, земледельческих и скотоводческих народов. Горцы, занимающиеся отгонным скотоводством, обычно имеют два вида поселений: постоянное — укрепленная деревня с четырьмя башнями по углам (агадир или тигрефт) и временное — группа палаток (дуар) или легкое жилище на горных пастбищах (азиб). На юге Марокко племена дуккала, шиадма и абда живут в саманных хижинах ("мешта") или глинобитных либо сложенных из нецементированного камня домах (дар), стоящих изолированно или группирующихся в деревни.

Оседлое население равнин живет в деревнях, вытянутых вдоль дороги. Местами сохраняется старинное жилище "гурби" — хижина, крытая тростником или соломой со стенами из дерева, камня или глины, смешанной с соломой. Более распространены дома так называемого арабского типа — глинобитные четырехугольные, чаще всего одноэтажные, с плоскими кровлями. Они образуют "ксур" — укрепленную деревню с башнями и бастионами. Эти дома часто расписывались, как в Мавритании, растительным или геометрическим орнаментом.

Жилища кочевников — легко переносимая палатка или шатер. У мавров и арабских племен это "фелидж", у туарегов — "эхан". Покрытия делают из шерстяных или ковровых полотнищ, туареги — из сшитых по 30–40 штук квадратных кусков кожи. В одной палатке живет одна семья. Мужчины занимают восточную половину, женщины — западную. Мужчина в своем углу держит верблюжье седло, оружие, седельные сумки; женщина вешает на подпорках в своей половине мешки с одеждой и личными вещами, запасами продовольствия, кухонной утварью.

Большинство жителей Северной Африки носит одежду общеарабского типа. Это длинная белая рубаша ("джеллаба"), теплый, чаще темный бурнус поверх нее, тюрбан "резва". Купцы в городах носят феску ("тарбуш"). Обувь — туфли без задников ("бельха"). Непременная принадлежность мужского костюма — "шукара" (сумка на красных плетеных шнурах) и "кумия" (обоюдоострый загнутый вверх кинжал). Их мальчик получает от отца в 7–8 лет. Женщины носят легкие шаровары, длинные платья из белой, розовой, бледно-зеленой ткани. Горожанки закрывали лицо особым покрывалом ("чаршаф" или "леуж"), иногда из разноцветной прозрачной материи. Сельские жительницы ходят с открытыми лицами. В городах преобладает костюм европейского типа.

Оригинальна одежда туарегов. Мужской костюм состоит из широких шаровар; длинной до икры, очень широкой "гандуры" (четырехугольного куска ткани, сложенного и сшитого по бокам); покрывала "тагельмуст", которым закутывали голову и закрывали лицо, оставляя только глаза. Мальчики получают его вместе с мечом от отца в знак достижения зрелости. Бурнус носят редко — обычно его заменяет длинное покрывало (даккали или хаик), в которое закутывается вся фигура. На груди, на плетеных шерстяных или кожаных шнурах носят кожаный "бумажник", украшенный цветной бахромой и вышивкой. Женщины, в отличие от арабов, не носят шаровар, а обертывают бедра куском белой ткани. Они носят такую же, как у мужчин, "гандуру" и покрывало из шерсти и шелка. Излюбленный цвет — синий; ткани эти, окрашенные индиго, издавна поступают из г. Кано в землях хауса (северная Нигерия). Праздничная одежда дополняется несколькими рубашками и тюрбанами, многочисленными и разнообразными украшениями. Обувь — кожаные сандалии.

На территории Северной Африки существовали в древности рабовладельческие, а затем феодальные государства. В горах Атласа, в сельских поселениях в

глубине региона сохранилась сельская община. В Мавритании общество делилось на благородных воинов ("ассани") и марабутов и вассалов ("зенаг") – земледельцев, не имевших прав на землю. Практически все народы Северной Африки патрилинейны, семейные отношения у них регулируются нормами шариата.

До сих пор своеобразие социальной организации сохраняют туареги. В их обществе женщины пользуются большим уважением, самостоятельностью и влиянием. Они имеют право собственности и наследования, право выбора мужа. Они же – хранители традиций, старой письменности "тифинаг", музыкального наследия и исторического эпоса, певицы и поэтессы. Туареги Алжира имели свою племенную конфедерацию во главе с аменокалом. Выделялись благородные воины "имхар" и зависимые от них "имрад", которым за половину приплода отдавали стада на выпас. Ремесленники "инад", посаженные на землю "харатины" и домашние рабы "иклан" не имели никаких социальных прав. С отменой рабства и началом нефтедобычи на юге Алжира именно эти слои поставляли рабочих.

В религиозном отношении население Северной Африки довольно однородно. Мусульмане составляют подавляющее большинство (например, в Алжире – 90%, в Тунисе и Мавритании – более 99%). Это арабы, кабилы, шуайя, туареги и др. Все они сунниты маликитского или ханифитского мазхабов. Распространено дервишество и суфийские ордена. В исламе Магриба много "народных" черт, в частности, ношение амулетов, поклонение могилам святых, вера в "барака" (благодать) и т.п. Если в городах – прекрасные мечети, то у туарегов – места для молений, огражденные камнями. Они сохраняют веру в духов, привидения, занимаются гаданием, колдовством, симпатической магией. Христиане составляют ничтожную часть населения. Практически это только европейцы, которые уезжают из этих стран. Так, в Тунисе к 80-м годам осталось 7 католических храмов из 90.

Богатая культура народов Магриба продолжает старые традиции. Арабская литература дополняется новой литературой на кабилском языке. Слияние местных и арабских традиций породило особый архитектурный стиль, отличающийся пышным орнаментальным убранством: резьбой по дереву и стуку, мозаикой из керамических плиток, узорной кладкой из цветного камня, витражами, арабесками – изречениями из Корана, выполненными различными каллиграфическими стилями. Прекрасный образец – мечеть в Кайруане, "розовая" мечеть Кутубия в Марракеше, Кубба – гробница Мауля Идриса в Фесе. Народное художественное наследие творчески развивают современные художники Магриба, начавшие работать в середине XX в. Продолжает развиваться традиционное народное прикладное искусство: чеканка и резьба по металлу, тиснение по коже, керамическое и ювелирное производство, ковроделие. Практически повсюду существуют фольклорные ансамбли. Появилось и современное профессиональное театральное искусство. Местные театры ставят и европейские, и собственные пьесы.

Восточная часть Северной Африки представляет своеобразную область вследствие того, что Нил, вдоль которого в основном обитают народы этого региона, создает особые природные условия, определяющие здесь облик хозяйства, культуры и истории населения.

По известным словам Геродота "Египет – дар Нила", а Нил, в соответствии с волею природы, это подарок Эфиопии. На всем протяжении (6,5 тыс. км) эта величайшая река Африки – источник жизни живущих вдоль нее многочисленных народов. Узкая "полоса жизни" вдоль Нила не превышает в ширину 1–2 км. Долина Нила, благодаря тысячелетиями накапливавшимся лессовым отложениям и постоянному орошению водами реки, исключительно плодородна. Современные сельскохозяйственные орудия египетских крестьян-феллахов мало чем отличаются от древнеегипетских: плуг, мотыга, серп для сбора урожая, для обмолота зерна – цепи или устройство "нурег" – доска с вставленными вертикально по поверхности ее металлическими дисками или каменными зубцами, в которую впрягают быков.

Орошение большинством земледельцев осуществляется с помощью "шадуфа" — типа "журавля" с противовесом или "сакии" — водоподъемного колеса с укрепленными по всему периметру глиняными кувшинами, набирающими воду.

Земледельческий год в Египте делится на три сезона: зимний, когда сеют пшеницу, ячмень, лук, бобовые; летний — сеют хлопок, лен, коноплю, сахарный тростник, рис, кукурузу; осенний — сеют рис, кукурузу, просо и др.

Египет со времен колониального периода, благодаря необычайно подходящим природным условиям, стал поставщиком монокультуры — хлопка, особого шелковистого тонковолокнистого сорта.

Скотоводство из-за отсутствия пастбищных территорий не получило здесь развития. Местное стойловое скотоводство обеспечивает лишь нужды в рабочем скоте (быки, буйволы, ослы). С древнейших времен в долине Нила сформировался ХКТ орошаемого плужного земледелия. Сегодня в земледелии Египта применяется и современная технология, но она распространена только в отдельных местах и небольших масштабах.

Население занимается также рыболовством на Ниле. Широко представлены высокоразвитые ремесла: ткачество, кузнечество, обработка металлов, ювелирное искусство. Распространены производство обуви, одежды, ковров и пр. Феллахи изготавливают домашнюю утварь из глины: женщины вручную, мужчины — на гончарном круге. Широко развито искусство плетения из соломы, из листьев финиковой пальмы. Традиционное ткачество все более вытесняется дешевыми фабричными изделиями.

Тяжелая промышленность почти отсутствует. Главным образом развита промышленность, обрабатывающая сельскохозяйственное сырье: по производству тканей, удобрений, табака, продуктов питания. Развивается нефтедобыча, добыча бокситов, соды, железной руды, фосфоритов, марганца, производство цемента. Большое значение в экономике Египта имеет сбор плодов финиковых пальм (до 30 сортов), бананов и миндаля, арбузов и дынь, выращиваемых на нильских отводах. Виноград и другие фрукты выращивают только в богатых хозяйствах (абрикосы, лимоны, персики, сливы, груши, яблоки, апельсины, манго). Томаты и скороспелый лук феллахи выращивают на экспорт. Зимой сеют "берсим" — вид клевера на заливных полях, где круглый год пасется скот. За сезон берсим высевают четыре-пять раз.

Дома основного населения — четырехугольные в плане, одноэтажные, с плоской крышей. Материал — сырцовый кирпич, белая глина, известняк. Пол земляной, устилается циновками.

Традиционная одежда египтян — белого цвета хлопчатобумажные штаны и длинная рубаша с длинными рукавами и открытым воротом. Зимой ее дополняют домотканой шерстяной накидкой "джубба". В городах поверх рубахи носят жилетки, широко распространена европейская одежда и обувь. Женщины носят длинные широкие платья черного цвета, шали и платки, украшения. Феллахи редко носят обувь, богатые крестьяне носят сандалии.

Большая патриархальная семья исчезает, вытесняется малой семьей. Немногие богатые крестьяне имеют более одной жены. Наиболее распространена многоамная семья как в городе, так и в деревне.

Пищу феллахи готовят перед домом на очаге. Едят дважды в день. Основная пища, как и везде в Африке, лепешки из кукурузы, реже — пшеницы, бобовая каша с луковой приправой на растительном масле, овощи, кислое молоко. Мясо — редкость. Напитки — черный кофе без сахара, чай, слабая финиковая водка, пиво из ячменя.

Музыкальные инструменты древнего происхождения: барабаны, бубны, кастаньеты, струнные смычковые и молоточковые, свирели.

В Египте обитает свыше 50 млн человек. Среди них арабы (91,4%), копты —

христиане-монофизиты – потомки древних египтян, смешавшихся с арабами (8,2%), нубийцы, на юге страны – кочевники беджа, берберы в оазисах близ Ливии, много греков, армян и других выходцев с Ближнего Востока. Государственный язык – арабский.

С глубокой древности основные ХКТ Египта – плужное и ручное земледелие.

Южнее Египта по долине Нила простирается территория восточного Судана. Здесь широко представлен ХКТ кочевого скотоводства. На юге притоки Нила создают "Страну рек", богатую заливными высокотравными пастбищами, тропической растительностью и водорослями. На севере, до Хартума – полоса саваны. К западу от Белого Нила – пустынные степи Кордофана и Дарфура. Устойчивое оседлое земледелие возможно по берегам рек, на Красноморском побережье, в оазисах и горных долинах. На юге расположены обширные пастбища, где население разводит лошадей, крупный рогатый скот, на севере Судана распространено верблюдоводство и овцеводство. На землях Ливийской и Нубийской пустынь (от Хартума до Египта) население разводит стада коз, овец и верблюдов.

В культурном и этнических отношениях эта область является "мостом" между арабским севером и Черной Африкой. Население северных районов Судана имеет еще южноевропейские черты. Здесь преобладают языки афразийской семьи. У населения юга преобладают негроидные черты, а языки – нило-сахарской семьи. Арабы Судана, составляющие почти половину населения страны, населяют в основном берега Нила, область вокруг Хартума, треугольник между Голубым и Белым Нилом. Занимаются они оседлым земледелием.

К востоку от Нила кочуют арабы-скотоводы – племена хасания, шукрия, баиахин и др., к западу – племена баггара, хомран, хамар, кабабиш и др. Между Нилом и морем кочуют скотоводы – номады беджа (бедауйе). Все они говорят на кушитских языках.

Смешанно с арабами живут нубийцы, единственный народ Судана, обладавший древней письменностью, которую вытеснило арабское письмо в X–XI вв. По нижнему течению Белого Нила живут нилоты – нуэр, луо, шиллук, ануак. Все они подвижные скотоводы, земледелие играет у них подсобную роль. Всего в Судане до 500 этнических групп. Большинство из них говорят на своих языках и на арабском. 70% населения Судана – мусульмане-сунниты. Местные традиционные верования распространены больше на юге среди народов занде, динка, нуэр, бари, лотуко, у части шиллук, бонго, луо, туркана и др. Среди части динка, занде, лотуко, мунду распространено христианство.

Судан – сельскохозяйственная страна. В районе Гезиры – поливные хлопковые плантации, дающие 70% продукции страны. Основные продовольственные культуры: дурра, просо, кукуруза, пшеница, ячмень, сезам, земляной орех, огородные культуры. На самых лучших орошаемых землях производят экспортный хлопчатник. Землю вспахивают плугом с быками или тяжелой мотыгой. На склонах гор – террасное земледелие.

Кочевые и полукочевые номады большую часть времени проводят на кочевых маршрутах со стадами. Их переносное жилище – каркас покрытый шкурами, циновками, одеялами, возят на верблюдах или быках. Всю утварь делают из дерева, кожи и других материалов.

Одежда у мужчин – хлопчатобумажная белая длинная рубаша, длинные штаны. У женщин – черное длинное платье, много украшений из сердоликовых, янтарных, стеклянных бус, металлические браслеты, кольца. Лицо не закрывают. Кольца носят в ушах и в носу. На ногах – кожаные сандалии. Обычное оружие кочевника – короткий меч-кинжал, копье. Пища кочевников – просыная или из дурры каша, молочнокислые продукты, чай, пиво. Как и все номады, мясо едят редко, берегут скот как гарантию жизни. Мясо едят ритуально заколотых или раненых, больных животных.

У нилотов жилище – круглое, с конусообразной соломенной крышей. Стены обмазаны смесью глины с рубленой соломой. Такой дом строит вся семья, нередко с помощью соседей. Нуэр, как и другие подвижные скотоводы, занимающиеся подсобным сезонным земледелием, имеют более или менее стационарные поселения для части населения. Сеют на обработанных мотыгой участках просо, кукурузу. Со скотом кочуют в пределах племенных территорий мужчины и молодежь. Женщины, дети, старики живут в поселках и ухаживают за посевами, занимаются ремеслами: плетением, выделкой кож, изготовлением одежды, утвари, оружия.

Одежда нилотов: мужчины носят накидку из хлопчатобумажной ткани, завязанную узлом на левом плече, женщины – длинные рубахи. На талии – шнурок, украшенный бусами. Женщины динка носят кожаный передник с бахромой спереди и сзади. Браслеты из слоновой кости, меди, дерева – на руках и ногах, ожерелья из бус, раковин, амулеты – зубы хищников, пучки трав, змеиная кожа. При помощи глины, золы и жидкого коровьего навоза из волокнистых растений динка делают праздничные головные уборы.

Брак у нилотов патрилокален, счет родства ведется по мужской линии. Скот составляет семейную собственность, но распоряжается им глава семьи. Обрабатывать свой надел земли должна каждая жена с ее детьми. Она имеет в своем пользовании несколько молочных коров. Семья состоит из мужа, жены и детей и образует социально-экономическую ячейку, домохозяйство. Кровная месть распространена у нилотов, как и у всех скотоводов. Распри из-за скота, пастбищ, водоемов – обычный повод для вражды и кровной мести.

НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ

В Восточной Африке обитает население Бурунди (5 млн человек), Джибути (372 тыс.), Замбии (более 7 млн), Зимбабве (более 8 млн), Кении (около 23 млн), Коморских островов (472 тыс.), Маврикия (более 1 млн), Мадагаскара (около 11 млн), Малави (более 7 млн), Мозамбика (более 14 млн), Реюньона (565 тыс.), Руанды (более 6 млн), Сейшельских островов (66 тыс.), Сомали (около 5 млн), Танзании (более 23 млн), Уганды (более 16 млн), Эфиопии (более 47 млн человек).

Население северной половины региона принадлежит к эфиопской расе, занимающей промежуточное положение между негроидами и европеоидами. Большая часть населения юга Восточной Африки относится к негроидной расе, еще южнее ее обитает население, относящееся к бушменскому типу. Местами в зону тропического леса вкраплены группы представителей пигмейской (негрильской) расы.

Согласно принятой в науке этнолингвистической классификации население северо-восточной области региона входит в афразийскую (семито-хамитскую) семью народов и языков (амхара, гураге, тыграи, тигре, аруси, афар, сомали, консо, беджа, сидамо, дарасса); население восточной части, вклиниваясь узкой полосой в Кению и Танзанию, состоит из народов нило-сахарской семьи (нуэр, динка, джиэ, туркана, маасаи, нанди, луо). В экваториальных областях и далее к югу живут народы подгруппы бенуэ-конго группы нигер-конго нигеро-кордофанской семьи, известные в литературе как народы банту (ньямвези, ганда, кикуйю, суахили и др.). Шире всего в регионе распространен язык суахили, на котором говорят свыше 40 млн человек. Во всех странах проживают также выходцы из Европы, Ближнего Востока и Азии. Население Мадагаскара – малагасийцы, их язык относится к австронезийской семье языков. На других островах, кроме африканского населения, много выходцев из Южной Азии.

Восточная Африка – особая природная зона. Это самая возвышенная часть континента, что во многом определяет здесь разнообразие климата, почв, осадков, животного и растительного миров, облик жизнедеятельности населения. В этой части Африки представлены все ее природные зоны: песчаная пустыня Данакиль

(Афар), морское побережье, саванна, цепи гор и холмов, долины, глубокие сбросовые впадины озер, каменистая пустыня Туркана, заболоченные пространства близ рек и озер, тропический лес.

Основными традиционными занятиями населения Восточной Африки были и остаются земледелие и скотоводство. Подсобное значение имеют местами рыболовство, охота, собирательство. В традиционном земледелии широко представлены зерновые, тропические и субтропические культуры. Земледельческий ХКТ производящего хозяйства уже в древности складывался главным образом как мотыжное земледелие в подсеčno-огневой и переложной формах. Плуг издавна был известен населению Эфиопии, а век назад был заимствован южными сомали (саб). Только в Эфиопии крупный рогатый скот и верблюды использовались как тягловая сила на полях. Эта страна считается одним из древнейших центров земледельческой культуры и родиной ряда злаковых (твердые безостые пшеницы, черный ячмень и др.) и кофе. Здесь и теперь выращивают хлебные злаки тефф, дурру, дагуссу, бобовые, ячмень, пшеницу, хлопок. Кофе собирают как дикорастущий, так и с плантаций кофейного дерева. Чем дальше к югу, тем шире используются мотыга и палка-копалка с каменным круглым утяжелителем на конце ("мареша"). На юге Эфиопии у консо, дарасса — террасовая технология земледелия.

Земледелие сочетается с отгонным скотоводством разной степени интенсивности. Придомное стойловое содержание скота с заготовкой кормов и подкормкой ведется только в отдельных местах Эфиопии, в области озер и островов на озерах. Со времен колониального времени этот вид скотоводства широко распространен на европейских формах.

Пища оседлых земледельцев состоит из пресных просяных, реже пшеничных лепешек ("ынджэра"), острых соусов и подливы к ним на растительном масле из овощей, жгучего красного перца, чеснока, лука, томатов. Мясная подлива или сильно наперченное сырое свежее мясо — редкие праздничные блюда. Молочные продукты составляют дополнительную пищу, главным образом для детей. Эта обычная для африканцев пища содержит много клетчатки, крахмала, но мало протеинов. Отсюда — обычный детский рахит и другие заболевания от недостаточного разнообразия пищевого рациона. Традиционные напитки — черный кофе, прежде чаще с солью, теперь больше с сахаром или без добавок; настой из кофейной шелухи, листьев и коры дерева; старинная медовая хмельная брага "тэдж", ячменное пиво "тэлля".

Одежда изготавливается из белой хлопчатобумажной ткани. Мужчины носят брюки типа "галифе", рубахи до колен с длинными рукавами, часто с вышивкой по вороту, девятиметровые накидки из редкой белой ткани "шамма" с одноцветной каймой или без нее; на ногах носят сандалии, в городах европейскую обувь, в деревне чаще ходят босиком. Мужской костюм дополняет махалка от мух в виде небольшой плетеной рукоятки с кистью на конце из волос хвоста зебу. Женский костюм включает широкое в сборку платье по щиколотку с длинными рукавами и накидку (шамма). Платье и шамма украшается цветной, с богатым орнаментом вышивкой. Известны более 100 способов повязывания шаммы. Украшения состоят из деревянных или металлических шпилек, гребней, колец, серег, браслетов, ожерелий из металла, кожи, кости. Костюм дополняет зонтик из бархата или соломы.

Распространены разнообразные ремесла: ткачество, причем особенность эфиопского ткацкого станка состоит в том, что ширина ткани до 20 см, тогда как в остальной Африке станок дает узкую в 10–12 см полосу. Ремесленники изготавливают одежду и утварь. Распространено кузнечество, ювелирное искусство, плетение (особенно среди земледельческого населения). Гончарство в Эфиопии славится изготовлением разнообразных сосудов от огромных "гомбо" для переноски воды до крошечных кофейных чашек из черной обожженной глины, нередко покрытой глазурью.

Традиционное сельское жилище в Эфиопии – тукуль, круглая хижина с конусообразной сложенной крышей. Традиционные христианские сельские, часто и городские церкви выглядят как более крупные тукули. Кровлю тукуля поддерживает столб, вершина которого закрывается от дождевой воды глиняным навершием. Внутри хижины стоят кровати – деревянная рама на коротких ножках, перетянутая ремнями. Интерьер дополняют кожаные, плетеные из соломы стол-корзина с крышкой и широким круглым основанием. В него складывают еду, на время трапезы стол переворачивают дном вверх и на нем раскладывают пищу. Семья и гости усаживаются на пол вокруг стола. Традиционный этикет требует кормить гостя из рук хозяина, кладя куски пищи прямо в рот гостю. Распространен также тип жилища – четырехугольный, плетеный каркас обмазанный глиной, с плоской или двускатной крышей, дверью и остекленными окнами. Такие дома строят вдоль дорог, ведущих к городам, и в городах. В жарких горных областях встречаются жилища, одну стену которых образует скала, остальные стены пристраивают. Вокруг дома сооружают галерею, что создает в доме прохладу.

Поселения большинства амхара, оромо, сидамо имеют кучевую застройку. У консо поселения типа городов, имеются кварталы и улицы.

У народов южных областей Восточной Африки – банту (конго, ганда, зулу и др.) издавна распространено тропическое мотыжное земледелие, местами с искусственным орошением. Древними культурами являются сорго, сезам, ячмень, масличная пальма, бобовые, корнеплоды маниока и ямс. Позднее освоены просо, рис, кукуруза. С появлением европейцев были введены плантационные культуры: хлопчатник, кофе, чай, табак, сизаль. В Руанде и Бурунди, густо населенных оседлыми земледельцами, издавна применяется ирригация: оросительные каналы, деревянные желобы для стока воды. По склонам гор освоено террасное земледелие.

Подсобная отрасль в зоне тропического земледелия – это содержание коз, овец, свиней, домашней птицы. Дополняют рацион населения продукты охоты, рыболовства, собирательства.

Народы банту задолго до появления в Африке европейцев знали плавку железа и меди, производя ее в больших термитниках или глиняных печах. Кузнечное ремесло и теперь широко развито у оседлых народов Восточной Африки. Кузнецы изготавливают топоры, ножи, мечи, боевые ножи с раскрывающимися в теле жертвы несколькими лезвиями, метательные ножи. Оружие украшается резьбой, медной и бронзовой инкрустацией, резными рукоятками. Среди прочих ремесел, теперь активно, как и кузнечество, вытесняемых фабричным производством, еще живы ткачество, гончарство, резьба по дереву, из которого делают сосуды, чаши, ложки, миски. Плетение представлено изготовлением циновки из цветной травяной соломы, из волокон лиан и листьев пальмы рафии. Из тростника плетут корзины. Плотность плетеных мелких сосудов такова, что они не пропускают воду. Из тыкв делают всевозможную бытовую утварь (калебасы): миски, поварежки, бутылки, части кальяна, улья и пр. Тыкву, когда плод еще мал, перевязывают травой, придавая ей будущую необходимую форму. Созревшие тыквы кладут в муравейник, и муравьи выедают мягкую сердцевину тыквы. Затем пустую тыкву засыпают горячим песком и высушивают на солнце. Потом украшают снаружи резьбой и раскрашивают.

Поселения оседлых банту – вытянутые деревни из тукулей, круглых или прямоугольных в плане жилищ. Каркас из ветвей заплетается тростником или пучками травы или обмазывается глиной, смесью глины, соломы и коровьего навоза. Крышу кроют пальмовыми листьями, соломой, травой, тростником, циновками – всем, что дает окружающая природа. Около селения обычно есть ритуальная роща, где мужчины собираются для отправления культовых ритуалов. В центре поселка – навес для общественных собраний, там обычно стоит большой сигнальный барабан.

Одежда жителей тропических областей – плетеные накидки из растений, из кожи, из (теперь очень редкой) лубяной материи (из луба фикусовых деревьев), выкрашенной охрой. Ткачество в тропиках не было известно. И мужчины и женщины в жарком поясе носят набедренные повязки. В последнее время все большее распространение получают фабричные ткани – хлопчатобумажные и синтетические и европейская одежда.

Народы восточного побережья Африки, испытавшие воздействие арабской культуры, носят типичную для мусульман-арабов длинную белую одежду из хлопчатобумажной ткани.

У оседлых земледельцев в социальной организации преобладают сельские территориальные общины, которые владеют общей землей, наделяя и перераспределяя участки под обработку между членами общины. В общем пользовании остаются пастбищные земли. Однако процесс закрепления особенно плодородных участков за отдельными семьями идет давно. Сейчас уже происходит закрепление права частной собственности на отдельные участки обрабатываемой земли.

В системе социальных отношений преобладают патриархально-генеалогические связи, отцовский счет родства, патрилокальный брак. Но есть еще народы (например, бемба в Замбии), у которых сохраняется материнский счет родства. Некогда повсеместно существовавшая племенная организация теперь разрушается. Основной социальной ячейкой оседлых обществ давно стала индивидуальная семья-домохозяйство. Поселения все больше утрачивают характер объединения по социально-родственным связям, и поселенческая община все более становится соседской.

В сравнении с другими природными регионами континента Восточная Африка наиболее благоприятна для ведения скотоводства, которое широко здесь распространено и представлено несколькими ХКТ. Существенным фактором, ограничивающим и здесь, хотя в гораздо меньшей степени, чем в остальной Африке, масштабы разведения лошадей и крупнорогатого скота и одновременно способствующим сохранению естественного баланса между природой и человеком, является муха цеце. Формирование типов скотоводства также связано с природной средой. В Восточной Африке немного больших степных и пустынных пространств и преобладают относительно небольшие пастбищные участки с крайне неравномерно распределенными по ним водными источниками и солончаками.

Скотоводство проникало в Восточную Африку на протяжении II и I тысячелетий до н.э. Древние скотоводы разводили длиннорогий и горбатый крупный рогатый скот, овец и, возможно, коз. Около начала I тысячелетия до н.э. в Восточной Африке появился горбатый крупнорогатый скот породы зебу. В результате скрещивания зебу с длиннорогим скотом сформировались распространившиеся здесь два основных подвида: короткорогий горбатый зебу и длиннорогий "санга" (анколе), обладание которым до сих пор имеет престижное социальное значение даже у оседлых земледельцев.

Африканский скот в большинстве отличается низкой продуктивностью, восполняемой количеством животных в стаде. Молока коровы дают мало и только после отела в течение семи месяцев. Высока смертность молодняка. Во время длинных кочевых переходов скот тощает, и его немало гибнет. В настоящее время потери в стадах увеличились при перевозке животных к рынкам на продажу в перегруженном транспорте.

Одногорбые верблюды-дромадеры распространены в аридных и полуаридных зонах обитания северных сомали, беджа, сахо, афар, туркана, габбра. Эти породы верблюдов отличаются высокой удойностью в течение всего года и жирностью молока, выдающимися качествами "треккера" (пересекающий пустыню) как в песчаных, так и в каменистых пустынях и обширных заболоченных сезонными дождями и разливами рек местностях. Они способны нести большие грузы и очень

выносливы, сохраняя силу и вес даже во время сухого сезона в холодное время, когда источники высыхают. Верблюды могут оставаться без воды свыше 20 дней, проходя при этом до 140 км в день. Южные сомали (саб) и некоторые народы Эфиопии используют верблюдов на полях как тягловую силу при сельскохозяйственных работах.

В хозяйстве самых подвижных скотоводов — номадов — второе по значению место после верблюдов занимают овцы и козы. В Восточной Африке они похожи, шерсть у овец и коз длинная. Есть порода курдючной овцы, порода жирнохвостой черноголовой. Они выносливы и распространены повсеместно, давая основную мясную пищу, а в последнее время и необходимые номаду деньги посредством продажи овец и коз. Характерной особенностью этого вида скота в Восточной Африке является то, что, как правило, их не доят, молоко и шерсть не используют в хозяйстве. Овцы и козы разводятся ради мяса, шкур и рогов для ремесленных производств, кроме того, они нередко заменяют крупный рогатый скот в ритуальной деятельности, когда его мало или нет совсем. В настоящее время мелкий рогатый скот стал эквивалентом "карманных" денег в повседневной жизни.

Лошадь была издавна распространена у северных сомали, в Эфиопии и южнее вдоль побережья. Упоминания о ней есть уже в эфиопских хрониках XIV в. Местные породы лошади больше приспособлены для верховой езды, чем под вьюк. Они менее выносливы, чем мулы и ослы, также здесь распространенные, тем более что этих животных ценят за иммунитет против сонной болезни, переносимой мухой цеце.

При том, что местные породы крупного рогатого скота дают мало молока, они быстро размножаются, при хороших условиях стадо удваивается за четыре года. Поскольку основу пищи подвижных скотоводов составляют молочные продукты, традиционное скотоводство складывалось в регионе как молочное, а не мясное. Селекция здесь почти неизвестна, африканцы всегда заботились о количестве животных, а не о их продуктивности. Улучшение пород стало происходить в колониальное время, когда на фермы стали привозить европейские породы скота и скрещивать с местными.

Скотоводство является дополнительной отраслью в хозяйстве оседлых земледельцев в форме отгонно-пастбищного или изредка придомного содержания, когда скот подкармливают на полях после снятия урожая на стерне, а также пищевыми остатками от домашнего хозяйства.

В целом же скотоводство в Восточной Африке распространено главным образом в формах номадного (кочевого и полукочевого) и отгонно-пастбищного содержания.

При отгонно-пастбищном скотоводстве наиболее широко представлена форма "пастушество трансгуманс (трансуманс)", в литературе часто называемое полукочевым или полuosедлым скотоводством. Этот ХКТ сочетает пастбищное скотоводство с земледелием, временную или постоянную оседлость части населения с подвижностью другой. При этом хозяйственная дихотомия не нарушает социального единства общественной организации, все население, и подвижное и оседлое, принадлежит к единой социальной системе. Этот образ жизни объясняется различиями природных условий, в которых обитает один и тот же народ, когда одна его часть занята земледелием, а другая откочевывает со стадами иногда на большие расстояния от оседлых поселений. Кроме того, на этот образ жизни воздействует и древняя пастушеская культурная традиция народа. В этом ХКТ много вариантов и степень подвижности сильно различается. Нуэр и динка — типичные представители пастушества трансгуманс. Территории их обитания (сованные южного Судана) в сухое время года так высыхают, что население вынуждено передвигаться со стадами далеко к берегам рек в болотистые места. В сырой сезон притоки Нила разливаются на огромные площади. В заболоченной

местности жить становится возможным только в селениях на холмах. Смена сезонов поэтому означает и перемену места жительства и занятий.

Сочетание земледелия и скотоводства составляют основу жизнедеятельности карамоджонг, ачولي в Уганде, гого в Танзании, барабаиг в Эфиопии, дассанеч на реке Омо.

ХКТ номадизма (кочевничества) имеет два подтипа – кочевой и полукочевой. Номадизм – особый способ производства, основанный на экстенсивном пастбищном скотоводстве, при котором разведение животных составляет основной вид занятий подвижного населения и является главным средством жизнеобеспечения. Другой важнейший признак номадизма состоит в том, что он представляет собой не только особую экономическую, но и особую социальную систему.

От пастушества трансгуманс номадизм отличают существенные особенности. При том, что у тех и других африканских скотоводов схожи технологические приемы хозяйствования (содержание и выпас животных), они различны по хозяйственно-культурным и социально-экономическим признакам. Номады составляют особые самостоятельные социальные организмы. Их социальные отношения характерны только для кочевничества и являются патриархальными номадно-общинными. Общественную организацию номадов составляет племенная структура, основанная на патриархально-генеалогических связях, которые охватывают все номадное общество. Его основная социально-экономическая ячейка – кочевая община, состоящая из одного или нескольких домохозяйств. Кочевой образ жизни определяет все в деятельности всего номадного общества.

У скотоводов-пастухов трансгуманс оседлая часть общества, занятая в земледелии, составляет вместе с подвижными пастухами единый социальный организм, характер которого определяется прежде всего условиями оседло-земледельческого образа жизни. У номадов нет фиксированного места жительства, кочует не часть общества, а весь народ. Прimitивное мотыжное земледелие незначительно или вовсе отсутствует. Земледелие у них – не первостепенная по значению отрасль хозяйства, а лишь подспорье.

Сравнительный анализ данных по номадизму Азии и Африки выявил наличие в них существенных различий. Прежде всего они определяются естественной средой. В Азии имеются огромные степные территории и пустыни. В Африке их гораздо меньше и они разбросаны. Сходные с Азией условия среды имеются только в области пустыни Афар, где живут номады северные сомали. Они кочуют общинами ("реер"), разделенными по видам животных: верблюдов пасут мужчины, овец и коз – женщины, старики и дети. Живут номады в кочевых жилищах ("аггал"), состоящих из каркаса из ветвей, покрытых шкурами. На стоянках аггал устанавливают женщины. Перевозят его в разобранном виде на грузовом верблюде. Загоном для верблюдов служит круглый "крааль", огороженный изгородью из колючего кустарника. В краале содержат обычно до 100 голов животных.

Юноши и взрослые мужчины, которые кочуют со стадами верблюдов, ведут суровую жизнь: спят на земле, никаких палаток не ставят, пища только молочная. Это школа возмужания для молодежи, где осваиваются мальчиками и юношами хозяйственные и воинские навыки. До некоторой степени схожий номадный ХКТ распространен у народов афар, адал, беджа, сахо.

Значительно шире в Африке представлен полукочевой номадизм. К этому ХКТ принадлежат галла боран, габбра, туркана, маасаи и многие другие народы региона. Они все в разной мере содержат крупный рогатый скот, кочуют медленнее, пути короче, стоянки чаще, чем у кочевых номадов. Кроме хозяйственных отличий, между кочевым и полукочевым номадизмом существуют различия в социальной структуре. У кочевых номадов основу племенной организации составляет система патриархально-генеалогических связей, которые определяют секционную структуру общественной организации. В этой системе связей заложен

механизм быстрого объединения общества номадов в экстремальных условиях в племя, союз племен или в народ.

У полукочевых номадов Африки в основе социальной организации – две системы связей: патриархально-генеалогическая (горизонтальная) и социально-возрастная (вертикальная). Каждый член общества имеет двойную принадлежность: к определенной генеалогической линии происхождения, которая ведется от предка-прародителя, и к определенному возрастному классу социальных сверстников по инициации в системе возрастных классов. Пересекаясь, эти две системы связей стратифицируют общество на социальные подразделения, которые могут быть быстро мобилизованы в случае необходимости в любом месте и времени из находящихся здесь членов общества по этим двум признакам социальной принадлежности.

Система возрастных классов – архаический социальный институт, несущий черты первобытнообщинной эпохи. Кочевые номады либо миновали его фазу в своем развитии, либо давно уже утратили этот институт.

Учитывая весь комплекс различий между кочевой и полукочевой формами номадизма в Африке, условно можно обозначить кочевой номадизм по сходству с кочевничеством в Азии как "азиатскую" форму номадизма, а полукочевый номадизм Африки – как "африканскую" форму номадизма. Различие между ними обусловлено естественной средой и культурно-исторической традицией.

У всех народов Восточной Африки при полунатуральном подвижном и номадном хозяйстве распространены домашние производства. В традиционном хозяйстве изготавливается все то, что необходимо в повседневной жизни: жилище, одежда, утварь, оружие, украшения и пр. Все это производится из металла, дерева, глины, растений, шкур, шерсти, рогов животных в семье или в общине. При этом соблюдается общественное разделение труда, особенности которого по-разному складывались в зависимости от ХКТ. Так, у многих народов табуированы для женщин виды деятельности, связанные с крупным рогатым скотом или верблюдами. У народов, у которых основу хозяйства составляют скотоводство и земледелие, общественное разделение труда происходит в соответствии с этими двумя отраслями и с сезонностью. У номадов оно организовано в соответствии с видовыми различиями стад.

В Восточной Африке мало скотоводческих народов, обладающих таким большим количеством скота, как маасаи или туркана. Однако даже богатым скотом номадам обычно не хватает мясо-молочной пищи. Скотоводческой семье необходимо для ее нужд иметь до 100 голов крупного рогатого скота, а такого количества нет у большинства скотоводов. Поэтому любая семья скотоводов так или иначе зависит от зерна и овощей, получаемых от своего земледелия или через обмен с соседними земледельцами, которые всегда нуждаются в продуктах скотоводства. Потребность в обмене всегда была так велика, что он не прерывался в Африке даже в период войн. В этих ситуациях обмен вели обычно женщины воюющих сторон.

Внутриэтнический обмен связан с хозяйственной специализацией разных групп. Так, горные группы народа покот – земледельцы, они обменивают свое зерно на скот у группы покот – скотоводов равнины. Кикуйю, камба, гусии и луо и группы внутри каждого из этих народов обменивались скотом и зерном в зависимости от климатических условий и вследствие разного времени уборки урожая у разных групп одного народа. Маасаи постоянно торговали скотоводческими продуктами с кикуйю, сонджо, шамбаа, джагга и усамбара, от которых получали калebasы, табак, зерно, которое сами вообще не производили. От суахили они получали взамен скота и молока одежду, стеклянные бусы, медную проволоку. Номады туркана и скотоводы джиэ получали от соседей – лабвор, ачولي, ланго – зерно, табак, горшки, калebasы, конья, ножи, лезвия мотыг, украшения и пр.

Проникновение товарно-денежных отношений внесло и в эту сферу жизни африканских народов значительные изменения. Оседлые земледельцы и скотоводы ньякюса наряду с традиционным обменом зерна на соль, керамику, одежду стали продавать зерно за деньги, которые шли на уплату государственных налогов. Галла борана стали покупать у соседей-земледельцев зерно за деньги, получаемые от продажи своего скота на рынках в городах. Однако скотоводы и теперь стараются не нарушать древней традиции не продавать верблюдов, лошадей, крупный рогатый скот, которые остаются главными социальными ценностями.

Добыча денег для африканского населения стала теперь важной проблемой не только для оседлых земледельцев, но и подвижных скотоводов. И потребность в них порождена не только необходимостью уплаты денежных налогов, но и для покупки широко проникших в жизнь современной Африки современных предметов фабричного производства, алкогольных напитков, сигарет, украшений. Деньги необходимы кочевникам для жизни в городах, куда они пригоняют на продажу свой скот. Деньгами они оплачивают медицинскую помощь своим животным (вакцина, лекарства и пр.). На деньги покупают современные ткани для одежды. Например, в пустыне Афар кочевое население почти все одето теперь не в традиционные передники из выделанной кожи (хотя и это встречается), а, как правило, в хлопчатобумажные полотнища ткани типа индонезийского "соронга", которыми женщины обертывают тело от плеч, а мужчины бедра.

Семья у народов Восточной Африки остается минимальным социальным подразделением — это домохозяйство. Состоит из мужа, жены (жен) и их неженатых детей. После женитьбы сыновья обычно остаются в домохозяйстве отца, получая от него для самостоятельной обработки участок земли. После смерти отца сыновья окончательно становятся автономными домохозяйствами. Поселения таких домохозяйств составляют сельскую территориальную общину. В последнее время отмечается ослабление родственных связей, узы соседских связей товарищества становятся все распространеннее. Такова ситуация у народов кикуйю, сидамо, консо, ньякюса, оромо и др.

У подвижных скотоводов трансгуманс семья состоит из главы, его жен и неженатых детей. По мере вступления в брак сыновей семья превращается в составную (неразделенную), включающую и семьи женатых сыновей. Такая устойчивая структура семьи объясняется традицией общего владения семейным стадом, составляющим основу хозяйства, разделение которого лишило бы семью жизненной обеспеченности. Глава семьи имеет право полного контроля над стадом. Жены пользуются правом узуфрукта с животных, которыми их наделили при выходе замуж. Сыновья женятся в порядке старшинства, уплачивая выкуп за невесту из своего семейного стада. После смерти отца, когда все его сыновья пережились, семейное стадо не делится, братья живут в соседних домохозяйствах, получая каждый свою долю скота из выкупа за выходящих замуж их сестер. Узы родства реализуются через право на семейный скот. Такова семья у нуэр, динка, дассанеч. У джиэ существует братская семья — это комплекс из усадеб родных братьев с их женами и детьми — сыновей одной матери ("эkkal"). Эkkal существует до тех пор, пока остается жив хотя бы один из братьев, его основателей. Затем семейное стадо делится между оставшимися мужчинами эkkала. После распада домохозяйства братьев происходит новое объединение родных братьев вокруг усадеб их матери.

У номадов простейшая семья представляет собой домохозяйство: глава, его жены и их дети. У северных сомали — это "раас", имеющий на стойбище свой крааль. Одно такое домохозяйство в условиях кочевой жизни не может продержаться самостоятельно, поэтому несколько раасов объединяются в "реер" — хозяйство отца и его женатых сыновей — кочевую общину. У туркана — полукочевых номадов простейшая семья "ави" состоит из главы, его жены и детей. Женатые

сыновья остаются с отцом, и семья превращается в составную. После смерти отца она распадается на отдельные кочевые хозяйства. Такая же семья у боран, у габбра. У маасаи, когда сыновья отца достигают в возрастной системе класса воинов, общий семейный крааль делится на крааль отца ("энканг") и крааль воинов ("зманыта"), в него переходит мать воина с другими своими детьми и своим хозяйством. Это отделение завершается, когда воин вступает в брак и основывает свой крааль-домохозяйство. Но отец сохраняет общественное стадо за собой, отдавая сыну только "брачный" скот, выкуп за невесту.

Семья у народов региона чаще всего выступает в полигамной форме, независимо от ХКТ. Но есть и случай моногамии. За исключением запрета на брак для близкородственных членов небольших племенных подразделений, явных следов экзогамии здесь не обнаруживается. Для традиционных обществ Восточной Африки свойствен экстенсивный характер производства и предклассовых социальных отношений. Это объясняется низким уровнем развития производства и разделения общественного труда, относительно слабой имущественной дифференциацией. Экстенсивность экономики, при которой отсутствует существенный излишек общественного продукта, не дает возможности для углубления социального расслоения. Отношение к земле в значительной мере сохраняет характер общинного или племенного владения.

Тенденция социального расслоения развивалась главным образом у тех оседлых народов, где медленно формировалась наследуемая собственность на наиболее ценные участки обрабатываемой земли. Кочевые общества вообще не могли подняться выше предклассового уровня, так как возникновение развитых социально-классовых отношений неизбежно ведет к оседлости, сложению интенсивных форм хозяйства, а это означает уже распад кочевничества и переход общества к другому ХКТ.

В целом уровень общественных отношений в традиционных обществах Восточной Африки и в начале XX в. оставался на предклассовой патриархальной стадии развития, о чем свидетельствует сохранение в их социальном строе клана и племени. Процесс углубления имущественного и социального неравенства, общественных противоречий интенсивно пошел после завоевания африканскими народами независимости, создания национальных государств.

В отношении религии для Восточной Африки характерно широкое распространение ислама, прежде всего по странам побережья. Христианство (католичество и протестантство) исповедуется в более удаленных внутренних областях. Традиционные верования встречаются повсеместно у отдельных этносов или его групп. В Эфиопии 70% населения – христиане-монофизиты, причем христианство, как и древняя письменность, сохранилось здесь со времен древнего государства Аксум.

В целом Восточную Африку характеризует несколько существенных особенностей. В сфере ХКТ – наиболее масштабное распространение здесь подвижных форм скотоводства: пастушества трансгуманс, номадизма в "азиатской" и "африканской" формах.

В сфере общественной организации наблюдается самое широкое бытование архаического социального института системы возрастных классов, оказывающего влияние на все сферы социальной жизни, в том числе и на современную политическую ситуацию.

МАДАГАСКАР

Этот остров представляет собой особую историко-культурную область, которую можно отнести к Восточной Африке. С 1960 г. – это независимая республика в составе французского сообщества.

Этногенез малагасийцев (98,9% населения острова) окончательно не выяснен.

Очевидно, в нем приняли участие представители материкового населения Африки – койсанского и эфиопского расовых типов, а также представители позднейших волн мигрантов южноазиатских монголоидов из Индонезии, а позднее – бантуязычное население с материка Африки. Кроме того, в этом процессе, но в меньшей мере приняли участие индийские, арабские, иранские и европейские элементы. Все это создало своеобразие этнических групп, их диалектов, быта и культуры. Самые крупные этнические группы имерина (хова), бецимисарака, бецилеу.

В культуре народов острова переплетаются юго-восточно-азиатские и африканские черты. Основа хозяйства – земледелие. Главная культура – рис, возделываемый по склонам гор на террасах, снабженных развитой ирригационной системой каналов. В лесных местах существует и сегодня подсечно-огневая система возделывания риса при помощи естественного дождевого орошения полей; в безлесных – преобладает культура кукурузы. Значительны посадки картофеля, сахарного тростника, фасоли, фруктовых деревьев. Кроме того, разводят пчел и шелковичных червей. Плантационные культуры – кофе и ваниль.

Скотоводство развито на западе и юге острова. Больше всего разводят овец и коз, крупный рогатый скот зебу, последний особенно распространен у сакалава и бара.

Дома малагасийцев четырехугольные в плане, деревянные или глинобитные, крыша двускатная, остроконечная. Утварь в домах разнообразная и богатая: резная деревянная мебель, много мягких циновок, похожих на ткань, деревянная посуда и мелкая скульптура.

Традиционная одежда – набедренная домотканая повязка у мужчин, и юбка – у женщин, а также "ламба" – кусок белой или с цветным узором ткани, используемой в виде накидки на плечи и тело до пояса, накидкой закрывают также голову, причем как мужчины, так и женщины. В настоящее время преобладает европейская одежда.

Преобладает общинная форма землевладения и мелкотоварное производство. В капиталистическом крупном производстве господствует национальный государственный сектор, но сохраняется и незначительный иностранный.

2/5 населения острова – христиане, около 5% – мусульмане-сунниты, 57% населения придерживаются также традиционных культов.

Эмиграция с Мадагаскара сыграла значительную роль в процессе формирования населения островов западной части Индийского океана – Сейшельских, Маврикия, Реюньон, Коморских.

НАРОДЫ ЮЖНОЙ АФРИКИ

Южная Африка включает население государств: Ботсвана (более 1 млн человек), Лесото (более 1,5 млн), Намибия (более 1,5 млн), Свазиленд (712 тыс.), Южно-Африканская Республика (33 млн человек).

Значительную часть автохтонного населения региона составляют народы языковой подгруппы бенуэ-конго, известные нередко как народы банту (конго, ганда, зулу, коса, свази, тсвана, тсонга и др.). В расовом отношении население Южной Африки представлено негроидной, койсанской, европеоидной расами и группами смешанного населения.

Климат и природа региона разнообразны и включают зоны тропического леса, саванн, пустыни, полосы гор на побережье приморских субтропиков.

Господствующее положение в регионе издавна принадлежит Южно-Африканской Республике (ЮАР), где сосредоточена крупная горнодобывающая промышленность, где находятся самые крупные города европейского облика и обитает большинство европейского населения. Здесь добывается половина мирового золота,

значительная часть алмазов и урана. По уровню промышленного развития ЮАР значительно выше других стран Африки. Здесь развито также крупное фермерское хозяйство.

Городское население в ЮАР составляет 51% всего населения страны. Высока плотность населения в горнопромышленном районе между Преторией и Йоханнесбургом, а также в "бантустанах" – резерватах с африканским населением (до 200 человек на 1 кв. км).

Миграционные процессы, особенно характерная особенность региона, в значительной степени связаны с давней политикой расовой дискриминации в ее крайней форме – апартеидом (раздельного "развития" рас), проводимой правящим здесь белым населением. Кроме того, влияет на подвижность населения ежегодная вербовка сотен тысяч рабочих из соседних стран на промышленные предприятия республики.

Исторически в Южной Африке сформировались два основных ХКТ: тропического мотыжного земледелия и кочевого и отгонно-пастбищного скотоводства. В земледельческих областях основными культурами являются сорго, сезам, масличная пальма, корнеплоды маниока и ямс, просо, кукуруза, рис. В их восточной части, где климат более сухой, главные культуры составляют просо, сорго, бобовые, кукуруза, ячмень, корнеплоды. Европейцы ввели здесь плантационные культуры: хлопок, кофе, чай, табак, сизаль и др. В прошлом была распространена подсеčno-огневая система земледелия, теперь распространяются техника чередования культур, внесения удобрений и другие методы, что вызывается нехваткой земли, годной под обработку.

В саванне и полупустынях к югу от реки Замбези, где обитают такие крупные народы, как зулу, коса, суто, тсвана, свази, сравнительно недавно было распространено скотоводство древнего кочевнического типа. Местное население разводило крупный и мелкий рогатый скот. Быков использовали в упряжке в повозках, под выюк и для верховой езды. Кроме гереро, все подвижные скотоводческие народы занимались еще в разной степени и обработкой земли. К настоящему времени скотоводство в регионе приобрело форму отгонно-пастбищного, что было вызвано сокращением когда-то обширных пастбищных территорий из-за захвата земель европейскими колонистами. Кроме того, сосредоточение населения банту в резерватах также подорвало традиционное подвижное скотоводство. Земледелие стало основной отраслью жизнеобеспечения бывшего пастушеского населения.

Кочевое скотоводство продолжают вести большинство бушменов и готтентотов, а также тсвана, которые, хотя оседлы и занимаются в основном земледелием, но также и скотоводством трансгуманс, выпасая свои стада на далеких пастбищах за многие сотни километров от своих сел.

Народы банту до прихода европейцев были знакомы с металлургией. Кузнечное ремесло развито издавна у многих народов Южной Африки. Правда, теперь кузнечество основано на переработке привозного железного лома. Распространены и другие ремесла: гончарство, ткачество, обработка шкур, изготовление разных предметов быта из различных материалов: растительных волокон и продуктов скотоводства.

Жилищами служат в центральных областях прямоугольные в плане хижины с двускатной крышей. В восточных распространен тип тукуля – круглой хижины с конусообразной соломенной крышей. Наиболее распространен у народов Южной Африки тип поселения в виде "крааля": в его центре располагается загон для скота, вокруг него ставят хижины, зернохранилища (ямы, обмазанные изнутри глиной или плетеные большие корзины из ветвей и соломы на помостах), места для очага. Этот жилой комплекс обносится забором из колючего кустарника.

Одежда населения тропических областей состоит из набедренных повязок, передников, юбок из хлопчатобумажных тканей, кожи, лубяной материи. По со-

седству с городами и в самих городах широко распространилась одежда европейского типа.

У большинства африканских народов Южной Африки сохраняется отцовский счет родства, однако в тропических областях встречаются общества и с материнским счетом. Большая патриархальная семья мало где сохранилась. Минимальная социальная ячейка — малая индивидуальная семья. Наибольшая структурная социальная общность — племя.

Основная социальная единица — сельская община, владеющая землей. Каждый член общины получает для своей семьи в пользование надел. Уже давно развивается частная собственность на особые ценные участки или участки, единолично отвоєванные у леса под посадку плантационных культур. Углубляется социальное и имущественное расслоение. Патриархальные отношения находятся в процессе активного разложения. Однако еще продолжает сохраняться племенная организация, генеалогические связи которой и сейчас служат мощным социальным и политическим объединяющим фактором. Например, каждый свazi четко осознает свою принадлежность сперва ко всему народу свazi, а затем к одному из его 26 племен.

На традиционные формы жизни народов оказали сильное воздействие довольно раннее проникновение сюда товарно-денежных отношений, развитие горнодобывающей промышленности и рост крупных городов, что способствовало мощным урбанизационным процессам, миграции населения, углублению социальной и имущественной дифференциации, формированию слоев африканских рабочих, буржуазии и интеллигенции.

Особые исторические условия, политические и экономические особенности развития стран региона вызвали к жизни объединения этносов зулу, коса, суто и их племенных подразделений в союзы более высокого уровня, сформировавшиеся в ходе многолетней упорной борьбы африканского населения против белого меньшинства. Этот процесс бурно протекает в наши дни, вследствие политического противостояния противоборствующих сторон.

На общий ход развития культуры народов Южной Африки оказали сильнейшее влияние древние миграции больших масс населения, двигавшихся по всему континенту. Есть основания полагать, что некогда бушмены и готтентоты населяли всю Южную и значительную часть Восточной Африки. Часть племен банту, двигаясь по Восточной Африке, теснила скотоводов готтентотов, а те, в свою очередь, вытесняли все южнее бушменов. Ко времени появления европейцев в середине XVII в. народы банту заселяли всю Южную Африку, кроме Капской провинции ЮАР, где жили бушмены и готтентоты. К этому времени банту стояли на более высоком уровне развития, чем готтентоты и бушмены. Банту уже тогда знали металлургию, многие ремесла, у них было четкое общественное разделение труда, основу хозяйства составляли земледелие и скотоводство. Между банту, готтентотами и бушменами поддерживался постоянный обмен. Первые приносили на обменные пункты по течению реки Оранжевой свои изделия: табак, ложки и браслеты из слоновой кости, медные и железные украшения, топоры и копья с металлическими наконечниками, кожаные накидки и пр. Все это банту обменивали на скот через готтентотов — посредников, которые брали у бушменов страусовые перья и яйца, шкуры диких зверей и рога. Большое влияние на жизнь местных африканских народов оказали такие мощные факторы, как появление бурских (потомки голландских переселенцев) колонистов на Капском полуострове, португальцев в Мозамбике и других европейцев — купцов, миссионеров, путешественников, доставлявших во внутренние районы Южной Африки европейские товары, в том числе огнестрельное оружие.

Готтентоты к середине XVII в. населяли всю южную оконечность Африки и составляли многочисленную группу племен кочевых скотоводов. Они разводили

крупный рогатый скот, овец и коз. Жили во временных поселениях типа краалей. Когда скот вокруг стоянки съедал траву, все население перекочевывало на новые пастбища. Жили готтентоты большими патриархальными семьями, некоторые из которых имели в семейном стаде по несколько тысяч животных. Занимались также и охотой. Шкуры шли на изготовление одежды, утвари, ими покрывали хижины. Оружие состояло из копий, луков, стрел, палиц. Железные орудия готтентоты изготавливали сами.

Их социальная организация была племенной, руководили племенем избранный вождь и совет старейшин. Существовало имущественное расслоение. Военнопленные становились рабами и пасли скот богатых готтентотов. Наиболее крупные племена готтентотов – ихарон, демиса, чумакве, чувау. В ходе колонизации Южной Африки часть готтентотов была истреблена европейцами, часть смешалась с ними и с народами банту.

Основное занятие сохранившихся племен готтентотов – подвижное скотоводство отгонно-пастбищного типа, сменившее их традиционный ХКТ номадов. В настоящее время готтентоты расселены в Ботсване, Свазиленде, Намибии, ЮАР.

Бушмены были охотниками и собирателями. Маленький лук и стрелы с каменными наконечниками – их основное оружие, облик которых восходит к эпохе верхнего палеолита. С появлением европейцев бушмены стали изготавливать наконечники стрел из бутылочного стекла, обивая его так же, как камень. Иногда они выменивали у соседей – готтентотов и банту железные наконечники. Единственная одежда бушменов – набедренная повязка. У них почти не было утвари, воду держали в скорлупе страусовых яиц. Из нее же делали бусы. Из растительной соломы изготавливали мелкие мешочки и корзиночки. Основное занятие мужчин – охота. Единственным домашним животным была собака, сопровождавшая охотников. Бушмены – очень выносливы и искусны в охоте. Преследуя иногда двое-трое суток антилопу, бушмен, настигнув жертву, мог убить ее ударом камня. Бушмены использовали ловушки, яды, которыми смазывали наконечники стрел. На крупных зверей устраивали облавы, во время которых женщины и дети гнали животное на охотников. Женщины занимались собирательством.

У бушменов не было домов и поселений. Они жили в шалашах или укрывались на ночь в кустарнике, за что и получили свое этническое название от голландцев. Бушмены постоянно воевали с готтентотами, теснившими их в пески Калахари, и с народами банту. Сцены этих сражений сохранились на наскальных рисунках бушменов в Драконовых горах. Из древних районов обитания в бассейне реки Оранжевой бушмены были изгнаны голландскими поселенцами, истреблявшими бушменов как диких зверей. В конце концов они были вытеснены в безводные пески Калахари, где и теперь живут группами по 50–150 человек, объединяющими родственников по мужской линии. Локальная группа передвигается по определенной территории пока там есть пища. В сухое голодное время года группы дробятся на ячейки по 10–12 человек, так как так легче прокормиться, во главе с опытным охотником, и бродят в поисках пищи и воды. Бушмены так ловки, что могут достать воду в пустыне там, где ее не найдут другие люди. Наиболее крупные племена бушменов – кунг, нусан, сарва. Их группы встречаются в западном и центральном районах Ботсваны, соседних районах Намибии и Анголы.

Охотничий культ был основой духовных представлений бушменов. В их картине мира главное место занимали силы природы – солнце, луна, звезды.

В зоне тропического леса небольшими группами рассеяно низкорослое население пигмеев (185 тыс. человек). Это культурно отсталое население, говорящее на языках своих высокорослых соседей. Пигмеи не умеют обрабатывать металл, не занимаются ни земледелием, ни скотоводством и являются охотниками и собирателями тропиков. Они ведут обмен с соседями, получая продукты земледелия

(бананы и овощи), изделия из железа (ножи, наконечники копий и стрел, украшения) взамен добываемого охотой и собирательством.

В основе верований пигмеев – культ охоты. Развито почитание тотемных прародителей – животных и растений.

Наиболее крупная группа пигмеев батва (бачва) рассредоточена к югу от реки Конго.

Первобытный характер культуры пигмеев резко выделяет их среди окружающих народов негроидной расы. Происхождение, антропологический тип этой группы населения Африки и поныне остаются для науки загадкой.

В Южной Африке живет около 80% европейского и 70% азиатского населения всех стран континента. Среди них европейцев большая часть – африканеры (буры), метисы и англоафриканцы.

Более четверти населения Южной Африки придерживается традиционных систем верований. Христианство распространено среди половины населения – европейцев, метисов и части коренных африканцев. 70% индопакистанцев – индуисты. 30% – мусульмане.

Наиболее яркими чертами в ходе исторического и культурного развития Южной Африки были мощные миграционные потоки, смещавшие к югу бушменов, готтентотов, и расселение на их места народов банту. Важным фактором было появление здесь ранних европейских колонистов и основание бурских колоний с быстро развивающимся промышленным и сельским производством и городами. Наконец, Южная Африка — это регион резких контрастов, выразившихся в долгом противостоянии белого меньшинства с политической и экономической властью и черного большинства, загнанного в резерваты. Это регион, где резко противопоставлены богатство европейских городов, населенных белыми, и нищета африканского черного населения.

НАСЕЛЕНИЕ ОСТРОВОВ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА

Население Коморских островов смешанного происхождения. Считается, что первые волны мигрантов, заселившие острова в I тысячелетии н.э., были бантуязычные группы из Восточной Африки. Следующую волну составили мигранты с Мадагаскара. С XV в. появились арабские поселенцы, пришедшие с юга Аравийского полуострова.

Маскаренские и Сейшельские острова до их захвата Англией и Францией были необитаемы. Их теперешнее население – потомки переселенцев с полуострова Индостан, французские и английские колонисты, креолы, китайцы, а также потомки африканцев, малагасийцев, коморцев и др.

Основные занятия населения островов связаны с земледелием, скотоводством, рыболовством и ремеслами.

НАРОДЫ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

В регион Западной Африки входит население Бенина (более 4 млн человек), Буркина Фасо (более 8 млн), Гамбии (670 тыс.), Ганы (около 14 млн), Гвинеи (более 6 млн), Гвинеи-Бисау (около 1 млн), Кабо-Верде (348 тыс.), Кот д'Ивуар (более 11 млн), Либерии (более 2 млн), Мали (около 9 млн), Нигера (более 6 млн), Нигерии (около 102 млн), Сенегала (около 7 млн), Сьерра-Леоне (около 4 млн), Того (более 3 млн человек).

Западная Африка – регион, отличающийся большим многообразием населяющих его народов, языковых семей, антропологических групп, форм хозяйственной деятельности, религиозных представлений.

По территории региона проходит граница расселения представителей двух больших рас — европеоидной и негроидной. В северных областях Мали и Нигера живут туареги, принадлежащие к средиземноморскому типу большой европеоидной расы. Однако большинство народов Западной Африки относится к большой негроидной расе, формирование которой, по-видимому, проходило в бассейнах рек Нигера и Конго.

Большая пестрота этнолингвистической карты Западной Африки — результат длительного исторического развития региона. Постепенно "высыхание" Сахары привело к значительным переселениям народов к югу и юго-западу. Существование в сахельской зоне крупных средневековых государств: Ганы (IV—XI вв.), Мали (III—XV вв.), Сонгаи (XVI—XVII вв.) — способствовало интенсификации процессов этнического сближения внутри них. Широкая завоевательная политика сопровождалась переселениями, созданием поселений пленников иной этнической принадлежности и формированием новых, зависимых "племен". Вовлечение Западной Африки в европейскую работорговлю также внесло заметные изменения в этническую карту региона: исчезли одни, переселились другие, ассимилировались третьи. В XVIII—XIX вв. в ходе войн под лозунгами ислама широко (от Сенегала до Камеруна) расселились фульбе с запада региона.

Языки афразийской семьи представлены берберским языком тамашек (туареги) и языками чадской группы (хауса и др.). Большинство же принадлежит к нигеро-кордофанской семье, к нигеро-конголезской группе. Внутри нее выделяют несколько подгрупп. В гвинейскую подгруппу (ква) входят языки народов Кот д'Ивуар (аброн и др.), Ганы (акан, тви, ашанти, фанти), Бенина (фон). Южной Нигерии (йоруба, ибо, нупе). Верховья рек Сенегала и Гамбии — место проживания народов майде: северные (малинке, бамана, сонинке) в Мали и южные (сосо, кпелле, тома и другие) в Либерии и Сьерра-Леоне и некоторые языки южной Нигерии. В одну подгруппу — западноатлантическую объединяют и языки населения Атлантического побережья от реки Сенегал до Либерии: волоф и серер в Сенегале, баланте в Гвинее-Бисау, киси в Гвинее. Население в излучине Нигера говорит на языках вольтской подгруппы: это моси, гуси, гурма в Буркина-Фасо, бобо, догон, сенуфо в Мали и на севере Кот д'Ивуар. Еще одна значительная языковая подгруппа — бенуэ-конголезская: тив и другие в средней части северной Нигерии.

На языках нило-сахарской семьи говорят сонгаи; канури в Чаде, Нигере, Нигерии (сахарская группа), маба на границах Чада и Судана (группа маба).

Характерная особенность региона, как и всей Тропической Африки — несовпадение этнических территорий и границ государств, искусственно образованных в период колониализма. Эве живут в Того, Гане; хауса в Нигерии, Нигере и других странах; туареги — в Мали, Мавритании, Алжире; сенуфо — в Мали и Кот д'Ивуар и т.д. Некоторые народы Западной Африки (хауса, фульбе, канури) имели письменную литературу, использующую арабскую графическую основу — письмо "аджами". У других народов существовали оригинальные системы передачи информации. Акан широко пользовались "барабанным письмом"; на побережье южной Нигерии было распространено письмо "нсибиди" из упрощенных пиктографических знаков. Близки пиктограммам глиняные барельефы во дворце правителя фон в Дагомее и барельефы из бронзы, как и резьба на слоновых бивнях у йоруба. Слоговое письмо существовало у ваи, менде, тамне в Либерии и Сьерра-Леоне. На гирьках для взвешивания золотого песка у ашанти (Гана) использовалась особая система записи цифр. Однако местные записи информации не получили развития. И они, и "аджами" после колонизации Западной Африки были вытеснены латиницей. Письмо на основе арабской графики сохранилось только в коранических школах. В некоторых странах Гвинейского побережья (Гане, Кот д'Ивуар) были предприняты попытки возрождения языка барабанов.

Северную часть региона занимает Сахара. Южнее расположен пояс саванн, известный как "сахель" (берег — ар.). Еще южнее, вдоль побережья Гвинейского залива — влажные, почти непроходимые экваториальные леса. Занятия и материальная культура народов Западной Африки тесно зависимы от географических условий зоны проживания. Все они занимаются производящим хозяйством.

Скотоводческие народы Западной Африки разводят крупный рогатый скот, главным образом короткорогие породы ("лагун" на всем Гвинейском побережье и "сомба" в Дагомее), но в Гвинее — длиннорогие "ндама". Повсюду выпас крупного рогатого скота сочетается с выпасом коз и овец. В засушливых зонах распространено верблюдоводство. Кочевым скотоводством продолжают заниматься, в частности, фульбе-бороро, тогда как большая часть фульбе, расселившихся по Западной Африке от Сенегала до Камеруна, перешла к отгонному скотоводству. Общие черты скотоводческого хозяйства: отсутствие выраженной мясной и молочной селекции, исключительно пастбищное содержание скота, отсутствие заготовки кормов, низкая товарность. Для скотовода скот — главное достояние и основа его существования. Это самая высокая ценность, и количество его определяет место человека в обществе. Скот также — одежда, обувь, утварь из кожи и шерсти, пища: молоко и реже мясо. Режут скот редко, по поводу рождения, свадьбы, посещения наиболее уважаемых гостей.

Перекочевки скота сезонные. Они связаны с обеспеченностью пастбищами и водой, а также с движениями в зависимости от сухого и влажного сезона мухи цеце, опасной для крупного рогатого скота. Пути перекочетов складывались в течение веков и традиционно используются и сейчас, невзирая на границы. Так, фульбе-бороро кочуют в Нигере, Нигерии, Буркина-Фасо. В особенно сухие и жаркие месяцы выпас производят по ночам. Сейчас практикуется наем пастухов. За годичную работу полагается обеспечение пищей и одеждой, а в конце срока — годовалый бычок, за заботу об особо крупном стаде — бычок-трехлетка.

Большинство фульбе (как в Гвинее, Сенегале, Камеруне) ведут отгонное скотоводство. После окончания сезона дождей и уборки урожая (кукурузы и проса) фульбе уводят свой стада к югу и проводят там сухое время года. На этот период строятся легкие временные жилища, а в основных поселениях остаются старики и дети. С началом дождей скотоводы возвращаются на север, с тем чтобы к началу полевых работ оказаться на месте. Мужчины в это время оставляют скот на попечении юношей и занимаются обработкой полей. Юноши ведут пастьбу скота, угоняя стада по утрам до вечера. С окончанием сезона дождей, примерно в ноябре, и взрослые мужчины фульбе возвращаются к пастушеским обязанностям и вновь уходят на юг.

Земледельцы возделывают и местные и завезенные культуры. В Африке окультурены многие зерновые (сорго, просо, рис, ячмень), клубневые (разные виды ямс), бобовые, масличные (кариге, кунжут, клещевина), разные виды пальм (масличная, финиковая, кокосовая). Местного происхождения гвинейский перец (малагета), кофе (вероятнее всего, из Эфиопии). Из Азии еще в древности сюда попали банан, таро, дагусса (элевзина), во времена арабского завоевания Северной Африки на континент попали гранат, сахарный тростник, лук. Позднее, в XVI в. португальцы завезли маниоку, батат, ананас, кукурузу, а в XVII–XVIII вв. — арахис, авокадо, дынное дерево. Еще позднее из Америки появились какао и томаты, из Индии — манго.

Традиционное африканское земледелие было сосредоточено на производстве пищевых продуктов в размерах, необходимых лишь для пропитания. Технические культуры — хлопок, индиго — возделывали немногие народы. По использованию сельскохозяйственных культур и технологии выделяются зона сухих саванн с производством зерновых и зона влажных районов экваториального пояса, где их место занимают корнеплоды.

Типичные представители земледельцев сухих саванн — хауса. Это многочисленный народ, живущий на севере Нигерии, в Нигере, Камеруне, ЦАР, Чаде. За пределами своей прародины — это купечество, а ныне — коммерсанты, офицеры, лица свободных профессий, правительственные чиновники. Сухие саванны между южной границей Сахары и влажными экваториальными лесами обладают достаточной, но не чрезмерной влажностью. Здесь растут лишь отдельно стоящие деревья или галерейные леса, что позволяет обходиться без трудоемких корчевок.

Ассортимент культурных растений разнообразен. На приусадебных участках сажают овощи лук, помидоры, тыквы, бобовые и т.д. На полях в стороне от поселений возделывают преимущественно разные виды сорго и проса. Почти повсюду выращивают кукурузу, бататы, табак, арахис, хлопок, занимаются и рисосеянием. Издавна здесь разводили индигу для получения синего красителя.

Земли здесь — красноземы с тонким почвенным слоем, что не позволяло пользоваться плугом. Поэтому у хауса (как и у других земледельцев этого пояса — бамбара, сонгаи и др.) главное орудие — мотыга. Однако она разной формы и величины, строго специализирована. Чем тверже почва, тем прочнее и тяжелее рабочая часть мотыги. Мотыга "габдеши" используется для обработки нови. Взрыхляя почву или уничтожая сорняки, берут другую — "кваса дуке" или "магирби". Женщины и дети пользуются легкими "дунга". Особой формы мотыга "сунгулин" служит для выкапывания ямок при посеве. Для работы на рисовых плантациях берут "кваса цайе" или "кумбу". Для прополки полей используют "хауя тсате" и "кальма кворали". Еще один вид мотыги у хауса, который практически не встречается у других народов — большая и тяжелая мотыга с прорезями в рабочей части, через которые можно просеивать землю.

Другие сельскохозяйственные орудия тоже имеют строгую специализацию. Так, одни серпы используются для срезания злаков, другие для уничтожения сорняков на рисовых полях. Для разных культур (риса, листьев пальмы) используются ножи разной формы. Разнообразны и форма и назначение топоров.

Земли после сбора урожая оставляли на несколько лет под залежь. Для удобрения использовалась зола после расчистки целины и выжигания трав и кустарников. Благодаря соседству с фульбе договариваются о выпасе скота на будущих полях, получая, таким образом, удобрение — навоз. Удобряют почвы и перегнивающие стебли, оставляемые на полях. Еще одно средство сохранения плодородия почвы — высаживание одновременно нескольких культур — кукурузы с бобовыми, сорго с камышевидным просом. В наши дни нет возможности осуществлять перелог, падает плодородие почвы, не успевая восстанавливаться, падает и урожайность. В колониальный период много земель было занято под экспортные культуры (прежде всего арахис). Будучи привязаны к мировому рынку, и современные страны Западной Африки вынуждены продолжать занимать земли под эти культуры, иногда даже в ущерб продовольственным.

Кроме трудоемких работ по подготовке поля, все остальное — дело женщин. Они же занимаются сбором плодов и листьев дикорастущих деревьев. Плоды бадия используют для изготовления масла, мазей, свечей; стручки рожкового дерева (белой акации) употребляют как приправу в пищу, варят из них густой сок для обмазки стен; сок тамариндового дерева — прохладительный напиток и средство против лихорадки; из плодов баобаба делают муку, семена используют для приготовления соусов, а листья — для приправ. Почки пальмы делеб употребляют в пищу и изготавливают из них желтую краску и т.п.

Влажные южные районы вдоль Гвинейского залива занимают народы, основными сельскохозяйственными культурами у которых являются клубневые и корнеплоды, масличные пальмы, карите, малагета. Народы Гвинеи, Сенегала, Либерии, Сьерра-Леоне еще в средневековье торговали гвинейским перцем — эти районы на европейских картах отмечались как Перечный берег. А ибибио, кала-

бари и другие народы южной Нигерии издавна возделывали масличную пальму. Лесные области Ганы, современного Бенина, Кот д'Ивуара поставляли на рынки всей Западной Африки орехи кола, содержащие тонизирующие вещества и до сей поры составляющие необходимый продукт на столе западноафриканцев и играющие немалую роль в традиционных ритуалах.

Для пищи земледельческих народов сухих саванн типична кухня хауса. Основной пищевой рацион являются зерновые. Самое главное блюдо — жидкая просяная каша "фура", которую едят с молоком, и "туво" — каша из сорго. В районе Сокото ее варят из риса, а в южных областях — из ямса. Эти каши дополняются острыми приправами и подливами с солью, чесноком, помидорами, пряностями, перцем. У йоруба популярен луковый суп с перцем, рыбой, курицей. Из пшеничной, просяной и кукурузной муки пекут хлеб и лепешки. Широко распространены у всех народов региона "фуфу" — шарики из вареного риса, которые также едят с соусами и подливами.

Пища скотоводческих народов немногим более разнообразна, в основном за счет молока и молочных продуктов. У фульбе, например, молоко употребляется и в свежем, и в кислом виде. Излюбленное блюдо — простокваша, которую едят с фонио, рисом, кукурузой.

У скотоводов берберов и туарегов важный продукт питания — молоко (овечье, козье, верблюжье). Из него сбивают масло, делают острый овечий сыр. Один из важнейших продуктов питания жителей пустыни — финики. Во время длительных переходов употребляется своеобразный концентрат: мясной порошок, смешанный с просяной или пшеничной мукой, его разводят в воде и пьют.

Наиболее искусные ткачи Западной Африки — хауса. Они не только снабжали своими хлопчатобумажными тканями другие народы этого региона, но и продавали в Северную Африку. Виды тканей были разнообразны, яркие, полосатые. Особенно дорого ценилась хлопчатобумажная ткань с вплетением шелковой нити. Самый популярный цвет — от бледно-голубого до густо-синего, интенсивность которого зависела от времени окрашивания — краску получали из индиго. Для красного, зеленого, желтого цветов использовали растительные красители из некоторых видов тростника, корней растения турн, лимонного сока и др. Население целых кварталов в Кано и других городах было занято этим промыслом. Окраску проводили в земляных ямах, выдерживая ткани до 10 дней. Ткацкое дело — мужское. Хауса пользовались довольно широким горизонтальным ткацким станком. У народов Гвинейского побережья (йоруба, акан) мужчины-ткачи ткут на горизонтальных станках, позволяющих получать полосы не шире 30–50 см, поэтому при изготовлении одежды сшивали вдоль несколько полос. В 20–30-х годах нашего века местную тканьну практически вытеснили дешевые английские, американские, японские ситцы, но после второй мировой войны в связи с сокращением импорта местами вновь возродилось ткачество.

Фульбе, туареги, хауса — искусные кожевники. Они изготавливали большие кожаные сумки, переплеты для них, пояса, седла, сандалии, высокие сапоги для верховой езды, мешки для перевозки тяжестей и т.п. Кожевники хауса, работающие и ныне, достигли большого мастерства в обработке кожи. Окрашенные в красные, зеленые, желтые цвета, тонко выделанный сафьян был издавна и остается одним из важных товаров для Северной Африки. Из бычьей кожи изготавливают плотные, но очень тонкие, почти прозрачные сосуды "танду" для меда и масла, коробочки, футляры.

Традиционная одежда всегда не только выполняла чисто утилитарные функции (защита от холода, жары или непогоды), но и являлась, как и прическа, этническим и социальным показателем. Ныне, однако, эта смысловая нагрузка утрачена, и одежду одного типа носят представители разных народов страны. Некоторые виды народной одежды особенно популярны в Западной Африке.

Таковы "кенте" ашанти — неспитая одежда, большое полотнище ткани около 4 м длиной и около 2,5 м шириной, изготовленное из многих (до 24) полос ткани. Прежде цвет и символика узоров были строго регламентированы. Большие "кенте" — мужская одежда. Им обертывают тело на уровне груди и конец перекидывают через левое плечо. Женское "кенте" состоит из двух кусков — один обертывают вокруг пояса, другой — вокруг груди. Третий кусок используют, чтобы привязывать к спине младенца или в качестве искусно и причудливо завязанного головного платка. Замужние женщины обычно носят одежду из ткани с одинаковым узором, девушки — с разным.

Традиционная верхняя мужская одежда хауса — шаровары и длинная свободная рубаша "тобе" с большим вышитым карманом на левой стороне груди. Поверх нее носят свободное широкое одеяние без рукавов, но сшитое по бокам. Традиционные цвета — от бледно-голубого до темно-синего. Ныне такого рода рубаша под общим названием "бубу" популярны, особенно среди фульбе, волоф, мандинго. Не существует предпочтительных цветов (любые оттенки пастельных или интенсивных тонов) и тканей (от грубой холстины до белого гипюра).

Разнообразны типы мужской одежды у йорубов (более 30 видов). Наиболее распространенный — широкие суженные к икре или щиколотке шаровары, просторная рубаша ниже талии и поверх рубаша ниже колен без рукавов или с широкими рукавами, уложенными мягкими складками на плечах ("агдаба").

Одно из самых развитых и древних ремесел — металлургия и обработка металлов. Вначале медь, железо и сплавы использовались главным образом для изготовления культовых предметов. Наибольшей древностью отличается обработка металлов в Нигерии (у народов бини и йоруба). Это ритуальные колокольца, топоры, скульптурные изображения людей и животных. Главные центры этого искусства — города Бенин и Ифе. На всем протяжении Гвинейского побережья — зона мелкой пластики. Гирики для взвешивания золотого песка ашанти (Гана) представляют собой миниатюрные скульптурные изображения, иллюстрирующие пословицы и поговорки. Ныне мелкая пластика, представляющая собой жанровые картинки, популярна в Камеруне. И крупные изделия Бенина и Ифе, и мелкая пластика народов Гвинейского побережья изготавливались техникой "потерянного воска". Орудия труда (рабочие части мотыг, ножи, наконечники стрел и копий, лезвия топоров) делались методомковки. Ювелиры делали из меди, железа, бронзы, золота, серебра браслеты, кольца, шпильки для волос. Ныне искусство металлургии утрачено, кузнецы, еще сохранившиеся в глубинке, работают на металлическом ломе.

В лесной зоне (особенно у йоруба) кузнечное ремесло было окружено уважением и даже поклонением. Напротив, в сахельской зоне люди, занимавшиеся плавкой и обработкой металла, составляли низшую касту, их презирали и одновременно побаивались. Традиционно жены кузнецов занимались гончарством. Здесь не знали гончарного круга, основная техника — изготовление керамики налепом.

Резьба по дереву — столь же древнее искусство. Из дерева резали табуреты, подголовники, чаши, кубки, разнообразные коробочки. Они украшались зоо- или антропоморфной резьбой, или — в зонах преобладания ислама — геометрическим или растительным орнаментом. Делали и крупные вещи — барабаны и пироги. Наиболее искусные резчики по дереву — сенуфо, догон, бамбара, ашанти. У бамбара и сенуфо распространены были прорезные маски-наголовники. Народы лесной зоны изготавливали маски-личины, деревянные основы которых декорировались раскраской, кожей, металлом, растительными волокнами, раковинами каури.

Тип жилища зависит от хозяйственной деятельности, от этнических предпочтений и от строительного материала. Кочевники пустыни и сахеля сооружают легкие переносные жилища, крытые шкурами, циновками или ковровыми тканями. В районах полупустынь и земледельцы, и оседлые или полuosедлые скотоводы

используют при строительстве жилищ глину, камень, кустарники и низкие травы; в районе саванн — дерево; а для покрытия крыши — стебли проса, хлопка и других растений; в лесных районах основными материалами являются пальма ротан, рафия, бамбук, листья банана и фикусовых. Основную работу по постройке дома выполняют мужчины, а завершают (покрывают листьями или соломой, обмазывают и украшают) женщины. У многих народов на севере Камеруна, в средней части Нигерии, в Мали, Буркина Фасо хижины круглые в плане. У хауса, народов группы акан, йоруба отдельные помещения прилепляются друг к другу, выходами во внутренний двор, и вся усадьба представляет собой замкнутый многоугольник. И в таких жилищах, и в усадьбах из круглых хижин, обнесенных изгородью, часто имеется "проходная" хижина. Так, у манде гостей принимают в такой "бунум", не всегда приглашая их во внутренние помещения "сукала" — жилого комплекса. Глинобитные жилища часто украшаются росписью (у ашанти) или барельефами (хауса и нупе). В сахельской зоне сложился особый "суданский" стиль, характеризующийся зубцами по краям крыши: таковы городские жилища хауса и старые мечети городов Дженне, Томбукту, Гао.

Некоторые народы Западной Африки в прошлом имели развитые политические образования. У сонинке, малинке, сонгаи существовали государства Мали, Гана, Сонгаи, которые объединяли и другие народы этой области. Были свои политические объединения у моси, хауса, фульбе, йоруба, фон и других. Однако и у этих, и у народов, не достигших этой стадии общественного развития, сохранялись большие семьи, кланы и линиджи. Клан — довольно крупная группа родственных семей, сохраняющих память об общем предке, в него входит несколько линиджей — более мелких групп. Родство чаще считается по мужской линии, но у ряда народов Гвинейского побережья сохраняется материнский счет родства. И в том, и в другом случае существуют строгие брачные запреты на союзы между родственниками до пятого—седьмого колена. Сохраняются сорорат, левират, отношения "шуточного родства", традиционные полигамные семьи, официально вытесняемые у христиан моногамными. Свадьба — результат договора семей, а то и кланов. Отец или дядя (в матрилинейных обществах) жениха выплачивает выкуп (у скотоводов — скотом, у земледельцев и горожан чаще в денежной форме). Распространен "обменный" брак.

В наиболее нетронутом виде долее всего большие неразделенные семьи существовали у народов, не имевших государственности (у северных народов Ганы, тив в Нигерии, гуро и бегие в Кот д'Ивуар и др.). У других народов большие семьи, господствовавшие в прошлом, ныне разделены. Так, у хауса при сохранении значения большесемейной "ганду" выделяется хозяйство малой семьи — "ийяли". Идет заметный переход к преимущественному значению малой семьи у большинства народов региона.

Значительное число жителей Западной Африки сохраняют традиционные верования. Распространены культ предков, племенные культы, вера в духов природы, фетишизм и т.п. Некоторые народы знали и довольно развитые политеистические религии. До наших дней существует политеизм у акан (Кот д'Ивуар и Гана) с сонмом богов во главе с небесным божеством Ньяме. Наиболее развит пантеон у йоруба. У них выделились великие боги: господин неба Олорун, господин земли Обатала, бог воды Олокун, богиня домашнего очага Олораза, бог железа и войны Огун и т.д. В наши дни вера в них трансформируется и модифицируется: так, Огун стал и покровителем механиков и шоферов. У народов, создавших в доколониальный период государства (моси, ашанти, йоруба, фон и др.), складывался культ священного правителя, формировалось жречество. До наших дней сохранились тайные союзы: мужской Поро и женский Бунду у народов Либерии, Сьерра-Леоне. Широко распространена вера в магию, обереги, талисманы, колдовство. Местных традиционных культов придерживается большинство населения Либерии (три четверти), Кот д'Ивуар (более двух третей), Буркина Фасо и Ганы (более трех

четвертей), Нигерии и Гвинеи-Бисау (около половины) и "языческие" по преимуществу народы догон, акан, баланте, йоруба, моси.

Ислам в Западной Африке имеет длительную историю. Будучи привнесенным в IX-X вв. мусульманскими купцами из Северной Африки, с которой у народов Западной Африки существовали давние торговые связи, он довольно быстро распространился по всей сахельской зоне. Во многих доколониальных государствах он стал государственной религией. Ислам здесь не столь ортодоксален, как на Ближнем Востоке и в Северной Африке, он впитал и множество элементов традиционных верований. Мусульмане Западной Африки – сунниты. Они живут в основном в сахельской зоне и на западе региона. В таких странах, как Сенегал, Гамбия, Гвинея, Мали, Нигер, мусульмане составляют подавляющее большинство населения (в Сенегале около 80%, Нигере – 96%, Гамбии – 80% и т.д.). В Нигерии почти половина жителей (в основном на севере), в Буркина Фасо и Гане – около 20%. Волоф, фульбе, хауса, тукулер – народы или полностью, или в большинстве своем мусульманские. За долгую историю ислам стал восприниматься как "своя" религия и был знаменем сопротивления европейским колонизаторам XIX века. Мусульманские марабуты пользуются не только всеобщим уважением, но и играют немалую роль в политической жизни стран с преобладающим исламским населением.

В регионе также представлены разные направления христианства: католичество, протестантизм: евангелизм, англиканство. После второй мировой войны активно (особенно католиками) проводится "африканизация" церкви, появились африканцы-архиепископы и даже кардинал. Ни в одной стране Западной Африки христиане не составляют большинства. Наибольшее их число в Бенине (свыше 10%) и Гане (около 17%). Преобладание католиков или протестантов в христианском населении той или иной страны исторически связано с ее колониальным прошлым: бывшие колонии Франции имеют больше католиков, Англии – протестантов.

В начале века и первой его половине в некоторых районах Западной Африки (на юге Ганы и в южных областях Нигерии) получили распространение афро-христианские секты, синкретически объединившие догматику и культовые ритуалы христианства и местных традиционных религий. Они возникали как своеобразные формы протеста при отсутствии политических партий и сыграли немалую роль в национально-освободительном движении. Ныне они в большинстве своем объединяют по несколько десятков тысяч человек и не играют существенной роли в общественной жизни своих стран.

Народы Западной Африки оставили и памятники культуры. Архитектурная традиция Бенина, Мали и Сонгаи питает и современных архитекторов, старающихся сохранить "суданский" стиль. Они используют и традиции ашанти и хауса, затейливо украшавших стены.

Сказители-гриоты передавали из поколения в поколение исторические предания, эпические сказания, слагали песни и сказки. Их мотивы, творчески перерабатывая, используют современные писатели Леопольд Сенгор, Воле Шонинка, Чинуа Ачебе, Бернар Дадье и др. Во многих странах созданы фольклорные ансамбли. Театры ставят как переводные, так и оригинальные пьесы. Новые направления в современном искусстве – живопись и кинематография. Скульпторы и художники (как, например, Эквенси) известны и за пределами континента, как и молодая кинематография Ганы, Сенегала, Буркина Фасо.

НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКИ

В регион Центральной Африки входит население Анголы (более 9 млн человек), Габона (более 1 млн), Заира (более 32 млн), Камеруна (около 11 млн), Конго (около 2 млн), Сан-Томе и Принсипи (103 тыс.), Центрально-Африканской Республики – ЦАР (около 3 млн), Чада (более 5 млн), Экваториальной Гвинеи (410 тыс. человек).

Большинство населения стран, входящих в Центральную Африку, принадлежит к большой негроидной расе. В северных районах у отдельных народов (тубу, канури и др.) в той или иной степени заметна примесь европеоидности. Эти народы отличаются от типичных негроидов более светлой кожей, менее курчавыми волосами, более узким носом, реже встречается prognatism.

На границах с Западной Африкой внутри региона расселения большой негроидной расы распространен чадский антропологический тип (хауса), восточнее – сахарский (сара). Большинство же принадлежит к лесному, или гвинейскому типу, который характеризуется наиболее ярко выраженными негроидными признаками. В экваториальных лесах живут пигмеи – представители малой центрально-африканской расы. Они отличаются низким ростом (в среднем 145 см), сравнительно светлой кожей желтоватого или красноватого оттенка; меньшим, чем у негроидов prognatismом, узкими губами.

Этнолингвистическая карта Центральной Африки однороднее, чем Западной Африки. Большинство народов говорят на языках бенуэ-конголезской группы нигеро-кордофанской языковой семьи (известной как банту).

На языках, принадлежащих к адамауа-восточной группе этой же языковой семьи, говорит население нагорья Адамауа в северном Камеруне, ЦАР, крайнего севера Заира (бамум, банда, азанде, сере-мунду, пигмеи, живущие на границах с Суданом). В Камеруне живут фульбе, язык которых принадлежит к западно-атлантической группе.

На севере распространены языки афразийской семьи (хауса, котоко и др.); нило-сахарская семья языков представлена сахарской группой (канури, тубу), шаринильской группой (багирми, сара, мору-мангбету, живущие среди последних пигмеев).

Все языки региона (за исключением канури) до недавнего времени были бесписьменными. Слоговое письмо бамум (Камерун), созданное в начале XX в., просуществовало лишь несколько десятилетий. Ныне разработана письменность на основе латинской графики.

Большое распространение получил ряд языков межэтнического общения. На севере это хауса, в центре региона – лингала, в восточных областях Заира – кингвана, один из диалектов суахили.

Большую часть региона занимают экваториальные леса и обрамляющие их влажные саванны. За ними следует пояс сухих саванн (к югу, востоку и северу). На севере они вплотную подходят к пустыням. Народы Центральной Африки занимаются как присваивающим хозяйством (пигмеи), так и производящим – земледелием и частично (на севере региона) скотоводством. В традиционном хозяйстве преобладали экофильные черты: у охотников запрещалось убивать без нужды животных; земледельцы следили за восстановлением плодородия почвы; скотоводы разрабатывали твердые маршруты перекочевок, следили за сохранностью пастбищ и колодцев. С введением монокультур в сельское хозяйство колоний Африки, появлением частной собственности на землю, демографическим давлением, приведшими к невозможности перелога, экологическая ситуация ухудшилась. Интенсивно идет опустынивание, падает плодородие почвы, вырубаются леса – легкие не только Африки, но и всей планеты.

Пигмеи представляют собой особый охотничье-собираТЕЛЬСКИЙ ХКТ. Когда-то пигмеев занимали обширные пространства Центральной Африки, но были оттеснены

негроидами-земледельцами к самой границе, а затем и вглубь экваториальных лесов. Их отдельные группы живут в Заире, Камеруне, Габоне, Конго, Руанде, Уганде, Бурунди. Основными занятиями остаются охота и собирательство. Они знают загонную охоту, охоту вдогон, используют сети и разнообразные ловушки. Основное оружие – небольшие копья и луки со стрелами. Более 70% пищевого рациона составляют продукты собирательства. Охота – мужское занятие у пигмеев, собирательство – женское. Пигмеи ведут полукочевой образ жизни. Основа хозяйственной и общественной жизни – группа из 6–7 малых семей, кочующих совместно. Она может распадаться и возникать вновь в другом составе в зависимости от обеспеченности территории дичью. Наследование и счет родства идут по мужской линии, поселения вирилокальны.

Пигмеи знают лишь коллективную собственность. Обычное право пигмеев экологично: самыми серьезными проступками считаются неоправданное убийство животных без нужды в мясной пище; рубка деревьев; загрязнение проточной воды. Самая суровая кара – изгнание, запрещение охотиться вместе с группой.

С высокорослыми соседями они связаны отношениями серважа. В раннегосударственных объединениях конго и мангбету их привлекали к военной службе, используя прекрасное знание местности и охотничью ловкость. Попытки наделять пигмеев землей, вовлекать в работу по найму, как правило, не удавались. Большинство пигмеев предпочитает вести традиционный образ жизни. Ныне осложняет положение пигмеев то обстоятельство, что почти во всех странах территории их обитания попали в национальные парки, где запрещена охота на крупных животных. Наиболее изолированными остаются пигмеи в бессейне реки Итури (Заир). В Камеруне и Конго идут попытки вовлечения пигмеев в современную жизнь.

Большинство народов Центральной Африки занимается мотыжным земледелием экваториального пояса. Здесь возделываются и зерновые: просяные культуры, кукуруза; но на первое место все же выдвигаются корнеплоды и клубневые – бататы, ямс, таро, кассава. Широкое распространение имеют и бобовые (фасоль, бобы, арахис), огородные культуры (в том числе огурцы и тыквы), фруктовые деревья и пальмы (кокосовая и масличная), дерево кола, цитрусовые, бананы. В традиционном земледелии существовала разработанная система и целый цикл смены растений на одном поле.

Дифференциации сельскохозяйственных орудий (как у хауса в Западной Африке) здесь не знают. Главное орудие для обработки земли и ухода за посевами – мотыга, вид которой варьируется от народа к народу: у конго с круглой рабочей частью, у мбунду – двуручная с треугольной. Система традиционного земледелия (переложного подсеčno-огневого типа) здесь требует больших усилий и затрат энергии; рубка деревьев, корчевка пней, расчистка будущего поля – дело мужчин. Остальные виды работ в земледелии лежат на плечах женщин.

Традиционно использовали чередование культур или, чаще, одновременное высаживание нескольких – так повышалось плодородие почвы, поля меньше засорялись сорняками, повышалась устойчивость к вредителям. Соблюдается строгое чередование работ по сезонам. Конго во время "массанза" (январь и февраль) сажают фасоль и кукурузу, в это же время закладываются плантации бананов. В течение "кунди" (март–апрель) занимаются уходом за посадками, прополкой. "Кинтомбу" – самый жаркий сезон (май–июнь) – некоторый перерыв в интенсивности полевых работ. В сезон "сейву" (июль–август) занимаются сбором урожая зерновых, делают посадки во влажных низинах по берегам рек. В сезоне "пиаза" (сентябрь–октябрь) с первыми дождями высаживают черенки маниоки, готовят землю для новых посевов. Завершается год "нкиала" (ноябрь–декабрь), когда засевают зерновые и бобовые. Как правило, в экваториальной зоне можно получать по два урожая в год.

Лишь на самом севере Центральной Африки, в Чаде, ЦАР, северной части Камеруна сара, тубу, фульбе занимаются скотоводством. Здесь выпасают те же породы крупного рогатого скота, что и пастушеские народы Западной Африки. Вместе с коровами в стаде всегда есть овцы. Встречаются и верблюжьи стада. В остальной части Центральной Африки скотоводство невозможно. Большая часть региона покрыта влажными экваториальными лесами. В полосе же саванн, особенно к югу от пояса лесов, разводят лишь коз и изредка овец, так как крупный рогатый скот подвержен заболеваниям, переносчиком которых является муха цеце.

Народы Центральной Африки славятся деревянной скульптурой. Стиль луба представлен деревянными ритуальными чашами, резными табуретами и скамеечками, подголовниками, украшенными скульптурными изображениями животных: антилоп или сплетенных змей. Куба создали галерею портретных скульптурных изображений правителей.

У народов этого региона не существовало столь разнообразного литья из металла, как в Западной Африке, но кузнечное дело было также почетным и распространенным ремеслом. Юго-восточные области Заира издавна снабжали рудами всю Центральную Африку. Кузнецы не только выковывали оружие и орудия труда, но умели вытягивать проволоку и инкрустировать ею парадные ножи (конго, куба, луба).

Ткачи работали на вертикальных станках, сырьем служили листья пальмы-рафии. Европейские путешественники прошлого века утверждали, что здешние ткани не уступали европейским. Пигмеи выделяют "мбугу" из луба фикусовых. Ныне ткачество вытеснено импортными тканями. Пальма-рафия давала и сырье для плетения: от толстых стен жилищ конго до корзин и стаканов столь плотного плетения, что в них можно было хранить сыпучие материалы.

Перед употреблением листья пальмы-рафии подвергались сложной обработке. Так, куба брали молодые листья, на которых делали надрезы и затем снимали тонкую кожу. Ее засушивали, разрезали на тонкие ремешки, которые сплетали в длинные нити. Растительные волокна раскрашивали. Связав пучками, их на несколько дней опускали в болотную воду. В зависимости от времени пребывания в ней принимали черный, коричневый или красно-коричневый цвет. В качестве красителей использовали также охру и окись железа. Ткачество считалось мужским ремеслом, но все последующие операции (размягчение особыми колотушками, окраску с нанесением рисунка, вышивку и т.д.) делали женщины.

Основой пищи пигмеев являются продукты охоты и собирательства. Мясо убитого животного сразу же съедается всей охотничьей группой. Его обжаривают над огнем или кусками запекают в золе очага. Так же готовят крупные клубни и корни, некоторые сорта бананов, которые нельзя есть сырыми. Более мелкие продукты: термитов, кузнечиков, гусениц – заворачивают в крупные листья, такой пакет скрепляется черенками, затем его укладывают возле тлеющего огня и прожаривают. Вместо соли пользуются золой растений. Единственный напиток – вода.

У земледельцев экваториального пояса главное место в пищевом рационе занимают клубневые и корнеплоды: ямс, маниока, кассава. Перед употреблением в пищу маниоку и кассаву вымачивают, так как некоторые виды содержат алкалоиды. Затем клубни разрезают, рубят в деревянном корыте, растирают деревянными пестиками. Полученную тестообразную массу месят, скатывают в жгуты, обертывают банановыми листьями, перевязывают и варят на пару. Так, конго готовят "чикванго" – хлеб из маниоки. Высушивая размельченную массу, получают тапиоку – муку из маниоки. Из нее варят "пате" – кашу, которая в сочетании с соусами, курицей или рыбой составляет основу экваториальной кухни. Едят также козлятину, баранину, охотничью добычу. Нередко недостаток животной пищи и земледельческие народы восполняют за счет термитов, саранчи.

Традиционная одежда народов Центральной Африки – поясная: у мужчин – набедренная повязка или несшитая юбка, у женщин – несшитое полотнище, закрепляемое вокруг груди и оставляющее открытыми плечи. Лишь на севере региона носили и плечевую одежду. Пигмеи ограничивались передниками из кожи или травы. Ныне она практически вытеснена одеждой европейского типа. В Заире и Конго народной одеждой считаются легкие брюки и рубаша с открытым воротом и короткими рукавами у мужчин из легкой одноцветной ткани и длинные платья или юбки с блузами из ярких многоцветных тканей у женщин.

В Центральной Африке встречается и квадратное в плане и круглое жилище. Первый тип характерен для ряда народов бассейна реки Конго (конго, куба и др.), второй – более распространен. Строительный материал – глина или камень на севере региона; дерево, циновки для стен, тростник, травы и пальмовые листья – в лесистых районах. У бамилеке Камеруна жилища украшались резными деревянными столбами-опорами и косяками дверей; у куба – искусно плетеными из разноцветного тростника стенами. Несколько таких жилищ, обнесенных изгородью, занимала одна семья. В условиях переложного земледелия и достаточных свободных земель преобладало хуторское поселение. Ныне они становятся более компактными. Наиболее типичная планировка поселений – кругового плана с открытой площадкой посреди деревни. На ней обычно росло старое дерево, строился открытый навес, где работали ремесленники и собирались члены общины.

В Центральной Африке существовали до колонизации самостоятельные политические объединения – ламидаты фульбе в Камеруне, Багирми на севере региона, Конго, Луба, Куба, Лунда у народов бассейна реки Конго. И ныне сохраняется память о них и правящих когда-то династиях. Сохраняет свое значение и община, которая, по представлениям ее членов, включала не только живых, но и умерших, духи которых считались подлинными собственниками общинных земель и угодий. Перед началом сельскохозяйственных работ испрашивалось разрешение у них. Проведение этих церемоний с просьбами об урожае, с благодарственными ритуалами было обязанностью "владыки земли", принадлежащего к роду первопоселенцев. Такие церемонии, проводимые "владыками земли" и сопровождавшиеся принесением жертв духам предков (маниоковой каши, пива, зерна и т.п.) перед началом сельскохозяйственных работ или рыбной ловли, а также в праздник первинок, у некоторых народов (особенно в зоне южных саванн) продолжались вплоть до середины нашего века.

Большесемейные связи сохраняются лишь в социальной сфере – есть чувство родства, близости и как следствие право и обязанность взаимопомощи, иногда существует и общая касса. Все хозяйственные работы (за исключением случаев "помочи": при строительстве дома или подъеме нови) проводятся силами малых семей. Традиционно полигамные семьи вытесняются в среде христиан (а их большинство) моногамными. У многих народов Центральной Африки (главным образом лесной зоны) сохраняется материнский счет родства и уксиролокальное поселение. Дети после 10 лет уходят жить к братьям матери, а их место занимают племянники. Главой семьи считается дядя – брат матери. Женщина в браке сохраняет известную самостоятельность, она имеет в собственности и орудия, и плоды своего труда, доступен и развод по инициативе женщины. В наши дни материнское право постепенно вытесняется отцовским.

Большинство народов Центральной Африки сохраняет местные традиционные верования. Вера в духов природы, культ предков, фетишизм, вера в магию и колдовство, талисманы и обереги еще сильны. У народов, создавших в доколониальную эпоху собственные государства (конго, куба, лунда, луба), сложился и культ священного правителя. Однако ни у одного народа Центральной Африки не развился политеизм. Все верования сохраняли локальный характер и не выходили за пределы расселения одного народа. Даже у разных этнических групп внутри

одного народа (например, конго) существовали разные формы культа и разные космогонические и антропологические мифы. Почти у всех народов Центральной Африки, исповедующих местные традиционные культы, есть представление о создателе мира – его называют Нзамби, Ньямбе и т.д.

Последователи местных традиционных культов живут во всех странах региона и в некоторых составляют большинство населения (в ЦАР – более двух третей; в Камеруне, Габоне, Конго – примерно половина). Это фанг, мпонгве, монго, нгала, часть конго и лунда, в Анголе – около половины населения, больше всего на востоке и юге.

Ислам распространен по окраинам региона – на севере, крайнем востоке и юго-востоке и играет в жизни народов Центральной Африки незначительную роль. Исключение составляют Чад (около 60% населения) и Камерун (более 20%). Здесь ислам имеет долгую историю – со времен средневековья. На восток и юго-восток эта религия проникла во второй половине прошлого века с расцветом арабско-суахильской торговли (провинции Шаба и Киву в Заире).

Христианство еще на рубеже XV–XVI вв. стало государственной религией в Конго, однако после распада государства Конго в начале XVIII в. лишилось опоры и практически исчезло. В период колониального раздела Африки в регионе в результате работы католических и протестантских миссий вновь появились христиане. Самый большой процент христиан – в Габоне (более 50%), Заире (около 45%), Камеруне, Конго (по 30–35%), Анголе (более 50%). Это конго, вили, мбунду, лунда, авимбунду, амбунду и др. Большинство христиан в Центральной Африке – католики; в отпавлении культа, обрядности, подготовке кадров Ватикан проводит активную "африканизацию". Число протестантов значительно только в Габоне и Камеруне, что исторически связано с деятельностью немецких миссионерских обществ.

В истории и современной жизни некоторых стран региона большую роль играли и продолжают играть христианско-африканские секты. Наибольшее значение имели матсванизм (Конго) и кимбангизм (Заир). Последнее направление получило и государственную поддержку и зарегистрировано как самостоятельная церковь. Нередко возникают и новые секты, особенно в восточных районах Заира (Китавала, церковь Лумпа, созданная в Восточной Африке, но имевшая приверженцев и в Заире и т.д.).

Современные деятели культуры народов Центральной Африки развивают народные традиции. На основе богатого устного творчества выросли интересные поэты и писатели, нередко сочетающие занятия литературой с активной общественной деятельностью. Многие творческие коллективы, как национальный балет Заира, сохраняют музыкальное наследие. В традиции народного творчества уходят корнями развивающаяся скульптура и живопись. Современная скульптура продолжает деревянную скульптуру народов бассейна рек Конго, особенно стили луба и куба. У живописи нет столь прямых истоков, но творчество художников питают традиции цветовых сочетаний, графичность ремесленных изделий. Особенно заметно это в работах последователей школы Пото-Пото, возникшей в Браззавиле (Конго).

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ АФРИКЕ

После обретения независимости бывшими колониями этническое развитие пошло нелегким путем. Преобладание на первых порах на государственных постах представителей определенного народа (конго в Конго; бауле в Республике Кот д'Ивуар; темне в Сьерра-Леоне; хауса и йоруба в Нигерии; фульбе в некоторых странах бывшей французской Западной Африки; бемба в Замбии; тутси в Руанде и Бурунди и т.д.) вызывало оппозицию других народов. Осложняющими факторами были и формирование армий по племенному признаку, и принятие в них одного

языка в ущерб другим; продолжение существования союзов и партий на узкоэтнической основе; создание административного деления без учета расселения отдельных этносов и т.п. Усиление центробежных тенденций оказало негативное влияние на консолидационные и интеграционные процессы. Во многих случаях они (вместе с социальными и экономическими причинами) приводили к осложнению внутривнутриполитического положения страны и острым столкновениям между различными народами, населяющими одну страну, приводящим к государственным переворотам (НРК, Бенине, Чаде, Нигерии, Уганде, Гане и др.); требованиям создания новых государств народами, разделенными границами (такие цели ставили Союз народа эве и АБАКО, различные фронты освобождения в Эфиопии и т.п.).

Иногда дело доходило и до вооруженной борьбы, как это было в Нигерии в 1966–1970 гг.; Судане в 60-х годах; Республике Конго (современный Заир) в 1960–1964 гг.; Уганде в 70-х годах; Республике Чад, где с 1965 г. идет война; или межгосударственных конфликтов (Эфиопия, Кения, Сомали). Не удалось добиться и создания единой "африканской нации" и "единого африканского государства", о чем мечтали деятели panaфриканизма. Государства Африки в рамках Организации Африканского Единства приняли решение не пересматривать старые границы в соответствии с расселением отдельных народов.

Создание в этих границах единых общностей – цель национальной политики всех независимых правительств Африки. Широкое распространение получил лозунг "одна страна – одна нация". Действительное этническое развитие в Африке значительно сложнее и противоречивее. На этом континенте можно видеть все процессы этнического развития: и размежевание (самостоятельное развитие отдельных частей одного народа в границах разных государств); и сближение: и ассимиляцию, и консолидацию, и интеграцию. Так, национальное развитие эве идет в рамках разных государств. Во многих странах проходит параллельно, с одной стороны, консолидация мелких народов вокруг одного или нескольких крупных (бауле в Кот д'Ивуар; шона в Зимбабве и т.п.); с другой – рост самосознания средних и небольших, ранее бывших подавленных крупными народами (например, в Нигерии или Эфиопии).

Процессы этнического сближения идут, как правило, вокруг высокоразвитых народов, имевших в прошлом собственные более или менее крупные и мощные политические объединения. В Гвинее – вокруг киси и сусу, поглощающих бага, лан-дума и др.; в северном Судане – вокруг арабов, поглощающих нубийцев и беджа. Ту же роль в Республике Кот д'Ивуар играют бауле; в Мали – фульбе и бамана; в Нигерии – хауса, ибо и йоруба; в Заире – конго и луба; в Эфиопии – амхара; на Мадагаскаре – имерина и т.д.

Ускорению интеграционных процессов способствует принятие в качестве основного или второго государственного языка одного из местных языков. В некоторых случаях утверждается в таком качестве язык, ставший языком внутривнутригосударственного общения, понятный большинству населения (малагаси на Мадагаскаре; арабский в Мавритании), в других случаях – наиболее социолексически развитый, как суахили в Танзании и Кении. Однако и в том, и в другом случае еще сохраняет свои позиции язык бывшей метрополии. В большинстве же африканских стран довольно сложно выбрать единый язык. Иногда предлагают в качестве государственного несколько (йоруба, хауса, ибо в Нигерии; арабский, тамашек, бамана, фульфульде в Мали и т.п.); обсуждается и возможность принятия чужого, но африканского языка (суахили в Конго). Этот процесс идет непросто, иногда и с попятным движением. Так, утрачивает свои позиции амхарский язык в Эфиопии. Подъем национального самосознания хамахарских народов после падения авторитарного режима Мынгисту Хайле Марьям привел к требованиям замены его как общегосударственного английского и повышения статуса иных языков народов Эфиопии.

Осложняют картину и все более усиливающиеся миграции как внутри отдельных стран, так и между странами. Продолжаются начавшиеся еще много десятилетий назад временные (постепенно превращающиеся в постоянные) потоки сезонных рабочих на плантации кофе и какао (Гана, Кот д'Ивуар и другие страны Западной Африки) или на рудники и предприятия горнодобывающей промышленности (ЮАР, Заир, Зимбабве, Замбия), что приводит к созданию анклавов пришлого населения иной этничности. После второй мировой войны усилилось демографическое давление, связанное с демографическим взрывом, что также привело к значительным перемещениям населения. Африка занимает второе место в мире по темпам прироста населения: 3,1% в 1980–1985 гг., тогда как в арабских странах – 3,39%, в Латинской Америке – 2,3%, Азии – 1,7%, Северной Америке – 0,89%, Европе – 0,33%. Эта тенденция несколько снизилась за последние годы, но не прекратилась.

Фактором, усиливающим миграционные процессы, явилась многолетняя засуха. В результате ее многие жители пострадавших районов были вынуждены покидать родные места; а в Эфиопии была осуществлена правительственная программа переселения. В результате на юге Эфиопии сейчас немало тиграйцев и других северян, а туареги Сахары обосновались не только в зонах традиционного земледелия, но и в городах Гвинейского побережья (Дуала, Абиджан).

В Северной, Западной Африке, на побережье Восточной городская цивилизация имеет длительную историю; в Центральной и Южной урбанизация – сравнительно недавнее явление. В наши дни темпы прироста городского населения высоки – до 4,1% в год. Размещено городское население неравномерно. Низкий уровень урбанизации (5–10% населения страны), например, в Нигере, Чаде, Мали; средний (10–20%) – в Бенине, Гамбии, Камеруне и др.; высокий (20–40%) – в Сенегале, Нигерии, Заире и др. Характерная черта урбанизации в Африке – сосредоточение более половины всего населения в крупных (иногда одном-двух) городах, от 60% (как в Нигерии, Камеруне или Заире) до 80–90% (как в БСК, Гвинее или ЦАР). В Африке есть и города с многомиллионным населением – Каир, Александрия, Лагос, Киншаса.

Двойственную роль в этническом развитии современных народов Африки играют города и процессы усиливающейся урбанизации. С одной стороны, в городах обостряется чувство принадлежности к определенному этносу в противовес чужакам, усиливается чувство этнического самосознания. Долгое время выходцы из разных этносов даже селились в разных кварталах, большое значение в их жизни играли союзы единоплеменников, сохранялась духовная связь с деревенскими родичами. С другой стороны, сама жизнь в городе, постоянные столкновения как на работе, так и в быту с представителями разных народов приводят к разрушению чувства этнической обособленности, нарушается изолированность земляческих союзов, происходит и культурное взаимовлияние.

Легко заметить две тенденции этнокультурного развития. С одной стороны, происходит нивелировка, стандартизация, испытывающая большое влияние европейской (точнее интернациональной) культуры. Это особенно заметно в материальной культуре: жилищах, одежде и т.п. В некоторых странах (например, Мозамбике) традиционная одежда утрачена. В других, как у гереро, женский европейский костюм времен колонизации (длинные юбки и узкие строгие блузы-лифы) воспринимается как национальный. Нередко во многих странах Африки сочетание традиционной и европейской одежды: рубаша и мужская юбка у сомалийцев; длинная рубаша и пиджак на Занзибаре; европейский костюм и "кенте" поверх него в Гане и т.п.

С другой стороны, происходит взаимовлияние культур разных местных этносов. Народная одежда становится общенациональной (как амхарская "шамма" у всех народов Эфиопии), нередко и общеафриканской (как "бубу", "гвинейский"

женский костюм, свободные яркие мужские рубашки) без узкой этнической привязки. Она все чаще становится престижной и торжественной. Этнические особенности дольше сохраняются в пищевых пристрастиях и табу, а также в обрядности жизненного цикла. Однако здесь происходит сужение цикла (практически сохраняются только родильные обряды, свадебные и похоронные; инициации сводятся только к обрезанию). Во-вторых, они десакрализируются: когда-то тайные или недоступные для других этносов обряды становятся праздником для всех соседей независимо от этнической принадлежности. Типичен пример Конакри, столицы Гвинеи, где автохтонное население – бага, но язык общения городского населения – сусу, а в материальной культуре предпочтение отдается нормам фульбе и малинке.

Претерпевают значительные изменения и нормы обычного права. В районах, где господствовало материнское право (на Гвинейском побережье, у конго и др. народов Центральной Африки, у некоторых народов внутренних областей Восточной Африки), оно постепенно вытесняется отцовским. В некоторых странах (например, Танзании) на основе систематизации и отбора традиционных правил разных этносов приняты "Кодексы обычного права", получившие силу закона.

Этносы Африки в настоящее время находятся на различных стадиях складывания народностей и наций. Характерная черта современной Африки – отставание этнического самосознания от уровня национального развития, с одной стороны, и многоступенчатость его, с другой. Один и тот же человек в разных жизненных ситуациях назовет себя либо клановым, либо этническим именем, либо по названию страны.

Течение этих процессов, их темп и тенденции развития разнятся в государствах Африки. Они зависят от многих причин. В странах, где большинство населения говорит на близких языках (Северная Африка, Сомали, Мадагаскар, некоторые страны Центральной и Восточной Африки), это течение протекает спокойнее, чем в пестрых в этнолингвистическом отношении (как большинство стран Западной Африки). Сложные процессы консолидации, ассимиляции и интеграции сливаются в государствах Африки в процессе создания "национально-политических общностей" – или, по другой терминологии – "этносоциальных" общностей. В них, как правило, нет преобладания одного народа, который подминал бы развитие других. Интеграционные процессы ставят в равные условия все народы этих стран.

Более сложные национальные отношения складывались в странах, где издавна существуют большие группы неафриканского по своему происхождению населения. В странах Восточной и Южной Африки с конца прошлого века живут индийцы. Шовинистически понятая политика африканизации после достижения независимости приводила нередко к дискриминации индийского населения, а в период правления Иди Амина в Уганде – к прямой депортации, после которой лишь через несколько лет изгнанники смогли вернуться. Индийцы в Африке, активно участвуя в экономической и политической жизни, в культурном отношении живут довольно обособленно и не сливаются с африканским населением. Сохраняется и даже увеличивается в связи с последними событиями на Ближнем Востоке число арабов ("левантийцев") в странах Западной и Центральной Африки.

В отдельных странах Африки существует и многочисленное белое население, связанное с ними иногда в течение нескольких поколений. Так, в бывших колониях Португалии многие белые и цветные потомки португальских колонистов считают себя "ангольцами" и "мозамбиканцами". После провозглашения независимости этих стран значительное число их приняли местное гражданство и стали неотъемлемой частью народов этих стран. "Африканцами" считают себя и многие члены белых (английских) общин Кении, Замбии, Зимбабве, немецкой общины в Намибии.

В белой общине ЮАР нет единства: резко обособлены англо-африканцы (потомки английских колонистов) и африканеры (потомки голландских). Различия между ними, значительные в прошлом, сглаживаются, но еще сохраняются. При всех

правительствах проводилась политика разделения и подавления иной группы. Хотя формально оба языка имеют равные права, долгое время подавлялся африкаанс в пользу английского. Со времени прихода к власти правительства Малана в 1948 г. началась политика поощрения африкаанс в ущерб английскому. Интеграционные процессы в среде африканского населения этой страны задерживались сначала политикой апартеида, а затем созданием бантустанов, призванных законсервировать развитие коса, зулу и других народов ЮАР на племенном уровне. Тем не менее консолидационные процессы идут: коса, зулу, свази и другие вместе участвуют в политической борьбе, работают вместе на предприятиях, широко распространены смешанные браки, двуязычие, складывается общее самосознание африканских народов Юга Африки. Этому способствует либерализация политики правительства Леклерка. Однако сохраняют сильные позиции и экстремистские устремления как фашиствующих буров, так и зулусских террористов.

Таким образом, в современной Африке идут сложные и противоречивые этнические процессы: с одной стороны, консолидация родственных этнических групп и формирование на этой основе народностей; с другой – интеграция разных этносов в рамках отдельных стран и образование "этнополитических" общностей; одновременно идут и этноразделительные процессы – дифференциация, расхождение частей народов, чья этническая территория разделена государственными границами. Эти основные тенденции, по-видимому, сохранятся и в обозримом будущем.

АМЕРИКА: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РЕГИОНЫ, НАРОДЫ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Изучение народов Америки, их древней и современной культуры внесло заметный вклад в мировую этнологию. Оно позволяет рассматривать такие вопросы, как адаптация человека к разнообразным природным средам, происхождение земледелия, возникновение ремесел, образование цивилизаций в древности. Этническая история Америки дает возможность изучать проблемы формирования и развития новых этносов в XVIII–XIX вв. Исследование современности позволяет разрабатывать такие темы, как положение этнических меньшинств в разных странах, этнические аспекты массовых миграций, этнорасовые процессы в городах, соотношение традиционного и нового в культуре и многие др.

ОБИТАТЕЛИ АМЕРИКИ ДО НАЧАЛА ЕВРОПЕЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ КОНТИНЕНТА

Америка не была областью формирования человека. Люди попали туда из Старого Света, когда образование ледников приводило к тому, что на месте нынешнего Берингова пролива возникала суша. На протяжении последних 50 тыс. лет уровень моря дважды опускался до 50 м, а в период от 18 до 14 тыс. лет тому назад уровень моря опускался ниже современного на 100 м и ширина сухопутного моста между Аляской и Чукоткой составляла около 2 тыс. км. Бесспорные археологические свидетельства говорят о том, что люди проникли из Сибири на Аляску около 12 тыс. лет назад, а оттуда распространились по другим районам Северной Америки, прошли в Южную Америку, достигнув оконечности материка, вероятно, в VIII тысячелетии до н.э. Характерными метательными орудиями того времени для охоты на крупных животных были длинные каменные наконечники. Помимо этого были найдены стоянки с орудиями другого вида, ручными отбойниками, скребками и пр. Около 10 тыс. лет назад значительно увеличилось число стоянок с изящными, тщательно ретушированными острями. Их обитателей называют палеоиндейцами, они охотились на крупных животных, так как на стоянках встречены кости лошадей, верблюдов, мамонтов и бизонов.

Некоторые памятники датируются временем около 20 тыс. лет в Южной Америке и 20–35 тыс. лет в Северной. Вероятно, немногочисленные носители этой более ранней культуры проникли в Америку из Азии в период существования прохода между ними 50–40 тыс. лет назад.

По мере отступления ледников меняющиеся экологические условия привели к исчезновению крупных млекопитающих. С VIII по VI тысячелетие до н.э. появляются два новых вида добывания пищи: специализированное собирательство на морских побережьях (в пищу использовались преимущественно моллюски) и собирательство в полусушливых районах (сбор семян растений). К концу этого периода люди проникли на Антильские острова и, возможно, в Амазонию. Начиная со II тысячелетия до н.э. осваивались также субарктические и арктические районы. В это время появились новые виды орудий, в том числе каменные топоры и тесла, что свидетельствует об обработке деревьев и возможном изготовлении лодок.

К VII тысячелетию до н.э. в Америке относится начало производящего хозяйства – земледелия. Тот факт, что американские культурные растения в своем

подавляющем большинстве отличаются от растений Старого Света (за исключением тыквы-горлянки и хлопка), а также их разнообразие в различных районах может быть истолковано как свидетельство самостоятельного происхождения земледелия в Америке. Первые следы земледелия обнаруживаются на высокогорьях Мексики и Перу. В Мексике стали выращивать агаву, тыкву, авокадо и маис (кукурузу); в Перу – биху, тыквенное дерево, тыкву-горлянку. Примерно в IV тысячелетии до н.э. кукуруза появляется в Перу. Предполагают, что в южных горах Перу находился центр доместикации картофеля. С течением времени роль продуктов земледелия в пищевом рационе возрастала, росло число культивируемых растений, расширялись ареалы земледелия. К приходу европейцев некоторые домашние растения распространились в Америке очень широко: кукуруза, фасоль и тыква были известны от северо-восточной части Северной Америки до центрального Чили. Во влажных тропиках повсеместно выращивались корнеплоды, из которых наиболее известна маниока.

Освоение практически всех экологических ниш сопровождалось дальнейшим проникновением населения на континент не только из Старого Света, но, вероятно, и из Азии, в том числе морскими путями – скорее вдоль Алеутских островов, чем через открытые морские пространства. Предполагаемые плавания в Америку полинезийцев, если они и состоялись, не имели существенных последствий для этнокультурных процессов в Америке.

АДАПТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА К РАЗЛИЧНЫМ ЭКОЛОГИЧЕСКИМ СРЕДАМ

Имеется несколько классификаций коренного населения Америки (К. Уисслер, Дж. Стюард, Б. Меггерс и др.) в зависимости от хозяйственных занятий, которые определялись в свою очередь условиями обитаемой среды. Выделенные археологами и этнологами культурно-экологические области отражают не только вариативность способов приспособления человека к окружающей среде, но и заметное разнообразие социальных отношений в существовавших там группах населения. Здесь изложены сведения о наиболее крупных или своеобразных ареалах. Материалы почерпнуты из источников, относящихся к разным периодам. О некоторых упомянутых народах, исчезнувших в самом начале европейской колонизации (которая не была одновременной по всему матерiku), имеются неполные сведения, другие – подробно описаны этнографами еще в XIX в., с немногими исследователи ознакомились лишь в самое недавнее время.

Приведенные нами материалы с некоторой долей допущения можно отнести к XVI в. Между выделяемыми ареалами не было непроходимых границ, и во многих местах обнаруживаются следы многочисленных передвижений человеческих коллективов: это отдельные элементы не только материальной культуры (культурные растения, керамика и т.д.), но и духовной (мифы, наскальные изображения и пр.).

Арктическая область Северной Америки

На Аляске, на севере Канады и на побережье Гренландии обитали группы населения, известного сейчас как эскимосы. Они выработали специализированный хозяйственно-культурный тип, позволивший приспособиться к местным условиям жизни, создающим для человека много ограничений. Основными занятиями обитавших здесь людей были рыболовство и охота на морского зверя, в том числе на таких крупных животных, как киты, а также добыча пушных и других сухопутных зверей и птиц. Важное место занимала охота на оленей. Собираемые и заготовка впрок ягод, трав и корней служили источником растительной пищи. Добытые животные и рыба использовались во всех сферах хозяйства и быта: мясо и жир служили пищей; жиром отапливали и освещали жилища; из шкур

(преимущественно оленьих) делали одежду, пологи для жилищ и постели; из костей животных и птиц изготовляли орудия труда. Недостающую древесину приобретали во время сезонных откочевок к лесным районам или использовали стволы деревьев, выброшенные на берег морскими течениями. Короткое арктическое лето уходило на интенсивную заготовку припасов на зиму. Эскимосам были известны способы консервации разнообразных продуктов (мяса, рыбы и ягод) — копчение, вяление, сушка и др. Охота на морских животных велась и зимой — на тюленей у лунок во льду; при этом охотники проявляли удивительное терпение, часами неподвижно поджидая животное.

Главным орудием охоты на морского зверя был гарпун с отделяющимся наконечником; к наконечнику крепился длинный ремень с надутым пузырем. Когда животное было поражено, пузырь давал охотнику возможность следить за добычей и не позволял ей утонуть. Эскимосы знали и лук со стрелами. Для охоты на птицу служили силки, лушпи и капканы. Рыбу добывали с помощью острог, луков, запрудных ловушек.

Эскимосы расселялись небольшими группами, между которыми поддерживались слабые связи; хозяйственные коллективы состояли из нескольких семей. В летний период, когда легче было себя обеспечить, группы распадались на ряд еще более мелких, селившихся недалеко друг от друга. Зимой группы укрупнялись, что позволяло объединить как запасы, сделанные летом, так и зимнюю добычу охотников. Каждая группа имела определенные маршруты сезонных передвижений. Летом стоянки размещались ближе к морскому берегу или у крупных озер, куда подходили дикие олени (карибу), спасавшиеся от гнуса, и где можно было вести охоту на крупных водных животных.

Летние жилища эскимосов представляли собой конус из жердей, покрытый шкурами или берестой, зимние — землянки с одним или двумя жилыми помещениями и хозяйственным тамбуром. Жилые помещения отапливались и освещались каменными жировыми светильниками, в них имелись нары для сна. Во время длительных охотничьих экспедиций устраивались временные жилища из снежных блоков — "иглу", внутри которых из пологов-шкур сооружалась жилая камера. В случае внезапной пурги эскимос мог переждать ее, зарывшись в снег рядом с собаками.

Одежда эскимосов, как и других народов приполярной области, хорошо приспособлена к местному климату. Летняя — шилась из меха в один слой. Для зимы одежду делали двухслойной — нижний слой мехом к телу, верхний — мехом наружу. Домашняя утварь состояла из емкостей, сделанных из камня, дерева, кости и китового уса.

По суше эскимосы перевозили поклажу и передвигались сами с помощью легких санок, в которые были впряжены собаки; по воде — в лодках двух типов: одиночном "каяке" и рассчитанном на несколько человек "умиаке". Каяк, предназначенный для охоты, застегивался наглухо вокруг пояса охотника, что позволяло умелому гребцу, если лодка опрокидывалась, поставить ее в нормальное положение, не набрав воды.

Основной ячейкой общества у эскимосов была большесемейная община; в счете родства и в наследовании преобладала мужская линия. Наблюдалась имущественная дифференциация и социальное неравенство среди общинников. Какие-либо формы племенной организации улавливаются слабо. Степень единения соседних групп и размеры объединений зависели от природных условий и главным образом — от насыщенности среды обитания пищевыми ресурсами.

В религиозных верованиях у эскимосов преобладали анимистические представления. Одно из главных мест среди божеств занимала богиня морских вод, распоряжавшаяся морскими животными (одно из ее названий — "хозяйка моря"). Каждый человек имел своих индивидуальных покровителей, которых он почитал. В случае необходимости человек мог обратиться за помощью к шаману.

Северная лесная область

Лесные районы Северной Америки были заняты многочисленными племенами, относившимися к двум большим семьям языков – алгонкинской на востоке ареала и атапаскской – на западе и в средней части. Основу их хозяйства составляли охота и собирательство, практиковалось рыболовство. Объектами добычи были различные животные (в зависимости от времени года). На Аляске важную роль играл промысел рыбы. Много добывалось птицы. Мясо заготавливали впрок; из шкур животных шили одежду, постели, покрытия для жилищ и пр.

Охота велась двумя способами – активным и пассивным. При первом из них объектом охоты становились олень-карибу и лось. Их загоняли в построенные для этой цели обширные загоны и забивали. Массовый забой животных устраивался и на местах их переправ через реки. Животных кололи копьями и ножами, били томагавками, поражали из луков. Одновременно проходила разделка туш и заготовка мяса впрок. В этот период к месту охоты собирались группы индейцев одного племени, обитавшие по соседству. Здесь решались многие общие дела: распределяли угоды, заключали брачные союзы, улаживались разногласия или готовились к войне.

Пассивная охота велась с помощью различного рода ловушек, расставленных недалеко от поселений; добыча из них извлекалась во время периодических обходов.

Собирательством ягод (некоторые поедались сразу, другие шли на хранение), корней, орехов, растений (некоторые растения имели техническое использование, служили красителями) занимались преимущественно женщины и дети.

Индейцам-охотникам северных лесов был свойствен подвижный образ жизни: исключение составляли непродолжительные периоды облавных охот и поколок осенью и весной. Группы в составе нескольких семей (зимой больше, летом меньше) занимали свои охотничьи угоды, в пределах которых они перемещались по мере истощения добычи. Зимняя жизнь была более стабильной – иногда на всю зиму устраивалась лишь одна стоянка; если охотники уходили за добычей далеко, они делали ночевки во временных жилищах.

Зимние жилища представляли собой углубленные в землю полуземлянки, прямоугольные в плане, с несколькими жилыми и хозяйственными камерами; вход устраивался в виде неглубокого тоннеля. В центре жилой камеры размещался очаг из камней; дымовое отверстие при необходимости затягивалось кожаной крышкой. В одном таком жилище зимовало 5–10 семей. У атапасков жилищем служил так называемый "тип" – конусообразная постройка с деревянным каркасом, обтянутым либо берестой (летом), либо шкурами животных (зимой); очаг располагался в центре. Немногочисленную домашнюю утварь изготавливали преимущественно из бересты и кожи.

Из местной пищи наибольшее внимание европейцев привлек "пеммикан". В его состав входили растертое сушеное мясо, костный мозг и жир. Смесь могла храниться в берестяных коробах до трех лет и обеспечивала охотников пищей во время длительных экспедиций.

Обитатели северных лесов шили свою одежду главным образом из шкур и кож оленя. Для зимней одежды сохраняли мех, для летней делали мягкую замшу. Основой одежды служили рубаха (у мужчин – ниже колен, у женщин – до щиколоток) и штаны, соединенные в одно целое с обувью (ногамицами и мокасинами). Голову закрывал капюшон, руки защищали перчатки (даже летом – от насекомых). Одежду украшали волосом оленя, иглами дикобраза.

Для передвижения по воде служили берестяные лодки, приводимые в движение веслами. По суше тяжести перевозили при помощи тобоггана – узких саней без полозьев. Сани тащили вручную или впрягали в них собак. Зимой на

охоте пользовались лыжами-ракетками, весной для той же цели использовали еловые планки.

Общественные отношения у большинства групп лесных охотников основывались на матрилинейных принципах – счете родства по женской линии и господстве матриликального брака. Племена делились на две экзогамные фратрии, которые в свою очередь подразделялись на экзогамные роды.

Верования лесных охотников представляли собой сочетание анимизма (одоухотворение сил природы) и тотемизма, связанного с почитанием промысловых животных. В обрядовой жизни важное место занимал медвежий праздник; с промысловыми животными соотносился целый ряд запретительных действий (табу) и магических обрядов.

Северо-западное (тихоокеанское) побережье Северной Америки

Несмотря на относительно суровый климат, этот регион обладает целым рядом природных свойств, создавших благоприятные условия для обитания людей. Множество рек и речушек, стекающих в океан с материка и островов, изобилует рыбой. Кета, горбуша, чавыча, рыба-свеча и другие не реже двух раз в год входят в реки метать икру. Прибрежные воды изобиловали и морским зверем – каланами, котиками, тюленями и моржами. Изрезанное проливами и бухтами побережье облегчало промысел. Медведи, волки и лисы, собиравшиеся на охоту, также становились добычей человека.

Северо-западное побережье заселяли народы разного языкового происхождения: алеуты, близкие по языку эскимосам; тлинкиты, хайда, сэлиш, вакаши и др. В их хозяйстве сочетались промысел морских животных, охота на наземных, рыболовство и собирательство. Изобилие морских продуктов способствовало высокой производительности морского промысла. Индейцы не только быстро обеспечивали себя необходимой пищей на длительное время, но и создавали резервы, которые использовали для обмена с соседями.

Орудия труда делали из дерева, камня и кости; у восточных соседей выменивали медь. Известны были топоры, ножи, копья, гарпуны, луки, скребки и разнообразные проколки. Обитатели этой области славились обработкой дерева. Из стволов деревьев выдалбливались лодки нескольких типов; военные однодеревки могли вмещать несколько десятков человек. Из древесины делали утварь: блюда, ковши, ложки, сосуды для хранения продуктов и приготовления пищи. Деревянными были маски, трещотки, жезлы вождей и огромные тотемные столбы. Женщины занимались плетением из луба и расщепленных корней канадской сосны, изготавливая корзины, сумки, головные уборы и т.п. Было известно и ткачество – пряжей служил пух горных коз. Богатые люди носили накидки из мехов и кож. Обувь летом не носили, а зимой надевали мокасины. Практиковалось раскрашивание лица и тела, а у некоторых групп населения и татуировка. Украшали себя также ожерельями, браслетами и подвесками из разных материалов. Богатые тлинкитки в отверстие в нижней губе вставляли втулку из дерева или кости.

Жилище представляло собой углубленное в землю большое помещение, над которым возвышалась конструкция на деревянных столбах, перекрытая деревянной крышей с двумя скатами. Внутри вдоль стен устраивались дощатые нары; каждая семья имела спальню, отделенную от других дощатой же перегородкой или циновкой. У каждой семьи был свой очаг; имелся и общий очаг посреди дома.

Для этнологов особенно интересен тот факт, что у народов Северо-Запада на основе присваивающего хозяйства и достаточно простых орудий сложилось общество с заметным имущественным и социальным расслоением и с эксплуатацией части населения. Этому способствовало, как полагают, богатство пищевых

ресурсов региона. Производительность труда здесь могла быть высокой не за счет совершенствования орудий труда, а за счет условий труда. Богатство накапливалось в форме товаров, выменивавшихся на рыбу. Кроме того, богатство составляли меха и рабы. Богатые люди имели несколько больших лодок, на которых занимались промыслом их родственники. Они же принимали решение о набегах для захвата рабов и другой добычи и организовывали их. Таким лидерам поступала большая часть добычи. Рабами становились только иноплеменники; если кто-то попадал в неволю на чужбину, то родственники должны были его выкупать.

Роды в племени имели неравное положение. Некоторые разрастались, другие распадались, слабели, и на племенных советах их голос значил немного.

В обществе обитателей северо-западного побережья особую важность приобрели празднества в честь покровителя-тотема. На этих праздниках богатые члены общин устраивали раздаривание или уничтожение своих богатств; этот обычай известен под названием "потлач". Такое поведение человека еще более увеличивало его авторитет среди соплеменников и почти всегда позволяло вернуть свои богатства.

Калифорния

Южнее северо-западного побережья обитали группы, говорившие на языках разных семей — хока (яна, помо, чумаши, юма и др.), пенути (майда, йокут и др.), алгонкины (юроки, вийоты), шошоны, атапаски, лутуама и юки. Они объединяются исследователями под общим названием "калифорнийские индейцы" в соответствии с занимаемой ими территорией.

Климат прибрежной полосы Калифорнии влажен и мягок, во внутренних районах — жаркий и сухой; горные склоны покрыты лесами. Особое место у обитателей этих районов занимало собирательство; как дополнение к нему практиковались охота и рыбная ловля. В обработке растительного сырья обитатели Калифорнии достигли большого совершенства: в частности, из желудей готовили муку, из которой затем пекли лепешки; было развито плетение корзин и сумок.

Жилища устраивались для одной семейной группы, они имели коническую или шалашевидную форму. Были известны и куполообразные полужемлянки. Помимо жилых помещений в поселениях возводились общественные дома.

Одежда состояла у мужчин из набедренной повязки, сделанной из кожи оленя, женщины носили повязки из растительных волокон или ремешков. В холод пользовались накидками из шкур животных, ноги обували в мокасины.

Некоторые группы пользовались каноэ; применялись и плоты. Для передвижения по снегу служили круглые снегоступы.

Отчетливой племенной организации у коренных обитателей Калифорнии не прослеживается. Тем не менее число одной группы могло достигать 5 тыс. человек. В южной части Калифорнии имелись наследственные вожди. По всей Калифорнии был распространен шаманизм.

Лесные области востока Северной Америки

Южнее Великих озер от Миссисипи до Атлантического побережья простиралась область широколиственных лесов с мягким и влажным климатом. Обширные пространства населяли племена, принадлежавшие к разным языковым семьям и группам: делавары, могикиане и другие из алгонкинской семьи; ирокезские племена; мускогская группа (в том числе чоктавы, аппалачи и семинолы); некоторые племена сиу.

Хозяйство обитателей лесов основывалось на подсечно-огневом земледелии, хотя большое значение имели также собирательство, охота и рыбная ловля. Для получения участка срубали подлесок и кустарник, а у крупных деревьев снимали

кору. Когда срубленная растительность подсыхала (на это уходило от нескольких месяцев до одного года), ее сжигали; при этом земля удобрялась золой. Мужчины с помощью заостренных палок вскапывали землю, женщины и дети, шедшие за ними, размельчали комья. Земельные участки на полученном поле распределялись по отдельным семьям с учетом размеров последних. Основной культурой была кукуруза; высаживались разные сорта, имевшие различные сроки созревания. Возделывали также фасоль, тыкву и некоторые другие растения; их обычно сажали между кукурузой. Земледелие у некоторых племен было весьма производительным — его продуктов хватало не только для собственного потребления, но и для обмена. Помимо этого старались создавать запасы на год-полтора. Главными орудиями труда служили каменный топор и заостренный кол.

Способы охоты и орудия лесных племен востока США не имели существенных отличий от тех, которыми располагали их северные соседи, однако некоторые племена знали стрелометательные трубки. Собираательством, как и во многих обществах, занимались женщины и дети. Собирали орехи, ягоды (в том числе и клюкву), желуди и многое другое. Жители этих областей владели способами получения растительного масла, из кленового сока варили сахар. Рыбу ловили корзинами, сетями, били из луков, делали запруды; были известны и крючки. Зимой ловили рыбу сетями в прорубях. По водным пространствам передвигались на лодках.

У многих земледельцев востока Северной Америки жилищем служили так называемые большие дома. Их ширина была от 6 до 8 м при высоте до 8 м, а длина зависела от числа обитавших в них семей и могла достигать нескольких десятков метров. Каркасом дома служили вкопанные в землю стволы деревьев. Парные стояки связывались верхними гибкими частями. К ним посредством связок из лыка крепились горизонтальные жерди, к которым в свою очередь присоединялись пластины древесной коры. Вход в дом был с торцевой стороны. Во всю длину дома, по его оси, шел проход шириною около 2 м; в нем располагались семейные очаги. По обе стороны от прохода находились семейные помещения с открытым выходом к очагу. Между жилыми камерами размещались кладовые. Жилые помещения имели помосты, устланные циновками и шкурами. Над ними размещалось еще два яруса помостов, на одном из которых хранилась утварь и иногда спали дети, а на более высоком складывали необмолоченную кукурузу. Такой дом мог служить 10–12 лет.

У южных групп были известны постройки меньших размеров округлой, квадратной или прямоугольной формы, каркасные стены которых заполнялись глиной с примесью измельченной травы.

Племена востока Северной Америки были знакомы с началами ткачества: из растительных волокон ткали пояса. Утварь выдалбливали и вырезали из древесины и коры. Изготавливали сосуды из глины (способом налепа), на юге использовали разнообразные плетеные емкости. Для измельчения кукурузного зерна служили деревянные ступы и песты.

Одежда мужчин состояла из набедренной повязки, женщин — из юбочек, изготовленных из растительных материалов и кожи, от холода укрывались шкурами животных. При необходимости на ноги надевали мокасины и ноговицы. Головные уборы — медные обручи вождей, чучела птиц у воинов и прочее — подчеркивали особенности социального положения членов племени.

В качестве главной хозяйственной единицы у земледельцев северо-востока нынешних США выступала группа родственных матрилинейных семей, ведущих общее хозяйство и обитавших в одном доме. У ирокезов эта община и дом назывались словом "овачира". Несколько овачир составляли род, распоряжавшийся возделываемыми землями, а также охотничьими и рыболовными угодьями. Овачиры были экзогамны, брак — матрилокален; известны также и случаи

дислокального брака, когда муж и жена оставались жить в своих овачихах. Костях овачиха составляли женщины, относившиеся к одному роду. Вместе с ними обитали их дети женского пола, как состоящие в браке, так и незамужние, дети мужского пола, что не вступили в брак и не ушли в овачиха жен; одинокие мужчины и старики того же рода. Другую часть обитателей овачиха представляли мужья местных женщин, которые, будучи членами других родов, не имели в целом решающего голоса в делах данной овачиха.

Семья была устойчивым коллективом, серьезные ссоры между супругами и разводы случались редко. Счет родства и наследование имущества шли по женской (материнской) линии. Поддерживались тесные отношения между сестрами одной матери. Количество семей в одной овачиха могло быть разным, как и число овачиха в одном поселении. У ирокезов в одном поселении могло проживать от 500 до 5 тыс. человек.

Каждый род, обычно размещавшийся в нескольких овачихах, имел вождя, входившего в племенный совет. Власть такого вождя не опиралась на какие-либо формальные права, но его решения были авторитетны, так как принимались после обсуждения вопросов всеми членами рода.

Дела племени решались на совете, который составляли родовые старейшины. В его функции входил отвод земель для новых поселений и огородов, выделение охотничьих и других угодий, а также организация охотничьих экспедиций и обмена с другими племенами, улаживание конфликтов между соплеменниками, принятие решений о войне и мире. Племена обычно делились на две фратрии, состоявшие из нескольких родов (число родов во фратриях могло быть различным). Роль фратрий, более всего проявлялась в играх в мяч, в похоронных обрядах, на выборах родовых старейшин и военных предводителей.

В религии обитателей восточных лесов сочетались элементы верований как охотников, рыболовов и собирателей, так и земледельцев. У каждого человека были личные духи-покровители, получаемые обычно в процессе инициационных обрядов в форме видения; это могли быть животное, растение, какой-то предмет. Имелись родовые культы, почитание тотемных животных, одухотворение самых разнообразных сил природы. Духа-покровителя имело и каждое селение. Целый ряд религиозных обрядов обуславливал функционирование тайных обществ. Как во многих областях Америки, здесь распространился и шаманизм; шаманы были главными врачевателями. Помимо этого круга верований, восходящих к доземледельческому слою, наблюдались и другие – культ солнца, воды, культы основных земледельческих растений. Духи растений почитались всеми, они не были ни родовыми, ни индивидуальными покровителями. Главным божеством считалось солнце, соединявшее в себе черты творца мира, умирающего и воскресающего бога, а иногда и культурного героя. У некоторых групп был развит культ огня. Божествам посвящались ежегодные торжества; у индейцев-криков они получили название "плясок кукурузы". Некоторые божества стали приобретать антропоморфный характер.

Земледельцы восточных лесов верили в загробное существование. У некоторых племен был разработан сложный погребальный обряд. Умершего вождя, помимо его личных вещей, могли сопровождать убитые пленники.

Среди индейцев описываемого региона были записаны многочисленные мифы, легенды и сказки, главными героями которых выступали не только животные и рыбы, но и антропоморфные существа.

Прерии

К западу от Миссисипи до Скалистых гор простираются травянистые холмистые степи. Как и во многих других местах Америки, здесь обитали носители языков, относившихся к разным семьям. Наиболее многочисленными были сну (дакота, ассинибойн, айова, омаха и др.) и алгонкины (арапахо, чейены и др.).

Животный мир был достаточно разнообразен, и охота играла важную роль в обеспечении пищей; особое место в ней занимали бизоны.

С середины I тысячелетия н.э. в некоторые районы этой обширной области стали проникать керамика и земледелие, появились оседлые поселения. В XVI в. число жилищ в них стало доходить до нескольких десятков. Жилища представляли собой столбовую конструкцию со стенами и кровлей из дерна; на западе этой области жилища охотников и собирателей имели коническую форму.

Юго-запад США и север Мексики (область Пуэбло)

Здесь мало выпадает осадков, бедна растительность, небогат животный мир. Сюда рано проникло земледелие, возделывание кукурузы известно уже к III тысячелетию до н.э., но в хозяйстве оно не играло значительной роли вплоть до начала н.э. В XIII–XIV вв. земледелие уже практиковалось при помощи оросительных систем. Сохраняло свою роль собирательство; известна была и охота на немногочисленных, правда, животных (кроликов, горных коз, оленей и др.). У некоторых групп было распространено разведение индюков – не столько для получения мяса, сколько из-за их перьев.

Орудиями труда служили каменные топоры, молоты, ножи. Почву обрабатывали палками-копалками и мотыгами. Для охоты использовали лук со стрелами и ловушки. У некоторых групп орудием и оружием служили изогнутые наподобие бумеранга дубины.

На рассматриваемой территории прослеживается эволюция жилищ от полуземлянок с земляной крышей до весьма сложных сооружений из камня или сырцового кирпича, насчитывавших несколько сот помещений. Такие комплексные архитектурные сооружения получили у испанцев название "пуэбло" (поселение, население, народ). Этим словом стали называть не только характерные постройки, но и населявших их людей и область, где такие постройки стали известны. Поселения-пуэбло размещались обычно в виде замкнутого двора, при этом их внешняя сторона почти была отвесной, а внутренняя имела форму амфитеатра, ступени которого составляли ряды жилых построек. В других поселениях уступами возвышалась центральная часть. У суньи пуэбло представляло собой соединенные в одно целое дома в один или два этажа. Встречались и поселения, где дома стояли отдельно. Группы, где важную роль продолжали играть собирательство (пима, папаго) или охота (навахи), обитали в жилищах каркасного типа с заполнением стен и засыпкой кровли землей или в полуземлянках.

Обитатели пуэбло знали ткачество; они умели изготавливать небольшие накидки, покрывала и пояса. Мужчины носили кожаный фартук или набедренную повязку, сплетенную из травы. Женщины надевали накидку, доходившую до колен, в некоторых группах (навахо) – юбку. В холода пользовались кусками ткани, плащами из шкурок кролика или плетеными одеялами.

Общественные отношения у племен Юго-Запада можно рассмотреть на примере хорошо изученных хопи. Племя делилось на двенадцать фратрий и на множество матрилинейных экзогамных родовых общин (кланов). Такая община состояла из групп семей, объединенных происхождением по женской линии. В ее состав входили: старшая женщина с мужем, их замужние дочери с мужьями и детьми, вдовы или разошедшиеся сыновья, холостые и вдовы братья старшей женщины и несовершеннолетние дети обоего пола. Эта община была хозяйственной единицей. Она являлась собственником возделанных земель, водных источников, культовых предметов. Земля распределялась между семьями, непосредственной хозяйкой земли считалась женщина. Личная собственность наследовалась по женской линии. Главой семьи, однако, считался мужчина. Кланов имели названия – обычно по названиям растений или животных. Возглавлял клан мужчина, он же

выполнял и жреческие функции. Положение такого главы или вождя было наследственным. Должность, как родство и имущество, наследовалась по женской линии. Вождю наследовал его младший брат или сын сестры, а не его сын.

В каждом пуэбло клановые вожди образовывали совет. Из них же избирался вождь поселения, занимавший эту должность пожизненно. Вожди (клана и поселения) освобождались от хозяйственных забот, пищу им поставляли общинники. Некоторые члены совета имели особые должности. Так, имелся военный вождь, который исполнял также полицейские функции, охраняя внутренний порядок, а также глашатай, объявлявший решения совета и т.п. Совет разрешал споры и наказывал за нарушения установленных норм. У хопи не было совета племени и племенного вождя.

Религия хопи представляла собой сочетание доземледельческих и земледельческих верований: тотемизм и почитание животных, магия и культ предков, а также культ солнца и обряды вызывания дождя. Ритуал пронизывал все сферы общества: охоту, ремесло, земледельческие работы, войну и отдых. Частью всякого ритуала были коллективные пляски. Важную роль играли религиозные символы — рисунки из цветного песка, рисунки на масках и других ритуальных предметах. Целый комплекс обрядов был связан с войнами. Помимо бога-солнца хопи почитали бога неба, богиню земли, мать маиса и др. В поселениях возводились специальные ритуальные помещения (кива), где хранились изображения предков.

У хопи имелся целый цикл годовых празднеств: по случаю зимнего солнцестояния, когда "возвращалось" солнце (в январе), праздник посадки фасоли (февраль), праздник Великого Пернатого Змея (март) и многие др. Было много ритуалов, связанных с рубежами жизненного цикла. Хопи практиковали и чисто спортивные развлечения, в частности соревнование в беге.

Мезоамерика

Территории от северной Мексики до центрального Гондураса и Никарагуа образуют обширную область североамериканского континента, где культура аборигенов достигла наивысшего развития. Для этой части Америки свойственно чередование разнообразных экологических сред с различными ресурсами, которые мог использовать человек. Полагают, что эти обстоятельства определили региональную хозяйственную специализацию и развитие обмена.

Уже со II тысячелетия до н.э. в нагорьях и на побережье становится господствующим оседлый земледельческий образ жизни. Среди поселений стали выделяться церемониальные центры. Наивысшего расцвета достигла в то время ольмекская культура на атлантическом побережье штата Веракрус (1500—1000 гг. до н.э.). Пирамиды и платформы, огромные каменные блоки и изображения человеческих голов говорят о применении большого числа рабочих рук и специальных механических и математических познаний. К более позднему времени относится возведение Теотиуакана в северо-западной части долины Мехико. К 600 г. н.э. это был большой город площадью 20 кв. км, насчитывавший, возможно, около 125 тыс. человек. Влияние ольмекской культуры и Теотиуакана широко разошлось по Мезоамерике.

С конца I тысячелетия до н.э. стала развиваться культура майя. Особого расцвета она достигла на полуострове Юкатан в так называемый классический период (I тысячелетие н.э.). Известны сотни церемониальных центров и десятки городов-государств того времени. Основу экономики майя составляло земледелие с использованием простейших орудий, топора и палки-копалки; сформировались ремесла. Необходимость знания циклических изменений погоды привела к разработке сложной календарной системы, дававшей возможность рассчитывать время на многие годы вперед и предсказывать солнечные затмения. У майя далеко зашло

расслоение общества, выделились верховные правители, знать и священнослужители. Майя создали оригинальную письменность.

Крупные центры майя пришли в упадок в конце I тысячелетия н.э. В это время в центральной Мексике появляется культура тольтеков, влияние которой распространилось на юге до Гватемальского нагорья. Она сменилась последней великой цивилизацией Мезоамерики доколониального времени, носителем которой были астеки.

Ко времени прибытия испанцев Мезоамерику занимало множество народов, говоривших на языках разных лингвистических семей. К юто-астекской относились языки нахуталь (язык астеков), кора-уичоль, кахита-тараумара, пима-тепехуана. В семью михе-соке входили языковые группы михе и соке, в майя-киче – хусгекская, майя и другие, в макроотомийскую – группы миштекская, пополакская, сапотекская, отоми и чинантекская. Были представители и языков хока (тлапанеки и др.).

Вторжение астеков завершило переселение народов нахуа с севера в долину Мехико. В начале XIV в. они обосновались на болотистом острове озера Тескоко и основали город Теночтитлан. Через столетие, во главе коалиции с соседними городами Тескоко и Тлакопан, они вели войны с другими народами. В результате этих войн было создано огромное политическое объединение, простиравшееся от берегов Атлантики до тихоокеанского побережья.

Основу хозяйства астеков составляло выращивание маиса на орошаемых полях; возделывали много других растений: фасоль, тыкву, перец, какао, авокадо, ананас и другие, а также табак, хлопок и магей (разновидность агавы). Последний использовался очень широко: колючки служили иглами, ствол – строительным материалом, корни поедались, из листьев делали кровлю, из очищенных волокон – ткани и бумагу, из сока готовили сладости и опьяняющий напиток. Практиковались также рыболовство и охота, которые были, скорее, уделом знати. Разводили собак, индюков и пчел, а кроме того – кошениль (мелкое насекомое из отряда полужесткокрылых) для получения красителя-кармина.

Большого совершенства астеки достигли в обработке камня. Из обсидиана получали длинные узкие лезвия, служившие ножами, бритвами и наконечниками для оружия. Ювелиры оправляли драгоценные камни в золото. Вершиной их искусства считаются мозаики с использованием аметиста, горного хрусталя, бирюзы, жемчужин, раковин и других материалов. Из обсидиана делали зеркала и маски. Обработывали медь, серебро и золото – холодной ковкой или плавлением.

Из хлопка и волокон магея получали пряжу, используя веретена с глиняными пряслицами; ткали на горизонтальном станке. Ткань окрашивали и покрывали вышивкой. Многоцветные плюмажи и плащи шивали или склеивали из перьев птиц. Одеждой мужчин служили набедренные повязки и накидка, которая завязывалась на правом плече; женщины носили тунику и длинную юбку. Те и другие надевали сандалии из кожи. Использовались разнообразные украшения в виде подвесок – в ушах, нижней губе, носовой перегородке, а также браслеты, ожерелья и т.д. Основным назначением украшений было показать социальную иерархию тех, кто их носил. Так, беднякам запрещалось носить украшения из драгоценных камней и металлов, а также одежды из тонкой хлопковой ткани.

Простолюдины обитали в прямоугольных однокамерных хижинах; их стены были из сырового кирпича или плетней, обмазанных глиной, кровля застилалась листьями магея. Нередко постройки стояли на столбах. Помимо жилищ, возводились зернохранилища, птичники, бани. Окон обычно не было, и помещения освещались лучиной. В центре жилья располагался очаг. Семья принимала пищу на циновках, спала на земляных или деревянных ложах, покрытых циновками, шкурами или покрывалами. Богачи жили во дворцах или больших домах. В домах знати имелась мебель: сиденья, столики, ширмы, лари.

У астеков соблюдалось строгое разделение труда по полу. Женщины вели домашнее хозяйство, выполняли земледельческие работы и лишь в некоторой мере участвовали в торговле. Мужчины были заняты земледелием, служили воинами и администраторами, занимались специализированными ремеслами (плотницкое дело, строительство, обработка камня, металлов и кожи), рыбной ловлей, цветоводством, а также изготовлением керамики, корзин, циновок, оружия и ювелирных изделий.

У астеков была хорошо организована торговля. В Теночтитлане каждые пять дней устраивались базары. Торговля была как меновой, так и посредством общепринятых эквивалентов: ими служили зерна какао, небольшие кусочки хлопковых тканей, медные топоры, трубочки с золотым песком. Торговые караваны в составе носильщиков и охраны ходили далеко за пределы астекских владений. Они являлись сборщиками сведений о ближних и дальних соседях и находились под защитой государства; нередко из-за обид, нанесенных торговцам, астеки начинали войны. У торговцев была организация, сравнимая с европейской цеховой; их сообщества имели своих богов, собственную систему правосудия и знаки отличия.

Некоторые исследователи считают основной социальной ячейкой у астеков большую неразделенную семью, состоявшую из двух-трех парных. Ее домохозяйство включало несколько (по числу пар) жилых помещений, зернохранилища, бани и иногда кухни. Постройки образовывали внутреннее замкнутое пространство. Большесемейная группа была пользователем земли до тех пор, пока ее обрабатывала; в противном случае земля утрачивалась. Другие исследователи полагают, что основу астекского общества составляли кальпулли (соседские общины, по определению одних; экзогамные нетотемические патрилинейные кланы, согласно мнению других). У астеков было двадцать кальпулли, они имели свои храмы и некоторые общественные сооружения, расположенные вокруг площади, становившейся, таким образом, центром общины.

Кальпулли владели землей, предоставляя ее в пользование семьям. Каждый мужчина имел право получить участок для содержания семьи. Землю можно было обрабатывать самому или сдавать в аренду члену кальпулли. Земля передавалась по наследству сыну, младшему брату или племяннику по мужской линии. Земля не являлась собственностью одного человека, он не мог ее продать, и она возвращалась в кальпулли, если не обрабатывалась два года или вырождалась мужская линия. Кальпулли располагали и свободными землями, которые предоставлялись по мере необходимости младшим сыновьям. Некоторые земли кальпулли обрабатывались сообща; урожай с них шел на уплату налогов и содержание главы кальпулли (кальпуллека) и других, более высоких должностных лиц. Кальпуллеке возглавлял совет старейших, составленный из глав семей. Именно этот вождь распределял земли, разрешал споры, управлял общественными хранилищами. Кальпулли выставлял воинов во главе с военным вождем для участия в боевых действиях. Военный вождь, кроме того, обучал молодежь воинскому искусству и исполнял полицейские функции. В кальпулли было еще одно должностное лицо, "оратор", представлявшее общину на племенном совете.

Успешные войны астеков и увеличение богатств привели к заметному расслоению астекского общества. Нижнюю его ступень занимали рабы. Им становились: должники, в особенности игроки в азартные игры; преступники; молодые люди, поступившие от покоренных племен в качестве дани; майеки (см. ниже), добровольно продавшие или заложившие себя в рабство; дети, проданные родителями. Хозяин распоряжался услугами раба, но не им самим; он не имел права обращаться с ним плохо и тем более убить, мог продать его лишь с согласия самого раба. Раб мог заводить семью и владеть имуществом. Дети рабов считались свободными, становясь майеками. Сам раб мог освободиться несколькими способами — возвратив долг или цену, которая была за него когда-то уплачена; сбежав от хозяина и укрывшись в резиденции правителя и пр.

Майеками были свободные астеки, оставшиеся вне кальпулли, если они отказывались по каким-то причинам вступить в предписанный брак или возделывать общинную землю. Майеки зарабатывали на жизнь, будучи носильщиками, а также обрабатывая храмовую или господскую землю за некоторую часть урожая. Практически они превращались в подобие крепостных, так как не могли покидать землю, на которую их "сажали".

Основную часть свободного населения составляли земледельцы. Они платили налоги, выполняли разного рода повинности. Среди общинников выделялся слой старейшин, освобожденных от налогов и не участвовавших в производительном труде. Особые прослойки составляли профессиональные торговцы и ремесленники.

Нижний слой знати образовывали люди, отличившиеся в войнах, при исполнении служебных обязанностей или особым религиозным рвением. Их положение не было наследственным, но они пользовались некоторыми привилегиями – освобождались от ряда налогов, имели право носить одежды из тонкого хлопкового полотна, украшения из золота и драгоценных камней, особые знаки, указывавшие на их положение.

Двадцать кланов астеков объединялись в четыре фратрии, которые имели свои храмы и арсеналы с оружием. Их возглавляли военные предводители, принадлежавшие к числу самых могущественных господ. Совет из двадцати ораторов решал обычные государственные дела. Самые важные вопросы обсуждались на большом совете, куда входили также гражданские и военные вожди кальпулли, военные вожди фратрий и некоторые другие чиновники, а также самые высокие священнослужители.

Знать избирала среди членов одного рода верховного правителя, носившего титул Тлакатекутли (вождь мужчин). Обычно это был младший брат или племянник умершего из старшей ветви. Тлакатекутли был прежде всего военным вождем племени и конфедерации. В его ведении находились также взимание налогов, прием послов и т. п.

Астеки жили практически в одном городе и его окрестностях, образуя город-государство. В начале XVI в. в Теночтитлане, по разным подсчетам, обитало от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч человек. Жизнь астеков была сосредоточена на войне. Война и ее культ лежали в основе социальной организации и религии. Главной целью войны считался захват пленников для жертвоприношений. Поэтому пленников почти никогда не обменивали и не освобождали.

Для записи исторических событий, календарных и астрономических явлений и связанных с ними ритуалов астеки пользовались письменностью, сочетавшей пиктографические и иероглифические принципы.

В заключении браков главную роль играли родители молодых людей. Существовали некоторые ограничения в выборе партнера – нельзя было вступать в брак с близкими родственниками как по мужской, так и по женской линиям, а также внутри кальпулли. Свадебный обряд включал совместную трапезу, танцы и освящение ритуала и пр. Имела место полигамия, в особенности в высших слоях общества. При возможном разводе сыновья оставались с отцом, дочери – с матерью; разведенная женщина возвращалась в свой кальпулли и могла вступить в новый брак. Вдова же оставалась в кальпулли умершего мужа, вступая в брак с одним из его членов.

Для атекской религии были свойственны жестокость (по нашим меркам) ритуалов, высокая степень символизма и мистицизм. Астеки почитали множество богов разного уровня и значимости – личных, домашних, общинных и племенных. Среди последних особое место занимали: Уитцилопочтли (что означало "Колибри-слева", так как считалось, что души храбрых воинов превращались в колибри) – бог войны; Тескатлипока ("Дымящееся зеркало") – вечно юный бог правосудия, ночи и

судьбы, иногда — злой враг людей; Тлалок — бог дождя, воды, грома и гор; Кетцалькоатль ("Пернатый змей") — бог ветра и воздуха, покровитель жрецов.

Помимо этого почитали бога и богиню маиса и др. Богам служило целое сословие жрецов различных ступеней, формировавшееся из младших детей знати. Высшими иерархами были жрецы богов Уитцилопочтли и Тлалока; они являлись советниками верховного правителя и членами племенного совета.

Астеки верили в загробную жизнь: в зависимости от рода смерти души умерших отправлялись либо в подземное царство Миктлан, либо в страну бога Тлалока, считавшуюся земным раем, либо в небесное жилище бога-солнца. Этой высшей чести были достойны храбрые воины, люди, принесенные в жертву, а также женщины, умершие при родах.

Сложная система ритуалов состояла из цикла празднеств, привязанных главным образом к земледельческому календарю. Частью этих ритуалов были разнообразные танцы и игры в мяч. Но главными, видимо, следует считать человеческие жертвоприношения, где важное место занимала кровь жертвы. Астеки полагали, что постоянный поток крови сохранял богам молодость и силу. Очень широко практиковались кровопускания, для чего протыкались язык, мочки ушей, конечности и даже половые органы. Священники прибегали к таким операциям несколько раз в день. Более же всего для богов требовались в жертву люди.

Государственное образование астеков в начале XVI в. было самым крупным, но не единственным в Мезоамерике. некоторое время с ними соперничали миштеки и сапотекы; отстояли свою независимость тараски. Южнее сапотек, уплачивавших дань астекам, обитали многие племена, принадлежавшие к языковой семье майя-киче и бывшие наследниками культуры древних майя.

Огненная Земля

На крайнем юге Южноамериканского континента, на островах Огненной Земли и в прибрежных материковых районах, сложился специализированный морской промысел, базировавшийся на охоте на морских животных, сборе моллюсков и рыбной ловле; практиковались также наземные охота и собирательство. В древности этот хозяйственно-культурный тип был известен практически на всех побережьях Южной Америки, как и во многих местах Северной. Наиболее известные его представители — алакалуфы и ягана (более известные как ямана) Огненной Земли. Алакалуфы занимали западную часть региона. Они ловили рыбу, собирали моллюсков и охотились на птиц, проводя большую часть жизни в лодках. Орудием охоты им служил лук. Ямана занимали южное побережье архипелага. Их существование также зависело от ловли рыбы, сбора моллюсков в сочетании с охотой на животных и птиц. Мужчины охотились, а женщины помимо ведения домашнего хозяйства занимались ловом рыбы и собирательством. Объектами охоты были тюлени, дельфины, выдры. Тюленя били с лодки гарпунами или на лежбище оглушали дубинами и добывали копыями. В некоторых местах охотились на гуанако.

Орудиями для обработки древесины служили раковины-скребки. С их помощью изготавливались гарпуны и копыя разных размеров, а также лук и стрелы. Наконечники гарпунов, копий и стрел были костяными, деревянными либо каменными. Птицу (уток, пингвинов, бакланов) били из луков и при помощи пращей. Моллюсков собирали во время отлива, сбивая их палкой с камней; подбирали также морских ежей и крабов (их могли доставать и с глубины при помощи специальных копий). Рыбу ловили с лодок. Ямана не знали крючков, и лов осуществлялся петлями. На прибрежных скалах собирали птичьи яйца.

Важную роль в жизни ямана играла лодка, сделанная из древесной коры. Борта ее укрепляли деревянными распорками, а дно устилали прутьями. Обычно в лодке размещался очаг (на земляной подушке).

Одеждой ямана служили шкуры выдры и тюленя, сшитые наподобие плаща; женщины носили меховые передники. Украшения из небольших раковин в виде ожерелий надевали как женщины, так и мужчины; женщины помимо этого имели браслеты из кожи.

Пищу готовили без специальных сосудов. Моллюсков пекли на костре в раковинах, мясо жарили на камнях или углях, рыбу, птицу и яйца запекали. Были известны некоторые простые способы консервирования пищи и заготовки ее впрок. В пищу шли также ягоды, корни и грибы.

Западные ямана и алакалуфы сооружали из ветвей легкие хижины овальной формы с куполообразной кровлей; на востоке они имели коническую форму. Жилища покрывали листьями, водорослями, корой, а в холодный сезон — шкурами животных. Посреди хижины постоянно горел костер.

Отнеземельцам был свойствен подвижный образ жизни, на одном месте они редко проводили несколько недель. Передвигались в пределах строго определенных территорий. Встречи соседних групп имели нерегулярный характер и зависели от удачного стечения обстоятельств, когда на берег выбрасывало кита и таким образом создавались избыточные ресурсы пищи. К таким случаям приурочивались общественные церемонии, в том числе инициации.

Ямана были разделены на небольшие экзогамные группы; браки заключались между членами ближайших групп, родство учитывалось как по мужской, так и женской линиям. Вступивший в брак молодой человек переходил в группу родителей жены и оставался там до тех пор, пока не делал себе лодку. Если у него ко времени вступления в брак уже была лодка, то жена поселялась в его группе. У ямана имела место полигамия, при этом женами одного человека становились обычно несколько сестер.

Религиозные представления отнеземельцев были по преимуществу анимистическими — вся природа представлялась населенной духами, с которыми надо было ладить. Обряды были освящены мифами; в одном из них рассказывалось о борьбе двух миропорядков — в более раннем верховенствовали женщины, руководимые луной; затем их низвергли мужчины, не без вмешательства покровительствовавшего им солнца.

Леса и степи Южной Америки

Обширные области в Южной Америке, занятые охотниками, собирателями и рыболовами пресноводных водоемов, сохранились ко времени прихода европейцев в восточной Бразилии и в Чако, территории, входящей в Аргентину, Боливию и Парагвай. В восточной Бразилии племена, практиковавшие этот тип хозяйства, относились главным образом к языковой семье же (наиболее известны шаванты и шеренте) или говорили на языках, долгое время считавшихся изолированными (бороро, ботокуды и др.).

Главными источниками существования им служили охота и собирательство, и лишь некоторые группы знали зачаточные формы земледелия. Охотились как на мелких животных (обезьян, черепах и других), так и на ягуаров. Рыбу били из луков, травили. Собирали разнообразные орехи, корни, клубни, стручки, молодую поросль растений и личинки насекомых. Орудия и оружие изготовляли из дерева и костей животных. Для добывания растительной пищи служила заостренная палка.

Жилище представляло собой простой навес из пальмовых листьев, под которым располагалась одна семья. Пища поджаривалась на открытом огне или запекалась в золе и углях. Обходились самым минимумом одежды — женщины, в частности, у ботокудов ходили нагими, мужчины носили шнурки на бедрах. Те и другие в нижних губах и мочках ушей имели украшения в виде деревянных пробок.

Места поселения менялись, когда истощались местные ресурсы пищи. При переходах мужчины несли свои орудия и оружие, женщины — весь скарб (сосуды, шкуры и прочее) и маленьких детей. Отдельные группы ботокудов, делившиеся на большие семьи, насчитывали от нескольких десятков до двухсот человек. Каждая из них имела своего предводителя, обычно опытного охотника и храброго воина.

Во многом подобный образ жизни был у племен Чако. Они говорили на языках разных семей, в том числе аравакской, гуайкуру, матако, тупи.

Весь уклад жизни определялся сезонностью и доступностью источников пищи: растительной, рыбы, животных и птиц. Эта сезонность привела к выработке подвижного быта, к постоянному перемещению. За немногими исключениями обитатели Чако не знали лодок. Некоторые группы аборигенов Чако занимались земледелием; у большинства из них урожая хватало на несколько недель. Возделывались маис, бобы, тыква, маниок, табак и хлопок — растения, широко известные в Америке в доиспанское время.

Сходный образ жизни имели обитатели равнин (льянос) восточной Колумбии и соседних земель Венесуэлы (гуахибо, чирикоа, яруро и ряд других), а также обитатели равнин Аргентины и Уругвая (керанди, хет, пуэльче, техуэльче и бона). Они также были бродячими охотниками, собирателями и рыболовами, специализируясь на том или ином роде занятий в зависимости от среды обитания. Некоторые группы вовсе не имели жилищ, другие возводили ветровые заслоны или шалаша, некоторые в сезон дождей строили полусферические хижины. Локальные группы состояли из большесемейных общин. Некоторые племена знали деление на две матрилинейные фратрии, возглавляемые вождями.

Особенностью культуры обитателей самых южных равнин Америки было применение в охоте метательных камней, известных под испанским словом "бóлас" (шары) — с ними охотились на гуанако и страусов.

Тропические леса Южной Америки

Тропические леса Южной Америки расположены главным образом в бассейнах рек Ориноко и Амазонки. В XVI в. тропические леса населяли многочисленные народы, относившиеся к таким крупным языковым семьям, как аравакская, карибская и тупи-гуарани, и другим, более мелким. Араваки занимали в основном западную часть бассейнов Ориноко и Амазонки, а отдельные группы проникли далеко на юг, за Амазонку. Большая часть карибов проживала к северу от Амазонки восточнее Рио-Негро. Тупи-гуарани занимали по преимуществу южную часть бассейна Амазонки и побережье Атлантики между устьями этой реки и Ла-Платы. Представители разных языковых семей нередко расселялись вперемежку.

Хозяйство обитателей тропических лесов базировалось на подсечно-огневом земледелии в сочетании с рыболовством, охотой и собирательством, значение которых зависело от местных условий. Первые европейцы были поражены обилием пищевых ресурсов в некоторых местах Амазонии. Там выращивали маниоку и маис (помимо других культур), содержали множество черепах в специальных ограждениях. Озера изобиловали рыбой, в большом количестве водилась птица. Добычей становились также ламантины и кайманы. Из диких растений наиболее употребительны в пищу были гигантская водяная лилия Виктория регия, у которой поедались корни и семена, и дикий рис. На территориях, удаленных от водных источников, пищевых ресурсов было меньше, снижалась плотность населения, возрастала его подвижность. Для охоты, помимо известных в других областях лука и стрел, обитатели тропических лесов использовали стрелометательные трубки с отравленными стрелами; в ряде мест они целиком вытеснили лук.

Земледельцы тропических лесов имели жилища нескольких типов. На западе

и северо-западе Амазонии возводились большие овальные в плане дома с полусферической кровлей. Для Гвианы более характерны круглые высокие хижины конической формы. В некоторых районах строили жилища прямоугольные в плане и с двускатной кровлей. В любом случае каркас жилища возводился из деревянных столбов, вкопанных в землю, а стены, если они имелись, и кровля состояли из обрешетки, закрытой травой или листьями пальм. Поселения могли быть из одного большого дома или нескольких хижин, расположенных вокруг центральной площадки, на которой мог находиться мужской дом.

Утварь включала предметы из дерева и кости, а также сосуды из тыквы и плетеные изделия. Многие группы знали производство керамики (как и в других частях Америки — без гончарного круга). Изготовлением керамических сосудов занимались женщины. Керамика могла быть раскрашенной или орнаментированной посредством процарапывания и налепа (в последнем случае изображались фигурки животных, антропоморфные головки и т.д.). Некоторые народы знали ткачество; самым большим тканым изделием был гамак.

В пищу шли растения как с огородов, так и собранные в диком состоянии. Особенно большого мастерства достигли обитатели тропических лесов в обработке горькой маниоки, клубни которой содержат вещества, превращающиеся, когда клубни отделены от ствола, в сильный яд (синильную кислоту). Клубни промывали, очищали от кожи, растирали на терках (обычно деревянных досках, армированных осколками камней), отжимали полученную массу в специально сплетенных рукавах и запекали ее в виде круглых лепешек на раскаленных глиняных сковородах. Лепешки могли храниться до года и более. Этим способом обитатели тропических лесов, где очень затруднено хранение пищи, могли создавать себе запасы как на сезоны с недостаточным обеспечением пищи, так и для переходов на длительные расстояния. Вариантом обработки маниоки было получение из нее муки — спекшуюся комочками массу измельчали в муку.

Лодки были почти у всех обитателей региона; их делали из коры или выдалбливали каменными топорами и теслами с помощью огня из стволов деревьев.

Общественное устройство земледельцев тропических лесов Южной Америки варьировало от небольших общин, сохранявших тесные родовые связи по женской и мужской линиям, до крупных образований с усложненной социальной структурой, где уже выделились военные предводители.

Промежуточная область

В нее входят материковые земли, лежащие между Мезоамерикой и границами инкского государства; иногда в нее включают и Венесуэлу, а также Антильские острова. Тогда область называют Циркумкарибской.

В последнее время Промежуточная область, особенно районы прибрежной Колумбии, рассматриваются археологами как возможный источник культурного импульса, положившего начало цивилизациям Мезоамерики и Центральным Анд. Об этом заставляют думать находки самой древней в Америке керамики, датированной началом IV тысячелетия до н.э. Затем эта область стала отставать в своем развитии, и своеобразие ее культуры в сравнении с лесными земледельцами стало определяться воздействием, прямым или опосредствованным, древних центров цивилизации.

Наиболее известные доколумбовы культуры этой области — Сан-Агустин на южном нагорье Колумбии и Таирона на севере той же страны. В Сан-Агустине уже в середине I тысячелетия до н.э. возводились земляные насыпи, строились храмы, воздвигались большие, до трех метров высотой, каменные скульптуры. Для Таирона была характерна архитектура, включавшая платформы для жилищ,

насыпные дороги, лестницы, бассейны, облицованные камнем, и прочее, а также высокоразвитая металлургия золота и меди. И во многих других местах Колумбии, запада Венесуэлы и Центральной Америки выплавка металлов и их обработка достигли высокой степени совершенства. О жизни подобного рода обществ можно судить по испанским описаниям чибча, занимавшим саванны восточной части центрального Колумбийского плоскогорья.

Центры высокого развития Промежуточного ареала на материке представляли собой островки среди более отсталых народов, которые практиковали подсечно-огневое земледелие, комбинируя его с собирательством, охотой и рыбной ловлей. Венесуэлу и восток Колумбии населяли племена, говорившие на аравакских и карибских языках. От северного Эквадора до Коста-Рики и Никарагуа обитали народы языковой семьи чибча-муйска. По верхнему течению р. Магдалена жили панче, мусо и лахе, в Центральной Америке — носители языков группы пайя-ленка.

На Антильские острова отдельные человеческие коллективы попали за несколько тысяч лет до н.э. На островах они занимались прибрежным морским собирательством, добычей крупных водных животных, охотой на птиц и грызунов. Важным сырьем для изготовления орудий стали большие морские раковины; использовались они и как емкости. В некоторых особо благоприятных районах, богатых пищевыми ресурсами, ранние обитатели островов вели оседлую жизнь.

На рубеже нашей эры на острова стали переселяться земледельческие группы из Южной Америки: по цепочке Малых Антильских островов они добрались до Пуэрто-Рико, Гаити, Багамских островов, Ямайки и Кубы. Ко времени появления испанцев доземледельческое население на островах сохранилось лишь в немногих изолированных районах Гаити и Кубы. Все земледельческие обитатели островов говорили в это время на аравакских языках и диалектах.

Земледельцы усвоили от своих предшественников многие навыки обработки местных материалов и использования местных пищевых ресурсов. С собой они принесли возделывание всех домашних растений, известных в области тропических лесов, в том числе и горькой маниоки. В некоторых районах Антиль удачное сочетание земледелия (в ряде мест знали орошение) и богатых пищевых ресурсов природного происхождения привело к образованию больших постоянных поселений, развитию ремесел (обработка камня и твердых пород дерева, холоднаяковка золота) и усложнению социальной структуры. Выделились крупные вожди, под властью которых находилось несколько деревень с десятками тысяч жителей; эта власть передавалась по наследству.

Религиозные верования обитателей Антиль сочетали культ личных духов-покровителей, для общения с которыми прибегали к церемониям, частью которых было курение табака, вдыхание табачной пыли и доведение себя до экстаза, с земледельческими культами, где в ритуалы включались приношения маниоковых лепешек, коллективные танцы и пение, а также игра в мяч на специально сооруженных площадках. Источники содержат упоминания человеческих жертвоприношений и ритуальной антропофагии. Аксессуарами религиозных ритуалов были различные предметы, среди которых особого упоминания заслуживают тщательно сделанные большие каменные кольца с антропоморфными изображениями и орнаментом (отдельные экземпляры достигали полуметра в диаметре).

Центральные Анды

Данная область включает в себя побережье и высокогорье Анд, входящие ныне в состав Эквадора, Перу, Боливии и северного Чили. В прибрежной зоне растительность небогата, животный мир также беден. Более разнообразна морская фауна, много птиц. Оседлая жизнь на побережье сформировалась еще в доземледельческий период. Со II тысячелетия до н.э. обитатели высокогорья уже возводили каменные дома и строили храмы. В начале I тысячелетия до н.э. в

северной части Перуанского нагорья возникает религиозный центр Чавин-де-Уантар. Более поздние культуры — паракас и наска на южном побережье, мочика на северном, тиауанаку в горах — выделялись своими особенностями в монументальной архитектуре, изготовлении керамики, текстильных изделий, оросительными сооружениями или работали по металлу. В некоторых местах появились крупные города. Так, столица Чиму Чан-Чан на северном побережье Перу в середине II тысячелетия н.э. занимала площадь более 18 кв. км. Город имел правильную планировку; каждый из десяти кварталов был обнесен стеной. В кварталах располагались жилые дома, пирамиды, общественные постройки, кладбища, огороды и бассейны с водой.

К началу испанского завоевания всей этой огромной территорией управляли инки, которые на протяжении примерно столетия путем военных союзов и завоеваний создали огромное государство, протяженностью с севера на юг около 4 тыс. км и с населением около 10 млн человек, столицей которого был г. Куско. Здесь проживали многочисленные народы, относившиеся к следующим языковым группам: мочика (северное побережье), кечуа (область Куско), аймара (южные районы плоскогорья); языки многих народов, упоминаемых в испанских источниках, не поддаются классификации из-за недостатка лингвистических данных. Сами инки говорили на одном из языков кечуа.

Народы, населявшие "империю" инков, занимались главным образом земледелием. Землю вскапывали при помощи узкой деревянной лопаты, снабженной упором для ноги. Женщины и дети убирали камни и разбивали комья земли. Посадку растений делали с помощью заостренной палки, прополку — каменными мотыгами; применялись и бронзовые наконечники орудий. Земли орошались и удобрялись.

Главной культурой был маис. Его размалывали в муку, но чаще потребляли вареным или жареным (обработке подвергался весь початок). В горах маис замещался другой зерновой культурой, киноа (просообразное растение семейства маревых); из нее готовили каши. Там же выращивался картофель, который потребляли в разных видах. На побережье высаживали фасоль, бобы, тыкву, маниоку, томаты, перец и ряд других культур, а также фруктовые деревья. Разводили и технические культуры, хлопок и магей. Листья коки использовались в качестве тонизирующего средства, табак — как лекарство.

Практиковались охота и рыболовство. Там, где земледелие было малопродуктивным, основу хозяйства составляло разведение лам и альпак. Каждая община имела свое стадо. Ламы служили для транспортировки грузов с помощью выюков и давали шерсть; альпаки использовались только для последней цели, их шерсть особенно ценилась за свои качества. В пищу эти животные шли очень редко.

Инки добывали руды и выплавляли металлы, в том числе несколько видов бронзы. Из нее отливали орудия (топоры, ножи, наконечники мотыг и боевых палиц, серпы, щипцы, булавки и прочее) и украшения (бубенчики). Инкские мастера знали разные способы обработки металла.

Жилища в горах возводили из камня, они имели двускатные кровли, узкие двери, закрываемые циновкой. Внутреннее пространство могло разделяться легкими перегородками. На побережье жилища строили из сырцового кирпича или плетня, обмазанного глиной. Окон в жилищах не было. Мебель отсутствовала. Из утвари пользовались сосудами из глины и тыквы, корзинами, деревянными ложками, каменными ступами и зернотерками.

Женщины пряли шерсть и хлопок с помощью веретена, ткали разнообразные ткани, от очень тонких до ковровых. Ткани раскрашивали, вышивали, в них вплетали золотую нить и перья. Одежда мужчин состояла из набедренной повязки, туники и узкого плаща, завязываемого на груди. Женщины обвертывали тело длинным куском ткани на уровне груди и скрепляли его булавкой; они носили также

широкие пояса и плащи, скреплявшиеся на груди с помощью застёжки. Обувью мужчинам и женщинам служили сандалии из невыделанной кожи или из магея.

Важное значение в огромном инкском государстве имели транспортные коммуникации. Через всю страну шли с севера на юг две дороги, от которых отходили более мелкие дороги и тропы. Строители умели воздвигать подвесные мосты с опорами в виде каменных столбов. Через реки переправлялись на плотах. На дорогах располагались посты со скороходами, которые доставляли сообщения во все уголки государства. Торговля и обмен были развиты слабо, так как перераспределение продуктов и сырья осуществлялось государством посредством сбора налогов в натуральной форме и доставки их туда, где в них испытывалась необходимость.

Что касается общественных отношений в инкском государстве, то для него было характерно сочетание доклассовых и классовых признаков. Основной ячейкой общества инков была айлью – соседская община. Она распоряжалась отведенной для нее землей; ее члены, как правило, жили в одном селении. Айлью имели особое название – кондор, пума и т.п., они были экзогамны, счет родства велся преимущественно по женской линии. В общине насчитывалось около сотни жилищ, в каждом из которых обитала одна семья. Помимо жилого дома, в хозяйство входили хлев, амбар и огород. Возделываемые земли периодически перераспределялись между семьями. Члены общины обрабатывали также государственные земли (поля Инки) и храмовые (поля Солнца). Они имели равное право на пользование общинными лесами и выпасами.

Общинники покоренных земель должны были нести трудовую повинность (мита) в пользу государства: мужчины – строить мосты, каналы, дороги, крепости и храмы, а женщины – прясть, изготавливать ткани. Над общинниками стояла местная знать, которая следила за исполнением работы общинниками и сбором налогов. Выше нее находились инки, занимавшие самые высокие административные и жреческие должности, являясь в определенной мере замкнутой кастой, члены которой приобретали свое положение по рождению. Земли для них возделывали общинники. Кроме того, в личном услужении у них находились молодые люди из покоренных племен. Эти люди, называемые янакуна, использовались также для обслуживания дворцов, храмов, как носильщики в войске, сторожа складов или обучались какому-либо ремеслу и затем обслуживали своих хозяев. Сходное с янакуна положение имели девушки, которых называли аклякуна. Их забирали из айлью в возрасте 8–9 лет и воспитывали в строгости в некоем подобии монастырей. Часть их становились жрицами, другие – наложницами правителей или выдавались замуж за янакуна. Их также обучали ремеслам, и они работали на господ – пряли, ткали, вышивали. Положение янакуна было наследственным, и некоторые исследователи считают возможным сближать его со статусом рабов.

Территории, которые были подчинены инкам, делились на четыре больших провинции, во главе каждой стоял свой правитель, который подчинялся верховному вождю – Верховному Инке (Сапа Инка). Верховный Инка возглавлял войско и вершил важные административные дела. Инки почти не вмешивались в правовые нормы различных народов государства и ограничивались установлением только таких обязательных порядков, которые обеспечивали государственную стабильность и поступление дани. За соблюдением порядка в общинах следили старшины. Отношения между общинами регулировались провинциальными правителями. Только они могли принимать решение о смертном приговоре. Верховный правитель или его совет разбирали вопросы, связанные с опасностью для государства, а также с преступлениями, совершенными инками или местными вождями. В инкском государстве сурово карались личная месть и самосуд. Чтобы получить признание подсудимых, прибегали к пыткам. Частой мерой наказания была смертная казнь.

В инкском государстве важную роль играла его военная организация. Существовала постоянная армия, все дороги охранялись крепостями. Войны, как правило, носили захватнический характер. Войска снабжались либо из складов, расположенных на дорогах, либо из сопровождавших грузовых караванов. Оружием служили пращи, луки, копьеметалки, бронзовые топоры и булавы с бронзовыми наконечниками. Тело защищали деревянные шлемы, хлопковые панцири и деревянные щиты. Пленников, в отличие от многих других обществ, освобождали, при этом побежденные вожди получали место в системе государственного управления.

Инки владели разнообразными положительными знаниями. Для наблюдения за небесными светилами в Куско были построены обсерватории. Инки пользовались как лунным, так и солнечным календарем. Детей знатных лиц обучали в школе. Там они в течение года учили язык кечуа, который был государственным, затем религию и связанный с ней календарный цикл и так называемое "узелковое письмо" (кипу).

Инки не знали настоящей письменности, и необходимые им сведения накапливались и передавались с помощью кипу — завязанных узелками шнурков, где посредством цвета, положения и формы шнурков, а также положения узлов можно было отразить не только вид и качество подати, но и обозначить время, в том числе календарные даты и т.д. Для расшифровки кипу готовились специальные люди.

В религиозных воззрениях народов, входивших в состав инкского государства, заметный слой составляли тотемические верования, культ предков, а также культы природных сил. Каждая айлья почитала своего тотемического предка; покровителей имела и каждая семья — их воплощения, обычно в виде камешков особой формы, хранились в доме. Верили в духов, способствующих урожайности возделываемых растений (в первую очередь маиса) и плодовитости домашних животных. Инки не искореняли местные божества завоеванных народов и не замещали их своими. Более того, местные боги находили место в общегосударственном пантеоне. Верховными божествами были Инти (солнце), Ильяриа (гром) и Килья (луна). Другими божествами государственного уровня были Мамакоча (море), Пачамама (мать-земля) и Виракоча (творец мира). Наиболее почитаемым у инков был бог-Солнце. С его культом был связан и культ обожествленных верховных правителей, считавшихся "Детьми Солнца". Храм бога-Солнца находился в Куско; помимо изображения Солнца в виде золотого диска, там находились изображения Виракочи и Луны.

В жертву богам приносили все, что ценилось человеком при жизни: раковины, перья, драгоценные камни и металлы, домашних и диких животных и т.д. В храме Солнца в Куско каждое утро приносилась в жертву белая лама. В отдельных случаях (война, землетрясение, эпидемии, смена правителя) жертвы могли стать людьми. Наиболее впечатляющими были церемонии, связанные с солнечным годом; самые важные совершались в день зимнего солнцестояния в июне, в день весеннего равноденствия в сентябре и в день летнего солнцестояния в декабре.

* * *

Ко времени прихода европейцев в Америку местные жители освоили практически все природные области — холодные и безлесные пространства севера, засушливые полупустыни, открытые травянистые равнины, густые леса, холодные высокогорья, а также богатые ресурсами побережья. Решающим фактором развития местных культур стало земледелие, на основе которого в обширных областях смогли расцвести ремесла и сформироваться раннеклассовые государства. В отличие от Старого Света этот процесс не был поддержан таким существенным фактором, как использование силы животных в обработке земли (и, следовательно,

применением пахотных орудий); не был известен колесный транспорт; аборигены Америки не дошли до металлургии железа.

Несмотря на сходство ряда элементов культуры американских народов с культурными явлениями народов Старого Света, все же очевидно, что весь процесс сложения цивилизаций в Америке можно объяснить развитием, независимым от внеконтинентальных связей. Установлено также, что древние центры культуры имели постоянную (хотя и разной интенсивности) связь с земледельческими народами; есть свидетельства и о наличии связей между отдельными центрами высоких культур Америки, в том числе и весьма удаленными один от другого.

ЗАВОЕВАНИЕ И КОЛОНИЗАЦИЯ АМЕРИКИ ЕВРОПЕЙЦАМИ

Завоевание Америки европейцами и ее колонизация повлекли за собой грандиозные изменения демографического, культурного и этнического характера во всем мире. Постепенное вхождение Америки в систему нарождавшихся и развивавшихся капиталистических форм социально-экономических отношений, в структуру мировых связей экономического, социального и культурного характера сказалось не только на судьбах аборигенов Америки, пришельцев и их потомков, но и на жителях Старого Света, особенно Западной Европы и Африки.

АБОРИГЕНЫ И ЕВРОПЕЙЦЫ

Испанское открытие и завоевание (конкиста) новых земель началось в 1492 г. с Антил, где в течение нескольких десятков лет порт Санто-Доминго на Эспаньоле (прежнее испанское название о. Гаити) был центром, куда приходили корабли из Испании и откуда завоеватели и колонисты отправлялись на соседние острова и на материк. Некоторое время таким плацдармом служила Куба, откуда вышли экспедиции в Мексику и во Флориду. Менее чем за 30 лет после того, как Х. Колумб достиг островов, пала столица астеков Теночтитлан – в 1521 г. Еще через десять лет было в основном сломлено сопротивление инков, хотя в некоторых местах они сражались до 70-х годов XVI столетия. В последующие десятилетия испанские отряды прошли по многим землям Америки, подчиняя их своему господству. Лишь арауканы в Чили остались непокоренными. Восточная часть Южной Америки по соглашению между Испанией и Португалией осталась за последней, и освоение Амазонии осуществлялось португальцами.

Уже во второй половине XVII в. другие европейские державы – Англия, Голландия и Франция – имели свои колонии на Антилах и в северо-восточной части Южной Америки. Голландцы, англичане и французы стали захватывать и колонизовать Северную Америку. С конца XVIII в. северо-запад Северной Америки осваивали русские колонисты. На протяжении всей колониальной истории границы владений европейских государств в Америке не были стабильными и неоднократно менялись в зависимости от исхода европейских войн. В Америке эти войны осуществлялись как в виде пиратских набегов англичан, французов и голландцев на испанские владения, так и путем отторжения некоторых испанских владений: в 20—30-е годы англичане колонизовали Барбадос, Сент-Китс, Антигуа, Мартинику, в 1655 г. отторгли у Испании Ямайку; французы захватили некоторые острова из Малых Антил, а в конце века завладели западной частью Санто-Доминго (о. Гаити) и т.д. Колониальные переделы имели место и позже.

Цели открытий и завоеваний новых земель были определены (еще до начала плаваний Колумба) в соглашениях между римским папой и испанскими королями. На первом месте среди этих целей стояло распространение католицизма. Папа Александр "даровал в вечное владение" испанским королям то, что ему не принадлежало – "все острова и материк найденные и те, что будут найдены" "со

всеми владениями, городами, замками, поселками и селениями". Завоевание новых земель проводилось частными лицами, получавшими соответствующие разрешения от испанских королей. В договорах обычно содержались призывы хорошо обращаться с местными жителями. На практике эти оговорки ничего не значили, так как у конкистадоров, отправлявшихся из Испании в далекую Америку, на первом месте стояла другая цель — разбогатеть и как можно быстрее. Особые распоряжения королей и специальные законы также не смогли защитить аборигенов. Так складывалась ситуация в Южной и Центральной Америке.

В Северной Америке интересы европейских держав в начальный период колонизации сосредоточивались на торговле с местными жителями (европейцев интересовала прежде всего пушнина) и на промысле морского зверя. Однако уже с XVII в. начинается массовая колонизация главным образом выходцами из Англии. Так, в 1700 г. в Виргинии насчитывалось уже около 70 тыс. колонистов. Колонии были земледельческими. Там выращивали как местные культуры, так и привезенные из Старого Света рис, сахарный тростник, конопли, лен и др. В середине XVIII в. в Северной Америке было уже 13 британских колоний с населением более полутора миллионов человек. Коренное население во многих случаях изгонялось со своих земель и уничтожалось; в некоторых случаях с аборигенами заключались грабительские договоры. Колониальные власти поощряли войны между разными племенами.

Как в Южной, так и в Северной Америке местные жители оказались втянуты в непрерывные походы европейцев — они служили носильщиками, проводниками и разведчиками, использовались в хозяйственных работах, участвовали в военных действиях. Отрыв мужчин на длительное время от земледельческих работ, охоты и других хозяйственных занятий (многие и вовсе не возвращались из походов) приводил к ослаблению общин даже там, где они не подвергались прямому уничтожению, и к их распаду. Кроме того, завоеватели нередко изымали пищевые запасы аборигенов.

Несомненно, эти факторы в немалой степени способствовали распространению среди аборигенов голода и массовых заболеваний, ведущих к высокой смертности. Наряду с лишением индейцев земель и их эксплуатацией европейскими колонизаторами наиболее существенной причиной массовой гибели коренного населения Америки стали болезни, привезенные захватчиками и колонистами, против которых у местного населения не было иммунитета. В зависимости от избранных принципов демографических оценок численность коренного населения Америки к концу XV — началу XVI в. определялась разными исследователями весьма различно — от нескольких миллионов человек (8,4 млн — А. Кребер, 1939 г.) до 90–110 млн (Г.Ф. Добинз, 1966 г.). Считается, что на протяжении первого столетия колонизации погибло до 95% коренного населения. Очень быстро пришли в запустение огромные области Америки, в особенности острова и прибрежные районы; сокращалось и число жителей на территориях бывших крупных государственных образований.

Последствия столкновения двух миров — Старого и Нового Света — по-разному оценивались участниками этого процесса. Испанский историк Ф. Лопес де Гомара назвал деяние Колумба "наиболее великим событием после сотворения мира" за исключением рождения и смерти Христа. Европейцы чаще всего рассматривали захват Америки как коллизию между христианами и язычниками; нередко при этом даже жажда обогащения у завоевателей оценивалась как кара божья, насланная на коренных жителей Америки. Попытки защитить местных жителей, предпринимавшиеся со стороны некоторых испанцев (среди них в XVI в. особенно был известен историк и публицист, священник Бартоломе де Лас Касас), и доказать их равенство с европейцами имели лишь незначительный успех в законодательной

сфере; в повседневной же практике на первом месте стоял голый экономический интерес.

На аборигенов постигшая их катастрофа, как можно судить по ряду свидетельств, произвела удручающее, деморализующее впечатление. Побежденные астеки, в частности, говорили: "Дайте уж нам умереть, дайте нам погибнуть, ибо наши боги уже умерли... Делайте с нами, что хотите". Такая обреченность долгое время преобладала у аборигенов Америки в их отношениях с европейцами и их потомками.

НАСИЛЬСТВЕННАЯ ИММИГРАЦИЯ ИЗ АФРИКИ

В первые десятилетия колонизации Нового Света потребность в рабочей силе удовлетворялась за счет аборигенов. Однако, как сказано выше, в ряде мест аборигенное население быстро исчезло. Кроме того, завоеватели пришли к выводу о меньшей эффективности труда индейцев, чем негров-рабов, которые были известны испанцам еще на родине. Труд привезенных в Америку рабов-негров на протяжении XVI в. использовался главным образом в домашнем услужении, а также на возведении крепостных сооружений, лесоповале, в меньшей мере – в скотоводстве и земледелии. Лишь в Бразилии с середины века стали возникать крупные земледельческие хозяйства (плантации), где выращивались тропические культуры, вывозимые в Европу. В XVII в. плантации появились и в колониях других европейских держав – как на материке, так и на островах.

С ростом спроса на мировом рынке на такие продукты, как сахар, табак, индиго, хлопок и некоторые другие, расширялось их производство (за счет освоения новых земель и применения все большего количества рабочей силы). Поток рабов из Африки в Америку непрерывно увеличивался; больше всего их привозили в Бразилию, на юг британских материковых владений в Северной Америке и на Антильские острова. В других регионах Америки труд рабов также использовался, но в меньшей степени.

Существуют разные способы исчисления количества рабов, привезенных в Америку из Африки. По подсчетам одних исследователей, в Новый Свет почти за четыреста лет работорговли было ввезено около 9 млн африканцев. Другие склоняются к более высоким количественным оценкам, полагая, что число рабов-африканцев, привезенных в Америку, достигло 15–16 млн человек.

На протяжении эпохи работорговли численность рабов, поступающих в разные районы плантационного земледелия, менялась. Менялся и их этнический состав.

Обращение с рабами в разных колониях в целом мало различалось. Отличия зависели скорее от того рода занятий, для которых предназначались рабы. Везде положение сельского раба было много более тяжелым и бесправным, чем городского. Там, в период сафры, т.е. во время рубки сахарного тростника и его переработки в сахар, рабы имели на сон не более четырех часов в сутки. В городе, особенно в испанских колониях, имелось больше возможностей заняться дополнительной работой и при благоприятных условиях выкупиться на волю. В колониях католических стран церковь следила за тем, чтобы в воскресенья и дни религиозных праздников никто не работал, в том числе и рабы. В сафру эти предписания не соблюдались.

Африканские рабы и их потомки в Америке постоянно оказывали сопротивление эксплуатации и произволу хозяев. Самым распространенным способом борьбы было бегство; в испанских колониях такие беглецы получали названия симарронов, в английских – марунов и т.д. В недоступных районах иногда образовывались целые лагеря беглецов (паленке в испанских колониях, киломбо в Бразилии) и даже области (можно назвать "лесных негров" в Гвиане). Нередко недовольство своим положением принимало форму спонтанных бунтов (несколько месяцев длилось восстание негров на Ямайке в 1760 г.), восстаний, во главе

которых стояла креольская (местная) черная элита из ремесленников (на Ямайке в 1831 г.), и заговоров, в которые были вовлечены свободные мулаты и даже белые (процесс Эскалера на Кубе в 40-е годы XIX в.). В некоторых странах рабы принимали участие в борьбе за освобождение страны от колониального господства (освободительная война на Кубе в 1868–1878 гг.).

Формально работорговля подверглась осуждению европейскими державами еще на Венском конгрессе 1815 г. Однако отмена рабовладения затянулась на многие десятилетия, в течение которых работорговля, теперь уже контрабандная, продолжала практиковаться. Рабовладение было отменено в колониях Великобритании в 1838 г., в колониях Франции – в 1848 г., в колониях Голландии – в 1853 г., в США – в 1865 г., на Пуэрто-Рико – в 1873 г., на Кубе – в несколько этапов с 1868 по 1886 г., в Бразилии – в 1888 г. Однако первыми, после многих лет кровавых гражданских войн и борьбы с интервентами, победившие негры провозгласили независимость и окончательно упразднили рабовладение на Гаити по конституции 1805 г.

В эпоху рабства в британских колониях рабов освобождали редко. Так, свободные негры на Ямайке до 1800 г. составляли самое большее 4% населения; белых в то время на острове было более 8%, остальные – рабы. В США к концу периода рабовладения свободные негры и мулаты составляли около 12% всего населения африканского происхождения. На Кубе свободных негров и мулатов также было всегда меньше, чем белых или рабов, большую часть которых составляли негры, но соотношение долей этих социальных групп выглядело иначе. В 1841 г., когда число рабов на острове достигло максимального уровня, там проживало более 400 тыс. белых, почти 437 тыс. рабов и около 153 тыс. свободных негров и мулатов (то есть приблизительно 41, 44 и 15%). Затем доля белого населения стала заметно увеличиваться, доля рабов-негров снижаться и доля свободных негров и мулатов – немного расти.

В разных странах и даже на разных территориях одних и тех же стран свободное цветное население (как называли негров и мулатов) имело неодинаковые социальные возможности и разные права, но нигде его статус не становился одинаковым с положением белых – как в период рабовладения, так и после отмены рабства. Тем не менее в испанских колониях свободные негры и мулаты имели больше возможностей для некоторого социального продвижения – главным образом через службу в местном ополчении. Дело в том, что из свободных негров и мулатов колониальные власти составляли отдельные подразделения (отряды и батальоны), предназначенные в первую очередь для защиты от нападений пиратов. Ополченцы за свою службу получали от властей некоторые льготы юридического и экономического характера. Так, в Гаване, одном из крупнейших портов Испанской империи, ополченцы негры и мулаты имели исключительное право организации грузовых работ на причалах, что давало им возможность при случае разбогатеть, приобретать недвижимость и даже рабов. Положение свободных негров и рабов тесно коррелировалось с состоянием рабовладения в той или иной области Америки. Повышенная концентрация рабов в данной области, усиление и жестокость их эксплуатации влекли за собой рост сопротивления рабов. Как следствие, свободные негры и мулаты становились более подозрительными для властей, да и для других белых обитателей колоний, и права негров и мулатов еще более ограничивались.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

В отдельных регионах Американского континента существенно менялся этнический состав населения. Испания и Португалия в колониальный период ограничивали или вообще запрещали иностранцам въезд в свои колонии, и их число там было невелико. В британские же колонии мигрировали не только жители этой империи (англичане, шотландцы и другие), но и обитатели других стран Европы. Согласно первой переписи США (1790 г.) почти четверть населения страны

составляли выходцы или потомки выходцев не из Британии, а из других стран, среди них немцы и голландцы составляли около половины. В британских колониях было много французов, как на территориях, захваченных Англией у Франции, так и иммигрантов из самой Франции или французских колоний. Часто поселенцы селились моноэтническими группами, и этническую карту североамериканских колоний того времени сравнивают с "лоскутным одеялом". Этническое своеобразие сохраняли и выходцы из разных частей Британии: англичане, шотландцы, ирландцы, ольстерцы (северные ирландцы), валлийцы. Среди других колоний выделялась колония голландцев в северной части Нью-Йорка. Там, помимо голландцев проживали англичане, шведы, немцы и финны, испытывавшие заметное культурное воздействие голландцев (в частности, богослужение велось на голландском языке). Тем не менее к концу XVIII в. голландцы в США, которых насчитывалось более 100 тыс. человек, были в значительной мере ассимилированы англичанами.

Немцы, главным образом из южных областей Германии, стали переселяться в Северную Америку с конца XVII в. Они селились на атлантическом побережье, но особенно известными стали их колонии в Пенсильвании. Ее жители говорили на разных диалектах немецкого, преобладал пфальцский. Пенсильванцы долго сопротивлялись проникновению английского языка в их среду, но позднее у них распространилось двуязычие. В то же время на "пенсильванском немецком" даже создавались произведения художественной литературы.

Некоторые районы США особенно отличались множеством этнических групп разного происхождения. Так, в штате Нью-Джерси на атлантическом побережье в конце XVIII в. англичане и их потомки составляли менее половины жителей; остальные были голландцы, немцы, шведы, ирландцы, ольстерцы, шотландцы и рабы из Африки. Однако и там со второй половины XVIII столетия английский язык стал вытеснять все другие. Возобладали среди местного населения и некоторые стереотипы пуританской морали.

Выходцы из Британии селились также в британских колониях на Антильских островах, в некоторых прибрежных районах Атлантического побережья Центральной Америки и в Гвиане.

Устойчивая французская иммиграция в Америку началась в XVII в. Она направлялась на острова, в Канаду, в бассейны рек Миссури и Миссисипи, а также в Кайену (или Французскую Гвиану). Голландцы имели свои колонии помимо Северной Америки на островах и на южно-американском континенте — в Бразилии (недолго) и Суринаме.

Европейские иммигранты в Америке именовали себя по названию той страны или ее части, откуда они прибыли: испанцы, португальцы, французы, ирландцы и т.д. Названия, даваемые пришельцам аборигенами, широкого хождения не получили. Все коренные жители Америки с самого начала стали для европейцев "индейцами" (*indios, indians* и пр.), так как открытые земли были первоначально приняты за Индию. Конкистадоры и колонизаторы быстро убедились в том, что там живут разные народы, говорящие на разных языках, но первое общее название осталось. Слово индеец становилось и самоназванием для аборигенов Америки — в тех случаях, когда они утрачивали традиционные общественные отношения, многие элементы культуры, а также прежний язык; сохранению "индейского" самосознания способствовал монголоидный облик его носителей, отличавший их как от европейцев, так и африканцев. Кроме того, в испанских колониях статус индейца давал некоторые льготы при уплате налогов и в землепользовании.

Другим расширительным названием для части нового населения Америки стало слово "негр", которым назывались все рабы, привезенные из Африки, независимо от их этнической принадлежности, а также их потомки от несмешанных (а в ряде случаев и смешанных) в расовом отношении браков. В ходу были и синонимы этого слова на разных языках, которые переводятся в любом случае как

"черный". Для того чтобы различать негров, родившихся в Африке, от тех, что родились в Америке, возникло несколько понятий. В испанских и португальских колониях первых называли "босалями" или "неграми нации" (под нацией имелась в виду определенная этническая группа или место происхождения, которые обычно указывались). Вторых называли "креолами" ("уроженцами"). Негр, овладевший языком колонизаторов, в иберийских колониях назывался "ладино".

Содержание категории "негр" в странах Латинской Америки и британских колониях различалось, так как в последних к ней относили также лиц смешанного евро-африканского происхождения, называемых обычно "мулатами". Во всех странах имелась категория, объединявшая "негров" и "мулатов", а позднее (в некоторых странах) также "индейцев" и иммигрантов из Азии и их потомков — "цветные". Именно цвет кожи выступил, таким образом, в качестве признака, который во многих странах, хотя и в разной степени, проводил границу между разными группами населения одной и той же области или страны, препятствуя этнообъединительным тенденциям.

Испанская и португальская иммиграция в Новый Свет была по преимуществу мужской, особенно в начале колонизации. Солдаты и чиновники брали себе индейских женщин в качестве служанок и наложниц и лишь изредка вступали с ними в официальные браки; так же они поступали с рабынями-негритянками и свободными мулатками. Подобного рода связи, хотя и порицаемые законом, имелись и в других колониях — английских, голландских, французских. Был и еще один путь межэтнического и межрасового смешения — связи между представителями негритянского и индейского населения.

Потомки европейцев и индейских женщин назывались общим словом "метисы". В некоторых местах они имели свои особые названия (например, в Бразилии XVI—XVII вв. их называли "мамалюки" или "мамелюки"; позже эта группа стала называться "кабокло"). Потомки негров и индейцев назывались "самбо" (в Бразилии их называли "карибока" или "кафуса"). Смешение европейцев с аборигенами достигало разной степени интенсивности в разных частях Америки. На островах, где аборигены быстро исчезли почти поголовно, оно не имело большого значения, и незначительная метисная прослойка, образовавшаяся в начале, со временем растворилась среди других групп. В Северной Америке смешение пришельцев с аборигенами получило некоторое распространение в канадских провинциях; на территории же будущих США, где европейская иммиграция оказалась более сбалансированной по соотношению полов, метисация не получила большого развития. Во многих областях материковой Испанской Америки, в противоположность Северной, метисы образовали заметный слой населения или даже стали преобладать количественно — в большей части Мезоамерики, в Колумбии, Чили и Парагвае.

Граница между "индейцами", "метисами" и "белыми" носила в большей мере социальный, чем расовый характер. Так, в Бразилии существовало несколько групп метисов-кабокло. Словом "кабокло" называли себя многие индейцы, неимущие кабокло относили себя к "индейцам", а богатый кабокло мог считать себя "белым". Такие явления известны и в других странах. В ряде регионов колониальной Америки проходило постоянное сокращение индейского населения, а число метисов росло. Полагают, что это явилось не только результатом физического смешения, а и следствием смены самосознания, а именно отказом от признания себя в качестве "индейца" и стремлением через промежуточное состояние "метиса" приблизиться к статусу "белого".

Потомки белых и негров — мулаты — не стали в Северной Америке, как и "метисы", заметной прослойкой населения со своим особым статусом, так как лица с разной степенью примеси негрской крови причислялись там к "неграм"; сходная ситуация была и в других британских колониях. А вот на Антильских островах

Испании, в ее приморских владениях, а также в Бразилии, где число белых женщин было невелико и католическая церковь и местные власти не слишком противились образованию смешанных семей и где было немало вольноотпущенников, сложилась значительная прослойка мулатов. Такой же процесс имел место во французской островной колонии Сан-Доминго. Смешанное население афро-европейского происхождения сосредоточивалось прежде всего в городских центрах Америки.

В странах Латинской Америки, где градация по цвету кожи приобрела важное значение в общественных отношениях, было известно множество названий разных степеней смешения трех рас — более 40 в Мексике, около полутора десятков в Перу. В повседневной жизни, однако, обходились небольшим числом таких категорий: мулат, квартерон, самбо, чино (в некоторых странах — потомок негров и индейцев) и др.

Результатом многообразных расовых и этнических смешений в Америке стало образование не только особых прослоек в составе населения, но и компактных групп, занимавших определенные территории и даже приобретающих некоторые признаки региональной культуры и особое самосознание. Так, в Луизиане во второй половине XVIII в. сложилась группа смешанного населения из потомков французов, мигрировавших туда из Акадии (Новой Шотландии), немцев, испанцев, шотландцев и др. Эта группа называлась "каджуны", ее члены говорили на французском языке и имели многие черты французской колониальной культуры. Там же, в Луизиане, была и другая группа — "сабины", потомки индейцев, негров и белых; они также говорили на французском и исповедовали католичество. В Центральной Америке, на территории современного Никарагуа в результате смешения индейцев и негров появились "самбо-мискиты", из которых сформировались современные мискиты. Еще одна смешанная группа Центральной Америки — так называемые "черные карибы" (самоназвание гарифуна) — индейско-негрского происхождения; ее представители до недавнего времени говорили на аравакском языке аборигенов Малых Антиль.

Для этнической истории Америки как колониального, так и более позднего времени стало характерно перемещение больших масс населения из одного региона в другой, что в одних случаях приводило к появлению новых этнорасовых групп, а в других делало население отдельных областей более гомогенным. Помимо начальной европейской колонизации большую роль в миграциях играла неоднократная смена метрополий, владевших теми или иными территориями. Передвигались и аборигены. В прерии Северной Америки стекались индейцы с севера и востока субконтинента; индейцы Северной Америки постоянно отходили на запад под натиском европейских колонистов. На южном материке на равнины Аргентины переселились с запада арауканы. Двигались аборигены и на землях, удаленных от прямого контакта с колонистами: это происходило под воздействием миссионеров, селявшихся аборигенов поближе к миссиям (в Парагвае, Аргентине, в бассейнах Ориноко и Амазонки). Многие миссии подвергались разорению немирными индейцами, а миссии иезуитов были расформированы в 60-х годах XVIII в. Населявшие их аборигены нередко возвращались в места прежнего обитания.

На протяжении всего колониального периода важным демографическим фактором оставалась иммиграция из Европы и Африки; в XIX в. значение приобрела иммиграция из Азии, главным образом из Индии и Китая.

В начале колонизации понятие "индеец" служило для обозначения местного уроженца, "испанец" и т.д. был пришельцем из Европы, "негр" — привезен из Африки. Ситуация усложнилась, когда у добровольных пришельцев из Старого Света стало появляться потомство. Потребовались новые понятие и термины для подчеркивания нового свойства людей — нового места и условий рождения и жизни. Сложилось несколько способов обозначать эту новизну. Конечно, в течение некоторого времени для потомков испанцев, португальцев и прочих употреблялись

те же наименования, что и для их родителей ("испанец" и т.д.). Затем чаще стали употреблять выражение "уроженец такого-то места" (города или местности). Эта форма долго использовалась как название и как самоназвание, хотя наравне с ней потомков выходцев из той или иной метрополии продолжали называть (в особенности власти метрополии) по названию соответствующей метрополии — испанцами, англичанами и т.п. Указание на место рождения человека было функционально, так как уроженцы метрополии пользовались в колониях преимуществами, недоступными так называемым "белым" уроженцам колоний, не говоря уже об индейцах, неграх и смешанном населении (служба в регулярной армии, высокие гражданские и церковные должности и др.).

Достаточно быстро получило распространение (в романских языках) и особое слово для обозначения людей, родившихся в Америке и не бывших "индейцами" — "креолы" (с разными формами в разных языках). Креол — здешний уроженец, местный. Содержание понятия "креол" менялось во времени в разных частях Америки, но всегда служило для отделения одной части населения страны от другой (так, в XIX в. в Луизиане креолами называли белых потомков испанцев и французов в отличие от англоязычных американцев).

Таким образом, на раннем этапе колониальной истории в разных частях Америки сложились противостоящие одна другой большие группы населения. "Негры" и "индейцы" никак не идентифицировались с "испанцами", "англичанами" и т.д. Смешанные группы, хотя и занимали промежуточное, как бы переходное положение, не могли отнести себя ни к одной из групп — "родительниц" — главным образом по цвету кожи, соотносимому с социальным статусом, хотя некоторые элементы культуры могли быть общими.

Именно в этих промежуточных группах в первую очередь могла появляться потребность в осознании своего особого положения и в выработке нового самосознания. Когда подобные группы составляли компактное население определенных территорий, это самосознание приближалось, вероятно, к этническому, о чем говорят особые названия (сабины и др.). Другая линия сложения нового самосознания шла за счет обособления по территориальному признаку — уроженцы колоний, в том числе и потомки белых колонистов, осознавая новую реальность и свои интересы, стали противопоставлять себя (или были противопоставляемы) уроженцам метрополии.

В XVIII в., вероятно, стала складываться практика определения места рождения людей не только типа "уроженец Сан-Пауло", "уроженец Виргинии", "уроженец Гаваны" и т.д. (что было свойственно для раннего колониального периода), но и "паулист", "виргинец", "гаванец" и пр. К этому роду названий можно отнести наименование "мехикано" (поначалу индеец Мексики), "акадец", "канадец" (франкоязычный житель Канады), "кубинец", "кубано" (житель г. Сантьяго-де-Куба). Эти названия и самоназвания отражают формирование региональных самосознаний, которые затем могли перерасти в этнические. Именно в таких, поначалу узких рамках, обычно ограниченных крупным городом и соответствующей провинцией, стал развиваться местный патриотизм, любовь к родине (не без влияния идей французского просвещения). Компонентом нового самосознания стала тяга к истории родины; появились первые истории городов и провинций, написанные их уроженцами. Развитию более широкого местного самосознания мешала разобщенность местностей и регионов в колониях между собой, при этом каждая колония была связана прежде всего с метрополией, а в решении важных для нее вопросов нередко оставалась предоставленной самой себе.

По мере развития колоний усиливалось стремление их обитателей, в особенности состоятельных слоев, к независимости. Это стремление первоначально носило чисто экономический характер, так как мотивы борьбы за культурную или этническую самостоятельность отсутствовали. Борьбу за независимость возглав-

ляли люди, происходившие из верхних слоев и, следовательно, более всего связанные с культурой соответствующих метрополий (по языку, религии, многим обычаям и привычкам). Лишь позднее в эту борьбу были втянуты и низы, в том числе индейцы, негры, метисы и мулаты, сражавшиеся за свои социальные, групповые и личные интересы (свободу или расширение прав). Во многих странах именно освободительные войны, совместная борьба против тех, кто защищал интересы метрополии, способствовали единению различных расовых и этнических элементов и выработке общего самосознания в рамках новых нарождающихся государств.

Около середины XVIII в. противопоставление интересов колоний и метрополий мыслилось как имеющее континентальный характер. Это отразилось в названии уроженцев Нового Света — их стали называть "американцами"; так же они называли и сами себя. В испанских колониях хорошо прослеживается переход от понятия "американский испанец" (*español americano*) к понятию "испанский американец" (*americano español*). В данном случае от перестановки слов существенно изменился смысл: "испанец Америки" превратился в "американца", хотя и подчиненного Испании. В северных колониях Британии тенденция к единению возобладала, и "виргинцы", "филадельфийцы" и другие остались "американцами", чему способствовало и название государства. В то же время в Испанской Америке верх взяли регионалистские тенденции, и новые страны, за редким исключением, образовались на территориях ведущих провинций и получили названия по наименованиям этих провинций. По названиям новых стран стало именоваться проживавшее там население. Новые политонимы превратились со временем в этнонимы. Этот процесс имел в отдельных странах разную длительность, и его содержание имело некоторые отличия.

Изменения в сфере регионального и этнического сознания и самосознания у населения Америки, которые часто не затрагивали аборигенов Америки, шли параллельно с трансформациями в материальной и духовной культурах, коснувшимися в той или иной мере всех групп колониальной Америки.

Выжившие после первых катастрофических потрясений аборигены в разной степени испытали воздействие европейской культуры. Те, что были насильственно подчинены, лишились возможности придерживаться прежних социальных форм и культурных традиций — верховные вожди были убиты или низведены до положения послушных наместников, традиционные социальные связи нарушены, прежние боги заменены новыми. У тех, что остались независимыми или полунезависимыми, культурные трансформации определялись прежде всего интенсивностью взаимодействий с европейцами и их потомками.

Северные лесные охотники в обмен на свои товары получали огнестрельное оружие и снаряжение, орудия труда, предметы утвари и украшения. Аборигены иногда заимствовали у пришельцев элементы одежды и обуви. Приемы же и способы охоты, а также другие виды традиционной культуры и деятельности оставались прежними. Охотники североамериканских равнин и переселившиеся туда с востока земледельцы, освоив использование привезенных в Америку лошадей, выработали новый тип хозяйства. Лошадей стали применять не только для езды и перевозки грузов, но и для охоты на бизонов. Орудия и способы охоты изменялись медленно, хотя со временем вместо луков стали пользоваться ружьями. Все же довольно долго преобладала охота загонном, при которой стадо бизонов направляли к обрыву, в овраг либо в лошину, где добычу поражали из луков, копьями или дротиками. Получила развитие также охота на пушных зверей; меха шли на обмен. Потребности в растительной пище по-прежнему обеспечивало собирательство. Сходные трансформации в образе жизни имелись и у обитателей равнин Южной Америки.

Земледельческие народы южноамериканских тропических лесов оказались в силу природных условий более защищенными от проникновения новых элементов

материальной культуры, в особенности от распространения культурных растений, колеса, лошади, хотя огнестрельное оружие и некоторая металлическая утварь проникли туда довольно рано. Земледельцы других регионов со временем восприняли некоторые растения Старого Света, а также орудия для их возделывания, среди них и рало, и транспортные средства — тяжелые двухколесные повозки, запряженные волами, в том числе. Укоренились и некоторые модели европейской одежды или ее отдельные элементы.

Европейские завоеватели и колонисты смогли принести в Америку лишь часть своего культурного багажа, но господствующее положение и личная свобода позволили им возобновить прежнюю культуру в Америке в большей мере, чем другим иммигрантам (наиболее сильным ограничительным фактором являлся, пожалуй, природный). На первых порах европейцы были вынуждены пользоваться местным пищевым сырьем, часто и приготовленным по местным нормам. Столь же часто они пользовались жилищем, построенным местными жителями на свой манер. Пришельцы воспринимали в первую очередь то, чего они не имели с собой — некоторые элементы одежды на севере (в частности глухая меховая одежда, мокасины), по-особому приготовленная пища — пеммикан, касабе (маниоковые лепешки). Европейцами были освоены многие местные культурные растения, которые затем широко разошлись по многим районам мира: картофель, маниок, маис, томаты, подсолнечник, земляной орех, какао, стручковый перец. В свою очередь в Америку были привезены и получили там распространение, в зависимости от условий среды, пшеница, рис, цитрусовые, бананы и многие другие, а несколько позже и корнеплоды из Африки и Азии, а также сахарный тростник, кофе и пр. Ряд этих растений восприняли аборигены.

Африканские рабы были лишены возможности сколько-нибудь полно воспроизвести в Новом свете ту культуру, что им была свойственна в Африке. Жизнь рабов строго регламентировалась, их хозяин определял, что им есть, во что одеваться, чем работать. Во многих районах Америки рабы имели возможность возделывать небольшие участки земли. На них они выращивали местные растения. Затем из Африки были завезены корнеплоды, которыми стали питаться не только африканцы и их потомки, но и другие беднейшие слои населения.

Все приведенные выше данные говорят об интенсивности смешения элементов материальной культуры у населения Америки в колониальный период. В наибольшей мере оно характерно для тех групп, которые имели смешанное этническое и расовое происхождение. Примером может служить бразильское кабокло. Их система подсечно-огневого земледелия была, несомненно, индейской; однако они выращивали как местные, так и европейские культурные растения; они также разводили некоторых домашних животных европейского происхождения. Они делали муку из маниоки на индейский манер, травили рыбу ядами, известными индейцам, но также ловили ее сетями европейского типа и на металлические крючки. Они пользовались ружьями наравне с луками, знали собирательство, навыки которого унаследовали от аборигенов. Кроме того, кабокло пользовались гамаком и владели индейскими способами изготовления плетеных изделий.

В духовной жизни процессы межкультурных взаимодействий протекали неодинаково в католической (во владениях Испании, Португалии и Франции) и протестантской (на землях, захваченных главным образом Англией) областях колонизации. В испанских, португальских и французских колониях развернули свою деятельность миссионеры различных католических орденов и католицизм стал силой навязываться аборигенам. Тем не менее прежние верования не были вытеснены целиком. Более того, через смешанное население многие элементы индейских верований проникли и в другие слои населения, особенно сельского. Во многих областях Латинской Америки сложились разнообразные формы религиозного синкретизма, для которых характерны элементы различного происхождения.

Во владениях католических держав власти пытались обратить в католицизм также и негров-рабов. Но дальше крещения и присвоения им христианских имен, особенности в сельских районах, дело обычно не шло. Свободные негры и мулаты в городах имели возможность посещать церковь вместе с белыми; в некоторых случаях они и сами основывали церкви. В период расцвета рабовладения приблизительно с конца XVIII в., негры-рабы в испанских колониях получили право создавать свои ассоциации по этническому признаку (так называемые *cabildo de nación*), во главе которых обычно стояли свободные негры той же "нации". Там им разрешалось (под надзором церковников) собираться, чтобы, как писали современники, отмечать праздники "на свой манер". В дни этих праздников, привязанных к католическому календарю, негры получали возможность поклоняться своим прежним африканским божествам и приветствовать их литургическими песнями и танцами. Многие божества африканского происхождения получили, помимо прежнего, новое, католическое имя; при этом одно и то же божество могло иметь женское (Санта-Барбара) и мужское (Чанго) имена. В португальской Бразилии и французской Сан-Доминго к африканскому пантеону добавились многие божества ("святые") местного происхождения.

В английских колониях многочисленные и разнообразные протестантские церкви не стремились обращать в свою веру ни аборигенов, ни негров-рабов. Однако свободные негры и мулаты вынуждены были придерживаться ценностей господствующего общества, в том числе и в религиозной сфере. В свою очередь негры внесли определенный вклад в фольклор (сказки о братце-кролике, братце-волке и др.), музыкальное и танцевальное творчество остального населения.

Захват Америки разными государствами и колонизация ее массами населения разного этнического происхождения породили разнообразные языковые изменения у участников этих процессов. Прежде всего значительно сократилось то "языковое пространство", на котором прежде обитали носители местных языков. Многие аборигенные группы утратили свои традиционные языки, перейдя на язык завоевателей и колонистов. В индейские языки — вместе с новыми явлениями — проникли новые слова и выражения. Некоторые их языки стали средством общения между представителями разных этнических групп, например язык кечуа для многих андских народов. В Парагвае язык гуарани стал единственным средством общения в иезуитских миссиях; в остальной части страны, где официальным языком, как и в других испанских колониях, служил испанский, большая часть населения говорила на гуарани. Иезуиты сделали язык гуарани письменным. Нечто подобное имело место в русской колонии на Алеутских островах — там была создана письменность алеутов, составлены грамматика и словарь алеутского языка. Надо отметить, что во многих местах языки коренных народов стали изучаться пришельцами, в особенности католическими миссионерами, которые создали и первые классификации индейских языков.

Разноязычные африканские рабы в Америке разговаривали между собой на языках, называемых "пиджинами" или "торговыми", для которых свойственны упрощенный грамматический строй и словарный фонд, почерпнутый из разных европейских, африканских и индейских языков. В некоторых случаях пиджины стали устойчивыми языками, которые передавались из поколения в поколение и превратились, таким образом, в языки, называемые "креольскими". В разных колониях основами таких языков, пиджинов и креолей, послужили разные европейские языки; иногда они имели особые названия. В тех местах, где креолы не образовались, а потомки рабов перешли на язык господ, участие африканцев в языковых процессах привело к существенным изменениям в соответствующих языках (примерами подобного рода процессов могут служить английский в США и испанский на Кубе).

Проникновение в европейские языки слов из индейских языков было

обусловлено тем, что в Америке выходцы из Европы встретились со многими явлениями, неизвестными им дотоле – местной флорой и фауной, бытовыми предметами, общественными институтами и т.д. Такого рода слова разного происхождения, сначала антильского, затем мексиканского, андского и другого, распространились широко по Америке вместе с конкистадорами и даже попали в Старый свет (маис, гамак, касик-вождь и многие другие). В европейских языках появились так называемые американизмы – слова, непонятные для носителей этих языков, живущих в Европе. В этих же языках в Америке были слова, свойственные жителям той или иной ограниченной местности. Появились и отличия в манере произношения некоторых звуков и в интонации.

В Америке языковые изменения и формирование нового этнического самосознания не были строго взаимосвязаны. В большинстве случаев новое этническое самосознание сформировалось у носителей прежних языков, а новые языки за редкими исключениями не стали языками новых этносов.

КУЛЬТУРЫ И ЭТНОСЫ АМЕРИКИ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Отдельные области Америки становились независимыми в разное время. США провозгласили независимость в 1776 г., Гаити – в начале XIX в. В первой четверти XIX в. на политической карте появились Соединенные Штаты Мексики, Объединенные провинции Центральной Америки, Великая Колумбия, Перу, Боливия, Парагвай, Аргентина, Чили, Уругвай, а также Бразилия. Вскоре в Центральной Америке выделились самостоятельные Гватемала, Гондурас, Сальвадор, Никарагуа и Коста-Рика. В 1830 г. распалась Великая Колумбия: стали самостоятельными государствами Венесуэла и Эквадор. В 1903 г. от Колумбии отделилась Панама. В конце XIX в. независимость приобрела Куба. После второй мировой войны распад британской колониальной системы привел в 60-е годы к независимости Ямайку, Тринидад и Тобаго, Гайану и Барбадос, а затем другие острова и материковый Белиз. Стал независимым Суринам. Все еще в политической зависимости находятся бывшие колонии Франции в Гвиане и на некоторых островах Малых Антиль; некоторые небольшие острова остаются под властью США, Англии и Голландии.

Приобретение независимости американскими государствами не принесло облегчения коренным народам. Более того, именно после завоевания независимости Соединенными Штатами колонисты устремились на запад, вытесняя аборигенов с их земель, уничтожая или загоняя их в резервации. Только в республиканский период было сломлено сопротивление арауканов в Чили. В Перу стала более ограниченной социальная мобильность аборигенов. По мере развития экономики новых государств индейцы стали восприниматься господствующими элитами и их идеологами как помеха в экономическом и социальном движении вперед. Даже провозглашение равенства прав аборигенов с другими слоями населения привело на деле к лишению индейцев прежних защитных механизмов, что помогало им сохранять общинные земли. Создание с 40-х годов XX в. государственных учреждений, которые должны были защищать права индейцев, нередко вело к тому, что на деле индейцы лишались права самостоятельно решать свои проблемы.

Границы новых государств были установлены без учета расселения аборигенных этносов, и некоторые из них оказались разделенными между несколькими государствами: кечуа в Эквадоре, Колумбии, Перу и Аргентине, аймара в Перу и Боливии, гуахино в Колумбии и Венесуэле, яномамо в Венесуэле и Бразилии и т.д.

В ряде стран, где основным видом хозяйства стало плантационное земледелие, отмена рабовладения вызвала поиски других источников рабочей силы. Большое

количество иммигрантов было привезено из Китая, Индии и Индонезии – на Британские Антилы, в Гвиану и на Кубу. По-прежнему оставалась велика иммиграция в США. В миграционные процессы включились страны южной (Италия, Испания), центральной (Австро-Венгрия) и восточной Европы (Польша, Россия). Выходцы из этих и других стран направлялись также в Бразилию, Аргентину и Уругвай, правительства которых прилагали усилия для развития некоторых районов своих стран. Европейская иммиграция в эти районы пагубно сказалась на положении коренных обитателей, которые, как и в Северной Америке, были отчасти уничтожены, отчасти оттеснены в неблагоприятные для обитания регионы.

С начала XX в. неравномерность экономического развития отдельных стран и регионов Америки вызвала движение миграционных потоков внутри самого континента. Из сельских районов юга США в северные города переселялись негры. Заметный поток мигрантов направлялся с Британских Антил на строительство Панамского канала. В первой четверти XX в., в период бурного развития на востоке Кубы сахарной промышленности, туда двинулись батраки с Гаити, Ямайки и других британских колоний на островах.

После второй мировой войны для стран Латинской Америки важной проблемой явилось развитие отсталых, как правило, пограничных (для огромной Бразилии это были внутренние земли) областей. Именно там проживала значительная часть аборигенов. Строительством дорог, плотин, гидроэлектростанций, рудников и разработкой месторождений нефти оказались в той или иной мере затронуты практически все группы коренного населения, что в ряде случаев привело к сокращению их численности и даже исчезновению многих групп. Другой стороной этого процесса была миграция аборигенов в городские районы: наиболее известный пример – гуахино, несколько десятков тысяч которых переселились в венесуэльский город Маракаибо.

Важным фактором этнических процессов с середины XX в. стала ускоренная урбанизация многих латиноамериканских стран. Если в 1951 г. в городах Латинской Америки проживали 39% населения, то в начале 90-х годов уже 72% (это лишь на 2% ниже, чем в США). При этом доля городского населения в отдельных странах была значительно выше: в Венесуэле – 90%!

Индустриализация и урбанизация в первой половине XX в. привели к значительным изменениям культуры, которые в некоторых странах Латинской Америки стали определяться как "американизация". Этого рода культурные сдвиги произошли даже в наименее проницаемых сферах, таких как питание. К числу заимствований, вошедших в систему питания, можно отнести употребление фруктовых соков, кофе с молоком, ветчины с яйцом в обыденной пище, а также индейки на Рождество. Большое распространение стали получать всякого рода индустриальные изделия и механические приспособления в домашнем быту, мебель и одежда, сделанные по образцам из США. Входило в обычай бритье каждый день и использование дезодорантов. Сами города меняли свой облик. Образовывались целые цепочки изменений (автомобиль – дороги – бензоколонки и т.п.). Языковые заимствования из северо-американского английского языка проникли в область спорта, торговли, техники, радио, кино и печати.

Подобного рода изменения были свойственны Мексике, странам Центральной Америки, Кубе и Пуэрто-Рико. Сходные процессы происходили и в других регионах Латинской Америки, хотя ориентация на США не всегда имела отчетливые формы.

Изменениями была затронута и сельская культура. Традиционные орудия обработки земли – палка-копалка и завезенные из Европы рало стали вытесняться металлическими плугами, вычужный и гужевой транспорт – автомобилями, волами – тракторами и т.д. Входили в моду новые образцы одежды, металлическая посуда и другая утварь промышленного изготовления, а также промышленно консервированные продукты. Однако в сельской местности встречалось больше факторов,

препятствовавших изменениям, вызванным индустриализацией. Главными были природные условия и ограниченность средств в приобретении новых товаров. В изолированных или удаленных от промышленно развитых районов областях сохранились традиционные орудия труда и транспорта, способы постройки жилья и материалы, некоторые элементы одежды и пр. Пожалуй, больше традиционных элементов сохранилось в питании – у многих народов Америки, в особенности Латинской, но и у коренного населения Северной Америки, его основу составляют блюда из местных растений – маиса, фасоли, маниока или картофеля, к которым присоединились получившие распространение еще в колониальное время рис, сахарный тростник. Чрезвычайные обстоятельства могут заставить вернуться к пользованию традиционными предметами культуры, как единственно доступными. В 40-е годы в Бразилии стала ощущаться нехватка жидкого топлива, что возродило производство древесного угля. Ситуация на Кубе с конца 80-х годов оказалась еще более драматической по той же причине – во многих местах были вынуждены вновь обратиться к тягловым животным при обработке земли и для местных перевозок (в том числе и в городах), стали еще применяться деревянные рала, а что касается древесного угля, то в ряде районов он использовался и при более благоприятных обстоятельствах.

В сфере досуга (в особенности в танцевальной музыке) увлечения стали временами приобретать континентальные масштабы – повсеместно стали известны танго, фокстрот, рок-энд-ролл; позднее имел место более ограниченный триумф карибских и бразильских песенно-танцевальных ритмов. Сельский житель, хотя и не остается вне влияния модных музыкальных увлечений, все же более устойчиво сохраняет приверженность прежним образцам, по которым даже не очень искушенному наблюдателю можно отличить танец мексиканских крестьян от танца перуанских, кубинских и др.

В области религиозных верований наибольшего внимания заслуживает континентальное распространение протестантизма – главным образом из США. Протестантские общины проникли не только в страны, издавна связанные с США, вроде Кубы и других карибских районов, но и далеко на юг, к лесным индейцам. Другое явление панамериканского характера – все большее распространение синкретических культов. Для ряда таких культов свойственно сочетание элементов черований индейского, европейского и африканского происхождения. Синкретические верования имеют тенденцию распространяться из народных низов, где они по преимуществу зародились, в более высокие слои общества (независимо от цвета кожи). Одно из таких верований, сантерия, где сочетаются элементы религиозных представлений католического и йорубского происхождений, через посредство кубинских эмигрантов распространилось с Кубы в Бразилию, Венесуэлу и Соединенные Штаты. Признаками синкретизма обладают и некоторые мессианские или "кризисные" культы, более всего встречающиеся среди аборигенов Америки. Для них свойственна вера в пришествие божьего посланника (мессии), который поможет создать царство благоденствия.

Иммигранты из разных частей Старого Света сохраняют свои конфессии.

В постколониальное время произошли некоторые изменения и в языковой ситуации. В настоящее время здесь около 40 млн человек (общее население Америки в 1990 г. составляло 724 млн) говорят на индейских языках, причем лишь незначительная доля говорящих на них проживает вне Латинской Америки. В Мексике на индейских языках говорят более 10 млн человек, около 5 млн человек пользуются языком кечуа в андских странах; этот язык, наравне с испанским, является вторым государственным языком в Перу. В Парагвае язык гуарани остается языком бытового общения, в то время как испанский – официальный язык. Разные группы носителей индейских языков есть практически во всех странах материковой Америки. Многие аборигены Америки двуязычны. Языком межэтни-

ческого общения является, как правило, официальный язык той или иной страны, хотя известно двуязычие и на основе аборигенных языков. В последние десятилетия во многих странах Америки государственные органы власти (в рамках индигенизма, то есть официальной политики по приобщению индейцев, в особенности находившихся в относительной изоляции, к национальной культуре) проводили целенаправленную политику внедрения билингвизма. Составной частью этой политики было начальное образование на местных языках.

Европейские языки на континенте бесспорно преобладают как в количественном отношении, так и по своему статусу. В Северной Америке наиболее распространен английский: на нем говорят в США и Канаде; помимо этого английский язык или его диалекты употребительны на Ямайке, Тринидаде и других островах, а также в Гайане и Белизе. В Канаде часть населения, главным образом в провинции Квебек, говорит на французском языке (среди этого населения имеет место французско-английское двуязычие). Английский язык Нового Света имеет отличия от английского языка Англии на уровне диалекта.

Области распространения испанского языка — Юго-Запад США, где им владеет несколько миллионов человек (часть из них двуязычна), Мексика. Центральная и Южная Америка (кроме Бразилии и Гвиан), а также островные страны: Куба, Санто-Доминго и Пуэрто-Рико. Лингвисты выделяют в испанском ареале в Новом Свете несколько диалектных зон. Сами латиноамериканцы легко определяют, откуда родом тот или иной человек. Впрочем, местные жители различают также говоры даже внутри таких небольших стран, как Куба.

В бывших или нынешних владениях Франции и Голландии говорят на соответствующих языках, в Бразилии — на португальском.

Из языковых явлений, не характерных для предыдущей эпохи, следует назвать появление в Америке новых для нее языков из Старого Света — китайского, яванского, языков некоторых народов Индии и др. В настоящее время число говорящих на диалектах хинди растет на Тринидаде и в Гайане. Китайский во многих странах Латинской Америки почти исчез в силу того, что в этих странах китайская диаспора очень сократилась в отличие от некоторых городов Северной Америки.

Захват американцами о. Пуэрто-Рико привел к тому, что там сильно потеснены позиции испанского языка и сократились сферы его применения. Кроме того, испанский здесь претерпевает существенные изменения, напоминающие пиджинизацию, а именно интенсивное смешение в речи местных жителей испанской и английской лексики. Появился даже термин для обозначения такого языка — "спанглиш".

Некоторые креольские языки, в частности на Гаити и в Суринаме, укрепляют свои позиции за счет роста публикуемой литературы. Иногда проявляется тенденция распространения креолов не только среди негров, где они зародились, и их потомков, но и среди белого населения.

Вместе с изменениями в культурах и языках, происходившими последние пятьдесят лет в Америке, наблюдаются трансформации этнического самосознания, которые отчасти были связаны с этими культурными и языковыми изменениями, но в большей мере стали продолжением экономических, социальных и политических процессов, начавшихся во второй половине XVIII в. и нашедших свое продолжение в образовании самостоятельных государств. Сформировались новые региональные самосознания в странах Америки, отличные как от самосознаний индейского населения, так и пришельцев из Европы и Африки. Новым самосознанием общности происхождения и общности интересов были охвачены не все слои населения в одно и то же время. В одних случаях этому процессу не способствовали массы индейского населения, не только не отождествлявшие себя с местными белыми, но часто и боровшиеся против них. В других таким разъединительным

фактором становился цвет кожи. Так, белые уроженцы Кубы, называя себя "кубинцами", долгое время не желали считать таковыми местных негров и мулатов, также называвших себя "кубинцами". В Северной Америке, в особенности в США, формированию общего самосознания, которое можно было назвать этническим, препятствовала (помимо двух указанных факторов) также этническая пестрота европейских иммигрантов. В некоторых странах противоречия, принимающие этнический характер, возникают между местными неграми и потомками иммигрантов из Индии — это свойственно Тринидаду и Гайане.

В разных странах процесс формирования общего самосознания имел свои отличия. Для США стало характерным признание всеми группами иммигрантов общеамериканских ценностей, восприятие английского языка как языка общения при одновременном сохранении ряда культурных особенностей этнических предков (ирландцев, немцев и др.), в том числе религий и языков как средств семейного и общинного контакта. Такое двойственное самосознание стало возможным, видимо, в условиях добровольной иммиграции выходцев из Европы и относительной терпимости местных властей и населения к культурным особенностям иммигрантов, что позволяло последним иметь свои школы, церкви и т.д. Двойственное самосознание имеет место и у американских "негров", однако с тем различием, что здесь его лучше назвать не этническим, а этнорасовым. С большой долей уверенности можно утверждать, что сейчас и большинство аборигенов США обладает таким двойственным, а то и тройственным самосознанием, считая, например, себя чипева (или другим коренным жителем), индейцем и североамериканцем.

В районах массовой иммиграции из стран Европы на юг Бразилии, в Аргентину и Уругвай иммигранты из Германии и Италии образовали в сельских местностях свои общины, сохраняя прежний язык и традиционную культуру. Через несколько поколений они тем не менее ассимилировались, удержав при этом ясное представление о стране исхода. То же можно сказать и о славянских иммигрантах в рассматриваемые страны. Эти сельские жители оказались втянутыми в процессы урбанизации, многие из них переселились в города, где процесс культурной ассимиляции был более сильным.

В странах, где аборигены составляют значительную долю населения (Перу, Боливия, Эквадор, Гватемала и Мексика), во многих областях они слабо все еще представляют себе, что они являются гражданами той или иной страны, и не называют себя перуанцами, боливийцами, эквадорцами, гватемальцами или мексиканцами; в некоторых случаях отрицание своей принадлежности к той или иной латиноамериканской нации может быть преднамеренным. Носителями новых, национальных самосознаний чаще всего становились белые и смешанные по происхождению местные уроженцы. Индейские группы, не имеющие национального самосознания, все еще есть и в других странах Южной Америки, где число их невелико, но они обитают в относительно изолированных местах. Во всех странах Латинской Америки есть и группы аборигенов с двойным и тройным самосознанием.

В тех странах, где индейцы представляют небольшую долю населения, остается угроза не только утраты их группового самосознания, но и вообще их исчезновения под натиском так называемого национального общества. В некоторых местах сохранилось представление об индейцах как диких существах, недочеловеках, неспособных к восприятию цивилизованной жизни. Это касается в особенности отношения к собирателям и охотникам, придерживающимся бродячего образа жизни и рассматривающим иногда скот креолов в качестве объекта охоты. Уже в наши дни такие группы подвергались нападению и уничтожению со стороны местных белых — такие случаи были по отношению куива в Колумбии, аче (гуаяки) в Парагвае, да и в других местах. Аборигены, вступающие в прямой контакт с внешним миром, подвержены также угрозе вымирания от массовых заболеваний, прежде им неизвестных. Самые последние факты такого исхода известны среди

яномамо Бразилии и Венесуэлы, на землях которых обнаружены золото и алмазы и куда хлынули старатели.

В странах со значительным индейским населением между индейцами и местными "белыми" существует многочисленная и неустойчивая прослойка смешанного населения. Самосознание этой группы населения имеет тенденцию превращаться в национальное, хотя переход "метисов" в группу "белых" часто для них закрыт именно противостоянием последних. В некоторых случаях прослойка смешанного населения может быть в свою очередь неоднородной, как в Перу, где различаются "мисти" (метисы), обычно городские ремесленники с определенным достатком и положением в местном обществе, и "чоло", люди, стремящиеся быть метисами, но не всегда принимаемые этими метисами за своих. Как в Перу, так и в других странах представления о метисах и их соотношении с другими группами населения относительно, зависимы от ситуации и положения говорящего.

В Америке мало стран с моноэтническим и монорасовым составом населения: это Доминиканская Республика с подавляющим преобладанием мулатского населения и Гаити, населенное неграми. Этническое самосознание в них также едино. Есть и страны, где, несмотря на смешанный расовый состав, население имеет бесспорное единое этническое самосознание. Это прежде всего Куба, где около четверти населения — негры и мулаты. В некоторых странах сформировалось дву-членное самосознание — там, где наравне с местными неграми важным компонентом населения стали потомки иммигрантов из Индии. В Гайане это афрогайанцы и индогайанцы, на Тринидаде — афротринидадцы и индотринидадцы. Эта ситуация напоминает положение в Канаде, где франкоканадцы четко противостоят англоканадцам. В том и другом случае налицо разделение между этническим и государственно-национальным самосознанием.

* * *

Нарисованная выше картина говорит о чрезвычайной сложности этнических процессов в Америке, сложности формирования этнического самосознания и о том, пожалуй, что эти явления находятся в постоянном движении.

Этнические процессы в Америке развивались своими собственными путями, имея как существенные отличия, так и важные черты сходства с этноисторией народов, населявших и населяющих Старый Свет. Этнические новшества, внесенные Америкой в историческую картину нашей земли, сопряжены с межрасовым и межэтническим смешением больших масс людей и сложением новых этнорасовых (метисных и мулатских) групп. Формирование и воспроизводство этнического самосознания, сложение новых народов в Америке определялось в большей мере ходом расовых процессов, заметно сказывавшихся на социальной мобильности и интеграции населения в единую общность, а также противостоянием интересов населения колоний и метрополий.

НАРОДЫ ЗАПАДНОЙ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ, СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ

Европа (от семит. "ереб" — запад) — западная часть материка Евразии, считающаяся особой частью света главным образом благодаря выдающейся роли, которую сыграли ее народы в мировой истории. Она была областью древних цивилизаций (эгейской, греческой, или эллинской, этрусской, кельтской и римской), начальной областью широкого распространения христианства — ныне численно преобладающей в мире религии, родиной промышленного капитализма, современной науки и техники, а также родиной десятков миллионов мигрантов в страны Америки и на другие континенты, где они составили основу новых этносов (наций). Внутри Европы есть немало своеобразного как в природном, так и в языково-культурном отношении; вместе с тем она может рассматриваться как большая историко-этнографическая провинция, отдельные части которой издавна соединены хозяйственными и культурными связями; поэтому термин "европеец" имеет не только географический, но и определенный культурный смысл. В последнее время усилились тенденции к экономическому и политическому единению Европы. Идет речь о создании "общеевропейского дома", могущего послужить хорошим примером для других частей света.

Общая площадь Европы — около 10 млн кв. км. Европу принято делить на Западную (иногда подразделяемую на Южную, Центральную и Северную) и Восточную.

ОЧЕРК ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

На территории Европы, в Южной Франции (пещера Кро-Маньон), были впервые найдены древнейшие костные останки человека современного вида *Homo sapiens*, относящиеся к эпохе позднего палеолита (35–40 тыс. лет до н.э.). Переход к производящему хозяйству (земледелие, скотоводство), получивший название "неолитической революции", произошел в Южной Европе, судя по археологическим данным, вскоре после его утверждения на Ближнем Востоке, с которым в то время имелись контакты. Не случайно, что и первая в Европе "эгейская" (Крито-Микенская) цивилизация возникла 3–2 тыс. лет до н.э. на островах, расположенных между Европой и Ближним Востоком. Там обнаружены остатки городов, где, судя по археологическим находкам, получили развитие ремесло и торговля, а также несколько систем письменности, из которых пока удалось расшифровать лишь одну (так называемое линейное письмо В).

Об этноязыковом составе жителей Европы в период эгейской цивилизации известно мало; из того времени дошли лишь названия некоторых народов: на Апеннинском полуострове жили этруски, лигуры и другие, на Иберийском полуострове — иберы, лузитаны, васконы; на Британских островах — пикты и т.д. Из числа этих народов сохранились лишь васконы (баски), язык которых занимает изолированное место в лингвистической классификации. Предполагают, однако, что именно в тот период начинается проникновение в Европу этносов, говорящих на языках индоевропейской семьи, чья прародина находилась ранее где-то между Европой и Индией. Дифференциация индоевропейских языков происходила в процессе длительных и порой причудливых в географическом отношении миграций их

носителей по слабозаселенным и большей частью лесистым или заболоченным в то время пространствам Европы. На юге Балканского полуострова распространились племена с пеласгийским языком, а затем греческие (ахейские и дорийские) племена; в его средней части — фракийские и иллирийские племена, на Апеннинском полуострове — итальянские племена (латиняне, сабины и др.). Прибалтийские районы по обе стороны от Ютландского полуострова занимали германские племена, к юго-востоку от них жили славяне, к востоку — летто-литовцы. Основную же часть Центральной и Западной Европы занимали кельтские племена: на территории современной Франции и Бельгии — галлы, на Иберийском полуострове — кельтиберы, на Британских островах — бритты, скотты, галлы.

Во II—I тысячелетиях до н.э. развивается городская греческая (эллинская) цивилизация, воспринявшая некоторые достижения египетской, ассиро-вавилонской и эгейской культуры и в свою очередь давшая начало новой "европейской" культуре (искусству, науке, литературе и т.п.); вследствие обширных завоеваний Александра Македонского (IV в. до н.э.) греческая культура оказала существенное влияние на Малую Азию и другие страны Востока. Однако влияние Эллады на западные страны Средиземноморья, несмотря на основанные там греческие колонии, было слабым и к III в. до н.э. стало уступать влиянию римской культуры, вобравшей в себя элементы греческой и этрусской. Расширение экспансии Рима и возникновение огромной Римской империи от Гибралтара до Дуная и от Северного моря до Сахары привело к распространению в ее провинциях (особенно в Иберии, Галлии и Фракии) римских поселений и латинского языка, взаимодействие которого с местными языками привело позднее к возникновению многочисленных языков романской группы.

В последние столетия Римской империи, и особенно после ее падения (IV в. н.э.), на территории зарубежной Европы происходили этнические миграции на дальние расстояния. Этот длительный и сложный период получил название эпохи Великого переселения народов (III—IX вв. н.э.). Именно в то время германоязычные этносы распространяются по Центральной, Северной и части Западной Европы, потеснив или ассимилировав часть романизованных галлов, а кое-где и растворившись в их среде, как произошло с племенами франков, давших свое название современной Франции. Германоязычные племена англов и саксов проникают на Британские острова, тесня и поглощая местное кельтоязычное население, часть которого (бритты) переселилась обратно на материк в область, получившую название Бретань.

Развернулось движение германоязычных племен на восток и юго-восток, в области расселения славян; сами же славянские племена расселились по части Центральной и Восточной Европе и проникли на юг, заняв почти весь Балканский полуостров, кроме Пелопоннеса. Приходившие время от времени в Европу с востока иноэтнические кочевые племена ("орды") обычно не проникали глубоко на ее территорию и большей частью уничтожались или растворялись среди ее населения, как произошло, например, с племенами аваров, а также тюркоязычных булгаров, давших название Болгарии. Исключением были, по существу, лишь племена мадьяр (венгров), пришедшие в IX в. с Южного Урала и занявшие долину среднего Дуная (Паннонию), отрезав западных славян от южных. В VIII в. почти весь Пиренейский полуостров был завоеван арабами, но они продержались там лишь несколько веков, оставив следы в культуре местного населения. Следы арабского влияния сохранились также на Сицилии, а жители острова Мальта до сих пор говорят на диалекте арабского языка.

Существенное влияние на этническую историю Юго-Восточной Европы оказали турки, захватившие в XIV—XV вв. весь Балканский полуостров и удерживавшие свое влияние в ряде его регионов до XX в.

Сильное воздействие на культуру и быт народов Европы, а в ряде случаев и на этнические процессы оказало христианство, которое утвердилось в первые века

н.э. вначале в Римской империи, а затем распространилось по всей территории Европы. Эта довольно аскетическая по своим начальным установкам "религия рабов" оказалась популярной не только среди низов, которым за их страдания был обещан небесный рай в загробной жизни, но и для правящих групп, к которым относилась ее вполне земная установка "кесарю — кесарево". Христианство в отличие от иудаизма с его обстоятельным сводом правил поведения — Талмудом и от возникшего позже ислама с аналогичным сводом правил — Шариатом менее регламентировало жизнь людей, что впоследствии создало более благоприятные условия для проявления личной инициативы и в конечном счете для промышленного развития.

Ослабление Рима, где находился центр христианства, привело к возвышению Византии, а затем, в XI в., и к разделению христианства на две церкви: западную, или римско-католическую, со строгой централизацией и главой в лице папы римского, и восточную — греко-византийскую, или православную, фактически разделенную на государственные церкви во главе со своими патриархами. В XVI в. в связи с начавшимся развитием торгового капитализма и определившейся тенденцией к сложению этнически однородных (национальных) государств возникло движение против засилья и роскоши католической церкви, получившее название протестантизма, а его две основные ветви — по именам их основателей — "лютеранство" и "кальвинизм"; кроме того, выделились англиканство и некоторые другие протестантские церкви и направления. Протестанты переводили священные книги на национальные языки, чем создавали основу для их литературного употребления, и этим, а также ориентацией на местные нужды способствовали формированию национального самосознания.

В Западной Европе наблюдалось более раннее по сравнению с другими частями света возникновение и развитие капитализма, обеспечившее ей на несколько столетий ведущую роль в мировой истории, что объясняется сложным комплексом причин. К их числу относится расположение Европы большей частью в умеренном поясе, где людям для своего жизнеобеспечения необходимо больше трудиться, чем в южных широтах, заботиться о запасах на зиму и т.п. Некоторые исследователи считают, что изрезанность береговой линии Европы способствовала развитию морского судоходства, сыгравшего видную роль в прогрессе торговых и культурных связей Европы со странами Востока и создавшего возможность заокеанской экспансии, ограбления захваченных стран, а это облегчило период первоначального накопления капитала. Разнообразие природных ландшафтов внутри Европы требовало от ее жителей дифференцированных средств и форм адаптации и жизнеобеспечения, а это в свою очередь способствовало развитию торговых связей между отдельными ее областями. Немаловажное значение имело, конечно, наличие природных ископаемых (каменный уголь, железная руда и др.), необходимых для развития тяжелой промышленности как основы всей капиталистической экономики.

Ко всему этому, как считал известный социолог М. Вебер, следует добавить положительное влияние протестантизма, который, с одной стороны, был следствием потребностей раннекапиталистического развития, а с другой — способствовал этому развитию рядом своих установок. К таким установкам относятся тезисы о непосредственной (а не через церковь) связи человека с Богом и об испытании предопределенной Богом судьбы путем своей "мирской" (в том числе предпринимательской) деятельности; известно, что протестантские Нидерланды и Англия быстро обогнали в своем развитии католические страны; известно и то, что так называемая американская предприимчивость пошла от первых групп поселенцев-протестантов из Англии, а не от появившихся ранее испанцев и португальцев.

Начальный период развития капитализма, увеличение числа горожан (в первую очередь ремесленников и торговцев) и укрепление торговых связей, ознаменовался борьбой против феодальной раздробленности, образованием в Европе крупных, довольно однородных в языковом отношении государств. В большинстве

стран Западной Европы (Англии, Дании, Франции и др.) этот процесс завершился в XVII в., однако национальное самосознание еще долго оттеснялось на задний план чувством преданности полубожественному монарху или местным самосознанием. Субъективизация наций началась по существу, только в годы Великой французской революции конца XVIII в., когда термин "нация", употреблявшийся ранее довольно неопределенно, стал обозначать единство народа и государства и противопоставляться понятию "король", который считался уже "слугой нации". Собрание представителей сословий и провинций – Генеральные штаты – превратились в Национальное собрание, и в битве при Вальми новая революционная армия пошла в атаку с возгласами: "Да здравствует нация!"

Правда, в этом термине преобладал политический смысл "сообщества граждан", но именно деятелями Французской революции был пущен в оборот термин "национализм" как приверженность к своей нации и сформулирован так называемый принцип национальности, согласно которому каждый народ суверенен и имеет право на образование своего государства. Этот принцип, выражающий основную цель национальных движений того времени – создание национальных государств, – сыграл важную роль в европейской истории XIX и XX вв.

Если языковая карта Европы определилась в основных своих чертах еще в раннем средневековье, после завершения массовых миграций многих этноязыковых групп, то этнонациональная карта сформировалась в основном в XIX в. в значительной степени под влиянием фактора государственности. В одних случаях государственные границы, проведенные еще на донациональной стадии, разрезали сравнительно однородные в языково-культурном отношении массивы населения на части, каждая из которых давала начало самостоятельным этносам; так на базе немецкоязычного массива возникли немцы, австрийцы, германошвейцарцы, эльзасцы и люксембуржцы, на базе французыязычного – французы, франкошвейцарцы и валлоны. В других случаях объединение в одном государстве, казалось, уже сложившихся близких в языково-культурном отношении этносов-национальностей приводило к их консолидации в единую нацию: так северофранцузская и провансальская национальности соединились в одну французскую нацию.

Немаловажное национально дифференцирующее значение в ряде случаев имел и религиозный фактор при сочетании его обычно с фактором государственности: так произошло отделение протестантов-голландцев от одноязычных им католиков-фламандцев; так из одноязычного сербохорватского населения выделились православные сербы и черногорцы, католики-хорваты и мусульмане-"боснийцы"; да и разделение аглоязычных жителей Северной Ирландии на протестантов-"ольстерцев" и католиков-ирландцев основано в значительной степени на различии конфессий местного населения и прибывших туда переселенцев из Англии и Шотландии.

Со вступлением европейских стран в эпоху капитализма и на новую ступень развития производства возросли темпы роста численности их населения, главным образом в результате развития здравоохранения и борьбы против высокой в прошлом смертности. Общее число жителей стран зарубежной Европы возросло примерно с 80 млн в 1650 г. до 295 млн в 1990 г., что составило около 18% всего мирового народонаселения. В действительности прирост числа европейцев был еще более значительным, но часть его поглощалась эмиграцией в страны Нового света, главным образом в Америку; только в XIX в. за пределы Европы уехало около 30 млн человек. Массовая эмиграция из Европы продолжалась до середины XX в., составив свыше 25 млн человек, что вместе с потерями в первой мировой войне (свыше 7 млн человек) и во второй мировой войне (свыше 15 млн человек), а также в связи с развернувшимся снижением рождаемости сильно замедлило темпы роста численности ее населения: на 1950 г. оно составило 393 млн человек, или 15,6% мирового народонаселения.

В последующие десятилетия из-за продолжающегося снижения рождаемости,

уровень которой в некоторых странах (ФРГ, Австрия, Швеция и др.) опустился ниже уровня смертности, эти темпы продолжали снижаться и лишь отчасти компенсировались притоком иммигрантов главным образом из стран Азии (Турция, Индия, Пакистан и др.) и Африки (Алжир, Марокко и др.), численность которых составила свыше 7 млн человек.

На 1985 г. общая численность жителей стран зарубежной Европы составила около 493 млн человек, на 1990 г. — около 500 млн, что соответствует лишь 9,5% от мирового народонаселения, возрастающего в основном благодаря высокой рождаемости в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ

На сравнительно небольшой по размерам территории зарубежной Европы живет более 60 народов, для которых она является основным местом обитания, и, кроме того, много групп иммигрантов, прибывших из других частей света. Около трети из этого числа можно отнести к крупным народам, каждый из которых насчитывал на 1987 г. свыше 5 млн человек, причем в сумме они составляют более 82% всех жителей данного региона. Приводя цифры о численности народов, следует заметить, что переписи населения с учетом национальной принадлежности или языка (родного, основного разговорного) проводятся лишь в некоторых полиэтнических странах Европы (Югославии, Швейцарии и др.), в большинстве же стран этническая статистика неразвита и сведения о численности тех или иных народов основываются на различного рода подсчетах. Необходимо учесть также, что во многих странах этническая принадлежность по значению сильно уступает государственной (подданству), а в Испании, например, дополняется диалектально-региональной (кастильцы, андалузцы и др.). Растет число людей со слабым или неопределенным этническим самосознанием. Некоторые небольшие национальности, например "монакцы" или "гибралтарцы", вообще выделяются в этнической статистике довольно условно.

Основная масса народов зарубежной Европы говорит на языках индоевропейской семьи, представленной здесь главным образом тремя ее лингвистическими группами с численностью на 1985 г.: романской — 185 млн человек (36,9% от всего населения), германской — свыше 178 млн (36,1%) и славянской — около 85 млн (17%). Численное соотношение двух основных этноязыковых групп только за последние 30 лет заметно изменилось, на 1959 г. германская составляла около 40%, а романская — 35,5%, но затем последняя вышла вперед благодаря большему естественному приросту у составляющих ее народов.

Крупнейшими народами романской группы являются итальянцы (56,5 млн), французы (46 млн), испанцы (28,5 млн), румыны (21 млн), португальцы (11,5 млн), каталонцы (7,5 млн); германской группы — немцы (75,5 млн), англичане (43,5 млн), голландцы (12 млн), шведы (8,1 млн), австрийцы (7,5 млн), фламандцы (7 млн), датчане (5,2 млн), шотландцы (5 млн); славянской группы — поляки (38 млн), чехи (10 млн), сербы (8,8 млн), болгары (8 млн). Другие группы индоевропейской семьи представлены греческой — 10 млн (греки), кельтской — 7,7 млн (ирландцы — 5,8 млн, уэльцы, бретонцы), албанской — 4,9 млн, и индоарийской — 2,5 млн (цыгане — свыше 1 млн).

Кроме того, в зарубежной Европе живут народы финноугорской группы уральско-юкагирской семьи — 18,4 млн (венгры — свыше 13 млн, финны — около 5 млн, и саами), а также баски (1 млн), язык которых занимает изолированное место в системе лингвистической классификации, народы тюркской группы алтайской семьи — свыше 3 млн человек (главным образом, турки, большей частью иммигранты), наконец, народ семитской группы — мальтийцы; живущие в странах зарубежной Европы евреи (около 1,5 млн) говорят главным образом на языках

окружающего населения (английском, французском и др.). Значительная часть прибывших за последние десятилетия иммигрантов принадлежит к семитской группе афразийской семьи – 2,4 млн (алжирцы – 0,9 млн).

Традиционное распределение коренных народов зарубежной Европы по языковым группам и семьям не вполне точно отражает реальную языковую ситуацию. Это замечание относится прежде всего к кельтской группе, входящие в которую ирландцы, уэльсцы и гэлы пользуются в подавляющем большинстве английским языком, а бретонцы – французским. Немало жителей Европы двуязычны с малых лет (так, эльзасцы и люксембуржцы, включаемые в германскую группу, пользуются немецким и французским языками); еще больше жителей (в том числе иммигранты и особенно их дети) приобрели второй язык через систему школьного и специального образования или бытового общения. Широко бытовавший в средние века латинский язык в церковной жизни, образовании и науке со времени Реформации стал уступать национальным языкам, а затем сохранился главным образом в католической литургии; в XVIII – первой половине XIX в. довольно широкое распространение получил французский язык, но к концу XIX в. его потеснил немецкий. Однако тот и другой с середины XX в. уступили по значению английскому, который стал по существу основным языком межнационального общения в большинстве стран Европы (как и во многих других странах мира).

Религиозный состав жителей зарубежной Европы установить точно намного труднее, чем этноязыковой. Католичество сохраняет свое преобладание среди народов романской группы (кроме румын), его исповедует также большинство народов бывшей Австро-Венгрии (австрийцы, венгры, чехи, словаки, словенцы и хорваты, поляки, фламандцы и ирландцы, большинство жителей Швейцарии и около половины немцев – всего свыше 170 млн человек). Протестантизм в виде лютеранства является основной религией в странах Северной Европы и Дании; его исповедует также около половины верующих немцев; в виде реформаторства, или кальвинизма, – главным образом в Нидерландах и среди части жителей Швейцарии; в Британии – в виде англиканства и пресвитерианства. Общее число протестантов оценивается примерно в 110 млн человек. Православие распространено среди народов Юго-Восточной Европы: сербы, черногорцы, болгары, македонцы, греки и румыны; ислам – среди большинства албанцев, боснийцев и турок.

ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Несмотря на пестроту этнического состава населения Западной и Юго-Восточной Европы, в его хозяйстве и материальной культуре в настоящее время имеется сравнительно мало таких особенностей, которые можно было бы отнести к числу "этнографических". Гораздо сильнее на первый план выступают географические особенности, впрочем, и их значимость в последние столетия уменьшилась в результате быстрого развития производительных сил, промышленности и торговли, что нарушило прежнюю, исторически сложившуюся связь традиционного хозяйства и материальной культуры с особенностями природной среды. Тем не менее зональные географические и некоторые этнические особенности в сфере хозяйства и культуры сохранились до настоящего времени, так что итальянца в этом отношении не спутаешь со шведом, а португальца – с австрийцем.

Среди доиндустриальных типов хозяйства в Западной Европе преобладало плужное земледелие с подсобным значением животноводства, преимущественно стойлового типа. Однако в горных районах земледелие уступало место отгонному животноводству альпийского типа, на побережье морей – рыболовству и т.п.

Развитие хозяйства и материальной культуры в разных странах и у разных народов Западной Европы имело свои особенности. Если в античности и раннем средневековье передовую роль в хозяйственном отношении играли страны Сре-

земноморья, то в XV–XVII вв. на первое место вышли Испания и Португалия, позже – Франция и страны Северного моря – Нидерланды и Британия (что стран-ным образом соответствует движению вокруг Европы по часовой стрелке). Торго-во-промышленное развитие Западной Европы сопровождалось быстрым ростом городов; в настоящее время горожане составляют около 2/3 всех жителей Западной Европы. Однако в данном разделе целесообразно начать с сельского хозяйства.

Густонаселенная Западная Европа с ограниченными ресурсами сельскохо-зяйственных земель в новейшее время оказалась в состоянии наладить высоко-продуктивное сельское хозяйство, способное удовлетворить потребности ее населе-ния в продовольствии, прежде всего в продуктах животноводства, овощеводства и садово-виноградных культурах. Впрочем, и в производстве зерновых ее успехи оказались велики, достаточно отметить, что Франция по сбору пшеницы занимает 6-е место в мире. Зерновые занимают также значительные площади к юго-западу от Франции – на Пиренейском полуострове, к востоку от нее (включая Венгрию) и к югу – в Италии; возвышенности и предгорья этой зерновой зоны (со значительной долей кукурузы) обычно используются как пастбища для скота. В северной ее части зерноводство уступает место сахарной свекле и различным овощным куль-турам в сочетании с интенсивным молочно-мясным животноводством, на юге – по Средиземноморскому побережью – субтропическим культурам: виноградники, фрук-товые и цитрусовые, по производству которых Западная Европа занимает первое место в мире. Районы виноградарства, основная часть продукции которого идет в виноделие, встречаются и севернее – по долинам рек (например, в верховьях Луары, Района и др.), а также на южных склонах возвышенностей. Животно-водство имеет также интенсивный характер с преобладанием мясо-молочного на-правления (причем в Греции – в виде козоводства и овцеводства, в Испании – овце-водства) в сочетании с посевами зерновых и кормовых. Почти во всех прибрежных районах Западной Европы развито рыболовство (а также добыча креветок, устриц и т.п.), но особо видную роль оно играет в Норвегии и Исландии, где сочетается с китобойным промыслом.

Сельские поселения Западной Европы очень разнообразны по типу и пла-нировке. Повсеместно в Европе встречаются однодворные и малодворные (1–3 крестьянских дома) поселки и хутора, принадлежащие преимущественно зажиточ-ным крестьянам. Однодворки преобладают в горных областях Франции, Северной Испании, Северной Италии, на северо-западе Германии, в Западной Англии и в Норвегии. Многодворные деревни, известные с древних времен в равнинной части большинства стран Центральной Европы, Франции, Италии и Испании, а также Балканских стран, связаны своим происхождением с общинным бытом крестьян-ства. По своей планировке многодворные селения делятся на кучевые, круговые, рядовые и рассеянные. Для кучевых деревень характерно беспорядочное распо-ложение усадеб, кривые, запутанные улицы и переулки; они преобладают в Гер-мании, Румынии (Трансильвании), на Балканском полуострове и в большей части Испании. В круговой деревне дома расположены вокруг центральной площади и фасадами повернуты к ней; такой тип встречается только в Восточной Германии и соседних славянских странах; там же бытует и рядовая (уличная) деревня. Рассея-нный тип деревни – переходный к однодворным поселениям – встречается во многих странах Западной Европы.

Сельские постройки в Западной Европе по строительному материалу довольно четко подразделяются на южные, где из-за вырубки лесов стали преобладать ка-менные и глинобитные постройки, и северные – с преобладанием срубных дере-вянных, причем каменные постройки в некоторых северных районах (например, в Англии) в настоящее время встречаются все же чаще, чем деревянные в южных. Однако и в основных регионах деревянной архитектуры распространенная в прош-лом срубная техника строительства почти повсеместно сменилась каркасной, при которой каркас из деревянных столбов, горизонтальных и наклонных балок за-

полняется плетнем, сырцовым кирпичом, деревянными плашками и прочим, а в настоящее время все чаще — обожженным кирпичом. Нередко деревянный каркас виден снаружи и играет декоративную роль. Такая строительная техника (фахверк) особенно характерна для средней полосы Западной и Центральной Европы. В настоящее время новые дома в сельской местности, как и в городах, повсюду строятся из обожженного кирпича, шлакобетона или других огнеупорных материалов.

Жилые и хозяйственные помещения сочетаются по-разному: либо они все находятся под одной крышей, образуя на усадьбе единую большую постройку, либо разбросаны по усадьбе, причем хозяйственные постройки — обычно вокруг жилой. Первый тип преобладает на севере Германии, в Альпах и Южной Франции, второй — в Скандинавии, в Северной Франции, на юге Германии и странах Балканского полуострова.

Среди старых крестьянских построек можно выделить нижненемецкий, средненемецкий, альпийский и средиземноморский типы, а также различные подтипы и переходные формы.

Нижненемецкий дом — большая одноэтажная постройка, каркасная или кирпичная. Ее массивная двускатная крыша опирается не на стены, а на столбы, которые врыты в землю внутри дома двумя рядами на некотором расстоянии от продольных стен; потолок нет; скаты крыши спускаются почти до земли; со стороны фронтона — широкий вход-въезд. В средней части дома, вдоль его оси расположено обширное гумно, куда прямо въезжает нагруженный воз; направо и налево — отгороженные жилые помещения и стойла для скота. Главный элемент жилища — очаг, располагающийся в дальнем конце средней части дома. Этот тип дома был распространен на севере Германии, вдоль побережья Северного и Балтийского морей, в Южной Дании и Восточных Нидерландах. В настоящее время почти всюду такие старинные дома внутри перестроены и модернизированы.

Резко отличен от него средненемецкий вариант дома, типичный для средней части Германии и Австрии. Жилые и хозяйственные постройки в нем расположены по трем сторонам усадьбы, оставляя свободной четвертую, где и находится въезд в нее. Жилой дом — обычно двухэтажный — стоит перпендикулярно улице или дороге. Крыша крутая, двускатная. Дом разделен поперек на три части, вход посередине длинной стены. Основным помещением является средняя часть дома, где расположен очаг; направо и налево от нее — жилые и хозяйственные помещения; на верхнем этаже расположены жилые покои и кладовые.

Своеобразен альпийский тип дома, распространенный в горных районах юга Германии, в Швейцарии, на севере Италии и западе Австрии. Это огромная двухэтажная постройка, нижний этаж которой обычно — каменный, верхний — деревянный, срубный с галереей вокруг него. Крыша — двускатная, массивная и очень пологая, так как вся постройка очень широкая; для устойчивости против сильных ветров крышу еще утяжеляют иногда большими камнями. Внутренняя планировка имеет сложный и разнообразный характер, но обычно хозяйственные помещения располагаются внизу, а жилые — наверху (и лишь частично внизу). Такой тип постройки порожден суровыми горными условиями и полускотоводческим хозяйством.

Средиземноморский тип распространен на юге Европы — от Балканского до Пиренейского полуострова. Это каменная солидная постройка, чаще всего двух-трехэтажная. На ее нижнем этаже, как правило, расположены хозяйственные помещения; жилые помещения находятся на втором этаже, куда обычно ведет наружная лестница. Основное помещение отапливается камином или открытым очагом, а другие, благодаря мягким зимам, иногда совсем не отапливаются. Внутренняя планировка домов отличается сложностью, что отчасти объясняется большой длительностью их существования и многократными перестройками. Характерны открытые или застекленные балконы, а нередко — нависающий над улицей

второй этаж, внутренние и наружные лестницы и переходы, внутренние дворы, а также примыкание нескольких домов вплотную друг к другу, так что подчас трудно определить, где начинается соседний двор или дом. Эта особенность архитектуры ("левантийский" тип) связана с привычкой южноевропейских народов проводить большую часть времени вне дома — во дворе или прямо на улице. В настоящее время большинство таких построек внутри сильно модернизировано, но снаружи они сохраняют свой традиционный вид.

Непеременной чертой сельского ландшафта во многих областях Западной Европы, кроме крестьянских поселений, полей, лугов, перелесков и т.п., являются старинные каменные замки-крепости — своеобразные памятники феодальной эпохи, расположенные главным образом на возвышенностях, иногда — как знаменитый замок Сент-Мишель во Франции — на прибрежных островах. В некоторых районах, например по р. Луаре, такие замки расположены на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга. В западной и южной части Балканского полуострова, особенно в Албании и Греции, до сих пор сохранились остатки укрепленных каменных башен — "кула", где укрывались люди в случае военной опасности. Сохранились кое-где и монастыри-крепости с высокими каменными оградами и церквями.

В промышленном отношении Западная Европа долгое время сохраняла ведущее место в мире, однако во второй половине XX в. она перешла главным образом на выпуск хотя и сложной, требующей квалифицированного труда, но более массовой продукции, уступив первенство в сверхсложных, наукоемких производствах США и Японии. В размещении промышленности зонально-географические, а тем более этнические, особенности проступают гораздо меньше, чем в сельском хозяйстве, и только там, где они базируются на местном сырье. Таковыми являются лесоперерабатывающие заводы в странах Скандинавии, рыбоперерабатывающие заводы в Исландии или, например, винодельческие заводы на юге Франции и Испании. После вступления почти всех стран Западной Европы в Европейское экономическое сообщество ("Общий рынок"), допустившее внутри себя свободное перераспределение рабочей силы, ослабла намечавшаяся ранее локализация трудоемких производств в областях концентрации населения. В настоящее время машиностроительные заводы, предприятия легкой и пищевой промышленности и другие стали более рассредоточенными по территории, чем раньше, за исключением, разумеется, неудобных в природном отношении районов; многие сельские населенные пункты стали полупромышленными поселками, утратив традиционную архитектуру.

Многие города Западной Европы возникли еще в античную эпоху или в средние века, т.е. много столетий назад, и, несмотря на их быстрый рост, особенно с XIX в., сохранили в центральных частях свой старый облик; узкие и кривые улочки, расходящиеся от центральной площади, где обычно располагается собор или ратуша. Остатки античной архитектуры — Парфенон в Афинах, Колизей в Риме и другие, огромные кафедральные соборы, сооруженные в романском, но чаще в готическом стиле, с его устремленными вверх линиями, остроконечными башнями и ажурными шпилями (Кельнский собор, Реймский собор, Миланский собор и др.), с обилием скульптур (собор Парижской Богоматери и др.), а также другие сооружения, вроде королевских дворцов (Лувр в Париже, Тауэр в Лондоне и др.), имеют всемирную известность, привлекают массу туристов из всех стран мира.

Важным этапом в развитии европейской городской архитектуры стало применение в конце XIX в. металлических конструкций, столь эффективно использованных при сооружении Эйфелевой башни в Париже, а после первой мировой войны и железобетонных конструкций с различными облицовочными материалами. Конструктивной основой здания стал служить железобетонный каркас, состоящий из несущих столбов и опирающихся на них горизонтальных платформ-перекрытий, поэтому стены, освобожденные от нагрузки, стали превращаться в гладкие глухие

или сплошь застекленные плоскости, вздымающиеся на десятки, а при сооружении небоскребов и на сотни метров. Такой архитектурный стиль с некоторыми вариациями сохранился до сих пор; его используют чаще всего в новых периферийных районах городов с четкой квартальной планировкой; впрочем, иногда такие здания успешно внедряются и в старые районы городов, примером чему является культурный центр Помпиду в Париже.

Пища — основное средство физического жизнеобеспечения людей — тесно взаимосвязана с направлением их сельскохозяйственной деятельности, с видами полевых и садовых культур, с видами домашних животных (а в районах рыболовства — с видами рыб и различных "даров моря"); кроме того, она во многом обусловлена историческими традициями (особенно в части праздничных и обрядовых кушаний). Поэтому в пище с давних пор обнаруживаются как зонально-географические, так и этнические различия, причем более стойкие по сравнению с другими компонентами материальной культуры. У сравнительно крупных европейских народов, живущих в различных природных условиях, невозможно выделить какие-то общеэтнические комплексы употребляемых в пищу продуктов, способов их приготовления или особенностей суточного приема пищи, с разбивкой их по сезонам и т.п. Пища северных французов, нормандцев например, существенно отличается от южных — гасконцев, и довольно широко распространенное еще в XIX в. представление о какой-то особой "французской кухне" появилось, вероятно, главным образом на основании меню известных парижских ресторанов.

Более или менее сложившиеся регионально-этнографические комплексы пищи стали в XX в. и особенно во второй его половине утрачивать прежде четкие очертания вследствие развивающейся торговли продуктами (в том числе в консервированном виде) и широкого распространения некоторых блюд (например, итальянской, или, точнее, неаполитанской пиццы) за пределы районов их происхождения и бытования. Но это относится главным образом к питанию горожан; в сельской же местности прежние традиции питания еще сохраняются.

На рассматриваемой территории зарубежной Европы можно выделить некоторые общие закономерности распространения отдельных компонентов пищи. Так, почти повсеместно бытует кислый хлеб, но на юге преобладает пшеничный, нередко с примесью кукурузы (кое-где — пресный кукурузный хлеб), а в прибалтийских и северных районах — пшеничный все более уступает место ржаному хлебу. Для мясных блюд в Центральной Европе предпочитают свинину и говядину, в юго-восточной — баранину и говядину; на севере — масло животное, на юге — растительное и т.д. Очень показательно распространение напитков. Употребление чая ограничено главным образом Британскими островами (включая Ирландию) и отчасти — Нидерландами, т.е. странами, имевшими колонии в чаепроизводящих странах Южной Азии. Во все других странах бытует кофе, первоначально пришедший с юга, из Аравии; но в странах Южной Европы он употребляется главным образом по-восточному (черный кофе), а в Южной Германии и Австрии — с молоком или сливками. В этногеографическом отношении более важно четко прослеживаемое распространение алкогольных напитков с выделением южной и юго-западной, преимущественно романоязычной, зоны, где употребляется виноградное вино, главным образом сухих сортов (а в районах садоводства — сидр), и центральной и северной, преимущественно германоязычной, зоны, где употребляется преимущественно пиво, приготавливаемое из ячменя и некоторых других злаковых культур; здесь же сильнее, чем в юго-западной зоне, распространены крепкие напитки: в Германии — шнапс, на Британских островах — виски и др. В этом делении имеются и некоторые сопутствующие признаки, относящиеся уже собственно к питанию.

Для рациона этнических групп южноевропейской зоны характерно значительное употребление винограда, цитрусовых, фруктов, маслин и оливкового масла. Хлеба потребляют сравнительно мало, заменяя его другими мучными изделиями и

кукурузной кашей. В прибрежных средиземноморских и атлантических районах мясные блюда отходят на второй план перед рыбными; особенно показательны в этом отношении португалцы, умеющие готовить только из трески несколько сотен различных блюд. Значение мясных блюд повышается во внутренних районах романоязычных стран, где развито скотоводство; там же более широко используются и молочные продукты. Наиболее типична для этой зоны пища итальянцев. Основное обеденное блюдо итальянских крестьян – густой суп "дзуппа" из фасоли, бобов и картофеля с размоченным в нем хлебом, а также густая кукурузная каша "полента", которую подают к столу нарезанную на куски. В итальянских городах распространены блюда из макаронных изделий "паста": спагетти (без дырочек), букатини (короткие макароны с дырочками), вермишель и др.; на второе – рыба или мясо с салатом, гарниром из картофеля и пр. Пьемонт славится своими пельменями, Эмилия-Романья – колбасами, Неаполь – пиццей.

Очень разнообразна, с вариациями по провинциям, как уже отмечалось, пища французов, в которой много довольно острых (но без обилия перца) блюд как на первое (суп-пюре из лука-порея, луковый суп с сыром, в Провансе суп "байобез" из разных сортов рыбы и др.), так и на второе, что достигается различными соусами и приправами к мясу и рыбе. Потребление мяса зависит от достатка, причем, кроме говядины, здесь употребляется довольно много крольчатины, домашней птицы, а в качестве деликатеса – устрицы (на юге также улитки); особым деликатесом считаются жареные лапки крупных лягушек. Распространены омлеты с различными добавками (грибы, колбаски и пр.). Франция славится разнообразием видов сыров, в том числе мягкими сырами с внутренней острой на вкус зеленой плесенью "рокфор" и внешней белой плесенью "камамбер"; известный французский президент генерал де Голль полусерьезно говорил о том, как трудно управлять страной, в которой имеется 400 сортов сыра. Обычно на обед перед десертом подается несколько видов сыра. По производству и потреблению вина Франция занимает первое место в мире; оно является почти непременным компонентом как обеда, так и ужина.

Сильно различается по районам и пища испанцев. В северных районах, по побережью Бискайского залива, много рыбных блюд, особенно из трески, бытует чесночный суп, мамалыга или вареная фасоль с мясными колбасками. Кроме вина, в северных районах, как и во Франции, употребляют сидр. В центральных земледельческих и скотоводческих районах – больше мясных блюд; жареное мясо, рагу, тушеная баранина с горохом, картофелем, капустой. На юге часто готовится плов "поэлья", холодный суп типа окрошки, острая на вкус картофельная запеканка "тортилья". Принадлежащий Испании остров Мальорка – родина известного соуса "майонез". Испания занимает первое место в мире по производству оливкового масла. Немало своеобразных блюд имеется у португальцев, например, густой суп "калдо верди" из капусты с картофелем и с оливковым маслом, куриный бульон с рисом и кусочками копченой колбасы, жареные потроха или печенька с овощами, рисом и чесночным соусом, густая уха из разных видов рыбы и др.

Довольно своеобразна пища албанцев, у скотоводческих групп которых много молочных продуктов, главным образом овечий сыр; почти повсеместно распространен пресный хлеб из кукурузы. От турок заимствованы жирные мясные блюда под острым соусом и приторные сладости (у горожан). В центральной и северо-европейской, преимущественно романоязычной "пивной", зоне можно опять-таки с некоторой условностью выделить ее южный, собственно центрально-европейский регион, северный регион, прилегающий к Северному и Балтийскому морям. В центральном регионе, охватывающем южные группы немцев и большую часть австрийцев, в питании преобладают мучные блюда (лапша, вермишель, клецки и др.), а также каши; некоторым своеобразием в этом отношении отличается Южная Австрия (Каринтия), жители которой предпочитают пшеничную кашу, применяя ее и в смеси с ливером и кровью для начинки колбас. Существенно отличается пища австрийцев, живущих в приальпийских районах (Тироле), которые, как и их соседи

германошвейцарцы, потребляют много молочных продуктов, в том числе творог и особенно различные, преимущественно твердые виды сыра.

Для северных групп немцев и народов соседних стран более характерны различные блюда из картофеля, хотя имеются крупяные блюда и, как повсюду в этой зоне, овощные, среди которых выделяется капуста, употребляемая в тушеном и квашеном виде. У фламандцев Бельгии жареные ломтики картофеля "помм-фри" стали лакомством, которое продают на городских улицах; со временем оно распространилось и в другие страны. Традиционная еда – овощной или гороховый суп, обычно со свиной, и смесь тушеного картофеля и овощей с густой подливкой. Говядина почти всюду и особенно в Германии уступает место свинине, которую употребляют не только в вареном, но и в копченом и соленом виде. Мучных изделий и хлеба в этом регионе употребляется мало, причем предпочтение отдается ржаному хлебу. Жители в прибрежных районах употребляют много рыбных блюд, в том числе в соленом и копченом виде. До последнего времени особым предпочтением пользовалась сельдь, различные способы засолки которой в Голландии восходят к XV в., однако уловы ее постепенно уменьшаются.

Внутри довольно обширного северного региона имеются локально-этнографические пищевые отличия. Немцы славятся изготовлением различного вида колбас и сосисок; известное популярное блюдо – сосиски с тушеной капустой. У их соседей – голландцев и датчан – существенное место в меню занимают молочные продукты, особенно сыр; голландцы сыром заправляют супы, салаты, запекают его с рыбой, с фруктами и т.п. Много молочных продуктов потребляется и в Скандинавских странах, специфичным для норвежцев является сладкий козий сыр; любимое блюдо на десерт у скандинавов, как и у датчан, – кисель со сливками или мусс.

Для пищи англичан характерны мясные блюда с преобладанием говядины над свининой и жареной над вареной; такие блюда, как "ростбиф" и бифштекс", стали международными. В качестве гарнира используется вареный или жареный картофель, овощные салаты. Семьи с невысоким достатком, как и в других странах, предпочитают более дешевые рыбные блюда и бройлерных кур. Немало крупяных блюд, в том числе традиционная утренняя жидкая овсяная каша "порридж". Английским национальным блюдом считаются различные пудинги (мясные, крупяные и др.), а также яблочный пирог. В соседней Ирландии чуть ли не основной пищей, особенно у малообеспеченных слоев населения, остается картофель; бытуют примерно те же блюда, что и в Англии, включая утреннюю овсяную кашу; среди специфичных блюд выделяется суп из бараньей или телячьей требухи с овсяной мукой, луком и перцем. Для Исландии, где резко преобладают рыбные блюда, наиболее специфично употребление конины.

Пища финнов во многом сходна с пищей соседних скандинавских народов; в ней много рыбных, овощных и крупяных блюд. Популярен гороховый суп, толокняная каша на молоке, жареная или тушеная говядина. От финнов довольно сильно отличаются родственные по языку венгры, в пище которых много блюд из свинины, преимущественно с острыми приправами.

Большим разнообразием отличаются праздничные блюда, в которых много традиционного. На Рождество у англичан принято жарить индейку, у шотландцев – гуся, а у финнов, например, запекать свиной окорок.

В последние десятилетия в крупных и даже средних европейских городах получили распространение различные "национальные" рестораны и закусочные, в том числе китайские.

Одежда народов Западной Европы по сравнению с пищей сохранила меньше этнических и локально-этнографических особенностей, что же касается зональных (культурно-экологических) особенностей, то они сводятся в основном к тому, что на севере, например у народов Скандинавии, бытует более теплая одежда, в частности куртки из толстого сукна и вязаные шерстяные свитеры, а на юге – более легкая одежда преимущественно из льняных, хлопчатобумажных и тонких

шерстяных тканей. Именно Западная Европа, прежде всего Британия, стала родиной так называемого "городского" костюма (брюки, рубашка с рукавами, пиджак — у мужчин; юбка, кофта с рукавами, жакет — у женщин), который уже во второй половине XIX в. распространился среди городского населения, а затем и среди сельского, почти полностью вытеснив бытовавшие ранее комплексы традиционной одежды; во второй половине XX в. различные его варианты (например, с заменой пиджака курткой) получили распространение даже в странах с неевропейским по своему происхождению населением. Тем не менее во многих сельских местностях стран Западной Европы, в том числе и таких развитых, как, например, Германия, еще продолжают бытовать элементы прежней этнографически дифференцированной одежды, а в городах во время проведения праздничных шествий, фольклорных ансамблей и массовых представлений можно увидеть на их участниках более или менее полные комплексы традиционной одежды, а иногда (например, в представлениях на средневековые темы) и причудливые "модные" костюмы высших сословий того времени. Некоторые комплексы одежды используются для придворной стражи.

История развития одежды у европейских народов очень сложна, происхождение некоторых ее исторических форм, особенно у знатных сословий, например, средневековых мужских, очень коротких пышных штанов с чулками или колоколообразных женских юбок на обручах (кринолинов) установить трудно, однако некоторые общие закономерности прослеживаются достаточно ясно. Судя по античным источникам, жители древних цивилизаций Средиземноморья, мужчины и женщины, носили главным образом более или менее длинные рубахи без рукавов (древнегреческие "хитоны", древнеримские "туники"), а также несшитые плащи и накидки (у знатных римлян — тога); ношение штанов римляне считали признаком "варварства". У вторгавшихся в пределы Римской империи "варварских" германоязычных и славяноязычных племен бытовал костюм из поясной одежды и рубашки: он включал полудлинные штаны (у мужчин) и другие виды сшитой одежды: рубаху с рукавами (короткие — у мужчин и длинные — у женщин), теплую "сезонную" грубошерстную или меховую верхнюю одежду с рукавами и др. Сочетание этих двух типов или комплексов одежды, происшедшее в раннем средневековье, и дало начало различным модификациям одежды, ее этнографическим и локальным вариантам.

Характеризуя традиционную народную одежду, почти повсеместно бытовавшую еще во второй половине XIX в., следует отметить широкое распространение мужских узких полудлинных (немного ниже колен) штанов в сочетании с короткими чулками или гетрами. У французов штаны подвязывались под коленями, у других этносов — просто сужались. Штаны изготавливались обычно из шерстяной (суконной) ткани темных цветов, но у южных немцев (в Баварии) и у австрийцев бытовали и кожаные штаны, а у шведов — цветные (желтые или зеленые). У некоторых народов, например у испанцев и норвежцев, бытовали и узкие длинные черные штаны, а у балканских народов (греков, румын и др.) — белые штаны, кроме того, длинные и более широкие штаны использовались у ряда народов в качестве рабочей одежды, в том числе немецкими и английскими моряками; вероятно, именно они и дали начало широко распространенным брюкам.

Другим распространенным компонентом мужской одежды была белая рубаха с длинными рукавами и воротником, поверх которой обычно надевалась жилетка (распашная или со шнуровкой) или короткая куртка, преимущественно темных расцветок. У мужчин большинства романских народов (французов, испанцев и др.) было принято повязывать на шею цветной платок, что, возможно, дало начало галстукам. Испанцы употребляли также широкий яркий пояс, обычно красного цвета. Наибольшим своеобразием одежды отличались различные по генезису народы, среди которых мужчины носили короткие (до колен) юбочки: у албанцев и

части греков – белого цвета (как и распространенные у балканских народов длинные узкие штаны), у ирландцев – цветные (чаще оранжевые или зеленые); у горных шотландцев (хайлендеров) и гэлов такие юбочки ("килт") делались из пестрой, клетчатой ткани.

Наиболее распространенным мужским головным убором была фетровая или войлочная шляпа, обычно с короткими полями (у финнов и португальцев – с широкими), но она чаще всего входила в комплект выходной или праздничной одежды и в этом виде нередко украшалась лентами или, как, например, у итальянцев, австрийцев, пером; у голландцев и норвежцев бытовал цилиндр. В качестве рабочего головного убора использовались вязаные колпаки (итальянцы, южные французы, албанцы и др.) или береты, а в Англии – кепки.

Народная женская одежда была более разнообразной. У большинства романских народов бытовала широкая длинная (до щиколоток) юбка из темной (итальянцы, испанцы) или полосатой (португальцы) ткани с оборками или каймой; белая блузка или кофта с длинными рукавами; более темный облегающий корсаж "боле-ро" с цветной шнуровкой впереди и яркий передник. У испанцев и португальцев было принято накидывать на плечи большой платок или шаль (мантилью). Головным убором обычно служил небольшой платок, у французов – небольшой чепец или шляпка. Основное отличие женской одежды у немцев – кро́ткая широкая юбка: на севере – темных тонов, на юге – в католических районах, а также у австрийцев (как и у ирландцев) – ярких тонов (синяя, красная, зеленая). У датчан и народов Скандинавии – длинные юбки темных тонов, у финнов – полосатые или клетчатые. У фламандцев и голландцев в традиционный женский костюм входило несколько коротких и широких юбок с кружевами, верхняя – более темная; аналогичная традиция была у венгров. Повсеместно бытовали белые с длинным рукавом блузки с темным корсажем-лифом со шнуровкой или яркими пуговицами, а также – яркий фартук-передник. У албанцев и финнов сохранилась также длинная туникообразная рубаша, а у греков – сарафан с поясом. В качестве головного убора обычно применялись цветные платки, но у германоязычных народов также чепцы с кружевами и другими украшениями.

Рабочая обувь в прошлом представляла собой у большинства народов ботинки из грубой кожи. Часто, особенно в приморских сырых районах, делалась обувь на деревянной подошве, а среди голландцев и северных французов бытовала и деревянная обувь "сабо". Комплект выходной мужской одежды с короткими штанами и чулками или гетрами обычно включал кожаные туфли, украшенные большими пряжками; большие пряжки делались и на женских туфлях. У венгров бытовали высокие черные сапоги. Традиционная обувь в южных присредиземноморских районах была более легкой; многие женщины носили плетеные из ремешков тапочки или легкие туфли на низком каблуке.

Наиболее специфическим комплектом одежды отличаются коренные жители Северной Европы – саамы, значительная часть которых до сих пор занята тундровым оленеводством и рыболовством; у мужчин – длинная до колен блуза, узкие суконные штаны, на голове вязаный колпак; у женщин – длинная белая рубаша и верхнее суконное (летом – ситцевое) платье. Зимой мужчины и женщины носят малицу, обувь из оленьих шкур. Другие специфические виды одежды связаны с теми или иными профессиями, например у рыбаков – широкие длинные штаны, куртка, плащ-накидка с капюшоном и т.д. Особенно показательна в этом отношении Британия, где часть банковских и некоторых других служащих (клерки) до сих пор носят узкие темные брюки в полоску, черный галстук и черный пиджак, шляпа-котелок и черный зонтик-трость; британские судьи и адвокаты надевают средневековые мантии и парики и т.п.

В XX в. городской костюм, особенно у состоятельных слоев населения, все более подчинялся прихотям моды, законодателями которой раньше считались французские (главным образом – парижские) модельеры, но последнее время с ними

невесты. В сельских поселениях на свадьбу обычно приглашались не только родственники и соседи, но и все односельчане, которые делали новобрачным подарки вещами или деньгами. Свадебный дом у большинства народов было принято украшать живыми цветами и зеленью, если позволяло время года; в церковь или ратушу жених и невеста ехали в украшенной карете. Среди итальянцев и некоторых других народов до последнего времени сохранялся обычай, по которому парни взявшись за руки, преграждали новобрачным выход из церкви и пропускали их только за небольшой выкуп. Некоторым своеобразным внешним оформлением отличалась свадьба у англичан, считавших счастливыми цветами для свадебного костюма и убранства белый, синий, розовый, а несчастливым — зеленый; подчас даже к свадебному столу не подавали зелень. Среди англичан в большей степени, чем у других народов, было принято отправлять молодоженов в свадебное путешествие, пусть даже — в соседнюю деревню.

Родильные обряды у народов Западной и Юго-Восточной Европы, особенно после распространившегося обычая отправлять роженицу в больницу, почти сошли на нет, свелись к поздравлениям и подаркам. Сохранились, однако, некоторые обычаи, связанные с крещением (имянаречением) новорожденного. Так, у кельтских народов Британии вошло в систему брать в качестве фамилии имя своего отца с приставкой "сын" (в Шотландии — "мак", в Ирландии — "о"). Широко бытует установка, когда первого ребенка в семье называют именем одного из родителей отца, второго — родителей матери, так что в семье могут быть дети с одинаковыми именами. Крещению, особенно у католиков и православных, предшествует тщательный выбор крестных отца и матери, играющих затем существенную роль в жизни крестника или крестницы, в их семейных торжествах и т.п.; нередко у католиков выбирали от 3 до 6 крестных отцов и матерей. Важным событием "социализации личности" в жизни мальчиков и девочек была конфирмация (у католиков — первое причастие, у протестантов — приобщение к церкви), после которой устраивали праздничный обед или ужин с вручением подарков.

Несмотря на то обстоятельство, что религиозность жителей Западной и Юго-Восточной Европы почти повсеместно уменьшилась, торжественные события и *праздники* христианского календаря настолько сильно вошли в жизнь, что сохраняются до сих пор даже среди людей, почти отошедших от церкви и, скажем, предпочитающих праздновать день рождения, а не именины. Одним из таких основных праздников является Рождество Христово, отмечаемое католиками и протестантами 25 декабря, т.е. перед Новым годом, а православными — на 13 дней позже. Важным атрибутом Рождества является елка, украшенная яркими игрушками, а в последние десятилетия и гирляндами лампочек; свечи на елке принято зажигать лишь в рождественский вечер. Обычай рождественской елки впервые появился в Эльзасе во второй половине XVIII в., отсюда проник в Германию, а затем распространился и по другим странам Европы.

В Италии и некоторых других странах к Рождеству начинают готовиться с начала декабря, вдоль городских улиц ставят елки в кадках с песком, развешивают гирлянды лампочек, в церквях готовят макеты и фигуры для рождественских представлений (движущиеся фигуры Марии, Иосифа, волхвов, макетики яслей и т.п.). Дома и квартиры принято убирать зеленью; в Британии с этой целью часто применяется омела, считавшаяся священной еще у кельтов. В полночь бьют церковные колокола, зажигают свечи на елках. Рождество повсеместно считается семейным праздником, проводимым в сравнительно узком кругу. Особенно радуются ему дети, ожидающие подарки, которые кладут им в обувь под кровати или вручаются Рождественским Дедом (у англичан и немцев — Санта-Клаус, у французов — Пер-Ноэль, у итальянцев — Баббо Натале и т.п.).

Новый год принято проводить в менее интимной обстановке, например в кафе, ресторане или просто на улице, устраивая шумные шествия; в Австрии, например, ряженые в масках, в конце шествия которых шли ряженые с метлами,

аскетизм и строгость нравов. Все же народы (или части народов), перешедшие к протестантизму, стали допускать гражданское оформление брака (в муниципалитетах, мэриях и т.п.), разрешать разводы, более терпимо относиться к внебрачным отношениям и т.п. В католических же странах, за исключением Франции, где позиции церкви были сильно подорваны в ходе Великой французской революции, влияние церкви ощущается до сих пор; браки, как правило, заключаются в церкви, разводы очень затруднены и нередко заменяются получением церковного разрешения лишь на "разделение", т.е. раздельное проживание супругов (с возможностью вступления их в неоформленные брачные отношения).

Среди протестантов стали более активно распространяться контрацептивные средства и аборт, что в условиях, когда "ценность" детей стала соизмеряться с материальным благополучием и другими ценностями жизни, быстро привело к малодетности брачных пар; среди католиков планирование семьи более затруднено. Папа римский по-прежнему выступает против аборт и даже против контрацептивов. Поэтому при общем переходе к малодетности в католических семьях обычно больше детей, чем в протестантских. В последние десятилетия во многих странах Европы (Швеция, Германия и др.) число детей на брачную пару (особенно в городах) уменьшилось так, что не обеспечивает даже простого естественного воспроизводства населения.

Среди семейных *обрядов* наибольший народный колорит и социальную значимость имеет свадьба, в которой соединяются две различные фамилии (в прошлом — два рода) и закладываются основы новой ячейки естественного и социально-культурного воспроизводства. У большинства народов сохраняется традиция заключать браки после окончания весенних и осенних полевых работ, до и после больших религиозных постов; среди немцев максимум браков приходится на ноябрь, второй максимум — на май; среди англичан и некоторых других народов май почему-то считается несчастливым месяцем для заключения браков, а наиболее счастливым — июнь.

Заключению браков у большинства народов Европы предшествует помолвка, или обручение, связывающая жениха и невесту почти столь же тесно, как и сама свадьба, и расторгаемая лишь в особых случаях и с большими трудностями. Обычай сватовства сохранился лишь у некоторых народов, но в последнее время он играет символическую роль и осуществляется лишь после того, как сами молодые уже объявятся в любви и договорятся о вступлении в брак. Период помолвки — это не только время для проверки чувств и брачных намерений, но и для своего рода общественного контроля за вступлением в брак; с этой целью принято вывешивать объявление о предстоящей свадьбе (в Италии оно должно висеть не менее 8 дней) или объявлять несколько раз об этом на воскресных службах в церкви.

Самый низкий законодательный возраст для вступления в брак в Испании (женщины — 12 лет, мужчины — 14 лет), в Италии (женщины — 14 лет, мужчины — 16 лет); в других странах он несколько выше, но почти всюду до гражданского совершеннолетия (обычно — 21 год) молодые должны получить согласие на брак со стороны родителей или опекунов. В Испании, Португалии и Греции действительным признается только церковный брак; в Великобритании, Швеции, Норвегии и Дании юридически законными считаются как церковный, так и гражданский брак, в других странах (Италия, Франция, Германия и др.) обязателен гражданский брак, хотя и здесь после заключения брака в муниципалитете или ратуше молодые нередко отправляются в церковь.

Непосредственно перед днем свадьбы как у романоязычных народов, так и германоязычных было принято устраивать вечер "прощания" жениха и невесты с близкими знакомыми, не состоявшими в браке: мальчишник и девичник. Эти шумные вечера нередко сопровождалась битьем посуды "на счастье".

Свадьбу у многих народов зарубежной Европы, особенно среди зажиточных групп, было принято проводить 2–3 дня, устраивая последнее застолье в доме

невесты. В сельских поселениях на свадьбу обычно приглашались не только родственники и соседи, но и все односельчане, которые делали новобрачным подарки вещами или деньгами. Свадебный дом у большинства народов было принято украшать живыми цветами и зеленью, если позволяло время года; в церковь или ратушу жених и невеста ехали в украшенной карете. Среди итальянцев и некоторых других народов до последнего времени сохранялся обычай, по которому парни взявшись за руки, преграждали новобрачным выход из церкви и пропускали их только за небольшой выкуп. Некоторым своеобразным внешним оформлением отличалась свадьба у англичан, считавших счастливыми цветами для свадебного костюма и убранства белый, синий, розовый, а несчастливым — зеленый; подчас даже к свадебному столу не подавали зелень. Среди англичан в большей степени, чем у других народов, было принято отправлять молодоженов в свадебное путешествие, пусть даже — в соседнюю деревню.

Родильные обряды у народов Западной и Юго-Восточной Европы, особенно после распространившегося обычая отправлять роженицу в больницу, почти сошли на нет, свелись к поздравлениям и подаркам. Сохранились, однако, некоторые обычаи, связанные с крещением (имянаречением) новорожденного. Так, у кельтских народов Британии вошло в систему брать в качестве фамилии имя своего отца с приставкой "сын" (в Шотландии — "мак", в Ирландии — "о"). Широко бытует установка, когда первого ребенка в семье называют именем одного из родителей отца, второго — родителей матери, так что в семье могут быть дети с одинаковыми именами. Крещению, особенно у католиков и православных, предшествует тщательный выбор крестных отца и матери, играющих затем существенную роль в жизни крестника или крестницы, в их семейных торжествах и т.п.; нередко у католиков выбирали от 3 до 6 крестных отцов и матерей. Важным событием "социализации личности" в жизни мальчиков и девочек была конфирмация (у католиков — первое причастие, у протестантов — приобщение к церкви), после которой устраивали праздничный обед или ужин с вручением подарков.

Несмотря на то обстоятельство, что религиозность жителей Западной и Юго-Восточной Европы почти повсеместно уменьшилась, торжественные события и *праздники* христианского календаря настолько сильно вошли в жизнь, что сохраняются до сих пор даже среди людей, почти отошедших от церкви и, скажем, предпочитающих праздновать день рождения, а не именины. Одним из таких основных праздников является Рождество Христово, отмечаемое католиками и протестантами 25 декабря, т.е. перед Новым годом, а православными — на 13 дней позже. Важным атрибутом Рождества является елка, украшенная яркими игрушками, а в последние десятилетия и гирляндами лампочек; свечи на елке принято зажигать лишь в рождественский вечер. Обычай рождественской елки впервые появился в Эльзасе во второй половине XVIII в., оттуда проник в Германию, а затем распространился и по другим странам Европы.

В Италии и некоторых других странах к Рождеству начинают готовиться с начала декабря, вдоль городских улиц ставят елки в кадках с песком, развешивают гирлянды лампочек, в церквях готовят макеты и фигуры для рождественских представлений (движущиеся фигуры Марии, Иосифа, волхвов, макетики яслей и т.п.). Дома и квартиры принято убирать зеленью; в Британии с этой целью часто применяется омела, считавшаяся священной еще у кельтов. В полночь бьют церковные колокола, зажигают свечи на елках. Рождество повсеместно считается семейным праздником, проводимым в сравнительно узком кругу. Особенно радуются ему дети, ожидающие подарки, которые кладут им в обувь под кровать или вручаются Рождественским Дедом (у англичан и немцев — Санта-Клаус, у французов — Пер-Ноэль, у итальянцев — Баббо Натале и т.п.).

Новый год принято проводить в менее интимной обстановке, например в кафе, ресторане или просто на улице, устраивая шумные шествия; в Австрии, например, ряженые в масках, в конце шествия которых шли ряженые с метлами,

"выметавшими" остатки старого года. Такие новогодние шествия нередко сопровождаются хлопушками, фейерверком, запуском ракет, иногда специальными оркестрами. В Италии на Новый год принято в знак освобождения от всего старого выбрасывать на улицу ненужную посуду, старую мебель и прочий хлам.

Важными весенними праздниками повсеместно являются Масленица и Пасха. В средиземноморских и соседних с ними странах, где зима проходит быстро, именно Масленица, проводимая после середины февраля, перед Великим постом, считается праздником наступления весны. Она сопровождается обильной пищей (в Австрии — "жирные" или "сумасшедшие" дни) и веселыми карнавалами, возникшими в далеком прошлом, вероятно, как народная реакция на христианскую аскезу. Непременной компонентой карнавала являются шествия в различных масках и костюмах (чаще — в традиционных, например, в Италии — Арлекин, Пульчинелла и др.) под оркестры и обычно во главе с выбранными на этот случай королем и королевой (принцем и принцессой) карнавала, едущими на украшенной цветами автомашине (ранее — на повозке).

В Южной Франции и особенно в Нидерландах, где сильно развито цветоводство, в карнавальном шествии везут фигуры из цветов, устраиваются "битвы цветов" и т.п. К таким пышным, костюмированным карнавалам обычно начинают готовиться за 2–3 месяца. В расположенных севернее протестантских странах Масленицу празднуют скромнее. В Англии, например, на нее по традиции отводится всего один день, в 11 часов которого по удару колокола хозяйки начинают печь блины; в некоторых селениях было принято устраивать бега женщин со сковородками, на которых они держат горячие блины, иногда подбрасывая их вверх.

Праздник Пасхи по сравнению с Масленицей обычно проводится внешне менее ярко, главным образом в семье и церкви. В Испании, Португалии и Италии принято устраивать церковные шествия, в которых разыгрываются сцены распятия и воскрешения Христа. В более северных странах больше всего веселятся в этот праздник дети, которые собирают крашеные яйца, спрятанные для них в разных местах родителями или даримые им соседями, приходящими родственниками и знакомыми.

Яркий летний праздник святого Иоанна (итальянский — святой Джованни, скандинавский — святой Ханс и т.п.), совпадающий со славянским Иваном Купалой (24 июня), в отличие от Масленицы наиболее популярен в северных странах — Скандинавии и Финляндии. В честь этого праздника зажигают большие костры, дома украшают зеленью, воздвигают высокие шесты с перекладиной, где вешают гирлянды зелени и цветов, желто-голубые ленты, вокруг водят хороводы, поют песни, прыгают через костер и т.п.; молодежь купается в озерах и реках, гадают о личных судьбах. В южных странах костры нередко, особенно с городами, заменяют фейерверком.

Кроме названных праздников, имеются и другие, связанные с установленными христианским церковным календарем днями святых. Повсеместно принято отмечать День всех святых (1 ноября), считающийся днем поминовения усопших и погибших в войнах; в этот день посещают могилы родственников, а в крупных городах устраивают шествия к могиле Неизвестного солдата. Празднование дней отдельных святых имеет более или менее локальный характер. Так, ирландцы отмечают день св. Патрика, считая его покровителем всего острова; голландцы и датчане чтят его как покровителя моряков. В Бельгии и Нидерландах принято отмечать день св. Мартина (11 ноября), считающегося покровителем Галлии, а также, как и в ряде других стран, день св. Николая (6 декабря), устраивая шумные шествия с факелами. В Швеции и Норвегии отмечают день св. Люсии (13 декабря), являющейся символом света; вечером этого дня устраивают факельные шествия, во главе которых идет специально выбранная девушка в белом платье с красным поясом и короной "королевы", несут зажженные свечи. В некоторых местах принято отмечать дни святых, считающихся покровителями отдельных ремесел,

например в Испании — день св. Иосифа — покровителя плотников; особенно ярко он отмечается в Валенсии, где днем в шуточных шествиях несут вырезанные из дерева различные фигуры, а ночью их торжественно сжигают.

Основу календарной обрядности с древности повсеместно составлял хозяйственно-земледельческий календарь с элементами магии плодородия. Еще во второй половине XIX в. календарные обычаи и обряды довольно четко подразделялись на три основных комплекса: праздники, связанные с началом нового хозяйственного года (весенние), праздники, связанные с завершением хозяйственного года (осенние), праздники, связанные с летним и зимним солнцестояниями (иоанновский и святочный циклы); эти комплексы отражали народную философию о постоянном чередовании жизни и смерти в природе. Однако к середине XX в. от прежних комплексов этих обычаев и обрядов остались лишь отдельные элементы и пережитки, да и празднование их существенно изменилось. В некоторых карнавальных (весенних) шествиях масок и костюмов взрослые участники стали все чаще уступать место детям, предпочитая танцевальные площадки и костюмированные балы. Главное же состояло в том, что истинно народные праздники и торжества приобрели характер стилизованных представлений, устраиваемых не столько для себя, сколько для привлечения туристов. А так как туризм является видной статьей доходов во всех странах Западной Европы, то представления карнавального типа распространились чуть ли не повсеместно, причем устроители их стараются, чтобы они не совпадали по времени и отличались своеобразием.

Шумные и веселые представления карнавального типа, как уже отмечалось, обычно приурочиваются ко дню какого-нибудь святого, покровителя города или церкви, и сопровождаются ярмарками с продажей сувениров. Широкую известность получили фламандские праздники "кermесы", во время которых устраиваются шуточные шествия с куклами-великанами, изображающими героев популярных сказок и легенд. У живущих южнее валлонов славится мартовский карнавал в горящем городе Бенше, в котором участвуют так называемые жили — клоуны в своеобразных костюмах с головными уборами, украшенными пышными перьями, а также "медвежий" карнавалы в Арденнах, праздник на каналах в Брюгге, "шествие ведьм" в Беселаре и др. Возникают все новые и новые традиции: так, в Англии с начала 80-х годов все большей популярностью пользуется вест-индский, по своему происхождению летний песенно-танцевальный, праздник, проводимый в Лондоне.

Охарактеризованные выше некоторые празднества, не связанные непосредственно с церковным или с народным хозяйственным календарем, смыкаются с гражданскими или государственными праздниками. К числу их относятся дни основания государства (например, в Швейцарии 1 августа — день союза трех кантонов в 1291 г.) или начала новой системы власти (например, во Франции — 14 июня — день взятия народом Бастилии как символа абсолютизма и начало Великой французской революции в 1789 г.); дни принятия конституции (например, Бельгия — 21 июня, Норвегия — 14 мая), дни освобождения от иноземной тирании или от оккупации (Дания — 5 мая, Италия — 25 апреля, Норвегия — 7 июня и т.д.); в странах конституционной монархии (Великобритании, Дании, Испании и др.) обычно отмечаются дни рождения здравствующего короля или королевы. Иногда отмечаются особо памятные исторические даты, например, в Англии 5 ноября "день Гая Фокса" — организатора заговора по взрыву парламента в 1605 г.; в этот день устраивают карнавалы, зажигают большие костры, на которых сжигают чучело Гая Фокса.

В характере досуга и развлечений европейских народов имеются некоторые специфические черты, отличающие их в той или иной степени друг от друга и от народов других стран мира. По структуре суточного времени здесь выделяются Испания с Португалией и Южной Францией, где наиболее жаркие часы дня отводятся на обед и послеобеденный отдых (сиеста). Для романских и особенно присредиземноморских народов характерна также большая открытость быта и

досуга, времяпрепровождение жителей (особенно мужчин) вне дома — на улицах и площадях, куда выносятся столики кафе, закусочных и ресторанов; женщины выходят на улицу преимущественно в вечерние часы для прогулок по главной улице города или селения. В этой этногеографической зоне сохранились давние народные зрелища и представления, наиболее ярким из которых является бой быков в Испании (коррида); аналогичное зрелище есть и в Португалии, но в менее жестокой форме — быка здесь не убивают. Довольно близкими к нему являются южнофранцузские "коровьи бега", устраиваемые на аренах римской эпохи: суть их состоит в том, чтобы раздражить животное и затем, уклонившись от его рогов, сорвать укрепленную между рогов кокарду. Весьма специфична популярная среди басков игра в мяч (пелотэ).

Многие собственно спортивные игры зародились в Англии, являющейся до сих пор одной из наиболее спортивных стран мира. Среди этих игр наибольшую популярность приобрел футбол, который известен еще со средних веков. До сих пор на Масленицу или Пасху в некоторых селениях устраивается футбол без строгих правил по улицам, в котором участвуют все жители, а ворота команд иногда состоят друг от друга на несколько километров. Из Англии футбол распространился по существу во все страны Европы, и ежегодные футбольные соревнования как внутри стран, так и особенно между странами привлекают миллионы болельщиков. Довольно широкое распространение приобрел возникший в Англии теннис (лаун-теннис); некоторые другие английские по своему происхождению виды спортивных игр (крикет, гольф, и др.) бытуют главным образом среди обеспеченных групп населения. Из Англии распространились, наконец, и такие спортивно-зрелищные мероприятия, как конные бега, получившие распространение в Испании и некоторых других коневодческих странах, велосипедный спорт и велосипедные прогулки, частично вытесненные в последние десятилетия выездами на мотоциклах и автомашинах, а также у жителей приморских районов — прогулки на яхтах и соревнования яхтсменов. В странах Северной Европы с ярко выраженной зимой распространены конькобежный спорт и связанная с ним такая популярная игра, как хоккей ("канадский" — с шайбой и "русский" — с мячом). Широко бытует волейбол.

Кроме занятий спортом, который становится с повышением уровня жизни все более массовым явлением, во многих странах сохраняются и менее массовые, так сказать, игры, вроде игры в металлические шары во Франции и деревянные шары в Италии, игры в карты и кости и т.п.

* * *

Значительная часть Юго-Восточной Европы в среднем и нижнем бассейне Дуная заселена румынами и венграми, этнические территории которых отделили западных славян от южных. Этногенез этих двух соседствующих и в ряде районов территориально смешанных народов различен, однако их исторические пути нередко соединялись. Эти народы, тесно связанные со славянским миром, в курсах этнографии принято рассматривать отдельно.

Румыны ведут свое происхождение от фракийских племен гетов и даков, подвергшихся романизации после завоевания их римлянами (провинции Мезия и Дакия) и размещения здесь значительных гарнизонов (II—III вв. н.э.). Большинство основанных в этот период на Нижнедунайской равнине городов и крепостей в последующие столетия были разрушены волнами воинственных кочевников, двигавшихся через эту долину на запад, а романизированное население отошло к северу — в лесистые Карпаты, где продолжалось формирование румынского (волохского) этноса и откуда позже шло переселение равнинных областей. Сильное языково-культурное влияние оказали на румын южнославянские (преимущественно болгарские) и восточнославянские племена, что было усилено принятием румынами православной религии. В средние века этническая территория румын была разделена на несколько княжеств и воеводств, входивших в состав Турции и Австрии

(позже – Австро-Венгрии); румынская государственность возродилась лишь во второй половине XIX в.

Венгры ведут свое происхождение от древнеугорских (мадьярских) племен Юго-Восточного Урала, которые, как бы завершая эпоху Великого переселения народов, прошли в IX в. через Причерноморские степи и Нижнедунайскую равнину на широкую Среднедунайскую равнину (бывшую римскую провинцию Паннонию), покорив или истребив местные, в том числе славяноязычные, группы и переняв у них навыки земледельческого хозяйства и оседлого образа жизни. Их основные культурные контакты, в отличие от румын, ориентировались на запад, что отразилось и в принятии ими в XI в. католической религии.

Венгры сильно пострадали от монгольского нашествия (1241–1242 гг.) и от турок, установивших 150-летнее господство над большей их частью (XVI–XVII вв.); именно в этот период усилилось переселение венгров на восток, главным образом в гористую Трансильванию, где они смешались с румынами. В 1686 г. Венгрия подпала под власть Австрии и лишь в результате длительной борьбы, в ходе которой окрепло национальное самосознание венгров, добилась в 1867 г. автономии в рамках двуединой Австро-Венгерской империи. Сложная этническая история отразилась в существовании у венгров нескольких этнографических групп, среди которых выделяются жители гористых северных районов пологи и восточных – секеи (на территории Румынии); предполагают, что в состав последних вошли остатки гуннов.

В хозяйстве румын и венгров ведущую роль вплоть до XIX в. играло животноводство: крупный рогатый скот, овцы, свиньи, а на юге Венгрии – еще и коневодство, однако уже в XIX в. оно уступило земледелию (главным образом пшеница и кукуруза). У тех и других сильно развито овощеводство, садоводство, виноградарство и виноделие. В XX в. стала все более развиваться промышленность: в Венгрии – главным образом по обработке сельскохозяйственных продуктов, в Румынии – на базе местных ископаемых также металлургия, металлообработка, добыча нефти. Основным типом сельских поселений у румын являются деревни линейного и кучевого (в горах) типа; у венгров, избежавших в прошлом крепостной зависимости, широко распространены также хутора.

У румын и венгров преобладают трехраздельные дома, в гористых районах – обычно с деревянным срубом и четырехскатной крышей из дранки, в равнинных районах – с глинобитными стенами и соломенной крышей; в последние десятилетия распространились многокомнатные кирпичные дома с черепичными крышами. Непременной принадлежностью жилой комнаты у румын до последнего времени был резной или расписной сундук для приданого, цветные домотканые ковры и дорожки. В окраске внешних стен у румын повсеместно преобладает белый цвет, у венгров распространен и желтый.

В традиционной одежде румын и венгров, полные комплекты которой сейчас можно увидеть лишь на праздниках, проступает их прежний скотоводческий уклон хозяйства: так, у тех и других (у женщин и особенно у мужчин) – кожаные и меховые изделия, главным образом из овчины: меховые безрукавки с вышивкой и аппликацией, тулупы и накидки (у венгров безрукавная "шуба"), овчинные и войлочные шапки, суконные штаны и жилеты. В традиционный румынский мужской костюм входит длинная белая холщовая рубаша с широким цветным поясом и белые же широкие или узкие штаны из шерстяной или холщовой ткани; в венгерский – белая рубаша, но черные узкие штаны (особенно на востоке и юге), заправляемые в высокие черные сапоги, в прошлом – со шпорами. Такая венгерская одежда с добавлением шнурованного спереди жилета и расшитого белого плаща, перекинутого через левое плечо, стала прототипом гусарской формы, принятой и в других странах, в том числе в России. В женский костюм у румынок входит белая рубаша с длинным, у венгерок – кофта с коротким рукавом, у румынок – длинная

белая или темная юбка с цветным передником, у венгеров — более короткая широкая юбка, надеваемая на несколько нижних, темного или красного (у палаци) цвета с расписным фартуком. Головной убор у румынок — платок, у венгеров — цветной чепец с лентами.

Наиболее распространенная пища у румын — мамалыга с приправами, пшеничный хлеб, овощной суп (чорба) или закисленный борщ, капуста, фасоль, тушеное или жареное мясо, брынза. Национальным блюдом считаются матетей (типа люля-кебаб) и сарма (голубцы из виноградных листьев и свиного мяса). Венгры употребляют много мяса (особенно свинины) с острыми приправами (черный и красный перец, лук и др.), много овощей и мучных изделий. Национальные блюда — гуляш (густой мясной суп с картофелем, клецками и приправами) и паприкаш (куриное мясо, тушеное в сметанном соусе). Из напитков те и другие предпочитают черный кофе, виноградное вино и фруктовую водку.

В духовной культуре румын, прежде всего в календарных и религиозных праздниках, немало общего с болгарами, например колядование на Сочельник с шуточными представлениями ряженых. Очень красочна традиционная свадьба, длящаяся обычно с субботы до понедельника или вторника; еще недавно бывал обряд похищения невесты. Распространены лирические песни — "дойны" и героические баллады о борцах за свободу и справедливость — "гайдуках". Продолжают бытовать групповые танцы: "хора" (танцующие в круге держатся за руки), "брыу" (танцуют в линии или полукруге, положив руки на плечи) и др. Наиболее специфичный музыкальный инструмент — длинная пастушья труба — "бучум". У венгров прослеживаются следы дохристианских верований, например в фольклоре образ "мирового дерева"; распространены героические баллады о борцах за свободу, добрых разбойниках — "бетлярах". В календарных и религиозных праздничных обрядах много общего с австрийцами и немцами, например дарение на Новый год на счастье черных фигурок трубочистов. Очень своеобразная венгерская народная музыка с мотивами, идущими из Приуралья, не раз использовалась профессиональными композиторами, особенно Ф. Листом; заметное влияние на музыку нового времени оказали цыгане. Национальным танцем считается "чардаш", столь же известный, как и польская "мазурка".

* * *

И в заключение — немного о народных зрелищах и театре. Сохранившиеся карнавалы и красочные шествия уходят корнями в массовые обряды античной эпохи, особенно ярко проявившиеся в Древней Греции в виде "дионисий" (от Дионисия, или Вакха, — бога виноделия). Священным животным Вакха, кстати сказать, был козел, которого приносили в жертву, сопровождая этот обряд песнями — "трагедиями" (от греч. "трагос" — козел, "одэ" — песня); последующие действия (драма) сопровождалась веселыми песнями — "комедиями" (от греч. "комос" — веселье); позднее эти термины стали употребляться для обозначения собственно театральных действий с профессиональными актерами. Греческий "театр" (зрительное место) строился обычно в виде полукруга (амфитеатр) и нередко вмещал до 10 тыс. зрителей и более; его неперменной частью было специальное место для "хора", с которым актеры, выступавшие в трагических или комических масках и обычно в обуви на высоких подставках (котурнах), могли вступать в диалог. В Древнем Риме воспринятый из Греции театр лишился религиозно-нравственной сути (включая и обычно выражавшего ее хора) и превратился в забаву для народа, поэтому основное место в нем заняли комедии. Кроме того, возникли амфитеатры и цирки, в которых устраивались кровавые бои гладиаторов и диких зверей.

Христианская религия покончила с античными массовыми зрелищами, частично заменив их церковной службой (литургией) и представлениями на евангельские сюжеты. Такие представления, обычно называемые мистериями (от лат. "ministerium" — служба), постепенно расширялись и к XV в. в растущих средневековых

городах стали уже одним из существенных элементов общественной жизни; число действующих лиц в них нередко измерялось сотнями, а представления, привлекавшие жителей всего города и прерываемые обеднями и проповедями, обычно длились по 3 дня. Одним из компонентов мистерий были сценки из народной жизни, иногда шутовского плана; считается, что именно они, отделившись от мистерий, и дали начало собственно театру, как стационарного типа (главным образом, для обеспеченных слоев), так и странствующему (бродячему) театру, актеры которого выступали перед простым народом прямо на улицах и площадях. В XIX в. такие театральные уличные представления постепенно уходят из жизни, за исключением кукольно-театральных (в Италии) и цирковых представлений, особенно на ярмарках; стационарный же профессиональный театр охватывал сравнительно не большое число зрителей.

Положение с "народными зрелищами" существенно изменилось с конца XIX в., когда появившееся во Франции кино стало быстро распространяться по странам мира и завоевывать все большую популярность; в течение одного десятилетия оно стало самым массовым видом зрелищного искусства, оттеснив театр. Во многих кинофильмах, особенно на народные сюжеты, проступает национальный колорит, усилившийся с появлением звукового кино; вместе с тем торговля кинопродукцией приобретает международный характер, усиливая взаимодействие культур различных народов в их духовной, а отчасти и в материальной сфере; проникновение в 20-е годы в страны Европы американских "ковбойских" фильмов, завоевавших популярность массового зрителя, приводит к подражанию им со стороны европейских кинопромышленников на национальной, так сказать, почве. Подобные процессы взаимодействия "национального" с "инонациональным" и международным проявляются и после второй мировой войны, когда начиналось распространение телевидения, а затем и видеозаписей.

СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Центральные и юго-восточные области Западной Европы заселяют в основном народы славянской языковой группы (около 80 млн человек). В этнологической и исторической литературе их принято подразделять на западных и южных славян.

Отдельные группы западно- и южнославянского населения живут в России, на Украине, в Белоруссии, Венгрии, Румынии, Австрии, Албании, Италии, Греции, европейской части Турции и других странах мира (в частности в США, Канаде, Аргентине, Австралии и др.).

Третье по численности место среди индоевропейских языков Европы (после германских и романских) принадлежит славянским, представленным здесь двумя подгруппами: западной в Центральной Европе и южной – на Балканах. На западнославянских языках говорят поляки, чехи, словаки и лужичане. К южнославянской группе относятся языки болгар, сербов, хорватов, черногорцев, боснийцев, македонцев, словенцев.

В антропологическом отношении западные и южные славяне относятся к европеоидному расовому типу, или к большой европеоидной расе, состоящей из ряда связанных между собой множеством переходных форм малых рас, в состав которых входят и различные группы славян. Так, поляки вместе с чехами, словаками и лужичанами в целом относятся к центральноевропейской группе европеоидов, однако чехи и словаки обнаруживают в своем облике много общих черт с типичными представителями так называемого альпийского антропологического типа (австрийцами, баварцами, населением Швейцарии и др.). Южные славяне в целом относятся к средиземноморской ветви большой европеоидной расы, к так называемому динарскому антропологическому типу, однако включают в свой состав и ряд переходных форм (например, словенцы, у которых преобладает альпийский тип).

Это разнообразие антропологических типов южных и западных славян исследователи объясняют их расселением на огромных пространствах от Балтики до Средиземноморья и включением в свой состав с последующей ассимиляцией остатков многих древних народов Европы: германцев и балтов в Польше; кельтов и германцев в Чехии и Словакии; фракийцев, греков и романоязычных "влахов" в Болгарии; греков, кельтов и иллирийцев на территории проживания сербов, хорватов, словенцев, а также более поздних групп евразийских кочевников, вторгавшихся в Европу из Азии, – сарматов, язигов, аланов, гуннов, аваров, булгар, печенегов, половцев и др.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН

На сегодняшнем уровне развития исторической науки и анализа разнообразных источников (археологических, письменных, лингвистических) ранние следы славян можно проследить лишь с первых веков нашей эры, т.е. фактически с начала эпохи "великого переселения народов", когда славяне становятся известными античным и средневековым авторам.

Современные археологи непосредственно со славянами связывают носителей культуры лепной неорнаментированной керамики так называемого пражского типа и близких к ней вариантов, распространившихся в V–VII вв. на территории Чехии, Словакии, Южной и Средней Польши, Восточной Австрии и Германии, Румынии и Балкан, включая и более восточные районы. Начальный этап развития этой культуры был весьма единообразен по тем этническим показателям (керамика, жилища, обряд погребения и др.), по которым сегодня археологи определяют "славянские древности" Центральной, Восточной и Южной Европы. Возможно, эта культура, принесенная древними славянами со своей прародины, обогащенная во время переселения в районы их нового обитания, лежит в основе традиционно-бытовой культуры позднейших славянских народов Европы.

Начало переселения славян со своей прародины, локализуемой ныне исследователями в бассейне Верхней и Средней Вислы, а также в южной части р. Припяти, относится к середине V в., когда были разгромлены гуны, стоявшие на пути продвижения славян к границам бывшей Римской империи и Византии. На западе славяне в VI–VII вв. продвинулись за Одру (Одер) и Лабу (Эльбу) вплоть до Датских островов и Люнебургской пустоши в Германии (районы озера Ильменау и др.), где они заняли земли, освободившиеся после ухода германцев на юг. Через Моравские ворота славяне двинулись на юг и юго-запад, в сторону Альп и Адриатики, появились на Нижнем Дунае и вышли к берегам Черного моря. В колонизации Балкан приняли большое участие восточнославянские племена антского союза. К 580 г. славяне, заселив весь Балканский полуостров, проникли на юг Пелопоннеса и высадились даже на о. Крите.

С расселением славянских племен и оседанием их на новых землях в V–VII вв. связано проходившее в их среде образование первых раннегосударственных формирований. Под влиянием ряда внутренних и внешних факторов – развития производительных сил, имущественного расслоения общества, выделения и обособления родоплеменной верхушки, зарождения княжеской власти и т.п. – у западных и южных славян на территориях Чехии, Моравии, Польши и Болгарии начинают складываться ранние государства: Само (623 г.), Первое Болгарское царство (681 г.), Великая Моравия (начало IX в.), Древнепольское государство Пястов (середина X в.), Чешское государство Пржемысловичей (X в.). Аналогичные процессы происходили в VIII–X вв. и на землях старой Сербии, что привело здесь к возникновению сербского государства Неманичей (1168 г.), просуществовавшего до завоевания Балкан турками-османами. В этих государствах на месте старых племенных центров возникают города, развиваются ремесла и культура, зарождается славянская письменность, складываются средневековые народности западных и южных славян.

В последующие века позднего средневековья и нового времени славянские народы центральной и юго-восточной Европы вошли в состав различных государств. Это обстоятельство наложило глубокий отпечаток на все дальнейшее их развитие. Раздробленные, раздираемые междоусобной борьбой государства и отдельные области Балкан – Болгария, Сербия, Босния, часть Хорватии и Черногория (за исключением некоторых горных районов) – стали во второй половине XIV в. добычей турок-османов и были включены в состав огромной Османской империи, что и задержало процесс национальной консолидации балканских народов, в течение пяти столетий живших в условиях социально-экономического и культурно-духовного гнета завоевателей.

К середине XVI в. чешские, словацкие, а также словенские земли и значительная часть хорватских земель попали под власть феодальной монархии Габсбургов. Начался длительный процесс онемечивания населения славянских областей. После ряда разделов во второй половине XVIII в. и в ходе наполеоновских войн части Польши оказались в составе России, Пруссии и Австрии. В результате всех этих процессов, а также вследствие специфики внутреннего исторического развития

отдельных славянских стран Европы этнический состав населения ряда перечисленных областей оказался очень пестрым, а границы между отдельными этносами размытыми (например, Силезия, Шумадия, Банат, Воеводина и др.).

Однако вопреки такому положению в условиях иноземного господства, политике насильственной ассимиляции славян (а на Балканах — насильственной исламизации) западные и южные славяне сохранили свои этнические языки и культуру, свою национальную самобытность. Вместе с тем, как отмечают этнологи, уже в средневековые (в силу специфики и неравномерности социально-исторического развития славянских стран и территорий) стала проявляться культурная дифференциация славянства. Например, влияние католической церкви и всей ее конфессиональной культуры на западных славян привело их к отказу от древнеславянского литературного языка. Балканские же славяне, входившие в состав Османской империи с ее застойными формами феодализма типа восточной деспотии, в силу неблагоприятных условий, обособленности и замедленности социально-экономического развития, приобрели многие черты ориентализации в культуре, отличающие их в этом отношении от родственных славян, живших в пределах империи Габсбургов, где, наоборот, более зримо проступали черты западного влияния.

Борьба южных и западных славян за свободу и независимость во второй половине XIX в. способствовала подъему их национального самосознания и культурному возрождению, консолидировала угнетенные народы, что в конце концов привело к возобновлению национальной государственности у славян центральной и юго-восточной Европы и складыванию в их границах буржуазных наций нового времени.

После ряда кровопролитных русско-турецких войн XVIII–XIX вв. на Балканах при самой активной помощи и поддержке русского народа обрели свободу сербы, черногорцы и болгары; со временем добились автономии и независимости другие южнославянские народы.

Процесс формирования наций у западных и южных славян осложнился рядом специфических факторов, в частности этнической неоднородностью исторически формировавшейся социально-классовой структуры. Так, специалисты отмечали, что у одних народов (поляков, хорватов) правящий и угнетенный классы не разделялись этническими перегородками, говорили на одном языке, принадлежали к одной этнической культуре. У других же народов местные феодалы были в значительной степени ассимилированы в Словакии венграми, в Боснии турками-османами и т.д. Это замедляло, тормозило национально-консолидационные процессы на всех уровнях — от экономического до культурного и политического.

Определенные различия в условиях формирования наций, по мнению специалистов, прослеживаются у народов, этнические территории которых целиком располагались в пределах одного многонационального государства (чехи, словаки, словенцы, болгары), и этносов, у которых еще в период формирования наций на части этнической территории была создана своя собственная государственность (сербы).

Первая мировая война и ряд революций в Европе, включая и Октябрьскую революцию, существенно изменили политическую карту Европы. На развалинах Австро-Венгерской монархии Габсбургов образовалось несколько новых государств, в числе которых была и Чехо-Словакия. Польские и западноукраинские земли Австро-Венгрии вместе с коренными польскими землями, ранее принадлежавшими Германии и России, вошли в состав восстановленной независимой Польши. В 1918 г. в одном государстве с Сербией воссоединились Черногория, Хорватия, большая часть Словении и другие югославянские земли (с 1929 г. — Королевство Югославия).

Однако национальный вопрос так и не решился окончательно, поскольку в ряде случаев новые политические границы не совпадали с этническими, что было чревато военными конфликтами в будущем. Следствием явилось и то, что в возникающих государствах образовался ряд национальных меньшинств, нередко

находившихся в угнетенном положении. Это относилось, например, к западноукраинскому и западнобелорусскому населению панской Польши, к словакам и закарпатским украинцам Чехо-Словакии.

После второй мировой войны начинается новый этап этнической истории славянских народов Европы. К Польше отошли ее старые исконные силезские, великопольские и поморские земли (до границ по Одру и Нейсе). Югославия получила часть словенских земель, прежде находившихся под властью Италии.

Рядом законов были обеспечены права лужицкого населения Германии на национальное и культурное развитие, причем лужицкий язык, наряду с немецким, был объявлен официальным языком в государственных органах лужицко-немецких областей Германии.

После второй мировой войны на территории центральной и юго-восточной Европы возникли государства, которые вошли в историю под названием "страны народной демократии". Сложившаяся здесь в послевоенное время этническая ситуация, как считают многие исследователи, имела свои особенности. Так, Польшу в целом можно отнести к моноэтничным странам; тем не менее помимо поляков, составляющих преобладающую часть страны, в Польше дисперсно расселены и этнические группы украинцев, литовцев, русских, цыган и т.д. Аналогично этническое состояние и в Болгарии, где подавляющее большинство населения составляют болгары православного вероисповедания. Однако во времена османского ига часть их подверглась исламизации, языковой и этнической ассимиляции. Из этнических групп, также расселенных дисперсно, в Болгарии следует выделить группы турок, гагаузов, каракачанов, румын, цыган, греков, русских, армян, помаков.

В Чехословакии (в 1993 г. было образовано два самостоятельных государства: Чехия и Словакия) коренные народы – чехи и словаки. На западе Чехии проживают компактные группы немцев, в восточной части Северо-Моравской области – поляки, на северо-востоке Словакии – украинцы, на юге – венгры и другие группы. Чешское Пограничье (бывшая Судетская область) в послевоенное время заселили чехи, словаки, украинцы вместо депортированного из этих мест немецкого населения. Во многих городах имеется русское и украинское население. После 1991 г. СФРЮ распалась на ряд независимых государств.

В настоящее время славянские народы восточной и юго-восточной Европы вступили на путь развития рыночной экономики.

ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

С момента своего появления на исторической арене славяне, как и многие другие индоевропейские народы Европы, были оседлым земледельческо-скотоводческим народом, в хозяйстве которого земледелие и скотоводство дополнялось рядом других не менее важных занятий – охотой, рыболовством, лесными промыслами. Земледельческо-животноводческое направление хозяйства, лежавшее в основе традиционно-бытовой культуры славянских народов Европы, сохранялось у них и в последующее время.

Славяне издревле занимались пашенным земледелием, возделывали многие злаковые и технические культуры – пшеницу, рожь, овес, просо, лен, коноплю и др. У славян было развито и огородничество, из огородных растений им были известны репа, редька, огурец, свекла, морковь, лук, бобы, чечевица. Уже в древности славяне культивировали яблоки, груши, сливы, вишню, малину и другие садовые растения. Полевые, огородные и садовые культуры, судя по их общеславянским названиям, славяне продолжали возделывать и после своего расселения по Европе. В новых районах обитания к ним добавился и ряд местных сельскохозяйственных культур, заимствованных у коренного населения (например, на Балканах – ви-

ноград, некоторые виды плодовых и масличных, перец и т.п.). В позднем средневековье и в новое время были освоены и другие полевые, огородные и технические культуры – картофель, кукуруза, рис, табак, хлопок. В Болгарии, кроме того, с XVI–XVII вв. разводили розы с целью получения ценного парфюмерного сырья – розового масла. Сельскохозяйственная техника долгое время сохраняла примитивный характер. Употреблялись такие сельскохозяйственные орудия, как мотыги, старинные плуги с железными сошниками и рала, бороны с деревянными или железными зубьями, серпы – гладкие и зубчатые. Молотили цепями. В XIX в. чешская земледельческая культура стояла на более высоком уровне, чем в других славянских странах. Повсюду применялись удобрения, плодосменная система, в новейшее время – сельскохозяйственные машины.

Не менее давним занятием славян было отгонное скотоводство, дававшее продукты животного происхождения (мясо, молоко, шерсть, кожи и др.). Разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец, свиней, домашнюю птицу – кур, гусей, уток. В древности были одомашнены пчелы, и пчеловодство получило большое развитие как у западных, так и у южных славян (особенно в лесных районах Польши, в Карпатах и на Балканах). Продукты животного происхождения давала и охота на мясного и пушного зверя, боровую и водоплавающую дичь, широко распространенная в славянских странах Европы в древности, средневековье и в новое время (например, в лесах Польши, на Карпатах, в горах Балканского полуострова и др.). Исконной отраслью промыслового хозяйства славян следует считать и рыболовство.

С ростом городов и ремесленных центров, например в Чехословакии и Польше, в средние века на основе традиционных ремесел – обработки металлов, ткачества, гончарства, стеклоделия и других – формируется мелкая кустарная промышленность, которая затем, с началом капиталистической эпохи, становится основой крупного фабрично-заводского производства. Новый культурно-хозяйственный тип в промышленно урбанизированных районах центральной Европы ранее всего сложился в западных районах Чехии, которые были одними из самых развитых в промышленном отношении регионов Европы уже к XIV–XVI вв. Довольно рано выделились в Польшу промышленные районы Варшавы, Лодзи, Силезии, где, как и в Чехии, стал формироваться национальный рабочий класс. В силу определенных исторических условий (длительное османское иго) развитие промышленности в славянских странах Балканского полуострова шло медленнее, за исключением, впрочем, отдельных районов Сербии, Хорватии, Словении.

В настоящее время в восточноевропейских странах постепенно преодолевается неравномерность экономического развития. Существенные изменения происходят в общественной структуре сельского населения. Повсеместно имеет место механизация и интенсификация сельскохозяйственного производства, сопровождаемые высвобождением части рабочей силы. В аграрных районах развивается индустриальное строительство. Эти районы по уровню своего развития постепенно догоняют развитые регионы.

Наиболее ранней формой поселений у западных и южных славян в прошлом являлись небольшие селища, разнообразные по своему типу. Как правило, они в древности располагались "кучами" и "гнездами", представляя собой древние родовые поселки. Со временем селища укреплялись и сливались, образуя многодворные поселения соседских общин. Сегодня многодворные поселения, как правило, преобладают в большинстве славянских стран и их можно группировать в несколько основных типов: разбросанные (во многих районах Болгарии, альпийской Словении, Македонии, Черногории), кучевые (Польша, Чехия и Словакия, Болгария, Сербия, Хорватия), круговые (Западная Польша, Чехия и Словакия, Лужица в Германии, фракийские районы в Болгарии), уличные – вдоль дорог или рек (Восточная Польша, Словакия, Хорватия, Воеводина), "веретенообразные" – сочетание кругового и уличного планов (Западная Польша и Лужица в Германии).

В центральноевропейских и юго-восточных славянских странах Балкан наблюдается еще большее разнообразие типов традиционных жилищ, связанное с воздействием ряда социально-экономических и природных факторов, а также, возможно, с определенными дославянскими строительными традициями коренного населения (кельтов, фракийцев, иллирийцев и др.). В целом жилища южных и западных славян Европы по своим конструктивным особенностям и планировке также можно сгруппировать в несколько основных типов – восточный средне-европейский, южноевропейский, западный среднеевропейский и альпийский, имеющие много подтипов и вариантов. Первый тип – однокамерные (срубные и столбовые) жилища – в основном встречался у поляков, чехов и лужичан; он наиболее близок к восточноевропейским типам (из него со временем развилось многокамерное жилище). К первому же типу относится и одна из его широко распространенных по всем славянским странам разновидностей – срубный или каркасный подсеновый дом, наиболее известный в западных и северо-западных районах Польши (свое название он получил от пристроенного с торцевой стороны дома навеса – подсеней, опирающегося на несущие столбы).

Южноевропейский тип славянского жилища бытует у южных славян, и в нем различают шесть основных подтипов, из них у южных славян наиболее распространен паннонский, или моравский подтип (вначале это было однокамерное жилище, со временем превратившееся в двух-трехкамерное со старым "ядром" в основе). К южному типу относятся и земляные многокамерные жилища (землянки и полужемлянки) северных болгар, живущих по соседству с румынами, у которых этот тип восходит к древнему жилищу гето-даков. Наконец, к южному типу относятся и свайные постройки Хорватии, восходящие в своей основе к древнему иллирийскому населению края.

Западный среднеевропейский тип дома во многом близок к южноевропейскому и встречается в Лужице, на западе Польши и в Чехии (однокамерная постройка со стойлом для скота, из которой впоследствии развилось многокамерное жилище); в древности он был широко распространен у кельтского населения Центральной Европы. И наконец, в горных районах Словении встречается альпийский тип жилища – огромная двух-трехэтажная постройка с жилыми и хозяйственными помещениями под одной крышей. Разнообразен и строительный материал, используемый при возведении жилищ, – дерево, камень, земля, турлук (плетень) и глина.

Не менее разнообразны и типы традиционной одежды у западных и южных славян, в которой уже с начала средневековья четко прослеживается сословная, имущественная и региональная дифференциация. Основу женского и мужского костюма в прошлом составляла рубаха из домотканого льняного или конопляного полотна, причем наиболее архаичной следует считать одежду туникообразного покроя (Польша, Западная Чехия, Болгария, Сербия, Хорватия и т.д.). Широко распространен у славян и тип рубахи с поликами (надплечными вставками), кроме того, встречались и другие варианты покроя – из двух полотнищ со сборками у ворота (Прикарпатье), а также женские рубахи без рукавов и на одной или же двух лямках (Моравия, Словакия, Западное Прикарпатье) и другие типы. Наиболее архаичной частью женской поясной одежды был передник (фартук), встречавшийся повсеместно в прошлом у западных и южных славян, либо два фартука (спереди и сзади), как, например, в северных районах Болгарии. Со второй половины XIX в. широкое распространение в центральной и юго-восточной Европе получила юбка европейского городского покроя.

Разнообразием форм и фасонов отличалась и верхняя одежда западных и южных славян (полушубки, кафтаны, безрукавки, накидки и т.д.). Древнейшей ее разновидностью можно считать несшитую плащевидную одежду, сохранившуюся до наших дней в национальном костюме карпатских и балканских горцев, поляков и лужичан. Многообразием локальных форм отличались и головные уборы мужчин и женщин (круглые славянские шапки, отороченные мехом, платки, чепцы, головные

полотенца, суконные шапочки с повязанным сверху платком, фески и т.п.). Разнообразны были и типы традиционной обуви — бродни, кожаные башмаки, мягкие туфли, шерстяные ноговицы, обувь на деревянной подошве и др. Костюм дополнялся поясом и различными украшениями.

В некоторых районах Болгарии на покрое одежды заметно сказались турецкое влияние. Так, помаки в Болгарии переняли у турок женские шаровары, мужские красные фески. Это влияние нашло отражение в костюме населения Боснии и Герцеговины.

В позднем средневековье и особенно в новое время в одежде западных и южных славян происходят дальнейшие изменения, что было вызвано различными историческими, в том числе социально-экономическими, процессами. В настоящее время национальная одежда славян сохраняется лишь в немногих районах рассматриваемого региона, чаще всего она используется во время народных празднеств, фестивалей искусств, а также во время выступлений фольклорных коллективов. Сейчас во всех славянских странах центральной и юго-восточной Европы в быту повсеместно распространен европейский городской костюм.

В прошлом традиционная пища южных и западных славян, так же как и их соседей, не отличалась особым разнообразием и состояла преимущественно из мучных изделий, молочных продуктов и овощей. Ежедневный рацион составляли различные супы-похлебки из ржаной муки или проса (у чехов и поляков), овощные супы (у болгар и сербов). Были популярны различные каши — гречневая, просяная и кукурузная (качамак) — у болгар, овощные блюда из гороха и бобов, фасоли и капусты, перца и картофеля и т.д. (преимущественно у южных славян), а также повсеместно молоко и молочные продукты (брынза, сыр и др.). Мясные блюда в сельском быту готовились обычно во время больших сельскохозяйственных работ или в праздничные дни. Животных жиров в пищу употребляли мало, ограничиваясь преимущественно льняным, конопляным или подсолнечным маслом. Там, где издавна было развито рыболовство, существенную часть пищевого рациона составляла рыба.

Для традиционной кухни южных и западных славян, этих древних земледельческих народов Европы, характерно множество разнообразных изделий из теста. Ни один праздник не обходился без специальной выпечки. На севере Польши — это калачи, в южных районах Польши — булочки и печенье, впрочем типичные и для стола соседних чехов и др. В Сербии выпекали так называемый "погач" — тяжелый и твердый пресный хлеб из кукурузной муки. В Польше, Чехии и Болгарии в пищу употребляли много ржаного хлеба.

Традиционными напитками издавна считались пиво, ракия (водка), виноградное вино и др.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ, ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА, НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

К середине XIX — началу XX в. у различных славянских народов центральной и юго-восточной Европы в той или иной мере сохранились пережитки крестьянской сельской общины, особенно на Балканах — у болгар, сербов и черногорцев, а также в отдельных районах Польши, Чехии и Словакии. В других, промышленно развитых областях у западных и южных славян община в сельских районах в структуре общественных отношений сохранила лишь административную функцию.

В Польше в XII–XVI вв. крестьянская община, пока ее земли не были захвачены шляхтой, именовалась ополе (возделываемые поля с прилегающей округой — лугами, пустошами, лесными массивами, водными источниками, дорогами и др.). К началу XIX в. она сохранялась лишь в Мазовии и Малой Польше в пережиточных формах как остатки бывшего общинного землевладения — "навесь",

"нався", — распространявшегося на общесельские земли с постройками (костел, корчма), водные источники, дороги, выгоны, кладбища и т.д.

Аналогичная единица — "обща", "община" — бытовала в конце XIX в. и в некоторых районах Чехии и Словакии, являя собой своего рода административный вариант прежней крестьянской общины (в Словакии и Прикарпатье община более длительное время сохраняла свои традиционные функции в области поземельных отношений). Особенно живучи были пережитки общинных отношений у южных славян на Балканах — болгар ("околина" в значении, близком к "ополу"), сербов и черногорцев ("општина"). Раньше всего на Балканах община стала распадаться у словенцев и хорватов, однако следы ее сохранялись у них еще в середине XIX в. (различные формы общинного владения угодьями, которые в последующее время активно захватывались частными лицами).

Представляя собой низшую территориально-административную единицу в организации общества, крестьянская сельская община в средние века основывалась на совместном владении определенной земельной территорией, причем коллективные начала полностью распространялись (чуть ли не до XX в.) на общинные пашбища, пустоши, леса, водные источники и другие угодья. В то же время пашенные и приусадебные участки являлись собственностью отдельных — больших и малых — семей. В большинстве случаев этими землями семьи могли свободно распоряжаться, что зависело обычно от развитости поземельных отношений, силы или слабости общины в тех или иных районах. В других случаях община контролировала и ограничивала право свободной продажи или передачи земель в чужие руки как внутри общины, так и за ее пределы. Но в тех районах, где не сохранилось право контроля со стороны общины, она продолжала функционировать как самоуправляющаяся административная единица во главе со своими выборными органами власти (в Польше, Чехии, Лужице и др.).

Помимо поземельных отношений, контролируемых общиной, все ее члены были связаны между собой рядом сложившихся традиций и норм обычного права, а также сетью различных личностно-родственных и других отношений. Это проявлялось, например, не только в традициях сельской взаимопомощи (толока, срягачество и т.п.), различных видах бытового труда (женские посиделки и др.), но и в совместном проведении досуга, сельских праздников, семейной обрядности (свадьбы, похороны и др.). В таком виде, например, община продолжала функционировать даже в развитых районах Чехии, Польши, Лужицы, где коллективное право на землю давно уже практически не существовало. Несмотря на свои древние коллективистские начала, община накапливала черты имущественного и правового неравенства ее членов (нередко в завуалированной форме), так как руководство общиной — совет наиболее уважаемых стариков, выборный старшина и другие должностные лица — всегда контролировались местной зажиточной верхушкой.

Значительной архаичностью в конце XIX — начале XX в. отличались семейные отношения у южных славян. Там издавна сохранялись старые общинные традиции, сложные, большие, расширенного типа семьи с двумя подтипами — многолинейным (задружным) и однолинейным — и иные патриархально-родовые пережитки (Болгария, Сербия, Черногория), что было связано с особенностями исторического развития и натуральным характером хозяйства. "Задруга" у южных славян Балканского полуострова (у западных славян ей в прошлом соответствовала "недельна родина") представляла большой патриархальный коллектив родственников, численностью от 30 до 50 и даже до 100 человек, состоявший из главы — "домачина", "стопана", "главатара", "управника" и т.п., его взрослых сыновей с семьями, а зачастую и женатых братьев "главатара" и других родственников. Сложные семьи сохранялись в некоторых сельскохозяйственных районах и у западных славян (например, в Словакии — "недельни братья", "ведке газдовство", "фамилия" со своими "господаром", "газдой", "дедко" или "отчиком").

Другим не менее распространенным типом семьи у западных и южных славян издавна была простая — малая, нуклеарная, индивидуальная — семья, состоявшая из мужа, жены и их детей, сосуществовавшая параллельно с большой семьей или приходившая ей на смену в тех или иных районах Европы. Активное же выделение малой семьи из состава большой, происходившее в основном в середине — второй половине XIX в., было связано с интенсивным распадом большесемейных коллективов в период капиталистического развития многих славянских стран Европы.

Дифференциация семейно-брачных отношений объясняется разными причинами: неравномерностью социально-экономического развития отдельных стран (особенно их внутренних областей), спецификой складывавшихся веками традиций не только среди представителей отдельных славянских народов, но и в рамках этнических или региональных групп внутри них, а также рядом других причин. Значительные различия существовали и между городской и сельской семьями. Наконец, на семейно-брачные отношения значительное влияние оказывал конфессиональный фактор. Например, ислам (население Боснии, помаки и др.) и тем более католицизм (поляки, чехи, словаки и др.).

Процессы переустройства жизни в балканских и центрально-европейских странах в политической, социально-экономической и культурной областях, усиление послевоенных миграций и урбанизация оказали также значительное влияние на развитие семейно-брачных отношений.

В настоящее время у южных и западных славян большинство семей составляют простые (малые, нуклеарные и т.д.), хотя и в наши дни все еще встречаются и сложные (большие семьи, семьи расширенного типа и т.д.), семьи, характерные преимущественно для сельских областей (особенно среди крестьян, ведущих индивидуальное хозяйство).

Как известно, семья в европейских странах находится под защитой государства. Брак и правовые отношения в семье регулируются в соответствии с законами. Демократизация и гуманизация внутрисемейных отношений — характерная черта современного семейного строя населения славянских стран Европы.

По своему вероисповеданию западные и южные славяне в целом относятся к различным ветвям христианства — православным, католикам, протестантам и униатам. Православие распространено в основном на Балканах — среди болгар, сербов, черногорцев и македонцев; католицизм — преимущественно среди словенцев и хорватов, незначительной части болгар и сербов, а также среди населения Польши, Чехии и Словакии; протестантизм — в Чехии и Словакии, Лужицкой области Германии (часть лужичан — католики), а также среди словенцев и хорватов; униатство — у части населения Польши, Чехии и Словакии (в Прикарпатских районах). В период османского владычества на Балканах отдельные группы местного южнославянского населения по тем или иным причинам приняли ислам (помаки в Болгарии; боснийцы, часть македонцев — торбешей, часть черногорцев потуреченцев).

Однако как у западных, так и у южных славян христианство уживалось с целым комплексом древних языческих верований и представлений самих славян и других народов, вошедших в их состав (например, балканское нестинарство, русалии, кукерство и др.). Особенно сильна была у славян вера в вампиров, вурдалаков-оборотней, домовых, леших, вил и прочих духов природы, предков и т.п., вера в которых по происхождению связана как со славянским, так и с дославянским населением. Довольно стойко в повседневной бытовой практике сохранялись у западных и южных славян многие старинные языческие обряды, приуроченные к всевозможным христианским праздникам, сопряженным с сельскохозяйственным земледельческим календарем, а также многочисленные народные верования и обряды семейного цикла — при устройстве свадеб, рождении детей, похоронах, поминовении усопших и др.

Среди зимних календарных праздников у славянских народов Европы

центральное место занимает сочельник — "бадњи дан" (в Сербии и Хорватии), "Малка коледа" (в Болгарии), "vilia" (в Польше), "stedry" (в Чехословакии), "Рождество" — "божич" (в Сербии), "Коледа" (в Болгарии) и т.д.

С зимними рождественскими праздниками у славян было связано множество поверий, примет и различных магических действий, призванных защитить семью и дом от злой "нечистой" силы, обеспечить здоровье домочадцам, удачу в жизни, достаток в хозяйстве целый год.

К традиционным торжествам весеннего календарного цикла у западных славян в прошлом относился праздник стада на Троицу (в Польше — "духов день"), красочный молодежный праздник "майского дерева", когда парни "сажали" у домов своих избранниц высокий ствол березы с обрубленными сучьями и оставленными на вершине ветвями, украшенный яркими лентами, и ряд др.

Осенью в Польше, Словакии и Лужице особой любовью пользовался один из самых больших праздников этого цикла — "дожинки", или "обжинки" (у лужицких сербов — день "убиения петуха"). По мнению исследователей, этот (приходящийся на август—сентябрь) праздник являл собой древнейший земледельческий праздник урожая в истории народов Европы. Обычно он сопровождался различными магическими действиями и обрядами, цель которых — сохранить этот и обеспечить урожай будущего года. Большое значение у славян, как и у ряда других народов Европы, придавалось последнему снопу убранного поля, символизирующему собой "дух" поля, божество урожая и т.п.; он должен был всегда быть очень большим, "обильным" и красиво украшенным; его хранили обычно в красном углу или за матицей на потолке до самой весны. Священные зерна этого снопа часто использовались для посева-освящения свежевспаханного поля.

Праздники сбора урожая и окончания полевых работ отмечаются в славянских странах Европы и в настоящее время, хотя они и приобрели совершенно иной смысл и значение, далекие от первобытной магии. Значительно усилена и развлекательно-игровая часть праздника, как правило, сопровождаемая выступлениями фольклорных групп.

Архаичностью и культурным наследием различных субстратных этнических пластов отличались календарные праздники у южных славян на Балканах: здесь и восходящий еще к античным временам "оброк" с его магией плодородия земли и принесением ей жертвы, и древние "волчьи дни" — первые две-три недели ноября, посвященные волкам, когда их нельзя "тревожить", и "мышьиные дни" и многое-многое другое (у болгар). Популярны были в Болгарии и соседних районах Сербии, также восходящие к античному времени "день Трифона Зарезана", отмечавшийся 14 февраля (подрезание виноградных лоз и поливание их вином для хорошего урожая), древние дославянские (фракийские) действия "кукеров" или "сурвакаров", связанные с магией плодородия, отворачивания зла и болезней от людей и домашних животных, которые исполнялись в ночь под Новый год и на масленичной неделе, и ряд других архаичных ритуалов (например, известное "хождение по огню" нести-наров).

Наконец, у болгар, сербов и ряда других южнославянских народов справлялся и специальный девичий праздник "лазарок", или "лазарица" ("Лазарева суббота" у сербов) в день святого Лазаря — за неделю до Пасхи. "Тодоров день", или "конская пасха", с соревнованиями в беге лошадей справлялся в марте месяце. "Георгиев день" (6 мая) — первый весенний выгон скота на луга, "Енев день" (Иван Купала у болгар) и др.

Большой популярностью у сербов и других югославянских народов Балкан пользовался семейный "праздник славы", или "Красно имя" — в прошлом каждая сербская семья имела своего святого, патрона-покровителя, в день которого и справляла свою семейную "славу". Обычно в числе других обрядовых блюд в этот день готовили традиционный пирог "колач", варили из зерен пшеницы кашу — "коливу" и т.д. Между лицами, празднующими одну и ту же семейную "славу", не

мог быть заключен брак, так как они считались родственниками. Общесельским коллективным вариантом "славы" являлась "заветина" — праздник, в котором ярко проступали пережитки семейно-родового культа, связанного с весенними обрядами магии плодородия, а также ряд зимних и летних календарных праздников земледельцев и скотоводов с их магико-символической защитой посевов от стихийных бедствий, скота от болезней и т.д., например, в дни св. Ивана (24 июня), св. Ильи (20 июля) и др.

Сейчас многие традиционные праздники и обычаи зарубежных славян либо забыты, либо сильно трансформировались, потеряв прежние религиозно-магические функции. Теперь это главным образом праздничные развлечения, общесельские забавы и семейные торжества.

В повседневный быт многих славянских народов европейских стран отчасти традиционных национальных праздников — День создателей славянской письменности Кирилла и Мефодия, праздник болгарской культуры, День гибели чешского национального героя Яна Гуса в Чехии и другие — в последние годы вошли новые праздники.

ФОЛЬКЛОР

Выразительно и поэтично устное народное творчество народов славянских стран зарубежной Европы. Заслуженной славой пользуется героический эпос сербского, македонского и болгарского народов, складывавшийся в годы тяжелой борьбы с османскими завоевателями: знаменитые "юнацкие песни", прославлявшие народных героев и часто исполняющиеся под аккомпанемент гуслей и дуды-волынки. Популярным героем южнославянского эпоса является сказочный витязь-богатырь Марко Кралевич. Мелодичны и песни, посвященные гайдуцкому движению. Большой популярностью пользуются исторические песни, повествующие о русско-турецкой войне 1877–1878 гг., принесшей освобождение болгарскому народу, рассказывающие о прославленной встрече с русскими на Шипке, и др. У южных славян известно много лирических и обрядовых песен — колядок, веснянок, свадебных и трудовых (пастушеских, жнивных) и т.п. Своеобразны и красивы танцы и песни сербов, хорватов, черногорцев и других, из которых особенно живописны хороводные танцевальные песни, так называемые коло (круг). Большое место в традиционном фольклоре этих народов занимают и сказки — о животных, волшебные, бытовые и т.п. В ряде из них (на Балканах) отчетливо проступают мотивы и сюжеты, заимствованные из мифологии.

Богато устное народное творчество польского народа. Широко известны мелодичные песни самого разнообразного жанра и содержания, а также польские народные танцы — полонез, краковяк, мазурка, пользующиеся большой популярностью далеко за пределами страны. Известно, что польскую народную музыку часто использовали в своих произведениях не только выдающиеся польские композиторы — Ф. Шопен, С. Монюшко и другие, — но и композиторы соседних стран (особенно России).

Разнообразны произведения устного народного творчества чешского и словацкого народа. Собираением и исследованием чешского фольклора в свое время занимались крупные фольклористы и писатели — Я. Коллар, Б. Немцова и др. Много записано народных сказок и преданий. Из народной музыки черпали материалы для своего творчества выдающиеся чешские композиторы — Б. Сметана, А. Дворжак и др. Из национальных музыкальных инструментов у чехов и словаков особенно часто встречались волынка, кларнет, флейта и скрипка. Старинным музыкальным инструментом у словацких пастухов была "фузра" — красиво и ярко разукрашенный рожок, напоминающий по внешнему виду фагот. Популярно было у чехов и словаков (впрочем, как и у поляков) народное театральное искусство —

кукольный театр. Самобытны и оригинальны разнообразные по сюжету чешские и словацкие народные сказки, главными персонажами которых были крестьяне-бедняки, солдаты, черти и др.

В славянских странах Европы имеются условия для развития народной культуры: театрального искусства, музыки, живописи, литературы и др. Ежегодно выходят в свет произведения, тесно связанные с традиционным народным творчеством или испытавшие на себе его сильное влияние.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ

РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ, РАСОВЫЕ ТИПЫ.

ЯЗЫКИ

Русские, украинцы и белорусы – три народа, образующие группу восточных славян. Они принадлежат к числу крупных наций. Их языки, культура, хозяйственные связи, характер расселения и другие черты социальной жизни сыграли существенную роль в формировании цивилизации в нашем регионе ойкумены, оказали заметное воздействие на многие народы. В свою очередь особенности культуры, быта и образа жизни украинцев, белорусов и русских не в последнюю очередь объясняются влияниями многочисленных соседних народов и их культур, которые восприняли восточные славяне.

Общая численность русских в пределах бывшего Советского Союза (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) составляет более 145,1 млн человек, украинцев 44,2 млн человек, белорусов несколько более 10 млн человек. Основные массивы русских (около 82,6%), украинцев (около 84,7%) и белорусов (около 78,7%) живут в пределах их национальных государств. Значительные группы русского населения проживают на Украине и многочисленные украинцы – в России. Существуют обширные зоны, занимаемые смешанным украинско-русским населением (например, Донбасс). Русские, украинцы и белорусы – как компактными этническими массивами, так и этнодисперсными группами – расселены почти во всех регионах бывшего СССР – на Дальнем Востоке и в Сибири, в Средней Азии и в Прибалтике, на Кавказе и в Урало-Поволжье. В Сибири русские и украинцы составляют более 90% населения.

Русские живут также в США (около 1 млн человек), Канаде (более 50 тыс. человек), Австралии (около 15 тыс.), странах зарубежной Европы (около 150 тыс.). Украинцы в зарубежных странах составляют в Канаде более 0,5 млн человек, в Аргентине – 100 тыс. человек, в странах Центральной Европы более 440 тыс. человек, в том числе в Польше (около 165 тыс. человек) и небольшими группами в некоторых других странах (например, в странах Американского континента помимо названных выше их около 30 тыс. человек).

В антропологическом отношении все три восточнославянских народа принадлежат к большой европеоидной расе. В северных областях расселения русских преобладают высокорослые слабопигментированные группы атлантико-балтийской малой расы, в центральных областях – среднепигментированный восточноевропейский тип средневропейской расы, в северо-восточных зонах – восточнобалтийский тип беломорско-балтийской расы, а на юге – более темнопигментированные группы с примесью средиземноморских и отчасти монголоидных элементов.

Среди украинцев распространены локальные среднепигментированные типы средневропейской малой расы (полесско-волинский, центральноукраинский, карпатский и др.). Белорусы в своем большинстве относятся к восточноевропейскому типу средневропейской расы.

Языки восточных славян принадлежат к славянской ветви индоевропейской языковой семьи. Они близки между собой. Их близость имеет историческое происхождение, так как русский, украинский и белорусский языки имеют общий источник – древнерусский язык (язык населения Киевской Руси). Кроме того, все три языка в ходе их формирования и развития взаимодействовали между собой.

В русском языке различаются (главным образом по фонетическим признакам) два основных наречия – северное и южное. Северные русские (жители Архангельской, Вологодской, Пермской, Ярославской, Костромской, Нижегородской областей, Карелии и Коми республик, а также некоторых других регионов) твердо произносят звук "г", отчетливо выговаривают звук "о" в безударном положении, не смягчают окончания глаголов в 3-м лице единственного и множественного числа. В южно-русском (обитателей Курской, Орловской, Воронежской, Белгородской, Пензенской и других областей) наречии "г" произносится мягко, с придыханием (как в украинском), в безударном положении произношение "о" приближается к "а", окончания глаголов в 3-м лице единственного и множественного числа смягчаются (несётъ, поють). Между северным и южным наречиями лежит обширная полоса переходных среднерусских говоров. Их носители отличаются твердым произношением "г" и умеренным "оканьем". Один из среднерусских говоров – московский – лег в основу литературного русского языка и нормативного произношения.

Языковеды выделяют в составе украинского языка три основные группы диалектов – северную (полесскую), юго-западную и юго-восточную. В белорусском языке, который более однороден, также имеются местные диалектные особенности.

Письменные памятники на древнерусском языке восходят, можно полагать, к IX в. н.э. В XI–XIII вв. этот язык функционировал в качестве наддиалектной литературной и разговорной формы в пределах Киевской Руси. Письменность и литература на русском, белорусском и украинском языках формировалась по мере становления трех новых этносов. Современные литературные языки сложились по преимуществу в XIX–XX вв.

Многие русские, украинцы и белорусы в речевом общении пользуются языками друг друга. Так, южные белорусы нередко говорят по-украински, около половины украинцев и более половины белорусов владеют русским языком. Кроме того, более 3,5% русских, 7,1% украинцев и 11,7% белорусов владеют еще другими языками народов, проживающих в бывшем Союзе ССР. Около 100% русских, 81,1% украинцев и 70,9% белорусов считают свои национальные языки родными. Кроме того, еще 8% украинцев и 10,2% белорусов свободно владеют своими национальными языками, хотя и не признают их родными. Для большинства народов России и так называемого ближнего зарубежья русский язык является языком межнационального общения.

Несмотря на сохранение до настоящего времени диалектных особенностей произношения, местной лексики и синтаксиса, каждый из восточнославянских языков обладает внутренним единством, которое усиливается и в течение последних десятилетий достигло заметного развития. Под влиянием нормативных форм, усваиваемых в средней и высшей школе, под воздействием прессы, телевидения, радио и кино локальные (областные) особенности в языках ослабевают. Впрочем, о преобладании в быту правильной литературной речи говорить еще рано.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Изучение разнообразных источников (археологических, лингвистических, письменных памятников, антропологических и других материалов) позволяет утверждать, что восточнославянские народы по своему происхождению имеют тесную связь с южными и западными славянами, а общей областью их формирования следует считать обширную территорию Центральной и Восточной Европы. Дифференциация славян на западных, южных и восточных с достаточной вероятностью датируется серединой и второй половиной I тысячелетия н.э., когда группа восточнославянских племен была известна готским и византийским источникам под именем антов. В IV–VI вв. н.э. анты образовали крупный союз племен, имели силь-

ную военную организацию, вели упорную борьбу с готами и Византийской империей. В VII в. имя антов перестало употребляться, а в местах их прежнего расселения сложилось новое этнополитическое образование – Русь, этническим базисом которого стала древнерусская феодальная народность. Этнические компоненты, из которых она сложилась, описаны в "Повести временных лет" и изучены археологически: новгородские словене, киевские поляне, кривичи, вятичи, дреговичи, радимичи, древляне, северяне и др. Эти "племена" (скорее всего крупные союзы племен, а может быть, и более сложные этнические общности) внесли в древнерусскую феодальную народность свои черты и особенности, которые, видимо, сохранялись в качестве региональных проявлений, сказавшихся на последующей этнической эволюции восточных славян.

Тенденции к этническому разделению древнерусской народности, можно думать, возникли еще на этапе феодальной раздробленности Киевской Руси. Тому же способствовали и внешнеполитические факторы, прежде всего древнемонгольские завоевания XIII в., разгром многих древнерусских княжеств и установление на Руси грабительского ордынского режима. Целые области обезлюдели. Уцелевшее население из лесостепных и степных районов бежало главным образом в северо-восточные русские лесные земли. Именно этот регион стал в XIV–XV вв. областью формирования русской (великорусской) феодальной народности.

Значительные части древнерусских земель (Галиция, Закарпатье, Буковина) оказались в разное время отторгнуты от Руси и развивались в составе соседних государств. В этнокультурном отношении жители этих регионов тяготели к бассейну Среднего Днепра, где местное и пришлое население (в том числе казачество, образовавшееся из крестьян и других социальных слоев, бежавших от феодальной эксплуатации) к XVI–XVII вв. складывалось в украинскую народность. Примерно в ту же эпоху протекало образование белорусской народности – сначала в составе Литовского, а позднее Польского феодальных государств. В ходе этнополитической истории восточные славяне были объединены в составе России, а позднее – Советского Союза. В начале 90-х годов возобладала тенденция к этнополитическому разединению, в результате чего образовались три суверенных восточнославянских государства.

Восточнославянские этносы складывались на обширных пространствах и во взаимодействии с другими этническими образованиями – западнославянскими, летто-литовскими, тюркскими, финно-угорскими и др. Такие взаимодействия бывали мирными и остроконфликтными, очень длительными и относительно кратковременными, глубокими и поверхностными. Они имели неодинаковые этнические последствия. В одних случаях взаимодействие сводилось к более или менее отчетливому славянскому культурному влиянию (например, на народы Прибалтики); в других – можно говорить, о процессах аккультурации (например, карелы, вепсы, коми, народы Урало-Поволжья в ряде случаев восприняли немало элементов русской народной культуры). Кроме того, в процессе своего этнического формирования русские, украинцы и белорусы ассимилировали отдельные группы иноэтничного и иноязычного населения (мерю, мурому, мешчеру, отдельные тюркские и иные этнические группы).

Экономика и социальная жизнь восточнославянских народов развивались по мере прогресса производительных сил. Складывание внутреннего рынка имело тесную связь с развитием городов и городского образа жизни, с ростом ремесла, позднее промышленности, торговли и иных способов обмена деятельностью. Усложнялся социальный (классовый, сословный) состав русских, украинцев, белорусов. Ремесленники и купцы, подьячие и казаки, беглые крестьяне и ямщики, калики перехожие и трактирщики, коробейники-офени и скоморохи, бурлаки и извозчики-чумаки, солдаты и крестьяне, отправлявшиеся на отхожие промыслы, – вот та подвижная часть народа, которая обеспечивала движение товаров и известий, связывала воедино края и регионы, из относительно разрозненного населения

начинала формировать современные нации. Можно полагать, что процесс складывания русской и украинской наций приходится на XVII – вторую половину XIX вв., складывание белорусской нации заняло также начало XX в.

Преобладающую часть (более 90%) населения среди белорусов, украинцев и русских в то время составляли крестьяне, и можно сказать, что эти народы первоначально сложились как "крестьянские" нации. Тем не менее влияние города, городской культуры и городских форм быта на сельское население было очень существенным (и в средние века, и в новое время). Вся материальная культура индустриального и значительная часть ремесленного производства, вся духовная культура, созданная профессиональными писателями, художниками, музыкантами, артистами и другими специалистами, рождалась в городах и уже потом распространялась в пределах расселения наций, а часто и за эти пределы – по всей стране. Именно в городах возникали и функционировали те культурные институты, которые способствовали становлению национальных литератур, литературных языков, украинских и белорусских школ и других сторон культуры.

Конечно, в условиях социально стратифицированного общества культура восточнославянских наций несла на себе отпечаток социальных антагонизмов, свойственных соответствующим эпохам. Кроме того, царская администрация всячески препятствовала развитию культуры украинцев и белорусов, стараясь насаждать среди них консервативные и реакционные элементы великорусской культуры, русский язык и официальную идеологию. Правительство и его органы не признавали украинцев и белорусов особыми народами (нациями) и считали их лишь "ответвлениями" "русского племени". Это была националистическая, великодержавно-имперская позиция, которой соответствовала официальная политика.

Формированием наций не завершились этнические процессы у восточных славян. В 1922 г. Россия, Украина и Белоруссия были в числе республик, участвовавших в создании СССР. В условиях общего государства процессы внутриэтнической консолидации (в особенности на Украине и в Белоруссии) приобретали устойчивый характер. Кроме того, имели место и межэтнические интегративные процессы – культурное сближение всех трех народов, региональные взаимные культурные диффузии (например, в русско-украинском этническом пограничье). Общая борьба с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны также способствовала как оживлению национальных чувств, так и общеславянскому сближению. Наряду с этим прослеживается и другая этноисторическая тенденция: консолидационные и интеграционные процессы сопряжены с возникновением новых локальных субэтнических групп. В результате и этническое самосознание восточнославянских народов остается многослойным, иерархическим (например, донской казак – русский – славянин и т.п.).

Новейшие тенденции в области внутриэтнического развития и межэтнических отношений у восточных славян проявились в ходе 80–90-х годов. Были вскрыты промахи и даже преступные действия сталинского и брежневского руководства в области национальной политики. В составе наций сформировались движения, общества и политические партии с резко различным пониманием национальных интересов – от тех, кто вполне разумно отстаивает культурные и языковые интересы своего этноса (например, белорусские "Дзяды"), до откровенно националистических и сепаратистских. В этих условиях происходят оживление и активизация некоторых субэтнических общностей (например, донского казачества) или даже попытки представить тот или иной субэтнос в качестве обособленной этнической общности (например, группу полещуков на Украине и в Белоруссии).

СУБЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

Восточнославянские народы не представляют собой этнических монолитов. В результате расселения на огромных пространствах с различными природно-географическими условиями складывалась определенная специфика хозяйства и быта у некоторых групп русского, украинского и белорусского населения. Помимо этого на их своеобразие значительное влияние оказали факторы исторического и социально-экономического характера, а также давние этнокультурные контакты и связи с аборигенным населением того или иного края.

Причины возникновения субэтнических групп восточнославянского населения разнообразны. В первую очередь, это антифеодальный протест и как следствие его – бегство крестьян и других групп зависимого населения на окраины Русского государства. Это и раскол православной церкви в середине XVII в. и преследование администрацией старообрядцев; это и переселения "служилых людей" на охрану границ государства; наконец, имели значение переселения различных социальных групп правительством с целью хозяйственного освоения окраинных территорий Российской империи, а также спонтанные миграции и т.п.

На территории расселения русских можно выделить две основные группы: северных и южных великороссов. Отличие их друг от друга прослеживается в языке, материальной и духовной культуре при сохранении общей восточнославянской основы.

Существует также переходная среднерусская зона, занимающая главным образом междуречье Оки и Волги. На этой территории в послемонгольское время сложилась русская (великорусская) государственность, сформировалось ядро великорусской народности. Материальная и духовная культура этой части восточнославянского населения представляет собой сочетание тех или иных северо- и южнорусских черт. В процессе длительного исторического развития культура населения среднерусской зоны приобрела общерусское значение. В эпоху формирования Русского государства с центром в Москве здесь постепенно складывался общерусский литературный язык, сыгравший большую роль в национальной консолидации и в развитии этнической культуры русских.

На окраинах России, в районах дальнейшей восточнославянской миграции, образовались разные по величине субэтнические группы русского населения с рядом своих культурных особенностей. Так, на западе, на коренной древнерусской территории (в основном Смоленская и Псковская области) специалисты выделяют своеобразные по культуре группы населения, имеющие некоторое сходство с культурой белорусов.

Русское население Среднего Поволжья, формирование которого относится преимущественно к XVI–XIX вв., имело много общих черт в жилище, одежде, устройстве сельскохозяйственных орудий с местными финно-угорскими и тюркскими народами Урало-Поволжья.

Достаточно вариативна и культура русских северо-восточного региона европейской части страны (Приуралье). В ней прослеживаются элементы, присущие и севернорусской группе (например, "окающий" диалект языка), и жителям среднерусской полосы (в типах жилища, одежды и др.). Это можно объяснить сложными миграционными движениями населения в эти районы – из области Русского Севера, из центральных регионов страны и из Поволжья. В северной лесной части Рязанской области расселена так называемая мещера (население Мещерской стороны). Сложение этой группы русского населения исследователи связывают с ассимиляцией славянами местного неславянского населения. В ее культуре заметны связи с культурой народов Поволжья.

Сложна этническая история некоторых областных групп южновеликорусского населения. Так, в западной части южнорусской полосы (Калужско-Орловско-Брянское Полесье) рассеяны так называемые полехи. Возможно, часть из них является

потомками древних дославянских жителей этих мест. В их традиционной культуре сохранялось много архаических черт, но вместе с тем прослеживается и связь с культурой белорусов и литовцев. Интересна группа так называемых однодворцев, состав которой сложен по происхождению. Это в большинстве своем потомки служилого населения, главным образом выходцы из севернорусских и среднерусских областей. В XVI–XVII вв. власти селили их на степной окраине Русского государства для защиты от набегов кочевников. Затем в состав "однодворцев" вошли потомки и более поздних переселенцев из различных категорий крестьян России. В целом же "однодворцы" занимали как бы промежуточное положение между крестьянами и мелкими помещиками. Они жили обособленно, что способствовало длительному сохранению своеобразных черт в их материальной и духовной культуре (специфический тип поселений и жилых построек с дворами-крепостями, некоторые особенности женского костюма и др.).

Северные великорусы в силу несколько меньшей подвижности были более монолитны по составу; среди них прослеживается меньшее число областных групп. В самоназваниях этих групп доминируют географические термины (от мест поселения), например, "поозеры" (т.е. живущие по берегам озера Ильмень или в "Поозерье"), "пошехонцы" (от Пошехонья), "каргопольщина" (от г. Каргополя), "белозеры" (от Белого озера) и др. Возможно, что часть их — потомки древних новгородцев-переселенцев. На Севере европейской части страны можно выделить группу "поморов", живущих по берегам Белого и части Баренцева моря. Они считаются потомками новгородских переселенцев XII в., а также выходцев из центрально-русских областей страны. В новых районах обитания поморы освоили рыболовство и промысел морского зверя, создав своеобразный и несвойственный славянам культурно-хозяйственный тип. И хотя в их укладе жизни преобладали северные великорусские черты, существовал и целый ряд особенностей. Кроме того, среди поморов выделялись свои локальные группы — "усть-цильмы" (от Усть-Цильмы — селения в устье р. Цильмы), и "пустозеры" (на Печоре) и др.

В середине XVII в. после церковной реформы патриарха Никона произошел известный раскол русской православной церкви. Противники реформ (старообрядцы, раскольники, староверы), спасаясь от преследований, селились "в лесах и на горах" по рекам Ветлуге, Керженцу и другим — так называемые заволжские старообрядцы. Их быт, оставаясь традиционно русским в части материальной культуры, отличался значительными чертами консерватизма, особенно в области духовной культуры, обрядности и т.п.

Еще большее культурно-бытовое своеобразие свойственно восточнославянскому (русскому и украинскому) казачеству. К началу XX в. в России сложилось одиннадцать групп казачьего населения на основе такого же количества "казачьих войск". Они возникали на окраинах Русского государства с конца XV — середины XVI в. и в более позднее время. Под влиянием специфических условий жизни и военизированного быта, действия различных исторических и социально-экономических факторов к XX в. казаки сформировались как особые этнографические группы русского и украинского населения.

Отличное от прочего населения социальное положение казаков, специфика воинской службы "за землю" ("налог кровью" вместо уплаты обычных налогов и податей), своеобразие быта и социально-культурных традиций, общинный характер казачьего самоуправления и многое другое — все это способствовало созданию особого жизненного уклада в их среде. А длительное проживание в иноэтничном окружении, интенсивные межэтнические (в том числе бытовые) контакты с неславянским населением различных областей Северного Кавказа, Средней Азии и Сибири усиливали своеобразие их быта и культуры. Например, на протяжении всей своей истории казачество повсеместно принимало в свои ряды выходцев из коренного населения, что также постепенно сказалось на антропологическом типе и всем жизненном укладе казаков.

Наиболее многочисленным и ранним по своему происхождению — XV–XVI вв. — было донское казачество. Его социальный и этнический состав всегда был неоднородным, в нем преобладали бежавшие от крепостной неволи крестьяне, разорившиеся помещики, вольные "гулящие люди" и др. Донское казачество делилось на две группы — "верховое" (по Верхнему Дону) и "низовое" (по Нижнему Дону). Если в первом "войске" преобладал русский этнический элемент, то во втором — украинский. Значительную часть донского казачества (особенно у "низовиков") составляли выходцы из среды тюркских и северокавказских и других народов, заметно пополнявшие "войско" в XVI–XVIII вв.

С конца XVI в. стало складываться уральское, или яицкое (от реки Яик) казачество. В большинстве своем это были выходцы с Дона и Волги, а также представители местных народов. Своеобразие казачьего культурно-бытового уклада, присутствие в казачьей среде значительного числа ногайцев, башкир, казахов и калмыков, с которыми у яицких казаков сложились тесные хозяйственные и культурно-бытовые связи, также отразились на специфике этой группы населения.

С XVI в. на Северном Кавказе начало формироваться гребенское (терское) казачество. Помимо донских и волжских казаков в него влились беглые русские крестьяне, многие участники народных восстаний и другие группы восточнославянских переселенцев, преимущественно из центральных и южнорусских областей, соседней Украины. Длительное проживание рядом с коренным населением Северного Кавказа, служба жителей-кавказцев в XVIII–XIX вв. в казачьих частях — все это способствовало сложению у терского казачества своеобразного культурно-этнографического "кавказского" колорита.

Проникновение русского населения в Сибирь, как известно, началось в XVI в., не считая более ранних эпизодических походов новгородцев за Камень (Уральские горы). Вначале переселения совершались главным образом из районов Русского Севера и Среднего Приуралья. Потомков ранних переселенцев в Сибирь принято называть русским старожиловым населением, а переселенцев XIX в. (преимущественно из южнорусских губерний) — "новоселами", или "российскими" (по терминологии коренных сибиряков).

Во время походов Ермака и его атаманов в Сибирь в XVI в. вместе с ними появились казачьи выходцы с Дона и Волги, "наборные" люди из вотчин купцов Строгановых и прочие, слившиеся позднее с другим пришлым русским населением (с XVII в. — староверы). К XVIII–XIX вв. относится появление в Сибири, на севере Казахстана и южнее станиц оренбургского и сибирско-семиреченского казачества (после переноса погранично-кордонной казачьей линии в Оренбург и Семиречье). Среди переселенцев в Восточную Сибирь и на Дальний Восток в XVIII и особенно в XIX в. стала значительной доля украинского и белорусского этнических компонентов, а также русских из центральных и южных районов страны.

В материальной и духовной культуре, а также в диалектах восточнославянского населения Западной и Восточной Сибири прослеживаются заметные различия. В Западной Сибири, например, доминирует "окающий" диалект и севернорусские черты культуры, в Восточной — "акающий" диалект и южнорусские характеристики культуры. Кроме того, уже к концу XIX в. на обширной территории Сибири сложился ряд своеобразных по культуре и быту субэтнических групп восточнославянского населения.

Так, в XVII–XVIII вв. в горах Алтая, уходя от преследований, осели небольшие сплоченные коллективы старообрядцев, известные в исторической литературе как "бухтарминцы", или "каменщики" (от слова "камень" — горы), "кержаки" (потомки выходцев с реки Керженец) и др. Здесь же, на Алтае, в районе Усть-Каменогорска, поселились так называемые поляки — выходцы из ликвидированных старообрядческих скитов по р. Ветке (в то время территория Польши). Живя изолированно от окружавшего их населения, они в силу своей конфессиональной специфики и обычаев сохранили ряд самобытных черт культуры XVI–XVII вв.

Большая группа староверов переселилась в XVIII в. в Забайкалье, где их стали именовать "семейскими" (так как они сразу поселились с семьями); по их диалекту они, в отличие от алтайских "кержаков", относятся к южной великорусской группе. Быт староверов характеризовался значительным консерватизмом и архаичностью уклада.

Своеобразный культурно-бытовой тип характерен для русских, поселившихся на севере и северо-востоке Сибири: к их числу можно отнести так называемых затундренских крестьян, живших по рекам Дудинке и Хатанге, русских Якутии (главным образом по рекам Лене и Амге), которых именовали "ямщицкими поселенцами". Их культура — яркий образец смешения крестьянской культуры русских и якутов. Ими в значительной мере было утрачено русское национальное самосознание. Более заметны русские этнические элементы в языке, культуре и быте населения Русского Устья на Индигирке, где уже в XVII в. поселились выходцы из районов Русского Севера, сибирской Мангазеи и других мест.

Мало сохранилось русских национальных черт у так называемых колымчан (язык, этническое самосознание, ряд элементов бытовой культуры). Группа "марковцев" — жители села Маркова на р. Анадыре — восприняла от местного населения некоторые способы ведения хозяйства (оленоводство), но сохранила свое этническое самосознание, язык и фольклор. Наконец, население Камчатки — так называемые камчадалы — состоит из обрусевших ительменов и коряков и слившихся с ними русских переселенцев XVIII в. Они имеют метисный антропологический тип, специфический говор, быт и т.п.

Своеобразные черты культуры и быта сложились у забайкальских казаков, чьи станицы во второй половине XVIII в. располагались вдоль русско-китайской границы. Среди забайкальских казаков были и выходцы из тунгусских и бурятского народов, также "верставшиеся" в казаки. Амурское и уссурийское казачьи войска по рекам Амур и Уссури были образованы в середине XIX в. в основном из забайкальских казаков и переселенных сюда по набору и "жребию" в конце XIX в. групп донских, терских и оренбургских казаков (вследствие нехватки земель в старых казачьих областях и для усиления пограничной охраны на Дальнем Востоке). Некоторую долю этих войск составили приписанные к казачьему сословию русские и украинские переселенцы конца XIX — начала XX в.

В составе украинского народа также существуют своеобразные регионы и этнокультурные группы населения. Некоторые отличия характерны для Левобережной и Правобережной Украины. Последняя в большей степени испытала на себе польское культурное влияние. Особняком стоит население Западной Украины — жители Галиции и Буковины. В их быту и культуре можно проследить польские черты, что вполне объяснимо их историческим прошлым. Некоторые группы карпато-украинского населения "омадярились" и, издавна находясь под влиянием венгерской крестьянской культуры, отличаются от соседнего славянского населения. Преобладающая часть населения Закарпатья говорит по-украински, сохраняя традиционные восточнославянские черты культуры и быта. Этнологический интерес представляют горные украинцы, проживающие в Карпатах и из-за обособленности своего быта сохранившие многие древние самобытные черты. Это гуцулы, бойки и лемки.

После упразднения в конце XVIII в. Запорожской Сечи правительство переселило основную массу запорожских казаков в Причерноморье, на р. Кубань, где образовалось черноморское, или кубанское казачество, как оно стало называться с середины XIX в. В это же время в него влилась часть донских казаков, поверстанных на новую пограничную линию "по жребию", бывшие солдаты регулярной армии (военнопоселенцы), украинские и русские крестьяне-переселенцы (последние главным образом из южнорусских губерний), выходцы из среды местных северокавказских народов (поверстанные в казаки кабардинцы, черкесы и другие, вошедшие в специально созданные во второй половине XIX в. "горские" казачьи полки).

Все это и определило в дальнейшем сложный социально-этнический состав кубанского казачества Северо-Западного Кавказа: на западе края преобладал украинский этнический компонент, на востоке – южновеликорусский.

Менее субэтнически дифференцированы белорусы, различия среди которых сегодня прослеживаются главным образом в диалектно-лингвистическом отношении. Тем не менее на территории Пинского и Черниговского полесья, в южной части Белоруссии, проживают переходные между северными украинцами и южными белорусами группы так называемых пинчуков (от названия г. Пинска) и полешуков (от названия Полесья), в культурно-бытовом отношении более тяготеющие к белорусской сельской культурной традиции.

Территория современной Белоруссии, как считают исследователи, в средние века входила в две диалектно-этнографические зоны общевосточнославянской (древнерусской) этнической общности: южная часть – в полесскую диалектно-этнографическую зону, ядром которой было Попприпятье, а северная и в значительной степени центральная часть (Подвинье, Верхнее Поднепровье) – в подвинско-днепровскую, получившую первоначальное региональное название "Белая Русь". Таким образом, территория современной Белоруссии в древнерусский период наряду с другими восточнославянскими землями называлась Русью, южная ее часть именовалась Полесьем, а северная – Белой Русью. Современное этническое значение название "Белая Русь" получило с XV–XVI вв. и распространилось на южную часть современной территории республики.

Таким образом, название "Белая Русь", "Белоруссия" в этническом плане поначалу означало одну из диалектно-этнографических зон восточнославянской древнерусской общности, территорию одного из ее субэтносов, и не являлось в тот период названием этнической территории всего белорусского народа. Можно думать, что на ранних этапах этнической истории оно обозначало регион, составные части которого впоследствии вошли как в этническую территорию белорусов, так и в этническую территорию русских (например, трансформировавшиеся в великорусов северные "белорусцы" Псковщины, Тверского края и Смоленщины, где в конце концов сформировался великорусский комплекс языка и культуры). Так и "Полесье" разделилось впоследствии на две части – Белорусское, ставшее составной частью этнической территории белорусского народа, и Украинское Полесье, ставшее составной частью этнической территории украинского народа.

В целом этническая территория современной Белоруссии сформировалась в позднем средневековье в результате консолидации прежней северной части "полесского" субэтноса общевосточнославянской древнерусской этнической общности и южной части "белорусского" (подвинско-днепровского) субэтноса общевосточнославянской древнерусской этнической общности. Вероятно, этим объясняются и диалектно-лингвистические отличия в языке и до некоторой степени в этнографии белорусского народа.

В настоящее время субэтнические группы восточных славян не исчезают окончательно, в их историческом развитии прослеживаются две тенденции. Так, с одной стороны, в связи с активной урбанизацией обособленность отдельных этнографических и областных групп русского, украинского и белорусского населения значительно уменьшается. С другой стороны, наблюдается тенденция к возрождению отдельных субэтносов (например, в казачьих областях Дона, Северного Кавказа, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока). Таким образом, процессы эволюции субэтносов восточнославянского населения весьма сложны и многообразны, а главное – не закончены.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ

Экономической основой, на которой исторически формировались и в течении столетий развивались восточнославянские этносы, были сельскохозяйственное производство и торговля. У предков этих народов, а позднее и у самих русских, украинцев и белорусов в докапиталистическую эпоху сложился и функционировал общий (с относительно небольшими региональными отклонениями) хозяйственно-культурный тип (ХКТ), в рамках которого преобладало пашенное земледелие с культивированием злаковых (ячменя, ржи, пшеницы, овса). Все остальные хозяйственные занятия — домашнее животноводство (разведение крупного и мелкого рогатого скота, свиней, кур, гусей и уток), пчеловодство (а прежде — бортничество), рыболовство, охота, собирание дикорастущих растений, ягод и грибов — оставались хотя и существенными, но все же подсобными способами обеспечения жизни.

Издавна стали складываться региональные особенности хозяйственной деятельности восточнославянских народов, обусловленные как различием природно-географической среды их обитания, так и своеобразием пройденного каждым из них исторического пути. Даже наборы культивируемых растений в областях расселения восточнославянских народов до известной степени специфичны: если для украинцев более типичны культуры пшеницы и проса, то у белорусов и русских в составе злаковых значительное место занимает рожь; если у русских (в особенности северных) и у белорусов главной культурой, дающей волокно для пряжи и ткани, считается лен, то у южных великорусов и украинцев для тех же надобностей выращивается также конопля; если украинцы и другие южные группы восточных славян издавна выращивают довольно широкий набор овощных культур, то среди русских крестьян главным овощным растением до XIX в. оставалась репа.

Региональные черты своеобразия сохранились в XIX и XX вв., когда состав культивируемых растений стал существенно изменяться. Так, картофель широко распространился в хозяйстве русских и особенно белорусов (характерно, что белорусы дали картофелю славянское название, сделали его национальной культурой и умеют приготовить из него до сотни блюд), а вот подсолнечник, кукуруза и сахарная свекла в большей степени типичны для украинского сельского хозяйства. Распространение садоводства имеет место у всех восточнославянских народов, но только на Украине сад — постоянная принадлежность сельского культурного ландшафта.

Похожие тенденции обнаруживаются при рассмотрении характера восточнославянского земледелия, в частности сельскохозяйственных орудий. Региональные особенности климата, строение почвенного покрова, а также культурных традиций русских, украинцев и белорусов обусловили возникновение и бытование неодинаковых пахотных орудий. На территории Украины и в черноземной зоне расселения русских крестьяне работали с помощью тяжелого деревянного плуга с железным лемехом или деревянного рала. Тягловыми животными здесь служили волы. В северных районах расселения русских, а также у белорусов использовались более легкие орудия — сохи. Они бывали разных типов. Самый, пожалуй, распространенный — это двузубая соха с перекидной полицей, в которую впрягали лошадь. Такую соху часто называли "русской", однако подобные сохи имели распространение у ряда народов — карелов, вепсов, коми, марийцев и др. Вообще говоря, этнические названия, прикрепившиеся к орудиям труда, следует воспринимать с необходимой долей осторожности. Так, "литовская" соха (требуемая, кстати сказать, в отличие от "русской" воловьей упряжки) на поверку является белорусской (где и распространена). А свое название она получила от той части белорусского населения, которое в средние века жило в составе Великого княжества Литовского и которых за это в быту называли "литвинами".

Дальнейшее развитие пахотных орудий привело ко все большему распространению плугов — сначала ремесленного, а затем заводского производства.

Восточные славяне использовали различные типы и формы земледелия. Северные русские и белорусы наряду с полевым (двухпольем, а позднее трехпольем) вплоть до XIX в., а кое-где до 30-х годов XX в. занимались также подсечным земледелием. Подсечное земледелие основывается на выжигании участка леса и дальнейшем его использовании в течение лишь 4–6 лет. Еще через несколько лет этот участок, снова поросший лесом, опять может быть превращен в подсеку (лесной перелог). В черноземных областях расселения русских и украинцев полевое земледелие сочеталось со степным перелогом (повторной распашкой прежде использованных, а затем заброшенных участков).

Весь цикл сельскохозяйственных работ крестьяне осуществляли вручную. Стебли зерновых срезали (жали) серпами с зубчатой насечкой по лезвию (западно-европейские народы обычно употребляли серпы с гладким лезвием). Перед обмолотом снопы сушили в овинах или ригах – больших постройках с открытым огнем в яме или с печью.

Крестьянское хозяйство украинцев, белорусов и русских в большинстве случаев до XX в. оставалось полунатуральным. Почти все необходимое крестьяне изготавливали сами: рубили избы или строили хаты-мазанки, плели лапти или шили кожаные постолы, сбивали сани-дровни или вырезали деревянные ложки. Об этом весьма точно сказал Л.Н. Толстой, создавая образ русского крестьянина Платона Каратаева: "Он все умел делать, не очень хорошо, но и не дурно. Он пек, варил, шил, строгал, тачал сапоги". Специализация производства складывалась медленно. Лишь немногие предметы крестьяне покупали: соль, железные (кузнечные) изделия, иголки, нитки, изредка украшения и лубочные картинки. Позднее стали покупать самовары, чугуны, керосиновые лампы, хлопчатобумажные ткани, бакалейные изделия и т.п.

В то же время помещичье хозяйство издавна приобретало товарную, в том числе экспортную ориентацию. Элементы товарности постепенно накапливались и в крестьянском хозяйстве. Существенную сторону хозяйственной деятельности составляло ремесло, в том числе домашние промыслы, в частности жегские – например, тканье холстов. Часть вытканых холстов использовалась на шитье одежды и прочее, а часть поступала на рынок, в том числе и на экспорт (русские холсты в XIX в. достигали даже Южной Америки, где были известны под названием "русская ткань" – *tela rusa*). Еще в эпоху глубокого средневековья начался процесс складывания ремесла как отдельного специализированного производства изделий на продажу. Вырастали ремесленные поселения – слободы и города, возникали торги и ярмарки. Кузнецы и кричники (выплавлявшие железо сыродутным способом), гончары и солокуры, бондари и углежогги, прядильщицы и кружевницы, ложкари и богомазы (иконописцы) и множество других ремесленников – они не просто создавали всю массу полезных вещей и материалов, но формировали материально-вещную среду, характерную для восточнославянских народов. Важным элементом как в экономическом процессе созидания материальных ценностей, так и складывания устойчивых форм общественного и производственного быта служили крестьяне, занимавшиеся отхожими промыслами, в которых ежегодно участвовали миллионы людей.

Значительная часть русских и белорусских отходников летом была занята в сельскохозяйственных работах – уборке и молотбе зерновых в южных губерниях России и Украины, где они трудились в помещичьих и крупных капиталистических хозяйствах (экономиях). Однако преобладающая часть отходников занималась неземледельческим отходом, поступая на работу в рудники и на шахты, на лесоразработки и строительные работы, работая также в качестве печников, кровельщиков, стекольщиков, жестянщиков, бродячих портных, пимокатов (изготовителей валенок) и проч. Эти люди пополняли собой цехи и мастерские формировавшейся промышленности, включаясь в процесс индустриализации, истоки которой восходят в России к рубежу XVII и XVIII вв., к реформам Петра I, посессионным мануфактурам и

приписным крестьянам Тулы, Урала и Карелии. Во второй половине XIX в. и позднее в России, на Украине и в Белоруссии сложились многочисленные отрасли промышленности, что обусловило появление своеобразных городских и поселковых субкультур (в том числе рабочих окраин), которые имели существенные отличия от культурных традиций крестьян. Важно еще и то, что на заводах и фабриках часто работали люди разных национальностей, здесь в практике общения рабочих, в сложных условиях совместного труда, быта, борьбы за свои права, в преодолении этнической отчужденности мало-помалу складывались бытовые интернационалистские установки.

В послеоктябрьский период в характере хозяйственных занятий белорусов, русских и украинцев произошли значительные и весьма быстрые изменения. В течение нескольких десятилетий был создан другой – гораздо более широкий – состав отраслей народного хозяйства. Возникали новые города и целые районы промышленного освоения, новые социально-культурные условия, создававшиеся не только благодаря энтузиазму молодых послереволюционных поколений, но и трудом принудительно переселенных и заключенных (преимущественно русских, украинцев и белорусов). Так возникали индустриальные районы Кузбасса, Челябинска, Комсомольска-на-Амуре, Магадана и так называемых Великих строек коммунизма конца 40-х – начала 50-х годов, а также новые сельскохозяйственно-индустриальные регионы в местах освоения в середине 50-х годов целинных и залежных земель.

Прежде устойчивое наследование детьми занятий, профессий и специальностей отцов и матерей уступило место массовой перемене видов, характера и форм труда не только более молодыми поколениями, но и отчасти в рамках одного и того же поколения. Быстро повышался квалификационный и общеобразовательный уровень работников и всего населения. Появление новых производств потребовало радикальной перемены состава рабочих и иных профессий и специальностей (сельскохозяйственных, индустриальных, управленческих и других).

Чрезмерно завышенные темпы индустриализации, чрезвычайно быстрый рост городского населения (и в том числе рабочего класса), насильственная коллективизация крестьян и их хозяйств, централизация управления и прикрепление работников к местам их постоянной работы и жительства – все это создавало иной стиль (образ) жизни, существенной чертой которого стала этатистки (в государственном масштабе) понимаемая плановость. Отчасти она была реальна, но во многом являлась псевдоплановостью. Именно в этих условиях в планирующих, экономических и иных руководящих органах сложилось отношение к трудящемуся как к абстрактной производительной силе (рабочей силе, трудовому ресурсу и резерву). Рабочей силой стали манипулировать, не обращая внимания (помимо всего прочего) на то, что рабочие – русские, украинцы, белорусы и другие – имеют этническую принадлежность, языковые и культурные традиции, бытовые предпочтения, этнические пристрастия и предрассудки и другие важные характеристики, с которыми следовало бы считаться. Постоянное, устойчивое и многолетнее пренебрежение этими объективными экономическими фактами послужило одной из существенных причин проявления после 1985 г. межнациональной напряженности как во взаимоотношениях между восточнославянскими народами, так и осложнения связей с другими этносами страны.

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ИНСТИТУТЫ. ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

Социальная стратификация русского, украинского и белорусского общества в разные исторические эпохи выглядела неодинаково. Она накладывала заметный отпечаток на повседневную жизнь, поведение, весь характер жизни отдельных социальных слоев. Все население делилось на сословия, из которых два – дворянское и духовное (священники и члены церковного причта, т.е. так на-

зывается белое духовенство, а также черное духовенство, т.е. монахи) – обладали важной привилегией: они были неподатными сословиями (не платили государству податей, налогов и не были обязаны служить государству). Другие три сословия – купеческое, мещанское и крестьянское – таких привилегий не имели. Сословное деление выступало как один из существенных пережитков феодализма. Высшие и средние государственные и общественные должности, а также должности в церковной иерархии, как правило, занимали дворяне. Правда, в XVIII и XIX вв. имела место межсословная социальная мобильность (характерными примерами могут служить судьбы и карьеры Меншиковых, Орловых, Разумовских, русских академиков, межсословные браки, предоставление "вольных грамот" крепостным и т.п.), однако такого рода социальные перемещения происходили не так уж и часто. Правда, в соответствии с "Табелью о рангах" (1772 г.) и последующим законодательством, лица, дослужившиеся на гражданской и военной службе до определенного чина, приобретали личное или потомственное дворянство. Тем не менее "малороссийская" (т.е. украинская) старшина, белорусское шляхетство и русское дворянство крепко держались за свои сословные привилегии.

Классовый состав русских, украинцев и белорусов за последние два столетия претерпел существенные изменения. Помимо феодальных классов (крестьян и помещиков) в XIX в. сложились два новых – пролетариат и буржуазия. Следует, однако, помнить, что любая социальная группа в том или ином отношении (включая классы) гетерогенна. Среди крестьян, например, отчетливо различались помещичьи, монастырские и государственные крестьяне, образ жизни которых имел существенные различия. Среди помещиков также выделялись очень отличавшиеся группы (столичное и уездное барство, воронежские однодворцы, сходные по укладу жизни с крестьянами, и высококультурная интеллигенция, давшая России декабристов, а также заметную часть писателей, деятелей культуры и ученых).

Внутриклассовая дифференциация буржуазии создала весьма неодинаковые социальные типы – сельского кулака (результат имущественной и социальной дифференциации крестьянства), классическое патриархальное купечество (описанное в драматургии А.Н. Островского), промышленную буржуазию и т.п., но помимо них еще и ту интеллигентную часть русской буржуазии, из которой вышли создатель знаменитой картинной галереи П.М. Третьяков; основатель Художественного театра К.С. Станиславский (Алексеев); революционер-большевик Н.П. Шмит; издатель-просветитель И.Д. Сытин и др.

Весьма неодинаковы были бытовые, культурные и иные характеристики в разных слоях пролетариата; уральские и олонечские (например, нижнетагильские и петрозаводские) рабочие казенных заводов имели усадьбы, небольшие земельные участки, скот, сезонные перерывы в работе на производстве для сенокоса, уборки урожая и т.п.; индустриальные рабочие Петербурга, Москвы и Донецко-Криворожского региона отличались своими культурно-бытовыми особенностями; рабочие разных отраслей промышленности также вырабатывали неодинаковые формы быта.

Социальные классы, сословия и другие слои русского, украинского и белорусского общества по-разному воспринимали включение в свой состав иноэтничных элементов. Так, ряд дворянских фамилий (Мусины, Муратовы, Карамзины, Корсаковы, Тенишевы, Тургеневы, Сабуровы, Салтыковы, Шереметевы, Юсуповы и многие др.) происходят от ассимилированных тюрко-татарских групп Поволжья. Среди белорусского дворянства встречались не только белорусы, но и русские, поляки, татары. Представители нерусских этносов, становившиеся предпринимателями-капиталистами, очень часто ассимилировались в составе русской буржуазии. Особенно интенсивно ассимилятивные процессы совершались в пролетарской среде и прежде всего в крупных индустриальных центрах. В крестьянской среде ассимилятивные тенденции выражены гораздо слабее.

Среди социальных институтов, долгое время игравших заметную роль в жизни

большинства населения у восточнославянских народов, следует назвать соседскую крестьянскую поземельную общину. Последняя представляла собой форму объединения крестьянских хозяйств (семей) для решения поземельных вопросов (переделов земли, наделения землей, пользования угодьями и т.п.), выполнения фискальных и судебных функций, а также функций взаимопомощи и морального контроля. Русская община (мир) устойчиво бытовала в течение XIX и начала XX вв. Ее не смогла разрушить даже реформа П.А. Столыпина. Община украинцев (громада, в средние века копа или купа) сохранилась лишь в виде пережитков. Еще меньше общинные пережитки имелись в общественном быте белорусов. Высшим органом общинного самоуправления являлось собрание глав семей (дворовладельцев) — сход, выбиравший старосту, сотских, десятских и других должностных лиц. Члены общины в случае необходимости оказывали трудовую помощь (русские помочи, украинская толока, белорусская сябрына) вдовам, сиротам, а также тем общинникам, кто нуждался в единовременном коллективном труде (например, при постройке дома, обработке льна, молотьбе хлеба и т.п.).

Некоторые общинные правила и традиции как бы воспроизводились в сельских молодежных объединениях. Таковы были украинские "парубоцьки" и "дивочі" громады, устраивавшие коллективные работы — развлечения (вечорниці, супрядки, досвітки, русские посиделки).

Общинно-коллективистские способы организации труда проявлялись также в объединении нескольких малолешадных хозяйств для совместной обработки земли (супруга), в создании производственных групп — артелей (грузчиков, лесорубов, строительных рабочих и др.).

Общине свойственна противоречивость функций: с одной стороны, она была орудием вотчинного (помещичьего) или государственного управления крестьянами, но с другой стороны, она же и ограничивала произвол феодалов, обеспечивала крестьянское самоуправление на основе традиций обычного права. Существовали различные виды и формы общины — с большим или меньшим подчинением традициям, государству или помещику, с той или иной мерой перехода к частному землевладению. Под влиянием товарно-денежных, капиталистических отношений общинные порядки разрушались и выборные должности сосредоточивались в руках богатого и влиятельного кулацкого слоя.

Изменения в социально-классовом составе восточнославянских наций, совершившиеся в послереволюционную эпоху, ликвидация прежней крестьянской общины в ходе коллективизации, осуществление государственно-административной, казенно-бюрократической модели социализма — все это создало условия для формирования тенденций, сильно повлиявших на характер социальной активности людей. Иной вид приобрела социальная мобильность: появление влиятельной государственно-административной системы, руководившей распределительными механизмами, обуславливало растущее стремление внедриться в ее состав, что приводило к неконтролируемому росту управленческого аппарата, к превращению его в социальный слой с некоторыми чертами социального класса и постепенно формировавшимися особенностями быта. Вместе с тем социальная мобильность имела и другие направления. В советское время среди русских, украинцев и белорусов чрезвычайно усилился переход из крестьян в рабочий класс. Расширение системы народного образования, в том числе среднего технического и высшего, создало возможность массовых социальных перемещений в сферу медицины, науки, культуры и т.п., нуждались в кадрах также созданные по вертикальному принципу и руководимые бюрократическим аппаратом общественные организации — комсомол, профсоюзы, различные творческие союзы, общества и проч.

Ликвидация в ходе коллективизации прежней сельской общины не исключает того, что некоторые принципы общинной жизни не исчезли, а лишь переменили способы своего проявления. В качестве социальных институтов во многом стали функционировать и до сих пор функционируют производственные предприятия (и им

соответствующие структуры: заводы, фабрики, колхозы и т.п.). Работник привязан к месту работы не только тем, что он здесь трудится, но и возможностью получения жилья, помещения ребенка в детский сад или летний оздоровительный лагерь, своего социального продвижения, организованного отдыха и т.п. В соответствии с этим производственный коллектив для работающего русского, украинца или белоруса стал очень существенной жизненной средой, влиятельной группой, формирующей важные элементы социальных установок и жизненных ориентаций. Есть основание полагать, что трудовые коллективы (в том числе первичные трудовые коллективы) представляют собой микросоциальную среду (социальные поля общения), где транслируются, воспроизводятся и отчасти формируются также этнические ценности, стереотипы и другие формы ориентации и поведения. Межэтнические контакты, происходящие в трудовых коллективах, оказывают воздействие на поведение своих членов в других сферах и средах межэтнического общения — в семье, в общественной жизни, во взаимоотношениях с соседями или в компаниях друзей и знакомых.

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

В структуре семьи, семейных отношениях и обрядах восточнославянских народов заметны как общие, так и специфические черты. Характерной формой семейной организации у русского народа в XIX и начале XX вв. считается так называемая большая или "неразделенная" семья. Впрочем, архаические формы таких семейных общин (в том числе братские семьи — объединения семей родных братьев или иных родственников и даже неродственников) встречались далеко не всюду. Среди русских они в большей мере бытовали в южнороссийском регионе, реже встречались у белорусов, а на Украине — лишь в Карпатской зоне и в Полесье. В структуре "большой" семьи важную роль играл ее глава (русс. — большак, бел. — бацька), который обычно руководил ее жизнью, был распределителем всего имущества и представителем в общине. Жена большака (русс. — большуха) руководила жизнью и работой женской части семьи и воспитанием детей. Внутренние отношения в такой семье, насытивавшей порой десятки членов (вместе с детьми), отличались сложностью и подчас драматизмом. Рубеж XIX и XX вв. стал эпохой массового распада "больших" и повсеместного распространения "малых" (или нуклеарных) семей. Окончательный переход к последнему типу семьи совершился в начале 30-х годов. Причина этого коренится в экономических отношениях и связана с тем, что приусадебные земельные участки в ходе коллективизации выделялись на каждую отдельную семью (хозяйство) и, следовательно, для получения большего количества земли требовалось разделить "большие" семьи.

Вместе с тем едва ли верно предположение, что в относительно ранние эпохи "большие" семьи будто бы безраздельно преобладали. Есть достаточно убедительные фактические данные, говорящие о существовании в XVII и XVIII вв. обоих типов семейной организации — "большой" и "малой" семьи, а также о том, что скорее всего их соотношение в разные эпохи бывало неодинаковым и зависело от многих социально-экономических, административно-фискальных и иных причин.

Внутрисемейные отношения у восточных славян, как и у многих других народов, основывались на подчинении младших старшим, в особенности — главе семьи, на соблюдении традиций обычного права, приниженном и подчиненном положении женщин. Примерами таких обычно-правовых традиций могут служить право собственности замужней женщины лишь на свое приданое и на продукцию своего рукоделия (прядения, ткачества и т.п.); подчиненное, почти бесправное, положение невестки и взятого в дом зятя (русс. — примак, укр. — приймак, бел. — лрымак); обычай, согласно которому при разделе большой семьи младший сын (одна

или со своей семьей) оставался в родительском доме. Следует, впрочем, отметить, что домостроевские семейные порядки, характерные не только для консервативно настроенных господствующих слоев допетровской России, но распространенные и среди широких масс народа, тем не менее во второй половине XIX – начале XX в. сохранялись уже далеко не повсюду. Городские (в том числе рабочие) семьи довольно быстро утрачивали архаические формы.

Дальнейшее и гораздо более интенсивное проявление намевившихся тенденций имело место уже в послеоктябрьский период. На волне революционной переделки жизни стали быстро меняться состав, структура семьи и внутрисемейные отношения. Резко выросло число городских семей, которые, с одной стороны, сократили свои связи с деревней, а с другой – принесли с собой в город немало деревенских традиций и пережитков. Принятое в СССР прогрессивное законодательство (равноправие мужчин и женщин в том числе и в сфере семьи) обусловило интенсивное протекание процессов, связанных с постепенным ослаблением как функций главы семьи, так и самим представлением о таком главе. Широко распространились семьи с социально гетерогенным составом (например, муж – рабочий, жена – учительница; муж – сельский механизатор, жена – врач и т.п.).

Следует также принять во внимание, что в рамках семьи совершаются не только трансмиссия этнической культуры и демографическое воспроизводство этносов в целом. Семья, будучи одной из ячеек общества, в которой осуществляются межэтнические процессы, у восточнославянских этносов также выполняет важную функцию сближения народов: так, среди русских, вступивших в брак в 1988 г., более 16% связали свою жизнь с лицами других национальностей, среди украинцев более 33%, а среди белорусов – около 38%.

Семьи, гетерогенные в этническом отношении, гораздо чаще возникают в городах, чем в селах.

В разных социальных слоях восточных славян долгое время преобладали браки по сватовству, при заключении которых решающую роль играли родители жениха и невесты. Формой сопротивления этому порядку были свадьбы "убёгом" ("самоходкой", "самокруткой"), что, кроме всего прочего, избавляло от значительных расходов по организации свадебного ритуала. Наибольшей свободой при решении своей судьбы пользовались украинские девушки, имевшие право – в случае нежелания выходить замуж за сватавшегося жениха – поставить на стол или даже тайком положить в сани (телегу) тыкву (укр. – гарбуз) в качестве символа отказа.

Традиционный свадебный обряд (русс. – свадьба, укр. – весілля, бел. – вясілле или свадзьба) представлял собой сложный комплекс драматических действий, верований, игровых элементов, пения, танцев и других проявлений народного творчества, а также правил и регламентаций. У всех трех восточнославянских народов он имел свои этнические и региональные особенности. Южновеликорусская и украинская, а также отчасти белорусская свадьба содержала в себе каравайный обряд – приготовление хлебного каравая из кислого теста, который украшали фигурками из теста, веткой ели или вишни, лентами и цветами. Северновеликорусский свадебный ритуал в качестве неперенных типичных элементов включал в себя обрядовую баню (порознь для жениха и невесты накануне и совместно для обоих молодых супругов после свадьбы), а также плачи-причитания невесты при прощании с "волей" и родительским домом. У белорусов, кроме того, имел распространение еще так называемый столбовой обряд, состоявший в исполнении особой благопожелательной песни в домах жениха и невесты обрядовым певцом (запевалой), стоявшим около печного столба.

Свадьба рассматривалась не только как семейное, но также как общественное событие. В ней принимали участие сваты, тысяцкий, дружка, руководившие всем ритуалом, подружки невесты, другие персонажи, а иногда даже деревенский колдун. Классические варианты свадьбы включали в себя: 1) сватовство, 2) пред-

свадебные обряды (сговор, укр. — заручины, и др.), 3) свадебный пир в доме невесты, имевший отчасти печальный характер, 4) венчание в церкви, 5) свадебный пир в доме молодого мужа, когда наиболее проявляются в свадьбе веселые и эротические мотивы и, наконец, 6) послесвадебные обряды. Венчание в церкви в народной традиции не рассматривалось в качестве обязательного атрибута; свадебный ритуал со сватовством и пиром считался вполне достаточной санкцией для начала совместной супружеской жизни. В той же народной традиции вместе с тем отчетливо проглядывают архаические языческие реминисценции — различные обряды, оберегающие от "порчи" или, напротив, способствующие плодородию и богатству (например, осыпание молодых зерном ячменя, ржи или пшеницы).

Многие погребальные и поминальные обряды восточных славян связаны с традицией почитания умерших предков (бел. — дзяды) — пережитками культа предков; эти пережитки не могло полностью преодолеть христианство. Отношение к покойнику отличалось двойственностью — его почитали как предка, но его также боялись и считали "нечистым". Вера в посмертное бытие покойного побуждала подчас снабжать его необходимым в загробном существовании: в гроб могли положить хлеб, кiset с табаком и огниво, топор и т.п. Вместе с тем покойника нужно было так отправить на кладбище, чтобы он "не нашел дороги домой" (вынести через окно, а не через дверь, а если все же через дверь, то ногами вперед и пр.). После возвращения с похорон следовало "очиститься" — прикоснуться руками к печи, поддержать в руках уголек из печи и т.д. Существенной частью этого ритуала были и остаются поминки (в день похорон, на девятый и сороковой день, спустя год, а также в особые поминальные дни года).

Среди семейных обрядов русских, украинцев и белорусов заслуживают упоминания родильные обряды. В дородовой период беременные женщины старались соблюдать ритуальные запреты, оберегающие от "дурного глаза", "нечистой силы" и других подобных опасностей (не говоря уж о реальных). Роды обычно совершались не в избе (хате), а в бане, сенях или хлеву. Принимала роды знахарка — повитуха. Она обрезала пуповину (нередко пуповину мальчика — на топоре, а девочки — на прялке). Через несколько дней после родов родители приглашали родных и соседей на кашу (бабину кашу) — особое угощение по поводу рождения ребенка. Пришедшие приносили ему подарки.

В настоящее время семейные обряды соблюдаются лишь частью населения, в сельской местности чаще, в городах — реже. Обряды, как правило, бытуют в сильно редуцированном виде. Христианские (преимущественно православные) обряды венчания, отпевания покойников и крещения младенцев в конце 80-х — начале 90-х годов стали соблюдаться чаще, чем в предыдущий период. В ряде русских, белорусских и особенно украинских городов государственными органами и общественностью принимались специальные меры по восстановлению традиционных и созданию новых семейных обрядов. Эти меры, впрочем, не принесли заметных результатов.

ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

Несмотря на многовариантность своих традиционных проявлений, народная культура восточных славян, как материальная, так и духовная, имеет существенные черты общности. В ее основе общность происхождения, языковая и этнокультурная общеславянская близость, ряд давних этнических традиций, сохранявшихся на протяжении длительного времени в культуре белорусов, русских и украинцев.

Вместе с тем на ее формирование оказали влияние другие этнические культуры, в первую очередь ассимилированных восточными славянами групп местного населения в различных частях осваиваемых территорий, — вначале

ираноязычных, финно-угорских и балтских, позднее и тюркоязычных народов. Сыграли свою роль и этнокультурные заимствования у ряда соседних цивилизаций Востока и Запада, инновационные процессы в собственной этнической среде, проявлявшиеся на различных этапах исторического развития восточных славян. Все это в конечном счете привело к сложению этнического своеобразия и многовариантности в региональных проявлениях традиционной народной культуры русских, украинцев и белорусов.

Различия в природных условиях на освоенных славянами территориях Восточной Европы, а также исторически менявшийся характер экономических и социально-политических отношений оказали существенное воздействие на способы расселения, типы поселений и жилищ, их размеры и планировку у восточных славян уже в глубокой древности. Эти факторы продолжали играть свою роль и впоследствии, они имеют значение и в настоящее время.

ПОСЕЛЕНИЯ

С эпохи древнерусского государства у восточных славян стали формироваться сельские и городские поселения. Древнейшим видом поселений у восточных славян дофеодального времени принято считать села с принадлежавшими им угодьями и веся, а также на севере погосты как ранние административные центры сельских общин, близ которых в земледельческой округе размещались "гнезда" (группы) поселений. Позднее, в XVIII–XIX вв., селами обычно называли сельские поселения с административными функциями либо с помещичьей усадьбой и церковью. Некоторые села и погосты становились зародышами будущих городов, например "Погост на Вышнем Волочке" – будущий Вышний Волочек или "Погост на Волоке Ламском" – будущий Волоколамск и др.

Уже во время ранних контактов с восточными славянами древние скандинавы (варяги) называли Русь "Страной городов". Однако часто "городами" называли все укрепленные стенами, рвом и валом селения, в том числе и просто усадьбы феодалов.

Среди наиболее древних по их планировке типов поселений исследователями единодушно отмечаются круговой, кучевой и рядовой, еще и поныне встречаемые в некоторых районах Русского Севера, Карпат, Белорусского и Украинского Полесья. В ходе исторического развития сложились поселения с более новой – улично-рядовой (вдоль рек, дорог, берега озера) или улично-квартальной (городской) – планировкой, полнее отвечавшей изменившимся социально-экономическим условиям жизни общества. Поэтапный процесс внутренних миграций и освоения новых территорий (примерно с XIV в.) привел к сложению на Руси разнообразных форм поземельных отношений, соответствовавших им форм социальной организации и типов сельских поселений – займищ, деревень и др. Появились и другие типы поселений, такие, например, как "починки" ("почин" – начало освоения земли), "выселки" или "приселки" (отделение из села или деревни), "слободы" (от "свободы"), казацки "станции" на Дону, Яике и Тереке, "хутора" (тип однодворного или малодворного крестьянского поселения в период возникновения в деревне капиталистических отношений).

В Белоруссии и на Украине складывались характерные для них формы землепользования и типы поселений. Наиболее массовыми типами поселений белорусов следует считать вёски (ср.: древнерус. весь – село, деревня), аналогичные русским деревням, а кроме того, выселки или приселки, однодворные "застенки" (от стенка – белорус. межа) и др. Для украинцев были типичны села, слободы, хутора. В XIX в. на Украине и юге России селения часто были уже многодворными.

Переходными от сельских поселений к городским типам на Руси являлись

неукрепленные ряды или рядки, торгово-промышленные посады, характерные также для Украины и для Белоруссии. Аналогичны им средневековые белорусские "местечки" (ср. укр. — місто и белорус. — място — город) с их торгово-промышленным населением (ср. мещане).

С развитием капитализма в России некоторые из таких селений превращались в фабричные или заводские поселки; последние, впрочем, возникали и самостоятельно при фабриках и заводах, горных разработках еще с конца XVIII и в XIX в. в Приуралье, на Урале, в Донбассе (чему способствовала приписка деревень государственных крестьян к солеварным, горным, металлургическим и прочим заводам и промыслам). После 1917 г. процесс образования переходных форм поселений продолжался, получив свое выражение, в частности, в возникновении рабочих поселков 20–30-х годов или поселков городского типа нашего времени, по характеру благоустройства ориентирующихся на город с населением, преимущественно занимающимся индустриальным трудом. Интенсивный рост городов и относительное сокращение сельских поселений — типичные черты эволюции поселений у восточных славян в конце XIX и XX вв.

ЖИЛИЩЕ

Характер и планировка сельских и городских поселений у восточных славян на протяжении столетий отражали не только род занятий и социальную организацию населения, но сказывались и на типах жилища. Последние испытывали на себе действие природных и социально-экономических факторов, а также влияние разнообразных строительных традиций. В частности, этнологами выявлены зональные различия планировки восточнославянского жилища, которые связаны, например, с разным местоположением печи, направлением ее устья и т.п.

Древние формы восточнославянского жилища представлены наземными (срубными) постройками, а также землянками и полужемлянками: срубные жилища бытовали преимущественно в лесной и лесостепной зоне, землянки и полужемлянки, частично углубленные в землю, — в центральных и южных районах страны.

Эволюция этих двух основных форм древнего восточнославянского жилища в конечном счете привела к тому, что к XIX в. сложились комплексы крестьянских жилищ, характерные для разных географических зон севера, центра и юга. Так, для русского, белорусского и отчасти североукраинского жилища издавна было типично использование в качестве строительного материала дерева и срубной техники строительства. Для южнорусского и украинского сельского жилища характерно сочетание дерева и глины, а именно использование деревянного каркаса и возведение стен из сырцового или обожженного кирпича, самана (саман — высушенный на воздухе необожженный кирпич, изготовленный из глины с добавлением соломенной резки или других волокнистых материалов) и т.п., а также применение турлужной техники ("турлук" — плетень, обычно с двух сторон обмазанный глинистой массой и побеленный).

С развитием капитализма на территориях России повсеместно стало развиваться "городское" кирпичное строительство (при этом в большинстве случаев сохранялись традиционные формы, материалы и типы построек), применение черепицы и жести на покрытие домов и хозяйственных строений (взамен соломы, драпки и пр.).

Большим своеобразием отличаются старые русские постройки в северных районах (Новгородская, Вологодская, Архангельская и другие области, а также Карелия), где использование дерева и развитие срубной техники достигли высокого уровня. Это крупные жилые и хозяйственные комплексы, образующие дома-дворы, собранные под одной крышей, бани, амбары, риги и другие постройки в противопожарных и практических целях ставились отдельно — ближе к реке или озеру.

Рубленые и украшенные резьбой северорусские избы нередко возводились на высоких (полутора-двухметровых) подклетах над уровнем земли. Сами же дворы строились часто двухэтажными: в нижнем этаже устраивали помещения для скота, а на втором — на повети (повити) — размещали запасы сена, соломы, сельскохозяйственный инвентарь. На верхнюю часть вел особый въезд, по которому въезжали груженные подводы. К двору примыкала жилая часть всей постройки, которая состояла из сеней, избы, горницы и т.п. Композиция и состав жилых помещений сильно варьировали.

В среднерусских и большей части белорусских районов предпочтительным строительным материалом также являлось дерево; техника возведения построек — срубная. Характер народной архитектуры близок к северорусской; усадьбы и жилища меньше по размерам, а также отличаются другими региональными особенностями. Так, в Тверской, Ярославской и других областях Верхнего Поволжья постройки для скота (дворы) возводились позади жилища; в центральных же районах двор обычно устраивался сзади и сбоку от жилища, примыкая к нему. В стороне располагались амбары, овины, гумна и бани.

Избы ставили (отчасти и теперь ставят) на относительно высоких подклетах, хотя и не столь высоких, как на Севере. Полы, как и в более северных областях, деревянные; крыши двухскатные, покрытые дражкой или кровельным тесом, а в прошлом — нередко соломой.

Другая линия в развитии восточнославянского жилища прослеживается в южных районах Восточной Европы — у южных великорусов, большинства украинцев и части белорусов. Здесь жилые и хозяйственные постройки, как уже отмечалось, возводились из разных материалов. Срубные, каркасные и плетневые остовы построек сочетались с использованием саманного или глиняного заполнителя, сырцового или обожженного кирпича с последующей обязательной обмазкой стен глиняным раствором и, наконец, побелкой.

Южнорусские и украинские "малеванные" росписью хаты обычно покрывали соломой или камышом. Крыши были двухскатными (преимущественно в лесостепной зоне) или четырехскатными "круглыми" в степных районах. Пол чаще всего устраивали земляной, регулярно подновляемый глиняным раствором, и несколько углубленный в землю. Жилища в плане имели два-три помещения: хата + сени или хата + сени + камора и др. Такие дома украинцев и части белорусов сохраняли ориентировку фасадов на юг (у южных русских обычно параллельно улице).

Хозяйственные постройки свободно и разбросанно размещались по площади двора (украинский открытый незамкнутый двор), либо по его четырехугольному периметру, образуя внутри открытое пространство — открытый замкнутый двор, распространенный также у южных великорусов.

Восточнославянские жилища имеют общие для них элементы внутренней планировки. В одном из углов жилища обычно располагается духовая печь, рядом с нею полати, на которых спали. В русских северных жилищах они были высокими (выше роста человека над уровнем деревянного пола), у русских южных районов несколько ниже, а у украинцев — просто настил из обструганных досок над земляным полом. У стен жилища обычно ставились тяжелые лавки. Против печи, по диагонали от нее, находился почетный ("святой", "божий", красный) угол, где вешали икону.

С развитием капитализма в городе и проникновением капиталистических отношений в деревню здесь стали использоваться новые строительные приемы и материалы (кирпич, черепица, кровельное железо, цемент и др.), появились новые типы "городских" жилищ, в том числе многокомнатные дома из кирпича и дерева (пятистенки, "крестовики", избы-двойни и др.), окруженные большим количеством подсобных и хозяйственных построек, включая сараи с плугами, молотилкой и другим инвентарем.

В первой четверти XX в. произошли определенные модификации в характере и планировке жилищ за счет их упрощения. Изменился характер обустройства интерьеров, усилилось влияние городских стандартов (однообразная мебель, посуда индустриального производства и пр.).

В 50–80-е годы все более усиливался процесс урбанизации, который сказался на строительстве в сельских районах домов городского облика (как индивидуальных, так и многоквартирных со всеми видами коммунальных удобств) по типовым проектам. В интерьерах таких жилищ — чаще всего более или менее стандартные наборы мебели, ковров, посуды, радиоаппаратуры, телевизоров и т.п.

Впрочем, в последние десятилетия в отдельных регионах расселения восточных славян наблюдается тенденция к возрождению национальных традиций.

ОДЕЖДА

Народный костюм русских, украинцев и белорусов отразил многообразие их исторического развития, сложные межэтнические процессы.

Некоторые элементы восточнославянской одежды, уходящие своими корнями в глубину веков, являются общими для всех трех народов: женская туникообразная рубаха, некоторые формы набедренной одежды, полотенчатый головной убор, плетеная обувь (лапти) и другие, в которой отчетливо прослеживаются многие локальные варианты. В классической этнографии за традиционный "национальный" костюм обычно принималась крестьянская одежда. Так, в одежде русских можно выделить севернорусский, южнорусский и среднерусский комплексы, соответствующие трем основным субэтническим подразделениям русского народа. Для севернорусского женского комплекса одежды характерны рубахи с прямыми поликами (плечевыми вставками), сарафаны различных фасонов, в том числе так называемые косоклинные, и душегрейки. Женские головные уборы были разнообразны и сложны: кокошники, покрытые сверху платками и расшитыми покрывалами, собственно платки и т.д. Девичий летний головной убор у всех восточнославянских народов отличался от головного убора замужней женщины тем, что он не закрывал темени и волос (лента, очелок, венец, перевязка и т.п.). Женские и девичьи праздничные головные уборы вышивались (в том числе бисером, речным жемчугом) серебряным или золотым шитьем.

Южнорусский женский комплекс одежды состоял из длинной рубахи с косыми поликами (на плечах вшивался клин острием книзу), паневы (несшитой набедренной одежды, образующей нечто вроде юбки, чаще всего из клетчатой ткани), имевшей много разновидностей. В некоторых районах, кроме паневы, были известны сарафан или полосатая юбка. Поверх паневы и рубахи женщины надевали фартук (занавеска, запан). Кроме того, в южнорусских районах бытовали холщевая юбка (подол), нагрудник (навершник, шушун). В среде южнорусского населения были распространены различные типы кичкообразных (на твердой основе, изготовлявшиеся из проклеенного холста) головных уборов, состоящих из нескольких частей, в том числе надеваемого сверху покрывала ("сороки"), или завязанного особым способом полотенца. Встречались даже и "рогатые" головные уборы, прототипы которых, как полагают, восходят к эпохе Киевской Руси.

Среднерусский женский комплекс одежды сочетал в себе черты северного и южнорусского типов костюма. Наличие сарафана, вытеснившего паневу, и кокошника придавали ему сходство с севернорусским женским костюмом. Впрочем, типы головных уборов, характер украшений приближают этот комплекс к южнорусскому. Для среднерусского комплекса характерно появление в XIX в. юбки и блузки, в значительной степени вытеснивших прежние традиционные элементы народного костюма.

Некоторой спецификой выделялся женский западнорусский костюм, обя-

зательную часть которого составлял полотенчатый головной убор и особого вида ланева или полосатая юбка "андарак". Интересны были также типы казачьих костюмов, на формирование которых большое влияние оказали военизированный быт казачества, культурные, экономические и семейно-родственные связи с соседними (в том числе кавказскими и другими) народами. Черты своеобразия имела также одежда русского населения Сибири. На ней сказалась конфессиональная неоднородность (значительное количество старообрядцев) и этнические особенности переселенцев из разных районов европейской части России.

Меньше вариантов имел мужской русский крестьянский костюм. Традиционный мужской костюм состоял из холщевой рубахи с прямым разрезом ворота (косоворотки — это, вероятно, относительно позднее явление), холщевых или суконных штанов с "узким шагом".

Основными материалами для мужских головных уборов служили мех (овчина), войлок, сукно и другие ткани. Часто головной убор служил признаком принадлежности к определенной социальной группе или сословию. Так, в XVI–XVII вв. высокие шапки были привилегией князей и бояр, более низкие (конической формы из сукна и меха) носили менее знатные слои населения. Валяные войлочные шапки ("шляпа", "кашник", "шилек") имели очень широкое распространение в России. К мужским головным уборам, имеющим форму полушария относились "треух" или "чебак". Цилиндрическую форму имел севернорусский "гречушник", который носили с "переломом". В XIX в. распространились картузы, вытеснившие многие летние головные уборы.

Верхняя мужская и женская одежда восточных славян в целом однотипна; она различается не столько материалом, покроем и фасоном, сколько названиями. Часто одежда одного и того же вида в разных местах имела разные названия. Это овчинные шубы и полушубки, зипуны, сермаги, чекмени и т.п. Их шили из разных тканей, и они были разного покроя: с прямой или отрезной спинкой, со сборками по спине, с клиньями, имели неодинаковую длину и фасоны воротника.

Русская крестьянская обувь также имела некоторые региональные особенности. Самой распространенной обувью были лапти, плетеные из липового лыка и бересты. На севере носили обувь из сыромятной кожи (поршни). Кожаные сапоги в крестьянском быту считались признаком известной зажиточности. В начале XIX в. в Нижегородской губернии появились высокие валяные из шерсти сапоги (валенки). До того времени валяную обувь делали в виде высоких галош из войлока ("чуни"). В конце XIX в. в русскую деревню проникла мода на обувь фабричного производства и на резиновые галоши.

Комплексы народной украинской одежды имели ряд локальных вариантов. Наиболее распространенной и типичной считают одежду населения Среднего Поднепровья. Важной частью мужского и женского костюма была рубаха трех видов — туникообразная, с поликами (с "установками") и на кокетке. Разрез на груди в мужской сорочке (пазушка) делался чаще всего прямым. Женские сорочки шили с цельнокроенными рукавами, пришитыми к станку по основе ткани, с прямыми поликами. На сорочку могла надеваться корсетка.

Поясной одеждой украинок, которую носили поверх рубах, служили плахта (несшитая ткань, оборачиваемая вокруг бедер), запаска (передник, нередко два, закрепленные спереди и сзади в виде несшитой юбки), дерга (три вертикальные полотнища, закрепленные на поясе в виде юбки). Мужчины носили обычно штаны с "узким шагом", а в некоторых украинских областях (возможно под влиянием кочевников) — широкие шаровары.

Верхней мужской и женской плечевой одеждой служила суконная свита различных фасонов (со сборками по талии, на бедрах, с клиньями от линии талии), кожухи, кобеняки, тулупы. Весьма разнообразны головные уборы украинских женщин: чепец ("очіпок"), покрываемый сверху платком, полотенчатые уборы (намітка, серпанок), платки. Девушки заплетали косы, украшая их венками и

лентами. Мужчины зимой носили меховые шапки конической или цилиндрической формы, а летом соломенные шляпы (бриль, капелюх).

Обувью служили лапти (личаки), постолы (мокасинообразная обувь из одного или двух кусков кожи) и пр. Зажиточная часть населения носили черевики, сапоги (чоботы).

Большим своеобразием отличался традиционный народный костюм жителей украинского Подолья, на который оказали влияние этнокультурные связи с соседними народами. Множество архаических черт сохранилось в народной одежде гуцулов, лемков и бойков.

Не менее красочна традиционная народная одежда белорусов. Мужской костюм состоял из длинной туникообразной сорочки (кашуля) с прямыми поликами ("палек", "вустаука") и прямым разрезом на груди. Ее носили навыпуск, подвязывая поясом. В костюм входили штаны с "узким шагом" ("порткі", "наговиці") и поясом. Иногда мужчины носили безрукавку.

В женский традиционный костюм входила сорочка с прямыми поликами. Сорочка могла быть на кокетке или сшита из двух частей и т.п. Воротник, манжеты, полки сорочки богато вышивались.

Наиболее распространенным видом поясной одежды у белорусов были спитая юбка ("андарак", "спадніца"). На границе с украинским и южнорусским населением встречалась панева, плахта. Непременной частью женского белорусского костюма была богато орнаментированная безрукавка, фартук и яркий пояс.

Верхней одеждой у белорусов (как мужчин, так и женщин) служила суконная свита ("сярмяга"), чаще белого или серого цвета. По покрою она близка к украинской и русской верхней одежде. В отдельных районах встречались и другие ее разновидности, в том числе изготовленные из грубого дмотканого полотна. Зимой носили кожухи из овчины.

Разнообразны традиционные головные уборы белорусов. Как правило, это общеславянские полотенчатые уборы (например, намітка), платок (хустка) и др. Девушки носили венки, украшенные лентами и бусами. Мужские головные уборы — валяные войлочные без полей шапки (магеркі), войлочные широкополые (капалюшы), меховые и суконные шапки, соломенные шляпы (бриль).

Самой распространенной мужской и женской обувью у белорусских крестьян были лапти, общеславянская кожаная обувь (пасталы и др.), валенки и др. В конце XIX в. стали появляться сапоги, ботинки, башмаки.

В одежде восточных славян отразилось социальное, в том числе сословное, деление общества. Заметно выделялась одежда российского дворянства. Ее шили по западноевропейским образцам, строго следуя законам моды. Купечество, мещане и другие сословные группы населения имели свои комплексы одежды, но с конца XIX в. постепенно также все шире стремились следовать модам господствовавших слоев общества. В их быт постепенно входило ношение "городского костюма". Встречались и смешанные варианты одежды (в традиционный костюм добавлялись отдельные новые элементы).

С развитием капиталистических отношений в России и с распространением фабричных тканей, а также с проникновением в массы городских мод традиционная крестьянская (и других сословий) одежда постепенно начала исчезать из повседневного обихода. В настоящее время одежда восточнославянского городского и сельского населения мало различается. Народный костюм можно встретить чаще на национальных праздниках, фестивалях, в выступлениях фольклорных ансамблей, в музеях, чем в живом бытовании.

В наши дни, однако, растет интерес к национальным формам костюма. В частности, это находит выражение в использовании традиций народного костюма в моделировании новых образцов современной одежды.

РЕЛИГИЯ И ВЕРОВАНИЯ

Русские, украинцы и белорусы, начиная с конца X в. н.э., исповедуют христианство православного толка; часть населения Западной Белоруссии исповедуют католицизм, а Западной Украины – уния́тство. Кроме того, большое распространение в России в прошлом имели некоторые оппозиционные официальной церкви религиозные движения – старообрядчество (раскол) и сектантство.

Старообрядцы, или "староверы", делились на имевших священников "поповцев" (большинство), не имевших их "беглопоповцев" и "беспоповцев" ("поморское согласие", федосеевцы, спасовцы, филипповцы и др.). Среди сектантов представлены немногочисленные группы "духовных христиан" (духоборов) – религиозного течения, сильно отличавшегося от православия и старообрядчества (помимо них следует также назвать секты субботников, молокан, хлыстов и др.). Среди части русских, украинцев и белорусов имеет распространение сектантский протестантизм – баптизм, пятидесятничество, адвентизм седьмого дня и др. Особенностью русского быта стала еще одна специфическая полурелигиозная категория "странников" и "странниц" (богомолов), юродивых и кликуш, живущих подаянием. Это были чаще всего "калики перехожие" – старики и старухи, совершавшие хождения к "святым местам" и рассказывавшие об этом за хлеб и ночлег.

Если старообрядчество (будучи одной из форм социального протеста в религиозной форме) возникло во второй половине XVII в. (как реакция на церковную реформу патриарха Никона) и распространилось среди городского и сельского населения страны, то российское сектантство появилось позднее, в XVIII–XIX вв. Большие группы старообрядцев, уходя от преследований царской администрации, долгое время жили на севере России, в Заволжье и Предуралье, "в лесах" и "на горах", постепенно переселяясь за Камень (Урал), в Сибирь, на Алтай и в Забайкалье.

У русских староверов всегда была выражена обрядовая сторона религии, отмечалось строгое соблюдение религиозных требований и запретов (например, запрет бритья бороды и усов, курения табака и питья спиртных напитков, общения с иноверцами и православными-никонианами, для которых наиболее ортодоксальные последователи старой веры держали в доме отдельную посуду и т.д.). Если основной "ересью" с точки зрения православного вероучения у русского населения всегда являлось старообрядчество различных течений со своими "толками", то на юге России, в Белоруссии и на Украине, как правило, преобладало не признававшее церковный обрядности сектанство (в том числе и наиболее известные из мистических сект, порой изуверского характера, – "трясуны", "хлысты", "скопцы" и др.).

Для середины – второй половины XIX в. характерно было нарастающее гонение на инаковерующих – старообрядцев и сектантов. Царская администрация строго следила за "раскольниками" и сектантами, деятельностью их священников и "уставников", религиозной агитацией и "сворачиванием" православных, передвижениями по стране. В это время правительством был издан ряд указов и циркуляров о староверах и сектантах (например, о запрещении строительства модельных домов и старообрядческих часовен и скитов).

Пестрая палитра религиозных толков и вероучений во всех слоях дореволюционного населения России дополнялась рядом элементов архаических, дохристианских воззрений и суеверий, входивших органической частью в бытовое народное православие (например, древняя вера в колдовство, "порчу", "сглаз", "наговор" и т.п.). Это накладывало специфический отпечаток на многие стороны жизни и быта не только "русской глубинки", но и многих крупных и провинциальных городов страны, особенно торгово-купеческих и кустарно-промышленных.

Примечательно, что отдельных христианских "святых" народ наделял чертами своих старых языческих богов: например, Илья-Пророк "ведал" громами и молниями, как архаический Перун, Георгий-Победоносец и св. Власий почитались

покровителями скота и пастухов, как древний славянский Велес, Николай-Угодник помогал ремесленникам, морякам, путникам и купцам, Параскева-Пятница считалась заступницей и покровительницей женщин и женских занятий, как языческая Мокошь, и т.д.

В повседневном быту русских, украинцев и белорусов, кроме того, продолжали сохраняться и следы былого почитания языческих божеств низшего ранга — домовых (дедко, батюшка и др.), леших, русалок, водяных, упырей, кикимор и т.п., а также почитания животных (медведя, волка, курицы и петуха, вороны, голубя и др.). При этом в некоторые церковные обряды вошли отдельные элементы древнего язычества, например ритуал обведения коней вокруг церкви в праздник святых Флора и Лавра или обряд "угощения медведя" в медовый спас, "кутья" (сладкая каша) на христианских поминках и др.

Широко и своеобразно отмечались в прошлом в селах, деревнях и станицах храмовые (престольные) праздники — дни святого патрона-покровителя церкви и селения, в честь которого была воздвигнута та или иная приходская церковь. В такой день на праздник съезжались родственники и друзья, просто жители соседних сел и деревень, проводился торжественный молебен, свершалась общественная трапеза, происходило народное гулянье. В казачьих станицах все это сопровождалось к тому же еще и джигитовкой.

Значительное место в крестьянском быту занимали народные обычаи, связанные с традиционной календарной обрядностью: рождество, масленица, пасха, троица, праздник Ивана Купалы, яблочный и медовый спасы и др. В их проведении, в традиционных народных ритуалах и гуляньях особенно заметны многие рудименты старой языческой аграрной обрядности, существовавшей у восточных славян в течение веков. Как известно, православная церковь лишь вписала в этот цикл христианские праздники, слившиеся в единый комплекс восточнославянской религиозной обрядности, пронизанной древними языческими чертами.

В последнее время повсеместно наблюдается не только интерес к православному религии, но и тенденция к возрождению многих традиционных обычаев и обрядов русских, украинцев и белорусов в виде проведения встреч и проводов "русской зимы", празднования масленицы, "березки" "праздников урожая" и т.п., продолжающих культурные традиции восточнославянских народов.

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО И ФОЛЬКЛОР

Народное художественное творчество восточных славян, опирающееся на многовековые истоки и традиции, имеет широкий набор видов и жанров. Некоторые из них отчасти связаны с народными верованиями, семейной и календарной обрядностью русских, украинцев и белорусов. К числу наиболее выразительных жанров устного словесного и музыкального фольклора относятся народные обрядовые песни, сопровождавшие все семейные и календарные праздники, свадебные и похоронные плачи-причитания, рождественские колядки и жнивные песни и т.п., сказки животного цикла, волшебные сказки, пословицы и поговорки, былинно-эпическая поэзия, загадки и др. В настоящее время обрядовая поэзия восточных славян сильно сократила сферу своего бытования.

Многообразна и богата сюжетами народная лирическая песня белорусов, русских и украинцев (любовная, семейная, солдатская и др.). Имели распространение народные игры, народная драма и театр (у русских хорошо известен народный кукольный театр "Петрушка", у украинцев и белорусов — "вертел"). Меньше известен театр живых (разумеется, самодеятельных) актеров, возникший в конце XVII — начале XVIII в., с его наиболее популярными драмами "Царь Максимилиан" и "Людка". В XIX в. во многих русских селениях и городах бытовали весьма популярные формы массового народного театра — бродячие актеры, пля-

суны, циркачи-акробаты и другие, выступавшие на городских ярмарках и площадях.

Огромен сказочный эпос, повсеместно бытовавший у русских, украинцев и белорусов. Восточнославянский сказочный фольклор хорошо изучен, тематика, сюжеты и мотивы его подробно проанализированы и систематизированы рядом исследователей XIX–XX вв. Из современного повседневного быта русских, украинцев и белорусов сказки почти исчезли, вытесненные литературными формами: теперь сказки, да и те в литературной обработке, рассказывают (а чаще читают) только детям.

Ярким проявлением устного народного творчества является русский героический эпос – былины, собранные на Русском Севере (местное название – старины), хотя по своему содержанию эпос связан со старейшими культурными и политическими центрами Древнерусского государства – Киевом и Новгородом. Близки по характеру к былинам исторические песни (на Украине – "думы"), исполняемые нараспев. Украинские "думы" чаще всего исполнялись слепыми певцами – кобзарями и бандуристами, ходившими от селения к селению и кормившимися этим.

Содержание более позднего фольклора у русских, украинцев и белорусов, как правило, отражает основные вехи истории общества и государства. Это песни, частушки, городской романс, устные рассказы, в частности о Великой Отечественной войне, о героях-партизанах и т.п. В последние годы фольклористы начали серьезно собирать и изучать новые жанровые песни, свидетельствующие о том, что народное поэтическое творчество не иссякает и в наши дни.

Необычайно богато и разнолико народное музыкальное (песенное) творчество русских, украинцев и белорусов. В песнях нашла свое отражение тяжелая трудовая жизнь народа, борьба с завоевателями, угнетенное положение женщины и др. Восточнославянская музыка вдохновляла многих выдающихся композиторов прошлого века: М.И. Глинку, А.С. Даргомыжского, М.П. Мусоргского, А.П. Бородина, П.И. Чайковского, А.Н. Серова, Н.А. Римского-Корсакова, Н.В. Лысенко, С.С. Гулак-Артемовского и др.

В белорусской, русской и украинской народной музыке вокальная сторона, как правило, преобладала над инструментальной. Ее характерная черта – многоголосие. В отдельных областях России, Белоруссии и Украины в манере исполнения прослеживается ряд особенностей.

Древнейшим струнным музыкальным инструментом, изображенным уже на одной из фресок Киевского Софийского собора XI в., являлись славянские гусли (найжены также в раскопках древнего Новгорода и других русских городов). С XVI в. на Руси известны смычковые инструменты – гудок, домра (по некоторым данным, она была известна еще в домонгольское время). В конце XVIII в. появилась знаменитая русская балалайка, а в первой половине XIX в. – гитара. На Украине в прошлом были широко популярны лира, кобза и др. Позднее их почти полностью вытеснила украинская бандура. Из народных духовых инструментов восточных славян известны рожок, жалейка и волынка. В XIX в. и в сельской местности, и в городе стала известна гармоника (гармонь) в ее различных областных вариантах.

В настоящее время среди русских, украинцев и белорусов отмечается большой интерес к народной музыке. Появилось большое число народных любительских и профессиональных фольклорных ансамблей. Отечественные композиторы широко используют материал народного музыкального творчества, продолжающего развиваться и в наши дни.

С глубокой древности у восточных славян существовали пляски и танцы. Обычно они сопровождались пением и исполнялись под музыку. Так, для русских крестьян повсеместно были характерны хороводы. У северных великоруссов хороводы отличались плавностью и величавостью; у южных – они были более быстрыми и оживленными. В конце XIX в. появились новые танцы, заимствованные

из городского быта, — "барыня", "камаринская", различные виды кадрили, лансы ("ланчик") и др. Массовые старинные пляски — "метелицы", "веснянки" — сохранились у украинцев. Начиная с XIX в. они успешно сосуществуют с новыми танцами типа "казачок" и "гопак". К числу старинных белорусских танцев, сохранившихся до наших дней, можно отнести "лявоницу", "крыжачок" и др. Мировую известность приобрели такие хореографические профессиональные ансамбли, как "Березка". Ансамбль народного танца под управлением И.А. Моисеева, прославленный русский народный хор им. Пятницкого с его танцевальной группой, украинская хоровая капелла "Думка" и др.

Ярко и привлекательно декоративно-прикладное искусство русских, украинцев и белорусов. Вышивкой и узорным тканьем покрывалась праздничная народная одежда восточных славян. Мастерицы многих областей России плели кружева (этот промысел кое-где сохранился до наших дней). Резьбой украшались дома у русских на Севере, в Поволжье и в Центре России, богато расписывались стены, печи, утварь на Русском Севере, хаты и печи украинцев и т.д.

География распространения многих народных промыслов и ремесел восточных славян связана с природными условиями того или иного региона, особенностями социально-экономического развития и конкретной историей отдельных районов расселения русских, украинцев и белорусов. Например, широкое распространение получила деревянная резьба в богатых лесом районах Верхнего и Среднего Поволжья, на западе и севере европейской части страны (у русских и белорусов), в лесных районах Прикарпатья (у украинских гуцулов); роспись утвари на Русском Севере и домов в степных районах Украины. Практически для всех восточнославянских народов характерно узорное ткачество и украшение одежды вышивкой. Этнические или областные различия в декоре прослеживаются главным образом в орнаментике и цветовой гамме тканей. Интересны и другие различия. Так, вышивка жемчугом была распространена на Русском Севере, а вышивка бисером — на Украине и т.п.

В России на основе местных крестьянских промыслов и ремесел возникли центры художественного производства, теперь широко известные всему миру. До сих пор славятся своими изделиями гончары подмосковной "голубой Гжели", подлинными произведениями искусства являются расписные шедевры "золотой Хохломы" (Нижегородская обл.), лаковые миниатюры Палеха (Ивановская обл.), Федоскина (Московская обл.) и Мстеры (Владимирская обл.), жестовские расписные подносы (Московский обл.), изящная резьба по моржовой кости (Архангельская обл.) и др.

НЕСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

НАРОДЫ ВОЛГО-КАМЬЯ

Восточную Европу помимо восточных славян населяют многие народы, различающиеся по своему происхождению и культурно-бытовому облику.

Особый историко-этнографический регион Восточной Европы представляет Волго-Камье, в котором живут шесть крупных народов, имеющих свои национальные автономии: поволжские, или казанские татары, в Татарии их 1765 тыс. человек; чувашаи – 1839 тыс. человек, в Чувашии – 905,6 тыс. (49,2%); башкиры – 1449,4 тыс. человек, в Башкирии – 863,8 тыс. (59,6%); мордва – 1153,5 тыс. человек, в Мордовии – 313,2 тыс. (27,2%); удмурты (в прошлом – вотяки) – 746,5 тыс. человек, в Удмуртии – 496,3 тыс. (66,5%); марийцы (в прошлом – черемисы) – 670,2 тыс. человек, в Марийской республике – 324 тыс. (48,3%) (численность народов в этой главе дана по переписи населения в 1989 г.).

В лингвистическом отношении все народы Волго-Камья делятся на две группы. Одну из них составляют удмурты, марийцы и мордва, говорящие на языках финно-угорской группы уральской языковой семьи, другую – чувашаи, татары и башкиры, языки которых принадлежат к тюркской группе алтайской языковой семьи.

По расовой принадлежности все названные народы относятся к разным антропологическим типам большой европеоидной расы, среди которых преобладают типы, сочетающие в себе помимо европеоидных также в большей или меньшей степени монголоидные признаки. Это объясняется тем, что Волго-Камье входило в ареал древнего смешения европеоидных и монголоидных типов. Смешанные типы ярче всего представлены среди финно-угорского населения, кроме мордвы-эрзи, не имеющей признаков монголоидности. Среди тюркских народов Волго-Камья, особенно среди башкир, встречаются типичные монголоиды, но их процент незначителен.

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Область, где, по мнению большинства исследователей, происходило формирование уральской языковой семьи, лежала по обе стороны Уральского хребта. В восточной части этой территории складывались самодийские языки, в западной – угро-финские. В конце III тысячелетия до н.э., как полагают лингвисты, произошло отделение финнов от угров. В эпоху бронзы (II тысячелетие до н.э.) началось постепенное распространение финноязычных племен из района Прикамья на запад вплоть до Балтийского моря. При этом они смешивались с местным населением и испытывали его культурное воздействие.

В раннежелезном веке в Волго-Камье сложилась ананьинская археологическая культура (VIII–III вв. до н.э.), носители которой явились далекими предками коми-зырян, коми-пермяков, удмуртов и отчасти марийцев. Начало формирования современных финноязычных народов Волго-Камья относится к первой половине I тысячелетия н.э.

Археологические исследования последних лет в пределах Удмуртии и прилегающих районов позволили более полно представить картину этногенеза удмуртского народа. Формирование древнеудмуртской этнолингвистической общ-

ности протекало преимущественно в южной части Камско-Вятского междуречья, захватывая правобережье Камы и ее притоков Ижа и Тоймы, а также в бассейне р. Вятки, включая ее правобережные притоки. В среднем течении р. Вятки сложился древнеудмуртский племенной союз ватка, распространившийся и на верховья Вятки.

Бассейн р. Чепцы, считавшийся прежде изначальной областью формирования удмуртов, был освоен древними удмуртами сравнительно поздно. В конце I тысячелетия н.э. сюда пришли удмурты племени калмэз из левобережных районов среднего течения Вятки и смешались с местным населением. Позднее в XIII в. в этот район начали переселяться удмурты племени ватка.

Продвигавшиеся с запада в бассейны Пижмы и Вятки марийские племена потеснили удмуртов на левобережье Вятки, на территорию калмезов.

Своеобразие социально-экономического и этнического развития удмуртов в последующее время привело к образованию среди них двух крупных этнографических группировок — северной и южной, внутри которых прослеживались отдельные этнографические группы.

Особый компонент в удмуртском этносе составляют бесермяне, живущие в бассейне р. Чепцы; в настоящее время бесермян отличают от удмуртов. Происхождение бесермян до сих пор не выяснено. Одни исследователи считают их потомками волжских булгар или какой-то другой группы тюрков, переселившихся из Нижнего Прикамья на Чепцу, другие видят в них южных удмуртов. После присоединения Удмуртского края к России начался процесс консолидации удмуртской народности.

Область формирования марийских племен охватывала правобережье Волги между устьями Суры и Цивили и противоположное левобережье вместе с Нижним Поволжьем. Основу их составили потомки ананьинцев, испытавших этническое и культурное воздействие позднегогородских племен — предков мордвы. Из этого района марийцы расселялись в восточном направлении вплоть до р. Вятки, где они вошли в соприкосновение с удмуртскими племенами, и в южном, где граница их расселения доходила до р. Казанки. Ко времени включения Марийского края в состав России марийский этнос состоял из ряда групп, различавшихся своими диалектами, особенностями материальной и духовной культуры и этническим самосознанием. Позднее, под воздействием более тесных социально-экономических связей, особенно с развитием капиталистических отношений, эти группировки консолидировались в марийскую народность.

До сих пор сохраняется деление марийцев на горных, луговых и восточных. Горные марийцы, живущие по правобережью и на противоположном левом берегу Волги, отличаются от других групп марийцев своим наречием и некоторыми особенностями традиционной культуры. Луговые марийцы, составляющие большинство марийского народа, занимают Волго-Вятское междуречье. Восточные марийцы сложились из переселенцев с луговой стороны Волги и Башкирию и Приуралье.

Древнемордовские племена формировались в междуречье Оки и Волги на основе местного финноязычного населения, которое оставило, по-видимому, памятники позднегогородской археологической культуры. В начале I тысячелетия н.э. здесь образовалось несколько этнолингвистических группировок предков мордвы, которые в процессе исторического развития вступали во взаимодействие с различными ираноязычными и тюркоязычными племенами на южных границах своего расселения. На севере и западе мордва длительное время находилась в тесных контактах с восточными славянами. Часть мордвы обрусела. Ко времени включения Мордовии в состав России среди мордвы выделялись две крупные группы: мокша и эрзя. Мокша окончательно сложилась в бассейне рек Мокши и Цны, эрзя — в междуречье Оки и Суры. Дальнейшее этническое развитие этих групп привело к образованию двух близких по происхождению народностей (мокша и

языка) со своими языками, этническим самосознанием и особенностями материальной и духовной культуры. В XVII–XVIII вв. происходило постепенное движение мордвы на восток, в Заволжье и Башкирию. К концу XIX в. мордва расселилась на обширных пространствах, но не сплошными массивами, а чересполосно с русскими и татарами.

Формирование тюркоязычных народов Волго-Камья происходило на занимаемой ими в настоящее время территории в процессе этнокультурного взаимодействия пришлых в разное время различных групп тюрков с местной, преимущественно финно-угорской этнической средой. До сих пор не решен вопрос о времени появления первых тюрков в Среднем Поволжье. Многие исследователи считают, что проникновение тюрков в этот регион началось в первой половине I тысячелетия н.э. Наиболее крупной волной было переселение в VII–VIII вв. болгар из степей Северного Кавказа и Приазовья. Заняв территорию преимущественно на левом берегу Волги, ограниченную с севера Камой, а на юге простиравшуюся до Самарской луки, кочевники-болгары пришли в соприкосновение с местным финно-угорским населением. В X в. болгары создали государство – Волжскую Булгарию, игравшую значительную роль в экономической и политической жизни Восточной Европы. В XIII в. это государство пало под ударами монголо-татар. Его города (Булгар, Биляр, Сувар и др.) подверглись разрушению. Значительная часть населения погибла или была уведена в плен, многие отошли в леса к северу от Камы и в правобережные районы Поволжья.

Население Волжской Булгарии приняло участие в формировании чувашей, поволжских, или казанских, татар и башкир.

Проблема происхождения чувашей до сих пор остается невыясненной до конца. При ее решении главное внимание уделяется чувашскому языку, который, будучи тюркским, занимает обособленное положение среди других тюркских языков. Он резко отличается от соседних близкородственных – татарского и башкирского языков. Большинство исследователей рассматривает его как один из древнейших тюркских языков и включают его в одну группу с ныне исчезнувшими булгарским и хазарским языками. Однако существует также мнение, что своеобразие чувашского языка сложилось под влиянием какого-то финно-угорского языка, с которым он находился в длительном контакте.

Считается, что непосредственными тюркоязычными предками чувашей являются сувазы (суары, сувары), входившие в состав Булгарского государства. Расселившиеся по правобережью Волги (особенно после разгрома монголо-татарами Волжской Булгарии) болгары-сувазы смешивались с жившими там горными мари́йцами. Это смешение отразилось в лексике чувашского языка, а также в формировании этнографической группы чувашей-ви́рьялов (верховых, по течению Волги), которые в традиционной культуре имеют много общего с горными мари́йцами и отличаются от юго-восточных чувашей-анатри (низовых). От сувазов происходит самоназвание чувашей. Под этим наименованием чуваша сравнительно поздно (начало XVI в.) появляются на страницах письменных источников. До этого, по-видимому, они выступали под именем "горной черемисы" вместе с горными мари́йцами.

Основными тюркоязычными предками поволжских татар были болгары, отошедшие после разгрома Волжской Булгарии в лесные области к северу от нижнего течения Камы. Там они смешивались с местным финноязычным населением – луговыми мари́йцами и удмуртами. Вторгшиеся на территорию Среднего Поволжья монголо-татары не оказали существенного влияния на формирование поволжских татар. В антропологическом отношении татары ближе всего стоят к булгарам.

В период существования Золотой Орды и во время образования Казанского ханства (XV в.) часть кыпчаков осела в Заволжье, влившись в местную булгаро-язычную среду. Население Казанского ханства долгое время называлось булгарами и казанцами, затем возобладал этноним "татары". Этот термин известен давно.

Еще до н.э. им называли племена, жившие по соседству с Китаем. Позднее под этим термином известен крупный союз тюркских и монгольских племен. Свое возвышение монголы начали с победы над татарами. В период монголо-татарских завоеваний данный этноним получил очень широкое распространение. Он закрепился за населением Золотой Орды, большинство которого составляли кыпчаки.

В процессе формирования татарского населения Поволжья и Приуралья участвовали также мишари. Происхождение мишарей до сих пор не выяснено. Некоторые исследователи считают их потомками отюреченной финно-угорской мешеры. Высказывается также мнение, что мишари по происхождению связаны с одним из древнейших тюркских племен, вошедших в состав многих народов (венгров, волжских булгар, башкир, мордвы и др.). В мишарях также видят потомков средневековых тюркоязычных буртасов. В настоящее время мишари называют себя татарами. Небольшие их группы проживают в Мордовии, Татарии, Башкирии, а также в областях к западу и востоку от Волги. Мишари составляют большинство татарского городского населения.

Таким образом, среди татар Волго-Камья выделяются две основные их группы: собственно поволжские, или казанские, татары и татары-мишари. Кроме того, существует небольшая группа татар-кряшен (крещеных татар), отличающаяся бытовыми особенностями.

Сложно протекал этногенез башкир. Основу их составили тюркские племена центральноазиатского происхождения, которые под названием баджгардов и бурджан были зафиксированы источниками VII–VIII вв. в районе Приаралья и Сырдарьи. Оттуда эти племена в составе печенежского союза племен в VIII в. продвинулись в прикаспийские и северокавказские степи. Затем в конце VIII – начале IX в. предки башкир вслед за булгарами отошли на север в степные и лесостепные районы, расположенные между Волгой и Уралом. Сравнительно небольшая территория Бугульминской возвышенности, ограниченная с севера и востока течением р. Белой, с запада – левыми притоками Волги и с юга степями, примыкающими к р. Самаре, стала местом, где в IX–X вв. шел процесс формирования древнебашкирского этноса, ставшего известным под названием башкорт. В этот период в состав башкир влились близкие им по культуре кочевые булгаро-мадьярские племена, жившие по соседству в приуральских степях. Там же, в Приуралье, древние башкиры смешивались с ранее поселившимися в тех местах финно-угорскими, сармато-аланскими, угорско-самодийскими племенными образованиями.

В период монголо-татарского нашествия и господства Золотой Орды происходила дальнейшая кыпчакизация башкир, начавшаяся еще в домонгольский период. Кыпчаки оказали большое влияние на формирование башкирского языка, который относится к кыпчакской ветви тюркских языков.

После распада Золотой Орды в XV – начале XVI в. башкиры подпали под власть ногайских ханов. Лучшие кочевья башкир особенно на юге, были заняты ногайцами. Под давлением ногайцев башкиры продвинулись на север, где вошли в соприкосновение с финноязычными и угорскими (манси) народами и частично смешались с ними. Длительные контакты с кочевниками-ногайцами привели к вхождению части ногайцев в состав башкир. Последние значительные вкрапления иноэтнических элементов в башкирский этнос происходили в XVII–XVIII вв., когда на территории Северо-Западной Башкирии поселились выходцы из Поволжья – татары, марийцы, удмурты и мордва. Особенно интенсивное этнокультурное взаимодействие было между татарами и башкирами, чему способствовало родство их языков.

Ко времени присоединения Башкирии к России (XVI в.) башкирский этнос находился на пути консолидации в народность, которая оформилась уже в рамках Российского феодального государства.

В дореволюционный период этническое развитие народов Волго-Камья не

пошло дальше стадии народности, за исключением татар, ставших на путь консолидации в нацию. После Октябрьской революции все народы Волго-Камья получили свои национальные автономии, в пределах которых и шло образование наций.

Этническое развитие народов Волго-Камья в современных условиях идет по линии дальнейшей консолидации наций, при этом происходит стирание культурных различий между входящими в них этнографическими группами. Исключение составляет мордва, внутри которой продолжает четко сохраняться деление на мокшу и эрзу, имеющих свои литературные языки. Отдельные группы выходцев из коренных народов, живущие за пределами своих национальных автономий, испытывают постоянное воздействие культуры и языка иноэтнического окружения, и если эти группы крупные, как, например, восточные марийцы, живущие в Башкирии (более 100 тыс.) среди татар и башкир, то они продолжают сохранять свою этнографическую специфику, язык и этническое самосознание. Если же эти группы небольшие, то они постепенно ассимилируются окружающим населением, как, например, марийцы, проживающие среди русских в Нижегородской и Кировской областях.

Этнокультурное взаимодействие в многонациональном регионе Волго-Камья получило в наше время еще большее развитие благодаря широкому распространению русского языка как средства межэтнических контактов.

ХОЗЯЙСТВО

С давних времен основными занятиями народов Волго-Камья были земледелие и скотоводство. В XIX в. в земледелии господствовала трехпольная система. Пахотными орудиями служили различные виды сохи и тяжелый деревянный плуг — сабан, применявшийся для поднятия тяжелых почв и целины. Скотоводство имело подсобное значение и было тесно связано с земледелием. Исключение представляли башкиры, которые до XVII в. были скотоводами-кочевниками и полукочевниками. По мере сокращения пастбищ они постепенно переходили к оседлому образу жизни и к земледелию. Древними занятиями народов Волго-Камья были также охота и бортничество. С вырубкой лесов эти промыслы пришли в упадок. Вместо бортничества появилось пасечное пчеловодство.

В период капитализма развивалась лесная промышленность, возникали мелкие предприятия по обработке местного сырья, широкое распространение получили кустарные (связанные преимущественно с обработкой дерева) и отхожие промыслы. Последними больше других занимались татары и мордва.

В советское время в Волго-Камье стала создаваться тяжелая промышленность по добыче и переработке нефти, горнорудная, машиностроительная, металлообрабатывающая, бумажно-целлюлозная, а также различные отрасли легкой промышленности. Сложился национальный рабочий класс. Развитие промышленности привело к росту старых и строительству новых городов, значительный процент населения которых составляют выходцы из коренных национальностей. До революции из всех народов Волго-Камья только татары жили в городах, преимущественно в Казани, Москве, Петербурге и Уфе.

В настоящее время, несмотря на значительную миграцию из деревни в город, среди коренных народов, кроме татар, большинство составляют жители, занятые в сельском хозяйстве.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

В традиционной материальной культуре народов Волго-Камья прослеживается много общих черт, обусловленных единой географической средой, сходным уровнем экономического и социального развития, а также длительным этнокультурным взаимодействием.

В лесных районах в прошлом селения были небольшими. Хозяйственные и жилые постройки в них располагались без определенного плана. Это объясняется тем, что у народов Волго-Камья долго сохранялся обычай совместного поселения родственных семей отдельными гнездами. Уличная планировка деревень стала преобладать в XIX в.

Жилищем всем народам Волго-Камья, за исключением части башкир, служила срубная изба. Планировка жилого помещения была различной, в зависимости от численности и имущественного положения семьи, — двухраздельной (изба + сени) и трехраздельной (две избы и сени между ними или изба + сени + клеть, как у русских). У башкир, кроме срубных, были плетневые, пластовые (из дерна) и каменные жилища, у восточных и юго-восточных башкир — также кибитки тюркского и монгольского типов.

По внутренней планировке и убранству жилища удмуртов, марийцев, чувашей и мордвы ничем не отличались от изб соседнего русского населения. В доме находились "русская" печь, полати, неподвижные лавки и стол в переднем углу. У татар и башкир большое место у стены занимали нары, на которых работали, ели, спали, принимали гостей. В настоящее время сохраняется традиция строить срубные жилища, но они значительно изменили свой внешний вид и внутреннее убранство. Дома обычно состоят из нескольких комнат с городским интерьером.

Разнообразной и красочной была традиционная одежда, особенно женская. Она устойчиво сохранялась на протяжении ряда столетий и служила своеобразным отличительным признаком отдельных этнографических групп. Одежду до революции почти целиком изготавливали из домашних конопляных, льняных и шерстяных тканей. Только татары и отчасти башкиры в период капитализма приобретали ткани фабричного производства.

Основу мужского и женского костюма составляли туникообразная (без шва на плечах) рубаша и штаны (кроме эрзянок, которые, как и русские женщины, в прошлом штанов не носили). Женские рубашки богато украшались вышивкой шерстяными и шелковыми нитями преимущественно темно-красных тонов. В орнаменте преобладали зооморфные и геометрические узоры, а у мусульман — растительные. Искусством вышивания особенно отличались марийки и мордовки.

Разнообразны были женские головные уборы, как мягкие (полотенечные и платки), так и на твердой основе (высокие в виде усеченного конуса — у удмурток, мариек, башкирок; лопатообразные сороки — у мариек и эрзянок; рогатый пымакш — у мариек и др.). Праздничный наряд женщин дополнялся обилием украшений, которые носили на голове, в ушах и на шее, спине, поясе. Их изготавливали из серебра, серебряных монет, бус, бисера, пуговиц, кораллов, раковин-каури и др.

По мере развития капиталистических отношений мужская традиционная одежда исчезла, заменившись городской. Женский традиционный костюм продолжал бытовать, но в советское время в связи с широким распространением фабричных тканей, готовой одежды и городских мод многие его элементы исчезли совсем, другие приспособлялись к городской одежде. В настоящее время он сохраняется местами только у пожилых женщин. В значительной степени модернизированный, без строгого сочетания входящих в него элементов, традиционный костюм используется ансамблями художественной самодеятельности. Узоры традиционной вышивки широко бытуют в изделиях прикладного искусства.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

Общественный быт народов Волго-Камья в дореволюционный период в значительной степени определялся и регулировался соседской общиной, которая представляла собой своеобразный "мир" со своей социально-экономической структурой и своими неписаными законами, обязательными для всех ее членов.

Связанная круговой порукой в выполнении государственных повинностей община осуществляла социальный контроль над всеми сторонами жизни входивших в ее состав крестьянских семей. В ведении общины было начало и окончание полевых работ, отправление аграрных и других культов, связанных с сельскохозяйственной деятельностью, назначение опекунов сиротам, санкционирование семейных раздоров, наблюдение за нравственностью общинников и т.п.

Крестьянские семьи народов Волго-Камья в пореформенный период относились к двум типам: большая неразделенная семья и малая. Большие неразделенные семьи состояли обычно из главы семьи и его женатых сыновей, иногда и женатых внуков. Редко в их составе были семьи родственников боковых степеней родства. Часто такие семьи состояли из семей женатых братьев, не разделившихся после смерти главы семьи. По мере развития капиталистических отношений эти семьи постепенно распадались.

Основным типом семьи стала малая семья, состоявшая обычно из супругов и их детей, а также некоторых случаях родителей и других родственников мужа, особенно если последний был младшим сыном, который, по обычаю, оставался жить в доме родителей. В семейных отношениях не только в большой, но и в малой семье господствовали патриархальные порядки с бесправным положением женщины. При заключении браков вносился выкуп за жену и обязательным было снабжение женщины приданым.

Для современного семейного быта народов Волго-Камья характерны те же тенденции развития, что и у других народов страны.

Единственным типом семьи является малая семья, включающая брачную пару с детьми, иногда также кого-либо из родственников мужа или жены. Равноправное положение мужчины и женщины в обществе оказало существенное воздействие на семейный быт, изменив семейные отношения, чаще строящиеся на доверии и взаимопонимании членов семьи. В многонациональном Волго-Камье широкое распространение получили социально и национально смешанные браки.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Духовное творчество народов Волго-Камья находило выражение в богатом фольклоре, народной музыке, танцах и прикладном искусстве, особенно в вышивке, резьбе по дереву, в меньшей степени – в узорном ткачестве.

По вероисповеданию народы Волго-Камья делились на две группы: христиан и мусульман. Мусульманами были татары и башкиры. Ислам рано пустил корни в этом регионе. С X в. он был государственной религией в Волжской Булгарии. Христианство же стало распространяться преимущественно после присоединения Волго-Камья к России, и насаждалось оно зачастую насильственным путем. Однако народы Волго-Камья, принимая православие, продолжали придерживаться своих древних обрядов и верований, которые часто переплетались с христианскими. Из языческих верований наибольшее распространение имели аграрные культы и культ предков.

После установления советской власти и организации национальных автономий у народов Волго-Камья были созданы условия для развития национальных культур. Проводилась работа по совершенствованию письменности на местных языках. У татар она была переведена с арабской графики на русскую. В республиках были созданы высшие учебные заведения и научно-исследовательские институты, что способствовало быстрому росту национальной интеллигенции, занятой в различных областях народного хозяйства и культуры. Больших успехов достигло творчество национальных писателей и поэтов, скульпторов, композиторов, артистов и художников. Дальнейшее развитие получило прикладное искусство.

НАРОДЫ ПРИБАЛТИКИ

Прибалтика в историко-культурном отношении представляет собой особый регион. Ее населяют три крупных народа: литовцы (лиетувай) – 3068 тыс. человек, из них в Литве 2924 тыс. (95,3%), латыши (латвиеши) – 1459 тыс., из них в Латвии – 1388 тыс. (95,1%) и эстонцы (эстласед) – 1027 тыс., из них в Эстонии – 963 тыс. (93,8%). В антропологическом отношении все они принадлежат к европеоидной расе. Среди латышей и особенно эстонцев преобладают светлопигментированные антропологические типы. По языку прибалтийские народы делятся на две группы. Языки литовцев и латышей составляют балтийскую группу индоевропейских языков, ближе всего стоящую к славянской ветви. Эстонский язык относится к прибалтийско-финской подгруппе финно-угорской группы уральской семьи. Он близок к карельскому и финскому.

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Прибалтика была освоена человеком с древних времен. Этническая принадлежность ее первоначального населения неизвестна. Свое происхождение летто-литовские народы ведут от балтов – ранних индоевропейцев, входивших наряду с предками славян и германцев в состав племен шнуровой керамики (III тысячелетие – начало II тысячелетия до н.э.). Расселившись на широких пространствах от низовьев Вислы на западе до верховьев Днепра и Оки – на востоке и от Пскова – на севере и до р. Буга – на юге, балтские племена смешались с местным более древним населением. Группа восточных балтов – носителей культуры штрихованной керамики (конец II тысячелетия до н.э. – до V в. н.э.) положила начало предкам литовцев и латышей.

С середины I тысячелетия н.э. происходили процессы перемещения отдельных балтских племен и образования крупных территориально-племенных объединений, которые в последующее время консолидировались в литовскую и латышскую народности. Основу литовской народности составил крупный союз восточнолитовских племен, известных позднее под именем аукштайтов. Центром формирования литовцев явилась территория бассейна р. Нярис (Вилии) и среднего течения Нямунаса (Немана), получившая название Литвы (по имени местной реки). Консолидации раннефеодальной литовской народности способствовало образование Литовского государства в XIII в. В состав этой народности вошли, кроме аукштайтов и жемайтов, также постепенно слившиеся с нею часть куршей, земгалов, селов, ятвягов и других балтских племен.

Подобные социально-этнические процессы протекали и на территории Латвии, где сформировались территориально-племенные группировки латгалов, близких к ним в этнокультурном отношении селов, а также земгалов и куршей. Формирование латышской народности и создание государственности было прервано завоеванием Прибалтики немецкими рыцарями в начале XIII в., позднее – захватами Прибалтийских земель Данией, Швецией, Польшей. Был нарушен процесс самобытного социально-экономического и культурного развития местного населения. Латышская народность сложилась в XVI в. Основу ее составили латгалы, вокруг которых консолидировались другие балтские этнические группы: селы, земгалы и курши. Постепенно с латышами сливались жившие на севере Латвии финноязычные ливы.

С древних времен северные районы Прибалтики занимали продвинувшиеся с востока племена финно-угорского происхождения. До сих пор в науке нет единого мнения о времени появления этих племен в Прибалтике. Одни исследователи относят это событие к III тысячелетию до н.э., другие – к более позднему периоду. Во всяком случае, это произошло не позже I тысячелетия до н.э. С этого времени прослеживается довольно четкая археологическая граница, проходившая по

Северной Латвии и делившая Прибалтику на две культурные области. К северу от этой границы шло формирование прибалтийских финнов – предков эстонцев, ливов и води, которые упоминаются на страницах Начальной русской летописи.

В XVIII в. Прибалтика была включена в состав России, однако господствующее положение в Эстонии и Латвии продолжали занимать немецкие бароны, а в Литве – польские феодалы и ополченная литовская знать. В феодальный период у народов Прибалтики складывались этнографические области, различавшиеся особенностями культуры. У литовцев таких областей было две – Жемайтия (Западная Литва) и Аукштайтия (Восточная). У латышей прослеживаются пять культурных районов – Курземе, Земтале, Латгале, Аугшземе и Видземе. В Эстонии в этнографическом отношении различались северные и южные эстонцы. Кроме того, среди эстонцев выделяются сету (или сетукезы), живущие на юго-востоке Эстонии и в соседних районах Псковской области. Они приняли православие и испытали сильное влияние восточных славян.

В условиях феодальной России продолжался процесс консолидации народов Прибалтики в народности, а в период капитализма происходило формирование эстонской, латышской и литовской наций.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Древнейшими занятиями народов Прибалтики были земледелие, скотоводство и рыболовство. Промышленность стала развиваться после отмены крепостного права, особенно в Латвии и Эстонии. В послевоенное время Эстония, Латвия и Литва превратились в передовые индустриально-аграрные республики.

С развитием промышленности в Прибалтике росло городское население. В настоящее время оно преобладает над сельским. Большинство прибалтийских городов имеет многовековую историю. В период феодализма, особенно в Эстонии и Латвии, в городах жили преимущественно немцы, которые держали в своих руках ремесло и торговлю. При капитализме города росли за счет коренного населения – выходцев из крестьян. В довоенное и послевоенное время благоустраивались старые, возникали новые города и городские поселки, создаваемые с учетом требований современного градостроительства.

В сельской местности с древнейших времен были распространены деревни (кучевые и уличного плана) и однодворные поселения типа хуторов. Число последних стало расти после отмены крепостного права и особенно в период буржуазных республик. В настоящее время в Прибалтике большое распространение получили сельские поселения, по своему благоустройству приближающиеся к поселкам городского типа.

Крестьянское жилище народов Прибалтики за время своего существования претерпело значительные изменения. В феодальный период в Прибалтике бытовало несколько типов крестьянских жилищ. В Эстонии и Северной Латвии сооружали *жилые риги*, представляющие собой высокие срубные постройки с соломенной крышей и печью, топившейся по-черному. Осенью в риге сушили снопы. В восточных районах Латвии и Литвы крестьянское жилище не отличалось от жилища соседнего русского и белорусского населения и состояло из избы с "русской" печью, холодных сеней и клети. На западе Литвы и Латвии в середине жилища находились отопляемые сени, по бокам которых располагались жилые помещения. В довоенный период в сельской местности все большее распространение получал городской тип жилища. В настоящее время в селениях все чаще возводятся жилища по типовым проектам со всеми необходимыми удобствами.

Традиционная одежда народов Прибалтики законченную форму приобрела в феодальный период. Она целиком изготовлялась из тканей домашнего производства. У всех трех народов сложилось по несколько комплексов традиционной одежды, характерной для определенных местностей. Основу женского костюма у

эстонцев в древний период составляла туникообразная рубаха, несшитая поясная одежда, передник и полотенчатый головной убор. Ворот рубахи закалывали подковообразной фибулой. В XVIII–XIX вв. эта одежда испытала сильное западноевропейское влияние. На смену ей пришли полосатые юбки, короткие пышные кофты и головные уборы разных типов.

Женская традиционная одежда латышей и литовцев имела много общих черт. Женщины носили рубахи разного покроя с длинными рукавами, юбки, передники, безрукавки в виде лифа, наплечные покрывала, полотенчатые головные уборы, чепчики. В этом наряде прослеживалось сходство с соседними восточными славянами и поляками.

Мужской костюм прибалтийских народов во многом напоминал одежду немецкого городского населения.

В капиталистический период с распространением фабричных тканей и городских мод традиционная одежда начала быстро исчезать. Некоторые ее элементы трансформировались в костюмы участников певческих праздников и бытуют в наши дни.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

В прошлом развитие национальной культуры тормозилось в Эстонии и Латвии гнетом немецких баронов, в Литве — польских помещиков. Этому способствовала также конфессиональная разобщенность. По вероисповеданию население Прибалтики делилось на католиков, лютеран и православных. Католичество было распространено в районах, которые долго находились под властью Польши, в Литве и Восточной Латвии у латгальцев. Лютеранство с XVI в. насильственно насаждалось немецкими пасторами среди эстонцев и западных латышей. Православными были жители пограничных с русскими областей.

Культура господствующих классов находилась под сильным влиянием немецких провинциальных традиций, обычаев польской шляхты и католического духовенства. Народные же массы продолжали сохранять и развивать многие национальные культурные традиции, которые дожили до нашего времени. Глубокие корни имеет прикладное искусство. В современных условиях самостоятельное творчество тесно переплетается с профессиональным. Из прикладного искусства наиболее развиты деревянная скульптура, производство изделий из янтаря, художественное ткачество и вязание, обработка кожи, керамика и др.

После отмены крепостного права в Прибалтике зародилось движение за национально-культурное возрождение. Во главе этого движения встала демократически настроенная интеллигенция. Большое внимание уделялось собиранию и изучению фольклора, шла борьба за создание школ, национальной литературы, театра. Национальный поэт Эстонии Ф. Крейцвальд на основе фольклора написал поэму "Калеви-поэп" (Сын Калева). Латышский поэт А. Пумпур по народным мотивам создал поэму "Лачплесис" (Разрывающий медведя), посвященную борьбе латышского народа с немецкими рыцарями. Большое развитие у народов Прибалтики получило хоровое пение. Со второй половины XIX в. стали устраиваться праздники песен. Большое распространение они получили и в настоящее время.

НАРОДЫ СЕВЕРА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

На Севере Восточной Европы, кроме русских, живут карелы, вепсы, коми (зыряне), коми-пермяки, саамы (лопары) и ненцы. Все это население, за исключением ненцев, относится к большой европеоидной расе. Несколько особняком стоят саамы, в антропологическом типе которых прослеживается древнее смешение монголоидных и европеоидных признаков.

Карелы (каръяла) — 131 тыс. человек — живут в Карелии — 79 тыс. (60,1 %) и Тверской области. Вепсы (вепся) — 12,5 тыс. — населяют смежные районы Карелии, Ленинградской и Вологодской областей. Саамы — 1,9 тыс. — занимают некоторые районы Кольского полуострова. Основная масса их живет за пределами России — на севере Норвегии, Финляндии и Швеции. Коми (зыряне) — 345 тыс. — живут в Республике Коми (291,5 тыс. — 84,5%), а также за Уралом, в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах Тюменской области, небольшая их часть проживает в Мурманской области. Коми-пермяки — 152 тыс. — расселены в Коми-Пермяцком автономном округе и отчасти за его пределами — в Красновишерском районе Пермской области (язьвинские коми-пермяки) и Афанасьевском районе Кировской области (зюздинские коми-пермяки). Ненцы — 34,7 тыс. — обитают на широких пространствах тундры и лесотундры Европы и Западной Сибири. В Восточной Европе они составляют коренное население Ненецкого автономного округа и небольшими группами живут дальше к западу, включая Кольский полуостров (о ненцах см. в главе "Народы Сибири").

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Языки народов Севера Восточной Европы относятся к уральской языковой семье. Коми-зырянский и коми-пермяцкий близки между собой и вместе с удмуртским составляют пермскую группу финских языков. Карельский и вепсский языки относятся к прибалтийско-финским языкам. К ним близок язык саамов. Но как считают исследователи, саамы в древности говорили на другом языке, возможно, самодийском, и только попав в прибалтийско-финскую этническую среду, они утратили свой древний язык.

Заселение европейского Севера происходило в эпоху мезолита (12–10 тыс. лет тому назад). С юга продвигалось европеоидное население, этническая принадлежность которого остается неизвестной. С востока просачивались монголоиды, говорившие, по-видимому, на уральских языках. Раньше других, вероятно, появились предки саамов, которые в эпоху неолита широко были расселены по всему европейскому Северу. Тогда же сложился их антропологический тип. Позднее значительная часть саамов была ассимилирована расселявшимися на Севере финно-угорскими и ненецкими племенами. На Кольском полуострове саамы появились в I тысячелетии до н.э. В это время в районе Финского залива уже жили предки эстонцев, карелов, вепсов и финнов-суоми.

Формирование карелов происходило на Карельском перешейке и в прилегающих районах Финляндии. В русской летописи они известны под названием "корелы". В начале XIII в., когда Швеция захватила Финляндию, часть карелов (сейминские и привыборгские карелы) осталась на территории Финляндии и затем вошла в состав финского народа. В этот же период началось постепенное продвижение карелов на Олонецкий перешеек и севернее его. К XV в. они достигли побережья Белого моря. Оседая в южных районах современной Карелии, они смешивались с жившими там вепсами. В результате этого смешения образовались две этнические группы карелов со своими диалектами карельского языка — ливвики и людики. Третью группу составили собственно карелы, занимающие северные районы Карелии.

В XVII в. после захвата Швецией Карельского перешейка происходило переселение карелов в Тверскую, Новгородскую и Ярославскую земли. Так образовались верхневолжские, или тверские, карелы.

Этногенез коми-зырян и коми-пермяков связан с этническими процессами, протекавшими на территории Верхнего Прикамья в начале I тысячелетия н.э., где на основе различных племен, связанных по происхождению с ананьинскими племенами, формировались племена коми. В конце I тыс. н.э. часть их продвинулась на север, в район Вычегды, где смешалась с местным населением, говорившем на

языке, близком к вепсскому. Так было положено начало коми-зырян. Отсюда они расселялись по другим районам Вычегодского бассейна. В XIV в. территория, населенная различными группами коми-зырян, в русских источниках известна под именем Перми Вычегодской. В феодальный период отдельные группы коми-зырян были слабо связаны между собой, особенно выделялись коми-ижемцы. Развитие капиталистических отношений способствовало консолидации коми-зырян в народность.

Оставшиеся на Каме племена коми сложились в коми-пермяцкий народ. Область их расселения носила название Перми Великой. В XIV–XV вв. Пермь Вычегодская и Пермь Великая вошли в состав Московской Руси. С этого времени начались тесные контакты народов коми с русскими, что привело к широкому распространению среди них русской культуры.

ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Народы Севера, за исключением саамов, рано начали заниматься земледелием. Однако эта отрасль хозяйства получила значительное развитие только в южных районах их расселения. Наряду с земледелием повсюду было распространено скотоводство. Эти виды занятий дополнялись лесными промыслами, преимущественно охотой, а также рыболовством, особенно на крупных реках и озерах. Коми-зыряне, жившие на р. Ижме, под влиянием ненцев перешли к занятию оленеводством, однако сначала сами они не кочевали со стадами оленей, а нанимали пастухов из тех же ненцев. Но постепенно ими был освоен этот вид занятий, и они стали сами выпасать своих оленей. Занимая все новые пастбища, они в конце XIX в. продвинулись за Урал.

В период капитализма народы Севера, особенно коми-зыряне, широко практиковали различные виды отхожих промыслов.

У саамов хозяйство было комплексным. Они занимались оленеводством, рыболовством и охотой, в том числе и на морских животных. В отличие от ненцев они доили оленей. В течение года саамы совершали несколько перекочевок. С конца XIX в. кочевать стали только мужчины, а остальные члены семей переселялись лишь из зимних поселков в летние.

В материальной культуре карелов, вепсов, коми-зырян и коми-пермяков в XIX в. прослеживалось много общих черт. Для них был характерен гнездовой тип расселения, при котором вокруг главного селения располагались небольшие деревни. Жилищем им служили срубные избы на высоком подклете. Хозяйственные постройки (двор) обычно пристраивались к жилищу, образуя общее сооружение (дом-двор).

У всех этих народов сложились сходные традиционные комплексы одежды, особенно женской. Она состояла из рубахи с длинными рукавами, на которую надевали разного покроя сарафаны на лямках. Головные уборы были обычно сложными: непосредственно на волосы надевали шапочки, затем головной убор на твердой основе. Широко бытовали различные платки и шали.

Мужской костюм был таким же, как и у соседнего русского населения.

Жилищем саамам первоначально служила вежа – низкий, углубленный в грунт сруб с крышей, засыпанной сверху землей. В крыше для освещения и выхода дыма оставлялось небольшое отверстие. Летом сооружали конические шалаши, покрытые берестой. Под влиянием русских в XV–XVII вв. саамы стали переходить к полуседлому образу жизни, в связи с чем появились небольшие срубные избышки с окнами, позднее распространились срубные избы.

За годы советской власти произошли заметные изменения во всех сторонах жизни народов восточноевропейского Севера. На Севере стали развиваться различные отрасли тяжелой и легкой промышленности и специализированное сельское хозяйство. *Вырос национальный рабочий класс. Преобразилась и материальная культура. Традиционные особенности еще сохраняются во внешнем облике сельского жилища, но его внутренняя планировка и убранство все более приближаются к*

городским. Традиционная одежда повсюду сменилась городской, только в немногих местах отдельные ее элементы сохраняются в костюме пожилых женщин. Продолжает бытовать меховая зимняя одежда у лопарей.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

До революции ни один из народов восточноевропейского Севера не имел своей письменности, если не считать особой зырянской письменности, созданной в XIV в. Стефаном Пермским, но не получившей распространения и быстро забытой. В духовной жизни этих народов большое место занимало устное творчество и прикладное искусство. Широко бытовали эпос, предания, песни, сказки, особенно известны руны карело-финского эпоса "Калевала". Из прикладного искусства популярны были вышивка, узорное ткачество, резьба по дереву.

По вероисповеданию народы Севера были православными, но у них в той или иной степени сохранялись пережитки дохристианских верований, особенно у саамов, которые почитали "оленью хозяйку" и других "хозяев" — покровителей промыслов; у них же существовали культ священных камней и пережитки шаманизма.

При советской власти была создана письменность у коми-зырян и коми-пермяков, а также у карелов, у которых в качестве литературного был принят финский язык.

НАРОДЫ ЮГО-ЗАПАДА И ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

На Юго-Западе Восточной Европы живут молдаване (молдовены: 3355 тыс.), составляющие основное население Республики Молдова (2790,8 тыс. — 83,2 %). По расовой принадлежности они европеоиды. Язык молдаван относится к романской группе индоевропейской языковой семьи.

В этногенезе молдаван приняли участие различные этнические компоненты. Непосредственными предками молдаван, как и других восточнороманских народов, были вlahи, или волохи, сформировавшиеся на Карпато-Балканских землях в IX—X вв. из смешения романизованного в период Римской империи фракийского населения и славян, поселившихся в этом районе в VI—VII вв. В языке волохов, положившем начало восточнороманским языкам, в их материальной и духовной культуре прослеживается значительное влияние древних славян.

Волохи были пастушескими племенами, принявшими православие. В XIII—XV вв. они продвинулись из северных предгорий Карпат в верховья Прута и Днестра и осели на землях, освоенных земледельцами — восточными славянами. Здесь продолжилось формирование молдавской народности в процессе этнической консолидации пришельцев-волохов и местного восточнославянского населения. Молдавская народность сложилась в XIV в., когда возникло Молдавское государство, занимавшее территорию от Карпат до Днестра. В Молдавском княжестве государственным языком служил древнеславянский, который с XVI—XVII вв. был заменен молдавским литературным языком, основанном на древнеславянской графике.

Сложная этническая история молдаван и этнокультурные контакты с различными народами в разные исторические эпохи наложили отпечаток на их материальную и духовную культуру. Особенно значительным было культурное взаимодействие с украинцами и русскими в XIX в.

Основными занятиями молдаван были земледелие и скотоводство; до середины XIX в. скотоводство выступало ведущей отраслью хозяйства. В земледелии наряду с полеводством большое место занимали виноградарство и садоводство.

Типичным жилищем у молдаван в прошлом была плетневая мазанка с соломенной или камышовой крышей. На смену мазанке пришли глинобитные и саман-

ные жилища, последние получили наибольшее распространение в настоящее время.

Традиционный костюм молдаван сложился в средневековый период. Он имел много локальных различий. Особенно красочной с богатой вышивкой была женская одежда, состоявшая из полотняной рубахи, шерстяной юбки (местами сарафана), пояса, безрукавки и платка.

В Южной Молдове и соседних областях Украины живут гагаузы (197,8 тыс.) – тюркоязычный народ, переселившийся из Болгарии в начале XIX в. Они считаются потомками средневекового тюркоязычного народа, принявшего православие. По культурному облику гагаузы близки к своим соседям – молдаванам, украинцам и особенно к болгарам, также переселившимся из Болгарии в XVIII–XIX вв.

На юге Восточной Европы, в Нижнем Поволжье живут калмыки (хальмг) – 174 тыс., главным образом в Калмыкии. Они монголоязычны. По антропологическому типу – монголоиды. В степях Нижнего Поволжья они появились в XVII в. из Западной Монголии. Вплоть до Октябрьской революции вели кочевой образ жизни, занимаясь скотоводством.

В городах центральных районов России, а также Украины, Белоруссии и Молдовы живут евреи (самоназвание – иди). В бывшем СССР их насчитывалось 1377 тыс., из них в России – 39 %, на Украине – 35,3 %, в Еврейской АО – 0,6 %.

Цыгане (рома) – небольшой народ (262 тыс.), живущий в разных областях Восточной Европы, преимущественно в южных и юго-западных районах. Предки цыган вышли в X в. из Индии и расселились по странам Передней Азии, Северной Африки и Европы. В Россию цыгане переселились из Западной Европы в XV–XVI вв. Язык их принадлежит к индоарийским языкам индоевропейской языковой семьи.

Глава шестнадцатая

НАРОДЫ СИБИРИ

Среди основных этнографических регионов России многими историко-культурными особенностями выделяется Сибирь – обширная географическая область, раскинувшаяся от Урала до Тихого океана, в пределах которой с глубокой древности формировались своеобразные этнолингвистические общности и хозяйственно-культурные типы коренного населения. Историко-этнографическое изучение Сибири имеет большое научное значение не только для установления региональных этнокультурных особенностей населяющих ее народов, но и в более широком общэтнографическом аспекте, позволяющем выяснить целый ряд "глобальных" вопросов возникновения и развития различных социально-культурных явлений на определенных стадиях всемирно-исторического процесса. Не меньшее значение имеет этнографическое изучение конкретной действительности, образа жизни населения Сибири наших дней, так как оно показывает характер и особенности разносторонних преобразований в социально-экономическом строе и культурно-бытовом укладе всех (даже самых малочисленных) этнических общностей сибирского региона.

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Среди важнейших вопросов исторической этнографии Сибири видное место занимает проблема многовековых этнокультурных контактов и взаимодействий ее коренных народов друг с другом и с народами соседних историко-культурных областей Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии, Центральной Азии и Дальнего Востока. Эти этнокультурные взаимодействия оказались усиленными и обогащенными вследствие включения многочисленных этносов Сибири в состав Российского централизованного государства, а также начавшегося с XVII в. формирования местных ("сибирских") очагов пришлого русского населения. Еще до Октябрьской революции Сибирь по преобладающей массе населения, по важнейшим экономическим связям была настоящей "русской стороной" – органической составной частью аграрно-индустриальной России. Коренное нерусское население, сохранившее свои этнические территории, родные языки и традиционные культурно-бытовые особенности, было повсеместно вовлечено в тесные хозяйственно-экономические связи с русскими соседями.

Всесоюзные переписи населения начиная с 1926 г. регистрируют быстрое возрастание общей численности жителей Сибири, которая к 1989 г. достигла 28 млн человек. Численно преобладают русские, прочно освоившие не только южную лесную и лесостепную часть Сибири, но и многие удаленные места Северной и Северо-Восточной Сибири и Дальнего Востока. Русский демографический компонент составляет большинство среди населения всех промышленных новостроек и на транспорте, столь важном для экономического и культурного подъема глубинных районов Сибири.

Коренное население Сибири составляет на 1989 г. свыше 1 млн человек. В этнолингвистическом отношении это население весьма дробно и распределяется по многим отдельным народам и группам различной численности. Наиболее крупные коренные народы Сибири – буряты (421 тыс.), якуты (382 тыс.) и тувинцы (207 тыс.). Средней численности народы – западносибирские татары (до 100 тыс.), хакасы (80 тыс.), алтайцы (71 тыс.). В соседстве с ними, севернее, живет

небольшой народ шорцы (16,7 тыс.). 25 народов по причине их небольшой численности и сходных особенностей промыслового быта относятся к группе "малочисленных народов Севера" (общая численность свыше 156 тыс. человек). Это ненцы (34,7 тыс., включая группы, живущие на европейском Севере) эвенки (30,2 тыс.), ханты (29,5 тыс.), эвены (17,2 тыс.), чукчи (15,2 тыс.), нанайцы (12 тыс.), коряки (9,2 тыс.), манси (8,5 тыс.), долганы (6,9 тыс.), нивхи (4,7 тыс.), селькупы (3,6 тыс.), ульчи (3,2 тыс.), ительмены (2,5 тыс.), удэгейцы (2 тыс.), эскимосы (1,7 тыс.), чуванцы (1,5 тыс.), иганасаны (1,3 тыс.), юкагиры (1,1 тыс.), кеты (1,1 тыс.). Остальные народы Севера насчитывают по несколько сотен человек (орочи, тофалары, алеуты, негидальцы, энцы, ороки), но этнографически они представляют значительный интерес.

Современные исследования отмечают большое своеобразие языковой ситуации в среде коренного населения Сибири. Ведущей тенденцией является, наряду со свободным развитием родной речи и письменности, все большее распространение двуязычия (знание наряду с родным языком русского или языка какой-либо соседней народности) и расширение функций русского языка во всех сферах общественной жизни. У большинства народов Севера с 1926 г. значительно увеличилась доля лиц, признающих родным языком русский язык (например, среди манси, селькупов, нивхов — до 50 %). Однако ни один из существовавших до революции самобытных языков Сибири не исчез, будучи поглощенным иноэтническим окружением. Это дает основание классифицировать народы Сибири прежде всего по этнолингвистическому признаку, имеющему большое значение для раскрытия прошлой "бесписьменной" истории этих народов.

Народы Сибири принадлежат к различным языковым семьям и группам. По численности говорящих на родственных языках на первом месте стоят народы алтайской языковой семьи, по крайней мере от рубежа нашей эры распространявшейся из Саяно-Алтая и Прибайкалья в глубинные районы Западной и Восточной Сибири.

Алтайская языковая семья в пределах Сибири делится на три группы: тюркскую, монгольскую и тунгусо-маньчжурскую. Первая ветвь — тюркская — очень обширна. В Сибири к ней принадлежат алтае-саянские народы (алтайцы, чулымцы, шорцы, хакасы, тувинцы, тофалары, или карагасы); западносибирские татары (тобольские, тарские, барабинские, томские и др.); на Крайнем Севере — якуты и долганы (последние живут на востоке Таймыра, в бассейне р. Хатанги). К монгольским по языку народам в Сибири принадлежат только буряты, расселенные в Западном и Восточном Прибайкалье.

В тунгусо-маньчжурскую группу семьи алтайских народов входят эвенки (тунгусы), обитающие рассеянными группами на обширной территории от бассейна Оби до Охотского побережья и от Забайкалья до Ледовитого океана; эвены (ламуты), расселенные в ряде районов Северной Якутии, на Охотском побережье и Камчатке; также ряд небольших народностей Нижнего Амура — нанайцы (гольды), ульчи, или ольчи, негидальцы; Уссурийского края — орочи и удэ (удэгейцы); Сахалина — ороки.

В Западной Сибири с отдаленных времен формировались этнические общности уральской языковой семьи. Это были прежде всего угорязычные и самодоязычные племена лесостепной и таежной полосы от Урала до верхнего Приобья. В настоящее время в Обь-Иртышском бассейне обитают угорские народы — ханты и манси. К самодийским (самодоязычным) принадлежат селькупы на средней Оби и в бассейне Таза, энцы в низовьях Енисея, иганасаны, или тавгийцы, на Таймыре, ненцы, населяющие лесотундру и тундру Евразии от Таймыра до Белого моря. Некогда небольшие самодийские народности обитали и в Южной Сибири, на Алтае-Саянском нагорье, но остатки их — койбалы, камасинцы и другие — были тюркизированы в XVIII–XIX вв.

Целый ряд народов Сибири по установившейся научной традиции называют

"палеоазиатами", предполагая в них потомков древнейших обитателей азиатской части России. Вопрос этот очень сложный, так как даже приблизительно не известно, где и в какую археологическую эпоху первоначально формировались те или иные "палеоазиатские" этнические общности. Во всяком случае, ученым ясно то, что, видимо, никогда не существовало единой "палеоазиатской" этнолингвистической семьи, ибо условно относимые к ней нынешние языки весьма различны в лингвогенетическом отношении.

Только три "палеоазиатских" народа — чукчи, коряки и, вероятно, ительмены — составляют генетическое языковое единство, семью чукотско-камчатских языков. Остальные "палеоазиатские" языки стоят особняком друг от друга, да и с другими языковыми общностями Сибири им трудно подыскать какие-либо прямые генетические соответствия. Это языки небольших народностей — кетов на Среднем и Нижнем Енисее, нивхов (гиляков) в низовьях Амура и на Северном Сахалине. Столь же условно причисление к "палеоазиатским" своеобразных, но генетически родственных друг другу языков эскимосов на Чукотке и о. Врангеля и алеутов на Командорских островах. Современная наука располагает некоторыми данными относительно того, что "палеоазиатским" эскимосскому и чукотско-камчатским языкам на крайнем Северо-Востоке Азии в отдаленные времена предшествовали какие-то иные языки (соответственно этнические группировки), которые и могут считаться, по-видимому, древнейшими "палеосибирскими".

К "палеоазиатским" этносам относят также юкагиров и примыкавших к ним чуванцев (последние ныне в основном перешли на русский или чукотский языки). Однако исследования лингвистов обнаруживают в юкагирском языке наличие уралоязычного субстрата очень древнего происхождения. Он связан, по-видимому, с предполагаемым учеными выходом древнейших прауральцев в северные широты еще в эпоху неолита.

О том, что в глубинных этногенетических основаниях многих народов Сибири залегают древние "аборигенные пласты", свидетельствуют данные антропологии. В самом деле, все коренные народы Восточной Сибири и Дальнего Востока монголоидны по основным особенностям их антропологических типов. Монголоидами, видимо, были и древние обитатели верхнепалеолитических стоянок этого региона (яркий пример: костные останки архаического монголоида на Афонтовой горе в Красноярске). Монголоидный тип населения Сибири генетически мог зародиться только в Центральной Азии. Археологи доказывают, что палеолитическая культура Сибири развивалась в том же направлении и в сходных формах, что и палеолит Монголии. Исходя из этого, археологи полагают, что именно эпоха верхнего палеолита с его высокоразвитой охотничьей культурой была наиболее подходящим историческим временем для широкого заселения Сибири и Дальнего Востока "азиатским" — монголоидного облика — древним человеком.

Монголоидные типы древнего "байкальского" происхождения хорошо представлены среди современных тунгусоязычных групп населения от Енисея до Охотского побережья, также у колымских юкагиров, отдаленные предки которых, возможно, предшествовали эвенкам и эвенам на значительном пространстве Восточной Сибири. Северовосточные "палеоазиаты" — эскимосы, чукчи и коряки — принадлежат к особо выделенной арктической монголоидной расе второго порядка, генетически связанной с каким-то очень древним населением материковой и приморской части Северо-Восточной Азии. Не менее древен специфический амурсахалинский физический тип нивхов (гиляков), который сложился в результате этногенетического взаимодействия североазиатских и тихоокеанских антропологических популяций.

Среди значительной части алтаеязычного населения Сибири — алтайцев, тувинцев, якутов, бурят и других — распространен наиболее монголоидный центральноазиатский тип, представляющий собой сложное расово-генетическое образование, истоки которого восходят к смешавшимся друг с другом монголоид-

ным группам разного времени (от глубокой древности до позднего средневековья). Однако среди этих народов встречаются разнообразны расовые вариации, довольно много метисных переходных групп (например, у северных алтайцев, западных бурят и др.), что свидетельствует о сложном пути их этногенеза и относительно недалекой этнической истории.

У коренных народов к западу от Енисея наблюдается заметное ослабление монголоидных признаков; здесь преобладает уральская раса во многих ее разновидностях, возникшая в целом как следствие давнего и неоднократного смешения монголоидных и европеоидных групп. Впрочем, среди антропологов и этнографов распространено и иное мнение, согласно которому уральцы представляют собой древнейший недифференцированный расовый тип, а не результат смешения европеоидов и монголоидов. Если это так, то следует все же признать, что формирование его особенностей как древнего типа шло на порубежье и в зоне контактов европеоидов и монголоидов. Разные варианты уральской расы представлены среди хантов, манси, селькупов, ненцев, западносибирских татар, северных алтайцев и шорцев. По данным археологии и палеоантропологии с III тысячелетия до н.э., с приходом афанасьевских племен, и до рубежа нашей эры, в Южной Сибири вплоть до Саян на востоке прочно обосновалось ярко выраженное европеоидное население, несомненно, вступавшее в многообразные контакты и с автохтонными монголоидными племенами, что способствовало формированию многих переходных и смешанных типов.

Лингвистическая и антропологическая классификация народов Сибири помогает понять многие до конца еще не выясненные вопросы их этнической истории. Но отечественная этнография стремится разработать и собственный историко-культурный метод типологии преемственных совокупных черт образа жизни этих народов, устойчиво воспроизводящихся на базе исторически сформировавшихся способов жизнеобеспечения, лежавших в основании традиционных этнических культур.

Историко-культурный метод этнографии, ретроспективно обращенный и к наиболее отдаленным временам истории Сибири, позволяет установить целый ряд региональных культурно-исторических процессов, протекавших вполне самостоятельно и во взаимодействии друг с другом в конкретных условиях однородной и дифференцированной природно-хозяйственной среды, а также под влиянием культур иных регионов Евразии. Следствием этих процессов, с одной стороны, было возникновение и развитие традиционно-устойчивых хозяйственно-культурных типов: 1) пеших охотников и рыболовов таежной зоны; 2) охотников на дикого оленя в Субарктике; 3) оседлых рыболовов в низовьях больших рек (Оби, Амура, также на Камчатке); 4) таежных охотников-оленьеводов Восточной Сибири; 5) оленьеводов тундры от северного Урала до Чукотки; 6) охотников за морским зверем на Тихоокеанском побережье и на островах; 7) скотоводов и охотников Алтая и Саян; 8) скотоводов и земледельцев Южной и Западной Сибири, Прибайкалья и др. С другой стороны, историческим следствием тех же процессов, развивавшихся в системе более широкого межплеменного обмена продуктами и способами хозяйственно-культурной деятельности, явилось формирование пяти больших историко-этнографических областей: западносибирской (с южным, примерно до широты Тобольска и устья Чулыма на верхней Оби, и северным, таежным и субарктическим, регионами); алтае-саянской (горнотаежной и лесостепной смешанной зоны); восточносибирской (с внутренней дифференциацией промысловых и сельскохозяйственных типов тундры, тайги и лесостепи); амурской (или амуро-сахалинской) и северо-восточной (чукотско-камчатской).

Выделенные хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области характеризуют собой историко-этнографическое многообразие Сибири. Но современная наука требует ответа и на более сложные вопросы зарождения и этнической истории коренных сибирских народов. Достаточно хорошо эта история

известна со времени появления множества русских документов о Сибири, т.е. с XVII в. Более древние периоды реконструируются в основном по данным археологии, лингвистики и антропологии.

Правда, весь накопленный археологический материал о древнейших временах (в основном в интервале от 30–20 до 10–8 тыс. лет назад) отвечает скорее на вопрос о специфике хозяйственного освоения Сибири первобытным человеком, нежели на вопрос о предполагаемой этнической принадлежности различных групп первопоселенцев в степи, тайге и тундре Сибири и Дальнего Востока. Антропологи к этому добавляют лишь то, что процессы формирования и эволюции антропологических типов значительной части сибирских аборигенов происходили на базе "генетического материала" верхнепалеолитического или ранненеолитического местного населения.

Большинство исследователей сходится на том, что наиболее реальные поиски истоков этногенеза и этнических культур палеоазиатских, уральских и алтайских по языку народов начиная с эпохи развитого неолита и раннего металла (суммарно: IV–I тысячелетия до н.э.). В этот период известные науке локальные культуры аборигенов Сибири по их важнейшим признакам группировались по крайней мере в четыре больших региона: западносибирский, енисейско-байкальско-ленский, средне- и нижнеамурский, северо-восточный (охотско-камчатско-чукотский). Возможно, что этим культурным регионам соответствовали какие-то этнолингвистические общности. Так, многие соображения свидетельствуют в пользу того, что уральская (угорская и самодийская) языковая общность формировалась в Западной Сибири, первоначально в лесостепной и южнотажной области Среднего Урала до Верхнего Приобья. В Восточной Сибири, вокруг Байкала и в Енисейско-Ленском междуречье, вероятно, формировалось то древнейшее "палеоазиатское" население, которое – по его предполагаемым потомкам юагирам – может быть условно названо "протоюкагирским". Однако это древнейшее "палеоазиатское" население Прибайкалья именно в эпоху ранних металлов попадает в сферу действия интенсивных миграционных и культурных процессов, связанных со становлением здесь новых типов хозяйства – скотоводства и земледелия. На базе такого культурного и этнического взаимодействия постепенно формируются новые этнокультурные области древности: собственно прибайкальская, саяно-алтайская и восточносибирская.

Древний палеоазиатский пласт, но иного происхождения, угадывается в носителях неолитических культур Охотско-Камчатского побережья. Это был "прото-чукотско-камчатский" этнолингвистический пласт, включающий в свой состав еще более архаичные этнические группы крайнего северо-востока Азии. Наконец, неолитические обитатели Среднего и Нижнего Амура вполне могут быть признаны "палеоазиатскими" предками нивхов.

Сложнее обстоит дело с решением проблемы этногенеза народов алтайской языковой семьи, формировавшейся поначалу в среде весьма подвижного степного населения Центральной Азии, за пределами южной окраины Сибири. Размежевание этой общности на прототюрков и протомонголов произошло на территории Монголии в пределах I тысячелетия до н.э. В Сибири позднее расселялись уже вполне сформировавшиеся порознь древние тюрки (предки саяно-алтайских народов и якутов) и древние монголы (предки бурят и ойрат-калмыков). Область и время зарождения древнейших тунгусоязычных племен определить на уровне современных знаний труднее. По-видимому, первичную ее локализацию надо искать в том же I тысячелетии до н.э. в Забайкалье, где прототунгусы находились в подвижном контакте с предками монголов и тюрков. Постепенно продвигаясь к Байкалу, они вступили в соприкосновение с палеоазиатскими предшественниками, завершившееся ассимиляцией последних. В контакте тунгусоязычных и палеоазиатских групп произошло становление своеобразного таежного комплексного хозяйства, которое сначала пещи, а затем и оленные группы охотников-протоэвенов начиная с

рубежа нашей эры распространяли далеко на север от Байкала в Енисейско-Ленское междуречье и на восток до Охотского побережья и низовий Амура.

Самостоятельное течение этнокультурного развития народов Сибири неоднократно осложнялось внешними переселениями и хозяйственно-бытовыми воздействиями. Как показывают данные археологии, в особенности динамичными на территории Сибири (включая южносибирские степи и предгорья Алтая и Саян, Прибайкалье и Забайкалье) были культурные изменения и миграционные движения, захватившие эпохи от ранней бронзы до наступления и окончательного утверждения железного века. Эти процессы связаны с возникновением, развитием, взаимодействием таких известных археологических культур, как афанасьевская, андроновская, карасукско-ирменная, тагарская, таштыкская, и рядом других, им синхронных.

Этот охватывающий более двух тысячелетий период, начиная от рубежа III-II тысячелетий до н.э. и до первых веков н.э., стал временем активного взаимодействия носителей разных расовых, этнолингвистических, хозяйственно-культурных компонентов. Сибирь эпохи ранних металлов являлась частью обширного ареала (включая Поволжье, Приуралье, Среднюю и Центральную Азию, Северный Китай), в котором происходило становление культурных форм и хозяйственных укладов, связанных с прогрессом видов производящего хозяйства на основе бронзовой, а затем железной металлургии. Богатые материалы многих культур Сибири эпохи металлов, показывающие сходство важных типологических черт в металлургической технике, видах керамики, особенностях искусства, деталях погребального обряда, часто оборачиваются здесь множеством локальных вариаций во времени и пространстве, которые дают археологам и этнографам пищу для гипотез об этнической принадлежности их носителей, древних этнокультурных процессах и влияниях, конкретных обстоятельствах развития таких черт культуры и образа жизни, среди носителей которых можно искать предков современных автохтонных народов.

В эпоху металлов в южносибирской степи и лесостепи бытовали прогрессивные культурные формы: развитое скотоводческое и земледельческое хозяйство, разные варианты сочетания земледелия и скотоводства, вплоть до высокоразвитых видов земледелия с применением искусственного орошения. Одновременно часть южносибирского региона входила в зону становления типично кочевого экстенсивного скотоводческого хозяйства с синхронным переходом кочевников на стадию железного века (в рамках I тысячелетия до н.э.). К факторам, активно воздействовавшим на этнокультурные процессы и взаимодействие хозяйственно-культурных форм, можно отнести также существенные климатические и экологические изменения, делавшие хозяйственно-культурный облик древнего населения иногда очень подвижным. Грань между хозяйственно-культурными типами, особенно в пограничье климатических и ландшафтных зон (например, в лесостепи, предгорьях), не была устойчивой. Данные археологии от эпохи бронзы и вплоть до I тысячелетия до н.э. показывают колебания форм хозяйства от оседлого и подвижного скотоводства в сочетании с охотой и рыболовством к усилению кочевых скотоводческих черт. Но даже небольшие изменения климата могли нарушать намечающиеся тенденции. Например, в занятиях населения в "экологическом пограничье" начинали временами преобладать охота и рыболовство, характерные для тасжных племен, продвинувшихся с севера на юг (Прииртышье и Приобье).

Важно отметить, что культуры населения Сибири эпохи металлов характеризуются многими потоками разнонаправленных культурных влияний, доходивших с юга до низовья Оби и п-ва Ямал, низовьев Енисея и Лены, Камчатки и Берингоморского побережья Чукотки, а в высоких широтах — от северо-востока Сибири до Фенноскандии. Причем здесь есть основания говорить как о культурных заимствованиях, так и о древних миграционных потоках, которые уже на довольно

ранних этапах этногенеза закладывали основы этнической двух- или даже трех-компонентности, например, обских угров, возможно, и самодийских этносов.

Во всех этих сложных и во многом пока неясных процессах древних хозяйственно-культурных и этнических взаимодействий бывает трудно определить, основываясь на археологическом материале, конкретных предков современных автохтонных этносов Сибири, ибо хозяйственные, лингвистические и антропологические черты этих народов часто складывались из разных компонентов, оформлялись как результат одновременных контактов в той или иной природно-экологической зоне. С изменением этнического состава в результате миграций нередко воспринимались новые элементы или видоизменялись в новой климатической зоне в ходе переселения старые. Есть попытки, порою небезосновательные, увидеть, например, в носителях карасукской культуры отдаленных предков народов енисейской языковой семьи (от которой ныне сохранился один народ — кеты). В носителях таштыкской культуры многие ученые видят тюркоязычных древних хягасов (народ гэгунь китайских хроник) — отдаленных предков современных хакасов. Но этническая история и кетов, и хакасов все же была сложной и включает еще целый ряд этнокультурных напластований и взаимодействий. С достаточной степенью вероятности можно лишь считать, что в этнокультурных взаимодействиях описываемых эпох принимали участие ираноязычные (скифо-сарматские), протоугорские, протоенисейские, протосамодийские, раннетюркские, прототунгусские и палеосибирские этнические компоненты. Многие из этих племен в первые века нашей эры включились в волны "Великого переселения народов" на запад, попав, в частности, в состав гуннского конгломерата. После этого в южносибирских степях постепенно стал накапливаться тюркоязычный этнолингвистический компонент.

Говоря о событиях в Южной Сибири в алтае-саянских областях, необходимо упомянуть культурно-историческое явление, сыгравшее впоследствии огромную роль в истории народов Сибири — возникновение оленеводства. Одомашнивание оленя произошло, по-видимому, на рубеже нашей эры в результате взаимодействия скотоводов с окраинными аборигенными племенами. Современные данные позволяют видеть гипотетическую прародину оленеводства в довольно широком ареале таежной и горно-гольцовой зоны Присаянья и Прибайкалья, откуда южносамодийские и тунгусоязычные группы затем широко распространили его на север, северо-запад, в Приамурье и Восточную Сибирь.

Время действительно широкого расселения тюрков по южной полосе Сибири, к северу от Алтая и Саян и в Западном Прибайкалье, — это, вернее всего, VI–X вв. н.э. Между X и XIII вв. начинается передвижение прибайкальских тюрков на Верхнюю и Среднюю Лену, что положило начало формированию этнической общности самых северных тюрков-скотоводов — якутов.

Пришлые тюркские группы сыграли в этно- и культурогенезе народов Сибири весьма неоднозначную роль: в одних случаях их кочевые объединения в поисках новых пастбищ вытеснили некоторые высокоразвитые комплексные скотоводческо-земледельческие культуры на периферию степной и лесостепной зон. В других же случаях пришельцы-тюрки инкорпорировались в местную культурную среду и постепенно передали ей свой язык.

Начало выхода в Забайкалье и Южную Сибирь тюркских групп с первых веков нашей эры послужило также первым толчком миграционным передвижениям тунгусоязычных племен на север от Байкала и на восток в Приамурье. Выход тунгусоязычных пришельцев на Амур и в Приморье происходил в то время, когда бронзовый век (не очень выразительный на Дальнем Востоке из-за бедности залежей цветных металлов) довольно давно, еще в начале I тысячелетия до н.э., сменился железным. Отдельные группы местных племен уже перешли к земледельческому хозяйству и животноводству. Тунгусские пришельцы адаптировались в состав местных земледельцев, приняв их тип хозяйства, но сохранив свой язык. В первые века новой эры здесь происходил дальнейший прогресс хозяйственных и

социальных форм, сопровождаемый разнообразными этническими процессами, возникновением первых государственных образований (в VI–VII вв. – Бохай, в XII в. – "золотой империи" тунгусоязычных чжурчженей).

Чувствительный удар высокоразвитым культурам Дальнего Востока, как и юга Сибири, нанесло очередное возвышение центральноазиатских кочевников, создавших империю Чингисхана. Однако высокие культурные достижения народов Сибири не исчезли полностью после монголо-татарского разгрома. Но, будучи отнесенными в отдаленные труднодоступные области, их носители утратили наиболее прогрессивные формы хозяйства и адаптировались в новой для себя таежной полосе, используя выработанные их предшественниками навыки.

Значительные передвижения в северной половине Западной Сибири совершали угорские группы. В раннем средневековье они обитали не только в бассейне Нижнего и Среднего Приобья, но и освоили Северный Урал, отчасти Припечорье, Ямал и лесотундру между низовьями Оби и Енисея. На Крайнем Севере Западной Сибири и в тундре к западу от Полярного Урала стала складываться ненецкая (самоедо-юрацкая) народность. От Таза до нижнего Енисея распространилась новая самоедоязычная общность лесных и тундровых энцев. Отсюда самодийцы проникли и на Таймыр, где, смешавшись с местными палеоазиатами юкагирского ствола, образовали народность нганасан.

Но, пожалуй, наибольшие переселения с широким освоением тайги и ассимилятивным внедрением в "палеоазиатско-юкагирское" население Восточной Сибири совершили в средневековье тунгусоязычные группы пеших и оленных охотников на лося и дикого оленя. Перемещаясь в различных направлениях между Енисеем и Охотским побережьем, проникая из северной тайги на Амур и в Приморье, вступая в контакты и смешиваясь с иноязычными обитателями здешних мест, эти "тунгусские землепроходцы" в конечном итоге образовали многочисленные группы эвенков и эвенов и амуро-приморские народности. Тунгусы, сами овладевшие домашними оленями, способствовали распространению этих полезных транспортных животных среди юкагиров, коряков и чукчей, что имело важное последствие для развития их хозяйства, культурного общения и изменения в общественном строе.

Передача отдельных культурных черт от одних этнических групп другим происходила повсеместно и постоянно на протяжении всей истории народов Сибири. Иногда она завершалась сменой этнической спецификации и самосознания или даже синтезом этнокультурных черт и возникновением нового этноса. Один из ярких и недавних примеров этого – формирование этнической общности долган, возникшей в течение XVIII–XIX вв. на территории между норильскими озерами и р. Хатангой из трех компонентов: тунгусского, якутского и русского. Постепенно русские промысловики – озерные рыболовы, переселенцы с востока – якуты и выходцы из лесотундры – эвенки перемешались между собой путем межнациональных браков и составили в итоге новую народность, имя которой – долганы – дал один из эвенкийских родов, языком стал диалект якутского, а образ жизни, с основой на комплексном северном промысловом хозяйстве, включил в себя много деталей, свойственных всем исходным компонентам, как в материальной, так и в духовной культуре и фольклоре.

Наиболее стабильными и в хозяйственных занятиях, и в бытовой сфере оказались оседлые рыболовы и охотники за морским зверем в низовьях Амура и на Сахалине (нивхи), на Камчатке (ительмены), на Чукотке (эскимосы и береговые, "сидячие" чукчи). Однако и они не остались в полной изоляции от внешних культурных воздействий, переживая одновременно и внутренние социально-бытовые перемены.

Важно подчеркнуть, что ко времени прихода русских в Сибирь коренные народы не только лесостепной полосы, но также тайги и тундры отнюдь не находились на той стадии социально-исторического развития, которую можно было бы считать глубоко первобытной. Социально-экономические отношения в ведущей

сфере производства условий и форм общественной жизни у многих народов Сибири достигли довольно высокой ступени развития уже в XVII–XVIII вв. Этнографические материалы XIX столетия констатируют преобладание у народов Сибири отношений патриархально-общинного строя, связанного с натуральным хозяйством, простейшими формами соседско-родственной кооперации, общинной традицией владения угодьями, организации внутренних дел и сношений с внешним миром при достаточно строгом учете "кровных" генеалогических связей в брачно-семейной и бытовой (по преимуществу, религиозно-обрядовой и непосредственного общения) сферах. Родственно-генеалогические племенные структуры длительное время оставались также формой социальной связи, необходимой при межплеменных взаимоотношениях, в том числе военных столкновениях. Основной социально-производственной (включающей в себя все стороны и процессы производства и воспроизводства человеческой жизни), общественно значимой единицей социальной структуры у народов Сибири была территориально-соседская общность, внутри которой воспроизводились, передавались от поколения к поколению и накапливались все необходимые для существования и производственного общения материальные средства и навыки, общественные и идеологические отношения и свойства. Формой территориально-хозяйственного объединения могли быть отдельное оседлое поселение, группа взаимосвязанных промысловых стойбищ, локальное сообщество полукочевников.

Но этнографы правы и в том, что в бытовой сфере народов Сибири, в их генеалогических представлениях и связях долгое время сохранялись живые остатки прежних отношений патриархально-родового характера. К числу таких стойких явлений следует прежде всего отнести родовую экзогамию, распространенную на довольно широкий круг родственников в нескольких поколениях. Существовали многие традиции, подчеркивающие святость и нерушимость родового начала в общественном самоопределении индивида, в его поведении и отношении к окружающим людям. Высшей добродетелью считалась родственная взаимопомощь и солидарность даже в ущерб личным интересам и делам. В центре внимания этой родовой идеологии находилась разросшаяся отцовская семья и ее боковые патронимические линии. Учитывался и более широкий круг родственников отцовского "корня" или "кости", если, конечно, они были известны. Исходя из всего этого, этнографы полагают, что в истории народов Сибири отцовско-родовой строй представлял собой самостоятельную, весьма длительную стадию развития первобытно-общинных отношений и их трансформации в предклассовые, с присущей данному этапу дуалистичностью экономико-хозяйственных и социальных форм переходного характера.

Отцовско-родовые институты народов Сибири не представляли собой, однако, чего-либо единообразного; типы родов, их строение, численность, характер внутренней связи между структурными звеньями не были одинаковыми. У тюркоязычных народов юга Сибири, у тунгусоязычных групп структура рода, внутри- и межродовых связей имела отчетливо выраженную форму "генеалогического дерева". У таких народов, как обские угры, род ко времени прихода русских, по-видимому, уже разложился, однако сохранялась дуально-фратриальная экзогамность. Ее происхождение многие ученые связывают с двухкомпонентностью этнической основы хантов и манси. У части селькупов и нивхов этнографами отмечалась своеобразная трехродовая система "кольцевой" брачной связи, хотя сведения о ней довольно противоречивы. У ненцев же сохранились как роды, так и фратрии. А для структуры общества чукчей и коряков ко времени вхождения в состав России вообще не были свойственны ни фратрии, ни роды, но приоритет в общественной жизни и в семье сохранялся за мужчинами, стойко соблюдались такие обычаи, присущие стадии общинно-родовых отношений, как левират. Таким образом, все эти разнохарактерные социальные образования народов Сибири были далеки от научных представлений о классических формах родоплеменного строя. Но все они в

совокупности как раз достаточно ярко отображают стадильную переходность того этапа развития общества, который переживали автохтонные народы региона.

Что же касается предположения о том, что отцовскому роду предшествовала материнско-родовая организация, то обоснование факта ее существования в Сибири носит характер гипотетической реконструкции на материале некоторых реликтовых явлений, которые могут быть истолкованы по моргановской схеме архаического материнского рода. Например, ссылаются на бытование у кетов, энцев и нганасан экзогамных норм, исключающих брачные связи с партнерами как отцовского, так и материнского счета родства. Эту билатеральность экзогамной системы некоторые авторы объясняют как сохранившееся свидетельство такой исторической стадии, когда на севере Сибири отцовский род еще не получил всех прав по отношению к своим членам, а материнский род еще не утратил прежних прав по отношению к потомкам своих членов, перешедших в другой род. Ссылаются также на старинный обычай поселения молодого мужа в семье его жены у юкагиров, ительменов, эскимосов. У юкагиров известен старый порядок, при котором жених отрабатывал право взять жену в доме будущего тестя, а затем поселялся у него в качестве зятя.

Однако все эти явления существовали в рамках промысловой общины с подчеркнутым преобладанием родства и норм обычного права по отцовской линии и широкими связями соседского характера. Производственные отношения между мужчинами и женщинами в семье и локальной общине строились на основе разделения труда по полу и возрасту. Значительная роль женщины в домашнем хозяйстве была отражена в идеологии многих сибирских народов в форме культа мифологической "хозяйки очага" и связанного с ним обычая "хранения огня" реальной хозяйкой дома.

Следует, впрочем, учитывать, что используемый этнографами сибирский материал наряду с архаикой показывает и очевидные признаки давнего упадка и разложения родовых норм. Даже в тех местных обществах, где социальное расслоение не получило заметного развития, обнаруживались черты, преодолевающие родовое равенство и демократию, а именно: индивидуализация способов присвоения материальных благ, частная собственность на продукты промыслов и предметы обмена, на домашних оленей, имущественное неравенство между семьями, местами патриархальное рабство и кабала, выделение и возвышение правящей родовой знати, завуалированные формы эксплуатации под видом родственной и соседской взаимопомощи и т.д. Эти явления в тех или иных разновидностях отмечены документами XVII–XVIII вв. у обских угров и ненцев, саяно-алтайских народов и эвенков, якутов. Этнография XIX в. обнаружила сходные патриархально-общинные порядки на Нижнем Амуре и у северо-восточных палеоазиатов.

Тюркоязычным народам Южной Сибири, бурятам и якутам в указанное время была свойственна специфическая улусно-племенная организация, сочетающая в себе порядки и обычное право патриархальной (соседско-родственной) общины с господствующими институтами военно-иерархического строя и деспотической властью племенной знати. Царское правительство не могло не считаться с такой сложной социально-политической ситуацией и, признавая фактическую влияние и силу местной улусной знати, передоверяло ей фискально-полицейское управление рядовой массой сообщинников. Это способствовало юридическому укреплению реальной власти родоплеменной верхушки, базировавшейся ранее на неписаном обычае.

Необходимо учитывать и то, что российский царизм не ограничивался только сбором ясака – дани с коренного населения Сибири. Если так обстояло дело в XVII в., то в последующее столетие государственно-феодалная система стремилась максимально использовать производительные силы этого населения, налагая на него все большие платежи и натуральные повинности и лишая его права верховной собственности на все земли, угодья и богатства недр. Составной частью эконо-

мической политики самодержавия в Сибири было поощрение торговой и промышленной деятельности российского капитализма и казны. В пореформенный период усилился поток аграрного переселения в Сибирь крестьян из Европейской России. Вдоль важнейших транспортных магистралей стали быстро складываться очаги экономически активного пришлого населения, которое вступало в разносторонние хозяйственно-культурные контакты с коренными обитателями заново осваиваемых местностей Сибири. Естественно, что под этим прогрессивным в целом воздействием народы Сибири утратили свою патриархальную самобытность ("самобытность отсталости") и приобщались к новым условиям жизни, хотя это происходило в противоречивых и небезболезненных формах.

ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

Речь идет прежде всего о формах хозяйственного и материально-бытового уклада скотоводов и земледельцев-татар лесостепной полосы Западной Сибири, тюркских народностей (тувинцев, хакасов, алтайцев, шорцев) Алтае-Саян, западных и восточных бурят Прибайкалья, восточносибирских (ленско-алданских) якутов. У всех этих народов к периоду прихода русских скотоводство было развито значительно больше земледелия. Но с XVIII в. земледельческое хозяйство занимает все большее место у западносибирских татар, распространяется оно и среди традиционных скотоводов Южного Алтая, Тувы и Бурятии. Соответственно изменялись и материально-бытовые формы: возникали прочные оседлые поселения, кочевнические юрты и полужезнянки сменялись бревенчатыми домами. Впрочем, у алтайцев, бурят и якутов долгое время бытовали многоугольные срубные юрты с конической крышей, по внешнему виду имитирующие войлочную юрту у кочевников.

Традиционная одежда скотоводческого населения Сибири была сходна с центральноазиатской (например, монгольской) и относилась к типу распахной (меховой и матерчатый халат). Характерной одеждой южноалтайских скотоводов была длиннополая овчинная шуба. Замужние женщины-алтайки (как и бурятки) поверх шубы надевали своего рода длинную безрукавку с разрезом спереди – "чегедек". Якутки тоже носили длиннополый меховой кафтан "сангыях", по покрою близкий алтайскому "чегедеку", но в отличие от последнего – с рукавами. Интересен высокий головной убор замужних якуток – "туосахта". Русская торговля в Сибири способствовала широкому распространению, особенно в XIX в., русских тканей и матерчатой одежды по русским народным образцам.

Наибольший этнографический интерес представляют хозяйственно-культурные типы промыслового населения Сибири – прямых потомков древних обитателей различных районов Сибири. Специфическими чертами отмечен древний хозяйственно-культурный комплекс оседлых рыболовов низовий больших рек, а также ряда малых рек Северо-Восточной Сибири. Рыболовство в качестве основного занятия преобладало в бассейне Оби (у хантов, манси, селькупов), в нижнем течении Амура (у нивхов, ульчей, нанайцев), на Камчатке (у ительменов), а также у "пеших" коряков и эвенов Охотского побережья. Применялись различные способы лова и снасти для круглогодичного рыбного промысла. Охота имела вспомогательное значение. Главным событием в годовом цикле этого добывающего хозяйства было время нерестового хода рыбы – сезон массового улова. Оседлые рыболовы использовали различные способы переработки рыбной продукции для текущего потребления и заготовки впрок. Обычно рыбу вялили и сушили, часть ее сохраняли в квашеном виде в ямах. Вытапливали рыбий жир и смешивали его с сушеной рыбой. Рыбьи кожи специально обрабатывались для изготовления одежды и обуви.

С оседлым рыболовческим бытом были связаны такие элементы материальной культуры, как коллективные зимние землянки, наземные берестяные

чумы, корьевые и плетеные шалаши и даже свайные "балаганы" (Камчатка) в качестве жилища, применение ездового (санного) собаководства. Обские ханты имели ткацкий станок для изготовления ткани из крапивных нитей. В XIX в. рыболовы низовий Амура стали переходить к тепловому наземному жилищу типа фанзы, а обские рыболовы — к бревенчатым юртам, отапливаемым пристенным камином — "чувалом". Все группы сохранили меховую долгополую одежду в качестве зимней, бытовала и обыденная традиционная летняя, но вместе с тем стали носить и покупать тканевую одежду.

В обширной таежной зоне Сибири на основе древнего охотничьего уклада сформировался специализированный хозяйственно-культурный комплекс охотников-оленоводов, к которым относились эвенки, эвены, юкагиры, ороки, негидальцы. Промысел этих народов состоял в добывании диких лосей и оленей, мелких копытных и пушных зверей. Рыболовство почти повсеместно было вспомогательным занятием. В отличие от оседлых рыболовов охотники-оленоводы тайги вели подвижный образ жизни. Таежное транспортное оленеводство — исключительно выючно-верховое.

Материальная культура охотничьих народов тайги была полностью приспособлена к постоянным передвижениям. Характерный пример этого — эвенки. Жилищем у них служил конический чум, покрытый оленьими шкурами или выделанными кожами ("ровдугой"), или сшитой в широкие полосы вываренной в кипятке бересты. При частых перекочевках эти покрышки перевозились во выюках на домашних оленях. Для передвижения по рекам эвенки пользовались берестяными лодками, настолько легкими, что их без труда мог переносить на спине один человек. Превосходны эвенкийские лыжи: широкие, длинные, но весьма легкие, подклеенные шкурой с ноги лося. Старинная одежда эвенков была приспособлена к частой ходьбе на лыжах и езде верхом на олене. Эта одежда из тонких, но теплых оленьих шкур — распахная, с несходящимися спереди полами, грудь и живот закрывались своеобразным меховым нагрудником.

Типичными оленеводами тундры являлись ненцы, оленные чукчи и коряки. В их хозяйстве главную роль играло оленеводство, которое имело не только транспортное значение, но было основным источником средств существования. Охота и рыболовство были вспомогательными отраслями хозяйства.

Оленеводы тундры круглый год кочевали, передвигаясь со своими стадами с зимних пастбищ (у границ тайги) на летние (близ морского побережья), а осенью снова откочевывая к границам леса. Ненцы имели специальных пастушеских собак, которые помогали им собирать и охранять стадо от волков. Чукчи и коряки пастушеских собак не держали. В любое время года оленеводы тундры ездили на легких санках — нартах, запряженных 2–5 оленями.

Материальная культура оленеводов небогата, но она удивительно приспособлена к кочевому быту и к тяжелым природным условиям.

Число предметов обихода сведено до возможного минимума. Жилищем ненцев служил разборный конический чум с остовом из шестов, покрытый оленьими шкурами. Посуда употреблялась деревянная, только для варки пищи приобретали у русских металлический котел. Одежда была исключительно меховая, в виде длинного мешка с рукавами и капюшоном, надеваемая через голову. В холодное время надевали малицу из оленьих шкур шерстью внутрь, а поверх — совик, или сокуй, из таких же шкур, но шерстью наружу. Обувью служили высокие меховые сапоги — пимы.

Жилище кочевых чукчей и коряков — яранга — отличалось от конического чума ненцев тем, что остов ее сооружался из шестов различной длины и состоял из двух частей: нижней цилиндрической и верхней конической. Внутри яранга, покрытой сверху оленьими шкурами, устанавливался дополнительный полог, образующий закрытое со всех сторон кубическое помещение из оленьих шкур. Если ненцы отапливали чум открытым очагом (костром), то чукчи и коряки свою

ярангу – ставившейся внутри полога плоской с жиром, в которой горель фитиль из скрученной жгутом травы.

Наконец, арктическими охотниками на морского зверя в Сибири были эскимосы, оседлые чукчи и коряки, жившие не в тундре, а на морском побережье Чукотки. Весь их хозяйственный цикл состоял в промысле тюленей (зимой и весной) и моржей (весной и летом).

Морского зверя били гарпуном с поворотным отделяющимся наконечником. При охоте на моржа и кита к ремню гарпуна привязывался специальный поплавок из надутой воздухом снятой "чулком" шкуры тюленя, затруднявший передвижение раненого животного. Зимой охотник подстерегал добычу у проделанных тюленем или нерпой отдушин во льду, а весной и летом выходил на промысел в море на легкой лодке, состоящей из деревянного каркаса, обтянутого кожей. Для передвижения по суше использовались собаки, запряженные в нарты.

Некогда приморские жители обитали в землянках, имевших ход сверху, через дымовое отверстие. Кое-где такие жилища сохранились до 20–30-х годов, но большинство морских зверобоев еще в XIX в. стали сооружать такие же яранги, как и оленеводы. Традиционная одежда тех и других была меховой, двухслойной: нижняя – шерстью к телу, верхняя – шерстью наружу; будучи нераспашной "глухой" она надевалась через голову.

Хотя хозяйственный строй, культура и общественные институты промысловых народов Севера отличались архаичностью, общий ход исторического процесса в различных районах Сибири резко изменили события XVI–XVIII вв., связанные с появлением русских землепроходцев и включением в конечном итоге всей Сибири в состав Российского государства. Оживленная русская торговля и прогрессивное влияние русских поселенцев произвели значительные изменения в хозяйстве и быту не только скотоводческо-земледельческого, но и промыслового населения Сибири. Уже к концу XVIII в. эвенки, эвены, юкагиры и другие промысловые группы Севера стали широко использовать огнестрельное оружие. Это облегчило и количественно умножило добычу крупных животных (дикого оленя, лося) и пушных зверей, особенно белки – основного объекта пушного промысла XIX – начала XX в. К исконным промыслам стали добавляться новые занятия – более развитое оленеводство, использование тягловой силы лошади, земледельческие опыты, зачатки ремесла на местной сырьевой базе и т.д. Вследствие всего этого изменялась и материально-бытовая культура жителей Сибири.

Присоединение Сибири к России имело еще одно немаловажное прогрессивное значение для ее коренных обитателей: благодаря вмешательству русских властей прекратились межгрупповые войны и столкновения.

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

До самой революции в бытовой жизни народов Сибири существовала сфера, которая менее всего поддавалась внешнему культурному воздействию. Это область религиозно-мифологических представлений и различных религиозных культов. Наиболее распространенной формой верований у народов Сибири был шаманизм. Шаманские воззрения нередко сочетались с другими комплексами верований у разных народов. При этом самые развитые формы шаманизма своеобразно интегрировали их в единую мировоззренческую систему.

Отличительной чертой шаманизма является вера в то, что определенные люди – шаманы – имеют способность, приведя себя в состояние транса, вступать в непосредственное общение с духами – покровителями и помощниками шамана в борьбе с болезнями, голодом, пропажами и прочими несчастьями. Шаман же был обязан "заботиться" об успехе промысла, удачном рождении ребенка и т.д. Шаманизм имел несколько разновидностей, соответствующих различным стадиям

общественного развития сибирских народов. У наиболее архаичных по укладу быта народов, например у ительменов, шаманить могли все, и особенно старые женщины. Пережитки такого "поголовного" шаманства сохранились и у других народов. В частности, у чукчей наряду с наличием профессиональных шаманов существовали шаманские обряды, которые исполнялись главами семей во время семейных празднеств.

У некоторых народов функции шамана представляли собой уже особую специальность. При этом иногда действия шамана были необходимым элементом родовых культов, участие в которых объединяло всех взрослых родственников. Такие факты отмечались у юкагиров, хантов и манси, бурят. Однако немало сообщений другого рода, не позволяющих однозначно трактовать связь шаманского культа с родовыми институтами. Профессиональное шаманство возникает в период распада патриархально-родового строя. Шаман становится особым лицом в общине, противопоставляющим себя непосвященным сородичам, живет доходами от своей профессии. Но период распада и трансформации родовых связей стал для многих народов Сибири, как отмечалось, длительной и затяжной фазой истории. Поэтому черты профессионального шаманства по-разному проявлялись в структуре религиозного сознания и поведения людей даже для одной и той же этнической группы. Шаманы, фактически живущие доходами от своего "промысла", встречались, например, среди тунгусоязычных народов Восточной Сибири и Приамурья, у ненцев, селькупов. Но у них существовали наряду с профессиональными "посредниками духов" и люди, ведущие собственное промысловое хозяйство, которые одновременно занимались камланием в случаях, когда к ним обращались с такой просьбой родственники или соседи.

Вообще формы и особенности шаманизма в Сибири были многообразны и с трудом поддаются систематизации. Своеобразные отличительные черты есть в шаманизме тюркоязычных народов Южной Сибири, якутов, северо-восточных палеоазиатов, нганасан и юкагиров, таяжских народов Западной Сибири, тунгусоязычных групп, обитателей Приамурья. Сложен и спорен вопрос о наследственном шаманстве даже у тех народов, у которых были профессиональные шаманы.

У бурят шаманизм приобрел усложненные формы под воздействием буддизма, а с конца XVII в. вообще стал сменяться этой религией. Среди народов Алтае-Саян распространился тот же буддизм (в Туве), частью христианство (у хакасов и алтайцев), а в связи с ними появились новые верования (так называемый бурханизм — почитание богу Бурхану). Западносибирские татары некогда были шаманистами, но с конца XVI в. шаманизм был вытеснен исламом. У народов Сибири существовали и другие формы религии, частью связанные с шаманством, частью бытовавшие отдельно от него. К категории таких самостоятельных верований можно отнести семейно-родовой культ. Так чисто родовым культом был культ медведя у нивхов. Во время его свершения шаману не дозволялось камлать. У ненцев существовало развитое шаманство, наряду с которым, однако, изображения семейных духов-покровителей изготавливали и хранили главы семей.

Широко бытовали также промысловые культы, состоящие в жертвоприношениях "хозяевам" природы, духам-покровителям. Эти культы местами увязывались с шаманскими воззрениями, но чаще носили характер родовых или даже более — индивидуальных культов. Например, ненцы, приступая к промыслу, каждый в отдельности приносили жертвы "сядаям" — покровителям охоты и рыболовства.

Царское правительство, начиная с XVIII в., усердно поддерживало в Сибири миссионерскую деятельность православной церкви, причем христианизация нередко проводилась принудительными мерами. К концу XIX в. большинство сибирских народов было формально крещено, однако их собственные верования не исчезли и продолжали оказывать немалое воздействие на мировоззрение и поведение коренного населения.

НАРОДЫ СИБИРИ И ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

К концу XIX – началу XX в. большинство народов Сибири, особенно Севера, продолжало оставаться в состоянии хозяйственной, социальной и культурно-бытовой отсталости. Аборигенов Сибири справедливо относят к числу народов, миновавших капиталистическую стадию развития. Однако, хотя они в своем саморазвитии не достигли уровня не только капиталистического, но и вообще классового общества, лишь подойдя к его рубежу, три столетия существования в составе Российского государства с его сложившейся и развитой феодальной, затем и капиталистической экономической и политической системой не могли не отразиться на хозяйстве и быте коренного населения и не оставить в судьбе каждого из народов своего следа.

Изменения в хозяйстве под влиянием фискальной и торговой политики царизма в Сибири, а затем прямого воздействия капиталистического рынка, начинали приобретать необратимый характер. Они выразились прежде всего в непомерном для традиционного, натурального в своей основе хозяйственного уклада увеличении доли пушной охоты, имевшей уже непосредственно торговый характер. Соответственно этому пропорция жизнеобеспечивающих отраслей хозяйства аборигенных народов (охота на дичь, рыболовство, оленеводство) сократилась, потребности в пище частично стали удовлетворяться тоже за счет рыночного обмена (привозная мука, чай, сахар и др.). Распространение огнестрельного оружия (с XVIII–XIX вв.), пороха, покупных сетей и неводов, капканов, металлических изделий, покупных одежды и тканей, облегчив и улучшив условия жизни и хозяйственной деятельности, в то же время сильнее привязало северян к рынку.

Положение коренного населения по отношению к рынку во многом обуславливалось отдаленностью от крупных торговых пунктов и транспортных коммуникаций. Обменные связи с "метрополией" требовали посреднической торговли. Абсолютно не подготовленные к таким взаимоотношениям с рынком, коренные обитатели Сибири стали легкой добычей торговых посредников, беззащитной жертвой неэквивалентного обмена, жестокой торговой эксплуатации, опутывания кабальными сделками, прямого обмана.

Положение коренного населения ничуть не улучшилось и даже осложнилось, когда торговым посредничеством стала заниматься небольшая прослойка местной родоплеменной верхушки, втянувшаяся в обменные операции между своими соплеменниками и российским рынком. "Свои" торговцы проникали в самые отдаленные уголки, в глубинку, добавив к различным кабальным сделкам разнообразный арсенал методов эксплуатации, замаскированных глубоко укоренившимися на севере традициями родственной и соседской взаимопомощи. Сопровождаемая хищническим и варварским отношением к биологическим ресурсам региона, капиталистическая эксплуатация пушных богатств Сибири довольно быстро их истощила, а коренное население в массе своей оказалось подвержено пауперизации, вплоть до крайнего обнищания; местами положение обедневших охотников, рыболовов и оленеводов приближалось к положению наемных сельскохозяйственных рабочих, лишенных инвентаря и работающих на хозяина-нанимателя только за пропитание. Такие слои коренного населения быстрее всего утрачивали этнокультурную специфику в хозяйстве и в быту.

Влияние российского капиталистического рынка на экономику народов, занятых земледелием и скотоводством (буряты, хакасы, алтайцы, якуты) было еще более значительно, хотя элементы натуральности в хозяйстве их отдельных групп до конца не были преодолены. Но здесь имущественная и социальная дифференциация зашла глубже. Из числа зажиточных хозяев выросла прослойка сельской буржуазии, опутавшей кабальными сделками обедневших соседей. Появились даже крупные промышленники (конозаводчики, владельцы маслоделательных предприятий, подрядчики на извозе и т.д.). Торгово-посреднические операции крупных якут-

ских торговцев распространялись, например, не только на своих соплеменников, но и на других коренных жителей Восточной Сибири (эвенков, эвенов, юкагиров, чукчей и коряков, приамурские народы). На севере Западной Сибири такую же роль играли богатые торговцы – выходцы из коми-зырян (так называемые ижемцы – переселенцы из бассейна Печоры).

Передовые русские люди – ученые, путешественники, краеведы, ссыльные революционеры, наблюдавшие бедственное положение коренного населения Сибири, дали яркое описание системы торговой эксплуатации аборигенов, "одинаковой на всем пространстве от Урала до Великого океана", основанной на безденежной меновой торговле и произвольных ценах на пушнину и товары, системы, где "всесильно властвует кулак – скупщик на полных правах монополиста". Однако все призывы к правительству облегчить участь коренного населения так и не были услышаны. После же установления советской власти в Сибири возникло государственно организованное и поддержанное трудящимися на местах своеобразное направление перехода от патриархальной отсталости к более современным формам экономики и культуры, минуя капиталистическую стадию развития.

Уже в 1922–1924 гг. были предприняты первые шаги по ликвидации отсталости народов Сибири путем развития потребительской кооперации, материальной помощи через государственные органы, ограничения неэквивалентной частной торговли и эксплуататорских элементов в производстве. В 1922 г. были образованы Бурятская и Якутская АССР, Автономная область алтайцев; в 1923 г. – Хакасская автономная область.

Каждая автономия, построенная на основе выборности советских органов снизу доверху, была наиболее приемлемой и понятной формой приобщения широких масс коренного населения к принципам советской государственности, естественным способом связи местного управления с центральными административными органами. Такая система управления сыграла важную роль в налаживании на местах школьного образования, культурно-просветительской и медицинской работы. С помощью центральных учреждений создавались национальная школа, письменность, печать.

В области материального производства развитие автономных единиц пошло по линии переустройства, кооперирования и укрупнения сельского хозяйства, по линии создания промышленных очагов, налаживания всех видов транспорта и связи. В результате развития новых форм хозяйства Бурятия, Алтай, Тува (последняя до 1944 г. существовала как народная республика, в 1944 г. вошла в состав СССР на правах сначала автономной области, а с 1961 г. – республики) и Якутия начали превращаться в промышленно-сельскохозяйственные районы с растущим уровнем культуры коренного населения. Здесь возникло много новых городов и рабочих поселков.

Труднее было поднять к новой жизни население глухих, удаленных районов тайги и тундры Крайнего Севера. Мало того, что это население вообще отличалось вековой отсталостью, в период империалистической и гражданской войн оно совершенно разорилось. Советское строительство у народов Севера развернулось на 5–8 лет позже, чем в Центральной России. Первоначальная советизация Севера проводилась на основе территориально-родового деления населения. Органами местного управления в 1926 г. становились родовые Советы, районные туземные съезды и исполнительные комитеты, которые должны были собрать воедино разрозненные части коренных народов, донести до них основные идеи советской национальной политики, обеспечить на местах власть трудовым хозяйствам при изоляции эксплуататорских элементов.

Дальнейшим шагом советского строительства на Севере было создание национальных районов, а в 1929–1931 гг. – национальных (ныне автономных) округов: Ненецкого, Ямало-Ненецкого, Ханты-Мансийского, Долгано-Ненецкого, Эвенкийского, Корякского и Чукотского, а также ряда национальных районов и

сельских Советов. В ведении окружных руководящих органов, состоящих из представителей местных национальностей, оказались все стороны экономической и социально-культурной жизни, рычаги воздействия на процесс преобразования традиционного образа жизни промыслового населения. В задачи округов входили социально-экономическое кооперирование и коллективизация охотников, рыболовов и оленеводов.

Работа по преобразованию организационной и технической основ хозяйства северных народов прошла ряд этапов. Первым шагом было создание простейших производственных объединений (ППО), в которых на кооперативных началах осуществлялось разделение труда внутри комплексного промыслового хозяйства и распределение продуктов промыслов соответственно затраченному труду. Уже такие меры дали возможность ликвидировать противоречия между отраслями комплексного хозяйства, ограничив моменты имущественного неравноправия и зависимости от более зажиточных хозяев (хотя полностью их еще не уничтожили). Был налажен нормальный товарообмен с населением через снабженческо-сбытовые организации, ведущие заготовку пушнины, продукции промыслового рыболовства и т.п. и снабжение населения необходимым хозяйственным инвентарем, промышленными товарами, продовольствием.

Нормализация промыслово-хозяйственной жизни народностей Севера, решительное устранение из нее неравноправно-эксплуататорских элементов стали крупными достижениями советского строительства в 20–30-е годы. Однако по мере упрочения этих достижений встал вопрос об альтернативности в дальнейшем развитии этих народов. Ограничение только достигнутым уровнем означало бы консервацию вековой отсталости аборигенного населения, сведения его уровня жизни к положению населения резерваций. Между тем основная задача национальной политики Советского государства формулировалась как преодоление фактического неравенства народов, подтягивание ранее отсталых до уровня передовых. Это ставило перед государством задачи необычайной сложности, включающие ликвидацию безграмотности (ранее — поголовной), усвоение населением в короткие сроки современной культуры и образования, подъем хозяйства на новый, современный организационный и технико-технологический уровень. Только такой комплекс социальных и организационно-хозяйственных преобразований мог обеспечить ситуацию, когда альтернативность выбора занятий и образа жизни, став делом вкуса и склонностей самого человека, служила бы раскрытию его творческих способностей.

Такое направление дальнейших преобразований было принято за основу и по мере возможностей проводилось в жизнь. Огромную роль в подъеме культуры, налаживании медицинского обслуживания, внедрении прогрессивных изменений в быту имела деятельность постоянных культбаз, устроенных в районах расселения народов Сибири. На первых порах культбазы были комплексными культурно-просветительными, образовательными и медико-санитарными учреждениями. Они сочетали в своей практике принципы стационарной и разъездной, обслуживающей кочевное население тайги и тундры, работы. На культбазах работало немало специалистов, бескорыстно и самоотверженно отдававших свои силы и знания благородному делу подъема экономики и культуры коренных жителей и быстро завоевавших симпатии и абсолютное доверие населения, всегда умевшего ценить искреннюю помощь и дружбу и отвечавшего тем же. В 30-х годах в районах расселения народностей Севера действовала уже система стационарных школ-интернатов, в которых дети охотников, рыболовов, оленеводов могли получать начальное и среднее образование, а первые выпускники средних школ из числа народов Севера получили уже возможность продолжить образование в лучших вузах Сибири, Ленинграда (где был создан Институт народов Севера), Москвы и вернуться домой дипломированными учителями, врачами, хозяйственными специалистами, администраторами.

Огромную роль сыграло создание письменности на языках народов Сибири. До революции только 2 народа, буряты и якуты, имели письменность на своем языке (первые на монгольской графике, вторые — на русской).

Была проделана большая работа по созданию письменности на алтайском, тувинском, хакасском, хантыйском, мансийском, ненецком, селькупском, эвенкийском, нанайском, эвенском, чукотском, корякском, эскимосском и нивхском языках. Это значительно упростило задачи школьного образования на основе родного языка. В конце 30-х годов начался дальнейший этап организационно-хозяйственных преобразований — переход на устав колхозных артелей.

Однако в тот же период были осуществлены неоправданные административно-политические решения, в частности упразднены национальные районы и сельсоветы. Коренное население, живущее вне национальных округов, оказалось лишено формы национального самоуправления, которая в целом себя оправдала. Новыми явлениями в хозяйственной жизни северных народностей стали появление таких отраслей, как клеточное звероводство, огородничество и животноводство (в районах, где это было возможно), оснащение традиционных отраслей современным оружием и снастями, моторной техникой. В быту привычными чертами становились бревенчатые жилые дома на центральных усадьбах колхозов, медицинское обслуживание, современная одежда и утварь. Однако сам характер труда в традиционных отраслях менялся еще очень медленно. Немалый вред был нанесен бездумным переносом в условиях Севера шаблонов колхозной политики из центральных районов страны, хотя принципы сельхозартели могли бы вполне успешно сочетаться с существовавшими на Севере традиционными формами и кооперации рабочих рук, и некоторыми из способов распределения продукта, если бы акцент в кооперативном строительстве был сделан на сочетании кооперативных начал с местной спецификой хозяйства и быта. Постепенно складывалось и немаловажное противоречие в образе жизни северных народов, заключающееся в том, что знания и умения, полученные детьми в процессе школьного образования, открывали людям практические возможности для широкого выбора будущей профессии и поля деятельности, но оказывались мало нужны в том случае, если их будущая деятельность была связана с традиционными отраслями.

Ряд непродуманных управленческих решений, не соответствовавших потребностям хозяйства и образа жизни коренного населения Сибири, был допущен в 50–60-е годы. К ним относилось массовое преобразование сельхозартелей в совхозы, тенденция к укрупнению хозяйств и сселению жителей в поселки, осуществление концепции "перевода кочевников на оседлость". Все это, даже когда объяснялось заботой об улучшении условий жизни и быта населения, не отвечало хозяйственно-бытовому укладу, запросам и потребностям северных народностей.

В ряде мест проживания народностей Севера в 70–80-е годы к тому же резко обострилась экологическая ситуация, как следствие активного промышленного освоения зоны Севера (разработка нефти, газа и других месторождений), что обернулось порчей и изъятием из пользования оленьих пастбищ, охотничьих и рыболовных угодий.

Происходили, конечно, и прогрессивные сдвиги в жизни народов Севера. Существенно выросло число квалифицированных кадров коренной национальности, занятых в различных отраслях общественного производства северных округов. По данным за 1970 г. их насчитывалось уже до 1 тыс. человек с высшим образованием и до 4 тыс. человек с незаконченным высшим и средним специальным. В 70–80-е годы рост образовательного уровня у народов Севера продолжался, разница по показателям образования между ними и населением других регионов страны почти выравнивалась (среднее число лет обучения по ряду автономных округов выросло за 70-е годы в 1,5 раза, еще больше — в 3–4 раза — выроста доля лиц со средним образованием, до 2 раз — имеющих высшее образование).

Эти изменения отразили тенденции перемен в характере как самих

традиционных отраслей северного хозяйства, так и соотношение видов труда, характер занятости населения, прогрессирующую дифференциацию видов деятельности. Впрочем, показатели характера занятости пока еще существенно различны в отношении отдельных регионов проживания народностей Севера. Например, если среди народностей Сахалина и Нижнего Амура от одной шестой до одной четверти занятого населения на начало 80-х годов трудились в традиционных отраслях, а остальные — в таких сферах, как просвещение, культура, здравоохранение, промышленность, торговля, бытовое обслуживание, то в других районах (например, Таймырском, Эвенкийском, Чукотском и других округах) до 80% занятого населения работало в разных, в основном традиционных, отраслях агропромышленного комплекса и в охотничьем хозяйстве. Такая большая разница объясняется рядом причин, прежде всего различиями поселенческой и демографической структуры регионов. В частности, народности Дальнего Востока проживают в районе, где больше крупных городских поселений, расположенных вблизи от мест их традиционного расселения. Это дает больше возможностей выбора рабочих мест, не связанных ни с отраслями традиционного хозяйствования, ни с сельским хозяйством.

При этом различия в уровне образования между коренным населением данных регионов практически почти не обнаруживается. Напротив, в автономных округах Севера больший процент представителей коренных национальностей, имеющих специальную подготовку, занят в таких отраслях, как культура, печать и др. Это значит, что северные автономии концентрируют более разнообразный национальный культурно-воспроизводственный потенциал. Однако по уровню образования население в массе подготовлено к более разнохарактерным и современным видам деятельности, чем те рабочие места, которые ныне существуют в автономных округах. Конечно, традиционные отрасли хозяйства вовсе не изжили себя, они продолжают сохранять свое значение, которое со временем должно даже усиливаться, оставаясь важным фактором и в обеспечении северных народов необходимыми продуктами питания, сырьем и товарами, и в обеспечении надежной базы для дальнейшего промышленного освоения северных регионов. Но их нынешняя техническая база оказывается ниже того образовательного и культурного уровня, которым сегодня располагает коренное население, она не вполне соответствует его выросшим культурно-интеллектуальным запросам, его требованиям к характеру труда. В наши дни это порождает острые кадровые проблемы в северных хозяйствах.

Особенно сложно обстоят дела с занятостью женщин. По своему характеру труд в традиционных отраслях остается по преимуществу мужским (охота, оленеводство, рыболовство). Большую часть времени занятые в этих видах труда мужчины проводят вне поселков. Все это создает трудности и для налаживания нормальной семейной жизни, и для удовлетворения на современном уровне многих культурно-бытовых потребностей.

Такой сложившийся за последние десятилетия груз проблем, связанных и с объективными, и с субъективными условиями жизни малочисленных народов, породил тревожные социальные и демографические явления (занятость населения, неудовлетворительные условия быта, повышенная смертность от травматизма, несчастных случаев, болезней и т.п.).

Обозначенные проблемы, разумеется, по-разному решаются в районах расселения народов Севера, и уже есть некоторый опыт ряда альтернативных решений. На новой современной технической базе возрожден, например, такой один из древнейших типов субарктического хозяйства, как охота на дикого северного оленя в местах проживания нганасан, долган, ненцев и эвенков Таймырского автономного округа. Выяснилось, что в условиях Таймыра вести строго контролируемый плановый отстрел дикого оленя не только значительно рентабельнее, чем развивать домашнее оленеводство, но и благоприятнее с точки зрения охраны окружающей среды. В других по профилю хозяйствах Севера вопросы модер-

низации технической базы и характера труда также решаются своими способами, применимыми к местным условиям. Расширяется система "промежуточных" таежных баз для охотников и пастухов, где создаются нормальные условия для отдыха и культурного обслуживания. Есть и опыты организации промысла по примеру известного вахтового метода на нефтеразработках. В этом, возможно, заключены перспективы традиционных видов хозяйства по мере их модернизации на основе научно-технического прогресса. Сама по себе эта модернизация тоже встречается с еще большими сложностями.

Принято считать, что современная наука и техника пока в большом долгу перед северянами. В этом утверждении есть значительная доля истины. До сих пор не созданы удовлетворительные варианты теплого переносного современного жилища, так необходимого промысловикам в суровых условиях сибирской тайги и тундры. Нет достаточно надежных и полностью подходящих к условиям Сибири видов местного транспорта, пригодного для разных сезонов и погодных условий, и многого другого. Но есть и другая сторона проблемы внедрения достижений научно-технического прогресса в жизнь автохтонных обитателей Сибири: далеко не случайно их традиционные культурно-хозяйственные достижения оказываются не только конкурентоспособными с творениями современной техники, но и нередко превосходят последние по своей полезности и пригодности для человека и безвредности для окружающей среды. Многие культурные завоевания северян прошли длительный путь становления, отбора и адаптации применительно именно к этим условиям. И заменить их на современной научно-технической базе можно, вероятно, только при продуманном учете всего положительного опыта традиционного материального быта народов Севера и при сохранении всех пригодных в условиях современного хозяйства и быта традиционных форм, гибком и разумном сочетании их с новыми.

В настоящее время традиционные элементы в культуре и быте северян сохраняются в разной степени. Сфера быта сейчас подвержена действию довольно разносторонних факторов, определяющих тенденции перемен. Если раньше весь уклад хозяйства и образа жизни сибирских аборигенов диктовал условия и определял характер культурно-бытовой среды (в том числе жилища, одежды, утвари, орудий труда, пищи и т.д.), то теперь, при значительной дифференциации как характера хозяйственной деятельности, так и условий труда, среды обитания в целом, сфера быта, особенно в части его материальных атрибутов, стала довольно разнообразной и подчиняется тем же закономерностям изменений, как и у других народов страны и в других регионах. Постоянное жилище в городах и поселках, где живут народы Сибири, не отличается от индустриальных образцов или типовой сельской застройки. Промышленно произведенные варианты прочно заняли место среди подавляющего большинства орудий труда, домашней утвари.

По-разному обстоит дело и с сохранением этнических особенностей в одежде и пище. Летняя одежда почти повсеместно практически сменилась современными покупными изделиями фабричного производства. Иное дело — зимняя одежда, гораздо лучше приспособленная к местным условиям, чем то, что может предложить северянам промышленность. Она не только стойко сохраняется у автохтонных жителей, но и перенимается приезжим населением. Конечно, и здесь происходят изменения традиционных форм и в фасоне, и в отдельных деталях орнаментации, здесь тоже заметны процессы сглаживания локальной специфики и известной унификации, а иногда и широкого внедрения каких-то заимствованных деталей. Специфика же пищи, как и в рационе, так и в блюдах и способах приготовления, значительно связана с характером основных занятий человека, поэтому здесь много изменений и заимствований. Многие продукты вообще впервые широко вошли в быт только в годы советской власти.

Замена традиционных элементов быта новыми вообще неоднозначно отражается на процессах национально-консолидационного и интеграционного характера.

Раньше, особенно в условиях территориальной разобщенности и эпизодичности общения частей одного и того же этноса, множества локальных различий в быту служило нередко дополнительным препятствием в процессах консолидации. Унификация этих деталей, пусть даже путем утраты этнографической специфики из-за внедрения промышленно производимых изделий, такие препятствия устранила. В консолидации таких, например, этносов, как хакасы, ранее в массе не осознававших себя единым народом, а делившихся на 5 территориально-этнографических подразделений племенного характера с собственным самосознанием (качинцы, сагайцы, бельтиры, койбалы, кызыльцы), нивелирование или утрата бытовой локальной специфики могли иметь немаловажное значение.

Немало и таких деталей в традиционном хозяйственном быту, которые, напротив, не исчезли, но в советский период стали быстро утрачивать локально-этнографический характер, приобретая общерегиональное значение как более рациональные, например способы упряжного оленеводства, типы ездовой нарты у народов енисейского Севера и т.д.

Существенны изменения и в сфере духовной культуры, масштаб которых измеряется движением из глубин архаического религиозно-анимистического миропонимания к основам и понятиям современного научного мировоззрения, что стало возможным благодаря системе современного образования. Однако ограничение указанием только на этот благоприобретенный мировой опыт для характеристики современной культуры народов Сибири, при всем его огромном значении, не может дать полного представления об их культурной жизни. Важнейшим показателем культурного развития народов Сибири является создание за годы советской власти совершенно нового для этих народов социального слоя — интеллигенции. На первых порах наиболее быстро росла интеллигенция "массовых профессий": врачи, работники культурно-массовых учреждений. Заметно отставала подготовка кадров технической интеллигенции. Однако примечательной чертой последних 10–15 лет была тенденция, определяемая изменениями в характере труда, — существенный рост специалистов сферы материального производства из числа коренных национальностей не только крупных этносов (буряты, якуты, хакасы, тувинцы, алтайцы), но и малочисленных народностей Сибири и Дальнего Востока: работников высшей квалификации в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, на транспорте.

Особого внимания заслуживает процесс появления и формирования научной и творческой интеллигенции у народов Сибири. Он начался с первыми успехами ликвидации неграмотности и развития образования. Уже процесс работы над созданием письменности позволил сконцентрировать усилия первых образованных людей из среды самих северян. Многие из них стали впоследствии и первыми профессиональными учеными (до революции лишь редкие индивидуумы из числа бурят и якутов имели такую возможность) — филологами, фольклористами, историками, ныне широко известными в научном мире. Бесспорным достижением стало открытие доступа представителям аборигенных народов к сокровищам мировой художественной культуры и формирование собственной художественно-творческой интеллигенции. Все это сделало возможным творческое раскрытие для всего человечества богатого и своеобразного художественно-образного восприятия мира народами Сибири через произведения их писателей и поэтов, живописцев и графиков, мастеров народного декоративно-прикладного искусства, песенно-танцевальный фольклор.

Конечно, различные жанры литературы и художественного творчества имеют разную степень преемственности с теми формами художественно-эстетического постижения и отражения мира, которые традиционно существовали у народов Сибири. Больше преемственность сохраняется у мастеров декоративно-прикладного искусства. Их работа тоже, конечно, в современных условиях потеряла характер подсобных "домашних" ремесел с чертами относительной изолированности испол-

нителей друг от друга и локальной разобщенности и приобрела оттенки специализации на профессиональном уровне. Изделия лучших мастеров учитываются организациями Художественного фонда и поступают на рынок (хотя эти выявление и учет далеко не полны и не исчерпывают ни возможностей мастера, ни потребностей рынка). Такие из них, как, например, работы мастеров-ювелиров из Бурятии, где это искусство было издавна высоко развито, завоевали признание и известность и на мировом уровне.

Можно проследить преемственность с образным миром народных преданий, легенд, песен и в творчестве известных современных поэтов, например, манси Ювана Шесталова или чукотской поэтессы Антонины Кымытваль. Большой интерес у читателей не только из среды коренного населения, но и у других народов страны вызывает творчество прозаиков нивха В. Санги, чукчи Ю. Рытхэу, юкагира С. Курилова, нанайцев Г. Ходжера и Д. Кимонка и многих др. Жанр прозы, разумеется, совершенно новое явление в культуре сибирских народов, но он позволяет лучше понять и их традиционную культуру и психологию, и современную жизнь. То же можно сказать и о творчестве мастеров изобразительного искусства, помогающем новыми средствами лучше понять культуру коренного населения, душу человека и связь человека с миром природы.

Большое значение имеет и деятельность по собиранию народного фольклора и публикация его образцов, в чем также активно участвуют профессионалы-фольклористы, лингвисты, литераторы из автохтонных народов.

Новыми для народов Сибири, заимствованными из арсенала мировой культуры, но уже ставшими необходимыми элементами духовной жизни, стали творчество композиторов, деятельность музыкальных и драматических коллективов.

Есть и такие формы современной художественной культуры народов Сибири, которые можно назвать синкретичными. Это, например, работа современных вокально-танцевальных коллективов, таких, как чукотско-эскимосский ансамбль "Эргырон", корякский "Мэнго", эвенкийский "Осиктакан", ненецкий "Харп" и др. Их творчество представляет собой сплав современного художественно-музыкального образования и народных фольклорных традиций. Однако, каковы бы ни были природа художественно-творческой жизни народов Сибири и степень сочетания в ней традиционного и заимствованного, все эти тенденции в равной мере характеризуют их нынешнюю духовную среду, общее и специфическое в их духовной жизни.

Одной из важнейших характеристик интеграционных процессов в сфере духовной культуры вообще следует считать преодоление былой оторванности от мира, заброшенности. Сейчас почти все территории расселения народов Сибири доступны для приема всесоюзных и местных телепрограмм, у многих народов выходят газеты, печатаются книги на родном языке. Почти повсеместно распространено двуязычие и владение русским языком. Это тем более необходимо, что для многих народов их литературный язык разработан на основе одного из диалектов и не вполне понятен для говорящих на других, поэтому даже книги своих писателей и поэтов нередко предпочитают в русском переводе.

Широкое распространение потребления культуры, связанное с русским языком, отвечает возросшим современным потребностям народов Сибири, хотя, конечно, обратная сторона этого явления — сужение сферы функционирования коренных языков, что делает перспективы их бытования не вполне определенными.

Изменения в хозяйстве, мировоззрения и духовной культуре, образовании, владении русским языком предопределяют основные тенденции социально-демографических процессов у народов Сибири. Одним из важнейших среди них является развитие урбанизации, имея в виду обе ее грани: и переселение части сельского населения в города и поселки городского типа, и распространение городского образа жизни и стереотипов поведения и быта среди сельских жителей. Пока первый аспект урбанизационного процесса продолжает превалировать над вторым, согласно

статистике, у всех народов Сибири переезд сельских жителей в городские поселения устойчиво преобладает над выездом горожан на жительство в село. Одним из факторов этого миграционного движения выступает возросший уровень образования коренного населения и изменившееся в связи с этим отношение к характеру труда. Хорошее владение русским языком обегчает переезд на жительство в город и адаптацию на новом месте.

Так как все города и поселки Сибири, притягивающие переселенцев, многонациональны по своему составу, в городской среде особенно быстро растет число национально смешанных браков, где один из супругов принадлежит к числу автохтонных народов (число национально смешанных семей постоянно растет и в сельских поселениях, но медленнее). В последние годы чаще вступают в такие браки, в основном с русскими, женщины – представительницы сибирских этносов. Объясняется это не в последнюю очередь тем фактом, что образовательный потенциал женщин-северянок сейчас растет несколько интенсивнее, чем у мужчин, которые в большей степени заняты в традиционных отраслях с преобладанием физического труда низкой квалификации. Из тенденции роста национально-смешанных браков не вытекает тем не менее прямая тенденция к сокращению численности или ассимиляции автохтонных народов. Статистика и данные этносоциологических опросов показывают, что во многих случаях дети от национально смешанных браков сохраняют национальность родителя из сибирских этносов (например, в Якутии дети от русско-якутских браков). Не ведет, как правило, к смене этнического самосознания и языковая ассимиляция в русскоязычной по преимуществу среде многонациональных сибирских городов.

И тем не менее, хотя воспроизводство численности этносов Сибири как будто бы осуществляется благополучно (за межпереписное десятилетие 1979–1989 гг. увеличилась численность почти всех автохтонных народов, уменьшилась она лишь у трех самых небольших народов числом менее 1 тыс. человек: ороков, орочей и энцев), перспективы многих из них как культурно-исторических образований оставляют немало открытых вопросов, а положение коренного населения остается весьма тревожным. Опыт показал, что контакт "промысловых" народов с индустриальной цивилизацией, давшей им немало благ, оказал вместе с тем сильное деструктивное воздействие на воспроизводство их культуры. Резко негативными оказались, в частности, последствия укрупнения поселений, изменившего характер традиционного микроареального расселения и природопользования: в результате специфика хозяйственных занятий стала несовместима с современными формами быта и культурного потребления. Усугубило положение также промышленное освоение зоны Севера, к которому большинство коренного населения оказалось психологически не готово. Здесь, возможно, еще не поздно восстановить некоторые утраченные навыки и формы жизнеобеспечения, но уже не в виде возврата к "традиционализму" (что нереально: у современных поколений уже сформировались иные потребности и запросы в сфере быта), а путем поисков оптимального сочетания традиционного опыта и приемлемых на Севере достижений индустриальной цивилизации.

В нынешнем столетии жизнь народов Сибири особенно существенно преобразилась в самых разнообразных ее сферах. Но их история, их ушедшая в прошлое и современная культура имеют свои неоспоримые заслуги перед человеческой цивилизацией. Народы Сибири не только разработали и развили навыки и способности к жизни в самых труднодоступных и суровых областях Ойкумены, сделав возможным их нынешнее и будущее промышленное освоение и являясь его активными участниками. В процессе становления своей культуры они выработали также целый ряд человеческих норм и ценностей, в которых остро нуждается современное цивилизованное общество. К ним можно отнести глубокую, воспитанную тысячелетиями, экологическую культуру – навыки чрезвычайно

бережного и заботливого отношения к природе, особенно хрупкой и уязвимой на Севере. К ним можно отнести и не менее глубокие традиции по-настоящему гуманного, бескорыстно небезразличного и искренне доброжелательного отношения и уважения к человеческой личности, проникнутого интуитивно точным пониманием ее уникальности и самоценности. Вся история жизни народов Сибири в труднейших природно-экологических условиях как бы утверждает простые, но глубокие по сути истины: преодоление, казалось бы, непреодолимых трудностей возможно только на основе широкого взаимобмена лучшими культурными достижениями и их внедрения применительно к локальным особенностям среды и только на основе широкой взаимопомощи, касается ли это отношений между народами или между личностями.

Сегодняшняя Сибирь охвачена процессами глубокой трансформации разнообразных сфер хозяйственной и общественно-политической жизни общества, участниками и субъектами которых являются и ее автохтонные обитатели. В разворачивании этих процессов видится перспектива достижения нового качественного состояния общества, в котором должны найти место и лучшие достижения современной промышленной цивилизации, и те непреходящие ценности, которые выработало коренное население Сибири в своем историческом движении.

Глава семнадцатая

НАРОДЫ КAVKAZA

Кавказ представляет собой своеобразную историко-этнографическую область, характеризующуюся сложным этническим составом населения. Наряду с крупными народами, насчитывающими миллионы человек, такими, как азербайджанцы, грузины и армяне, на Кавказе, особенно в Дагестане, живут народы, численность которых не превышает нескольких тысяч.

По антропологическим данным коренное население Кавказа принадлежит к большой европеоидной расе, к ее южной средиземноморской ветви. На Кавказе представлены три малые европеоидные расы: кавказско-балканская, переднеазиатская и индо-памирская. К кавказско-балканской расе относится кавкасионский антропологический тип, который распространен среди населения центральных предгорий Главного Кавказского хребта (восточные кабардинцы и черкесы, горные грузины, балкарцы, карачаевцы, ингуши, чеченцы, осетины), а также Западного и Центрального Дагестана. Этот антропологический тип сложился в результате консервации антропологических особенностей древнейшего европеоидного населения.

В кавказско-балканскую расу включается также понтийский тип, носителями которого являются абхазско-адыгейские народы и западные грузины. Этот тип сформировался также в глубокой древности в процессе грацилизации массивного протоморфного кавкасионского типа в условиях высокогорной изоляции.

Переднеазиатская раса представлена арменоидным типом, происхождение которого связано с территорией Турции и Ирана и соседних районов Армении. К этому типу принадлежат армяне и восточные грузины. В индо-памирскую расу входит каспийский антропологический тип, возникший в пределах Афганистана и Северной Индии. К каспийскому типу относятся азербайджанцы, и в виде примеси к кавкасионскому этот тип прослеживается среди кумыков и народов Южного Дагестана (лезгины и даргинцы-кайтаги). Из всех народов Кавказа только ногайцы наряду с европеоидными обладают и монголоидными признаками.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

Значительная часть коренного населения Кавказа говорит на языках кавказской языковой семьи, насчитывающей около 40 языков, распадающихся на три группы: абхазско-адыгскую, картвельскую и нахско-дагестанскую.

К языкам абхазско-адыгской группы принадлежат абхазский, абазинский, адыгейский, кабардино-черкесский и убыхский. Абхазы (самоназвание – апсуа) живут в Абхазии, частично в Аджарии, а также в Турции и Сирии. По переписи 1989 г. в бывшем СССР их насчитывалось 103 тыс. человек, из них в Абхазии – 88,1%, за рубежом около 100 тыс. К абхазам по языку и происхождению близки абазыны (абазы), проживающие в Карачаево-Черкессии и других районах Ставропольского края. Часть их живет в Турции. Численность абазин в бывшем СССР составляла 33,6 тыс., за рубежом – около 10 тыс. Адыгейцы, кабардинцы и черкесы называют себя адыгэ. Адыгейцы населяют Адыгею и другие районы Краснодарского края. Кроме того, они живут в Турции, Сирии, Иордании и других странах Ближнего Востока и Балкан. В бывшем СССР их насчитывалось 125 тыс., за рубежом – около 100 тыс. Кабардинцы и черкесы проживают в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии. Имеются они в странах Ближнего Востока. Кабардинцев в бывшем СССР проживало 395 тыс., черкесов 52,3 тыс., за рубежом – около 190 тыс. Убыхи в прошлом жили вдоль Черноморского побережья, к северу от Хосты. В настоящее время небольшое число их проживает в Сирии и Турции.

К картвельским языкам относится грузинский язык и три языка западных грузин – мегрельский, лазский (или чанский) и сванский. Грузины (картвели) живут в Грузии, в Азербайджане (грузины-ингилойцы), а также в Турции и Иране. Всего грузин в пределах бывшего СССР проживало 3 млн 983 тыс., из них в Грузии – 95,1%, за рубежом – более 100 тыс.

В нахско-дагестанскую группу языков входят нахские (или вейнахские) и дагестанские. К нахским принадлежат близкородственные чеченский, ингушский, а также бацбийский, на котором говорят лишь в одном селении Земо-Алвани в Грузии. Чеченцы (нахчо) живут в Чечне, ингуши (галга) в Ингушетии, часть чеченцев проживает также в Грузии (кисты) и Дагестане (аккинцы). Численность чеченцев 958,3 тыс., ингушей – 237,5 тыс.

Дагестанскую группу составляют: а) аваро-андо-цезские языки – аварский, восемь андийских (собственно андийский, ботлихский, годоберинский, каратинский, ахвахский, багвалинский, тиндинский и чамалинский) и пять цезских, или дидойских (собственно цезский, гинухский, хваршинский, бежтинский, гунзибский); б) лакско-даргинские языки; в) лезгинские языки (лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, крызский, будухский), арчинский, удинский и обособленно стоящий хиналугский.

Народы, говорящие на аваро-андо-цезских языках, занимают западные районы Дагестана. Наиболее крупным из них являются аварцы (маарулал) – 604,2 тыс.

Численность лакцев (лак) – 118,3 тыс.; даргинцев (дарган) – 365,8 тыс. Отдельные группы даргинцев (кубачинцы, кайтаги и др.) имеют свои диалекты. Лакцы и даргинцы живут к востоку от аварцев.

Самым крупным из лезгинских народов являются лезгины (лезгияр) – 466,8 тыс. Лезгинские народы живут в южной части Дагестана, Северном Азербайджане и соседних районах Грузии. Около 100 тыс. нахско-дагестанских народов живет в странах Ближнего Востока. Например, в Турции насчитывается около 10 тыс. аварцев.

Из всех перечисленных языков только грузинский имел свою древнюю письменность, основанную на арамейской графике. Наиболее ранние памятники этой письменности относятся к V в. н.э. В эпоху средневековья грузинский письменный язык был широко представлен на Кавказе (в частности, в Армении и Дагестане) преимущественно в связи с распространением христианства. Дешифровка албанской письменности, созданной также на арамейской графической основе, показала, что литературным языком Кавказской Албании служил, по-видимому, удинский язык. Абхазско-адыгские, а также чеченский, ингушский, аварский, лакский, даргинский, лезгинский и табасаранский языки нахско-дагестанской группы относятся к младописьменным языкам, письменность которых сначала основывалась на арабской графике, затем на латинской, а с середины 30-х годов – на русской.

Народы Кавказа говорят также на языках индоевропейской, алтайской и афразийской языковых семей. Индоевропейская семья представлена иранской группой, а также армянским и греческим языками. Ираноязычными являются осетины, таты, талыши и курды. Осетины делятся на две группы: иронцев (ирон) и дигорцев (дигорон). Численность осетин – 597,8 тыс. Они живут в Северной Осетии, где составляют 56% всех осетин, а также в Южной Осетии и других районах Грузии – 27,4% от всех осетин.

Таты (тат) – 30,6 тыс. живут в Северном Азербайджане, городах Северного Кавказа и Дагестана. По конфессиональной принадлежности делятся на три группы: таты-мусульмане (шииты), таты-иудаисты (в прошлом назывались горскими евреями) и таты-христиане (монофизиты). Талыши (талуш) живут на юге Азербайджана. Курды (курмандж) – 152,7 тыс., выходцы из Турции, расселились небольшими группами в разных районах Закавказья.

Особняком в индоевропейской семье стоит язык армян. Численность армян в бывшем СССР составляла 4 млн 627 тыс. Армяне (хай) проживают в Армении –

3 млн 82 тыс., а также в Нагорном Карабахе Азербайджана, в Грузии и других районах ближнего зарубежья. Около 1800 тыс. их живет в США, странах Ближнего Востока, Южной Америки, Африки, зарубежной Европы.

Часть кавказских греков (ромен) говорит на новогреческом языке.

После присоединения Кавказа к России там стали селиться русские и другие народы из Европейской России. В настоящее время на Кавказе проживает около 10 млн русских и около 300 тыс. украинцев.

Алтайская семья языков на Кавказе представлена своей тюркской группой. Тюркоязычными являются азербайджанцы, туркмены (трухмены), кумыки, ногайцы, карачаевцы, балкарцы и греки-урумы. Азербайджанцы (азербайджанлылар) – 6791 тыс. – живут в Азербайджане (включая Нахичеванскую республику) – 5801 тыс., а также в Грузии и Дагестане. За рубежом они населяют Иранский Азербайджан (7 млн человек). Азербайджанский язык относится к огузской ветви тюркских языков и обнаруживает наибольшую близость с туркменским. К северу от азербайджанцев, на плоскостной части Дагестана, живут кумыки (къумыкъ) – 282 тыс., язык которых принадлежит к кипчакской группе тюркских языков. К этой же группе относится язык ногайцев (ногай) – 75,5 тыс., расселившихся в степях Северного Дагестана, Ставропольском крае и других местах Северного Кавказа, а также двух близкородственных народов – балкарцев (таулу, малкъарлы) – 88,7 тыс., населяющих Кабардино-Балкарию, и карачаевцев (карачайлы) – 156 тыс., живущих в Карачаево-Черкессии.

Греки-урумы говорят на диалекте турецкого языка.

Ассирийцы (26 тыс.) говорят на языке семитской группы афразийской языковой семьи. Живут преимущественно в Армении и других местах Закавказья.

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Кавказ был освоен человеком с древнейших времен. Там обнаружены археологические культуры нижнего и среднего палеолита. Заселение Кавказа человеком современного вида, судя по данным антропологии, происходило с юга. В эпоху верхнего палеолита осваивались не только долины рек, но и предгорные и горные районы.

Основываясь на материалах лингвистики и антропологии, можно сделать вывод, что потомками древнейшего "автохтонного" населения Кавказа являются народы, говорящие на языках кавказской языковой семьи. В ходе своего дальнейшего этнического развития они вступали в этнокультурные контакты с другими этносами и в зависимости от конкретных исторических условий смешивались с ними, инкорпорируя их в свою этническую среду, или сами подвергались ассимиляции. В наименьшей степени испытали воздействие пришлого населения носители кавкасионского антропологического типа.

При изучении этнических процессов, протекавших на Кавказе с древнейших времен и особенно в эпоху средневековья, следует отдельно рассматривать Северный Кавказ, народы которого находились в длительном взаимодействии с различными кочевниками и полукочевниками, в разное время появлявшимися в предкавказских степях, и отдельно Закавказье, население которого входило в сферу влияния древних цивилизаций Передней Азии, а в период средневековья и в новое время испытало всю тяжесть завоевательных походов Ирана и Турции.

В I тысячелетии до н.э. и в первых веках н.э. степные пространства к северу от Кавказского хребта были заняты последовательно сменявшими друг друга ираноязычными кочевыми племенами: киммерийцами, скифами, сарматами и аланами. В середине IV в. на Северный Кавказ вторглись тюркоязычные кочевники – гунны. В конце IV в. здесь сложилась крупная конфедерация тюркских племен во главе с акацирами, включавшая в свой состав и ираноязычных овсов, основу

которых образовали аланы и иранизированное местное население. В эту конфедерацию входили проникшие в начале V в. в Предкавказье тюрки-оногуры, которые затем были отодвинуты на запад новыми группами тюрков — сабирами.

В центре Предкавказья в это время обитал конгломерат тюркских племен, известный под названием булгары ("смешанный народ"). В этот период кочевники не оседали на землю. По-прежнему оставались возникшие в начале нашей эры оседлые поселения ираноязычного населения в предгорьях, попавшего в зависимость от тюрков. Переселения в горы не происходило, только небольшая группа алан из предгорий продвинулась на территорию современной Балкарии и ассимилировала местное кавказоязычное население.

В VI–VII вв. часть кочевников перешла к полuosедлости и оседлости на равнинах и в предгорьях, занимаясь земледелием и пастушеским скотоводством. В этот период происходили процессы этнополитической консолидации среди кавказоязычного населения: среди восточных и западных адыгов, а также в Северном Дагестане, где возникла конфедерация Сарир, в которой главную роль сыграло протоаварское племя хунзов.

В середине VI в. в предкавказские степи из-за Волги перекочевали тюрки-оногуры, или авары. В начале VII в. в Западном Предкавказье возникла новая конфедерация тюркских племен, известная под названием "Великая Болгария", или "Оногурия", которая объединила под своей властью всех кочевников северокавказской степи. В середине VII в. эта конфедерация была разбита хазарами. Хазарский каганат господствовал над населением северокавказской степи. В этот период началось оседание кочевников на землю не только в предгорных, но и в степных районах.

После падения Хазарского каганата в 965 г. в северокавказские степи нахлынули печенег. Степь снова превратилась в кочевья. Жившее в ней оседлое и полuosедлое земледельческо-скотоводческое население отошло в предгорья. С середины X и до начала XIII в. в предгорных и горных районах Северного Кавказа происходил подъем производительных сил, продолжали разрушаться первобытно-общинные отношения, шел процесс классообразования в рамках устойчивых политических объединений, ставших на путь феодализации. В этот период особенно выделилось Аланское царство, возникшее на основе существовавшей в VI–IX вв. конфедерации аланов (осов — *груз*). Более всего по пути феодализации продвинулась западная часть Алании, находившаяся под непосредственным влиянием Византии.

В 1238–1239 гг. Алания подверглась монголо-татарскому нашествию и была включена в состав Золотой Орды. Потерпев поражение от монголо-татар, аланы из предгорий стали переселяться в горы и постепенно растворялись в местной этнической среде. Аланы, продвинувшиеся в горные ущелья современной Осетии, положили начало формированию осетин. Смешиваясь с местными кавказоязычными горцами, они передали им свой язык и свою более высокую культуру. Однако основу осетинского народа составили аборигенные племена, а не аланы, о чем свидетельствует принадлежность осетин к кавкасионскому антропологическому типу, аланы же относились к другому антропологическому типу. В процессе исторического развития сложилось две группы осетин: иронцы и дигорцы Осетины, поселившиеся в районе Моздока, составили моздокскую группу осетинского народа.

К эпохе средневековья относится формирование тюркоязычных народов Северного Кавказа. Близкородственные, говорящие на одном языке, балкарцы и карачаевцы образовались из смешения ираноязычных аланов и кочевых тюркских племен, преимущественно булгар и кипчаков, с местным кавказоязычным населением.

В этногенезе кумыков участвовали как местные кавказоязычные компоненты, так и пришлые тюрки: булгары, хазары и особенно кипчаки.

Живущие на севере Дагестана и за его пределами тюркоязычные ногайцы

являются потомками населения золотоордынского улуса, возглавлявшегося в конце XIII в. темником Ногаем, от имени которого происходит их название. В этническом отношении это было смешанное население, в состав которого вошли монголы и различные группы тюрок, главным образом кипчаки. После распада Золотой Орды часть ногайцев, составлявших Большую Ногайскую Орду, в середине XVI в. приняла российское подданство. Позднее вошли в состав России и другие ногайцы, кочевавшие в степях между Каспийским и Черным морями.

Адыгские народы в прошлом жили компактной массой в области нижнего течения р. Кубани, ее притоков Белой и Лабы, а также на Таманском полуострове и вдоль побережья Черного моря. Проводимые в этой области археологические исследования показывают, что предки адыгских народов заселяли этот район с глубокой древности. Начиная с I тысячелетия до н.э. адыгские племена воспринимали культурное воздействие античного мира через Боспорское царство.

В XIII–XIV вв. часть адыгов, у которой значительное развитие получило скотоводство, особенно коневодство, в поисках свободных пастбищ продвинулась на восток, к Тереку, и позднее стала называться кабардинцами. Кабардинцы, переселившиеся в начале XIX в. в верховья Кубани, получили название черкесов. Оставшиеся на старых местах адыгские племена составили адыгейский народ.

Чеченцы и ингуши образовались из родственных по происхождению, языку и культуре племен, представлявших собой древнее население северо-восточных отрогов Главного Кавказского хребта.

Кавказоязычные народы Дагестана также являются потомками древнейшего населения этой области.

Формирование народов Закавказья происходило в иных исторических условиях. Грузины являются потомками древнейшего автохтонного населения. Протекавшие в древности на территории Грузии этногенетические процессы привели к образованию восточногрузинской и западногрузинской этнолингвистических общностей. Западные грузины (сваны, мегрелы, лазы, или чаны) в прошлом занимали более обширные пространства. В конце II тысячелетия до н.э. в юго-западных областях расселения древнегрузинских племен образовались племенные союзы Дивахи и Кулха. В первой половине I тысячелетия до н.э. известно объединение грузинских племен под именем сасперов, которое охватывало большую территорию от Колхиды до Мидии. Сасперы сыграли значительную роль в разгроме Урарту. В этот период часть халдов вошла в состав грузин. В VI в. до н.э. в Западной Грузии возникло Колхидское царство. Одновременно с ним существовало Иберийское (Картлийское) государство в Восточной Грузии.

В эпоху феодальной раздробленности сформировались этнические группы грузинского народа (около 20 групп), имевшие свои диалекты и отличавшиеся некоторым своеобразием в культуре. Среди этих групп особенно выделялись грузины-горцы: пшавы, тушины, хевсуры, сваны. Аджарцы, лазы, ингилойцы, часть месхов исповедовали ислам, что наложило отпечаток на их быт.

С развитием капитализма происходила консолидация грузин в нацию. После Октябрьской революции в процессе дальнейшего развития грузинской нации постепенно ослабевали локальные этнографические особенности.

Этногенез абхазов протекал с древнейших времен на территории современной Абхазии и прилегающих районов. В конце I тысячелетия до н.э. здесь сложились два племенных союза: абазгов и апсиров. От имени последних происходит самоназвание абхазов – апсуа. В I тысячелетии до н.э. предки абхазов испытывали культурное влияние эллинского мира через посредство греческих колоний, возникших на побережье Черного моря.

В феодальный период складывалась абхазская народность.

Сложным был процесс формирования армян. В нем выделяются два этапа. Первый охватывает II тысячелетие до н.э. и связан с ранними государственными

образованиями Армата и Хайаса на северо-востоке Малой Азии. Второй относится к I тысячелетию до н.э., когда в пределах Урартского государства, в провинции Арме-Шуприа, совершался процесс складывания древнеармянского этноса. В состав армян вошли также хурриты, халды, киммерийцы, скифы и другие этнические компоненты. После падения Урарту армяне вышли на историческую арену.

В силу складывавшейся исторической обстановки, из-за завоеваний арабов, сельджуков, затем монголов, Ирана, Турции многие армяне оставили свою родину и переселились в другие страны. До первой мировой войны значительная часть армян проживала в османской Турции (более 2 млн). После актов геноцида, инспирированных османским правительством в 1915–1916 гг., когда было перебито 1,5 млн и 600 тыс. выселено в непригодные для жизни районы Месопотамии, армяне, в том числе и высланные, стали переселяться в страны Передней Азии, Западной Европы и Америки.

Этногенез азербайджанского народа тесно связан с этническими процессами, протекавшими в Восточном Закавказье в эпоху средневековья. На территории Азербайджана рано стали возникать различные племенные объединения и государственные образования. В VI в. до н.э. южные районы Азербайджана входили в состав могущественного Мидийского государства. В VI в. до н.э. на юге Азербайджана возвысилось самостоятельное государство Малая Мидия, или Атропатена (само слово "Азербайджан" происходит от искаженного арабами "Атропатена"). В этом государстве шел процесс сближения различных народов (маннеев, кадусиев, каспиев, части мидян и др.), говоривших преимущественно на иранских языках. Наиболее распространенным среди них был язык, близкий к талышскому.

В этот период (IV в. до н.э.) на севере Азербайджана возник албанский союз племен, а затем в начале нашей эры создано государство Албания, границы которого на юге доходили до р. Аракса, на севере оно включало Южный Дагестан. В этом государстве насчитывалось более двадцати народов, говоривших на кавказских языках, главная роль среди которых принадлежала языку утиев, или удин.

В III–IV вв. Атропатена и Албания были включены в состав Сасанидского Ирана. Сасаниды, чтобы укрепить свое господство на завоеванной территории, переселяли туда население из Ирана, в частности татов, осевших в северных районах Азербайджана.

К IV–V вв. относится начало проникновения различных групп тюрков в Азербайджан (гуннов, болгар и др.).

В XI в. Азербайджан подвергся нашествию тюрков-сельджуков. В последующее время продолжался прилив тюркского населения в Азербайджан, особенно в период монголо-татарского завоевания.

В феодальную эпоху складывалась азербайджанская народность. В советское время наряду с консолидацией азербайджанской нации происходило частичное слияние с азербайджанцами этнических групп, говорящих как на иранских, так и на кавказских языках.

ХОЗЯЙСТВО

Основными занятиями народов Кавказа с древнейших времен являются земледелие и скотоводство. Развитие этих отраслей хозяйства, особенно земледелия, находилось в прямой зависимости от уровня расположения природных зон этого горного региона. Нижнюю зону занимали лашни, которые поднимались до полутора тысяч метров над уровнем моря. Над ними размещались сенокосы и весенние пастбища, и еще выше располагались горные пастбища.

Начало земледелия на Кавказе относится к III тысячелетию до н.э. Раньше

оно распространилось в Закавказье, а затем на Северном Кавказе. Особенно трудоемким было земледелие в высокогорных районах. Недостаток пашенных угодий обусловил создание искусственных террас, спускающихся ступенями по горным склонам. На некоторые террасы землю приходилось приносить в корзинах из долин. Для террасного земледелия характерна высокая культура искусственного орошения.

В зависимости от природных условий находились и системы земледелия, и способы обработки земли, и виды возделываемых растений. На равнинах и в предгорьях в прошлом преобладала переложно-залежная система земледелия, в высокогорных районах – поливное земледелие. На равнинах и в речных долинах, где требовалась глубокая вспашка, землю обрабатывали тяжелым плугом, который тянули 3–4 пары волов. В горах применяли легкое пахотное орудие, которое не переворачивало землю, а только рыхлило, так как там был тонкий почвенный слой. На крутых склонах землю обрабатывали мотыгой.

Многовековой опыт занятия земледелием позволил вывести для каждой природной зоны особые сорта злаков – пшеницы, ржи, ячменя, овса, морозоустойчивых в горных районах и засухоустойчивых на равнине. Древней местной культурой является просо. С XVIII в. на Кавказе стала распространяться кукуруза.

Урожай повсюду убирали серпами. Зерно обмолачивали молотильными досками с каменными вкладышами на нижней стороне. Такой способ молотбы восходит к эпохе бронзы.

Глубокие корни на Кавказе имеет виноградарство, которое известно со II тысячелетия до н.э. Здесь выведено множество различных сортов винограда. Наряду с виноградарством рано получило развитие и садоводство, особенно в Закавказье.

В советское время значительно изменились характер и направление ведения земледелия. Благоприятные природные условия Кавказа дают возможность выращивать теплолюбивые культуры. В субтропических районах основное внимание уделяется культурам чая и цитрусовых.

Скотоводство появилось на Кавказе наряду с земледелием. Во II тысячелетии до н.э. оно стало широко распространяться в связи с освоением горных пастбищ. В этот период на Кавказе сложился своеобразный тип отгонного скотоводства, существующий до настоящего времени. Летом скот пасли в горах, зимой перегоняли на равнины. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, особенно овец. Овцеводство в капиталистический период приняло товарный характер. На равнинах рогатый скот зимой находился в стойлах. Овец же всегда держали на зимних пастбищах. Лошадей, как правило, крестьяне не разводили, лошадь использовалась преимущественно для верховой езды. Тягловой силой служили волы. Лишь в хозяйствах крупных землевладельцев имелись табуны коней. Кочевое скотоводство в дореволюционный период сохранялось у ногайцев и туркмен. Колхозное строительство на Кавказе внесло изменения в традиционные формы ведения скотоводческого хозяйства. За колхозами были закреплены постоянные зимние и летние пастбища. Изменились приемы содержания животных.

Издавна на Кавказе получили развитие ремесла. Особенно широко были распространены ковроткачество, ювелирное дело, изготовление оружия, производство гончарной и металлической посуды, бурок и т.д. Сложились ремесленные центры по производству того или иного вида изделий. Например, далеко за пределами Кавказа был известен дагестанский аул Кубачи с его златокузнечными промыслами по украшению оружия, изготовлению художественной бытовой утвари, женских украшений и т.д. В Северном Азербайджане славились с. Лагич производством медной посуды, а с. Балхар – гончарной. Некоторые промыслы, особенно художественные, отвечающие современным потребностям быта, продолжают развиваться в настоящее время.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

При характеристике культуры народов Кавказа следует различать Северный Кавказ, включая Дагестан, и Закавказье. Внутри этих больших регионов также наблюдаются особенности в культуре крупных народов или целых групп малых этносов.

В дореволюционный период основную массу населения Кавказа составляли сельские жители. Крупных городов было немного, из них наибольшее значение имели Тбилиси (Тифлис), Баку, Владикавказ.

Существовавшие на Кавказе типы поселений и жилищ были тесно связаны с природными условиями, с характерной для Кавказа вертикальной зональностью. Эта зависимость прослеживается в какой-то степени и в настоящее время.

Большинство селений в горах отличалось значительной теснотой застройки: строения вплотную примыкали друг к другу. Например, во многих горных аулах Дагестана крыша нижележащего дома служила двором для вышележащего. На равнине селения располагались более свободно. При каждом доме имелся двор, а часто и небольшой участок земли.

У всех народов Кавказа долгое время сохранялся обычай, по которому родственники селились вместе, образуя отдельный квартал. С ослаблением родственных связей локальное единство родственных групп стало исчезать.

Жилища народов Кавказа характеризовались большим разнообразием. В горных районах Северного Кавказа, Дагестана и Северной Грузии типичным жилищем была одно- и двухэтажная каменная постройка с плоской крышей. В этих районах сооружались боевые башни. В некоторых местах встречались дома-крепости.

Значительно отличались от горных жилищ дома обитателей равнинных районов Северного Кавказа и Дагестана. Стены построек возводились из самана или плетня. Турлучные (плетневые) сооружения с двускатной или четырехскатной крышей были характерны для адыгских народов и абхазов, а также для жителей некоторых районов равнинного Дагестана.

Жилища народов Закавказья имели свои особенности. В некоторых районах Армении, Юго-Восточной Грузии и Западного Азербайджана встречались своеобразные здания из камня, иногда несколько углубленные в землю. Крышей служило деревянное ступенчатое перекрытие, которое снаружи засыпалось землей. Этот тип жилища (дарбази — у грузин, карадам — у азербайджанцев, галатун — у армян) — один из древнейших в Закавказье и по своему происхождению связан с подземным жилищем древнего оседлого населения Передней Азии. В других местах Восточной Грузии жилище строили из камня с плоской или двускатной крышей, одно- или двухэтажное. Во влажных субтропических районах Западной Грузии и в Абхазии дома возводились из дерева, на столбах, с двускатными или четырехскатными крышами. Пол такого дома был высоко приподнят над землей, что предохраняло жилище от сырости.

В Восточном Азербайджане типичными были саманные, обмазанные глиной, одноэтажные жилища с плоской крышей, выходившие глухими стенами на улицу. Большинство жилищ представляло собой низкие постройки с одним помещением, без потолка, окон и с земляным полом. Свет падал через небольшие щели в стенах, открытые двери или через отверстие в крыше, одновременно служившее для выхода дыма из открытого очага, находившегося посередине помещения.

За годы советской власти произошли значительные изменения в размещении населения. Развитие промышленности привело к увеличению городского населения. Росли старые, возникали новые города и поселки городского типа. В настоящее время на Кавказе городское население преобладает над сельским.

Перемещение населения происходит и в сельской местности. Еще в дореволюционный период совершались миграции горцев из труднодоступных горных

селений, страдавших от малоземелья, в предгорья и на равнину. В первые десятилетия Советской власти эти процессы приняли значительные размеры. Исчезали малодворные аулы и возникали крупные благоустроенные сельские поселения в несколько сотен дворов. Изменилась планировка селений. На равнине вместо скученных появились селения с уличной планировкой, с приусадебными участками около домов. Многие высокогорные аулы спустились ниже, ближе к дороге или реке. При уличной планировке исчезли патронимические кварталы. Одновременно происходило возрождение некоторых горных селений.

Большие изменения претерпело жилище. Повсюду происходила модернизация старых жилищ или замена их новыми. Менялись конструкция жилища, его планировка, внешний вид, внутреннее убранство. В большинстве районов Кавказа широкое распространение получили двухэтажные дома с большими окнами, галереями, деревянными полами и потолками. Кроме традиционных строительных материалов (местного камня, дерева, саманного кирпича, черепицы), применяются новые — шлакобетонные и цементные блоки, шифер, оцинкованное кровельное железо и др. Большинство домов обращено фасадом на улицу. Жилые комнаты обставлены современной мебелью, при этом сохраняются некоторые традиционные элементы интерьера.

В одежде народов Кавказа в дореволюционный период прослеживалось большое разнообразие. Она отражала этнические особенности, сословную принадлежность и культурные связи между народами. Много общего в костюме было у всех адыгских народов, осетин, карачаевцев, балкарцев и абхазов. Повседневная одежда мужчин включала бешмет, штаны, чукьяки их сыромятной кожи с ноговицами, папаху из овчины, летом войлочную шляпу. Выходной верхней одеждой служила надевавшаяся на бешмет черкеска — распахная, плотно облегающая фигуру одежда с грудным вырезом и газырницами на груди. Обязательной принадлежностью мужского костюма был узкий кожаный ремень с серебряными или позолоченными украшениями, на котором носили оружие (кинжал). В сырую и холодную погоду надевали башлык и бурку. Зимой носили овчинную шубу. Пастухи в зимнее время надевали пальто из бурочного войлока с капюшоном.

Женская одежда состояла из туникообразной рубахи с низким стоячим воротом, длинных штанов, распахного платья в талию с открытой грудью, высоких головных уборов и покрывал. Платье туго подпоясывалось поясом. У адыгских народов и абхазов признаком красоты девушки считались тонкая талия и плоская грудь, поэтому девушки до замужества носили тугие корсеты. В костюме ярко прослеживалось социальное положение его владельца. Богатством и роскошью отличались костюмы феодальной знати, особенно женские.

Мужской костюм народов Дагестана во многом напоминал одежду адыгов. Женский наряд этого региона имел много общих черт. Основу его составляла широкая туникообразная рубаха с поясом, длинные штаны и головной убор, в который убрали волосы. Повседневной обувью и мужчинам и женщинам служили постолы, сделанные из целого куска кожи, обтягивающего ступни. Их надевали на толстые шерстяные носки. Мягкие сапоги у мужчин были праздничными. Такую обувь носили жители горных районов Кавказа.

Традиционная одежда народов Закавказья в значительной степени отличалась от одежды жителей Северного Кавказа и Дагестана. В ней наблюдались многие параллели с одеждой народов Передней Азии. Для мужского костюма всего Закавказья в целом были характерны рубахи, широкие или узкие штаны, заправленные в сапоги или носки, и короткая распахная верхняя одежда, подпоясывавшаяся поясом. Женская одежда у разных народов Закавказья имела своеобразные черты. Костюм грузинок напоминал одежду женщин Северного Кавказа. Он состоял из рубахи, штанов и длинного приталенного распахного платья с грудным вырезом. На голове большинство женщин носило обтянутый тканью обруч, к которому прикреплялось длинное тонкое покрывало.

Армянки одевались в яркие рубахи (желтые – в Западной Армении, красные – в Восточной) и не менее яркие штаны. На рубаху надевали распахнутую на подкладке одежду с более короткими, чем у рубахи, рукавами. На голове они носили маленькие твердые шапочки, которые повязывались несколькими платками. В бытае было прикрывать платком нижнюю часть лица.

Азербайджанки, кроме рубах и штанов, носили также короткие кофты и широкие юбки. Под влиянием ислама они, особенно в городах, при выходе на улицу прикрывали лицо чадрой.

Для женщин всех народов Кавказа было характерно ношение разнообразных ювелирных украшений, изготовлявшихся местными мастерами главным образом из серебра. Обилием украшений особенно отличался праздничный наряд дагестанок.

Развитие капитализма способствовало изменению традиционной одежды в связи с проникновением в нее элементов городского костюма. После революции традиционная одежда как мужская, так и женская стала вытесняться городским костюмом, особенно интенсивно этот процесс шел в послевоенные годы.

В 20-е годы на Северном Кавказе проводилась государственная кампания "пальто горянке", так как женщины, ограниченные работой по дому, не имели зимней одежды (кроме шали) и были лишены возможности приобщения к производственной и общественной деятельности.

В настоящее время сохраняется мужской адыгский костюм как одежда участников художественных ансамблей. Традиционные элементы одежды еще можно видеть на пожилых женщинах во многих районах Кавказа. В сельской местности бытуют некоторые старые привычки ношения одежды, например покрывание головы платком, соблюдение определенной длины платья, рукавов и т.п.

Традиционная пища народов Кавказа очень разнообразна по составу блюд и по своим вкусовым качествам. В прошлом у этих народов наблюдались большая умеренность и неприхотливость в еде. Основу повседневной пищи составлял хлеб (из пшеничной, ячменной, овсяной, ржаной муки) как из пресного теста (в виде лепешек), так и из кислого (лаваш). Лепешки пекли на сковороде перед употреблением, лаваш же готовили впрок в специальных углубленных в землю керамических печах, прилепляя тесто к раскаленным стенкам печи.

Существенные различия наблюдались в питании жителей горных и равнинных районов. В горах, где значительно было развито скотоводство, большое место в питании занимали, помимо хлеба, молочные продукты, особенно сыр из коровьего и овечьего молока. Мясо ели не часто. Недостаток овощей и фруктов компенсировали дикорастущие травы и лесные плоды. На равнине преобладали мучные блюда, сыр, овощи, фрукты, дикie травы, мясо ели изредка. В повседневном питании у разных народов выделялись специфические традиционные блюда. Например, у абхазов и адыгов – густая просяная каша (паста), заменявшая обычно хлеб. У грузин широко бытовало блюдо из фасоли, у дагестанцев – хинкал (сваренные в бульоне с чесноком кусочки теста в виде пельменей без начинки) и т.п. Пища зажиточных слоев населения отличалась большим разнообразием и питательностью, в ней преобладали мясные блюда, в качестве напитков – виноградные вина.

Богат был набор традиционных блюд во время праздников, приема гостей, при устройстве свадеб и поминок. Преобладали мясные блюда (шашлык, хинкал с мясом и др.). В процессе урбанизации в национальную кухню проникли многие городские блюда, но до сих пор еще широкое распространение имеет традиционная пища.

У народов Кавказа сложился своеобразный застольный этикет, строго регламентировавший место каждого присутствующего за столом в зависимости от пола, возраста и социального положения, а также порядок подачи блюд и правила поведения во время застолья.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

У народов Кавказа, особенно в горных районах, в общественной жизни и семейном быту в той или иной степени сохранялись следы патриархального уклада, строго поддерживались родственные связи, особенно ярко проявлявшиеся в патронимических отношениях. Повсюду на Кавказе существовали соседские общины. В Дагестане, в горных районах Чечено-Ингушетии и в горной Осетии в феодальный период были известны "вольные общества" — независимые или полузависимые от феодалов союзы сельских общин с характерной формой правления в виде народных собраний и выборных старшин. Это были не только территориально-экономические, но и политические объединения.

В общественной жизни долгое время бытовали традиции, уходящие своими корнями в доклассовое общество и в эпоху средневековья. Особенно широко был распространен обычай гостеприимства. На Северном Кавказе строились особые помещения для приема гостей, которые позднее были заменены отдельными комнатами-кунацкими в жилом доме. Существовало поверье, что гость приносит счастье в дом. Он имел право не только на кров, пищу, заботу и внимание, но и на защиту. У кабардинцев сложилась поговорка: "Гость адыга в крепости сидит".

У абхазско-адыгских народов, а также у осетин, балкарцев и карачаевцев существовал обычай аталычества, заключающийся в отдаче детей (преимущественно мальчиков) на воспитание в чужую семью. К этому обычаю прибегали феодальные сословия. Аталыками (воспитателями), как правило, выступали свободные крестьяне. По достижении совершеннолетия воспитанник возвращался в родительский дом.

У некоторых народов сохранялся в пережиточной форме обычай кровной мести, который был постепенно изжит.

Во многих районах Кавказа в XIX в. продолжали бытовать большие патриархальные семьи. Основным же типом семьи в этот период были малые семьи, уклад которых отличался той же патриархальностью. Господствующей формой брака была моногамия. Многоженство встречалось редко, преимущественно среди привилегированных слоев мусульманского населения, особенно в Азербайджане. У многих народов Кавказа при заключении брака платили выкуп за невесту.

В отношениях с родственниками и свойственниками действовали обычаи избегания, особенно широко они были распространены у народов Северного Кавказа. Различные формы избегания соблюдались между мужем и женой, родителями и детьми, между мужем и старшими родственниками жены и соответственно, наоборот. У всех народов Кавказа сложились свои правила поведения в семье и в обществе, закрепленные в обычном праве, т.е. действовал определенный этикет, строго сохранявшийся общественным мнением.

За годы советской власти произошли большие изменения в семейном быту. Постепенно изживалось патриархальное отношение к женщине. Господствующей формой семьи в городе и в сельской местности стала малая семья, состоящая из родителей и детей, иногда в нее включаются родственники одного из родителей. Развитие внутрисемейных отношений идет по линии их демократизации. Заключение брака в основном совершается по воле самих вступающих в брак, а не их родителей, как было в прошлом. Однако в семейном быту наблюдаются некоторые негативные явления. Например, запрещенный и исчезнувший обычай брачного выкупа стал в последние годы постепенно возрождаться в измененном виде среди некоторых социальных групп населения как "помощь" родителям известы в устройстве свадьбы. К негативным явлениям относятся также все возрастающие затраты на проведение свадебных и похоронных обрядов.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

По вероисповеданию все население Кавказа делилось на христиан и мусульман. Христианство начало проникать на Кавказ в первые века новой эры. В IV в. оно утвердилось среди армян и грузин. У армян возникла своя церковь, получившая название "армяно-григорианской" по имени ее основателя архиепископа Григория Просветителя. Вначале армянская церковь придерживалась восточно-православной византийской ориентации, но с начала VI в. стала самостоятельной, воспринявшей монофиситское учение, признавшее только одну "божественную" природу Христа. Из Армении христианство начало проникать в Южный Дагестан и Северный Азербайджан – в Албанию (VI в.). В Южном Азербайджане в этот период был распространен зороастризм, в котором большое место занимали огнепоклоннические культы.

Из Грузии и Византии христианство пришло к абхазам и адыгским племенам, к чеченцам, ингушам, осетинам и другим народам.

Появление ислама на Кавказе связано с завоевательными походами арабов (VII–VIII вв.). Но ислам при арабах не пустил глубоких корней. Утверждаться по-настоящему он стал только после монголо-татарского нашествия. Это в первую очередь относится к народам Азербайджана и Дагестана. В Абхазии ислам стал распространяться с XV в. после турецкого завоевания.

Среди народов Северного Кавказа (адыгейцев, черкесов, кабардинцев, карачаевцев и балкарцев) ислам насаждался турецкими султанами и крымскими ханами в XV–XVIII вв. К осетинам он проник в XVII–XVIII вв. и был принят преимущественно высшими сословиями. Из Дагестана мусульманство пришло к чеченцам и ингушам. Особенно укрепилось влияние ислама в Дагестане. Чечне и Ингушетии в период освободительного движения горцев под руководством Шамиля.

Большинство мусульман Кавказа принадлежит к суннитам; шииты представлены в Азербайджане.

Однако ни христианство, ни ислам не вытеснили древних местных верований (культы деревьев, явлений природы, огня и др.), многие из которых вошли составной частью в христианскую и мусульманскую обрядность.

ФОЛЬКЛОР

Богато и разнообразно устное поэтическое творчество народов Кавказа. Оно имеет многовековые традиции и отражает сложные исторические судьбы этих народов, их борьбу за независимость, борьбу масс против угнетателей, многие стороны народного быта. Для устного творчества кавказских народов характерно разнообразие сюжетов и жанров. В поэтическом творчестве значительное место занимают эпические сказания. На Северном Кавказе среди осетин, кабардинцев, черкесов, адыгейцев, карачаевцев, балкарцев, а также абхазов бытует нартский эпос, сказания о героях-богатырях нартах.

У грузин известен эпос о герое Амირани, боровшемся с древними богами и прикованном за это к скале; романтический эпос "Этериани", повествующий о трагической любви царевича Абесаломы и пастушки Этери. У армян широко распространен средневековый эпос "Сасунские богатыри", или "Давид Сасунский", воспеваящий героическую борьбу армянского народа с поработителями.

Разнообразны у народов Кавказа сказки, басни, легенды, пословицы, поговорки, загадки, в которых отражены различные аспекты народной жизни. Особенно богат на Кавказе музыкальный фольклор. Большого совершенства достигло песенное творчество у грузин; у них распространено сложное многоголосие.

Многие знаменитые поэты и писатели, как местные (Низами Ганджеви, Мухаммед Физули и др.), так и русские (Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой и др.),

заимствовали сюжеты из кавказского быта и фольклора для своих произведений.

Выразителями народных чаяний, хранителями богатой сокровищницы музыкального искусства и исполнителями народных песен выступали странствующие народные певцы – гусаны (у армян), мествире (у грузин), ашуги (у азербайджанцев, дагестанцев). Их репертуар был очень разнообразен. Свои песни они исполняли под аккомпанемент музыкальных инструментов. Особенно популярен был народный певец Саят-Нова (XVIII в.), который пел на армянском, грузинском и азербайджанском языках.

Устное поэтическое и музыкальное народное искусство продолжает развиваться и в наши дни.

НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Центральная Азия занимает площадь около 4 млн кв. км. На этой огромной территории расположены пять государств – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан с Горно-Бадахшанской автономной областью, Туркменистан, Узбекистан с автономным Каракалпакстаном.

Большую часть поверхности Центральной Азии занимают сухие степи и пустыни с сухим климатом, переходящие на юге и юго-востоке страны в горные массивы Тянь-Шаня, Памира и Копетдага. Климат горных долин, которые издавна были заселены человеком, значительно мягче. В некоторых из них выращиваются даже субтропические растения (долина р. Сумбар в Юго-Западной Туркмении). Центральная Азия не имеет выхода к Мировому океану. Каспийское и Аральское моря являются по существу лишь большими озерами. Рек мало. Достаточно обводнены лишь северо-восточные области современного Казахстана. Главные реки Центральной Азии – Амударья, Сырдарья и Зеравшан, причем две последние не имеют стока, разбираются на орошение и теряются в песках.

Вдоль рек и в предгорных районах расположены наиболее освоенные человеком земли – оазисы. Эти природно-хозяйственные зоны не имеют себе аналогов в природе. Границы оазисов непостоянны, они изменялись в различные исторические эпохи в зависимости от природных и социально-экономических факторов.

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Исследованиями ученых установлено, что эта часть азиатского материка была одним из центров, где проходило становление мировой цивилизации. Наиболее ранние свидетельства пребывания человека на этой территории относятся к среднему палеолиту. В неолитическое время она уже была освоена человеком. С V тысячелетия до н.э. в южных районах страны складывается одна из древнейших в мире земледельческих культур. При раскопках археологических памятников, относящихся к тому времени, найдены остатки земледельческих орудий и кости домашних животных. Языковая принадлежность этого древнейшего населения неизвестна. В неолитическое время намечается деление края по хозяйственному признаку на две части – степную северную, где население продолжало заниматься охотой, рыболовством и собирательством; и южную, где на основе орошаемого земледелия и скотоводства в последующую эпоху – эпоху бронзы, – складывались крупные поселения городского типа. В степной части страны широко распространялось подвижное скотоводство, а в оазисах земледелие занимало ведущее положение. Языки, на которых говорило население в это время, как и в более ранний период, нам достоверно неизвестны. Существует мнение, что они принадлежали к индоевропейской языковой семье. Высокоразвитые земледельческие цивилизации эпохи бронзы на юге этой части Азии по еще не совсем ясным причинам постепенно замирали. Вероятно, не последнее место занимали экологические причины, в частности разрушение гидросистемы Копетдага.

Следующий этап этнической истории края начинается с первой половины I тысячелетия до н.э., когда наиболее развитые в хозяйственном отношении земледельческие районы страны входили в державу Ахеменидов и появились первые письменные свидетельства о народах, живших в северных сатрапиях Ирана

и в пограничных с ними районах. Персидские и вслед за ними греческие источники называли жителей оазисов хорезмийцами, согдийцами и бактрийцами, а население степей скифами и несколько позднее – саками и массагетами. Согласно этим свидетельствам население края в античную эпоху говорило на индоевропейских (иранских) языках.

Во второй половине I тысячелетия до н.э. южные районы были завоеваны греко-македонскими войсками и включены в державу Александра Македонского. Греческое завоевание оказало заметное влияние на культуру части народов Центральной Азии. После распада державы Александра Македонского здесь образовалось несколько государств, жителей которых античные источники называли парфянами, бактрийцами и т.д. (по названиям государств). Большинство известных нам языков населения края того времени относилось к восточноиранской группе, и лишь парфянский язык занимал как бы промежуточное положение между восточноиранскими и западноиранскими языками.

На рубеже нашей эры большая часть страны была завоевана народом юэчжи, пришедшим из пограничных со Средней Азией восточных областей. Юэчжи создали мощное Кушанское государство, население которого говорило преимущественно на языках иранской семьи и в антропологическом отношении было европеоидным. Немного позднее на восточных границах появился кочевой народ усуней, о котором мы мало что знаем, и не менее загадочные эфталиты, создавшие в южных районах обширное государство. Предполагают, что эфталиты говорили на языках иранской группы. Скорее всего, именно в период Эфталитского государства в Центральной Азии стал появляться западноиранский язык, явившийся впоследствии основой для формирования таджикского языка.

С северных и северо-восточных границ страны, приблизительно с V в., стали проникать тюркоязычные народы. Приток тюркоязычного населения особенно усилился во время Тюркского каганата (VI–VII вв.) – государства, охватившего почти всё пространства степей и полупустынь Центральной Азии. Проникновение тюркоязычного населения в ираноязычную среду продолжалось и после падения Тюркского каганата. В первую очередь было тюркизировано ираноязычное кочевое население степной части региона. Тюркизированные кочевники, оседая в оазисах, приносили туда с собой и тюркскую речь.

С юга шло наступление западноиранских языков. Эти процессы привели почти к полному исчезновению восточноиранских языков древнего населения; к новому времени эти языки сохранились лишь у немногочисленных групп, расселенных в труднодоступных горах Памира и в верховьях Зеравшана.

Начало следующему периоду в этнической истории положило арабское завоевание, последствия которого применительно к этнической истории еще недостаточно исследованы. Арабские завоеватели принесли с собой новую религию – ислам, воспринятый подавляющим большинством народов края. Не исключено, что вместе с арабами сюда пришла и большая группа ираноязычных скотоводов, ставшая вместе с арабами непосредственными распространителями ислама. Наряду с отрицательными последствиями в экономике – разрушение производительных сил – завоеватели нанесли тяжелейший урон культурной традиции. В борьбе с традиционной религией – маздеизмом (зороастризмом) вместе со жречеством было уничтожено громадное количество письменных документов. Это является одной из главнейших причин сложностей при изучении истории народов Центральной Азии до арабского завоевания.

Время после арабского завоевания примечательно тем, что на рубеже I и II тысячелетий происходит еще большее сближение двух больших хозяйственно-культурных областей, представляющих органическое единство – кочевнических степей и оседлоземледельческих оазисов. В этих двух зонах на основе хозяйственной деятельности сложились свои особые культурные традиции, развившиеся в последующие исторические периоды и заметные в культуре

современных народов края. Языкового барьера между этими двумя группами населения не существовало. Жители оазисов и степной зоны говорили как на тюркских, так и на иранских языках. Исключение составлял лишь язык дари, на котором говорили только в оазисах и преимущественно жители городов.

Монголы, завоевавшие эту часть Азии в XIII в. и разорившие ее культурные центры, внесли существенные изменения в этнический состав населения региона. Под натиском завоевателей произошли значительные передвижения больших групп населения степной части, а жители оазисов укрылись в горы, многие тысячи оседлых земледельцев были физически уничтожены. Существует мнение, что вместе с монгольским нашествием в страну в больших масштабах стал проникать новый антропологический тип – монголоидный, хотя в северных районах Казахстана и Кыргызстана монголоидные группы населения появились значительно раньше – в первой половине I тысячелетия. Спустя некоторое время после монгольского нашествия в основном сложилась антропологическая карта края. Он стал областью контакта двух больших рас – европеоидной и монголоидной.

Более древний европеоидный компонент ослабевает в направлении с запада на восток и характерен для туркмен, таджиков и подавляющего числа узбеков. Монголоидные черты присущи каракалпакам, казахам, особенно киргизам, и преобладают у небольших групп узбеков. Однако это деление в значительной мере условно, ибо есть много смешанных и промежуточных в антропологическом отношении групп.

После монгольского нашествия проникновение тюркских языков в оазисы продолжалось, и уже к XVII в. тюркские языки преобладали во всех районах, включая Таджикистан и большие города (Бухара, Самарканд и др.), где население говорило преимущественно на таджикском языке. Послемонгольский период в истории страны важен и в том отношении, что в это время оформились в отдельные этносы современные местные народы – таджики, узбеки, туркмены, каракалпаки, казахи, киргизы и уйгуры.

Формирование таджикского народа проходило на основе древнего оседло-земледельческого населения оазисов среднеазиатского междуречья – согдийцев, бактрийцев и ферганцев. Процесс формирования таджикского народа, как и других народов этой части Азии, протекал в сложных социально-экономических, политических и географических условиях. Таджикоязычное население послемонгольского периода группировалось вокруг крупных экономических центров – Бухары, Самарканда, Ходжента, Куляба, отделенных друг от друга или труднопроходимыми горами, или безводными степями и пустынями. Это нашло отражение в существовании среди таджиков нескольких этнографических групп, различавшихся по уровню хозяйственного и культурного развития. Заметны эти различия в традиционной материальной культуре и сейчас. Одновременно с процессом консолидации шел и процесс расселения таджиков и освоения ими новых земель, что в немалой степени способствовало тюркизации оторвавшегося от основных массивов таджикского населения. В свою очередь, расселяясь в горных местностях, таджики передавали свой язык и элементы культуры небольшим по численности группам восточно-иранского (по языку) населения – ягнобцам, ваханцам, ишкашимцам, язгулемцам, шугнанцам и другим, которых называют сейчас припамирскими таджиками.

Начиная с середины XIX в. удается проследить на территории современного Таджикистана внутрирегиональные переселения значительных масс земледельческого населения. Эти процессы способствовали выработке единых для больших регионов культурных ценностей и размыванию местных особенностей традиционной культуры.

В формировании узбекского народа принимали участие два главных компонента – древнее оседлоземледельческое ирано- и тюркоязычное население оазисов современного Узбекистана и более позднее кочевое тюркоязычное население степной части. Процесс оседания кочевников в оазисах в различные

периоды истории проходил с неодинаковой интенсивностью. Оседая в оазисах и переходя к земледелию, скотоводы смешивались с местными жителями и воспринимали их культуру. Последняя большая группа кочевников, которая осела в оазисах Узбекистана и принесла с собою этноним "узбек", кочевала в степях между Аральским и Каспийским морями. Существует мнение, что свое название эти племена получили от имени золотоордынского хана Узбека (XIV в.), хотя слово "узбек" встречается в письменных источниках, относящихся к несколько более раннему времени. В начале XVI в. кочевые узбекские племена под предводительством Шибани-хана продвинулись в Хорезм, в оазисы вдоль течения р. Зеравшан, в Ферганскую долину, в Ташкентский и во многие другие оазисы южной части региона. Переселение большой массы скотоводческого населения в оазисы не внесло существенных изменений в языковую ситуацию, — большинство сельского населения оазисов к тому времени уже было тюркизировано. Осевшие в оазисах скотоводы оказали большее влияние на культурный облик населения. Вторжение больших масс скотоводов отрицательно сказалось на хозяйстве земледельческих областей. Тем не менее затяжной упадок экономической и культурной жизни, который наступил после шибанидского завоевания, не следует целиком относить на счет прихода кочевников в оазисы. В большей мере это определено общей направленностью хозяйственной деятельности населения и социальной структурой тогдашнего общества. На территории оазисов современного Узбекистана образовалось три ханства — Хивинское, Бухарское и Кокандское, где важной политической и военной силой были кочевые племена. Скотоводы стали постепенно переходить к земледелию. Этот процесс длился несколько столетий и в основном завершился в XIX в. Вместе с переходом к оседлой жизни кочевников продолжался и процесс тюркизации части сельского таджикоязычного населения. Но не все узбеки-кочевники перешли к земледелию. Некоторая часть узбеков до наших дней имеет основным направлением своего хозяйства животноводство.

Особенностью формирования узбекского народа является то обстоятельство, что оно проходило одновременно и в значительной мере на одной и той же территории, как и формирование таджиков. В складывании узбекского народа наблюдаются типологически те же, что и у таджиков, процессы — формирование больших территориально-хозяйственных комплексов, как, например, Хорезм, Фергана, оазисы бассейна Сурхандарьи и т.п. У населения этих областей вырабатывались свои особенности материальной и духовной культуры, явившиеся выражением специфики этнографических групп узбекского народа.

Немногом отличались этнические процессы в западных районах этой части Азии, приведшие к формированию туркменского народа. Кочевое скотоводческое население степей Прикаспия и оседлоземледельческое подгорной полосы Копетдага меньше, чем их восточные соседи, испытали на себе влияние тюркоязычных кочевников. В значительно меньшей степени население современной Туркмении подверглось и монголизации. И тюркский язык и монголоидный антропологический тип проникали на территорию Туркмении опосредствованно через тюркизированных по языку и монголизованных по антропологическому облику в прошлом ираноязычных и европеоидных кочевников-скотоводов. Еще в XIV в. источниками упоминаются ираноязычные скотоводческие группы в прикаспийских степях. Находясь в географическом отношении в большей изоляции от многих событий, происходивших в восточной части региона, предки туркмен сохранили в своей духовной и материальной культуре больше черт от дотюркского периода. Особенно это заметно в ковровых изделиях.

В то же время в послемонгольский период скотоводческие группы на территории современной Туркмении мало чем отличались от других кочевников этой части Азии. Процесс оседания кочевников в оазисах современной Туркмении проходил в тех же условиях, что и в оазисах Узбекистана. Особенно он усилился с XVI в., когда большая группа скотоводов осела по берегам Амударьи, в Хорезме, в

подгорной полосе Копетдага, Теджентском и других оазисах. Здесь кочевники смешались с оседлоземледельческим населением, отличавшимся от пришельцев не только хозяйственными занятиями. Туркменские группы, жившие в подгорной полосе Копетдага, имели в своей основе парфянский субстрат, а пришлые из прикаспийских районов – хорезмский пласт. Так же как в Узбекистане и Таджикистане, вокруг главных торгово-экономических центров, в оазисах, шел процесс складывания крупных этнических групп туркменского народа.

Формирование казахов проходило на огромных степных пространствах между северной частью Каспийского моря и Китайским Туркестаном. Население этой зоны, в силу географии расселения, первым встречало пришельцев из восточных районов, несших с собой сначала тюркскую речь, а позднее и монголоидный антропологический тип, что обусловило и большую монголоидность казахов по сравнению, например, с туркменами. В то же время население районов, где проходило формирование казахов, почти не испытало влияния западноиранского (по языку) населения. Этим обстоятельством объясняется большее сохранение у казахов древних, восточноиранских (сакских) элементов материальной культуры.

В XV–начале XVI в. в различных районах (побережье Сырдарьи, Семиречье и т.д.) современного Казахстана складываются небольшие "ханства" – политикотерриториальные объединения различных племен, которые перерастают в крупные объединения – жузы – Большой, Средний, Малый. Основой формирования каждого жуза служил тот или иной оазис, к которому тяготели скотоводческие племена и с населением которого у кочевников устанавливались регулярные и достаточно прочные экономические связи. Таким образом, формирование казахского народа происходило тем же путем, что и других народов региона. Различие заключалось лишь в том, что процесс перехода к оседлой жизни кочевников в Казахстане не был столь интенсивным, как в других частях страны.

На границах больших этнических массивов, а на примере казахов это особенно хорошо видно, складывались контактные группы, у которых и в языке, и в культуре исследователи отмечают много туркменских (на границе с туркменами) или узбекских (на границе с узбеками) черт.

Несколько меньше разработана этническая история киргизов. Вопрос об их происхождении усложняется тем, что усилия большинства ученых были направлены на выяснение этнонима "киргиз", а не на установление истории народа. Было предпринято несколько попыток связать в одну цепочку древних енисейских киргизов и киргизов Тянь-Шаня. Положительных результатов эти опыты не дали.

Скорее всего киргизов надо рассматривать как часть большого кочевого массива, сложившегося на рубеже II тысячелетия н.э. в этой части Азии. На территории Кыргызстана к этому времени уже тюркизированные племена в большей мере испытали на себе влияние монголоязычных групп, которые кочевали в южных районах Казахстана и дольше сохраняли свою обособленность. Вплоть до XVI в. эти районы назывались Моголистаном. На территории Кыргызстана не было таких крупных оазисов, которые смогли бы сыграть роль объединительных экономических центров. Это обстоятельство в значительной мере определило и более медленный переход киргизов к оседлости и сохранение более стойкой племенной организации. Складывание больших территориально-хозяйственных групп у киргизов шло медленно.

Формирование каракалпаков происходило в послемонгольское время, на основе части тех же скотоводческих племен, из которых складывались казахский, узбекский и туркменский народы. К XVI в. сформировалось довольно устойчивое объединение кочевников, тяготевшее к оазисам низовьев Сырдарьи. Здесь предки каракалпаков вели полуоседлое хозяйство, в котором земледелие сочеталось со скотоводством. К XVIII в. эта группа племен настолько сплотилась, что последующие трагические события, вызванные постоянными притеснениями со стороны более сильных групп и Хивинского ханства, не смогли остановить ход

консолидационных этнических процессов, и каракалпаки к XIX в. сформировались в народность, как и более крупные их соседи.

На территории Семиречья и прилегающих восточных районов проходил этногенез уйгурского народа. Этноним "уйгур" применительно к оседлоземледельческому тюркоязычному населению семиреченских оазисов и сопредельных районов Китая стал употребляться только после установления здесь советской власти. До этого его называли по месту жительства ("кашгарцы", "джаркендцы" или "таранчи").

В результате сложных и многовековых этногенетических процессов в Центральной Азии к XVIII – началу XX в. сложились крупные народы: узбеки (сейчас 16698 тыс.), туркмены (2730 тыс.), казахи (8136 тыс.), киргизы (2529 тыс.), каракалпаки (424 тыс.), уйгуры (262,6 тыс. в СНГ). Все они говорят на тюркских языках, входящих в алатийскую языковую семью. Таджики (сейчас 4215 тыс.) – единственный из крупных народов Средней Азии, чей язык входит в иранскую группу индоевропейской языковой семьи.

Кроме этих народов, к началу XIX в. здесь уже жили небольшие по численности группы курдов, белуджей, среднеазиатских (бухарских) евреев, персов (все относятся к иранской языковой группе), арабов и цыган.

Значительные изменения претерпел этнический состав после присоединения края к России и особенно за годы советской власти. На территории Центральноазиатских государств, кроме вышеперечисленных народов, к 1990 г. жили русские (9920 тыс.), украинцы (1234 тыс.), белорусы (238,7 тыс.), татары (978,2 тыс.), корейцы (320,9 тыс.), дунгане (94,3 тыс.), немцы (1135 тыс.) и меньшие по численности группы других народов. В настоящее время в связи с дестабилизацией обстановки в ряде государств и активизацией миграционных процессов, численность этих народов уменьшилась.

Изменилась и языковая ситуация. Наряду с развитием национальных языков широкое распространение получил русский язык как средство межнационального общения. Для районов со смешанным населением обычно знание не только родного и русского языков, но и языка соседнего народа.

ХОЗЯЙСТВО

В XIX – начале XX в. на территории центральноазиатских государств этнографами выделяются три исторически сложившихся хозяйственно-культурных типа: оседлые земледельцы оазисов, кочевники-скотоводы степей и полупустынь и полuosедлые земледельцы-скотоводы, жившие на окраинах оазисов и в дельтах больших рек. Границы хозяйственно-культурных типов не совпадали с этническими. Оседлым земледелием занимались таджики, подавляющее большинство узбеков и туркменов, группы каракалпаков и киргизов, уйгуры. Кочевым скотоводством, помимо казахов и киргизов, занимались часть туркменов (Западная Туркмения) и узбеков. Комплексное хозяйство (полуоседлое), в котором земледелие сочеталось с подвижным скотоводством, вели каракалпаки, часть хорезмских узбеков и туркменов, группы казахов и киргизов.

Земледелие здесь известно давно. Земледельческие культуры на юге Туркмении прослеживаются уже с V тысячелетия до н.э. К началу II тысячелетия до н.э. ареал земледельческих культур значительно расширился. Были освоены дельты таких крупных рек, как Мургаб и Теджен. В начале I тысячелетия до н.э. земледелие как основа хозяйства распространилось почти на все южные районы этой части Азиатского материка. Применение железных орудий, пришедших на смену бронзовым, позволило при обработке почвы и строительстве оросительных сооружений осваивать большие участки земли. Орошаемое земледелие развивалось вширь. К середине I тысячелетия н.э. в рассматриваемой историко-культурной

области были освоены почти все пригодные для земледелия площади. Во второй половине I тысячелетия н.э. обрабатываемые площади стали сокращаться за счет интенсификации земледелия – совершенствования оросительных систем и улучшения обработки почвы. С меньших площадей стали получать больше продукции, увеличилось население оазисов. Совершенствование оросительных систем шло по линии сокращения протяженности оросительных каналов. Широкое использование водоподъемных устройств – "чигирей" — позволило обрабатывать земли, расположенные выше уровней водоводных каналов и в непосредственной близости от поселений.

Сокрушительный удар центральноазиатскому земледелию, от которого оно долго не могло оправиться, нанесло монгольское нашествие. Разрушение завоевателями ирригационных систем, истребление и угон в рабство населения повлекли за собой обезлюдение целых областей. В позднем средневековье только часть земель, заброшенных во время монгольского нашествия, была заново освоена. Оросительные системы были восстановлены в далеко не полном объеме. Монгольское нашествие отрицательно сказалось на всех сторонах хозяйственной деятельности и наряду с другими причинами способствовало консервации старых методов ведения земледельческого хозяйства.

Основа местного земледелия – оросительная система – требовала большого приложения труда не только во время ее сооружения, но и при эксплуатации. Огромные массы населения были ежегодно заняты на очистке каналов и арыков, ремонте и сооружении головных заборных устройств воды из рек. В сельских поселениях вынуждено было оставаться большое количество людей, занятых в сельском хозяйстве только часть времени, но лишенных возможности заниматься на стороне каким-либо другим производительным несельскохозяйственным трудом с необходимым уровнем специализации. Это отрицательно сказывалось на развитии других направлений хозяйственной деятельности, например добыче полезных ископаемых, выплавке металлов и т.п.

В горных местностях оросительные системы были значительно меньше и могли орошать только небольшие участки земли, которой в горах (имеется в виду пригодная для земледелия) было немного.

До установления колхозного строя сельскохозяйственные орудия были примитивны и малопроизводительны. Основным пахотным орудием служила деревянная соха с железным или чугунным наконечником. Вспашку производили несколько раз – вдоль и поперек поля. Землю боронили деревянной доской с закрепленными в ней каменными, а позднее железными зубьями. Тягловыми животными были быки, лошади, а в отдельных районах верблюды. Сеяли вручную. Урожай собирали серпами. Очень важными земледельческими орудиями были своеобразная мотыга-кетмень и лопата. За исключением вспашки и боронования кетменем и лопатой производили все земляные работы. Сеяли пшеницу, ячмень, джугару и просо. Из технических культур первое место занимал хлопок. После присоединения края к России значение хлопководства резко возросло. Тем не менее наиболее ценные американские сорта хлопчатника с большим трудом завоевывали признание и до установления колхозного строя ведущей культурой хлопок не стал. Кроме полеводства, во всех оазисах широкое распространение получили садоводство, бахчеводство и виноградарство.

В специальной литературе часто противопоставляется орошаемое земледелие другим видам сельского хозяйства в Центральной Азии, например, кочевому скотоводческому хозяйству. Последние называют экстенсивным, а земледелие – интенсивным, подчеркивая "независимость" орошаемого земледелия от погодных условий. Это далеко не так. Получая воду из рек, берущих свое начало в горах, земледelec полностью зависел от количества снега, выпадавшего в ту или иную зиму в горах и от летних температур. Если выпадало мало снега, то и воды было недостаточно в оросительных системах. Если же при обильном зимнем снегопаде

летом наступала жара, то быстрое таяние снега и ледников вызывало большие паводки и вода разрушала оросительные системы. И то и другое отрицательно влияло на урожай. Так же зависело от погодных условий и богарное земледелие – возделывание полей под дождь, без оросительных систем. Этот вид земледелия в большей мере был распространен в тех местах, где основу хозяйства составляло подвижное скотоводство различных направлений.

Подвижным скотоводством занимались казахи, киргизы, часть туркмен и узбеков, обитавшие на обширных пространствах степей, полупустынь и гор. Под подвижным скотоводством ("кочевничеством") понимается такой вид скотоводческого хозяйства, когда основу существования какого-либо народа или части народа составляет экстенсивное скотоводство в условиях сезонных перекочевок. На рассматриваемой территории выделяется три способа кочевания: "меридиональное", "вертикальное" и "стационарное". Последний способ кочевания часто называют "пустынным скотоводством". Вид кочевания в скотоводческих обществах определялся социальными факторами (количество скота в хозяйстве скотовода) и географическими условиями, в которых находилась та или иная группа населения. Среда обитания порой имела решающее значение для определения вида кочевания.

Суть "меридионального" кочевания состоит в том, что зимние кочевья скотоводов располагались в самых южных районах той области, где они обитали. С наступлением весны скотоводы начинали движение на север, вслед за теплом. Лето стада проводили на северных пастбищах, а с приближением осени кочевники начинали продвижение на юг, на зимовки. Больше всего у скотоводов ценились зимние пастбища, на которых скот проводил самое трудное время года. Именно из-за них чаще всего возникали конфликты как между отдельными хозяйствами, так и между племенными подразделениями. Маршруты перекочевок регулировались в первую очередь расположением водных источников. "Меридиональное" кочевание применялось широко в центральных и северных частях Казахстана и на юго-западе Туркмении.

"Вертикальное" кочевание применялось скотоводами в горных местностях – в Кыргызстане и в северо-восточной части Казахстана. Зимой скотоводы проводили в горных долинах, защищенных от холодных ветров, там, где было не так много снега и скот мог доставать корм. Весной стада пасли на южных склонах, где снег таял быстрее и появлялась молодая трава. Постепенно поднимаясь в горы, скотоводы приводили свои стада на альпийские луга, где скот пасли все лето. Осенью стада спускались на зимовки.

"Стационарное" кочевание больше всего было распространено в наиболее засушливых районах – в Туркмении, на юге Узбекистана, на полуострове Мангышлак. При этом способе кочевания стада наименее подвижны. Зимой скотоводы проводили в песках или горных долинах, где почти не бывает снежного покрова и скот обеспечен кормом, а люди топливом. На лето скотоводы собирались около водных источников, где устанавливали свои жилища. Стада паслись на расстоянии одного дневного перегона от поселений, и их пригоняли на водопой через 1–2 дня.

Для разных систем кочевания специфичен и видовой состав стада. При "меридиональном" больше было лошадей, овец и верблюдов, а при "вертикальном" значительное место занимал крупный рогатый скот, который не мог переносить длительные перекочевок на большие расстояния. Климатические условия, при которых применялось "стационарное" кочевание, в еще большей мере ограничивали набор скота. У туркмен и узбеков основу стада составляли овцы и верблюды. Лошадей, в отличие от казахов и киргизов, держали только для верховой езды, так как и лошади, и крупный рогатый скот требовали большого количества сочных кормов.

В предгорных районах этой части Азии было широко распространено отгонное скотоводство, которое всегда сочеталось с земледелием. При отгонном ското-

водстве стада на лето перегонялись на горные пастбища, куда отправлялась с ними часть населения — пастухи и женщины, которые летом занимались обработкой молочной продукции. Другая часть жителей оставалась в долинах, где занималась орошаемым земледелием. На зиму скот пригоняли к селениям, где он пасся на прилегающих к селению пастбищах и по стерне. При этом виде скотоводства на зиму запасалось значительное количество кормов. Население, занимавшееся отгонным скотоводством (с XIX в., во всяком случае), поставляло на рынки основную массу товарного скота. Главное товарное значение имели овцы, которые в прилегающих к оазисам степных и горных районах вытеснили из стад другие виды скота — верблюдов, лошадей и коров. Особенно быстро этот процесс пошел в XX в. Это обстоятельство во многом определило потраву горных и степных пастбищ, что сильно ухудшило экологическую обстановку в регионе.

Комплексное, или полуседлое, хозяйство вели жители на окраинах больших оазисов и по берегам озер и морей. Здесь кочевое скотоводство сочеталось с земледелием или рыболовством. После сбора урожая все население аула вместе со скотом откочевывало в степи и занималось скотоводством, возвращаясь к полям лишь перед началом земледельческих работ. Аналогичный цикл совершали и группы населения, расселившиеся по берегам больших водоемов. Более или менее оседлый образ жизни они вели только во время путины, с окончанием которой возвращались к кочевничеству. Полуседлый тип хозяйства по сравнению с земледелием и кочевничеством был в значительно меньшей мере специализирован и давал меньше прибавочного продукта, что практически лишало его товарности. В засушливые годы или в снежные холодные зимы скотоводческие хозяйства теряли большое количество животных, и наиболее бедная часть скотоводов после потери скота вынуждена была переходить к земледелию. Этот процесс начался одновременно с развитием и выделением кочевничества в самостоятельный хозяйственный тип.

Одной из важнейших составных частей производственной деятельности населения Центральной Азии, наряду с земледелием и скотоводством, были домашние промыслы и ремесло. К концу XIX в. у народов Среднеазиатского региона прослеживаются все три этапа становления ремесленного производства — изготовление необходимых вещей внутри и силами каждой семьи, выработка различных изделий мастерами-профессионалами для членов той общины, в которой живут эти мастера, и собственно ремесло, когда мастера заняты изготовлением вещей на рынок и полностью оторваны от сельскохозяйственного производства. Второе крупное разделение труда — отделение ремесла от земледелия — произошло здесь уже в эпоху бронзы.

Ремесленное производство сосредоточивалось в оазисах — в городских и крупных сельских поселениях. Мастера различных профессий работали на рынок, поставляя земледельцам и скотоводам различные виды тканей, керамическую, металлическую и деревянную посуду, орудия труда из металла и другие вещи. Специализация труда была очень высокой. Например, выделка тканей распадалась на несколько операций, каждую из которых выполнял отдельный мастер — прядильщик, ткач, красильщик и т.д.

В обществе подвижных скотоводов собственно ремесленного производства не было. В каждой семье вырабатывались необходимые вещи — кошмы (войлоки), шерстяные ткани, шилась одежда и изготовлялись сбруи, арканы и другие предметы. В XIX в. только ковроделие у туркменских племен стало приобретать товарный характер и ковры больших размеров стали специально изготавливаться на рынок. Продукцию ремесленного производства скотоводы получали в обмен на скот и продукты скотоводства на базарах, расположенных в земледельческих оазисах или на их окраинах. Помимо ремесленной продукции кочевники получали из оазисов хлеб, который наряду с молочными продуктами составлял основу их пищевого рациона. В нормальных торговых отношениях в одинаковой мере были

заинтересованы как скотоводы, так и жители оазисов, которые получали от скотоводческих групп скот и шерсть.

К середине XIX в., а применительно к Казахстану и XVIII в., относятся достоверные сведения о специализации отдельных регионов края на преимущественном производстве какой-либо сельскохозяйственной и ремесленной продукции. Например, в Ферганской долине селение Риштан и соседние населенные пункты славились своими гончарными изделиями, а район Исфары — своими абрикосами.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Разные способы добывания материальных благ, существовавшие у народов этой части Азиатского материка, определили и неодинаковый уровень развития общественных отношений. В обществе земледельцев классовые отношения зародились уже в эпоху бронзы (середина III тысячелетия до н.э.). К рубежу нашей эры четко оформились классы эксплуататоров и эксплуатируемых. Однако сам характер классовых отношений у этих народов до сего дня остается не совсем ясным. Многоукладность хозяйственной деятельности породила и многообразие форм общественной организации, что в большей мере определялось и постоянным притоком в оазисы кочевого скотоводческого населения. Оседая в оазисах, кочевники приносили с собой и иные формы общественной организации, которые причудливо переплетались с формами социальной организации земледельцев. Неодинаковый социально-экономический уровень развития отдельных областей региона не мог служить базисом для одновременного перехода к новой формации населения даже оазисов, не говоря уже о населении степей и гор. В целом социальные отношения у населения оазисов многими исследователями определяются как патриархально-феодалные. Это определение не отражает существа явления, так как в Центральной Азии формы собственности на землю существенно отличались от форм собственности в феодальных государствах Западной Европы и России.

Дело в том, что здесь при наличии частного, общинного и государственного владения земель вода в большинстве случаев была собственностью государства. Это обстоятельство усложняет, а порой делает невозможным однозначное определение общественных отношений в земледельческих оазисах даже при наличии там государственных образований — Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств, где власть главы государства мало отличалась от власти правителей восточных деспотий более раннего времени. В местных ханствах не оформились замкнутые сословия, имеющие те или иные социальные преимущества, в том числе и сословие, имеющее монопольное право на владение землей. Не было и прикрепления крестьян к земле, а зависимость крестьян от богатеев выражалась в долговой кабале. В то же время формы эксплуатации были жестокими. Основной формой получения земельной ренты служила аренда, виды которой были очень разнообразны. В аренду землю сдавали не только крупные земельные собственники, но и мелкие крестьяне, которые в большинстве случаев не имели ни сельскохозяйственного инвентаря, ни тягловой силы и не могли обрабатывать свой участок земли. Сдав землю в аренду, крестьянин нанимался в работники к богатым землевладельцам за мизерную плату, а порой и только за еду. С разной степенью интенсивности в различных оазисах шел процесс концентрации земли в руках зажиточных слоев и обезземеливания крестьян. Этот процесс в значительной мере сдерживала община.

Формы общины у земледельцев были неодинаковы даже в границах одного оазиса. Больше всего демократических форм сохранялось в общинах недавно (относительно каждого периода) осевших кочевников. Здесь более или менее регулярно проводились переделы земли, ограничивались размеры земельных

площадей. В таких обществах в частном владении находилась вода, а не земля, которая считалась общественной собственностью. В обществах, где земледелие имело более древние традиции, переделы земли проводились нерегулярно или вообще их не было и земельные участки находились в собственности семей. Здесь отчуждение наделов — их продажа — стало правилом, что, однако, не везде способствовало разложению общинных порядков. В большинстве земледельческих районов община сохранялась вплоть до установления колхозного строя. Постоянный приток в оазисы кочевников способствовал регенерации общинных отношений.

Кочевая община была основной и главной ячейкой общества скотоводов. В общине объединялось несколько родственных семей, которые совместно выпасали скот, находившийся в личной собственности каждой семьи. Из таких общин составлялись небольшие племенные подразделения, которые формировали скотоводческие племена. Племена в кочевом скотоводческом обществе выполняли все необходимые общественные функции — защита племенных пастбищ, регулирование их использования, племенные советы в необходимых случаях решали внутриплеменные дела. Все пастбища, как и водные источники, считались собственностью племени. Это положение обычного права было кодифицировано мусульманским правом — шариатом. Только в середине XIX в. источники фиксируют появление частных колодцев, принадлежавших богатым скотоводам.

Имущественное неравенство внутри скотоводческого общества было сильно развито. Наряду с многотысячными стадами, принадлежавшими баям, в степи паслись объединенные стада бедняков, где на долю каждого хозяйства приходилось по 20–30 голов. Основной формой эксплуатации был наем пастухов и сдача скота на выпас бедным родственникам за право использовать некоторое количество молочных продуктов и часть приплода. Практически бай получали даровых батраков. Помимо деления на бедных и богатых, в скотоводческих обществах выделялись социальные группы. Казахи подразделялись на "белую кость" и "черную кость". К "белой кости" принадлежали ханы и султаны, возглавлявшие племена, к "черной кости" — весь остальной народ. Схожа была и социальная стратификация у туркмен, подразделявшихся на благородных игов и занимавших подчиненное положение кулов (рабов—иранск.). В то же время у туркмен не сложилось замкнутой социальной группы, аналогичной казахской "белой кости". У киргизов господствующей верхушкой была племенная знать — манапы. Манапы подразделялись на "главных" и "младших". В большей мере такое деление, как и само манапство, отражало имущественное положение скотовода. Разбогатевший бедняк становился манапом, и, наоборот, обедневший манап переходил в разряд простых скотоводов.

Большое влияние на общественную жизнь скотоводов оказывало обычное право, которое, регулировало всю внутреннюю жизнь кочевников. С разложением общинных порядков, а этот процесс особенно активизировался в скотоводческом обществе после присоединения края к России, оно стало использоваться зажиточной верхушкой для прикрытия эксплуатации соплеменников традициями "взаимопомощи". В целом же в скотоводческих обществах к моменту присоединения Центральной Азии к России классовые отношения были слабо развиты. Неравномерность социального развития отдельных областей усилилась в конце XIX в., когда страна была разделена царским правительством на "русские владения" и владения хивинского хана и бухарского эмира — вассалов России. В областях, включенных непосредственно в состав России, капиталистические отношения стали развиваться несравненно быстрее, нежели в Хиве и Бухаре, где продолжали сохраняться старые порядки. Изменения коснулись в первую очередь направления в развитии хозяйства. Ведущей культурой в "русских владениях" становился хлопок, начала развиваться обрабатывающая промышленность, появились более совершенные сельскохозяйственные орудия фабричного производства, проложены

железные дороги. На местный рынок хлынул поток фабричных товаров, что подорвало в большой степени местное ремесленное производство.

Вместе с тем царизм не стремился изменить и не вмешивался в образ жизни аборигенных народов. В повседневной жизни изменения происходили очень медленно и далеко не во всех частях региона. Материальная и духовная культура большинства населения оставалась на прежнем уровне. Конкретные условия оказались таковыми, что, несмотря на все изменения в экономике и социальной организации общества — организация управления по российскому образцу, — общинные порядки здесь не были разрушены. И в городе, и в сельской местности община как социально-экономический институт сохранилась.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Материальная культура народов, населяющих степи, оазисы и горы, в большей мере отражала хозяйственные занятия и региональные особенности, нежели этническую специфику. Это хорошо видно на примере поселений и жилищ. Поселения разделились на городские и сельские уже в конце эпохи бронзы, и наиболее ранние городские цивилизации возникли в подгорной полосе Копетдага. В других частях региона городские цивилизации известны несколько позднее. Многие существующие ныне города имеют возраст более двух тысячелетий (Самарканд, Ходжент, Ош и др.). Города были политическими, торговыми и ремесленными центрами. В отличие от Европы, где ремесленное производство преимущественно было занятием горожан, в Средней Азии большая доля всего объема ремесленной продукции приходилась на крупные сельские поселения, расположенные в равнинных оазисах и в широких горных долинах. Такие селения насчитывали многие сотни домов. Одновременно, несмотря на то что город давно выделился в самостоятельную поселенческую категорию, горожане не порывали челником с сельским хозяйством. Так, в упомянутых древнейших городах Бухаре и Ходженте на территории города, огороженной крепостными стенами, располагались поля, огороды и сады. Об этом свидетельствуют документы XVIII в.

Количественно у оседлых земледельцев преобладали средние и мелкие населенные пункты, число хозяйств и жителей в которых определялись размерами пригодных для орошения земельных участков. Существовал и хуторский тип расселения, наиболее ярко представленный в Хорезме, где отдельные усадьбы (хавли — хозяйства) располагались вдоль водоводов на значительном расстоянии друг от друга. К XIX в. в оазисах сложился специфический "предгородской" тип крупных поселений, где наряду с развитым и специализированным ремесленным производством часть жителей сохранила и занятия сельским хозяйством. Городские и сельские поселения делились на кварталы — махалля. В городе в каждом махалля жили, как правило, ремесленники одной профессии. Большинство соседских семей было связано между собой родственными узами.

В сельской местности махалля заселялись родственниками, которые вели свое происхождение от одного предка. В горных селениях еще в XIX в. сохранялись прототипы современных махалля — хавли, огороженные участки земли с жилыми и хозяйственными постройками, принадлежавшими большесемейной общине — авлоду (тадж.). Такие коллективы состояли из 3–4 поколений и насчитывали по несколько десятков человек. По существу, в сельской местности махалля часто представляли собой земельно-водные общины, особенно в крупных селениях. Аналогичные функции махалля выполняли и в городе.

В оседлоземледельческих оазисах жилище представляло собой прямоугольный дом с плоской крышей, огороженный со всех сторон глинобитной стеной. Региональные различия заключались во внутренней планировке, в приемах сооружения стен и в интерьере. Много архаических черт сохранило жилище в

горных районах, где дома не имели даже окон. Их заменяли отверстия для выхода дыма, оставленные над дверью или в потолке.

Поселения кочевников-скотоводов не имели четкой структуры. Как правило, около водных источников – колодцев или ручьев – располагались без видимого порядка жилища родственников, составляющих кочевую общину (оба – туркм.). У скотоводческих групп, например у туркменов подгорной полосы Копетдага, в целях безопасности в военное время строились крепости – участки земли, огороженные глинобитными стенами. В таких крепостях скотоводы укрывались от неприятеля вместе со скотом. Основным жилищем у кочевников была войлочная юрта. Остов юрты состоял из деревянных решеток и жердей, которые покрывались войлоком. Выделяются два типа юрты – монгольский и тюркский. Разница между ними заключается лишь в форме крыши. Первый имеет конусообразную крышу, второй – куполообразную. Исследователями высказывается мнение, что своим прототипом юрта имеет переносное жилище древних ираноязычных кочевников евразийских степей. Региональные различия в кочевом жилище выражались в незначительных конструктивных особенностях и в убранстве юрты. Как и в земледельческих оазисах, в кочевой степи резко различались жилища богатеев и бедняков.

Еще меньше различий было в покрое традиционной одежды народов Средней Азии. Основные элементы как мужского, так и женского костюма в большинстве случаев были одинаковы. Основу мужского костюма составляла рубашка туникообразного покроя и штаны с широким шагом. Верхней одеждой повсеместно был распашной халат с длинными рукавами. Покрой и цвет халатов больше различались по областям, нежели по национальной принадлежности. В земледельческих районах преобладали ватные стеганые халаты, а у скотоводческого населения – халаты из шерстяных тканей. Традиционная женская одежда к XIX в. сохраняла больше архаических черт. В одежде городского населения, жившего в "русских владениях", в конце XIX – начале XX в. произошли большие изменения. Мужчины в повседневном общественном быту стали носить элементы европейского костюма – пиджаки, жилетки, фабричную обувь. Очень сильно изменились покрой женского платья и набор обязательных элементов костюма. В сельской местности эти изменения стали заметными значительно позднее, а в горных районах – в середине XX в. Наиболее стойкими оказались половозрастные и событийные комплексы одежды – свадебные, траурные и т.п.

По существу отсутствовала национальная специфика в изделиях ремесленников. Например, керамической и металлической посудой, сделанной хорезмскими ремесленниками, с одинаковым успехом пользовались как оседлоземледельческие, так и кочевые скотоводческие группы узбеков, туркменов, каракалпаков и казахов. Одежду из тканей, выработанных в Самарканде, носили таджики, кочевые и оседлые узбеки. Аналогичная ситуация была и в других областях. Больше национальной специфики прослеживается в изделиях домашних промыслов, но и здесь преобладают областные или племенные традиции, что хорошо видно на примере орнаментального искусства.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

В сфере духовной культуры этническая самобытность прослеживается позднее. Одновременно в ней с большей четкостью проступают и общие, свойственные всем народам Центральной Азии, культурные традиции. В частности, много общего в эпических сказаниях разных народов этой страны, где совпадают не только сюжеты, но и имена героев, названия отдельных поэм, циклов и целых сказаний. Героический эпос узбеков "Алпамыш" хорошо известен казахам и каракалпакам, "Героглы" ("Кероглы") – таджикам и туркменам. До наших дней почти у всех среднеазиатских народов в эпических песнях и сказаниях сохранились сюжеты из

сакского эпоса и Авесты ("Ширин и Шакар"). В средние века эта страна дала миру выдающихся ученых – медика ибн Сину (Авиценна), математика аль-Хорезми, поэта, математика и философа Хаяма, созвездие поэтов – Рудаки, Фирдоуси, Низами, Навои, Махтумкули и многих др.

Богато и разнообразно художественное наследие народов Центральной Азии. Далеко за пределами края известны архитектурные шедевры Бухары, Самарканда, Хивы, Куны-Ургенча и других мест. Настоящими произведениями искусства являются изделия местных ремесленников. Туркменские ковры, бухарские и самаркандские ювелирные украшения и вышивки, казахские и киргизские узорчатые войлоки, таджикская керамика, роспись и резьба по дереву, книжная миниатюра – вошли в сокровищницу мировой культуры. Новое время, несмотря на засилье реакционного духовенства, отмечено деятельностью многих выдающихся писателей, поэтов, просветителей и ученых – казахского этнографа Ч. Валиханова, таджикского просветителя А. Дониша, узбекских писателей и мыслителей Фурката, Мукими, Хамзы, основоположника современной таджикской литературы С. Айни. На рубеже XIX и XX вв. создавали свои произведения каракалпакский поэт Бердах-Шаир, туркменские поэты Кемине и Молланепес. В киргизских горах сочинял свои песни Токтогул; в Казахстане работали выдающийся просветитель И. Алтынсари и основоположник казахской письменной литературы Абай Кунанбаев и многие другие деятели национальных культур. Громадную помощь в становлении современной науки в центральноазиатских государствах оказали ученые других регионов СССР, Москвы и Ленинграда.

Большое влияние на жизнь народов Центральной Азии оказал ислам, который после арабского завоевания страны распространился повсеместно. Причудливо переплетаясь с более ранними религиозными верованиями, распространенными здесь – зороастризмом (маздеизмом), христианством, шаманизмом и т.д., ислам проникал во все сферы общественной и семейной жизни. Велико было значение неофициального духовенства – ишанов, ахунов, суфиев, смотрителей "святых" могил (мазаров) – шейхов. Ортодоксальные служители культа – муллы до присоединения края к России особым влиянием, за исключением городов, не пользовались. Их роль в общественной жизни резко возросла после установления в стране власти царя, которому была нужна контролируемая государственная религия.

* * *

После установления советской власти в крае было проведено национальное размежевание и районирование (1924–1926 гг.). Впервые за свою многовековую историю народы были объединены по национальному признаку и получили свою государственность. Это явилось одним из важнейших условий формирования наций. Проведение межреспубликанских границ столкнулось с определенными сложностями. Исторически сложилось чересполосное расселение, например, узбеков и таджиков в Ферганской долине, на юге современного Таджикистана, узбеков и туркмен в Хорезме, казахов и узбеков на юге Казахстана и в других местах. В частности, преимущественно таджикоязычное население Самарканда, Бухары и других крупных городов территориально отошло к Узбекистану. О сложности проведения межнациональных границ свидетельствует и тот факт, что в современном своем виде они сложились не сразу. Так, значительная часть Северного Таджикистана вместе с Ходжентом первоначально отошла к Узбекистану и только спустя несколько лет была включена в состав Таджикистана. Похожая ситуация сложилась и с современной Сырдарьинской областью Узбекистана, которая какое-то время входила в состав Казахстана. Пестрота этнического состава в густонаселенных оазисах определила и сложность этнических процессов в наши дни. Далеко не просто они проходят в различных регионах этой части Азии.

Огромное значение имели культурные преобразования. До установления советской власти здесь не было ни одного светского высшего учебного заведения. Все образование находилось в руках мусульманского духовенства. Не хватало школ, учителей со светским образованием насчитывались единицы. На сто человек жителей не приходилось и трех грамотных. С приходом советской власти и отделением церкви от государства образование было поставлено на совершенно новую основу. Для каждого народа была создана своя письменность, вначале латинизированная, а с 1938–1940 гг. переведенная на русский алфавит. В школах введено преподавание на родных языках народов. Открылись высшие и средние учебные заведения, где наряду с мужчинами стали учиться и женщины. Во всех республиках СССР были созданы академии наук, где работала национальная интеллигенция. Была ликвидирована неграмотность.

Всестороннее развитие получили литература и искусство. Во всех государствах открыты национальные театры, созданы кино- и телестудии, консерватории и т.д.

Широкое распространение русского языка как средства межнационального общения и средств массовой информации сделало доступными для народов края достижения мировой культуры, помогло сделать богатое культурное наследие народов Центральной Азии достоянием всего человечества.

В наследие от прошлых эпох государства Центральной Азии получили не только богатейшее культурное наследие, но и множество острейших социально-экономических проблем. Пестрота этнического состава и расселения наложились на далеко не адекватную экономику различных районов этой страны, что явилось решающим условием, определившим сложность изменения социальной структуры общества в целом и в частности этнических процессов. Постоянный приток населения из других регионов Советского Союза на индустриальные стройки усложнял взаимную адаптацию населения и изменял этническую ситуацию в том или ином месте за короткий промежуток времени. Эти и подобные сложности способствовали развитию негативных процессов национальной ограниченности, проявившихся в последнее время.

В большой мере этому способствовала и регенерация как в сельской местности, так и у части городского населения старых общинных традиций и усиление мелкотоварного производства в земледельческих и скотоводческих регионах. В первую очередь негативные явления проявились в организации быта и общественного мнения в махалля (квартале – общине), что незамедлительно оживило традиционалистские тенденции в семейной жизни. Особенно это заметно на положении женщин, правовое положение которых в семье изменилось не в лучшую сторону. Несомненно, не последнюю роль в этом процессе играет и то, что замужние женщины коренных национальностей практически полностью исключены (многодетность семей) из участия в несемейном секторе производства.

За последние десятилетия возросло число семей, где право решающего голоса принадлежит старшему мужчине вне зависимости от того, работает он или находится на пенсии.

Отмеченные негативные явления в значительно меньшей мере проявляются в районах с развитым индустриальным производством.

ЭТНОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Человеческая история — это история не только государств, выдающихся личностей или идей, но также история народов-этносов, которые образуют государства, выдвигают из своей среды выдающихся деятелей, создают культуры и языки, трудятся и воюют, делают великие и малые изобретения, совершают героические подвиги и трагические ошибки. Эта сторона истории — этническая история (от этногенеза до современных этнических процессов) — и недостаточно изучена, и еще менее описана даже в специальной литературе. Поэтому при обсуждении проблем этнической истории следует помнить, что здесь затрагиваются лишь немногие вопросы обширной области научного знания, исследование которой во многом еще впереди.

При всей фрагментарности и мозаичности имеющихся научных данных можно, впрочем, достаточно уверенно утверждать, что ход и результаты этноисторического развития на планете с древнейших времен и до завершения нынешнего столетия оказались для разных этносов весьма неодинаковыми. Некоторые этносы в процессе своего расселения и расширения ойкумены попали в относительно благоприятные (климатические, ландшафтные и иные) условия и в результате этого, а также в силу действия других (экономических, политических, отдельных ситуационных и прочих) факторов получили интенсивное развитие, внешним показателем чего можно отчасти считать рост численности того или иного народа. Легко заметить, что, скажем, крайне малочисленные нганасаны, немногочисленные вепсы или гагаузы имели, очевидно, меньше возможностей и условий для своего количественного роста, чем, например, бенгальцы, японцы или русские. Кроме того, природные и главным образом социально-исторические обстоятельства способствовали тому, что отдельные из ныне существующих этносов имеют возраст, измеряемый тысячелетиями (армяне, греки-эллины, китайцы), а другие прошли стадию консолидации сравнительно недавно (кубинцы, долганы, туркмены и др.).

Этническая история как один из существенных аспектов всемирного исторического процесса включает в себя: процессы этногенеза; ближние и дальние миграции народов; смешение этносов посредством чересполосного расселения и массового заключения межэтнических браков; интеграцию нескольких этносов в один общий и дифференциацию одного этноса на два и более; численный рост и сокращение; аккультурацию (массовое заимствование и усвоение одним этносом культуры другого) и ассимиляцию (полную утрату прежних и усвоение новых этнических характеристик); другие (культурные, языковые, экономические и прочие) межэтнические контакты и взаимодействия. Но это еще не все и, быть может, даже не самое главное в ходе и развитии этноисторических процессов. Еще существеннее то, что этническая история как история функционирования и эволюции этносов включает в себя процессы внутреннего движения, совершенствования и усложнения строения этих феноменов, структурные сдвиги, которые по мере накопления создают предпосылки для перехода этносов в новое структурное, новое качественное состояние.

Так, L-компонента в развитых этносах усложняется за счет появления литературного языка и увеличения значимости его новых функций (в народном образовании, литературе, прессе, делопроизводстве, театре и т.п.); K-компонента приобре-

ретает полифункциональную структуру за счет возникновения индустриального слоя материальной культуры и профессионального слоя духовной культуры: S-компонента в ходе истории становилась все более полиморфной и иерархичной в связи с формированием новых социальных стратов, классов, социальных институтов и групп; напротив, C-компонента (стереотипное поведение, обряды) сокращает объем своего функционирования, сильно модифицируется, равно как и бытование традиционного фольклора (F-компонента); вместе с тем в новое и новейшее время почти повсеместно наблюдается значительный рост психологических характеристик этносов, их этнического сознания и самосознания (т.е. P-компоненты) и т.п.

Этнический фактор в событиях и процессах регионального и всемирно-исторического значения не всегда ясно виден, и его роль не всегда должным образом учитывается и оценивается даже специалистами. Так, в истории Древней Руси историки не раз анализировали известное Белозерское восстание социальных низов, смердов 1078 г., жестоко подавленное Янем Вышатечем, даньщиком киевского князя Святослава. Однако мало кто принял во внимание, что восстание началось в Ростовской земле – области расселения народности мери, а затем перекинулось в Белозерские края, где издавна обитала древняя весь; иными словами, социальная напряженность находила себе выход в периферийных зонах древнерусского государства, заселенных иноэтничными группами.

Другой пример можно позаимствовать из истории Нидерландской революции XVI–начала XVII в. События и разнообразные аспекты этого процесса в исторической науке исследованы детально и многосторонне. Однако тема о мобилизующем значении этнического фактора в ходе борьбы с испанским господством, тема создания в этой борьбе социально-этнической идеологии формировавшейся нидерландской нации, в сущности, почти не привлекла к себе внимания ученых. Стоит лишь, наконец, поставить вопрос, можно ли достаточно полно охарактеризовать историю Европы XVIII–XIX вв., отвлекаясь от тогдашней этнополитической проблематики, чтобы осознать тщетность подобных усилий. Ирландский вопрос в Великобритании, славянские национально-освободительные движения на Балканах, чешское и венгерское национальное пробуждение в Австрии, задачи национального объединения Италии и Германии, патриотический подъем в России в 1812 г. и т.п. – вот далеко еще не полный перечень социально-политико-культурно-этнических процессов и лозунгов, вокруг которых скрещивали идеологическое, политическое и реальное оружие государства, партии и выдающиеся умы эпохи.

Понятно, что приведенные данные – это не более чем примеры, но любой специалист по этноистории Азии, Африки, Северной и Южной Америки, а также Австралии и Океании назовет множество типологически сходных фактов, так что все они в конечном счете выстраиваются в сложную систему закономерностей этнической эволюции на нашей планете.

В глобальном этноисторическом движении осуществляются и проявляются общие и своеобразные черты развития народов-этносов, в том числе определяется направленность этнических процессов, ведущая либо к сближению, интеграции и слиянию этносов, либо к разделению, дезинтеграции, отдалению этносов друг от друга. И хотя, как уже говорилось, этническая история народов мира изучена недостаточно, все же допустимо утверждать, что как этнообъединительные, так и этноразделительные процессы имели место на всех этапах истории человечества. Другое дело, что на разных ее этапах, по всей вероятности, преобладали то те, то другие – конвергентные или дивергентные – тенденции. Так, в течение самой длительной эпохи – эпохи первобытно-общинных отношений, – можно думать, преобладали этноразделительные тенденции, что обуславливалось процессами расселения племен по территории планеты, освоения все новых пространств, скудостью ресурсов и неразвитостью производительных сил. Впрочем, на исходе этой огромной эпохи тенденции, возможно, уравнились, так как именно тогда формировались праязыки и праэтносы, из которых путем разделения разрослись

современные крупнейшие языковые семьи (индоевропейская, алтайская, уральская и др.) и соответствующие группы народов.

В последующие крупные хронологические периоды – в древневосточных и античных обществах, в социальных условиях средневековья и нового и новейшего времени – при сохранении обеих (этнообъединительной и этноразделительной) тенденций реализовались своеобразные формы их регионального и эпохального проявления. Конечно, каждый из этих крупных периодов отличался своими собственными чертами протекания этнических процессов. Так, в эпоху Древнего мира впервые появились крупные этносы (древние египтяне, древние китайцы-хань, древние греки-эллыны и др.) и впервые возникло взаимодействие этих крупных этносов и созданных ими государств с первобытнообщинной периферией. Позднее, уже во времена феодального средневековья, этнические процессы приобрели менее отчетливо выраженный характер, будучи в значительной мере подменены или отчасти перекрыты религиозно-конфессиональными и регионально-областными связями и отношениями. Этноконсолидационные тенденции усилились в капиталистическую эпоху, когда происходило складывание крупных этнонациональных общностей; вместе с тем потребности развития мирового капиталистического хозяйства интенсивно сближают этносы, хотя это сближение часто носит грубый, насильственный характер колониального захвата, военного подавления и экономической эксплуатации.

Факты, свидетельствующие о проявлении названных генеральных тенденций, легко обнаруживаются в этнической истории любого крупного региона ойкумены. Так, этнообъединительные процессы хорошо прослеживаются при изучении формирования чехов, французов, болгар, туркмен и т.д. В сущности, все народы в ходе своего этногенеза и дальнейшего этнического бытия в той или иной мере включали в свой состав разноэтнические группы, усваивая и перерабатывая разнообразные языковые, культурные, а также физико-антропологические (расовые) компоненты. Этноразделительные процессы также обращают на себя внимание и подвергаются тщательным исследованиям специалистами. Такого рода процессы тоже прослеживаются повсюду: древнерусская народность в ходе своей эволюции дала начало трем восточнославянским народам (белорусам, русским и украинцам); древние булгары, расселившись в Среднем Поволжье, стали исходной формой развития татар, чувашей, а отчасти и башкир; этническая история древних арабов привела к формированию целого ряда этносов (современных египтян, алжирцев, ливийцев, сирийцев и др.); позднее, в конце эпохи феодализма и в новое время, совершилось формирование испаноязычных этносов Латинской Америки и ряда англоязычных народов (североамериканской, англоканадской, англоавстралийской, новозеландской и других наций). Нет необходимости добавлять, что число подобного рода фактов легко может быть увеличено.

Этносы в своем историческом развитии постоянно контактировали, взаимодействовали друг с другом. Конечно, характер этих взаимодействий бывал весьма различен – как по степени частоты и интенсивности, так и по силе симпатии или вражды. Разнообразные добрососедские хозяйственные связи, торговля, языковые обмены, заимствования культурных достижений и изобретений, межэтнические браки, союзнические отношения могли сменяться и нередко уступали место чувствам страха, подозрительности, отчужденности, которые вели к столкновениям и вооруженным конфликтам. Вместе с тем не следует забывать, что и ксенофобия (боязнь, ненависть к иноэтничным чужакам, иностранцам), и война – это, по сути дела, тоже формы межэтнических взаимодействий, – бесчеловечные, антигуманные, но тем не менее способные межэтнических взаимоотношений. Культурные и иные заимствования не исключаются и в таких условиях, но при этом они считаются "завоеванными" или "насиленно навязанными".

Таким образом, межэтнические, а также межрасовые контакты и взаимодействия в их многообразных и разноплановых проявлениях – это исторически

устойчивый, массовый, постоянный и закономерный процесс; напротив, длительная и непроницаемая этническая обособленность представляет собою скорее исключительные, аномальные случаи и, как правило, не бывает особенно долгой. Поэтому этнические изоляты – это раритеты, исключительные явления среди этносов нашей планеты. Интенсивнее, быстрее и успешнее развиваются, как правило, народы, не чуждающиеся межэтнических контактов и связей; наоборот, этнической изоляции или самоизоляции чаще всего сопутствуют экономическая, культурная и техническая отсталость.

Межэтнические контакты и взаимодействия, далекие и близкие миграции, культурные и языковые влияния и заимствования, межрасовые смешения на разных этапах исторического развития в разных регионах планеты приводили к неодинаковым результатам. В одних случаях контакты имели своим итогом расовое смешение, в результате чего возникают промежуточные или контактные малые расы (например, эфиопская и подобные ей). В других условиях смешение разнородных этнических элементов вело к образованию новых этносов, множество которых можно наблюдать в Северной и Южной Америке, а также в других регионах мира, куда направлялись и которых достигли потоки миграций. (Ряд примеров подобного рода уже указан выше.) При иных обстоятельствах (например, в связи с массовыми перемещениями разнородных групп негритянского населения в Америку в ходе торговли "живым товаром" в XVII–XIX вв.) возникли своеобразные этнорасовые общности, наиболее яркими представителями которых, возможно, следует считать негров США, а также гаитян и ямайцев. Наконец, одним из существенных результатов названных этноисторических процессов является образование и исчезновение культурных провинций разных таксономических рангов, в том числе историко-культурных (историко-этнографических) областей. С этнологической точки зрения представляется вполне вероятным, что формирование *региональных цивилизаций* (например, древнекитайской, латинсредиземноморской, европейской и т.п.) не обошлось без воздействия этнических, в том числе этнокультурных, факторов.

Этническая история разветвляется сложными и противоречивыми способами, и на ее путях случаются не только прогрессивные сдвиги и перемены, но и существенные потери и утраты. Сам по себе прогрессивный процесс значительного роста, концентрации (консолидации) и структурно-функционального усложнения относительно немногих этносов имеет в качестве своей обратной стороны растворение (ассимиляцию) в них другой – и весьма значительной – части этносов. Факты этнической истории свидетельствуют о том, что эта тенденция есть проявление или следствие общемирового закона неравномерности этнического развития.

Так, консолидация древнеэллинской (древнегреческой) народности рабовладельческой эпохи совершилась в итоге ассимиляции племен ионийцев, дорийцев, ахейцев, эолийцев; древнеримская (латинская) народность сформировалась в ходе завоевания и ассимиляции этрусков, лигуров и других этносов, а также родственных латинам племен италиков. В процессе древневосточной и античной истории исчезли шумеры, хетты, вавилоняне, парфяне, арамеи и многие другие этнические образования. На современной этнической карте едва ли удастся отыскать те этносы, которые во множестве названы и описаны в трудах Геродота, Страбона, Цезаря или Тацита. Исчезли многие этнические общности, имена которых были широко известны в эпоху средневековья: готы, кимвры, тевтоны, лангобарды, гунны, бритты, хазары, меря, печенеги, половцы, византийские ромеи и прочие. В Новое и Новейшее время колониальные захваты европейскими государствами, массовые миграции и другие факторы привели к исчезновению многих этносов в Америке, преобладающей части австралийских аборигенов, коренного населения Тасмании.

Конечно, в мировой истории имели место факты намеренного истребления аборигенных народов (например, ряд индейских племен в США, часть аборигенного

населения Тасмании и Австралии). Однако причины исчезновения этносов не только в этом. Нередко туземное население погибало от болезней, привезенных европейцами, от которых местные жители не имели природного иммунитета (такова, по всей видимости, была судьба индейского населения на о. Куба), а также в результате создания колонизаторами крайне неблагоприятных для аборигенов социальных условий (подневольный труд, разнообразные формы дискриминации и т.п.). Вместе с тем исчезновение этносов далеко не всегда оказывалось сопряженным с физической гибелью собственно этнофоров. Вполне типичен случай лишь перемены этнонима: так, часть южных славян после завоевания их тюрками-булгарами стали называться болгарами, древняя народность весь в конце Средневековья именовалась соседями этническим именем чудь, а в первой четверти XIX в. вновь стала известна под именем вепсы. Тем не менее этническая ассимиляция в ее, так сказать, чистом виде встречается в мировой истории постоянно и в достаточно разнообразных проявлениях.

Чаще всего понятие ассимиляции ассоциируют с ее принудительным, насильственным осуществлением путем проведения целенаправленной консервативной или даже реакционной государственной (национальной) политики. Это верно. В царской России, Австрийской империи, султанской Турции, колониальной Индии и в других странах политика ассимиляции проводилась, по сути дела, официально (государственный язык, государственная религия, служебные и иные преимущества для правящих классов доминирующих национальностей и т.п.). Арабская ассимиляция египетского населения (своеобразным реликтом которого остается религиозная община коптов), а также берберов в странах Магриба служит, в частности, примером того, что политика ассимиляции, нередко даже осуществляемая спонтанно, без заранее разработанных планов и обдуманных мероприятий, может приводить к изменению этнической принадлежности (в том числе смене этнического самосохранения) значительных масс людей.

И все же, признавая справедливость сказанного выше, следует помнить, что ассимилятивные процессы могут принимать характер и форму отчасти и даже вполне добровольных действий, приобретать сознательную направленность и соответствовать желаниям как определенных групп, так и целых этносов. Так, начиная примерно с XV в. и позднее, по мере того как Русское государство становилось многонациональным (полиэтничным), господствующие группы присоединяемых народов — коми-зырян и коми-пермяков, мордвы, марийцев, чувашей, отчасти татар и в меньшей степени башкир — вливались в состав русских доминирующих слоев и классов (сначала феодалов, а позднее буржуазии). Довольно типичными были случаи частичной или даже полной этнической ассимиляции завоевателей, включавшихся в состав господствующих (доминирующих) элит в завоеванных странах: завоевавшие часть славянского населения в VIII в. болгары-тюрки быстро ославянились; "призванные" на Русь в IX в. варяги (норманны) уже к концу X в. растворились в составе древнерусской феодальной знати; та часть монголов, завоевавших Китай в XIII в., и маньчжуров, захвативших его в XVII в., которая образовала государственнo-управленческий чиновничий аппарат и оторвалась от своих этнических территорий, расселившись по всему Китаю, довольно быстро китаизировалась; нормадско-французское рыцарство, овладевшее Англией в XI в., постепенно утратило исходные этнические черты и вошло в состав английского этноса.

Впрочем, интенсивность и условия межэтнических взаимодействий не всегда ведут к полной этнической ассимиляции; нередко процесс не получал такого завершения, а ограничивался меньшей мерой влияния — массовым заимствованием культуры, усвоением значительной частью этноса другого языка (двуязычие) и т.п. Во многих случаях возникали и возникают в наше время явления билингвизма, бикультурализма, которые принято называть также термином аккультурация. Примеры такого рода межэтнических взаимоотношений легко обнаружить всюду,

где имеются контакты между крупными высокоразвитыми народами и относительно малочисленными этносами, которые подчас называют ассоциированными с этими крупными нациями. Одно из проявлений аккультурации обычно видят в широко распространенном в мире процессе вестернизации – усвоении (нередко весьма уродливом) многими народами разнообразных и многочисленных черт европейско-американской ("западной") культуры.

Среди важнейших аспектов этноистории на нашей планете после завершения первобытнообщинной эпохи справедливо указывают на возникновение государств и их институтов и их взаимодействий с этносами. Исторический опыт говорит о том, что государство как аппарат управления нигде и никогда не оставалось безучастным к этносам и этническим процессам: оно обычно способствовало оформлению (усилению, консолидации и т.п.) того этноса, доминирующие элитные группы которого обладали властью, но часто действовало в обратном направлении, в направлении задержки развития других этносов или даже их деструкции (аккультурации, ассимиляции). В Новое и Новейшее время в Западной Европе и на других континентах сложилась тенденция формирования национальных и многонациональных государств, в связи с чем возник новый феномен – национальная политика.

Проведение национальной политики (первоначально чисто эмпирически, а позднее – с привлечением сил науки, в том числе и этнологии) стало важным элементом жизни не только многонациональных стран и колониальных империй, но и в рамках национальных государств, так как и в этих последних государствах, как правило, есть иноэтничные народы или группы, имеющие свои интересы и устремления (например, в Англии – шотландцы, уэльсцы и другие, во Франции – бретонцы, эльзасцы и др.). Одним из следствий вторжения государства в этническую сферу социальной жизни, изменений границ, регулирования миграционных процессов стало возникновение и широкое распространение феномена, получившего наименование *этнических меньшинств*.

Резюмируя сказанное, полезно обратить внимание на то, что этносы, этнические группы разнообразно проявили себя в историческом процессе, в том числе и в форме *национально-освободительных движений*.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В МИРЕ. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

В зарубежных, а в последнее время и в отечественных публицистических и научных публикациях нередко встречается утверждение, что завершающийся XX в. следует характеризовать как *век национальных идеологий, национальных движений*, – век национализма. Едва ли это утверждение можно принять безоговорочно. Прежде всего, как показано во всех предшествующих главах, этнические процессы, и в том числе разнообразные межэтнические взаимодействия, составляют один из существенных аспектов всей истории человечества. Кроме того, взаимодействия между этносами, в особенности позитивные связи в форме сотрудничества и обмена, – суть условия и факторы прогресса культуры, техники и социальной жизни.

Тем не менее наименование XX столетия *веком национальных движений* отчасти имеет свое историческое оправдание в том, что более высокий темп и более интенсивный тип социального развития в целом сказался и в усилении межэтнических взаимодействий и национально-освободительных движений. Приобретение самостоятельности Норвегией и Ирландией, а позднее, после Октябрьской революции 1917 г., Польшей, Финляндией, Литвой, Латвией и Эстонией, возник-

новение национальных государств в Центральной Европе и на Балканах в результате развала Австро-Венгерской империи и султанской Турции, распад мировой колониальной системы в 50–60-е годы в итоге разносторонних антиколониальных усилий – Китайской народной революции, освободительных войн в Индонезии, Индокитае, Бирме и Алжире, образования независимых государств в Индии и Пакистане, а позднее в Черной Африке, общественных движений, деятельности ООН и других событий – все это свидетельства, указывающие на интенсификацию действия этнических факторов в истории, которая творится, как говорят, почти на глазах ныне живущего поколения.

Наконец, центробежные тенденции, получившие преобладающее значение в 90-е годы и приведшие к образованию группы национальных государств вместо бывшего СССР, а также трения и конфликты на этнической почве и с этническим оттенком, которые в настоящее время то и дело возникают даже в самых, казалось бы, благополучных регионах мира (например, противоречия между фламандцами и валлонами в Бельгии или же между франкоканадцами и англоканадцами в Канаде) убедительно показали, что этнический фактор продолжает быть существенным и актуальным.

Изучение сложившейся к нашему времени, т.е. к концу XX в., и реально отражаемой этнологией этнической картины мира позволяет констатировать не только тот бесспорный факт, что современные этносы сильно дифференцированы по типам преобладающих экономико-социальных отношений, по религиозно-конфессиональной принадлежности, языковым группам и просто по величине, т.е. численности, но и то несомненное обстоятельство, что общее число этносов и этнических языков постоянно сокращается. Всего 18 наиболее крупных народов составляют более половины человечества; около 4/5 населения Земли составляют народы, численность каждого из которых превышает 10 млн человек. Среди крупнейших этносов планеты насчитывается семь супергигантов, превышающих по численности 100 млн человек – это китайцы (более 1 млрд человек), хиндустанцы (более 210 млн человек), североамериканцы США (более 185 млн человек, без афроамериканцев – более 150 млн человек), бенгальцы (более 166 млн человек), русские (около 145 млн человек), японцы (более 120 млн человек). Таким образом, если принять в расчет, что доля народов, насчитывающих менее 1 млн человек, не превышает 3,2% от общей численности человечества, то станет более понятно, почему современные межэтнические процессы столь часто приобретают этноинтегративную направленность.

Всё уже говорилось о том, что подавляющему большинству стран, даже так называемых однопациональных, свойственна та или иная мера полиэтничности. При этом государство, как правило, стремится к тому, чтобы в его границах господствовал один язык (по крайней мере этот один или единственный язык стараются сделать государственным или официальным, либо уж, по меньшей мере, языком межнационального общения). Государство, вводящее обычно административную и всякую иную унификацию, чаще всего поддерживает какое-нибудь одно вероисповедание (церковное объединение) и какую-нибудь одну национальную профессиональную культуру.

Более того, некоторые молодые государства, лишь недавно освободившиеся от колониальной зависимости и, как почти все бывшие колонии, полиэтничные по своему этническому составу, в ряде случаев брали на себя непосильную задачу формирования (создания, "строительства") новых этнонаций (индонезийской, нигерийской и многих др.). Этнонации, однако, не возникли, но усилия, направленные на межэтническую интеграцию, отчасти не пропали даром. Они способствовали складыванию хозяйственно-культурных объединений иного порядка – этнополитических государственных общностей. Там, где государство оказывалось сильным, а тенденции этносоциального развития преобладающими, такие этнополитические общности проявили жизнеспособность (Индия, Индонезия, Мексика, Перу, Китай и

многие др.); там, где национальные интересы этносов приносились в жертву грубому унитаризму, а национальная политика осуществлялась в форме запретов, репрессий и депортаций, этнополитические общности, казалось бы, испытанные историей (СССР, СФРЮ), оказались неустойчивыми и прекратили свое существование. Именно здесь коренится одна из важнейших причин борьбы подавляемых этносов за равноправие их языков, культур, вероисповеданий, борьба против чрезмерной централизации и культурно-языкового притеснения, а также в поддержку административной автономии или национально-государственного суверенитета.

Общественное разделение труда, сопряженное с неравномерным распределением природных и трудовых ресурсов, в XX в. вызвало к жизни крупные миграционные перемещения населения. Интенсивное развитие трудоемких (т.е. требующих больших объемов трудовых ресурсов) отраслей промышленности стало одной из решающих причин роста городов (урбанизации в узком смысле слова) и распространения городских стандартов жизни на аграрные (сельскохозяйственные) районы и сельское население. Численность городского населения в мире, сильно варьирующая по странам и континентам, в целом на планете составляет около половины всех жителей Земли. Потребность в многочисленных малоквалифицированных и дешевых рабочих кадрах провоцировала движение их в города и существенно изменила во многих регионах мира этнический состав городских поселений. Именно в связи с этими процессами возникли большие группы иноэтничного населения в крупных и крупнейших городах Европы и Америки (негритянское население в Лондоне, алжирцы в Париже, выходцы из Индии в городах Южной Африки, турки в городах Германии, представители индейских народностей в Мехико и т.п.).

В нашей стране процесс урбанизации, не менее интенсивный, чем в других регионах мира, приобретал, однако, подчас существенные черты местного своеобразия. Так, в крупных городах – столицах национальных республик Урало-Поволжья (которые до Октябрьской революции 1917 г. были русскими городами) сформировалось городское население из представителей местных этносов, и эти города приобрели в значительной мере такой состав населения, который стал отличаться этнической сложностью и мозаичностью.

В течение последнего столетия интенсивность и частота межэтнических взаимодействий получили подкрепление в весьма широком распространении национально-смешанных браков и семей. Не следует, конечно, думать, будто межэтническая брачность и смешанные по этнической композиции семьи – это нечто совершенно новое в эволюции этнической ситуации в мире. Такое заключение было бы ошибочным, так как межэтнические браки, добровольные или принудительные межэтнические связи имелись на всем протяжении человеческой истории (в особенности при массовых миграциях, в которых участвовали преимущественно мужчины, при длительных контактах в межэтнических порубежьях при осуществлении крупных строительных работ, а также в условиях городского расселения). Тем не менее массовое формирование смешанных семей в XX в. – это примечательная и типичная черта эпохи, вызвавшая к жизни даже специальную теорию – теорию этнической эндогамии.

Смысл теории состоит в том, что семье отводится решающая роль в процессе воспроизводства этнофоров и, следовательно, этноса. "Механизм" воспроизводства с этой точки зрения обусловлен тем, что подавляющее большинство лиц, принадлежащих к каждому этносу, вступает в браки и образует семьи с партнерами той же этнической принадлежности, т.е. налицо этническая эндогамия; этноэкзогамные (смешанные) браки и семьи, впрочем, могут иметь место, но их число не должно превышать 20–25%; в противном случае может произойти "прорыв эндогамии" и этнос подвергнется ассимиляции. Описанная концепция основана на значительном числе наблюдений: действительно уровень межэтнической брачности

у народов, имеющих более или менее нормальное воспроизводство, обычно не превышает 12–15%.

Следует, впрочем, заметить, что попытки воспрепятствовать усилению роста межэтнических браков (это типично для откровенно националистических режимов и политических партий) обычно не приводят к успеху: объективный процесс межэтнического взаимодействия в сфере семьи едва ли может быть остановлен. Вопрос об этнической принадлежности детей от смешанных браков чаще всего разрешается в пользу той этнической среды, в которой эти дети проходят социализацию – материнской, отцовской, а нередко – и какой-нибудь третьей.

В числе наиболее важных, хотя внешне и неярких, изменений в строении современных этносов нужно указать на быстрые сдвиги в их социальном составе. Интенсивная, почти взрывная индустриализация, а также аграрные кризисы, совершающиеся во многих регионах и странах, превратили массы крестьян-общинников в рабочих, мелких торговцев, безработных, заставив большинство их переселиться в города. Адаптация к городским условиям, трудная сама по себе, для них часто сопряжена с желательностью, а порой с необходимостью усвоения другого языка, других культурных навыков. Например, в ряде городов Индии это отчасти связано с включением в местную англоязычную культуру, в Алжире – во франкоязычную, в бывшем Советском Союзе, а теперь в России и странах СНГ это сопряжено с включением (хотя бы частичным) в русскоязычную культуру и т.п.

Подобная интеграция в сложные, нередко маргинальные (крайние, промежуточные) условия особенно часто требуется от национальной интеллигенции (рабочников, занятых умственным трудом). Чиновники-управленцы и офицеры вооруженных сил, врачи и учителя, адвокаты и инженеры – они нередко вступают в конкурентные отношения, в которых этническая принадлежность играет определенную роль. Обладая более развитым (сравнительно с другими социальными слоями) сознанием и самосознанием, именно эти люди чаще других ставят и формулируют проблемы, имеющие этническую окраску. Именно среди них обычно появляются личности, принимающие на себя роль представителя нации (в науке, политике, общественной жизни и т.п.), роль национального лидера или героя и проч.

Претензии на выполнение этих последних функций особенно часто предъявляют члены в каждом этносе небольшой, но влиятельной социальной группы – художественно-гуманитарной творческой интеллигенции (писатели, журналисты, художники, научные работники гуманитарного профиля и др.). Положение и функции этой группы сложны, так как сущность ее деятельности состоит в противоречивом сочетании национальных (этнических) и интернациональных (региональных или общечеловеческих) начал. Создать динамическое равновесие обоих начал психологически трудно, в силу чего представители национальной художественной интеллигенции самим своим положением побуждаются к импульсивным, эмоциональным реакциям в особенности в тех случаях, когда их профессиональные интересы, отождествляемые ими с интересами своего этноса (нации), подвергаются ущемлению или кажутся им ущемленными.

Рассматривая каждую из компонент этноса, как они функционируют в конце XX в., приходится сделать заключение, что все компоненты в нашу эпоху переживают существенные перестройки – каждая в отдельности и все вместе как целостность. Наблюдая все это, трудно отказаться от мысли, что современное общество находится в преддверии качественных сдвигов, которые должны произойти с этносами в предстоящие десятилетия. Не исключено, что ведущим генератором ожидаемых сдвигов глобального характера станут радикальные изменения в тех секторах производительных сил, которые наиболее тесно сопряжены с процессами, выражающими и символизирующими совершающуюся научно-техническую революцию (НТР), автоматизацию производства, уплотнение информационных полей в связи с компьютеризацией, ростом объемов информационных потоков, проходящих через средства массовой информации (СМИ) и т.п.

Естественно, далее, предположить, что обсуждаемые процессы также будут подчинены закону неравномерности, как и глобальные этнические процессы. В контексте этого становится понятнее значение переходных, маргинальных, контактных групп и слоев, которые образуются как внутри этносов (группы с элитной культурой, группы с массовой культурой, группы с субкультурой бедности и нищеты и многие другие), так и в зонах и сферах межэтнических взаимодействий (этноконтактные, смешанные, этнодисперсные и т.п.). Каждая со своими интересами и ориентациями, со специфическими (социальными) запросами, они склонны к сильным эмоциональным реакциям и бывают способны к быстрой социальной мобилизации. Если к сказанному добавить, что все большая подвижность и контактность крупных масс разноэтнического, разноязычного, разнорасового и разноконфессионального населения планеты имеют тенденцию усиливаться и становиться повсеместным явлением, то тем самым будут подчеркнуты сложность и противоречивость, внутренняя накаленность и напряженность современной ситуации в социоэтносфере Земли.

Принимая во внимание все сказанное выше, можно легко понять, что в мире в целом и в отдельных его регионах всегда есть значительные контингенты людей, объединенных этнической принадлежностью и готовых к восприятию весьма радикальных и даже экстремистских призывов, а также к разнообразным, в том числе массовым и даже и вооруженным, действиям. Такого рода действия как в публицистике, так и в научной литературе принято называть межэтническими конфликтами. Следует, впрочем, отметить, что строгое и общепринятое определение межэтнического конфликта в научной литературе не сложилось. Одни авторы считают, что любое противоречие между этносами следует считать конфликтом, полагая, что такие конфликты – от скрытых (латентных) до кровавых вооруженных столкновений – представляют собою спонтанно возникающие и проявляющиеся формы восстановления динамического равновесия в обществе. Этот абстрактно-метафизический взгляд, отличающийся сухим академизмом, хотя и отражающий некую долю реального, удобен для тех, кто его придерживается, потому что избавляет как от необходимости деятельно вмешиваться в конфликтные ситуации, так и от ответственности за их исход.

Другие специалисты полагают, что межэтнические конфликты – это лишь иллюзия или амальгама, под тонким слоем которой скрыты обычные социальные интересы и притязания – интересы экономических групп, политических сил и криминальных объединений. Межэтнические конфликты, согласно этим взглядам, провоцируются указанными силами, можно сказать, по произволу – в любое время, в любом объеме и в любом месте.

Позволительно думать, что оба суждения, будучи крайностями, едва ли могут быть названы вполне верными. Тем не менее вряд ли удастся отделаться от мысли, что в каждом из них содержится доля истины. Действительно, существуют независимые от желаний и воли людей условия и факторы, без которых никаких межэтнических конфликтов не могло бы быть: само наличие этносов с их сложным строением, неравномерность их исторического развития и распределения ресурсов, различие и социальных позиций в государстве и его институтах, наконец, этноцентристские установки и проч. Однако наряду с этим факты свидетельствуют о том, что достаточно детальные и беспристрастные расследования межэтнических конфликтов позволяют, как правило, обнаружить (или, по крайней мере, ясно почувствовать) присутствие провоцирующих и направляющих события, однако скрытых от наблюдения социальных сил, организаций и лиц. Этническая принадлежность и солидарность, объединение вокруг этнокультурных ценностей, этноцентристские установки служат формой (способом, методом, поводом и т.п.) социальной мобилизации масс народа для достижения целей, которые ставят перед собой социальные группы, занимающие в этносе лидирующее (командное, руководящее) положение. Более того, сами эти лидирующие социальные группы

(или их руководство) в свою очередь нередко пребывают в зависимости от могущественных экономических корпораций, разведывательных служб крупнейших государств, а иногда – преступных объединений.

Анализ разнообразного эмпирического материала показывает, что необходимо различать: 1) объективные и субъективные условия, в рамках которых может возникнуть межэтнический конфликт, 2) предконфликтную социально-этническую ситуацию, в составе которой могут быть выделены факторы, способные послужить собственно причинами или лишь поводами для возникновения конфликта, 3) наконец, собственно конфликты с их достаточно разнообразными формами и степенями выраженности.

Изучение межэтнических конфликтов, необходимое для уяснения их природы, характера и причин, а также возможностей их ослабления и прекращения, начинается с отнесения каждого случая к тому или иному типу или виду, т.е. с группировки (или классификации). Таких группировок к настоящему времени предложено немало. Одна из них делит конфликты на три стадийных типа. Первый (или низший) называют конфликтом психологических стереотипов. Этого рода конфликты характеризуются значительным элементом стихийности и неуправляемости движения. Его "уличные лидеры" выдвигаются на бессистемной основе. Поводом для возникновения каждого очередного конфликта обычно служат слухи или неблагоприятно перетолкованные реальные события (например, будто бы имевшие место убийства детей, насилия над женщинами и другими, национальность которых особо подчеркивается).

Стереотипы подозрительности, враждебности, коллективной мании преследования вырабатываются исподволь и обычно в течение длительного времени. Что же касается скрытых провокаторов конфликтов (организованных групп, о которых массы участников обычно не знают, но присутствие которых чаще всего выявляется следствием), то их действия остаются в тени и полностью редко становятся известны. Действия этих групп главным образом сводятся к роли "искры", "детонатора" или "спускового крючка", когда психологическая унификация индивидуальных позиций ("наших бьют!") достигла высокого уровня, а на инакомыслящих оказывается сильное психологическое давление ("долгой изменников!"). Полагают, что типичными случаями этой разновидности конфликтов можно считать "события" в Сумгаите (1988 г.), Фергане (1989 г.), Новом Узене (1989 г.) и др.

Более сложными и вместе с тем обладающими большей определенностью считаются межэтнические конфликты идеологических концепций (или доктрин). В отличие от предыдущего варианта этот второй тип межэтнического конфликта содержит в себе некоторую идеологическую (теоретическую, концептуальную) конструкцию, которая может включать в себя различного рода претензии и их оправдания, высказываемые от имени "народа", "нации". Мобилизация масс, относящихся к конфликтующим этносам, происходит вокруг некоторой суммы "теоретических истин", к которым чаще всего относятся следующие:

идея исторического приоритета ("наш" этнос более древний, чем "их"; "наши" предки жили на этой земле раньше других; следовательно, мы имеем больше прав на нее, чем кто бы то ни было);

обоснование ценности нации (этноса вообще, национального языка, национальной культуры и т.п.) как "абсолютной ценности", "святыни", не подлежащей критике;

оправдательная доктрина относительно "своей нации" и преимущественно осуждающая относительно другой: "наша демократия", "наша культура", "наша этика" лучше любой другой именно потому, что она "наша";

"наша нация" нуждается в защите от наплыва иноэтнических мигрантов (отсюда националистические лозунги типа "Германия – для немцев!" или "Болгария – для болгар"); нужно защитить "чистоту национального генофонда" ("долгой межнациональные браки!"); радикальная поддержка национального языка доходит до

научных фальсификаций ("двуязычие вредно отражается на здоровье наших детей") и т.п.;

"наша нация", "наш народ" нуждаются в законодательном, юридическом обеспечении их прав на территорию, ресурсы, такое, а не иное языковое поведение и т.п. в первую очередь, лишь в силу этнической принадлежности, несмотря на то, что подобное правотворчество может ущемлять интересы других этносов и этнофоров.

Эти и подобные построения, разумеется, имеют характер конфликтогенных доктрин, а не научных теорий; тем не менее их рационалистический тон и способ высказывания оставляют — пусть небольшое — место для дискуссии, которая при наличии доброй воли или при отсутствии сил продолжать межэтнический конфликт может открыть путь для компромисса и прекращения прямой конфронтации. Существенные черты такого рода конфликтов видны во многих фактах, связанных с распадом СССР, СФРЮ, а также в событиях в других регионах мира.

Третью разновидность межэтнических конфликтов обычно связывают со столкновениями политических институтов (организаций). Политические институты (партии, политические движения, органы государственной власти, вооруженные формирования и т.п.), национальные по составу своих участников и членов, а также по принятой фактически или даже официально идеологии, выступают в межэтнических конфликтах в качестве социальных структур, обладающих властью, влиянием и силой. Они в той или иной степени имеют реальную возможность приказывать, направлять, создавать организованные группы, подчиненные некоторой дисциплине и способные выполнять поставленные задачи. Полагают, что вступление в межэтнический конфликт политических институтов (так называемая институционализация конфликта) знаменует собою внешнюю стадию его развития, а кроме того, создает предпосылки для начала его ослабления и прекращения путем выработки компромисса с помощью переговоров. Проще говоря, возникают стороны (субъекты), которые могут вступить в переговоры.

Впрочем, наличие сторон еще не обеспечивает не только успеха переговоров, но даже и начала, а также сколько-нибудь длительного их течения. Исторический опыт говорит о том, что переговорный процесс — существенное, но не единственное и не универсальное средство для прекращения межэтнических конфликтов на институциональном уровне. Примеры такого рода конфликтов обильны в Индии, в районе Африканского Рога, в бывшем СССР и других регионах планеты.

Еще один способ классификации межэтнических конфликтов в качестве основания группировки избирает направленность, стратегическую цель этносоциального (национального) движения. Среди этих конфликтогенных движений выделяют:

автономистские, ставящие целью защиту интересов этнических общностей (примером чего служат разнообразные этнонациональные движения в Индии, приведшие к формированию штатов по этноязыковому принципу, требование автономии гагаузами в Молдавии);

сепаратистские движения, стремящиеся к отделению от полинационального государства (примеры общеизвестны);

ирредентизм, т.е. сепаратистское движение, выступающее за отделение некоторой территории, населенной частью этноса, с целью последующего присоединения к соседнему национальному государству (например, движение части греков-киприотов за эносис (воссоединение) с Грецией, части молдаван — за присоединение к Румынии и др.);

этноэгалитаристские движения, выдвигающие задачу уравнивания представителей этноса или этносов в правах, в занятии руководящих должностей в государственных органах и других руководящих и престижных сферах жизни и т.п. (подобные случаи нередки, среди них достаточно типичны борьба за равные права и возможности берберов в Северной Африке, евреев во многих странах Европы и

Америки, негритянских этнорасовых общностей в США и Южной Африке и др.);

антииммигрантские (почвеннические) движения (весьма типичные для развитых стран Западной Европы – антиалжирские во Франции, антитурецкие в Германии и проч.);

наконец, движения по поводу определенных сторон культуры, религии, языка и др.

Возможны и научно продуктивны, разумеется, и иные способы группировки случаев межэтнических конфликтов и столкновений, способствующие постижению их сущности, особенностей и типичных свойств. При этом на первый план неизбежно выдвигается вопрос о возможностях и способах выхода из межэтнических конфликтов, их ослабления и прекращения. В решении части этих задач принимает участие прикладная этнология.

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЭТНОЛОГИИ

Всякая наука не только удовлетворяет потребность в познании, в постижении окружающего людей реального мира, накапливая о нем фактические сведения и объясняя его с помощью теорий и гипотез, но также играет существенную прикладную, практическую (прагматическую) роль: выявляет, указывает и обосновывает возможности таких социальных действий, с помощью которых могут быть достигнуты те или иные реальные цели. Сведения о соседних племенах и народах с древнейших времен, несомненно, практически использовались в межэтнических общениях. Известно также, что с возникновением в середине XIX в. этнологической науки материалы этой дисциплины время от времени фигурировали при обсуждении и решении политических и иных практических вопросов.

Вместе с тем, как уже указывалось выше, постановка прикладных целей и задач в рамках самой этнологической науки, включение практических выводов и рекомендаций в состав планируемых исследовательских результатов – такая проблематика впервые выдвинута сторонниками функционалистского направления в течение первой четверти XX в. Несколько позднее, а отчасти синхронно с функционалистами (в то же время резко критикуя их теоретические и методологические принципы) практические задачи ставили и решали советские этнографы 20–30-х годов. Позднее прикладные этнологические исследования становятся обыденным явлением в мировой науке.

И хотя практика (известно, что теория ищет, но лишь практика находит подтверждение истины) как будто бы говорит о существенной роли прикладных этнологических разработок, тем не менее нельзя оставить без ответа вопрос: может ли общество сколько-нибудь существенно воздействовать на этнические или межэтнические процессы, в состоянии ли оно и, если да, то в какой мере, влиять на них? Иначе говоря: не иллюзия ли это (особенно в свете наблюдаемых жесточайших и, кажется, нескончаемых межэтнических конфликтов в разных регионах планеты), не напрасна ли надежда на возможность, желательность и благотворность управленческих решений и действий в сфере этнических процессов и межэтнических взаимоотношений?

Ответ на эти вопросы не может быть ни легким, ни простым. Управленческие воздействия в этнической сфере по сложности нисколько не уступают подобного рода акциям в любой другой области социальной жизни (экономике, администрации, культуре и т.п.), превосходя их по трудности исполнения, в частности, по причине отсутствия аппарата управления. Сложность усугубляется особой трудностью приобретения достоверной информации. Нет сомнения также, что при обсуждении данной темы следует с особой тщательностью отделять достаточно точные и правдивые данные, собранные и зафиксированные с соблюдением требований научной достоверности, от чрезмерно эмоционально окрашенных сообщений,

основанных на "здравом смысле", обыденном сознании, включающем в свой состав негативные стереотипы по отношению к "этническому врагу".

Имеются и другие трудности, в том числе научного характера. Известно, что чем более развита наука, чем полнее разработана ее теория, методология, методика и исследовательская техника, тем шире ее прикладные возможности, тем более она готова и способна выдвигать конструктивные практические идеи. Чем лучше изучены законы строения этноса в целом и его отдельных компонент, тем содержательнее могут стать прикладные исследования и разработки этнологов, эффективнее — их советы и рекомендации. И хотя в современную эпоху уровень развития этнологии не может считаться во всех отношениях оптимальным, тем не менее мобилизация и использование ее теоретико-методологических возможностей, будучи теперь явно недостаточно востребованным, при более интенсивном привлечении к практической деятельности могли бы оказать во многих случаях значительную помощь и уж во всяком случае уберечь от существенных ошибок.

Ответ на поставленные выше вопросы в общей форме, каковы бы ни были трудности, возникающие на пути практического использования этнологических знаний, можно дать положительный. Да, этнические явления и процессы поддаются управленческим воздействиям и существуют социальные силы, средства и инструментарий, с помощью которых удастся влиять в желаемом направлении на функционирование и развитие этих объектов.

Такие управленческие акции, однако, следует решительно отличать от произвольного и нередко злостного манипулирования социально-этническим сознанием отдельных этнических общностей (ведущих к кровавым вспышкам, националистическим погромам и т.п.). Когда речь идет о серьезных попытках управления этническими явлениями и процессами, то под этим подразумевается прежде всего научное знание реальных глубинных тенденций функционирования и развития этносов и создание на этой основе оптимальных условий для их развертывания и протекания. Оптимизация в рамках закономерности — вот принцип научного управления, не имеющий ничего общего с волюнтаристским произволом.

Одним из приемов прикладной этнологии, ранее других нашедших применение в практической жизни, является метод профессиональной экспертизы. Следует, впрочем, признать, что добросовестность такой экспертизы может в значительной степени зависеть от социально-политической ориентации экспертов. Ярким примером тому служит Мултанское дело (1892—1896 гг.) по обвинению группы крестьян-удмуртов в якобы совершении ими человеческого жертвоприношения. Приглашенный первоначально в качестве эксперта этнограф, отличавшийся консервативными взглядами казанский профессор И.Н. Смирнов, исходя из наличия, как он полагал, в фольклоре удмуртов следов (пережитков) человеческих жертвоприношений, пришел к выводу, что и в современную судебную эпоху нельзя исключить возможности оживления этого пережитка.

Вывод, что и говорить, был предвзятым, содержал в себе не только историко-этнологическую и логическую ошибки, но и выглядел как прямое прислужничество перед государственным обвинением. И лишь при пересмотре дела, которое состоялось благодаря вмешательству российской демократической общественности (В.Г. Короленко, А.Ф. Кони и др.), и привлечении объективных и демократически настроенных экспертов-этнологов (С.К. Кузнецова и Г.Е. Верещагина) защите удалось добиться оправдания ни в чем неповинных людей.

Как уже говорилось выше, в 20—30-е годы использование этнологических (социально-культурно-антропологических) значений получило заметное развитие. Известный ученый, один из основоположников функционалистского течения в этой науке, Б.К. Малиновский — выступал с лекциями перед чиновниками — администраторами британских колоний; некоторые из последователей Б.К. Малиновского и А.Р. Рэдклиффа-Брауна сотрудничали с колониальной администрацией, иные из них вносили предложения, направленные на улучшение положения

колониальных народов. Российские этнологи немало сделали для приобщения народов Севера и Сибири к современным формам культуры (создание письменности на местных языках, внедрение гигиенических навыков и мн. др.); принимали деятельное участие в сложной и длительной кампании по преодолению обычая кровной мести у народов Северного Кавказа; участвовали в работах по составлению карт расселения народов страны и т.п.

Нужно, правда, с большим сожалением отметить, что уже в 30-е годы и позднее (в период сталинского автократизма и террора) не только прикладные исследования и разработки в области этнологии (этнографии) были прекращены, но и сама наука оказалась сведенной до уровня вспомогательной исторической дисциплины. И лишь в наше время – очень медленно и постепенно – прикладной этнологии удастся заявлять о своих практических возможностях и служить делу взаимопонимания и сближения народов.

Задачи и возможности прикладной этнологии следует понимать широко и разноаспектно. Этнос – многокомпонентное социальное образование, и данные прикладной этнологии могут быть полезны в разных случаях и по разным поводам. Вот некоторые из них:

- деятельность (теоретическая и практическая) по преодолению межэтнических конфликтов и противоречий;

- обнаружение (прогнозирование) потенциальных межэтнических конфронтаций и их предупреждение;

- содействие формированию государственной и(или) общественной этнологической службы в стране, способной взять на себя заботу по многостороннему изучению народов России и сопредельных стран и по разработке программ их сотрудничества и сближения;

- проектирование культурных программ кросс-культурного обмена и взаимодействия;

- исследование возможных последствий крупных технико-экономических проектов и, в случае необходимости, создание программ этнозащитных мероприятий;

- изучение этнических аспектов экономических программ (например, изучение этнического своеобразия покупательского спроса на те или иные изделия промышленности);

- распространение этнологических знаний в самых широких кругах народов путем преподавания основ этой науки в школах (в том числе написание учебных программ, учебников и иных пособий) и т.п.

Любой этнический процесс осуществляется через деятельность и общение людей по поводу производства, социальной жизни, культурной активности и многих других форм и проявлений социальной и индивидуальной жизни. Поэтому для прикладной этнологии существенны не только выражения этнического сознания и самосознания (значение которых, впрочем, никто не отрицает), но также внутренняя организация этноса, его субэтническая стратификация на разнообразные слои, круги, группы, общины и институты, сложные взаимодействия которых обуславливают психологические установки, воздействуют на формирование целостных (среди них этнических) ориентаций, влияют на формирование потребностей и интересов, в том числе имеющих этнический оттенок.

Полезно также принять во внимание, что среди разнообразных стратов, кругов, сословий и иных крупных социальных структур обычно удается различить такие, которые занимают в данном обществе доминирующее положение и интересы которых могут быть более или менее определенно установлены.

Из сказанного видно, что в определении этнических интересов, тенденций, противоречий и т.п. необходимо исходить из позиций, занимаемых этими влиятельными, нередко доминирующими слоями, а уже после этого учитывать программы, лозунги и призывы политических организаций, движений, партий и союзов. Сделать это трудно и сложно, но эффективность прикладных разработок и

рекомендаций зависит от того, насколько удастся преодолеть подобного рода трудности. Ибо разные слои, фракции и сегменты этносов по одному и тому же "этнически окрашенному" вопросу чаще всего занимают различные позиции и придерживаются неодинаковых взглядов. Полное этническое единство постоянно декларируется, но очень редко отвечает реальному состоянию сознания и положения социальной мобилизации масс.

Таков один из важнейших методологических принципов, необходимый в качестве отправной точки для начала серьезного прикладного этнологического исследования. В современной науке разработан обширный набор конкретных методов и приемов, с помощью которых осуществляются такого рода исследования и разработки. Разумеется, что в них используются все методы, которыми пользуется этнологическая наука.

Вместе с тем реализация прикладных этнологических исследований требует и специальных методов. Выше уже упоминалось о методе профессиональной экспертизы, о прогнозировании межэтнических напряженностей и конфликтов. При улаживании такого рода конфликтов может оказаться полезным метод переговоров между противоборствующими сторонами. В ряде случаев бывают эффективными использование пропагандистских приемов, включение в процесс взаимодействия аппарата государственного управления, общественных и религиозных организаций и проч. Особенно полезным и эффективным будет создание Государственной этнологической службы, укомплектованной высокопрофессиональными кадрами. Однако, как бы то ни было, каждый этнолог, работая в области прикладной этнологии, не может не руководствоваться мыслью о том желанном будущем,

"Когда народы, распри позабыв,
В счастливую семью соединятся"

(А.С. Пушкин).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате ознакомления с предшествующими главами учебника можно сделать ряд существенных заключений. Прежде всего становится яснее и понятнее общая этническая картина мира, основанная на данных науки. Этнология (этнография) в состоянии фиксировать и воспроизводить эту картину не только в виде, так сказать, сиюминутной фотографии, но и в форме исторического процесса ее становления. Именно поэтому этническая картина современного мира делается нам ближе, доступнее и отчетливее. Она раскрывается перед нами не как беспричинное скопление масс разноэтничного населения, но как закономерный результат сложного и трудного этноисторического развития социальной жизни на нашей планете.

Опираясь на знания этнологии, кроме того, легче себе представить реальное многообразие этнических культур и региональных цивилизаций на Земле. Их изучение дает возможность ощутить и постигнуть несводимость каждой культуры или региональной цивилизации к другой или другим, их высокую общечеловеческую значимость. Из этого следует, что их наличие представляет собой объективную основу разнообразных культурных связей, взаимодействий и обмена, но принадлежность к ним людей не может рассматриваться в качестве права на какие-либо преимущества, какую-либо исключительность. Этнология (этнография) как наука подкрепляет своими материалами и выводами самую высокую ценность принципов равноправия народов, важность и историческую ценность всех этнических культур, значимость интерэтнической солидарности народов в борьбе за социальную справедливость и культурный прогресс.

Опыт изучения эмпирических данных нашей науки отчетливо выявляет существенную роль этнического (национального) фактора в мировой и отечественной истории, а также в современной жизни общества. Накопленный опыт свидетельствует о том, что бытующее утверждение, будто лишь в XX в. этот фактор приобрел важное значение, скорее всего ошибочно. Этнический фактор, несомненно, оказывал свое воздействие в течение всей истории человечества и продолжает действовать в наше время; однако способы, формы и характер его проявления могли и могут быть разными: они имеют эпохальные и региональные особенности. Так как население Земли состоит из многих этносов, то и отношения между социальными группами, институтами и отдельными людьми часто приобретают этническую окраску.

Изучение этнологии (этнографии), наконец, помогает обществу выработать соответствующие понятия и термины, т.е. адекватный язык, при помощи которого можно обсуждать этнические проблемы. Без такого специального языка этническое познание, понимание и объяснение того, что относится к этносам или связано с ними, оказались бы неэффективны.

И в самом деле: чтобы иметь возможность достигать все более полного знания, все более ясного понимания возникновения, эволюции и функционирования этносов; чтобы установить "природу" их внутреннего строения и формы внешнего проявления; чтобы представить себе пути и характер их развития в будущем, — для всего этого требуется совершенствование знаний об этносах и межэтнических отношениях. Оно осуществимо, очевидно, при условии более глубокого познания сущности, глубинных свойств тех объектов, которые изучает этнология (этнография), при условии, следовательно, постижения законов, определяющих их бытие. Только на основе знания объективных законов строения, функционирования и эволюции этносов возможно научное объяснение того, что с ними происходило в прошлом и происходит в наше время.

Понятно, что все это удастся осуществить лишь путем усиления работы по сбору и накоплению информации, представляющей этнологический (этнографический) интерес. Этнологов ожидает интенсивная работа в экспедициях, архивохрани-

лицах, библиотеках, фондах музеев и т.п. Вместе с тем международный и отечественный опыт говорит о том, что предстоящая деятельность в этой области должна отличаться — по сравнению с прошлым — качественно новыми особенностями. Требования, предъявляемые к этнологической информации многими современными исследователями, состоят в том, чтобы такая информация была собрана и содержалась бы в более организованном виде — в виде банков данных по разнообразным аспектам нашей науки, снабженных автоматизированными информационно-поисковыми системами. Предстоит продолжить работу по компьютеризации переработки этнографической информации.

Решение встающих перед этнологией (этнографией) задач предполагает расширение, обогащение арсенала ее методов, технических приемов и средств научной работы. К уже освоенным философским и общенаучным способам исследования и подходам должны присоединиться структурно-функциональный, системный, экспериментальный и др. Методы сбора, переработки и интерпретации эмпирических данных следует организовать таким образом, чтобы обеспечить изучение зарождения этносов, их исторической эволюции, современного функционирования, а также прогнозирование тенденций их развития в обозримой перспективе.

Что касается современных технических устройств, то этнология нуждается в компьютерах, видеокамерах, магнитофонах и прочем ничуть не менее, чем другие отрасли науки.

Этнология существует и действует в системе наук, но ее связи и взаимодействие с другими науками складывались и складываются неодинаково. На том этапе, когда, например, отечественная этнология видела свои приоритетные задачи в изучении этногенеза, истории культур и институтов, возникло ее тесное взаимодействие с физической антропологией (расоведением), историей, археологией, географией и исторической лингвистикой. Актуализация изучаемых этнологией проблем побудила этнологов к уже имевшимся добавить связи с социологией, социальной статистикой, психологией и кибернетикой. В наше время необходимость осуществлять прогнозирование этнических процессов, несомненно, побудит этнологов освоить также методы экстраполяции, экспертных оценок и имитационного моделирования этнической динамики. Этнографию (этнологию) справедливо относят к числу гуманитарных — исторических — наук. Это верно не только потому, что наша наука исследует определенные (этнические) аспекты бытия человека и социальные человеческие общности (этноты), но еще вследствие того, что она ставит перед собой гуманные цели. Одна из главнейших целей, вытекающая из предмета науки и смысла ее социальных функций, состоит в том, чтобы способствовать позитивному взаимопониманию между народами, культурному сближению и взаимообогащению, всем формам мирных контактов, связей, обменов и взаимодействий. Исследование этносов может успешно и продуктивно сопрягаться с современными движениями за возрождение национальных (этнических) культур, с инициативами по созданию этнографических музеев, с ростом интереса к фольклору, национальному народному искусству и т.п.

В ответ на возникающий общественный запрос, очевидно, будет возрождаться и усиливаться тот раздел нашей науки, который называют прикладной этнологией. Прикладная этнология может сыграть позитивную роль при изучении тенденций развития этносов, межэтнических отношений (в том числе путем исследования межэтнических противоречий и конфликтов), при планировании и осуществлении разнообразных экономических, культурных и иных программ; выступая в качестве научных экспертов, специалисты-этнологи смогут содействовать оптимизации протекания этнических процессов.

Заключая сказанное выше, следует также отметить, что осуществление всех намечающихся тенденций будет в решающей степени зависеть от уровня квалификации и достаточного количества кадров профессиональных этнологов (этнографов), от тех, кому предстоит работать в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЭТНОЛОГИИ

- Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.
Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.
Громов Г.Г. Методика этнографических экспедиций. М., 1966.
Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1991.
Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983.
Липс Ю. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. М., 1954.
Марков Г.Е. История хозяйства и материальной культуры. М., 1979.
Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.
Статистика в этнографии. М., 1985.
Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1958.
Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1984.
Этнические процессы в современном мире. М., 1987.
Пучков П.И. Современная география религий. М., 1975.

ИСТОРИЯ НАУКИ

- Марков Г.Е. Очерки истории немецкой науки о народах. М., 1993.
Никшиенков А.А. Из истории английской этнографии. Критика функционализма. М., 1986.
Токарев С.А. История русской этнографии (дооктябрьский период) М., 1966.
Токарев С.А. Истоки этнографической науки (до середины XIX в.) М., 1978.
Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Атлас народов мира. М., 1964.
Брук С.А. Население мира. М., 1981.
Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988.
Свод этнографических понятий и терминов (в 4-х выпусках):
а) Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.
б) Этнография и смежные дисциплины. Субдисциплины: школы и направления; методы. М., 1988.
в) Материальная культура. М., 1989.
г) Народные знания; фольклор, народное искусство. М., 1991.

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

- Австралия, Океания, Антарктида. Сер. "Страны и народы". М., 1981.
Артемова О.В. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. По австралийским этнографическим данным. М., 1987.
Бутшинов Н.А. Папуасы Новой Гвинеи (хозяйство, общественный строй) М., 1988.
Кабо В.Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969.
Народы Австралии и Океании. Сер. "Народы мира". Этнографические очерки. М., 1956.
Пучков П.И. Население Океании. М., 1967.
Пучков П.И. Формирование населения Меланезии. М., 1968.
Пучков П.И. Этническое развитие Австралии. М., 1987.
Пучков П.И. Этническая ситуация в Океании. М., 1983.

НАРОДЫ ЗАПАДНОЙ АЗИИ

- Аристова Т.Ф. Материальная культура курдов XIX – первой половины XX в. М., 1990.
Еремеев Д.Е. Этногенез турок. М., 1971.
Курылев В.П. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства. М., 1976.
Лозашиова Б.Р. Туркмены Ирана. М., 1976.
Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976.
Народы Западной Азии. Сер. "Народы мира". Этнографические очерки. М., 1964.
Шпажников Г.А. Религии стран Западной Азии. М., 1976.

НАРОДЫ ЮЖНОЙ АЗИИ

- Аширфян К.Э. Дели. История и культура. М., 1987.
Гусева Н.Р. Индуизм. М., 1977.
Дрида А.Д., Кочнев В.И., Семашко И.М. Индийцы и пакистанцы за рубежом. М., 1978.
Кочнев В.И. Шри-Ланка. М., 1976.
Малые народы Южной Азии. Сер. "Народы мира". Этнографические очерки. М., 1963.
Семашко И.М. Бхилы. М., 1975.
Трубецкой В.В. Бахтиары. М., 1966.

НАРОДЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

- Кашмадзе И.И. Индонезия: острова и люди. М., 1987.
Марков Г.Е. Народы Индонезии. М., 1965.
Народы Юго-Восточной Азии. Сер. "Народы мира". Этнографические очерки. М., 1966.
Пффеффер П. Бивуаки на Борнео. М., 1964.
Резуникова Е.В. Народы Малайзии и Западной Индонезии. М., 1980.
Стратанович Г.Г. Народные верования населения Индокитая. М., 1978.
Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979.
Чеснов Я.В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.
Шпажников Г.А. Религии стран Юго-Восточной Азии. М., 1980.

НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

- Арутюнов С.А. Современный быт японцев. М., 1968.
Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.
Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М., 1976.
Крюков М.В. Система родства китайцев. М., 1972.
Крюков М.В., Малайш В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.
Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976.
Народы Восточной Азии. Сер. "Народы мира". Этнографические очерки. М., 1965.
Спеваковский А.Б. Самурай — военное сословие Японии. М., 1981.
Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Китая. М., 1982.

НАРОДЫ АФРИКИ

- Дэвидсон Б. Африканцы. Введение в историю культуры. М., 1975.
Исмагилова Р.Н. Этнические проблемы современной Тропической Африки. М., 1973.
Калиновская К.П. Скотоводы Восточной Африки в XIX–XX вв. М., 1989.
Львова Э.С. Этнография Африки. М., 1984.
Народы Африки. Сер. "Народы мира". Этнографические очерки. М., 1954.
Попов В.А. Этносоциальная история аканов в XII–XIX вв. М., 1990.
Райт М.В. Народы Эфиопии. М., 1965.
Традиционные и синкретические религии Тропической и Южной Африки. М., 1986.
Шпажников Г.А. Религии стран Африки. М., 1981.
Эване-Причард Э. Нуэры. М., 1985.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

- Америка после Колумба. М., 1992.
Гариласо де ла Вега. История государства инков. Л., 1974.
Кыжжалов Р.В. Культура древних майя. Л., 1971.
Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. М.-Л., 1963.
Ланда Д. де Сообщения о делах в Юкатане. М.-Л., 1955.
Лас Касас Б. де. История Индии. Л., 1988.
Леви-Стросс К. Печальные тропики. М., 1984.
Морган Л.-Г. Дома и домашняя жизнь американских индейцев. Л., 1934.
Народы Америки. М. 1, 2. Сер. "Народы мира". Этнографические очерки. М., 1959.
Пополь-Вух. Родословная владык Тотоникарана. М.-Л., 1959.
Путешествия Христофора Колумба (дневника, письма, документы). М., 1952.
Североамериканские индейцы. М., 1978.
Файнберг Л.А. Обманчивый рай: человек в тропиках Южной Америки. М., 1986.
Хлебников К.Т. Русская Америка в записках Кирилла Хлебникова. М., 1985.
Этнические процессы в странах Карибского моря. М., 1982.
Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

- Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы. М., 1990.
Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX в.: Зимние праздники. М., 1973; Весенние праздники. М., 1977; Летне-осенние праздники. М., 1978.
Культура и быт народов зарубежной Европы. Этнографические исследования. М., 1967.
Нидерде Л. Славянские древности. М., 1956.
Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М., 1968.
Этнические процессы в странах зарубежной Европы. М., 1970.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ

- Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России (XVIII – начало XIX в.). М., 1984.
Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения Средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977.
Будина О.Р., Шмелева М.Н. Город и народные традиции русских. М., 1989.
Власова И.В. Семья и семейный быт сибирского крестьянства (Этнография русских крестьян Сибири XVII – середина XIX в.). М., 1981.
Волков Ф.К. Этнографические особенности украинского народа: украинский народ в его прошлом и настоящем. Петроград, 1916. Т. 2.
Восточнославянский этнографический сборник. ТИЭ АН СССР. Новая серия. М., 1956. Т. XXXI.
Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
Довнар-Запольский М.В. Белорусы. Этнографический очерк. СПб., 1905.
Заседателена Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974.
Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
Крупнянская В.Ю. и др. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила. 1917–1970. М., 1974.
Крупнянская В.Ю., Подицук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.). М., 1971.
Науко В.И. Украинцы. Киев, 1980.
Пилипенко М.Ф. Этнография Белоруссии. Минск, 1981.
Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, собранные М. Забылиным. М., 1880.
Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX в. М., 1957.
Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987.

НЕСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ

- Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.
Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983.
Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.
Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974.
Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972.
Мордва. Саранск, 1981.
Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985.
Пименов В.В. Вепсы. М.-Л., 1965.
Пименов В.В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977.
Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.
Удмурты. Ижевск, 1993.

НАРОДЫ СИБИРИ

- Народы Сибири. М.-Л., 1956.
Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л., 1961.
Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970.
Этногенез народов Севера. М., 1980.

НАРОДЫ КАВКАЗА

- Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М., 1967.
Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. М., 1974.
Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
Инал-Ипа И.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976.

- Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. 1980. Т. I-II.
- Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.
- Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961.
- Культура и быт народов Северного Кавказа (1917-1967 гг.). М., 1968.
- Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.
- Лавров Л.И. Этнография Кавказа. Л., 1982.
- Тер-Саркисянц А.Е. Современная семья у армян. По материалам сельских районов Армянской ССР. М., 1972.
- Хозяйство и материальная культура народов Кавказа. М., 1968.
- Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978.

НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

- Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
- Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинения Абул-Гази хана Хивинского. М.-Л., 1958.
- Костюм народов Средней Азии. М., 1979.
- Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976.
- Народы Средней Азии и Казахстана: Сер. "Народы мира". Т. I. М., 1962; Т. II. М., 1963.
- Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М., 1980.
- Поляков С.П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989.
- Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
- Сухарева О.А. Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960.
- Сухарева О.А. Бухара. XIX - начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966.
- Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (Г.Е. Марков, В.В. Пименов).....	3
Глава первая	
ЭТНОЛОГИЯ: ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ, ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ (В.В. Пименов).....	5
Глава вторая	
КЛАССИФИКАЦИИ НАРОДОВ МИРА (Г.Е. Марков).....	15
Глава третья	
ОЧЕРК ИСТОРИИ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ (Г.Е. Марков).....	34
Глава четвертая	
ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ (ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ) ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ (В.В. Пименов).....	44
Глава пятая	
НАРОДЫ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ (П.И. Пучков).....	54
Глава шестая	
НАРОДЫ ЗАПАДНОЙ АЗИИ (Г.Е. Марков).....	81
Глава седьмая	
НАРОДЫ ЮЖНОЙ АЗИИ (Г.Е. Марков).....	98
Глава восьмая	
НАРОДЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (Г.Е. Марков).....	118
Глава девятая	
НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (М.В. Крюков).....	137
Глава десятая	
НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА (К.П. Калиновская, Э.С. Львова).....	150
Глава одиннадцатая	
АМЕРИКА: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РЕГИОНЫ, НАРОДЫ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ (Э.Г. Александренков, В.В. Пименов).....	195
Глава двенадцатая	
НАРОДЫ ЗАПАДНОЙ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ (В.И. Козлов)...	233
Глава тринадцатая	
СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (Л.Б. Заседателева).....	256
Глава четырнадцатая	
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ (Л.Б. Заседателева, В.В. Пименов).....	268
Глава пятнадцатая	
НЕСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (К.И. Козлова).....	295
Глава шестнадцатая	
НАРОДЫ СИБИРИ (В.В. Карлов, Л.П. Лашук).....	309
Глава семнадцатая	
НАРОДЫ КАВКАЗА (К.И. Козлова).....	333
Глава восемнадцатая	
НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (С.П. Поляков).....	346
Глава девятнадцатая	
ЭТНОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ.....	361
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (В.В. Пименов).....	377

Учебное издание

ЭТНОЛОГИЯ

УЧЕБНИК

ДЛЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Заведующая фирмой "Наука экономика"

В.С. Баковецкая

Редакторы издательства *Р.С. Головина, Т.Е. Филиппова*

Художник *В.В. Медведев*

Художественный редактор *Г.М. Коровина*

Технические редакторы *З.Б. Павлюк, О.В. Аредова*

Корректоры *Н.Л. Голубцова, Т.И. Шеповалова*

Набор выполнен в издательстве на компьютерной
технике

Н/К

ЛФ № 020297 от 27.11.91

Подписано к печати 19.07.94

Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура Таймс

Печать офсетная. Усл.печл. 31,2

Усл.кр.-отг. 31,5. Уч.-издл. 35,3

Тираж 4000 экз. Тип. зак. ~~4514~~ Заказное

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство "Наука", 117864 ГСП-7

Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Московская типография № 2 РАН

121099 Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

БЕСПЛАТНО

ПРОГРАММА
ОБНОВЛЕНИЕ
ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИИ